

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2011

**ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ XX ВЕКА**

Конец 1910-х — начало 1990-х годов

Хрестоматия

Автор-составитель
В.В. Перхин

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2011

УДК 371(082)
ББК 76.01я7
И90

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках федеральной
целевой программы «Культура России»*

Рецензент:
д-р истор. наук, профессор *Р.П. Овсянян*

История журналистики Русского зарубежья XX века.
И90 Конец 1910-х — начало 1990-х годов : хрестоматия / авт.-
сост. В.В. Перхин. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. — 552 с.
ISBN 978-5-9765-0339-7 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-034819-6 (Наука)

Хрестоматия включает наиболее характерные, забытые и малоизвестные публицистические тексты из ведущих газет и журналов всех периодов пореволюционной русской эмиграции.

Для преподавателей, студентов вузов и практиков современной русской журналистики, желающих освоить исторический творческий опыт эмигрантской прессы.

УДК 371(082)
ББК 76.01я7

ISBN 978-5-9765-0339-7 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-034819-6 (Наука)

© Перхин В.В., 2011
© Издательство «ФЛИНТА», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От автора-составителя	8
-----------------------------	---

Часть первая. Предыстория. 1917–1919

В.В. Шульгин. «Республика с царем»	10
Последняя статья «Киевлянина»	16
Н.В. Устрялов. Крушение интернационала	19
Немецкая ориентация	25
И.М. Василевский. Россия будет!	29
Д.Н. Овсяннико-Куликовский. Интеллигенция и единство России	34
Интеллигенция и возрождение России	37
П.Б. Струве. Откровенное слово	40

Часть вторая. Между войн. 1920–1940

В.В. Шульгин. Белые мысли (Под Новый год)	44
Н.В. Устрялов. Проблема «возвращения»	49
Л.С. «Современные Записки». Общественно-политический и литературный журнал. № 12. Париж. 1922 г.	56
А.Н. Толстой. Рыцарь	59
Открытое письмо Н.В. Чайковскому	61
А.С. Изгоев. А.В. Пешехонов. Почему я не эмигрировал? Изд. «Обелиск». Берлин. 1923 г.	66
А.И. Куприн. Честь имени	70
П.Б. Струве. Ни гордыни, ни самоуничижения	79
Наши идеи	81
И.А. Ильин. Кто совершил?	84
П.Н. Милюков. Речь на празднике Русской культуры	90
В.В. Сухомлин. В кольце измен. Измена Троцкого, Сталина, Бухарина, китайцев, англичан и др.	96
П.Б. Струве. Две творческие идеи в политике возрожденной России ...	114
Д.П. Святополк-Мирский. К вопросу об отличии России от Европы ...	116
Г.П. Федотов. Будет ли существовать Россия?	121
А.С. Изгоев. Вопросы нашей эпохи	135
Н.А. Бердяев. Л. Троцкий. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Два тома. Издательство «Гранат». Берлин. 1930 г.	137
Н.В. Устрялов. О революционном тягле	141
И.А. Лаговский. Там, где с Богом борются	147
П.Б. Струве. Против пустословия (по поводу толков о «плановом хозяйстве»)	155
Н.С. Трубецкой. Об идее-правительнице идеократического государства ...	160

И.Л. Солоневич. «Реформы» в колхозах	168
О статье А.Ф. Керенского	178
Г.П. Федотов. «Путь», орган русской религиозной мысли. Изд. религиозно-философской Академии в Париже	181
А.Ф. Керенский. После выборов без выборов	184
Н.А. Бердяев. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции	199
А.Л. Казем-Бек. Русский ответ Адольфу Гитлеру	206
Л.Д. Троцкий. Сталин — интендант Гитлера	213
Н.Д. Авксентьев. «Фронт мира» и Россия	220

Часть третья. В годы нашествия. 1941–1945

М.А. Осоргин. Люди земли	234
Н.Д. Авксентьев. Россия в войне	240
Р.В. Иванов-Разумник. Хождение над бездной	252
М.Л. Слоним. Заметки о русском сопротивлении	259
Н.С. Тимашев. Война и религия в советской России	270
П.А. Гарви. Роспуск Коминтерна	288
П.Н. Милюков. Правда о большевизме	297
Н.А. Бердяев. Власть прошлого и грядущее	304

Часть четвертая. От «холодной войны» до «разрядки». 1946–1972

Н.А. Бердяев. О творческой свободе и о фабрикации душ	311
В.Д. Поремский. Памяти героев	318
М.М. Коряков. Встреча на чердаке	322
Б.К. Зайцев. Россия	337
И.М. Херасков. Путь российской революции	342
А.М. Ренников. Могучий язык	348
М.М. Карпович. Еще об эмиграции	353
С.С. Оболенский. На путях в будущее	362
Н.С. Тимашев. Очернение Сталина	375
А.В. Тыркова-Вильямс. Коммунизм на ущербе (George C. Guins. “Communism on the Decline”. Нагва. 1956)	383
А.П. Столыпин. «Вся правда» Роже Гароди	381
З.А. Шаховская. От частного к общему	395
Личное о Н.С. Хрущеве.....	399

Часть пятая. Во времена «разрядки» и «перестройки». 1973–1991

С.С. Малевский-Малевиц. Чем располагает Советский Союз	403
З.А. Шаховская. Опустошение государства	409
К.Д. Померанцев. Памяти Святослава Малевского-Малевица	411

А.И. Солженицын. Сахаров и критика «Письма вождям»	413
С.А. Левицкий. Трагедия свободы — современный вариант (О подрыве свободы изнутри)	421
В.Е. Максимов. Интервью о журнале «Континент»	434
Вечная ткань культуры	445
С.Д. Довлатов. Лев Тимофеев — в тюрьме	451
Г.Н. Владимов. Необходимое объяснение	454
И.Н. Андрушкевич. Политические зигзаги в исторической перспективе	460
Ю.М. Кублановский. Юбилейный «Вестник РХД»	466
И.А. Иловайская. К 20-летию «нормализации» Чехословакии	472
Н.А. Тюльпинов. Год скорбного торжества	476
В.Д. Поремский. Надеяться и действовать	486

Часть шестая. В начале 1990-х годов

В.Е. Максимов. В преддверии нашего завтра	496
К.Ф. Синькевич. Почти обзор	500
Г.Н. Владимов. Только что же он сможет один... К возвращению Солженицына	510
Примечания	514
Литература	528

От автора-составителя

В настоящее время в высших учебных заведениях страны одной из важных дисциплин является «История журналистики Русского зарубежья XX века». Издание сборника текстов, из которых когда-то составлялись номера газет и журналов, отвечает потребностям студентов и преподавателей в углубленном изучении проблематики и мастерства русских зарубежных журналистов. Произведения только некоторых выдающихся деятелей журналистики (П.Б. Струве, А.И. Куприн, Г.П. Федотов, Н.В. Устрялов, А.И. Солженицын, С.Д. Довлатов) доступны сейчас по их сборникам, собраниям сочинений или в Интернете, да и то не в полном составе. Подавляющее большинство замечательных работ публицистов XX века никогда не извлекалось как из старинных изданий, так и из периодики не столь далекого времени. Предлагаемая хрестоматия, конечно, лишь частично удовлетворит потребность в материале. Но собрание произведений под одной обложкой позволяет ощутить внутреннюю связь между ними и контекстом, в котором появлялись те или другие публикации, услышать многоголосье споров по важнейшим вопросам политики XX века, прежде всего о путях развития России, о судьбе народа и власти, свободы, демократии и культуры.

Книга построена по хронологическому принципу и должна способствовать изучению сложных явлений политической деятельности журналистов, прежде всего борьбы идей, преемственности и видоизменения позиций и принципов как в творчестве одного журналиста на разных этапах его биографии, так и в развитии журналистики ведущих политических направлений.

Эти направления представлены текстами главных газет и журналов из основных центров Русского зарубежья. Составитель стремился сохранить внутреннее сцепление между работами, обратить внимание на исторически сложившуюся политическую перекличку. Одновременно сделана попытка представить характерную жанровую палитру — статья, рецензия, некролог. Именно в этих жанрах русская зарубежная журналистика создала образцы, достойные подражания.

В коротких заметках, предваряющих текст статей, даются сведения о газете или журнале, где они были опубликованы, и о журналисте — когда он жил, где печатался, каково было направление его деятельности, почему для хрестоматии выбрана именно эта статья. Более обстоятельный обзор деятельности того или иного журналиста, хотя далеко не всех, читатель найдет в специальных пособиях, справочниках, монографиях, список которых завершает данную книгу.

В раздел «Комментарии и примечания» включены самые необходимые пояснения, без которых непонятен текст статьи, дан перевод иноязычных слов и высказываний. Не комментируются названия мифов, исторических лиц и событий, сведения о которых можно найти в энциклопедических словарях и Интернете. Такой поиск и комментирование «темных» мест может быть одной из форм самостоятельного изучения историко-журналистских текстов и в вузовской аудитории, и во внеурочное время. Ссылки на комментарии и примечания в основном тексте даны цифровой нумерацией.

Все тексты печатаются с соблюдением правил современной орфографии, но при сохранении некоторых особенностей использования прописных и строчных букв, пунктуации.

За помощь в работе над хрестоматией приношу благодарность сотрудникам Отдела Литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки, Русского журнального фонда и Отдела газет Российской национальной библиотеки, библиотеки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Моя особая благодарность редактору газеты «Новое русское слово» В. Беловой, Н. Бобринской, Ю.М. Кублановскому, Т.В. Максимовой, Н.Д. Солженицыной, Н.А. Струве, а также редакции «Нового журнала» (Нью-Йорк) за содействие в подготовке корпуса текстов хрестоматии и ценные замечания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Предыстория. 1917–1919

Ни один век русской истории не дал столь активной и многочисленной эмиграции, которая началась уже после февральской революции 1917 г. Аристократические семейства стали покидать страну в марте — сразу после отречения императора. Летом 1918 г. большевики запретили прессу оппозиционных партий. Вытесненные из Петрограда и Москвы газеты стали возрождаться на территориях, контролируемых белыми армиями. Орган ЦК конституционно-демократической партии газета «Речь» появилась в Омске под названием «Сибирская Речь», в Екатеринодаре стала издаваться «Свободная Речь». В Ростове-на-Дону, Харькове Б.А. Суворин воссоздал петербургское «Вечернее время». Столь же энергично были организованы в разных городах газеты других политических партий. Их выпуск за пределами столиц фактически стал репетицией работы в эмиграции. По существу, функционирование газет на постепенно сокращающейся территории, контролируемой белыми армиями, стало предысторией эмигрантской деятельности. Многопартийная пресса белой России — продолжение предреволюционной журналистики и одновременно начало и неотъемлемая часть журналистики Русского зарубежья.

В.В. ШУЛЬГИН

«Республика с царем»

(«Киевлянин». 1917. 19 ноября)

Газета «Киевлянин» издавалась с 1864 г. В 1910-е годы ее редактировал Василий Витальевич Шульгин (1878–1976) — политический деятель, сторонник ре-

форм Столыпина, журналист, публицист, прозаик. Во время оккупации Украины немцы поддерживали украинский сепаратизм. 28 января 1918 г. Украина была провозглашена независимой республикой, однако 8 февраля 1918 г. Киев был занят войсками большевиков. В течение этих десяти дней «Киевлянин» оказался за границей российского государства, в условиях вынужденной эмиграции. Но и в ноябре 1917 г., во время публикации статьи, и ко времени первой немецкой оккупации Киева, Шульгин остро переживал отстраненность от центра России и размышлял о причинах случившегося.

Трагедия не в том, что народ, потерявший сознание государственности, будет покорен народом, у которого это сознание глубоко проникло в душу каждого отдельного человека. Трагедия не в том, что самоотверженные патриоты немцы будут господами над русскими, отрехшимися от отечества.

Этот акт покорения только последний финальный аккорд трагедии и аккорд торжественный и мощный, несущий миру весть о том, что «порок наказан и добродетель торжествует». Тут нет ужаса, наоборот, тут яркое торжество своеобразной справедливости, тут воплощение принципа — «каждому по делу его».

Русский народ в том состоянии, какое он переживает сейчас, не достоин лучшей участи. Он получил то, что хотел. И если правда, что каждый народ имеет ту форму правления, которой он заслуживает, то эта правда оправдалась на нас.

В начале революции много смеялись над тем, что неграмотные крестьяне в некоторых местах высказывали желание, чтобы у нас была *«республика с царем»*.

Смеялись, смеялись, а в конце концов эту «республику с царем» получили. У нас есть республика, и даже несколько республик, которыми управляют Ленин, Винниченко¹ и другие. Но у нас есть и царь. Этот царь — Вильгельм.

Сбылось. Еще в марте месяце «Киевлянин» писал, что те, кто не хочет слушать своих русских офицеров, будут лизать подошвы германских генералов. Сбылось. Лижут.

В этом нет никакой трагедии. Они этого хотели, они это получили.

«Ина слава солнцу, ина слава луне, ина звездам».

Иная слава немецкому солдату, для которого нет ничего выше фатерланда, иная слава нашим «чудо-богатырям», которые говорят, что «у пролетария нет родины».

Нет, так нет! Но если нет родины, то вполне естественно, чтобы Прибалтикой и Литвой управляли немцы, Украиной — австрийцы, Северными портами и лесами — англичане, Сибирью — японцы, Туркестаном — персы, Кавказом и Крымом — турки, Бессарабией — румыны.

Если нет родины, то нечему возмущаться. Кто-нибудь ведь должен править. Но если сами русские не могут править, то естественно, что ими будут править соседи, хотя бы из благотворительности, хотя бы из жалости, по завету: блажен, иже и скоты милует.

В начале войны немцы всё называли нас «русскими свиньями». Это было грустно. Теперь они ласково будут называть нас «русскими лошадками», ласково будут засыпать нам корм, ласково подхлестывать кнутиком, ласково чистить нас, неумытых, по утрам и по вечерам. Русская лошадка будет хорошо, добросовестно и покорно, ох как покорно, возить строгого, но доброго немецкого кучера.

В этом нет никакой несправедливости. Лошадь должна быть лошадью, а ездок ездоком.

Трагедия произошла гораздо раньше. Иные ее проспали, другие ее ясно ощутили. Эти кричали, предупреждали, но их не слушали.

Трагедия произошла тогда, когда мы, русские, потеряли сознание, *зачем существует родина*. Когда мы уверовали, что русского народа в целом не существует. Когда мы решили, что существует русский крестьянин и русский помещик; русский рабочий и русский промышленник; русский пролетарий и русский капиталист, но между ними нет ничего общего, ничего связующего, а, наоборот, вековечная ничем неутолимая вражда.

В эту минуту и произошла трагедия. В эту минуту Россия и подписала себе смертный приговор.

И это по очень простой причине.

Худо ли, хорошо, но современные государства существуют так, что помещики и крестьяне, промышленники и рабочие, богатые и бедные постоянно и непрерывно оказывают друг другу взаимные услуги и помощь. Если рассмотреть деятельность каждого человека, который работает, то окажется (вне всякой зависимости от того, сколько он за эту работу получает и справедливо ли получает), что все друг другу нужны до необходимости. Окажется, что только этой общей работой «всех, всех, всех» держится та огромная постройка, которая называется государством.

Этот закон хорошо понимала Германия. Потому и в мирное время немцы в своей классовой борьбе не переходили известных границ. Классы, если так можно выразиться, постоянно, иногда отчаянно, торговались друг с другом, но не доходили до того, чтобы схватить друг друга за горло и взаимно уничтожиться, понимая, что если рабочий нужен капиталисту, то капиталист в такой же степени нужен рабочему.

Когда же началась война, немцы постарались всеми силами утишить и успокоить классовую борьбу, понимая, что в военное время нет места даже для торга, а просто нужно работать во всю на тех приблизительно основаниях, в которых застала война.

Совершенно обратное вышло у нас. Русский народ, получив «свободу», не понял великого закона *сожития*, не понял, что при всей видимой противоположности интересов, только всеобщей работой на пользу друг другу, могут жить все.

Наученными немецкими агентами и нашими социал-мудрецами десятки миллионов русского народа вообразили, что у них есть только единый враг, это те, кто чуточку образованнее и культурнее, словом все те, кого объединили под нелепой кличкой «буржуазии».

Когда это случилось, все пошло прахом. Ибо без услуг этих «чуточку повыше» людей, которых выбросили за борт, без исполнения тех планов и расчетов, которые только этими людьми и могли быть сделаны, государство существовать не могло.

И оно пало. Оно пало гораздо раньше, чем произошел этот сепаратный мир, над которым хнычут теперь наши социал-невежды.

Хнычьте, глупые люди! Всхлипывайте жалкими бабьими слезами, ибо вы не имели мужества в свое время говорить толпе правду. Рыдайте над вашей несчастной «революцией», о спасении которой вы столько кричали, не понимая, что, спасая внешние проявления революции, которые вы называли «завоевания революции», вы губили самое ее существо, которое состояло в том, чтобы в разумной мере расширить права граждан в политической жизни страны и в разумной мере облегчить социальные условия.

Плачьте, жалкие слепцы! Но мы не будем ни плакать, ни всхлипывать, ни хныкать, — мы выплакали все наши слезы раньше, мы простились с Россией в тот день, когда *вы классовую борьбу поставили выше интересов родины.*

Русский народ когда-то понимал, что родина зачем-то нужна. Если бы он этого не понимал, он не мог бы создать того огромного государства, которое развалилось теперь на наших глазах.

Теперь он этого не понимает. Он не знает, для чего родина. Ведь ему сказали, что вся русская история была сплошной ошибкой и преступлением, что в течение тысячелетий русский народ, *и именно только русский,* страдал бесприсветно.

Ему не сказали, что рядом с притеснениями и обидами эта самая история, это самое государство, эти самые правители прошлых времен дали возможность ему, народу, жить на этой земле. Что если бы не было этих правителей и этого государства, то не было бы и самого народа.

Ему этого не сказали, ему показали только тени, только «грехи и темные деяния», и что же удивительного, что он стал ненавидеть и презирать свое отечество.

С какой стати он будет воевать с немцами?

Ведь ему сказали: ты был беден и темен только потому, что ты русский, посмотри, вот немец богат и просвещен.

С какой стати он будет соблюдать верность союзникам?

Ведь ему объяснили: союз с Англией, Францией и другими державами заключен врагами народа, а не самим народом, — значит нет на нем, народе, никаких обязательств, никаких долгов.

Но с другой стороны, почему он будет опасаться войны с союзниками и их справедливого гнева и наказания?

Ведь его научили: в Англии, Франции, Америке прекрасно живется, а только русскому народу плохо; что же за беда, если будут нами править иноземцы; английские, французские и американские буржуи, хотя и буржуи, но все же лучше наших; нет хуже врагов, чем русские помещики, русские промышленники, русские капиталисты, русские офицеры, русские чиновники, русские учителя, русские студенты, русские юнкера; вот с ними войой, русский народ!

Ответьте же, русские социал-митрофанушки, вы, кто хнычете теперь над обломками России, что любить этому народу? Этому, вами искалеченному, вами опозоренному, вами погубленному русскому народу? Что любить и что защищать?

Брошенное вами семя дало плоды. Почему же вы ломаете руки, проклинаете землю и небо и тупо поносите большевиков?

Дело ясно. Стараниями всех «русских» социалистов, вместе взятых, в сознании огромного многомиллионного народа произошел страшный переворот. Те верования, которыми жил этот народ, уничтожены, и вместо этого провозглашена новая вера.

Новая вера говорит, что у пролетария нет отечества; что бедные всех стран ему друзья, а враги — имущие его собственной страны; что следовательно надо превратить войну против своих братьев — пролетариев и заняться распределением между немущими всего того, что имущие накопили. Что после этого наступит мир, тишина и порядок и счастье.

Эта картина, нарисованная стараниями всех социалистов, неотступно стоит перед глазами русского народа. Уйти с фронта в тыл и делить землю, дома, капиталы, все богатство, какое есть, — вот мечта!

Эта мечта сделала невозможной и войну и мир. Она делает нас предателями перед лицом союзников, она заставляет низы народа ненавидеть весь культурный слой, она делает достаток,

образование, знание, навык — преступлением. Так жить дальше нельзя!

Так жить нельзя. Мечта должна быть реализована. Великий опыт социализма должен быть проделан. Китай сделал его 2000 лет тому назад, Россия сделает теперь, — в 1918 году. В Китае этот опыт кончился страшными бедствиями, после которых на 2000 лет у китайцев пропала охота к революциям, но зато сельское хозяйство, не угрожаемое больше мечтой о переделе, поднялось на невиданную высоту.

Будут неслыханные бедствия и в России. Но благодаря прямолинейности большевиков опыт пойдет быстро, и результаты будут наглядны.

Пройдет несколько месяцев и те из нас, кто останется в живых, будут отчетливо понимать, почему страна гибнет, когда гибнет ее культурный класс, почему необходимы власть, дисциплина и порядок, как наказываются международные изменники и предатели, а также, что такое родина и почему ее надо любить и защищать.

Словом будут отчетливо понимать, какие неудобства представляет из себя та форма правления, которая существует у нас сейчас и которая носит название «Русская республика с немецким Царем».

Последняя статья «Киевлянина»

(«Русское дело». 1919. 30 октября)

«Русское дело» (Омск, 1919) — газета Русского бюро печати при правительстве А.В. Колчака. Выступала против сторонников автономии Сибири за единую Россию.

Статья Шульгина появилась в газете «Киевлянин» 25 февраля 1918 г. в связи в немецкой оккупацией Киева и Украины. 9 февраля 1919 г. Шульгин перепечатал ее в газете «Россия», которую издавал в Одессе. Она была закрыта приказом французского командования

за публикации, направленные против французской политики в России. В том же номере этой газеты в заметке «От редакции газеты "Россия"» разъяснялось: «Всякое нарушение южных границ России 1914 года образованием на Российской территории при помощи Франции каких бы то ни было украинских республик, самостоятельных или федеративных, мы считаем *прямым нарушением со стороны Франции союзного договора*, заключенного между Российской империей и Французской республикой». В Одессе, занятой французскими войсками, Шульгин вновь оказался в положении эмигранта на своей земле. Поэтому в публикуемой ниже статье написал: «...мы можем быть только вашими врагами, а не издавать газету под вашим крылышком». Аналогичную позицию он занимал и в 1940-е годы в оккупированной немцами Югославии.

Выпуская последний номер «Киевлянина», мы позволяем себе напомнить всем, кому о сем ведать надлежит, что мировая война не окончилась; что жесточайшая борьба будет продолжаться на Западном фронте; что уничтожение России есть только один эпизод этой войны; что на место России выступила Америка; что русский вопрос не может быть решен окончательно ни в Бресте, ни в Киеве, ни в Петрограде, ни даже в Москве, ибо карта Европы будет вычерчена на кровавых полях Франции, где произойдет последняя решительная борьба.

Мы позволяем себе сказать еще, что нынешнее состояние России не есть гибель русского народа, но это есть несомненная гибель «русской революции».

Социалисты воображали, что так называемая контрреволюция придет от рахитичных русских капиталистов, или от мечтательных русских помещиков, подаривших миру Льва Толстого, гениального Манилова. Во имя этой несуществующей контрреволюции они расстреливали и уничтожали тот небольшой культурный класс, который в России единственно был носителем национальной гордости и готов был подвергнуться всем экспериментам «социализма», лишь бы сохранить независимую свою родину.

Задача блестяще удалась. Людей, любящих свое отечество, смяли и растоптали из страха перед «ней». Но когда это было сделано, «буржуи» уничтожены, тогда-то и пришла «она»... Пришла сильная, спокойная, уверенная... И все эти жалкие людишки, покорно стали на колени и приветствовали ее появление.

Контрреволюция пришла в образе немецких офицеров и солдат, занявших Россию. Тех немецких солдат, у которых «нервы оказались крепче».

Ибо, что такое контрреволюция в глазах безмозглых митрофанушек социализма? Контрреволюция — это порядок, это крепкая власть, это конец безделью, болтовне, конец надругательствам и насилиям над беззащитными и слабыми. Так вот поздравляем вас, господа революционеры. Немцы принесли этот порядок на своих штыках... И прежде всего, приводя в действие железные дороги, приказали вымыть и вымести дочиста наш несчастный киевский вокзал, эту эмблему совершенной культуры, которую вы столько времени пакостили во славу демократическим принципам. Чистота и опрятность. Есть ли начало более враждебное грязью венчанной русской революции?

Ах, господа, вы не хотели отдавать чести русским офицерам... А теперь с какой готовностью вы отдаете эту «честь» немецким. Почему? Да потому, что они избавили вас от самих себя, потому что они спасают вашу собственную безумную жизнь, потому что в звериной ненависти, вами овладевшей, вы перегрызли бы горло друг другу. И вы глубоко благодарны пинку немецкого приклада, который привел вас в чувство.

Но мы, мы немцев не звали. Когда вы расстреливали нас и жгли, мы говорили «убивайте и жгите, но спасите Россию». И так как мы немцев не звали, то мы не хотим пользоваться благами относительного спокойствия и некоторой политической свободы, которые немцы нам принесли. Мы на это не имеем права. А то, что нам не принадлежит по праву, мы не возьмем даже в том случае, если бы нам его отдавали «без выкупа». Мы ведь не «социалисты» — благодарение Господу Богу.

Мы были всегда честными противниками. И своим принципам мы не изменим. Пришедшим в наш город немцам, мы говорим открыто и прямо.

Вы наши враги. Мы можем быть военнопленными, но вашими друзьями мы не будем до тех пор, пока идет война.

У нас только одно слово. Мы дали его французам и англичанам, и пока они проливают свою кровь в борьбе с вами за себя и за нас, мы можем быть только вашими врагами, а не издавать газету под вашим крылышком.

Да, если бы «Киевлянин» стал вновь выходить, то это значило бы, что немцы обеспечили ему безопасность. Даже эти строчки, которые сейчас пишутся, могут быть выпущены благодаря попустительству немецкой власти. Если бы «Киевлянину» была дана возможность выходить, то это значило бы, что здесь или расчет, или великодушие. Расчетам помогать мы не хотим, великодушия принять не можем.

Мы хорошо понимаем значение только что сказанных слов, но и враги наши поймут, что иного выхода для честных людей нет. Какие последствия будут для нас лично, мы не знаем, но ту часть русского общества, от имени которой мы позволяем себе говорить, немцы принуждены будут уважать, как они вынуждены презирать тех, кто сейчас пресмыкается перед ними.

И мы хорошо знаем, что когда наступит время действительного перемирия, когда кончится эта ужасная мировая борьба, кончится миром непостыдным для всех, кто честно боролся за свою родину, тогда честные противники скорее столкнутся друг с другом, чем бесчестные друзья.

Н.В. УСТРЯЛОВ

Крушение интернационала

(«Великая Россия». 1919. 11 мая)

Николай Васильевич Устрялов (1890 – 1938) — правовед, в 1917 г. — председатель Калужского губернского комитета партии кадетов, редактор газеты «Калужская жизнь», затем один из редакторов московского

еженедельника «Накануне». В 1919 г. в Омске возглавлял отдел пропаганды при «верховном правителе российского государства» А.В. Колчаке. Газета «Великая Россия» — «Орган русской государственной и национальной мысли» — была основана В.В. Шульгиным в 1919 г. Выходила в Екатеринодаре, затем в Ростове-на-Дону. Перепечатка статьи Устрялова, извлеченной, вероятно, из омской газеты «Русское дело», вызвана некоторым сходством взглядов: оба журналиста не принимали претензий Германии на создание в Берлине мирового «центра» и утверждали ценность «национальной идеи».

§ 1

Мировая война с небывало напряженной остротой поставила в порядок для истории проблему «интернационализма». В своих жизненных истоках порожденная богатейшим центром национального «эроса», по своим идеальным заданиям и тенденциям она как бы переливалась через край всех национальных идеологий и притязаний, раздвигала национализм до «патриотизма граждан мира», влекла человечество к загадочным граням какого-то «нового периода всемирной истории». В результате ликвидация войны и подведение ее итогов превращается в некоторое своеобразное судбище между «новым» принципом интерили сверхнационализма и «старым» началом национализма или «здорового национального эгоизма».

В самом деле, припомним три больших «программы мира», созданные закончившейся ныне войной.

Прежде всего, первоначальная германская программа. Ее путь — суровый путь воинствующего империализма, величавый план новой «всемирной монархии» с германским империализмом во главе. Мир объединяется единым центром, становится германским, ненавистный «английский принцип равновесия» заменяется системой мировой иерархии с верховным органом в Берлине. Старые перегородки между государствами, таким образом, неизбежно стираются, образуется своего рода черный интернационал под крыльями одноглазого орла. Таковую являла

себя причудливая, но поучительная диалектика ультранационализма двадцатого века.

Во-вторых, стройная и четкая программа русских большевиков, прямолинейно доводящая до конца ряд идей, носившихся в воздухе новейшей эпохи, ставящая точки над *i*. Отечество — устаревший буржуазный предрассудок, единственное настоящее отечество — вселенная, «у пролетариев нет родины». Продольные границы, разделяющие народы, заменяются поперечными границами классового разделения. Международный пролетариат на почве всеобщей военной усталости производит всемирную социальную революцию. Всемирная социальная революция устанавливает всемирный социализм. Наступает царство красного интернационала.

И, наконец, третья программа мира — знаменитая «лига народов»² президента Вильсона. По идее своей, это нечто среднее пропорциональное между первыми двумя программами. Нации сохраняются, но уничтожается их государственная непроницаемость. Устанавливается некий сверхнациональный трибунал, создается кодекс сверхнациональных законов, обязательный для всех народов; земной шар превращается в соединенные штаты свободно самоопределяющихся государств. «Малые государства» перестают быть добычей или предметом вожделений государств великих, международное право превращается в торжество международной справедливости. Войны, разумеется, безвозвратно отходят в мрачное прошлое — в качестве «варварского пережитка». В результате рождается своеобразный «интернационал».

§ 2

Таковы три тенденции, три идеологии, органически выросшие из недр великой войны народов. Каждая из них рассчитана на мировой масштаб, все они по широте размаха соответствуют размаху породившего их явления. Нет сомнений, они бесконечно различаются друг от друга, разные устремления воодушевляют их и разные традиции питают. Но в одном они существенно родственны: каждая несет с собой идею интернационала.

Было время, когда казалось, что побеждает первая программа и торжествует черный интернационал, идея Weltstaata³. Немецкие армии, подкрепленные восточными корпусами, снова наступали на Париж. «Срединная Европа» владела Балканами, держала в руках разгромленную Россию. Уже, казалось, осуществлялся заветный лозунг «Нордкап — Багдад» — символ мирового господства. Уже дипломатия императорского Берлина готовила конкретные проекты «германского мира».

Был другой момент, — пусть промелькнувший — когда осязательно предстал перед миром призрак красного интернационала. На развалинах монархической Германии, как огненные языки, вдруг завилась красные флаги. Либкнехт, освобожденный из тюрьмы, приветствовал на Unter den Linden «первое посольство мозолистых рук», на Востоке Европы крепла русская советская власть, и даже на безоблачном гербе Запада начали появляться подозрительные облачка. Большевизм угрожал превратиться в мировое явление. Человечество казалось бессильным обуздать разбушевавшихся духов войны.

И, наконец, настали дни, когда широкие возможности открылись перед третьей программой мира. Разгромлены, повержены во прах враги Согласия и, казалось бы, ничто не препятствует больше торжеству «справедливого», «демократического» мира. Президент Вильсон является в Европу, и конференция победителей обсуждает реальные очертания грядущей «лиги народов». Вот-вот осуществится в жизни «интернационал» демократии.

Итак, в разные периоды своего развития мировая война приближала человечество к различным формам нового международного порядка, всякий раз противопоставляя эти новые формы старому, по-видимому, отживающему строю национально-государственной жизни. В грозе и буре словно рождался новый мир, словно наступала существенно новая эра всемирной истории.

Так казалось... Но время шло, время идет и все яснее становится, что крепок еще старый мир, что велика сила вековых исторических и культурных традиций. Кончилась война, — и что осталось от всех «программ мира», от «идеологий», так тесно, так неразрывно с нею связанных?

§ 3

Идеология черного интернационала развеяна по ветру с военной славой императорской Германии. История решительно и жестоко отвергла притязания гордого бога Вотана, и не спасла его ни духовная сплоченность его народа, ни римская доблесть его воинства. Мечта всемирной монархии погребена на тех самых полях Франции, на которых она еще недавно расцветала и цвела. Германская программа мира в огненном испытании жизни оказалась лишь медью звенящею и кинжалом бряцающим.

Едва ли благосклонно отнеслась жизнь к идее красного интернационала. В плоть и кровь облаченная русской революцией, эта идея с великим дерзновением захотела победить мир. Но лишь одна несчастная, истерзанная Россия соблазнилась ею, — и забились вся в кровавых судорогах, искупая свой горестный соблазн. А мир, в общем, прошел мимо русской революции, не приняв ее. Первым ответом его на нее был Брест⁴, вторым и самым веским — Берлин и Веймар⁵. Трагическая смерть Либкнехта была, поистине, вторым Брестом большевизма, — вместе с вождем немецких большевиков умерла, не родившись, мировая социальная революция. История не пошла по пути русского бунта, отвергла московских якобинцев с их претензиями двадцать второго века и методами властвования пятнадцатого. Замкнутые в роковом одиночестве они предоставлены самим себе. На миг лишь заколебалась разбитая Германия, но вот уже через национальное собрание восстанавливает свое государственное равновесие, приходит в себя. Лишь слабым отзвуком отозвались в ней громы русской катастрофы — да и то под влиянием не столько света с Востока, сколько артиллерийского огня с Запада. А что касается облачков на небе последнего, то они так и не превратились в тучи, — и не собралось там грозы. Подведение окончательного итога еще впереди, но так, по-видимому, и не стал большевизм мировым явлением, остался провинциальным.

Ну, а третья программа? — Увы, теперь мы уже должны определенно признать, что в конечном счете не повезло интернационалу президента Вильсона. Несмотря на блистательную победу Согласия во главе с Америкой и передовыми европейскими

демократиями, несмотря на широкое пропагандирование «лиги народов», всюду и всеми, дело мирового замирения подвигается вперед до крайности туго. Конференция держав-победительниц с первых же дней обнаружила, что легче провозгласить принцип всесветного объединения, нежели провести его в жизнь. Сквозь официальные фразы о международной справедливости слишком скоро и слишком ощутительно послышались старые притязания «здоровых национальных эгоизмов». «Права малых народностей», столь навязшие у всех на зубах, особенно за последние годы войны, основательно забываются, когда пришло время их реально обеспечить, и даже недовольство «героической Бельгии» мало трогает «концерт великих держав». Не совсем ладно и внутри самого этого концерта. Вместо интернационального жертвенного порыва мы видим знаменательное взаимное скрещивание живых и мощных национально-государственных идей и стремлений, величайшее напряжение патриотических чувств, бурное кипение национальных «эросов». Отсюда — неизбежность взаимных трений, столкновений, противоречий. Ожил знакомый язык старых конгрессов и бывалых дипломатов, употребляемый для скрывания мыслей. «Лига народов» при этих условиях превращается в нечто до такой степени бледное и безнадежное, что естественно охватившее ее идеолога желание поскорее уехать от нее домой... Но иначе и быть не могло.

Конференция явно не в силах ни установить единое понятие «лиги», ни даже устранить трения, возникающие в среде самих держав «Согласия». Отвергнута отмена воинской повинности и даже не прошло обязательное посредничество международной лиги. В перспективе — новые вооружения, новые состязания наций, вероятно, новые жертвы и... новое цветение национальных культур. Ни империалистского поглощения всех одним, ни большевистского слияния всех в одно, ни добродетельно нарочитого демократического «*sum cuique*» не приемлет, как видно, всемирная история. По-прежнему она — ключом бьющий процесс, живая, творческая борьба идей и сил, в самой логике непрерывного состязания обретающая и свою справедливость, и свой высший суд.

Да, крепок старый мир!..

Видно, нужен был для всемирной истории этот обильный наплыв интернационалистских идей, как нужно было и их тройное крушение. Они отринуты во всех трех линиях, но они обогатили собою мировую культуру и, конечно, не исчезнут бесследно. Они войдут в сокровищницу опыта веков, — преображенные, преодоленные жизнью, они, в свою очередь, постепенно преобразят, вернее, преобразуют жизнь. Впитаются, просочатся в нее.

Но зато новым блеском засияет и величайшая из великих ценностей человечества — национальная идея. Омытая жертвенной кровью, очищенная бранным огнем, искупленная великими страданиями, в конце концов, все-таки оправданная и победившая, — она явит себя миру во всей непререкаемой обязательности своей, во всем своем плодотворном величии. И горе тому народу, который отвергнет ее, погасит ее огонь в себе!..

Немецкая ориентация

(«Русское дело». 1919. 24 октября)

Устрялов был постоянным автором газеты «Русское дело». В частности, активно выступал против «проектов автономии Сибири», «слишком дорого, — писал он, — обошлись России эти опыты "самоопределения", чтобы соответствующие "проекты" вновь показывались на свет Божий <...> В сущности говоря, всему миру, кроме России, выгодно расчленение "бывшей Российской Империи". Во всех странах нетвердость России в этом вопросе будет немедленно использована и учтена» (Устрялов Н. Самостийность // Русское дело. 1919. 18 октября. С. 1). Через неделю в той же газете была перепечатана «Последняя статья "Киевлянина"», где Шульгин пророчил, что после «мировой борьбы» те немцы и русские, которые были «честными противниками», непременно «столкнутся друг с другом». Сходство прогнозов и беспокойство за целостность государ-

ственной территории отодвинут в сторону партийные противоречия между сторонниками правых и конституционным демократом, в омских статьях которого уже проглядывали элементы «сменовеховской» идеологии.

I

Известно, что вопрос о возможности русско-германского сближения усиленно обсуждается заграничною прессою. Многие считают это сближение фатально предрешенным. Некоторые даже думают, что лишь создание вокруг России кольца «буферных» государств может предотвратить угрожающую миру русско-германскую опасность. Все эти предположения и опасения, несомненно, в той или иной степени отражаются и на политике союзных государств.

С другой стороны, в Германии, по-видимому, эта проблема тоже ставится во всей жизненной остроте. Если идея тройственного союза «Германия—Россия—Япония» волновала ответственные круги германской дипломатии еще в эпоху Брестского мира, то теперь она, конечно, не может им не казаться заслуживающей еще более серьезного внимания. Нет ничего невероятного в рассказах, что политические вожди современной «социалистической» Германии любят демонстративно поднимать бокалы «за процветание единой и великой России», а генерал фон дер Гольц⁶ ставит «спасение русского народа» своей первой задачей. При создавшихся международных условиях, «восточная ориентация» есть последняя возможность и естественная надежда для обломков «центральной Европы».

Все это заставляет и нас пристально взглянуть на проблему нашего отношения к нашим недавним врагам. Было бы легкомыслием или лицемерием утверждать, что в последний год ничего не изменилось в наших международных связях. Конечно, пересмотр многих позиций здесь достаточно назрел, — это следует признать открыто и определенно. Версальский мир поставил нас перед целым рядом новых фактов, и учесть эти факты, руководствуясь прежде всего национальными интересами России, как великой державы, — наш непререкаемый долг.

Необходимо со всею обстоятельностью дать себе ясный отчет в сущности и смысле «германской ориентации», в объективных условиях ее возникновения и значения ее для нашего национального дела.

II

Вопрос о перемене курса русской внешней политики в сторону известного соглашения с Германией был поставлен перед русским общественным сознанием еще весной прошлого года. Это было то время, когда союзные державы мечтали о воссоздании восточного фронта хотя бы ценою признания большевистской власти и кооперации с ней. Это были те дни, когда Англия высаживала на Мурмане десант, почти дружественный большевикам, когда Г. Локкарт вел в Москве деловые переговоры с ответственными советскими работниками, а Ллойд-Джордж заявил откровенно, что единственным государственным человеком России он считает Троцкого.

Я очень хорошо помню эти тяжкие, унылые дни, когда мы уже почти считали себя всеми покинутыми... И невольно взоры стали несколько долее задерживаться на сером особняке Денежного переулка...

Мы с жадностью отчаяния вчитывались в немецкие газеты и находили в них, рядом с традиционной рорбаховской русофобией, некоторые новые мотивы. Наиболее сильное впечатление на нас производили, помнится, статьи Бернгарда и Эрцбергера в серьезной и влиятельной «*Vossische Zeitung*», содержавшие в себе решительную критику тогдашней агрессивной немецкой политики в Украине и определенные намеки на «восточную ориентацию».

В редакциях, кружках, организациях столицы — везде закипели ожесточенные споры: с кем идти и что делать, чтобы скорее уничтожить ненавистный Брестский мир и его русских авторов? — Правительства не было, общество словно играло роль правительства.

Две линии наметились в настроениях и стремлениях общественных кругов. Меньшинство, ссылаясь на факт выхода Рос-

сии из войны, рекомендовало считаться с ним и тщательней «прозондировать почву» во всех направлениях, дабы выйти из национальной катастрофы с наименьшими потерями. Эту точку зрения меньшинства, как известно, разделял даже такой испытанный англофил, как П.Н. Миллюков, полагавший, что в случае отказа Германии от Брестского мира, ее разрыва с большевиками и согласия заключить мир с нами на условиях довоенного «статуса», — было бы целесообразно гарантировать ей со стороны России лояльный нейтралитет в продолжающейся мировой войне. Ибо, помимо всего, рассчитывать на действительную возможность воссоздания восточного фронта тогда уже не приходилось и факт военного бессилия России в сравнении с Германией представлялся бесповоротным.

Однако такая точка зрения не была поддержана значительную частью противобольшевистской русской общественности, заявившей себя верною общесоюзному делу безусловно и до конца. Кадетская конференция, состоявшаяся в Москве в конце мая, по докладу М.М. Винавера, вынесла резолюцию определенно и безоговорочно германофобскую. (Точка зрения Миллюкова, находившегося тогда на Украине, не была еще известна в Москве, но аналогичные ей мнения, высказанные на конференции некоторыми ее членами, никакого успеха не имели.) Не проявляли желания идти по пути какого-либо соглашения с «Мирбахом» и другие организации прогрессивного оттенка. «Германофильство» стало уделом более правых общественных течений прежде всего так называемой «кривошеинской» группы.

Этой группой были организованы даже свидания с людьми из Денежного переуллка, причем со стороны немцев играл активную роль г. Риплер — помнится, советник посольства.

Свидания эти, конечно, никакого результата не дали. Во-первых, немцы видели, что за их собеседниками не стоит сколько-нибудь внушительного общественного авторитета, что вся прогрессивная общественность — против них, а, во-вторых, программа Брестского мира была настолько реальной тенденцией тогдашней Германии, что на какие-либо существенные уступки немецкая дипломатия явно не имела склонности идти. Если

можно еще было рассчитывать на пересмотр некоторых «украинских» пунктов договора, то в сфере проблемы «прибалтийской», как и ряда других, германский империализм был определенно непримирим и непреклонен. При таких условиях становилась очевидною утопичность построений и надежд П.Н. Милюкова.

Так и кончилась ничем первая попытка ликвидировать большевизм через непосредственное воздействие на его брестского контрагента. Брестский мир остался непоколебленным, а граф Мирбах в своем особняке с латышской охраной у ворот и бесконечным количеством цветов у окон продолжал спокойно ожидать лево-эсеровской бомбы.

Однако как реагировали союзники на все это движение водсколыхнувшегося русского моря? — Мы переходим к новому фазису в истории наших «ориентаций».

И.М. ВАСИЛЕВСКИЙ

Россия будет!

(«Современное слово». 1919. 6 ноября)

Илья Маркович Василевский (1882/1883 — 1938) — журналист, литературный критик. Печатался во многих петербургских журналах и газетах, нередко под псевдонимом Не-Буква, был издателем и редактором газет и журналов. Газета «Современное слово» выходила в Одессе осенью 1919-го и в начале 1920 г. под редакцией Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Фельетоны Василевский писал и в эмиграции, откуда вернулся на родину уже летом 1923 г. вместе с А.Н. Толстым. Фельетон с рефреном «Помните о России, думайте о России» указывает на один из истоков сменовеховского мироощущения.

Не кажется ли вам, что в эти бездровные, бессветные, безводные, бестолковые дни мы все до странности редко вспоминаем

о России? Помни о России, думай о России! Хочется напомнить самому себе. Без думы об этом, о главном, о единственном, — не понять, не разобраться в суете сегодняшнего дня.

За шумными криками фактов, за гулким гамом улицы — вслушайтесь! робко звучит интимный шепот. За разноголосицей и суетой наших буден — слышен отзвук главного, нашей неизбывной боли, неустанной думы все о том же, о нашей, не только ведь Единой, но и единственной, не только Неделимой, но и неотделимой от сердца, о нашей «убогой и обильной», нашей несчастной и великой, нашей бестолковой и любимой России.

Помните о России, думайте о России. Вне этой думы о главном, нет связи частного с общим — не понять, не осмыслить мутного тумана наших дней.

На улицах Одессы, в магазинах, в ресторанах, в театрах легко встретить представителей особой секты, хорошо настроенных, довольных жизнью людей. — До чего дешева, до чего изумительно дешева жизнь в России, — говорят эти люди, благодушно улыбаясь. — Что это у вас? Меха, шоколад, бриллианты, старые картины? Все равно, заверните. До чего дешево, до чего изумительно дешево все в этой России!

Эти милые и благодушные люди — это наши верные друзья, наши благородные союзники, англичане. Они лично совершенно не виноваты в том, что фунт стерлингов, стоивший до войны десять рублей, стоит по нынешнему курсу 1.200 рублей. Они лично от всей души желают процветания нашей стране и населяющим ее туземцам. Но если английские матросы получают на всем готовом 55 фунтов в месяц, а лейтенанты 200 фунтов, — то как их может не изумлять и не радовать небывалая дешевизна всех предметов в этой России.

Это нам, туземцам, кажется, что все стало невероятно, безнадежно и беспросветно дорого. Нашим доблестным союзникам, просвещенным мореплавателям, положение не может не рисоваться совершенно в ином свете.

— Что это у вас? Меха, шоколад, бриллианты, старые картины? Все равно, заверните!

В малой капле воды отражается солнце. Курс русского рубля — это не только практическое неудобство. Это, не забудем, еще и симптом, более того, символ всей нашей жизни в России.

Если на европейском, на мировом рынке наш рубль стоит грош — то, не забудем, — это значит, что грош цена нашему умению жить, нашей работоспособности, нашему месту на земле.

Суровая старуха-история не знает, не хочет знать жалостных слов. Ей не нужны кающиеся интеллигенты, не нужны испуганные шестидесятники, не нужны нытики и недотепы. Нужны строители и созидатели, нужны работники и делатели. Им честь, им место, а ты, нудный и неумелый, со своим рублем, не стоящим и гроша на мировом рынке, живо бери салфетку под мышку и делай веселое лицо. Старайся угодить новому барину.

Я прочел на этих днях воистину трагическую сводку данных, накопившихся на одесской бирже труда. В эти дни развала и распада, когда фабрики и заводы заснули летаргическим сном — трагедия биржи труда, я думал, должна бы выразиться в безработице, в десятитысячных, все растущих кадрах безработных. Оказывается, дело обстоит совершенно иначе. Рабочих нет, нет на фабриках и заводах, нет на бирже труда, нигде нет.

Как, каким образом, почему? О, это очень просто и понятно.

Все дело в том, — всего только! — что средний заработок рабочего — выражается в цифрах 1.600 рублей, а прожиточный, полуголодный минимум для семьи его (муж, жена и двое детей) составляет 6 с пол. тысяч. Рабочих нет, куда они девались, чем занялись, чем живут — это неведомо, но их нет, потому что работать не стоит, работа на фабрике, на заводе не имеет отныне смысла, представляет собой полный и совершенный абсурд.

Ах, фельетонное легкомыслие могло бы широко использовать эту чудесную канву для узоров. При таком курсе рубля, ког-

да тяжелая и напряженная работа уже не кормит работника и его семью, не время ли напр. забыть о нашей денежной системе, не пора ли вернуться к меновому периоду?

У Ивана есть кусок сала, а у Петра четыре бревна. Пусть же Петр скорее отдаст свои бревна и получит за это сало. Что может быть удобнее и проще — такой меновой системы в XX веке! О, бедные лирические поэты, которые понесут на меновой рынок свои сонеты. Что будет с ними? Что дадут в обмен на сало композиторы и мыслители, сколько пудов угля будут брать за порцию «нео-сальварсана проф. Эрлиха», как будут обменивать вдохновение и красноречие на фуфайки и зубной порошок?

Впрочем, тема сама по себе недостаточно забавна, чтобы настроить на юмористический лад. Какой-то тонкий слой, так наз. «верхние десятки тысяч» как-то справляются еще с вопросами отопления, одежды и пропитания в наши дни. Чудес на свете не бывает, и справляются они, очевидно, путем той именно игры ума, которая называется спекуляцией. Этой же игрой ума и жадности живут и крестьяне, так трогательно воспетые в свое время Глебом Успенским и так блестяще обнаружившие свои прежде скрытые таланты спекулянтов. Но остальные, но горожане, но среднего сословия люди, что делают они, все эти бухгалтеры, чиновники и т.п., получающие до 1500 и 1200 рублей жалования и имеющие за своей спиной Катю и Ваню, Машу и Лизу, которым надо покупать ботинки и книжки? Они все, не забудем, полуголодные, они тихо плачут по вечерам в нетопленных, лишенных света комнатенках.

— Поплачем, чем Бог послал, да и идем спать, — рассказывал мне с кривой улыбкой седоусый чиновник.

Нет на свете положения, из которого бы не было выхода. Данные биржи труда, как мы видели, просто объясняют отсутствие рабочих. Рабочих нет потому, что работа на фабрике, дающая русскому рабочему в месяц полторы тысячи рублей, теряет какой бы то ни было смысл при прожиточном минимуме в 6 с пол. тысяч.

Совершенно иным оказывается, однако, положение в том случае, если за фабрично-заводское дело возьмется иностранный капиталист, у которого есть валюта. В этом случае дело пойдет легко и просто.

Иностранный капитал привезет с собой иностранных умелых и толковых рабочих. При скромной оплате в два фунта в день, английский рабочий будет чувствовать себя очень уютно в Одессе. Я нисколько не сомневаюсь, что несколько десятков тысяч таких иностранных рабочих, с их заработком по курсу в 50, 60 тысяч рублей в месяц очень оживят не только нашу промышленность, но и торговлю.

— Что это у вас? Меха, шоколад, бриллианты, старые картины? Все равно, заверните! До чего дешево все в этой России.

Я очень люблю англичан, очень чту в них наших верных и доблестных союзников и я спокоен за то, что при таком способе — промышленность оживет. Но я не могу все же не задуматься: если капиталисты будут иноземные, и рабочие тоже иноземные, то что, собственно, будем делать на земле мы, русские, мечтающие ныне о возрождении России.

В малой капле отражается солнце. Без думы о главном, о России, вне связи частного с общим не понять, не осмыслить мутного тумана наших дней.

Помните о России, думайте о России.

— Будет ли Россия? — вот главный, вот единственный вопрос нашей эпохи. Если «Россия будет», — будем по человечески жить и все мы, ее сыны и пасынки. Без этого мы будем бегать за папиросами для знатных иностранцев.

Никому из нас не выбраться из мрачного тупика без неустанной думы все о том же, о нашей, не только Единой, но и единственной, не только Неделимой, но и неотделимой от усталого сердца, о нашей несчастной и все же великой, такой бестолковой, такой любимой России!

Интеллигенция и единство России

(«Современное слово». 1919. 6 ноября)

Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский (1853—1920) — филолог, литературный критик, публицист, редактор. Первые публикации появились в газете «Одесские новости» в 1880-е годы. В 1910-е годы руководил беллетристическим отделом в журнале «Вестник Европы», был соредактором журнала. Печатался во многих петербургских изданиях, в том числе в газете «Речь». В 1907 г. стал почетным членом Академии наук. Он был сторонником психологического метода познания общественных, национальных, литературных явлений, пользовался им в публицистике. В 1918 г. в Харькове он печатался в газете «Возрождение», осенью 1919 г. в Одессе редактировал газету «Южное слово», которая выходила «при ближайшем участии акад. И.А. Бунина, М.П. Кондакова», а затем до февраля 1920 г. — газету «Современное слово». Там он вел постоянную рубрику «Мысли вслух», напечатав более тридцати статей. Каждая из них была посвящена актуальной проблеме, при этом они имели сквозную нумерацию (публикуемые ниже по ошибке обозначены одним номером — XVIII). В частности, Овсянико-Куликовский продолжил размышления об интеллигенции, начатые в известном сборнике «Вехи». Здесь его мысли отчасти предвосхитили выступления «веховцев» в 1920—1930-е годы.

Русская интеллигенция, как и всякая другая, характеризуется стремлением к *психологическому единству*, вполне совместимому с разнообразием. Это — черта стойкая и яркая, вытекающая из самой природы интеллигенции, из процесса ее возникновения и развития. Она объединяется прежде всего своим *языком*, который принято называть «общим», а также «литературным»,

или «книжным». В нем хранится огромный запас переживаний, накопленных из поколения в поколения. На этой почве и создается психологическое единство интеллигенции, все более и более упрочивающееся в меру ее преемственного развития и расширения ее культурной деятельности. С этой стороны интеллигенцию можно определить так: *она есть среда, лингвистически, психологически и культурно объединенная и, сознательно или бессознательно, принимающая это единство — как благо, которым она чрезвычайно дорожит.* Можно сказать, что это — особая форма человеческой социальности, самая свободная из всех, особый тип симбиоза и сотрудничества, отличающийся исключительным развитием психологического индивидуализма, возникающий не на почве материальных интересов, а силою духовных запросов. Человек, приобретший, в виду заработка или карьеры, известную сумму специальных знаний, или некоторое общее образование, eo ipso еще не превращается в интеллигента, — он становится таковым лишь с того момента, когда у него возникают духовные запросы, когда пробуждается стремление к умственной самостоятельности и намечается безотчетная, самодовлеющая тяга к интеллектуальным и моральным ценностям — ради них самих и «для души». С этой точки зрения, мы определяем интеллигенцию так: *она есть среда, в которой отдельная личность находит импульсы для возбуждения «духовной жажды» и средства для ее утоления и получает возможность проложить свой путь, или свою тропинку, индивидуального развития.* Если эта сторона достаточно сильно выражена и воплощается в более или менее ярко в творчестве (литературном, художественном, научном, философском, моральном), то интеллигенция по праву является *разумом и совестью* страны. Этот разум может заблуждаться, или, вернее, не может не заблуждаться, стремясь к «истине»; эта совесть не застрахована от угрызений (безгрешная совесть была бы глухой и немой, т.е. перестала бы быть совестью). Но, при всех неизбежных заблуждениях и уклонах, при всей разногласии идей, идеалов, мнений, интеллигенция, как разум и совесть страны, прежде всего утверждает *свое психологическое единство* и укрепляет *культурное единство нации.* То и другое

наглядно проявляется в том несомненном факте, что именно интеллигенция и есть та среда, где вырабатывается *национальное самосознание* народа. Факт общеизвестен, но не все сознают его сложность и его важность. Упрощая задачу, укажу лишь на следующее: 1) проявления так называемого «национального лика», или, выражаясь проще и скромнее, «национальной психики» напрасно будем искать в народных массах, где, вместо нее, найдем только психику *этническую*, характерные признаки *национальной* психики впервые проявляются не в народной жизни и словесности, не в фольклоре, а в так называемой «искусственной» литературе, — в творениях великих писателей и — шире — в общей духовной деятельности интеллигенции. Итак, *интеллигенция есть среда, где выявляется национальная психика народа*. Можно сказать и так: *интеллигенция есть как бы лаборатория, где из сырого материала этнической психики создается психика национальная*. 2) Выявление «национального лика», это — одна сторона дела; другая — это его ощущение, его восприятие, иначе — *развитие национального самосознания*. Это, как известно, специальное дело интеллигенции, дело, к которому она призвана по преимуществу. 3) Выявляя национальную физиономию, *вырабатывая национальное самосознание, интеллигенция является одною из важнейших сил, создающих и укрепляющих национальное (в культурно-психологическом смысле) единство страны*. 4) Это единство может и не совпадать с единством государственным (политическим), но для последнего служит надежной опорой; при благоприятных условиях (географических, экономических и т.д.), национальное (в культурно-психологическом смысле) объединение подводит под него прочный фундамент. Иное государство может, волею судеб, распасться, но фундамент останется, и, ввиду его прочности, «воля судеб» может повернуть в обратную сторону. Говоря без метафор, интеллигенция, носительница национального самосознания, если она достаточно многочисленна и действенна, является залогом воссоздания государственного единства.

Так и у нас, в России. Наша интеллигенция, связанная с государством историческими судьбами, есть интеллигенция *все-*

российская, глубоким инстинктом приверженная к идее государственного единства Великой России, — невзирая на все уклоны в сторону космополитизма, интернационализма, анархизма и т.п. (причем эти уклоны обнаруживались лишь в известной части интеллигенции и никогда не были общими). Ошибки разума и прегрешения совести часто оказываются в противоречии с внушениями инстинкта и заветами Истории. Но этот инстинкт и эти заветы сильнее всех ошибок и уклонов, вместе взятых. Русской интеллигенции, сильной своим *единством*, нужна Единая Великая Россия. Русская интеллигенция, с психологической необходимостью, остается инстинктивно-патриотичной и инстинктивно-государственной. В наше катастрофическое время она станет, она уже становится сознательно-патриотичной, сознательно-государственной.

Интеллигенция и возрождение России

(«Современное слово». 1919. 23 ноября)

После свержения большевистского ига в возрождающейся России возникнет небывалый спрос на интеллигенцию. И это будет не только спрос на образованных людей, на хорошо подготовленных чиновников, инженеров, агрономов, врачей, педагогов и т.д. — это будет вместе с тем и спрос *на интеллигента как такового*, — спрос на представителей той особой — интеллигентской психологии, которая в течение ста с лишним лет служила закваской русской духовной культуры. Две черты этого психологического типа окажутся особенно ценными: 1) психологический и этический идеализм и 2) потребность искать, в своем мышлении и действовании, прежде всего, личного нравственного удовлетворения, утоления духовной жажды. Эти черты в их крайнем выражении и в их болезненных уклонах становятся явлением отрицательным, аномальным и, в этом виде могут приводить к нежелательным последствиям, что и бывало. На этой почве объективная истина смешивается с субъективной прав-

дой, и человек перестает видеть и понимать действительность, как она есть. Создается идеология, ненужная, или бесполезная, а иной раз и вредная для окружающей социальной среды, для общества, для России, но зато, как нельзя лучше, удовлетворяющая гипертрофированный этический идеализм ее адептов, нужная и важная для них лично — «для души». Так, многое в старом «правоверном» народничестве было нужно или ценно вовсе не для народа, а «для души» самих народников; кое-что в нашем изначальном марксизме оказывалось также более пригодным «для души» «русских учеников Маркса», чем для реальных потребностей организующегося рабочего класса. Пресловутый поворот «от марксизма к идеализму» был чуть ли не целиком делом субъективным, «душевым»... Тем не менее, оставляя в стороне крайности и уклоны, мы скажем, что в своей основе и в своем правильном выражении указанные две черты представляют собою огромную и ничем незаменимую духовную ценность. Без нее, конечно, можно и недурно жить, и хорошо работать, но, зато, невозможно никакое творчество и никакое *возрождение*.

В наши дни эта великая духовная ценность находится как бы на ущербе. Но она, разумеется, не исчезла, а только перешла в скрытое состояние. Русская интеллигенция очутилась, если не в тупике, то на распутье. Дело представляется так, как будто исчезли стимулы, необходимые для возбуждения этического идеализма, и старые заветные слова выдохлись и — психологически — стали «словами забытыми». Так, например, идея *народа*, некогда столь властная и чарующая, сейчас уж не может служить очагом идеалистических настроений и ничего не в силах дать «для души». Убежденным народникам (если таковые еще существуют) приходится хлопотать лишь о том, чтобы спасти ее здоровое зерно и тень ее былого престижа от окончательного поругания. Социализм... Он не выдержал революционного испытания, он опозорен большевизмом, растоптан в грязи и крови, и сейчас ничего не может дать ни для тела, ни для души. И убежденным социалистам (к числу которых принадлежит и пишущий эти строки) остается одно: уповать на будущее, когда социалистическая идея, перестав быть революционной и демагоги-

ческой, возродится в новом виде, с новым этическим ореолом, с обыкновенной жизнедеятельностью.

Но горизонты уже проясняются, — и на смену старым словам, не отвергая их в принципе, пришло новое, не менее властное и чарующее, сулящее обильную жатву и для живого дела, и для живой души. Оно звучит так: единая, великая, свободная демократическая Россия, возрождающаяся к новому историческому бытию и призывающая к дружной одухотворенной работе всех, в ком еще сохранился дух жив. Способна ли русская интеллигенция откликнуться на этот призыв и, оставив старые счета и предубеждения, объединиться для служения, не за страх, а за совесть, великому делу, высоко идеалистическому и глубоко реальному, делу историческому? На этот вопрос возможен только утвердительный, категорический ответ. Не следует смущаться интеллигентскими разногласиями. Они неизбежны, и их источник в самом существе дела. Старые споры будут забыты, но вместо них возгорятся новые, ибо по любому вопросу жизни (экономическому, политическому и т.д.) мнения и точки зрения неминуемо разойдутся. И в известной мере это даже послужит на пользу делу. Важно другое: чтобы это дело стало для интеллигенции делом души, совести, разума и воли. А в этом сомневаться нельзя. Вопрос о возрождении России есть, вместе с тем, и вопрос о возрождении русской интеллигенции.

И этой последней некоторое тайное чутье подсказывает, что только в освобожденной и возрожденной России она сама освободится от внутреннего — психологического — гнета настроений, страстей, идей, сковывавших ее разум и волю и задерживавших здоровый рост ее духовных сил. В новой свободной России интеллигенция вступит в новый фазис жизнедеятельности, которая развернется под знаком внутренней свободы, здорового психологического индивидуализма, самодовлеющего творчества в сфере запросов моральных, религиозных, философских, научных, художественных.

Эта перспектива чуется в тумане будущего, и все теснее и прочнее связывается она с идеей единой великой свободной демократической России...

Откровенное слово

(«Великая Россия». 1919. 30 ноября)

Петр Бернгардович Струве (1870—1944) — экономист, социолог, публицист, редактор. В конце 1890-х годов редактировал ряд марксистских журналов, с 1902 г. — либеральный журнал «Освобождение», затем петербургский журнал «Полярная звезда», среди авторов которого преобладали члены конституционно-демократической партии. С 1906 г. руководил журналом «Русская мысль». После его закрытия весной 1918 г. Струве эмигрировал, а вернувшись в страну с сентября 1919 г. сотрудничал с Советом государственного объединения России и активно печатался в «органе русской государственной и национальной мысли» — основанной В.В. Шульгиным газете «Великая Россия». Здесь, как и вскоре в зарубежье, одной из главных забот Струве было отстаивание государственной целостности России.

Интересно было бы знать, учел ли Ллойд Джоржд, произнося 17 ноября свою речь по русскому вопросу в палате Общин, то впечатление, которое эта речь произвела в России.

Ибо трудно преувеличить все отрицательное действие этой речи на русское общественное мнение.

В самом деле, стоит вдуматься только в ход мысли Ллойд Джорджа для того, чтобы понять это действие. С одной стороны, он самым суровым образом осуждает большевизм и клеймит его, как политическую и социальную систему, а с другой стороны, он, по меньшей мере, колеблется в самом отношении к главному результату деятельности большевиков — к расчленению России. Едва ли можно даже рассеять то основное впечатление, которое, несмотря на намеренную неясность и неопределенность слов Ллойд Джорджа, остается у читателей его речи, а именно,

что английский премьер, с точки зрения интересов Британской империи, положительно приемлет факт разрушения, в процессе революции, империи Российской.

Непонятно, как Ллойд Джордж может не уяснить себе, что сама постановка вопроса в этой форме, с *русской* точки зрения заключает в себе самое решительное осуждение всей кооперации России с западными державами в мировой войне. Если в результате этой кооперации получилось разрушение и расчленение России и если британская политика склонна признавать этот результат приемлемым и даже желательным для Великобритании, то в каком свете предстает перед русскими патриотами все участие России на стороне «Согласия»⁷ в мировой войне, все то упорство, та донкихотовская верность, с которой все русские антибольшевистские элементы боролись против сепаратного мира с Германией, когда она еще не была побеждена и когда ей был так нужен государственно устроенный русский тыл?

Я напомним далее те рыцарские и справедливые слова, в которых английские политические деятели, если не ошибаюсь, Бальфур и Бернар Лоу после отречения императора Николая II восхваляли его абсолютную верность союзническим обязательствам. Разве слова Ллойд Джорджа не внушают неотразимо той в корне разрушительной для англо-русской близости мысли, что верность союзникам и, в частности, Англии — Царя, всех «временных правительств», Корнилова, Алексеева и т.д. и т.д., была, с точки зрения интересов России, роковой исторической ошибкой?

Тот, кто сейчас со скамьи британской Палаты Общин говорит о расчленении России так, как это сделал Ллойд Джордж, ставит для русских наново и, в сущности, сначала всю проблему мировой войны.

Если наши союзники полагают, что результатом этой войны может быть расчленение России и что русская нация примет этот результат, то они совершенно не понимают того, что происходит в России и в русских душах. Самая борьба с большевизмом есть для русских патриотов в основе своей именно борьбы за Великую и Единую Россию. В этом оправдание великих жертв, кото-

рые мы приносим, нестерпимых мук, которые мы испытываем. Большевизм наш враг, именно потому, что он суть орудие разрушения и расчленения России. Если бы большевизм, как некогда французский якобинизм, объединял и сплачивал Россию, а не разлагал и разрушал ее, русские патриоты, каковы бы ни были их воззрения на внутренние вопросы, их политические и социальные симпатии, нашли бы пути соглашения с большевизмом. Но таких путей нет именно потому, что, повторяю, большевики, первые расчленители России. Это есть то в большевизме, что делает его и малейшую мысль о соглашении с ним абсолютно неприемлемыми. На челе большевизма выжжена Каинова печать антипатриотизма и интернационализма.

Никакие недомолвки и неясности в этих вещах для нас невозможны. И потому, резюмируя рассуждения настоящей статьи, я скажу:

С точки зрения союзнической ориентации русского общественного мнения действие таких заявлений, как речь Ллойд Джорджа, нужно прямо характеризовать, как *опустошительное*.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Между войн. 1920–1940

В 1921 г. за пределами страны оказалось более двух миллионов русских. Среди них деятели Совета министров, Государственного совета и Государственной думы, дипломаты, промышленники, епископы Русской православной церкви, высшие офицеры армии, ученые, инженеры, философы, писатели и артисты, музыканты и художники. Они основывали русские университеты, институты, гимназии, театры, библиотеки, издательства и архивы, поддерживали боеспособность русских войск. И, конечно, создавали десятки и сотни редакций газет и журналов — в Берлине, Праге, Белграде, Софии, Париже, Харбине, других городах. Эту систему русских учреждений, которые обеспечивали жизнь, связи и развитие русских в эмиграции, уже в 1920-е годы стали называть «Россия № 2», «Зарубежная Россия», «Русское Зарубежье».

В Русском зарубежье стремились сохранить язык, национальные обычаи и традиции, в том числе журналистские — в области языка, тематики, проблематики, жанров и даже названий. После «Вечернего времени» в Петербурге–Петрограде, а потом в Харькове и Ростове-на-Дону (1919) Б.А. Суворин возродил эту газету в Париже (1924–1925), преобразовав затем в «Русское время» (1925–1929). Его брат М.А. Суворин издавал в Белграде «Новое время» (1921–1930). П.Б. Струве наладил в Праге–Берлине–Париже выпуск журнала «Русская мысль». Деятели партии социалистов-революционеров основали журнал «Современные записки», позаимствовав название из истории прессы своей партии — под таким названием в годы первой русской революции возрождалось неонародническое «Русское богатство», закрытое цензурой.

В Русском зарубежье журналистика сохранила многопартийный характер.

**Белые мысли
(Под Новый год)**

(«Русская мысль». 1921. № 1 — 2)

Это эссе Шульгин написал в Турции близ города Галлиполи в палаточном лагере русских войск, эвакуированных из Крыма. Примечательна не только вера в торжество белой идеи, но и надежда на примирение после Гражданской войны. Мысль о возрождении единой России через «безумие Красных» Шульгин пронесет через десятилетия (См.: Шульгин В.В. Размышления. Две старые тетради // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Кн. 1. С. 171, 172). Первый сдвоенный номер «Русской мысли» вышел в Софии. Как во время Гражданской войны, Шульгин и Струве объединили усилия в отрицании большевизма и в защите территориальной целостности страны.

Близится время, когда на исполинских Часах Господних (они помещаются в сердце вселенной, но где — неизвестно) пробьется двенадцатью ударами смерть Старому и рождение Новому. Проще говоря, кончается 1920 и наступает 1921 год.

В такие дни хочется подвести итог.

Впрочем, его, итог, нечего подводить: вот он у меня перед глазами.

Яркое солнце. Долина. Вдоль речки-ручья выстроились белые домики. Я знаю, что это палатки. Но издали они кажутся домиками. Они стоят аккуратненькими кварталами и кажутся городком. Вот, по ту сторону реки — Корниловцы, Марковцы, Дроздовцы, Алексеевцы... По эту кавалерия...

Все это появилось здесь среди совершенно пустынных гор словно по волшебству... Этот сказочно-игрушечный белый городок — это и есть «итог»... Итог трехлетних страданий, борьбы, пламенной Веры, неугасимой Надежды и неисчерпаемой Любви...

Любви к России...

* * *

Что же это — много или мало? Рыдать ли, или благодарно молиться? Смерть ли Старого или рождение Нового этот белый городок?

Здесь умирает наш Старый Грех... Здесь нет места ни Серым, ни Грязным... Их мало пришло сюда... Они остались где-то... А те, что еще есть, — уйдут.

Здесь умирает наш старый грех: Серость и Грязь.

* * *

Здесь рождается Новое.

Здесь рождается Белый Городок, где в белых домиках будут только настоящие белые, — белоснежные...

* * *

Много ли это или мало? Что же это... «большой» итог?

* * *

Большой...

* * *

Эта горсть в течение трех лет смогла бороться одновременно на три фронта. Красные засыпали ее снарядами... Серые своим тупым равнодушием создавали вокруг нее вязкую гущу, сковывавшую движения... Грязные грязью залепливали глаза; уши, рот... И все же эта горсточка белых не дала себя сломить, не дала себя задушить, не позволила себя загрязнить...

Вот они здесь...

Их мало, но они белые...

Они белые, как и прежде... Они белее прежнего.

И это — много...

Это итог не только большой, это итог величавый.

* * *

Эта горсточка белых, эта новая столица на берегах безымянной речки, этот белый городок, — он или уже победил, или победит.

* * *

Он *уже* победил в этом случае, если России суждено возродиться... через безумие Красных...

* * *

Скажут: что за вздор!
Нет, это не вздор — это так...

* * *

Вы никогда не замечали, что Сыпной Тиф и Белая Мысль свободно и невозбранно переходят через фронт?

* * *

Странно, как вы этого не заметили. Вы говорите: «сыпной тиф — да, но наши идеи — ничего подобного!»

* * *

А я вам говорю, что наши идеи перескочили к Красным раньше, чем их эпидемии к нам. Разве вы не помните, какова была Красная Армия, когда три года тому назад ген. Алексеев положил начало Нашей? Комитеты, митинги, сознательная дисциплина, — всякий вздор! А теперь? когда мы уходили из Крыма? Вы хорошо знаете, что теперь это была армия, построенная так же, как армии всего мира... как наша...

Кто же их выучил? *Мы* выучили их, — мы, Белые. *Мы* били их до тех пор, пока выбили всю военно-революционную дурь из их голов. *Наши* идеи, перебежав через фронт, покорили их сознание.

Белая Мысль победила и, победив, создала Красную Армию...

Невероятно, но факт.

* * *

Но отчего, скажут, мы все-таки в Галлиполи, а не в Москве?

Почему мы не воспользовались тем временем, когда Красные в военном отношении еще не мыслили «по белому» и потому были бессильны?

Потому, что нас одолели Серые и Грязные... Первые — прятались и бездельничали, вторые — крали, грабили и убивали не во имя тяжкого долга, а собственного ради садистского, извращенного, грязно-кровавого удовольствия...

* * *

Но ведь Красная Армия под своим красным знаменем работает ради «Интернационала», т.е. работает для распространения по всему Миру Красного Безумия!

* * *

Это или так или не так...

* * *

Допустим первое. Допустим, что это так. В таком случае мы еще с ними скрестим оружие. Белая Армия (наша русская), в союзе с другими белыми армиями, будет вести бой, чтобы сломить, уничтожить Красное Безумие.

* * *

Допустим второе. Допустим, что это не так... Допустим, что им, Красным, только *кажется*, что они сражаются во славу Интернационала.... На самом же деле, хотя и *бессознательно*, они льют кровь только для того, чтобы восстановить «Богохранимую Державу Российскую»... Они своими красными армиями (сделанными «по белому») движутся во все стороны только до тех пор, пока не дойдут до твердых пределов, где начинается крепкое сопротивление других государственных организмов... Это и будут естественные границы Будущей России. Интернационал «смотется», а границы останутся...

* * *

Если так, то что это такое?

Это — то же самое... *Если это так*, что это значит, что Белая Мысль, прокравшись через фронт, покорила их подсознание... Мы заставили их красными руками делать Белое Дело.

Мы победили...
Белая Мысль победила...

* * *

Но, Боже мой! ведь они уничтожили, разорили страну!.. Люди гибнут миллионами, потому что они продолжают свои проклятые, бесовские, социалистические опыты, Сатанинскую Вивисекцию над несчастным русским народом...

Это что же значит?

* * *

Это значит, что *на этом* направлении Белая Мысль еще не победила.

Еще не пришло время... И люди гибнут, и Всеобщая, Явная, Равная, Прямая Нищета носится над Свято-Грешной Русской землей, заматывая свой след проклятиями и слезами...

Чтобы сократить страдания своих братьев, Белая Армия три года без счета лила свою кровь... Она думала, она надеялась, что Белое Оружие работает скорее и вернее, чем Белая Мысль.

И если будет на то Господня Воля, мы еще раз бросимся в бой...

На помощь погибающим...

* * *

Во всяком случае, Белый Городок — новая русская столица над безымянной речкой среди пустынных гор — может встретить Новый Год с ясной душой...

Если Белые *еще* не победили, их рано или поздно поведут в бой...

А если не поведут, то, значит, они *уже* победили...

Значит, в Стане Красных уже настолько окрепла Белая Мысль, что восстановление России придет через Красное Бесмыслие...

* * *

Белая Мысль победила во всяком случае...

* * *

Так было — так будет...

Галлиполи,
под Новый год

Н.В. УСТРЯЛОВ

Проблема «возвращения»

(«Новости жизни». 1921. 20 октября)

«Новости жизни» (Харбин, 1914—1926) — «Ежедневная политическая, общественная, литературная, торгово-промышленная газета».

Устрялов прибыл в Харбин в январе 1920 г. Его мысли сохранил его дневник. 4 января 1920 г.: «Защищать гражданскую войну, когда ясна ее пагубность для страны?» 26 мая 1919 г.: «И за Россию все спокойнее. Откровенно говоря, ее будущее обеспечено — Колчак или Ленин». Целостность и жизнеспособность России он ставил выше политических антипатий. Большинство не смогло обрести такую способность даже много лет спустя. Получив в марте 1920 г. место профессора юридического факультета Харбинского университета, он стал активным автором газеты «Новости жизни», развивая в своих статьях идеи, получившие название сменовеховских. Статья «Проблема "возвращения"» в 1922 г. была перепечатана в парижском журнале «Смена вех», как и некоторые другие его работы.

I

«Вы проповедуете гражданский мир и сотрудничество с советской властью. Отчего же вы сами не возвращаетесь в Москву и не поступаете на советскую службу?»

Как часто приходилось всем «примиренцам» слышать подобные вопросы! Когда мне их задавали в личных беседах, я

обычно отделялся шуткой, отвечал собеседнику в тон: «А вот Вы, я вижу, проповедуете борьбу до конца и свержение вооруженной силой. Отчего же Вы сами не берете винтовку и не идете свергать?..» Разница между нами заключалась в том, что я понимал абсурдность своего вопроса в то время, как мои вопрошатели отнюдь не сознавали бессмысленности своего.

Когда же доводилось читать такого сорта вопросы в газетах, то письменно отвечать на них казалось излишним: во-первых, сами газеты и авторы, которые печатали такие вещи, заслуживали не столько внимания, сколько сострадания, а во-вторых, представлялось неловким, занимать время читателей столь несерьезными мелочами...

Но каково же было мое удивление, когда как раз подобный же вопрос я прочел в статье автора, к которому я питаю самое искреннее уважение. В статье г. Пасманика из «Общего дела» («Примиренчество проф. Устрялова») имеется следующий абзац:

«Да будет мне позволено прежде всего затронуть очень деликатный личный момент: почему же проф. Устрялов сам не вернется в Москву и не начнет свое сотрудничество с большевиками? В этаких положениях личный пример — этический долг. Оставаясь физически эмигрантом, нельзя духовно слиться с советской Россией».

Правда, автор заканчивает этот скользкий абзац стыдливым прибавлением: «но суть дела не в этом». Однако, из песни слова не выкинешь и остается констатировать, что и в серьезных спорах можно встретить подчас этот сомнительный аргумент, употребленный не с целью «обличить» или «обругать» противника, а с добросовестным намерением выявить несостоятельность оспариваемой позиции. Тут уже не приходится отделяться шутками, а нужно ответить серьезно и по существу, хотя бы с несомненным риском сказать нечто само собою разумеющееся. Впрочем, если освободить эту дискуссию от узколичного момента, она может представить интерес.

Не так давно в том же «Общем деле» довелось мне прочесть тот же аргумент («почему в Москву не едете»), только в значи-

тельно менее корректной форме — по адресу проф. Ключникова. Очевидно, он и в самом деле кое-кому кажется убедительным — этот бойкий аргументик!..

II

В России совершается сейчас давно предсказанный примиренцами сдвиг от утопии к здравому смыслу. Сдвиг идет по всей линии хозяйственного фронта. Разумеется, он затрудняется массой обстоятельств, как экономического, так и политического характера. Страна опустошена, а психология правящей партии слишком прониклась конкретно коммунистическими навыками, чтобы поворот мог сразу овладеть душами партийных низов и мгновенно претвориться в жизнь. Отход совершается постепенно, «на тормозах», с оглядками, с трудностями, в атмосфере народных страданий, недружелюбия к власти, в обстановке полного разрушения национального хозяйства. Лишь мало по малу создадутся в стране сносные условия существования, когда каждый получит реальную возможность быть полезным родине на своем месте, в меру своих знаний и способностей.

Момент окончательного перелома еще не наступил. Пока раскрепощен обмен, но производство еще не налажено. Намечается разумная программа, но ее нелегко осуществить. Окончательный перелом наступит тогда, когда начнут сказываться реальные результаты нового курса советской власти. Позвоительно рассчитывать, что это произойдет сравнительно скоро (примерно к будущей осени), хотя приходится помнить, что достижение благоприятных результатов обусловлено целым рядом разнообразных обстоятельств, из коих на первом месте стоит вопрос об отношении России к внешнему Миру.

Сейчас массовое возвращение эмиграции на родину едва ли еще могло бы принести ощутительные, благотворные плоды. Пожалуй, оно не пошло бы впрок ни эмиграции, ни России. Момент еще не настал, надо подождать, как это и ни печально. Мы знаем, что в самой Советской России оставшаяся интеллигенция (небольшевистская) далеко не использована сполна. Такова

объективная обстановка, и ее нельзя изменить мгновенно. Интеллигенты нередко предпочитают простейшие физические работы (шитье сапог, надзор за огородами) занятиям по специальности, ибо последние не дают возможности существовать (6.000 советских рублей в месяц!), а иногда вдобавок представляются и заведомо бесплодными в силу многообразных стеснений, их связывающих. Условия интеллигентного труда в России за эти четыре года рисуются достаточно безотрадными. Профессора, юристы, учителя, даже врачи — все люди интеллигентных профессий зачастую принуждаются рубить дрова на своих «делянках», чистить мостовые, грузить казенные грузы. Теперь, правда, эти нелепости «коммунистического» быта, игнорирующего элементарнейший принцип разделения труда, начинают понемногу уходить в прошлое. Но покуда процесс «перерождения системы» не определится в своих неизбежных следствиях (реальное воссоздание основных начал «буржуазного» строя), — говорить о долге эмиграции возвращения на родину не приходится. Да помимо всего, оно просто неосуществимо еще фактически: мы знаем, сколько разнообразнейших рогаток нужно в наши дни преодолеть, чтобы попасть эмигранту в родные места. Конечно, тут мыслимы отдельные исключения, даже довольно многочисленные, — но не о них речь.

В настоящее время следует поставить вопрос лишь о подготовке к предстоящему общему возвращению, дабы как только явится возможность возвратиться с *пользой*, удалось бы сделать это организованно, без промедлений, словопрений и сутолоки. Равным образом, должны быть приняты меры к разумному определению самого момента и условий целесообразного возвращения. Для этого необходимо установить контакт с московской властью.

Насколько я понимаю, к этому приблизительно и сводилось столь нашумевшее парижское предложение Ю.В. Ключникова. А наши политическое противники, приписав нам лозунг «пора домой», стремятся, по политическим соображениям, истолковать его в смысле, наиболее нам чуждом.

III

Служить России можно, к счастью, не только на ее территория, но и вне ее. Специфическая особенность данного момента (едва ли особенно продолжительного) состоит в том, что русская политическая эмиграция могла бы ныне за границей принести даже больше пользы родине, чем дома. Она должна помочь иностранцам понять и осмыслить русскую революцию. *Она должна примирить «цивилизованный мир» с новой Россией.* — Вот пока наиболее общая и в то же время конкретная формула доступного для всей эмиграции «примирения» и «сотрудничества» с Москвой — сотрудничества добровольного и независимого.

Нужно всеми силами содействовать тому процессу переживания большевизма и духовно-материального оздоровления страны, который совершается «там, внутри». Нужно, чтобы большевикам удалось перевести страну на «новые хозяйственные рельсы». Как никогда Россия нуждается теперь в помощи иностранцев. И во имя родины обязаны русские люди, рассеянные по пространству всего Мира, добиваться этой помощи, прилагая к нему все усилия, воздействуя на иностранное общественное мнение и, сколько возможно, на правительства.

Не изрыгать хулы обязаны мы на нашу большую родину и на ее нынешнюю, пусть несовершенную власть, а понять болезнь, как великий кризис на пути к небывалому здоровью. Нужно постичь, *полюбить* Россию и такую, как она есть. Полюбить не на словах, не в эстетическом любовании только, а на деле. Нужно научиться о многом забыть и многое простить. Вот что значит «духовно возвратиться на родину». Не о военных походах должны мы теперь здесь мечтать, не о восстаниях и заговорах, а о признании всем миром наличной России, страдающей, но неизменно великой.

И эмиграция наша в этом отношении могла бы многое сделать. Пусть она только смирится и забудет греховно-горделивую мысль свою, что подлинная Россия — только в ней. Нет, Россия все там же, где была — в той же Москве, в том же Петербурге, в тех же безмерных пространствах, которые в рабском виде,

удрученный ношей крестной, исходил, благословляя, Христос... В нас же она постольку, поскольку мы — в ней...

Доселе эмиграция наша в массе лишь старалась оттолкнуть мир от лика нынешней России. Великий вред приносила она этим родной стране, затягивая, осложняя болезнь. Все темное, все дурное в революции (не мало его в ней!) немедленно подхватывали, препарировали для микроскопа, злорадно выносили на всенародные очи; и за деревьями не хотели видеть леса. А между тем, такие цельные явления, как революция, трудно оценивать по клеточкам, взятым от нее для микроскопического исследования.

«Русской интеллигенции точно медведь на ухо наступил — мелкие страхи, мелкие словечки... Вы мало любили, а с вас много спрашивается, больше, чем с кого-нибудь... Те из нас, кто уцелеет, кого не изомнет с налету вихорь шумный, окажутся властителями неисчислимых духовных сокровищ... Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию!..» Так увещевал нашу интеллигенцию Блок, которого теперь посмертно тшачатся перетянуть к себе авторы всех этих «мелких страхов» и «мелких словечек». Обычная история!

Не вы ль сперва так долго гнали
Его свободный смелый дар?..

Да, пора, пора обратиться лицом к наличной России. Не травливать на нее Европу, а знакомить Европу с нею, — по старому завету Герцена. Тем более, что сама Европа жаждет этого знакомства, этого общения. Старая Европа тоскует по блоковским «скифам», по новой крови, по новому духу, — о, разве случайны все эти книги Шпенглеров и Гессе!..⁸

Единым фронтом, единым разумом, единой волей внедрять в сознание мира факт преобразующейся России. Осмыслить, оправдать грозу и бурю, в которых дано это преобразование. Вот наша почетная, великая, безмерно трудная и ответственная, но благодарная задача. Нужно пользоваться оставшимся сроком нашей вынужденной жизни за границей, чтоб запечатлеть в мире Россию — и вместе с тем, чтобы облегчить родной стране переход к желанному здоровью, к «новой жизни» тем путем, ко-

торый она сама выбрала. В нашей власти, быть может, и ускорить срок нашего физического возвращения.

Но понимает ли это эмиграция?

IV

За последнее время начинают проявляться в ней некие проблески понимания — это неоспоримо. Но все же преобладающие настроения ее, поскольку они выражаются старыми властителями ее дум, далеки от ориентации на наличную Россию, органически и преемственно превращающуюся в «Россию будущую». Напротив, во всех столицах мира все еще звучит разноголосая и нестройная русская речь, полная слепой, близорукой ненависти к революции и к одержимой ею «красной» стране. По-прежнему «мелкие страхи, мелкие словечки»...

Поэтому, сейчас приходится, к сожалению, говорить не столько о приобщении эмигрантов к потоку перерождающейся революции, сколько о нейтрализации вреда, который они своею тактикой бессознательно приносят России. Нужно изнутри ликвидировать дурную воинственность известной части русских изгнанников. Нужно парализовать соответствующие влияния их на внешний мир. Такова очередная, насущная задача. Это и делают сейчас, стремятся делать «национал-большевики», реально осуществляя свою идею «тактического примирения и сотрудничества». Если внутри страны эта идея может выражаться в прямой работе (посильной) с советским правительством, или, по крайней мере, в отказе от активной борьбы с ним, — то за границей она должна воплощаться в противодействии всем авантюрам, замышляющим против нынешней России и в содействии всем шагам к сближению с ней. В этом отношении примиренческое движение уже сделало кое-что: не даром с ним так считаются эмигранты-алармисты, не отрицающие уже его успехов в эмигрантском лагере. На быстрых и сравнительно безболезненных крушениях белых авантюр 20 и 21 годов, на известном повороте мирового общественного мнения в сфере русского вопроса, несомненно, сказался и кризис сознания русской эмиграции, безнадежно утратившей свой единый алармистский облик. Нужно углублять и расширять этот кризис.

Вот почему позволительно утверждать, что сторонники «национал-большевизма» сугубо полезны для русского дела за границей. Если бы их здесь не было, их нужно было бы выписать. Дома, в качестве технических спецов, они в данный момент не могли бы исполнить и доли той работы на пользу родине, которую они призваны провести за границей, в качестве общественных деятелей, разлагающих «эмигрантщину» и воспитывающих в интеллигенции новое патриотическое сознание. С.С. Лукьянов оказался в белом Париже⁹ — я в этом глубоко убежден — куда полезнее, чем в красном Петербурге. Повторяю, такова специфическая и несколько парадоксальная особенность данного момента.

Естественно, что наше преждевременное «возвращение» — в прямых интересах наших политических противников: мы ведем с ними борьбу за духовное преобразование эмиграции и видим в этом наш непререкаемый «этический долг». Мы с ними по разному воспринимаем пути возрождения родины, хотя одинаково жаждем этого возрождения. Отсюда, в пылу борьбы, — и дешевые личные нападки, к которым мы так привыкли, отсюда и бесконечные вопросы, «полные яда», которые нам столь часто доводится выслушивать от ортодоксов непримиримости: «когда же в Москву — примиряться?..»

На это мы вправе ответить в тон:

— А вот подождите, доконаем вас, обезвредим вконец, исполним наш патриотический долг здесь, — тогда можно будет и домой, с Богом!..

Л.С.¹⁰

**«Современные Записки». Общественно-политический
и литературный журнал. № 12. Париж. 1922 г.
(«Заря». 1922. № 9 — 10)**

Журнал «Заря» (Берлин, 1922 — 1925) — «Орган социал-демократической мысли».

Критическая оценка газет и журналов (медиакритика) — историческая традиция русской журналистики. Такие рецензии характерны для периодики Русского зарубежья. В этом жанре выступали многие видные публицисты, достигая блестящих результатов. И в данном случае оценка первых томов «Современных записок» оказалась безупречно точной: журнал противостоял «катастрофическому понижению культурного уровня русской интеллигенции последних лет». Примечателен и полемический элемент: меньшевистский критик, защищая «демократию» как свой программный принцип (см.: «Заря». 1923. № 4. С. 124), в то же время упрекал редакторов рецензируемого издания в неспособности решиться на осуждение недостатков «официальной партии с.-ров».

Когда вернутся на родину представители русской демократической интеллигенции, эти 12 вышедших томов «Современных Записок» будут одним из серьезнейших оправдательных документов по делу о русской эмиграции. Пять редакторов этого журнала: Н. Авксентьев, И. Бунаков, М. Вишняк, А. Гуковский и В. Руднев создали в тягчайших условиях изгнания дело, культурное значение которого трудно преувеличить.

Нас лично интересует здесь одно обстоятельство, имеющее огромное значение для русского общественного развития. Это роль социалистической интеллигенции. Пять редакторов журнала — это все социалисты и притом одной фракции партии соц.-революционеров. Казалось бы, вот положение, при котором труднее всего создать орган культурной концентрации. Ведь это все знают: социалисты — это такие узкие, нетерпимые, сварливые, некультурные люди, что где им братья за такое дело. ...И однако, только в рядах русского социализма оказалось возможным создание широко культурного дела, куда могли придти все деятели литературы, искусства, науки, философии и политики, честно стремящиеся к более совершенным формам общественной и интеллектуальной жизни. 12 томов, объемистых и интересных, наполненных самым разнообразным материалом из

всех областей творчества — это прекрасный документ концентрирующей силы русского социализма. Ни одно другое течение русской общественности не сумело создать ничего подобного по широте культурно-идеологического захвата. Только из рядов русского социализма могла выйти группа, которая в темные годы разброда, развала и тягостной склоки сумела создать единую платформу для самых разнообразно направленных интеллектуально-общественных исканий. Это отрадное свидетельство духовной зрелости и духовной силы русской социалистической интеллигенции, показавшей в этих 12 томах, что она хочет и может поверх текущего момента отстаивать высшую свободу культурно-идеологического творчества.

Нечего говорить, такое дело связано с большими жертвами и с серьезными неудобствами. Мы их видим и не должны скрывать. Журнал слабо мог выявить свое политическое лицо. В области чисто политической он не давал ответов на ряд волнующих вопросов современности. Руководимый с.-рами, он меньше всего занимался анализом и критикой с.-ровской идеологии с ее залежами утопизма, социального квази-радикализма и органической боязни оказаться не на самом левом фланге. Журнал дал место статье нашего сотрудника Ст. Ивановича¹¹, резко поставившего вопрос об идейно-тактических зловключениях русской с.-д. партии, но напрасно вы стали бы искать в журнале чего-либо подобного в отношении партии с.-ров. Не потому, чтобы в этом королевстве все было благополучно, а потому, что по всей видимости, здесь худой мир предпочитают доброй ссоре. Чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу — так можно характеризовать отношение журнала к русским социалистическим партиям. Журнал, широко беспартийный, оказался все-таки и с.-ровским, но не потому, что выражал взгляды, официально одобренные этой партией, а потому что недостаточно энергично и последовательно против этих взглядов возражал, хотя по общему своему миросозерцанию и по роли своих руководителей в русской политической жизни идеологически вполне это вмещал. Журнал последовательно защищал идеи демократии и социально-политического реализма против всех, подрывающих

их влияние, направлений общественной мысли, но меньше всего против влияний, идущих со стороны официальной партии с.-р.ов. Мы думаем, что эти влияния не столь безобидны и слабы, чтобы их можно было оставить на заднем плане общественно-политической критики.

В этом заключается по нашему мнению тяжелая жертва, уплачиваемая руководителями журнала во имя тех его задач культурной концентрации, который он, по нашему мнению, решает в условиях эмиграции наиболее полным, порою блестящим образом.

Это огромная его заслуга, которую нужно тем более ценить, что за годы гражданской войны и изгнанничества произошло катастрофическое понижение культурного уровня русской интеллигенции. Разучились мыслить о вещах и явлениях, лежащих вне сферы повседневного, отстали не только от нынешнего уровня знаний, но даже от однажды уже достигнутого. «Соврем. Зап.» в этой обстановке являются своего рода интеллектуальным маяком, где можно найти духовный отдых среди общественной и моральной мглы и непогоды этого ужасного русского «текущего момента».

А.Н. ТОЛСТОЙ

Рыцарь

(«Накануне». 1922. 31 марта)

«Накануне» — «ежедневная газета». Выходила в Берлине (1922 — 1924), являлась продолжением журнала «Смена вех» (Париж, 1921 — 1922). Политбюро ЦК ВКП(б) оказывало газете финансовую поддержку, надеясь использовать сменовеховских публицистов для раскола белой эмиграции. Однако все они, желая сотрудничать с советской властью ради экономического и культурного возрождения России, имели свои принципы, от которых вовсе не хотели отказываться, как,

впрочем, и большевики, цензура которых запрещала распространение в России некоторых номеров газеты, включавших слишком самостоятельное мнение о внутренней и внешней политике Совета народных комиссаров. К числу таких независимых публицистов относился и Алексей Николаевич Толстой (1882/1883 — 1945) — прозаик, драматург, критик, журналист. В годы Первой мировой войны был корреспондентом газеты «Русские ведомости» на Западном фронте, во время гражданской войны опубликовал ряд резких антибольшевистских статей. В своих статьях Толстой утверждал идеалы добра и милосердия, подлинное благородство человека, способного к защите жизни своего политического противника. Заметка о В.Д. Набокове не только образец жанра некролога, но и свидетельство его симпатии к деятелям конституционно-демократической партии. Открытое письмо Н.В. Чайковскому — образец другого жанра — свидетельствует, что его автор, мужественный человек, не побоялся ненависти белых и ненависти красных, потому что совесть звала его в Россию, чтобы «хоть гвоздик свой собственный, — но вбить в истрепанный бурями русский корабль».

Взволнованный голос забормотал в телефонную трубку: — Ужас... ужас... Убит на месте Набоков.

Потрясенное сознание, протестуя, не веря, не допуская, вызывает у меня живой образ, живого человека.

Я его вижу: рослый, красивый, гордый, быть может слишком, не по нынешним временам красивый и гордый человек, из породы отменных, отмеченных русской расы: Владимир Дмитриевич Набоков.

Человек с высокой душой, с возвышенным умом.

Про таких людей говорят устаревшее ныне слово: Рыцарь. Да, я знаю, жил он мужественно и честно и умер так, как умирают люди, имя которых заносится в золотые списки бессмертия: *защищая чужую жизнь* своего политического противника. Когда он схватил убийцу за руку, — людишки, эти все друзья, борцы,

благороднейшие личности, исчезли, как пыль. В опустевшем зале боролись рыцарь и убийца.

И другой убийца подошел к рыцарю и выстрелил ему в сердце.

Черные руки, черные не от земли, не от работы, — от черной, скипевшейся в ненависти крови, — протянулись за новой жертвой, отняли высокую жизнь.

Вы, стреляющие сзади, убиваете самих себя. Ваше дело — черное, проклятое. И смерть Набокова лишь с новой силой поднимет сердца на защиту от черных рук Великомученицы России.

Открытое письмо Н.В. Чайковскому

(«Накануне». 1922. 14 апреля)

Глубокоуважаемый Николай Васильевич, обращаюсь к Вам как к председателю Комитета помощи писателям, потребовавшему у меня объяснений моего сотрудничества в «Накануне»¹². С большой охотой даю эти объяснения.

В Вашем письме вопрос, — почему я пошел? — непосредственно связан с почти predetermined обвинением меня. Поэтому, предварительно, я принужден отвести обвинение и затем уже ответить Вам.

Газета «Накануне», «заведомо издающаяся на большевистские деньги», как Вы пишете, — на самом деле издается на деньги частного лица¹³, не имеющего никакой связи с нынешним правительством России. «Накануне» есть газета свободная, редакция состоит из членов группы «Смена Вех», сотрудники — из примыкающих, в широком смысле, к общей линии этого направления. Основным условием моего сотрудничества было то, что «Накануне» — не официоз.

Затем — задача газеты «Накануне» не есть, — как Вы пишете, — борьба с русской эмиграцией, но есть *борьба за русскую государственность*. Если в периоде этой борьбы газета борется и будет бороться с теми или иными политическими партиями

в эмиграции, то эту борьбу не нужно рассматривать как цель газеты, но как тактику, применяемую во всякой политической борьбе.

Я же, сотрудник этой газеты, вошедший в нее на самых широких началах независимости, — политической борьбы не веду, ибо считаю, что писатель, оставляющий свое прямое занятие — художественное творчество — для политической борьбы, поступает неразумно, и для себя и для дела — вредно.

Теперь позвольте мне указать на причины, заставившие меня вступить сотрудником в газету, которая ставит себе целью: — укрепление русской государственности, восстановление в разоренной России хозяйственной жизни и утверждение великодержавности России. В существующем ныне большевистском правительстве газета «Накануне» видит ту реальную, — единственную в реальном плане, — власть, которая одна сейчас защищает русские границы от покушения на них соседей, поддерживает единство русского государства и на Генуэзской конференции одна выступает в защиту России от возможного порабощения и разграбления ее иными странами.

Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, т.е. человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. Я ненавидел большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед. В эти годы погибли два моих родных брата, — один зарублен, другой умер от ран, расстреляны двое моих дядей, восемь человек моих родных умерло от голода и болезней. Я сам с семьей страдал ужасно. Мне было за что ненавидеть.

Красные одолели, междоусобная война кончилась, но мы, русские эмигранты в Париже, все еще продолжали жить инерцией бывшей борьбы. Мы питались дикими слухами и фантастическими надеждами. Каждый день мы определяли новый срок, когда большевики должны пасть, — были несомненные признаки их конца. Парижская жизнь начала походиться на бред. Мы бредили наяву, в трамваях, на улицах. Французы нас боялись, как сумасшедших. Строчка телеграммы, по большей ча-

сти сочиняемой на месте, в редакции, — приводила нас в иступление, мы покупали чемоданы, чтобы ехать в вот-вот *готовую часть Москву*. Мы были призраками, бродящими по великому городу. От этого постоянного столкновения воспаленной фантазии с реальностью, от этих постоянных сотрясений многие не выдерживали. Мы были просто несчастными существами, оторванными от родины, птицами, спугнутыми с родных гнезд. Быть может, когда мы вернемся в Россию, остававшиеся там начнут считаться с нами в страданиях. Наших было не меньше: мы ели горький хлеб на чужбине.

Затем наступили два события, которые одним подбавили жару в их надеждах на падение большевиков, на других повлияли совсем по-иному. Это были война с Польшей и голод в России.

Я в числе многих, многих других не мог сочувствовать полякам, завоевавшим русскую землю, не мог пожелать установления границ 72 года или отдачи полякам Смоленска, который 400 лет тому назад, в точно такой же обстановке, защищал воевода Шеин от польских войск, явившихся так же по русскому зову под стены русского города. Всей своей кровью я желал победы красным войскам. Какое противоречие. Я все еще был наполовину в призрачном состоянии, в бреде. Приспело новое испытание: апокалипсические времена русского голода. Россия вымирала. Кто был виноват? Не все ли равно — кто виноват, когда детские трупки сваливаются, как штабели дров у железнодорожных станций, когда едят человеческое мясо. Все, все мы, скопом, соборно, извечно виноваты. Но, разумеется, нашлись непримиримые: они сказали, — голод ужасен, но — с разбойниками, захватившими в России власть, мы не примиримся, — ни вагона хлеба в Россию, где этот вагон лишний день продлит власть большевиков! К счастью, таких было немного. В Россию все же повезли хлеб, и голодные его ели.

Наконец, третьим, чрезвычайным событием была перемена внутреннего, затем и внешнего курса русского, большевистского правительства, каковой курс утверждается бытом и законом. Каждому русскому, приезжающему с запада на восток, — в Берлин, — становится ясно еще и нижеследующее.

Представление о России, как о какой-то опустевшей, открытой могилами, вымершей равнине, где сидят гнездами разбойники-большевики, фантастическое это представление сменяется понемногу более близким к действительности. Россия не вся вымерла и не пропала. 150 миллионов живет на ее равнинах, живет, конечно, плохо, голодно, вшиво, но, несмотря на тяжкую жизнь и голод, — не желает все же ни нашествия иностранцев, ни отдачи Смоленска, ни собственной смерти и гибели. Население России совершенно не желает считаться с тем, — угодна или не угодна его линия поведения у себя в России тем или иным политическим группам, живущим вне России.

Теперь, представьте, Николай Васильевич, как должен сегодня рассуждать со своею совестью русский эмигрант, например, — я. Ведь рассуждать о судьбах родины и приходиться к выводам совести и разума — не преступление. Так вот, мне представились только три пути к одной цели — сохранению и утверждению русской государственности. (Я не говорю — для свержения большевиков, потому что: 1) момент их свержения теперь уже не синоним выздоровления России от тяжкой болезни, 2) никто мне не может указать ту реальную силу, которая могла бы их свергнуть, 3) если бы такая сила нашлась, все же я не уверен — захочет ли население в России свержения большевиков с тем, чтобы их заменили приходящие извне.)

Первый путь: собрать армию из иностранцев, придать к ним остатки разбитых белых армий, вторгнуться через польскую и румынскую границы в пределы России и начать воевать с красными. Пойти на такое дело можно, только сказав себе: кровь убитых и замученных русских людей я беру на свою совесть. В моей совести нет достаточной емкости, чтобы вмещать в себя чужую кровь.

Второй путь: брать большевиков измором, прикармливая, однако, особенно голодающих. Путь этот так же чреват: 1) увеличением смертности в России, 2) уменьшением сопротивляемости России как государства. Но твердой уверенности именно в том, что большевистское правительство, охраняемое отборнейшими войсками, и как и всякое правительство, живущее в

лучших условиях, чем рядовой обыватель, — будет взято измором раньше, чем выморится население в России, — этой уверенности у меня нет.

Третий путь: признать реальность существования в России правительства, называемого большевистским, признать, что никакого другого правительства ни в России, ни вне России — нет. (Признать это так же, как признать, что за окном свирепая буря, хотя и хочется, стоя у окна, думать, что — майский день.) Признав, делать все, чтобы помочь последнему фазису русской революции пойти в сторону обогащения русской жизни, в сторону извлечения из революции всего доброго и справедливого и утверждения этого добра, в сторону уничтожения всего злого и несправедливого, принесенного той же революцией, и, наконец, в сторону укрепления нашей великодержавности. Я выбираю этот третий путь.

Есть еще четвертый путь, даже и не путь, а путьшишка: недавно приехал из Парижа молодой писатель и прямо с вокзала пришел ко мне. «Ну как, — скоро, видимо, конец, — сказал он мне, и в его заблестевших глазах скользнул знакомый призрачный огонек парижского сумасшествия. — У нас (т.е. в Париже) говорят, что скоро большевикам конец». Я стал говорить ему приблизительно о тех же трех путях. Он сморщился, как от дурного запаха.

— С большевиками я не примирюсь никогда.

— А если их признают?

— Герцен же сидел пятнадцать лет за границей. И я буду ждать, когда они падут, но в Россию не вернусь.

Когда же он узнал, что мой фельетон напечатан в «Накануне», он буквально без шапки, оставив у меня в комнате шляпу и трость, выбежал от меня, и я догнал его уже на лестнице, чтобы передать шляпу и трость. Он бежал, как от зараженного чумой.

Четвертый путь, разумеется, — безопасный, чистоплотный, тихий, — но это, к сожалению, в наше время путь устрицы, не человека. Герцен жил не в изгнании, а в мире, а нам — лезть в подвал. Живьем в подвал — нет!

Итак, Николай Васильевич, я выбрал третий путь. Мне говорят: я соглашаюсь с убийцами. Да, не легко мне было встать

на этот, третий путь. За большевиками в прошлом — террор. Война и террор в прошлом. Чтобы их не было в будущем — это уже зависит от нашей общей воли к тому, чтобы с войной и террором покончить навсегда... Я бы очень хотел, чтобы у власти сидели люди, которым нельзя было бы сказать: вы убили.

Но для того, предположим, чтобы посадить этих незапятнанных людей, нужно опять-таки начать с убийств, с войны, с вымаривания голодом и прочее. Порочный круг. И опять я повторяю: я не могу сказать: — я невинен в лившейся русской крови, я чист, на моей совести нет пятен... Все, мы все, скопом, соборно виноваты во всем совершившемся. И совесть меня зовет не лезть в подвал, а ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, — но вколотить в истрепанный бурями русский корабль. По примеру Петра.

Что касается желаемой политической жизни в России, то в этом я ровно ничего не понимаю: — что лучше для моей родины — учредительное собрание, или король, или что-нибудь иное? Я уверен только в одном, что форма государственной власти в России должна теперь, после четырех лет революции, — вырасти из земли, из самого корня, создаться путем эмпирическим, опытным, — и в этом, в опытном выборе и должны сказаться и народная мудрость, и чаяния народа. Но снова начать с прикладывания к русским зияющим ранам абстрактной, выношенной в кабинетах идеи, — невозможно. Слишком много было крови, и опыта, и вивисекции. *Алексей Толстой.*

А.С. ИЗГОЕВ

**А.В. Пешехонов. Почему я не эмигрировал?
Изд. «Обелиск». Берлин. 1923 г.**

(«Русская мысль». 1923. № 3 — 5)

Александр (Аарон) Соломонович Изгоев (наст. фам. Ланде; 1872—1935) — публицист, журналист. С 1902 г. сотрудник либерального журнала «Южные за-

писки» (Одесса), был заведующим редакцией и редактором. В 1905 г. переехал в Петербург, был избран в ЦК партии кадетов, стал ведущим публицистом газеты «Речь» и журнала «Русская мысль» под редакторством П.Б. Струве. В 1917 г. после закрытия «Речи» выпустил вместе с А.В. Тырковой несколько номеров газет «Борьба», «Наш век». Большевики его арестовывали, ссылали, заключали в концлагерь, наконец, в 1922 г. выслали в Германию, где он продолжил сотрудничество в журнале «Русская мысль» и стал одним из ведущих публицистов газеты «Руль».

А.В. Пешехонов, видный публицист петербургской и эмигрантской прессы, был выслан тоже в 1922 г. Будучи сторонником сильной государственной власти и принципа национализации, он поэтому, в отличие от Изгоева, отдавал должное большевикам и даже просил выпустить его обратно. Однако большевики на это не решились, но предоставили ему место экономического консультанта в странах Прибалтики. Рецензия Изгоева — пример того, как в Русском зарубежье мастерски использовали рецензирование новой книги в своих публицистических целях.

Недавно на страницах *Русской Мысли* С.С. Ольденбург дал характеристику настроения «недобровольных эмигрантов», живших в России годы при советской власти и лишь в конце 1922 насильственно выкинутых ею за границу¹⁴. Не мне, как одному из заинтересованных, спорить с этой характеристикой. Но думаю, что когда беспристрастные люди захотят проверить ее справедливость, они обратятся к документам. Они несомненно возьмут тогда в руки брошюру А.В. Пешехонова. Бывший редактор «Русского Богатства», вождь народных социалистов и один из министров временного правительства — по настроениям, и по основным теоретическим предпосылкам мирозерцания чужд моему духовному складу. Между тем почти подо всем, что он говорит о причинах, побудивших его остаться в России при советской власти, под ее характеристикой и под отношением к ее некоторым действиям во внешней полити-

ке, и даже под его прогнозом будущего я готов подписаться. Кое-где придется сделать существенные оговорки, но в целом так много общего, что приходится, действительно, признать наличие какого-то серьезного расхождения в мироощущении тех, кто эмигрировал добровольно, вскоре после октября, и кто жил эти годы под советской властью, при всем различии в мирозерцании отдельных людей.

А.В. Пешехонов остался в России, надеясь, что среди обломков и развалин жизнь неизбежно начнет возрождаться и ему удастся «пустить свой корешок в русскую почву и опять органически войти в русскую жизнь» (23). Он подчеркивает, что его ожидания как раз к моменту его высылки и начали оправдываться. Медленно, неуклюже, с большим трудом и большими перерывами начали оживать большие города (Петербург, Москва, Харьков — можно прибавить и Киев и поволжские города), железные дороги, хотя и сократились, но стали аккуратнее, наблюдалось улучшение в деревнях, пощаженных голодом. Конечно, эти улучшения объясняются вовсе не деятельностью советского правительства. Напротив, они возникли несмотря на нее, в постоянной борьбе с ней, но они существуют. Дело в том, что и я, и А.В. Пешехонов, и другие, жившие это время в России, ощутительно чувствуют, что большевикам вовсе не удалось поглотить всю Россию и довести ее до такой прострации, как думают некоторые из эмигрантов, что в стране живые силы есть и они уже работают.

Вполне понимаю я и замечание А.В. Пешехонова, что «нельзя долго оставаться в положении людей, лишенных отечества, — *безнаказанно это не пройдет*» (28). Сущая это правда, но когда А.В. Пешехонов без всяких оговорок предлагает возвращаться в Россию, не смущаясь тем, что «многих арестуют, посадят в тюрьму, сошлют и даже вышвырнут, как вышвырнули нас», я должен представить ему весьма серьезные возражения. А.В. Пешехонов обязательно должен был оговориться, что этот совет не может относиться к участникам белых армий, особенно из интеллигентов и занимавших командующие должности. Для них дело идет прямо о голове. Лично для себя можно пренебречь

такой возможностью. Но никто не имеет права посылать на расстрел других. Я, например, утверждаю, что Хансен, благодаря своему недозволительному легкомыслию, стал причиной гибели многих русских людей. Никаким амнистиям верить нельзя. Возвращающихся заносят в особые списки. Их расстреливают не тотчас, но при малейших волнениях в данной местности, никакого отношения к ним не имеющих, их безо всякой вины и суда «выводят в расход». А.В. Пешехонов знает это, и он должен сделать оговорку к своему совету на стр. 28-й.

«Я радовался, — пишет А.В. Пешехонов, — когда советские войска прогнали поляков из Киева» (стр. 34). Могу подтвердить, что этому радовалось и огромное большинство русских заключенных в тех тюрьмах и лагерях, где довелось сидеть мне.

А.В. Пешехонов признает за большевиками одну заслугу: dokonчив разрушение русской государственной власти, они же и «восстановили всю полноту государственной власти и вновь распространили ее на необъятную территорию от Днестра до Великого Океана и от Ледовитого до Афганистана и “Пламенной Колхиды”» (54). «Признаюсь, — пишет А.В. Пешехонов, — будучи членом Временного Правительства, я со страхом думал об этой задаче. Кто и как заставит население выполнять веление власти, вносить подати и выполнять повинности? Одними увещаниями это не сделаешь... Большевики эту суровую решимость в себе нашли. Больше того: они проявили невиданную и для существа дела совершенно ненужную жестокость. И своего они добились... Теперь, можно сказать, большевицкие декреты не всуе пишутся: они исполняются» и т.д. (стр. 59).

Признаюсь, для меня не ясно, вкладывает ли А.В. Пешехонов в свои слова все то конкретное содержание, которое в них заключается и из них вытекает. Эти сомнения вызываются во мне не только тем, что в его брошюре местами проскальзывают шаблонные осудительные фразы о контрразведках, полицейских приемах и т.д. Как же на самом деле бороться со шпионами или подпольными организациями? «Одними увещаниями»? Или предоставить «грязное дело» другим, а за собой оставить право их порицать и критиковать? Тут заключается какая-то неясность.

Но еще больше смущает та оговорка, которую А.В. Пешехов привносит в свой прогноз. Сначала он, — по моему мнению, правильно — делает предположение, что вероятно выявится «бонапарт», который и довершит дело большевиков «с большевицкой ухваткой, не ломая советского аппарата и не разваливая советской армии». А затем вдруг неожиданно заявляет: «я не теряю надежды, что России удастся избежать не только легитимистской реставрации, но и бонапартизма» (77).

Я не знаю в мировой истории ни одного случая благополучного исхода революции вне «бонапартизма», того или иного вида «единодержавия». Вся задача только в том, чтобы этот неизбежный период был возможно короче и протекал с меньшими жертвами для свободы и духовного развития граждан. Решающую роль тут играют рост культурных сил и подъем производительности страны. Но без «бонапартизма» потрясенная революцией страна может только развалиться и стать жертвой аппетитов соседей.

Вот замечания, на которые меня наводит чрезвычайно интересная, поучительная и правдивая брошюра А.В. Пешехонова. Это — живое слово среди обычной публицистики антибольшевистского шаблона.

11 мая 1923 г.

А.И. КУПРИН

Честь имени

(«Русская газета». 1924. 11 мая)

«Русская газета» (Париж, 1923—1925) — сначала еженедельное, потом ежедневное издание.

Александр Иванович Куприн (1870—1938) смолodu охотно занимался и газетными жанрами, особенно очерком. После февральской революции редактировал

в Петрограде эсеровскую газету «Свободная Россия». В следующем году обсуждал с В.И. Лениным в Кремле несостоявшийся проект газеты для крестьян «Земля». В 1919 г. в Гатчине при Н.Н. Юдениче редактировал газету Северо-Западной армии «Приневский край», в которой печатал и свои антибольшевистские статьи. Эта деятельность продолжалась и в эмиграции. Но к середине 1920-х годов Куприн отходит от политики. В публикуемой статье очевидна его монархическая ориентация, но доминирует в ней этический вопрос — «О чести имени», не только того, о ком пишет журналист, но и своего, журналистского имени.

I

Нигде в мире честь чужого имени не находилась в таком пренебрежении и не служила столь безнаказанно пищей для грязных сплетен, как у нас, в благословенной утробной России.

Помните: стоило, бывало, кому-нибудь покинуть милую дружескую вечеринку, как оставшиеся тотчас же с каннибальской яростью бросались перебирать и грызть его кости?

Помните ли вы старый теплый уездный город с тремя тысячами населения и пятнадцатью церквями? Прошел посередине улицы акцизный с лесничихой. «Живет с ней. Чего дурак лесничий смотрит?» Уехала дочь предводителя в Москву. «Рожать поехала». Заболели зубы у о. дьякона. «Знаем, отчего заболели!» Сказано таинственным тоном, а один черт знает, что под этим кроется. Да и не вся ли Россия была огромным уездным городом?

С каким жадным интересом копались мы в частной жизни людей, стоящих выше толпы, копались исключительно с целью разыскать кусочек потухлее! Страшно подумать, сколько мерзких гадостей прилеплено к чудесным именам Пушкина, Гоголя, Достоевского, Чайковского... А еще страшнее то, что вкус к этим гадостям передается, не ослабевая, от поколений к поколениям. Так пудель найдет в помойке вонючий обглодок, поиграет им, а потом зарвет до следующего раза.

Но всего больше плели мы друг другу на ухо — злой, вздорной, идиотской ерунды — это о членах царствующего дома.

Главным питательным источником в этом смысле были для нас те «запрещенные» книжки, на которые мы с такой жадностью накидывались, едва перевалив из Вержболово в Эйдкунен.

Социалистов я еще понимаю. Их партийной обязанностью, их программным долгом было — опорочивать правящие классы всякими путями, среди которых особенно рекомендовалась заведомая клевета. «Цель оправдывает средства» — эта железная формула, многое разрешавшая людям великой веры, горячей любви, сильной воли и широкого ума, стала ныне одинаково обелять: юного фармацевта, устроившего профессору химическую обструкцию, и Дзержинского, расстрелявшего сотни тысяч человек.

А вот мы-то чему радовались, сладострастно упиваясь в заграничном вагоне поруганиями нашей истории, вестями из ватерклозета и кустарной грубой ложью, выпиравшей из каждой строки? Прикрывались-то мы, конечно, собственным либерализмом, но из-под этого фигового листка смотрела наша собственная грамота: лестно заглянуть под чужое одеяло, любопытно сунуть нос в чужой ночной горшок, а особенно если эти вещи принадлежат людям недосыгаемым.

И какое же крошево для свиней подносили социалисты нашей невзыскательной любознательности! Я был шестнадцатилетним мальчишкой и слегка подлиберализовал, когда мне кто-то сунул «Запрещенного Пушкина» и «Тайны дворца Романовых». С первых же страниц я плюнул на обе книги. «Запрещенный Пушкин» навсегда, а «Тайны» очень надолго отвಾದили меня от похабщины и вольнодумия. А ведь теперь если подумать, что эти вздорные книги читали люди зрелые, положительные отцы семейств и городов, а читали с полнейшим доверием, — то только руками разведешь.

Что и говорить, не сплошной розовый цветник представляла наша прежняя, старорежимная жизнь. Не одними только медовыми пряниками кормило нас наше правительство. И царей наших, случалось, окружали люди прямо страшные своими отрицательными чертами: тупоумием, упрямством, корыстолюбием, леностью, распущенностью, завистью, индючьим самомнением,

презрением к России, а больше всего — непомерной любовью к родственникам, влекшей за собою неслыханный nepoтизм.

Старая пресса, — хотя и стиснутая железными шенкелями III Отделения, хотя и осаживаемая строгим мундштуком цензуры, — все-таки умудрялась вести, на эзоповском языке, войну с двором и правительством. Эту тайную и опасную войну мы до сих пор вспоминаем с почетом. Но тогдашние рыцари пера не заглядывали в жилые, интимные покои царского дворца. Это делало революционное подполье.

Что было за дело до чести чужого имени героям подполья. Своих имен у них не было; были клички: одна или две партийных, да еще одна от филеров, да еще псевдоним журнальный. Своя фамилия стиралась, пропадала. Да и не все ли равно? Если социалиста прежних времен спрашивали: «Какая фамилия была вашей матери в девичестве?» — он отвечал спокойно: «А черт ее знает!» Точно зародилось из банной плесени все русское подполье.

И надо сказать, оно делало свое дело опорочения не только грубо, но и совсем бездарно, как, впрочем, была бездарна вся подпольная литература: стихи, проза, прокламации, брошюры; глупее этого мусора были разве только революционные песни и гимны... Теперь и вспомнить-то стыдно, какие лубочные ужасы, какие дурацкие мерзости печатались тогда в Женеве о русских императорах! А публика глотала это вранье с наслаждением и делилась, шепотком, с друзьями и знакомыми своими сведениями.

Странно: эта позорная слабость и до сих пор еще не прошла у русских интеллигентов. Особенно у эмигрантов.

Есть, например, одна русская газета за границей¹⁵. Она твердо убеждена в том, что великая русская революция с ее великими завоеваниями на веки вечные покончила не только с династическими интересами, но и с самой мыслью о монархии, хотя бы даже и расконституционной (большевики — того же мнения). «Есть, правда, — говорит она, — маленькая горсточка монархистов, а среди них — даже три-четыре легитимиста, но эти чудачки совсем безвредны, и скоро их можно будет показывать за

деньги, как когда-то показывали представителей вымирающего племени ацтеков».

Но если уж так безнадежно дело монархии и монархистов, то зачем же эта газета никогда не упускает случая боднуть, кольнуть, щипнуть или мазнуть грязью имена русских усопших царей от Екатерины II до Николая II? Ведь русская монархия, по ее мнению, только тень, призрак, дурной сон, историческое воспоминание... Кто же, разумный, воюет с привидениями? И кто, кроме темных фанатиков, решится предавать поруганию и проклятью имена лиц, давно ушедших в небытие?

II

Имя Александра III менее всех больших имен давало поводов и случаев для судачения. Сплетня ломала зубы об его крупную, хозяйственную, самобытную фигуру.

Что о нем говорили социалисты?

Что он не подписал конституции, заготовленной его отцом?

Но разве не был убит Александр II социалистами почти в тот день и час, когда он хотел ее подписать? Ведь конституция была неизбежным, логическим выводом из всех прекрасных реформ царя-освободителя, завершением всего его царствования. Абсолютный монарх дает народу благо свободы, а не уступает насилию: иначе он не самодержец. И ограничивает размер своей власти он по своей воле, а не по требованию: иначе демагоги размечут по кускам и скипетр, и державу, и порфиру. Подумайте: мог ли Александр III подписать эту конституцию над неостывшим телом своего отца и именно в тот момент, когда это бессмысленнейшее и жесточайшее из убийств ясно показало, как мало стоят народ и общество оказанных им благоденствий.

Как бы в укор Александру III ставят то, что он прислушивался к советам Победоносцева. Но один из лучших даров каждого государя — это умение внимать голосу мудрости. Победоносцев был совершенно прав, рассматривая цареубийство как самую низкую подлость. Но из социалистов лишь один Лев Тихомиров это понял душою и умом¹⁶. Другие и до сих пор почитают это злодеяние великим актом народного гнева.

Хорош народный гнев! Плотная мужичья масса сразу решила: «Убили царя господина за то, что он у них отобрал крестьян». Это мнение вы и теперь еще можете услышать от уцелевших древних стариков.

Говорят, что Александр III, боясь покушений, окружил себя охраной. Но, во-первых, назовите мне человека, который смотрел бы на бросаемую в него бомбу как на источник сильного, но приятного развлечения? А во-вторых: если частному человеку разрешено ставить жизнь на карту, играя со смертью, то жизнь государя должна быть оберегаема как им самим, так и правительством и народом. Посмотрите-ка: нынешний принц Уэльский — веселый, добрый и очень любимый народом юноша — чересчур увлекся скаковым спортом; после двух неудачных падений на него заворчал все английское общество: «Негоже наследнику престола так рисковать жизнью и здоровьем».

Ставят Александру III в вину то, что он утвердил смертный приговор убийцам своего отца. Оставим в стороне вопрос, насколько уместно монарху проявлять свои родственные чувства в виде кровной мести. Другой вопрос: возможно ли оставлять в живых злоумышленников, низвергающих при помощи убийства законный порядок в государстве? Ведь это только социалисты понимали так односторонне «борьбу»: когда мы нападаем и убиваем, то это «святая борьба», когда же от нас защищаются, то это уже — гнусная реакция. И тут же забывают, что, кроме героев 1 марта, кажется, ни один человек не был казнен в царствование Александра III.

Жаловались еще социалисты, что их ссылают в Нарымский, Зерентуйский, Акатуйский и другие края. Но что же было с ними иначе делать? Надо же ведь уметь изредка становиться на логическую точку зрения враждебной стороны. Да и то сказать: в этих ссылках была своя доля большой пользы. Из бездельной жизни в прокуренных чердаках, от бессмысленных русских споров и массовок молодого человека судьба переносила на лоно природы, в среду первобытных, чистых сердцем, правдивых и наивных, как дети, полудиких народов. Сколько людей вернулось оттуда выпрямленными и поздоровевшими (сохранив в целости свою не-

примиримость). Короленко, Елпатьевский, Дионео, Серошевский, Тан, Олигер, Чулков... всех не перечислишь. В городе они никогда бы не отыскали в себе самого главного: таланта.

Говорили еще, что царствование Александра III было скучно и серо. Да и слава Богу: тринадцать лет этот государь не хотел воевать. А ведь раньше, круглым счетом, мы воевали через каждые три года. Чего еще лучшего может пожелать народ от своего царя? И именно за время этого мирного царствования русский крестьянин начал расширять свое хозяйство.

Говорили также: «Царь простоват. Иногда он сам признается, что не понимает докладов министров». И тут неизменно приводят анекдот о тарифах, всегда один и тот же.

А между прочим, мне истинная основа этого анекдота известна лучше, чем многим другим. Вот что рассказывал граф С.Ю. Витте в Париже корреспонденту «Нового времени» И.Я. Павловскому (недавно умершему) и что Павловский в тот же день по свежей памяти записал в дневник:

«Когда Витте окончил чтение о необходимости введения нового ж.-д. тарифа, государь, терпеливо слушавший, сказал:

— Я не понимаю. Объясните.

Витте эти слова не удивили, как не удивило бы профессора высшей математики то, что студент не понимает 43-ю страницу эйнштейновской теории. Он знал лишь, что только честный и сильный государь может позволить себе роскошь признаться в непонимании. Да, надо еще сказать, что настоящим кропотливым работником по созданию новых тарифов был вовсе не Витте, а киевский буквоед профессор Афиноген Антонович. Витте дал зерно мысли. Витте был по-своему признателен Антоновичу: он добился для него поста товарища министра финансов, но киевский специалист недолго зажился в Питере — очень уж он был гугнив, косолап, невзрачен и провинциален...

И вот Витте ответил откровенностью на откровенность:

— Простите, государь, я и сам, признаться, понимаю здесь очень мало, кроме несомненной пользы для России. Если вашему величеству будет угодно выслушать В.И. Ковалевского... у него дар самые сложные вещи передавать в упрощенном виде...

Государь поморщился.

— Кажется, он социалист?

— Но верный сын родины, ваше величество».

Так-то был принят и выслушан В.И. Ковалевский, так *были* подписаны новые тарифы, и так было положено начало анекдоту. Я рекомендую каждому умнику покопаться в этих тарифах!

Вот, кажется, и все, что сплетня могла придумать в опорочение имени Александра III. Разве еще то, что он будто бы пил много вина. Но тут позвольте уж мне, как гатчинскому соседу, сказать правду. Вина государь никогда не пил, а за официальными обедами лишь пригубливал шампанское. Но водку, действительно, пил, раз в день, в двенадцать часов, мерный серебряный стаканчик, после чего ел с большим аппетитом. Посещая какой-нибудь полк, заходил на кухню, принимал из рук артельщика чарку, а от кашевара — пробу, причем, к радости солдат, съедал ее всю: и щи, и кашу, и порцию. Слухи об оргиях — вздор. Никто не видел государя хотя бы в малейшем опьянении.

Одного никогда не смела касаться охая клевета: брачной жизни Александра III.

Но вот, на днях, в одной русской газете читал выдержки из дневника какой-то захудалой генеральши. Дневник напечатан в Совдепии Л. Френкелем, неизвестно — с согласия ли генеральши или просто путем проворства рук. Выдержки же, взятые газетой, все как на подбор, клонятся к опорочиванию последних Романовых.

Одна из них прямо невероятна по своей мерзости. Видите ли: Черевин будто бы сказал¹⁷ генералу Баранову, а генерал Баранов — авторше дневника¹⁸, а авторша немедленно занесла в тетрадку, что государь страдает такими противуестественными наклонностями, о каких не упоминает даже Крафт-Эбинг в своей «Psychopathia sexualis». Черевин — о, стыд! о, ужас! — составляет государю кормилиц...

Не заступаться мне приходится за покойного прекрасного государя. Но просто в моей памяти встает то, что мне приходилось одновременно слышать о частной жизни Александра III из уст Н.П. Азбелева (воспитателя великого князя Георгия) и профессора Рауфуса, лейб-акушера¹⁹.

Оба они — моложавый адмирал и древний профессор — рисовали жизнь царской семьи в Гатчине как хорошую, дружескую, помещицью жизнь, мало стесненную этикетом, полную ласки и взаимного понимания, богатую впечатлениями и свободой для детей. Тяжесть отцовского авторитета чувствительнее сказывалась на наследнике. Для остальной молодежи она казалась незаметной. Больше побаивались матери; впрочем, ее точности и некоторой педантичной узости, кажется, побаивался сам государь... Александр III был замечательным отцом — мало нежничал с детьми, но заботился о их воспитании и здоровье с трогательным вниманием.

«Мне говорили, что он сам выбирал кормилиц для грудных детей», — рассказывал Н.П. Азбелев.

А доктор Рауфус об этом же предмете вспоминал с оттенком легкой старинной обиды: «Императрица не могла сама кормить. Государя это огорчало. К выбору кормилиц он относился чрезвычайно ревностно. Он упорно настаивал на том, что кормилица должна по типу походить на мать. Но как мы могли найти такие данные в чухонских деревнях, да и еще при условии доброкачественности молока? Но такие требовательные родители не новость для нас, акушеров, и я однажды позволил себе спросить государя, не держал ли он когда-нибудь в руках книгу “Мать и дитя”, сочинение доктора Жука? Царь на минуту как будто бы смутился: “Предположим — да. Что же из этого?” — “Да то, ваше величество, что когда мы, акушеры, практикуем простых смертных и они мешают нам своими советами, то мы рекомендуем им немедленно сжечь эту книгу, так как в ней много вздора”».

Я бы не останавливался так подробно на этой мелочи, если бы в ней не вскрывался с несомненной ясностью путь создания очередной гадкой сплетни:

1. Черевин. Это был огромный меделянский пес, безгранично и слепо преданный воле государя. Это был в царской руке вечно заряженный пистолет со взведенным курком. Царю стоило только нажать гашетку — и Черевин стрелял бы в любом направлении. Так ему однажды и было приказано: найти хороших кормилиц. И он полетел доставать их.

2. Черевин об этом случае прямо и бесхитростно рассказал Баранову. Н.М. Баранов был умница, честолюбец и насмешник. Он немного фрондировал. За ним водились кое-какие грешки по части самоуправления, и государь как-то сделал ему лично замечание. В этих случаях гигантский царь бывал страшен. У Баранова осталась желчь после выговора. Передавая на вечере у генеральши рассказ Черевина о кормилицах, он, вероятно, не мог воздержаться от легкого пожатия плеч, от маленькой кривой улыбочки: вот, мол, государь, к голосу которого прислушивается весь мир, а какими пустяками занимается.

3. Генеральшино воображение истолковало улыбочку по-своему: «Ага! Пикантная подробность!» И вклеила в свой дневник этот рассказ как деталь в картине общей развращенности династии.

4. А газетчик-социалист, не задумываясь, перепечатал эту деталь людям на посмеяние. Что ему за дело до чести чужого имени.

П.Б. СТРУВЕ

Ни гордыни, ни самоуничужения

(«Возрождение». 1926. 4 февраля)

«Возрождение» (Париж, 1925 – 1940) — ежедневная газета, «Орган русской национальной мысли». В 1925 – 1927 гг. ее редактировал П.Б. Струве. Из номера в номер он писал отклики на различные события политической жизни в России и за ее рубежами. За два года он дал 202 таких отклика. Струве стремился день за днем влиять на «национальное общественное мнение» Русского зарубежья, ориентировал его на понимание того, что «возрождение» России возможно в единении «Зарубежной России» и «России внутренней», на основе «идей нации и отечества, свободы и собственности». В августе 1927 г. он был вынужден уйти из газеты, чем

доказал: «никаким денежным могуществом меня не сомнут и не согнут» (Струве П.Б. Дневник политика (1925 – 1935). М., 2004. С. 313). (Статья «Ни гордыни, ни самоуничужения» и все следующие печатаются по текстам указанного издания.)

Нам следует ясно и до конца познать и осознать наши недостатки и пороки для того, чтобы стать вровень с огромными задачами, как-то на нас всех, старых и молодых, лежащими.

Зарубежная Россия не имеет права на какую-то гордыню по отношению к России Внутренней, или Подъяремной. Крушение России есть не только общая беда, но и общая вина, и сознание этого должно проникать во все наши поступки. Поскольку же в нас живет некая гордыня, это не только ошибка, но и настоящий порок, от которого мы должны избавиться.

Внутренняя Россия находится под ярмом, она согнута и обескровлена, и в ней духовный гнет еще ужаснее, чем гнет физический, но в ней есть здоровые силы, в ней тоже совершается моральное творчество, без которого невозможна никакая плодотворная политическая работа, идущая вглубь и поднимающая новь.

В ней есть подвиг, и личный и соборный, — подвиг бесчисленных людей, под гнетом и среди мерзости блюдущих святости и хранящих их для будущих поколений.

Недаром Церковь здесь возглашает о нашей Родине то как о многострадальной, то как о богоспасаемой. Мы верим, что Земля Русская в своих страданиях не оставлена Богом, а как-то — в путях земных и человеческих — ведется к спасению. Пусть наши подъяремные братья знают, что мы ощущаем это и верим в это и с такой верой тянемся к ним и протягиваем им руки.

Но мы, Зарубежная Россия, не ничтожество и не пыль, которую, как какую-то эмигрантскую накипь и отбросы, мы сами можем сбрасывать и позволять другим сбрасывать с исторических счетов.

И у нас есть здоровые силы, есть моральное творчество, есть подвиг веры в скорбях, верности в мучениях, подвиг преданности образу и имени России.

Офицер, превратившийся в рабочего, и часто даже в чернорабочего, барыня, ставшая портнихой, являются не только «деклассированными» и «деградированными» индивидами, а, поскольку они верны России в ее знамени, они в своих страданиях, доходящих — сколь часто! — до подлинных мук, даже подыались нравственно на высшую ступень существования.

«Эмигранты» — я не люблю этого слова, ибо оно исторически не соответствует нашему положению, но сейчас нарочно присваиваю нам, Зарубежной России, это поносительное наименование, — не отбросы, не накипь, а один из строительных камней долженствующей возродиться Воссоединенной России.

Мы не должны предаваться «эмигрантской» гордыне, но и не должны впадать в эмигрантское самоуничижение.

С чисто объективной исторической точки зрения мы имеем вес и должны идти в счет.

Ибо, если Внутренняя Россия имеет за собой один подвиг, мы имеем за собой другой.

И настанет день, когда, воссоединившись, мы объединим в великом общем деле возрождения плоды и уроки наших испытаний, нашего долготерпения и нашей терпимости, познав, что в наших раздельных и подчас, казалось, разъединяющих страданиях была и некая общая участь и некий общий подвиг.

Итак, ни гордыни, ни самоуничижения!

Наши идеи

(«Возрождение». 1926. 3 июня)

Год в исторической жизни и, в частности, год существования ежедневной газеты — короткий срок. Но в условиях Зарубежной России, этого огромного патриотического исхода, совершенного в борьбе, вынужденно и в то же время свободно, год есть большой промежуток времени, и он вдвойне велик для нашего дела, дела влияния на общественное мнение.

За это время наши усилия были направлены на объединение *национального* общественного мнения за рубежом.

Мы не задавались при этом мечтательной целью — разом объединить всех, одним ударом стереть все различия, утопить все разночувствия и разномыслия. Это либо было бы невозможно, либо то единство, которое получилось бы таким путем, оказалось бы единством серого и бездейственного безразличия, не способного ни одушевлять, ни увлекать.

Когда мы начали выпускать «Возрождение», Зарубежная Россия в ее *национальной* части, живущей преданиями исторической России и живой ее духом, назвала имя того лица, в котором она увидела и нашла своего *вождя* — великого князя Николая Николаевича. Став под это знамя, «Возрождение» упорно скликало под него русских людей и, надо думать, достигло в этом деле значительных и прочных успехов.

То объединение, к которому звало и зовет «Возрождение», не есть объединение на какой-либо *доктрине* и в какой-либо *партии*.

Основные идеи наши ясны и просты.

Мы сознательно и убежденно приемлем и выдвигаем личный авторитет великого князя. Авторитет чистый и бескорыстный, овеванный и исторической традицией, и духом жертвенности. Авторитет не господства, а *служения*.

Мы сознательно и убежденно рассматриваем себя как слуг великого организма *русской армии*, той силы, которая встала на защиту бытия и чести России против разрушительной антинациональной смуты. Эта великая национальная сила и теперь *готова* каждую минуту ринуться в бой с III Интернационалом. Служа ей, мы — слуги и глашатаи *белой идеи* и *белого движения*.

Мы сознательно и убежденно настаиваем на том, что Зарубежье должно духовно и политически не вариться в собственном соку, не жить мелкими счетами и перекорами «эмиграции», а всеми своими помыслами и *действиями* быть обращено туда, к подъяремной *Внутренней России*.

Именно эта обращенность к Внутренней России внушает нам и властно диктует не партийно-политическую программу, а

некоторые основные и не-сдвигаемые линии нашего политического мышления и поведения.

Отвергая ложные идеи и злой дух революции, в своих разрушениях себя пережившей и изжившей, мы учитываем великие сдвиги и крупные изменения, происшедшие в народной жизни. России нужно возрождение, а не реставрация. Возрождение всеобъемлющее, проникнутое идеями нации и отечества, свободы и собственности, и в то же время свободное от духа и духов корысти и мести. Поэтому мы стоим непреклонно за установление собственности и предостерегаем от увлечения несбыточными мечтами о восстановлении или реставрации собственности. Необходимо возвращаться к России Внутренней и идти в нее с ясной и твердой идеей собственности и нельзя идти туда с мечтами о возврате собственности.

Государственное здание будущей возрожденной России будет как-то сооружено силами политически освобожденного и духовно воспрянувшего народа. Восприимницей этого освобождения и возрождения должна быть неумирающая идея свободы. Однако сейчас бесплодно вырисовывать те государственные пути, по которым пойдет возрожденная Россия, и тем более нелепо диктовать те формы, в которые выльется ее политическая жизнь. Вот почему у нас нет политических рецептов, а есть ясная и твердая мысль — России нужны: прочно огражденная *свобода лица* и сильная *правительствующая* власть.

Наконец, у нас есть ясное сознание и твердое убеждение, что духовная крепость и свобода лица, мощь и величие государства в своих глубинах, основах и истоках восходят как-то к непреложным религиозным началам. Отрываясь от этих начал, личность духовно никнет и мельчает, корни ее свободного бытия иссыхают. И государство, которое отнюдь не представляет просто технического приспособления, а есть некий таинственный сосуд национальной духовной и жизненной энергии, испытывает ту же судьбу, когда отрывается от религиозных начал.

Вот почему для нас *Великая Россия* и *Святая Русь* не два различных естества, а лишь два различных лица единой и живой в своем единстве духовной сущности.

Кто совершил?

(«Новое время». 1926. 5 августа)

«Новое время» (Белград, 1921 — 1930) — ежедневная газета, продолжение петербургского «Нового времени» (1868 — 1917).

Иван Александрович Ильин (1883 — 1954) — философ, публицист, литературный критик. В 1922 г. был выслан из России. В 1927 г. в Берлине начал издавать «Журнал волевой идеи» — «Русский колокол». За четыре года вышло только девять номеров: они включали 40 статей Ильина. В своем журнале он хотел служить «самобытной и великой России, укреплению национального самосознания, духовному обновлению и религиозному очищению России». Заниматься этим на Родине Ильину помешало ведомство Ф.Э. Дзержинского. «Кто совершил?» — проблемная некрологическая статья, редкая разновидность жанра. В некрологе автор подводит итог жизни человека. Но в тексте Ильина нет присущей этому жанру интонации сострадания и печали. Здесь эти чувства заменены гневом и холодной объективностью, «мыслью и волей».

Умер Дзержинский. И не добром поминает его Россия. Да и может ли быть иначе? Восемь с половиною лет правил он страхом и кровью, и то, что он сделал — неопишимо и непоправимо. Имя этого поляка навсегда внесено в русскую историю и записано оно на одной из самых трагических и позорных страниц ее...

Но именно поэтому к его деяниям нельзя подходить только от чувства; здесь необходима еще мысль и воля.

Да, его деяния были отвратительны. Но значит ли это, что они были бессмысленны, что они не были обдуманно-целесообразны? Я имею в виду, конечно, не цели России и не цели религиозно живого духа, а цели социалистически-коммунистического интернационала, цели тех организаций, которые отрицают

религию и Бога, не чтут начала родины и ведут борьбу с началом частной собственности...

Были ли его деяния бессмысленны? Или они служили чьим-то целям?

Совершая то, что он совершал, тешил ли он только свою личную жестокость и действовал от себя и за себя, или служил, и притом целесообразно служил, единому социалистически-интернационалистическому делу? А может быть, сверх того, — служил преданно и бескорыстно...

Я отнюдь не желаю выступать здесь «адвокатом дьявола» и отнюдь не думаю, что «цель оправдывает средства». Нет, дьявольское дело может серьезно защищать только дьявол; а нравственно дурное средство при всех условиях сохранит свое нравственное несовершенство. Я ищу только справедливости.

И вот справедливость требует, чтобы, с одной стороны, мы не делали из Дзержинского мелодраматическую, жизненно нереальную фигуру «средоточия всех пороков». Мы не дети; мы видели большевизм таким, каков он есть на самом деле; и потому не нуждаемся ни в сгущениях, ни в преувеличениях. И живая реальность, которую мы видели, нередко бывала человечески ужаснее, чем всякие мелодраматические преувеличения. Ни сам Дзержинский, ни большевизм, им организованный и укрепленный, совсем не сводимы ни к дьявольству, ни к душевной болезни. Нет; здесь, кроме дьявольского, еще все насквозь человеческое; и кроме душевнобольных наклонностей, здесь все еще проникнуто плоским и пошлым здравым рассудком и хладнокровно теоретизирующим умом. И не надо делать сумасшедшего кровопийцу из холодно-жестокоего доктринера или мелодраматического злодея из неподкупного и прямолинейно-волевого социалиста. Это во-первых.

Во-вторых, справедливость требует, чтобы деяния Дзержинского отнюдь не возлагались на него одного. Я имею в виду не только его подчиненных и не только других вожаков коммунистической партии, всегда отлично знавших и поддерживавших все то, что он делал. И не только русских коммунистов имею я в виду; и даже не коммунистов других стран, в течение девяти лет

искавших в трудную минуту жизни покровительства и защиты у Дзержинского. Нет, я имею в виду всех социалистов-интернационалистов всего мира. Ибо Дзержинский, по существу, творил их дело.

Кто из нас еще столь наивен, чтобы не понимать мирового размаха большевистской революции? Эти люди с первого момента знали, что они хотят, хотя и не знали, что именно у них выйдет. Они понимали, что они делают. Они знали, какие силы они собою возглавят и вот уже возглавили. И с первого момента они смотрели на Россию, как на стог сена, или бочку с дегтем, или бумажный склад для мирового пожара. И еще одно: они не умеют желать, не делая; хотя в результате, вероятно, окажутся сделавшими не то, что хотели. Словом, это люди, реально начавшие мировую войну за социализм и интернационализм. Правда, во многих странах борьба за эту высокую цель (отмена религии, родины, семьи и частной собственности) начата не ими; она шла уже и до них. Но мировая война ныне начата ими. Все, что было сделано до них социалистами всех толков, имело лишь подготовительный характер: занимался понемногу «демократический» плацдарм и захватывался «парламентарный» тэт-де-пон (фр. плацдарм. – *В.П.*); вербовался и организационно — обучалась армия; преподавалась атеистическая «словесность»; патриотически тупые общественные слои возвеличивались за свою тупость, патриотически живые сбивались с панталыку; идеологически осмысливались остатки многообразия; малоимущим проповедовалось «обладание всем» (равносильное «ничего-неимению»); несправедливостям существующего строя противопоставлялась мнимая справедливость всеобщего уравнивания; узаконялась и разжигалась классовая ненависть; развивался пафос противоестественной химеры. Словом, до большевиков шла подготовительная борьба. Они превратили ее в мировую войну.

Ныне подготовительный период закончен, и началось главное действие. Все, что придумывалось в теории и на практике; все, что готовилось, накапливалось, организовывалось — должно ныне принести плод. «Легальная» борьба должна превратиться в гражданскую войну. Разрозненные усилия должны

быть согласованы и объединены. С предрассудками покончено; колебаний больше нет; ждать нечего. Начался давно подготовлявшийся штурм.

Но штурм — во имя все той же единой, социалистически-интернационалистической идеи.

Ныне коммунисты делают то самое, чего хотели, о чем мечтали, о чем писали, что готовили социал-демократы и социалисты-революционеры всех стран. Готовили давно, весь девятнадцатый век. Готовили и говорили, говорили и примеривались. А большевики только отнеслись серьезно и активно — и к подготовке, и к словам.

Доказывать это не стоит. Перелистайте только эту подготовительную идеологическую литературу всех стран, начиная от политических брошюр Маркса и «Эрфуртской Программы» Каутского и кончая «сочинениями» русских меньшевиков и эсеров. Там все записано черным по белому, начиная с того, что «пролетарий не имеет родины» и кончая «беспощадной борьбой с буржуазией». Вспомните эти революционно «воспитывающие» песни, прокламации, газетные статьи...

Все, что делали и делают большевики — все было выношено, высказано, воспето, возвеличено и задано к выполнению их младшими братьями, социалистами всех стран. А коммунисты отнеслись ко всему этому серьезно и активно. «Не имеет родины?» Ну, да! Но к этому надо отнестись серьезно: не имеет, так уж действительно не имеет... «Беспощадная борьба»? Ну конечно! Но к этому надо подойти активно: беспощадная — это когда нет пощады... «Вставай на врага, брат голодный!» И «голодный» встал. «На бой, на смертный бой!» Это значит: или ты меня убьешь, или я тебя убью. И когда «голодный» встал — то он послушался до конца и «в сибирских лесах, зная на бар и господ, заломил он родную дубину»...

Скажем однажды открыто и прямо.

Социалисты всех стран, а особенно русские социалисты, всех толков, хотели не только того, что делают ныне коммунисты, но и того, как они это делают. Русские социалисты всю жизнь, из поколения в поколение требовали кровавого избиения

так называемой «буржуазии», готовили для него настроение мести и ненависти в массах и все время призывали через террор к вооруженному восстанию. Резня готовилась и воспевалась.

Что же есть Дзержинский?

Это «пролетарий без родины» (неподкупный и убежденный!), серьезно и активно отнесшийся к социалистической «программе» и «революционной» тактике, и потому начавший «беспощадную борьбу» с «барами» и «господами» и действительно поработавший «дубиной» от лица «голодного».

А что же они, призывавшие и подготавливавшие? Мечтавшие и воспевавшие? Ездившие в Циммервальд вместе с Лениным, отпиравшие настежь тюрьмы вместе с Пугачом и Стенькой и открывавшие русское «учредительное собрание» пением интернационала? Поддержали ли они неподкупного и убежденного пролетария, когда он начал «смертный бой»?

Нет. Отошли, отъехали, умыли руки и сделали праведные лица. И пытаются думать, что они не причастны к крови, пролитой Дзержинским. Но почему? Они звали — и он пришел. Они делали в малом масштабе — а он в большом. Цель у них — единая и общая. Средства — революционно признанные и канонизированные. Различие только в тактической дозировке. Но это различие не целевое, не существенное, не качественное и даже не количественное: это вопрос благовремения и оттенка.

Вот уже скоро девять лет, что мы с отвращением слушаем эти пререкания поссорившихся единомышленников: «Вы не так делаете!» — «Да, но я делаю то самое!» — «Нет, вы не тогда и не там начали!» — «Да, но я делаю, а не болтаю!» — «Но вы очень жестоко поступаете!» — «Что делать, вы тоже революционеры, а революция жестока!» — «Да, но вы очень некультурно действуете!»... и т.д.

Слушаем мы эти пререкания и спрашиваем себя: да неужели же и вправду русские социалисты, младшие братья большевиков, воображали, что революция может пройти без потоков крови?.. Это после всех бывших в мировой истории переворотов и революций?.. Или, может, так: всю жизнь проповедовали кровь и резню и... мечтали, что этого не будет?

На суде у преступников есть такой прием самозащиты: внезапное оглушение. Он-де не знал, что это чужая квартира; он-де никогда не думал о том, что револьвер может выстрелить; он надеялся, что, может быть, яд вдруг не подействует...

Вряд ли русские социалисты захотят прибегать к этому приему самозащиты...

Я думаю, они просто увидели, что дело, которое они всю жизнь готовили, есть дело слишком волевое, прямолинейное и грязное; увидели и поспешили отойти. Что же, если у большевиков из грязи вырастет социализм, тогда они скажут: «Ах, вот и социализм сделался! Да благословит нас Маркс, а мы — чисты и невиноваты»... А если у большевиков из грязи выйдет одна только гибель лучших людей и разорение страны, тогда они скажут: «Ах, какая вышла недурная демократия! Да благословят вас братья Гракхи, а мы — чисты и невиноваты... ведь мы предвидели, мы протестовали»...

Пусть говорят. Но мы скажем другое.

В мире началась великая и жестокая гражданская война. В этой войне не три группировки, а две: красная и белая. Социалисты же всех стран искони пребывали и ныне пребывают в красном лагере. Их отмежевание от коммунистов ни для кого не убедительно: они остаются их передовую инженерную ротю. Они верят в ту же противоестественную химеру; они идут по тому же пути; они хотят того же и готовят то же самое. Различие лишь в темпе, в оттенках и в стремлении переложить на коммунистов черную работу крови, эксперимента и риска.

По существу же, перед нами единый стан социалистов-интернационалистов. И Дзержинский свирепствовал в России в качестве боевого органа этого единого стана. Он делал в России то, что ныне готовится во всех странах, во всем мире: он вырезал от лица победившего социализма его врагов. Это совершится везде, где социалисты приведут к власти коммунистов. И всюду, где это совершится, совершенное будет иметь тот же смысл и то же значение: это будет актом единого, социалистически-интернационалистического дела, — не эксцессом, а обдуманным поступком, тактическим и программным «достижением»...

Не будем наивны. Люди совершают много того, чего они «сами не делают»; и ответственность за это не слагается с них...

Кто же, кто совершил поступки поляка, социалиста и интернационалиста Феликса Дзержинского??

П.Н. МИЛЮКОВ

Речь на празднике Русской культуры

(«Последние новости». 1927. 17 июня)

«Последние новости» (Париж, 1920 – 1940) — ежедневная газета. В конце 1921 г. на заседании парижской группы партии кадетов была принята «новая тактика», в частности предлагалось бороться против большевиков совместно с эсерами. Поэтому на страницах газеты можно встретить журналистов обоих политических направлений.

Павел Николаевич Милюков (1859 – 1943) — политический деятель, историк, публицист, редактор. Более десяти лет руководил газетой «Речь» (совместно с И.В. Гессеном), почти 20 лет — «Последними новостями». Он занимался историей русской культуры, был прекрасным оратором и, конечно, поэтому оказался докладчиком на празднике Русской культуры. К тому же в 1925 г. в Праге вышла его книга: «Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальный вопрос в России)».

Мы все чувствуем себя русскими и непосредственно понимаем смысл этого слова. Но объяснить чужому, что значит чувствовать себя русским, так же трудно, как объяснить, почему мы воспринимаем один цвет, как зеленый, а другой как красный. Чувство национальности, которое нас здесь объединило, по существу своему субъективно: оно само определяет и творит свое содержание. На это субъективное ощущение нет апелляции. Мы горячо и убеж-

денно говорим о «русской крови», которая течет в наших жилах, и охотно повторяем старую поговорку семнадцатого столетия, что «кровь гуще воды», — хотя с научной точки зрения основывать национальное чувство на кровном родстве — есть величайшая ересь. Мы признаем народную сказку, московский боярский костюм, наконец, нашу веру — русскими, хотя ученые и говорят нам, что сказка повторяет ходячий международный сюжет, в костюме — заморские материи выкроены под татарский или польский покрой, а вера наша получена от греков. Мы с полной уверенностью утверждаем подчас, что наш народ — самый лучший на свете и что ему суждена великая будущность, — нисколько не смущаясь тем, что большинство других народов говорит о себе то же самое. Нечего и говорить, что наш язык для нас, — самый богатый, самый благозвучный, самый выразительный, — не то, что французский или английский. И когда удивленный и огорченный отец-эмигрант слышит от сына, пришедшего из французского лица или английского колледжа, что самый лучший язык и самый великий народ есть французский или английский, ему приходится признать, что закон психологии тут один и тот же, но примириться с этим — очень трудно. Субъективно, конечно, мы правы во всех подобных утверждениях: мы так чувствуем: мы хотим, чтобы так было. Мы воспринимаем все сложное содержание нашей культуры, веками копившееся, составленное из самых разнообразных источников — с византийского юга, со скандинавского севера, с германо-польского запада или с кочевого востока, — как наше русское, ибо мы его ассимилировали, уподобили себе, переварили в себе и создаем, как наше национальное. Наша воля есть высшая инстанция; эта воля — быть русскими — и есть самая сердцевина нашего национального чувства. Ренан в своем знаменитом этюде «Что такое нация?» метко определил национальное чувство, как ежедневно повторяемый молчаливый плебисцит о желании и о решении членов нации — быть, чувствовать и действовать вместе. Такой именно плебисцит мы производим сейчас в этом зале. Для этого мы здесь собрались и принесли сюда такую нашу волю.

Однако же, субъективное чувство превратилось бы в произвол, в каприз, в какую-то химерическую мечту, если бы оно было

только личным чувством, — и если бы за ним не стояло никакого положительного содержания. Конечно, это не так с национальным чувством. Оно, во-первых, не личное, а коллективное, и вырабатывается процессом долгого общения; а затем и в содержании его отложился материал культуры, нажитой веками совместной жизни. Мы называем этот материал русским, а не великорусским, потому что такова была совместная жизнь различных славянских и неславянских народностей, составивших русскую амальгаму, и так воспринимался этот соединенный результат в течение веков. Уже из далекого от нас двенадцатого века нашей истории, когда еще не было забыто иностранное происхождение самого слова: «русский», донесся до нас скорбный возглас тогдашнего русского патриота-интеллекта, — такой близкий нам как раз теперь возглас: о русская земля, ты уже далеко осталась за холмами («русская земле уже за шеломенем еси»).

Нашу волю — быть и остаться русскими мы, таким образом, основываем на восходящем далеко вглубь истории процессе — на длинном ряде поколений, в котором мы можем проследить выражение этой воли. Правда, вначале эта связь чувствуется слабо, неопределенно, — и часто рвется, мысль о ней едва теплится на верхах тогдашнего общества. Когда, например, в завещании Симеона Гордого (1363) мы читаем пожелание, «чтобы не престала память родителей наших и наша, — и свеча бы не угасла», мы усматриваем в этих трогательных словах первый проблеск сознания преемственности русских государственных задач. А знаменитый историк Ключевский зажег у гроба Сергия Радонежского лампаду, которая осветила связь этих государственных задач с необходимой по тому времени религиозной санкцией. Мы знаем, однако, что и эта государственность, и эта религиозная санкция сделались уже в 16 веке предметом самых сильных сомнений и самых жестоких споров между тогдашними интеллигентами; сомнений и споров, за которые платились жизнью. Содержание этих споров нам уже более близко: мы узнаем в них зародыши тех самых разногласий, которые мучили русскую интеллигенцию с конца 18 столетия, а сто лет спустя превратились в острую политическую борьбу. Итак, связь поколений, творивших русскую культуру, — и мате-

риальную, и духовную, есть для нас непререкаемый факт, — даже независимо от содержания этого творчества.

Но для преемственности культуры недостаточно одной традиции, которую не сознают современники и которую лишь задним числом восстанавливают историки. Нужна связь живая, нужна непосредственная преемственность усилий, направленных к достижению одной цели. Нужно, притом, единство задач и единое понимание их. Нужен для всего этого единый язык, — и правильно поставленная национальная школа. Нужно, наконец, чтобы голос отдельных творцов культуры не пропадал и не оставался гласом вопиющих в пустыне, непризнанных отечеством пророков; нужна интеллигентная среда, могущая воспринять, передать и умножить плоды творчества, дать ему более широкий отголосок, большую внутреннюю крепость и силу. Для такой культурной традиции в нашей истории условия сложились не раньше реформ Петра Великого. Только с этого времени можно датировать появление в России непрерывной, живой и сознательной культурной традиции. О содержании этой традиции не будем сегодня спорить. В ней каждый может искать то, что ему нравится. Но в ней, все-таки, есть определенное главное русло, которое не прерывается, не иссякает и последовательно приводит нас из нашего прошлого в наше настоящее. И когда мы говорим о русской культуре, то мы имеем в виду, прежде всего, это главное русло. Спор тут прекращается, потому что налицо объективные бесспорные факты.

Главным из них является самый факт существования этой непрерывной связи, возникшей давно, но крепнущей и приобретающей непрерывность лишь по мере приближения к настоящему времени. По мере того же приближения мы все определеннее узнаем в целях, преследовавшихся предшествующими поколениями, наши собственные цели. Именно в результате этого непрерывного общения и работы над задачами культурного творчества стабилизируется, наконец, и главное орудие этого общения, культурный язык. Нужно ли прибавлять, что этим нашим языком, — языком русской культуры, является язык Пушкина и пушкинской эпохи.

Только с момента этих достижений и становится возможным творчество культуры в высшем смысле этого слова. Ибо русская

песня, русский костюм, русская вышивка, русский фольклор, — это еще не культура. Это только ее задатки, более или менее многообещающие. Это еще не национальность, а только этнография. Народности, не создавшие еще высшей культуры, могут, конечно, дорожить и этим скромным национальным фондом. Но наша Россия может законно претендовать на нечто гораздо большее. Ибо работа поколений уже дала у нас первый высший расцвет. У нас уже были свой классический период национального культурного творчества, подобный тому, какой Франция пережила в веке Людовика XIV, а Германия в эпоху Гёте и Шиллера. Мы только пришли, по условиям нашего развития, веком и двумя позже. Наш классический период относится не к 17 веку и не к концу 18, а к середине девятнадцатого. Начиная этот наш классический период Пушкиным, — и кончая его Толстым, мы можем сказать, что в общем он длился около полувека: примерно, от 1820-х годов до 1870-х.

К этому недолгому промежутку времени относятся наши лучшие создания в области литературы, живописи и музыки: те, которые дали нашей культуре всемирную известность и славу и обеспечили ей всемирное признание. Наиболее зрелые произведения Пушкина, весь Тургенев и Гончаров, лучшие произведения Достоевского и Толстого, — в литературе. Весь Глинка и Даргомыжский, за ним Балакирев, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков, вся «могучая кучка», смело выступившая тогда, когда Германия, уже имевшая Вагнера, еще пробавлялась Мендельсоном, а Франция продолжала восхищаться Мейербеером, — вот русский классический вклад во всемирную музыку. Всемирная слава для русской живописи наступила позднее; но Брюллов и Иванов, а за ним Федотов и плеяда передвижников остаются нашим классическим культурным достоянием. Не говорю о науке, о которой вам скажут сейчас, и о тогдашней публицистике, оставившей нам в наследие самый глубокий из национальных споров, — спор западников со славянофилами, — и бессмертное имя Герцена. Вот наш культурный актив, которые мы смело можем противопоставить утверждению Чаадаева, что у нас не было прошлого, нет настоящего — и будущее наше темно.

О прошлом я сказал. Настоящее наше я не причисляю к классической эпохе. Это скорее — переходная эпоха. Она знаменуется выступлением новых социальных слоев, которые постепенно оттеснили деятелей дворянской эпохи. Отчасти — это наш декаданс, — наш «серебряный век». Началась эта эпоха с крестьянского освобождения и развертывалась под знаком социальной и политической революции. Когда она кончится — и кончится ли? Что будет потом? Каково наше культурное будущее?

Увы, решать этот вопрос приходится в дни глубочайшей русской катастрофы, сопровождаемой приостановкой, быть может, даже перерывом, культурной преемственности. Перерывы были, конечно, и в прошлом, но ни один не был так глубок и длителен. Значит ли это, однако, что после золотого и серебряного века нас ожидает век железный, век нового варварства?

Успокоиться на таком ответе может только тот, кто не поверит в русский народ. Но мы верим и мы знаем, что то, что было, — как бы оно ни было значительно само по себе, есть лишь предрассветная заря долгого, ясного солнечного летнего дня. Конечно для нового социального слоя, как для старого, нужен подготовительный период, чтобы развернуть все свои возможности. Лишь некоторые предвестья этих возможностей даны нам теперь. Но часы истории — долги, и надо научиться ждать. Можно только сказать, что для всемирной известности наш теперешний век интернационализма несравненно более благоприятен, чем тот наш первый классический период, начало которого опередило железные дороги, телефон и телеграф — и уже потому осталось для мира в тумане. Мы не знаем, получит ли кто-либо из многих незнакомцев сегодняшнего дня мировую известность; сами мы, может быть, слишком пристрастные судьи. Но если даже нашему поколению не суждено увидеть наступление нового классического периода русской культуры, не будем отчаиваться за наших преемников. Во всяком случае, наше культурное прошлое уже настолько значительно, что преемственность и традиция русской культуры не может не восстановиться. Даже и теперешнее поколение, после первого азартного отрицания, — с которого начинали решительно вся русские моло-

дые поколения новаторов, — уже начинает признавать учителями своих великих предшественников.

Будем, как бы то ни было, помнить одно. Поддержать преемственность и вновь завязать надорванную нить традиции, — это есть и наш здешний удел: даже, пожалуй, в этом — наша специальная миссия. Мы для нее более приспособлены, чем большинство тех, кто остался по ту сторону границы. Блюсти прошлое — не значит, конечно, блюсти в прошлом то, что умерло. Это лишь значит сохранить от холодных ветров под теплым покровом щедро посеянные озими. Мы верим: весна близко, — и посев взойдет пышными всходами.

В.В. СУХОМЛИН

В кольце измен. Измена Троцкого, Сталина, Бухарина, китайцев, англичан и др.

(«Воля России». 1927. № 7)

«Воля России» (Прага, 1922 — 1932) — «Ежемесячный журнал политики и культуры». Основан эсерами, отстаивал принцип «демократического социализма». Одним из ведущих публицистов журнала был Василий Васильевич Сухомлин (1885 — 1963). В 1917 г. он работал в редакции эсеровской газеты «Дело народа», резко антибольшевистской. В 1919 г. сотрудничал в газете «Революционная Россия», писал обзоры рабочего движения в различных странах. Сухомлин — выдающийся мастер этого жанра. В «Воле России» только в 1922 — 1926 годах он опубликовал сорок статей, столь же обширных, как и «В кольце измен», столь же ясных по мысли, логике аргументов. Его политические прогнозы, как правило, сбывались. Например, в 1931 г. Великобритания создала то содружество бывших ее доминионов, которое

предсказывал Сухомлин. Осуществилось и японское «проникновение» в Китай. Он сотрудничал во французской, итальянской, бельгийской социалистической прессе, перевел на французский язык романы «Анна Каренина», «Тихий Дон», «Цусима».

Когда десять лет тому назад Ленин объявил всех социалистов предателями, продавшимися буржуазии, а затем, захвативши власть, стал преследовать меньшевиков и эсеров как самых отъявленных контрреволюционеров, монархистов и белогвардейцев, многим казалось чудовищным, необъяснимым, граничащим с сумасшествием такое отношение к революционным партиям.

Не было ничего удивительного в том, что разбуженная революцией солдатская, крестьянская и рабочая стихия не всегда умела отличить друзей от врагов, но ведь большевистская интеллигенция не могла же, в самом деле, серьезно считать Мартова продавшимся империализму, а эсеров исполнителями воли помещиков?

Теперь на десятый год диктатуры В.К.П. можно отнестись спокойнее к этим обвинениям.

Мы уже знали, что для того, чтобы быть объявленным контрреволюционером, достаточно иначе чем Ленин толковать то или иное вскользь брошенное замечание Маркса или Энгельса.

Теперь, оказывается, можно быть контрреволюционерами, ближайшими помощниками английских империалистов и русских монархистов, находясь в В.К.П. и принадлежа к ее «верхушке». Белогвардейская «измена» завелась в самом тесном кругу вчерашних ближайших сотрудников Ленина, толкователей его воли, его любимых учеников, до сих пор клянувшихся его именем. Теперь уже всякое разногласие в толковании «заветов Ильича» влечет за собой *взаимные* обвинения в контрреволюционности.

Так Троцкий, Зиновьев, Каменев, Смильга и др. объявлены не только «обманщиками», «злостными клеветниками, потерявшими остатки элементарной порядочности» (см. «Правда»

22 июня и 10 июля), не только впадшими в «социал-демократический уклон» (это, разумеется, само по себе ужасно), но и прямыми пособниками английского империализма, ибо они заключили «открытый союз с ренегатами коммунизма и чеemberленовскими подручными гг. Павловыми — Рут Фишер»²⁰ (Пр. 22 июня), «проповедают реакционное поражение» (резолюция коминтерна), осведомляют классовых врагов о «сокровеннейших делах партии» (уж не английские ли они шпионы?), идут «по той же линии, что и наступление буржуазии и ее агентов» (там же).

Нельзя не посочувствовать по человечески, г. г. Троцкому, Зиновьеву и Каменеву, из вчерашних громовержцев, авторов «железной рукавицы», «стоцентных ленинцев», попавшим в лагерь «контрреволюции». Но и они не остаются в долгу и в свою очередь разоблачают «измену» Сталина и Бухарина, их «национал-реформизм», «цеховое перерождение», «национально-консервативную ограниченность», предательство китайской революции и «опаснейшую из опасностей — партийный режим».

Эсеры, испытавшие на себе все практические последствия подобных обвинений, будут с интересом наблюдать дальнейшее развитие этой взаимной потасовки, относясь совершенно равнодушно к вопросу о том, какая фракция окажется первой в концлагерях.

Но каково положение среднего коммуниста и среднего, законопослушного «беспартийного» обывателя? Средний коммунист и беспартийный советский гражданин знает *grosso modo*²¹, что контрреволюционеры — все те, кто, не состоя ни членом, ни кандидатом В.К.П., позволяет себе пусть хотя бы втайне какие-либо самостоятельные политические суждения вместо того, чтобы ограничиваться «деловым сотрудничеством» с властями.

Теперь, когда контрреволюция завелась в В.К.П., когда душеприказчики Ленина раскололись на две враждующие и друг друга ненавидящие группы, готовые вступить в открытую дра-

ку, какие могут быть основания у среднего коммуниста, оглушенного противоречивыми цитатами из 20-ти томов сочинений «Ильича», предпочесть Сталина Троцкому или обратно.

Ясно, конечно, что все кто не хочет по тем или иным причинам ссориться с начальством, голосуют и будут голосовать против оппозиции «пока не почувствуют, что у нее есть кое-какие шансы на возвращение — в той или иной мере к власти». Часть бывших «искренних» коммунистов, не потерявших еще всех иллюзий, не умеющая сделать нужных выводов из непрерывной цепи поражений, поддержит оппозицию. Ее поддержат также все комнеудачники, все непристроенные и недовольные.

Но есть же, вероятно, некоторое — надемся не малое количество коммунистов, которых это необыкновенное зрелище подравшихся диктаторов должно заставить призадуматься. Те, у кого способность размышлять не окончательно выбита «партидисциплиной», вынуждены будут не только сравнить теперешние позиции сталинцев и троцкистов, но и пересмотреть всю политическую позицию Единой и Единственной, начиная с Октябрьского переворота, для того, чтобы понять, как дошла она «до жизни такой».

Тогда может быть им станет ясно, что все время они шли по ложному пути, заведшему их все глубже в тупик и что *единственное* до сих пор «положительное завоевание большевизма — диктатура — не стоит жертв, принесенных пролетариатом и крестьянством. Ибо все остальные завоевания — начиная от аграрной революции и кончая непрочными успехами «восстановительного периода», могли быть без труда и *без всяких предварительных разрушений* достигнуты и *превыдены* при режиме трудовой демократии, даже в том случае, если бы большевики вообще не существовали в природе. А хваленое преимущество политической монополии, т.е. всеобщего молчания, при безграничности прав В.К.П. — привело к тому, что вчера еще бывшие «монополисты», обладавшие совместно и нераздельно знанием исторических путей и «мировых перспектив», наследники Ленина обвиняют друг друга в измене и в политическом банкротстве.

Что касается беспартийного советского гражданина, то он сумеет, конечно, сделать выводы из разоблаченных донныне «сокровеннейших тайн» монолитной партии.

Новая вспышка террора не сможет восстановить прежнего «престижа». Не восстановит его и новое примирение, если оно еще возможно.

Оппозиция 1924-го года была вызвана крестьянской покупательской забастовкой и провалом «германской революции», которая, по расчетам московских астрологов, должна была почему-то вспыхнуть в ноябре, но «сорвалась» якобы вследствие ошибок «руководителей».

Теперь оппозиция снова подняла голову вследствие новых хозяйственных затруднений и провала «мировой революции» в Китае.

Китайский пример еще ярче, чем германский, турецкий и персидский, показывает, какой колоссальный вред продолжает причинять России, русскому и международному рабочему классу, мировому социалистическому движению, лежащая в основе большевистской внешней политики бредовая идея «мировой революции», во имя которой был произведен Октябрьской переворот 1917 г.

Основная ошибка Ленина, из которой вытекали все остальные и которая до сих пор мешает его наследникам найти правильную линию внешней и внутренней политики, заключалась в его нереальной, фантастической оценке перспектив развития классовой борьбы в капиталистическом мире и национальных движений на Востоке.

Большевики до сих пор воображают; 1) что приход рабочего класса к власти возможен лишь путем вооруженных восстаний, 2) что одним из необходимых для этого условий является разгром его исторически сложившихся в процессе классовой борьбы профессиональных и политических организаций и замена их новыми, инструкторованными Москвой компартиями, 3) что эти восстания должны быть подготовлены «генеральным

штабом мировой революции», находящимся в Москве, который может и имеет право давать руководящие указания отдаленным партиям и требовать от них беспрекословного повиновения московским стратегам, 4) что Советский Союз является не просто государством, хотя бы и социалистическим (или «переходным» к социализму), а «государственно организованной формой мировой революции», «решающим силовым центром пролетарской мировой революции», 5) что мировая революция неизбежно примет формы мировой гражданской войны, к которой, следовательно, необходимо готовиться, создавая повсюду нелегальные организации военного и полувоенного типа; превращая компартии в «стратегические резервы в тылу у противника», используя все конфликты и противоречия между капиталистическими государствами в интересах этой будущей гражданской войны; заключая в этих целях в случае необходимости военные союзы с той или иной группой буржуазных государств; поддерживая буржуазно-национальные движения колониальных и полуколониальных стран; борясь с «пацифистскими иллюзиями» (политика Коминтерна), но вместе с тем (по линии Наркоминдела) используя все проекты международных соглашений против войны для того, чтобы расписать ангельскую доброту «правительства мировой революции», не желающего проливать ничьей крови в противоположность кровожадности всех остальных, даже самых демократических правительств и международной социал-демократии, якобы только и мечтающей о новой «мировой бойне».

Эта концепция заставила Ленина, на другой день после прихода к власти, заняться, прежде всего, развязыванием «мировой революции» — не только в ущерб непосредственным интересам русских рабочих и крестьян, но и подводя под расстрел иностранных рабочих, как это было, например, в Финляндии.

А когда отправились за границу советские дипломаты (в Германию и Швейцарию), Ленин опять-таки заботился, прежде всего, по свидетельству Берзина (см. его воспоминания в одном из юбилейных номеров «Правды»), об установлении «контакта»

с той же «мировой революцией», а не о непосредственных интересах советской страны.

Отсюда же — позднейшая политика дружбы с Энвером и Кемалем-Пашой, афганская и персидская политика, не говоря уже о расколе мирового рабочего движения.

Отсюда «прощупывание штыком Польши» и — позднее болгарской авантюры.

Отсюда — сближение с немецкими монархистами во время рурской оккупации, работа московских «подпольщиков» в рурской области (см. последние тезисы о войне Коминтерна, «Изв.» от 4 июня, где «борьба с оккупацией заносится в актив мировой революции»), восхваление Шлагетера²², планы о сражении русско-германских сил с французский империализмом на Рейне и снабжение Рейхсвера и германских националистов советскими гранатами*.

Все это хорошо известно. Менее известно, может быть, что советское правительство *за год перед Руром*²³ предлагало правительству Пуанкаре военный союз против Англии. Марсель Кашен ездил тогда в Берлин для свидания с советским уполномоченным, который поручил ему пойти к французскому премьеру для переговоров о таком соглашении. Радек приблизительно в то же время дал весьма сенсационное интервью сотруднику «Матэн» — Сорвену (Зауэрвейн). Это необычайное предложение вызвало весьма острый конфликт в Ц.К. французской компартии, но Кашен, разумеется, подчинился московскому приказу.

Все эти спекуляции на международных осложнениях, сопряженных с переходом от мировой войны к стабилизации (а отчасти и к пересмотру) новых, созданных мирными договорами отношений, все эти попытки «прицепиться» к любому внутреннему и внешнему конфликту, в надежде, что из него «вырастет»

* Это снабжение документально и окончательно установлено. Большевики не решаются до сих пор его опровергнуть, ограничиваясь бранью.

мировая революция, причиняли и причиняют громадный вред интересам России (Советского Союза)*, как государства, в ее сношениях с внешним миром, интересам российского (союзного) народного хозяйства, а, следовательно, в конечном счете, интересам рабочих и крестьян и «социалистического строительства».

Коллегия Наркоминдела, по-видимому, временами чувствует этот вред и пытается преследовать во внешней политике более практические и реальные задачи. Но и Чичерин с Литвиновым слишком часто за истекшие десять лет поддавались соблазну лишней раз «поагитировать» при помощи дипломатических нот, вместо того, чтобы сосредоточить все усилия на установлении прочных основ «сожительства» с капиталистическим миром, предоставив пролетариату других стран идти своими собственными путями к тем формам государственного и общественного строя, какие соответствуют его интересам и возможностям. А поскольку советская дипломатия и пыталась установить «нормальные» отношения с капиталистическими странами, она действовала такими топорными методами, так наивно пыталась играть на «противоречиях», так быстро меняла «ориентации», так легковерно подхватывала всякие «благоприятные симптомы», что лишь укрепила представление об авантюристическом характере представляемого ею правительства.

* Большевикам очень не нравится, когда их критики употребляют слово «Россия». Им кажется, что этот термин неразрывно связан со старым режимом.

Украинские националисты со своей стороны применяют его исключительно к «Великороссии», которая, якобы, как таковая, держит в повиновении и угнетает Украину и др. национальности. Я думаю, что ни для украинцев, ни для других народностей, входящих в состав государства, ныне официально называемого СССР, исторический и географический термин Россия нисколько не оскорбителен. Это государство может и должно быть реорганизовано на началах подчиненной федерации, соответствующей политическим, хозяйственным и культурным интересам входящих в его состав народностей; его политическое устройство может найти отражение в его названии; но до тех пор, пока оно не распалось (а мы уверены, что оно не распадется, ибо это было бы для украинцев такой же бедой, как для великороссов) — оно для внешнего мира будет продолжением исторической разноплеменной России.

Хотя Троцкий и Зиновьев и обвиняют теперешних руководителей советской политики (по линии Наркоминдела и по линии Коминтерна) в «национально-консервативной ограниченности» и в забвении интересов мировой революции, в действительности вся китайская эпопея большевиков свидетельствует о том, что они продолжают старую ленинскую линию, упорно доводя ее до новых и новых неизбежных поражений по принципу: «кажинный раз на этом самом месте».

Из полемики между Радеком, Троцким и Бухариным мы знаем с совершенной достоверностью, что председатель Исполкома Коминтерна Бухарин, он же редактор «Правды» и придворный «теоретик» Сталина, все время властно вмешивался «извне» (его собственное выражение) в китайские события и давал настойчивые «директивы» китайской компартии, руководители которой оказались (как и в Германии в 1923 г.) «не на высоте». «Факты таковы, пишет Бухарин (в “Правде” от 10 июля): Коминтерн систематически давал директивы о самостоятельности киткомпартии, о необходимости развязывания аграрной революции, вооружении рабочих и крестьян, расправе с контрреволюционерами, демократизации Гоминдана. День за днем К.И. толкал киткомпартию на путь дальнейшего развертывания революции, день за днем он в самой резкой форме отмечал *недостаток решительности киткомпартии и урезанность ее лозунгов*».

А так как киткомпартия не понимала или не слушалась московских директив и «преступно тормозила» (?) аграрную революцию, то Бухарин вынужден был в конце концов сменить ее несостоятельных вождей.

Между тем совершенно ясно: 1) что китайским революционерам — даже коммунистам — лучше, чем Бухарину (Радеку, Троцкому, Зиновьеву) известно, что можно и чего нельзя делать в Китае, 2) что нужно жить подобно Бухарину в мире фантазий для того, чтобы что-нибудь понять в его противоречивых «директивах».

В Китае происходит — уже много лет (начиная с революции 1912 года) глубокое национальное и социальное брожение, по разному проявляющееся в разных провинциях, но приняв-

шее недавно снова форму серьезного политического движения, охватывающего все более широкие массы, опирающиеся на созданную кантонским правительством армию, которая пытается объединить Китай под властью народно-революционной партии Гоминдан, положить, таким образом, конец междуусобиям «милитаристов» и добиться от Европы и Америки отмены «несправедливых договоров».

Россия — все народы, входящие в состав Советского Союза — не может относиться иначе, как с глубочайшим сочувствием к этому движению и желает вместе с подлинными демократами и с рабочими массами всех стран, создания независимой, демократической и культурной китайской республики, с прочными и здоровыми финансами, с честной и способной администрацией, с самостоятельным народным хозяйством; она желает прекращения ужасающей нищеты, в которой живут еще громадные массы китайцев, прекращения эксплуатации и унижений, которым подвергаются китайские рабочие со стороны иностранных капиталистов, одним словом, создания для китайского народа условий достойного и культурного существования.

Россия, как государство, могла бы оказывать серьезную помощь этой борьбе китайской демократии за независимость, если бы ее голос имел вес в теперешней международной обстановке.

Но для этого нет никакой надобности вмешиваться во внутренние дела «китайской революции». Наоборот, попытки подчинить китайские события интересам «мировой революции» (или совпадающим с ними интересам «первого в мире пролетарского государства, являющегося значительным фактором мировой социалистической революции») и применить в Китае «стратегический план», приведший большевиков к власти в России, только вредят делу китайского возрождения.

Это относится к внешней и к внутренней политике Китая.

Конечно, национальное возрождение Китая и других колониальных и полуколониальных стран является известной угрозой для европейского и американского империализма. Правящие круги Европы и Америки до сих пор не отдавали себе ясного отчета в силе и широте зреющих на востоке национальных

движений, по привычке трактовали свысока «цветные расы» как низшие и до сих пор склонны объяснять их пробуждение «большевицкой пропагандой», внешними интригами и т.д. Задача демократов и социалистов состоит в том, чтобы разъяснить общественному мнению культурных стран ошибочность и опасность такого отношения к азиатским событиям и парализовать все попытки подавления национально-освободительных движений «цветных» народов. Но если несомненно огромное прогрессивное значение их пробуждения и приобщения к мировой культуре, как самостоятельных государств, то уже совершенно ошибочно и произвольно мнение большевиков, будто это пробуждение неизбежно приведет к крушению капиталистического строя в государствах-«метрополиях», в частности в Великобритании.

Поверхностным и легкомысленным является мнение, будто это крушение будет результатом «мировой гражданской войны», в которой «колониальные народы» в союзе с СССР разобьют соединенные армии капитализма.

Как бы ни были велики интересы крупных английских, японских или американских капиталистических групп в Китае, потеря экстерриториальных привилегий, концессий и контроля над таможенными не может сама по себе сделать невозможным функционирование капиталистического хозяйства в этих странах.

Германия потеряла все свои колонии до одной и, кроме того, вынуждена выплачивать победителю огромные суммы денег и все же это не вызвало крушения немецкого капитализма.

А здесь пока идет речь даже не о колониях, а о промежуточной форме эксплуатации, вроде той, от которой освободилась уже Турция, тоже не вызвав никаких «крушений». Правда, большевики надеются еще на Индию, но нет никаких оснований предполагать, что Англия не сумеет во время установить с Индией такие же отношения, как и с «доминионами», и предупредить ее отпадение от британской федерации.

Кроме того, почему собственно освободившиеся от давления иностранных империалистов восточные народы обрушатся

на весь капиталистический мир и станут его свергать совместно с СССР?

В Турции и в Персии большевики уже имели пример национального пробуждения восточных пародов. Они поддерживали турецкое движение в расчете, что оно нанесет смертельный удар английскому капитализму и приведет к «советской федерации черноморских государств». В результате получилось национальное, буржуазно-аграрное государство, враждебное коммунизму и социализму, поддерживающее «добрососедские» отношения с СССР, но еще более дорожащее связями с «буржуазными» Францией и Германией и вообще несколько не заинтересованное, — совсем наоборот, — в крушении капитализма и мировой гражданской войне. Большевики отчасти это понимают.

Именно поэтому, что он опасался такого «кемалистского» завершения китайской революции, Бухарин и давал свои замысловатые «директивы», в результате которых должна была обязательно получиться — не помешай «измена» Чан-Кай-Ши и Фына и «путаница» в головах китайских коммунистов, — диктатура Коминтерна в «советском» Китае.

Но эти расчеты были не менее легкомысленны, чем надежды взорвать в Дарданеллах лондонское Сити. Ясно почему.

Мы не станем доказывать здесь, что в техническом, экономическом и культурном отношении Китай еще менее подготовлен для социалистической революции, чем Россия. Радек думает обратное, но Бухарин, по-видимому, с ним не согласен. Однако и Бухарин предписывает киткоммунистам «бороться за социалистический путь развития китайской революции». Применяя к Китаю «русский» стратегический план, он надеется на то, что и там коммунистам удастся прийти к власти на гребне по существу чуждого коммунизму движения, а именно национально-буржуазной революции и крестьянского «черного передела».

Для этого нужно сначала «поддержать» общенациональное движение, а затем свергнуть вождей и занять их место для проведения таких мер, как «конфискация крупных предприятий» (однако, прибавляет Бухарин, «при всем необходимом лавировании, игре (sic!) на противоречиях между различными капита-

листическими державами» (т.е., по-видимому, конфискуя у англичан, но не трогая японцев или американцев и т.д.).

В своих апрельских директивах Бухарин («Правда» 19 и 20 апреля) резюмировал эту тактику следующим образом: «Поддержка северного похода. Поддержка армий Чан-Кай-Ши, ведущих бой с милитаристами, *но одновременно мобилизация сил против Чан-Кай-Ши; соответствующая пропаганда* в массах и в армии; курс на вытеснение правых гоминданцев; курс на *окружение Чан-Кай-Ши*; принятие боя с Чан-Кай-Ши только при соответствующей подготовке и т.д.».

Однако не успел Бухарин опубликовать этот замечательный план, как Чан-Кай-Ши, армию которого большевики одели и вооружили на русский счет, Чан-Кай-Ши, которому Бухарин и Сталин, по свидетельству Троцкого, помогли обеспечить свой военный перевес, решил избавиться от своих опасных союзников и разрушил все хитроумные расчеты Бухарина.

Правда, смутить Бухарина трудно: он немедленно объявил Чан-Кай-Ши «изменником» и приписал новую главу к своим директивам. По его своеобразной логике раз Чан-Кай-Ши арестовывает и даже расстреливает *коммунистов*, значит, он уже не вождь буржуазно-национальной революции. (Кемаль, между прочим, тоже арестовывает коммунистов.) Он, правда, еще воюет с милитаристами, но нужно убедить китайский народ в том, что он *обязательно изменит* делу национального освобождения. Нужно поддерживать Уханьское (в Ханькоу) правительство, «левый блок» (мелкая буржуазия) и помочь его армии, а также армии Фына, тоже вооруженной и одетой на русский счет, разбить армию Чан-Кай-Ши. Одновременно нужно развивать аграрную революцию все с той же целью — утверждать «гегемонию пролетариата» (т.е. коммунистов) в национальной революции.

Но не прошло и месяца, как целый ряд новых «измен» посыпался на голову Бухарина.

Во-первых, генерал Фын, на которого Бухарин и Сталин возлагали — неизвестно почему — особые надежды, потребовал от Уханьского правительства разрыва с коммунистами и с московскими агентами, Бородиным и К-о. Его армия, вооруженная

большевиками, «изменила» плану Бухарина, согласно которому она должна была, сначала разбить Чан-Кай-Ши, затем Чан-Со-Лина и, наконец, «разложиться» и учредить в Пекине советскую власть.

Уханьское правительство приступило вслед за тем к решительным действиям против коммунистов и выслало Бородина. Его уполномоченный Тан-Чен-Чжи казнил в Чанше четырех коммунистов и разоружил красную гвардию.

И, наконец, вожди китайских коммунистов отказались подчиниться московским директивам, найдя их «непрактичными» и считая, что разрешение аграрного вопроса нужно отложить до благополучного окончания гражданской войны, до взятия Пекина*.

Главная же беда Бухарина заключается в том, что все «мелкобуржуазные» вожди Гоминдана — Ван-Тин-Вей, Чай-Фу-Кай и др. вовремя раскусили московскую стратегию.

Они обратили внимание на «ошибки», совершаемые во многих районах рабоче-крестьянского движения под влиянием «нежелательных элементов», захвативших руководство силами, арестовывавших граждан и налагавших на них штрафы. Гоминдан и Уханьское правительство решили положить конец двоевластию и захватному движению.

Увидев, что «мелкобуржуазная стихия» не хочет служить его планам, Бухарин решил, что «коммунисты ни одной минуты не должны больше оставаться в Уханьском правительстве» (из которого их уже «ушли»), ибо революционная роль Ухана «кончилась». Вместе с тем он дополнил лозунг захвата земель лозунгом немедленной национализации фабрик, заводов и банков и предписал коммунистам начать «перерастать» в социалистическую революцию.

Все эти громкие слова не могут скрыть факта *отстранения* коммунистов от всякого влияния на ход китайских событий.

Стратегия советского правительства в Китае была основана на совершенно произвольном предположении, что *без коммуни-*

* В то же время «изменили» англичане, члены Англо-русского комитета²⁴, осудив новую вспышку красного террора в Москве.

стов национальная революция невозможна, что лишь «гегемония» компартии в национально-мелкобуржуазном движении китайских масс может привести к освобождению Китая от «несправедливых договоров», к его финансовой независимости и к его политическому и административному объединению.

В действительности же национальная китайская революция еще менее нуждается в коммунистах, чем европейское рабочее движение.

Основатели и вожди национально-революционной партии, начиная с Сун-Ят-Сена, *не коммунисты*. Они не обнаруживают никакого желания сдать руководство движением китайским ученикам московской коммунистической академии, и их влияние на вождей киткомпартии до сих пор было сильнее влияния Бухарина или Радека. Пока что лишь в теоретической схеме Бухарина «они висят в воздухе».

Ван-Тин-Вей — наиболее популярный вождь Гоминдана — изложил недавно, в ответ «инструкторам» Коминтерна, «сунятсеновское» понимание китайской революции, соответствующее национальным, хозяйственным и политическим особенностям Китая. Смысл его заявлений сводится к тому, что Гоминдан не хочет быть орудием и жертвой московских стратегических «мировых» планов, имеющих мало общего с национальными интересами Китая.

«Гоминдан, пишет Ван-Тин-Вей, будет поддерживать борьбу против империалистов и тех, кто является орудием в их руках. Эту борьбу необходимо вести по линии регулярной войны. В этой войне руководящая власть должна быть объединена и должна поддерживаться строжайшая дисциплина».

На основании учения Сун-Ят-Сена его преемники набрасывают следующую схему развития китайской революции:

1) Объединение всех угнетенных масс под руководством Гоминдана, 2) революционное воспитание этих масс, 3) завоевание революционным путем политической власти, после чего 4) *«должны быть усвоены мирные методы для разрешения экономических проблем, как, например, о равномерном распределении земли, об ограничениях, которым должен быть подвергнут*

капитал, и о создании государственного капитала для развития промышленности».

Программа Гоминдана — это программа экономической трудовой демократии.

Сун-Ят-Сен выдвинул требование передачи земли трудящимся на ней и вместе с тем считал необходимым замену частного капитала государственным, «который принесет пользу всему народу». По его мнению, капиталистическое развитие обязательно для Китая.

В ответ на настойчивое навязывание Москвой «гегемонии пролетариата» (т.е. 30 тысяч киткомпартийцев) Ван-Тин-Вей указывает, что «слабость китайской буржуазии означает в то же время и слабость китайского пролетариата». Ван-Тин-Вей «не хочет ослаблять дух китайского пролетариата» и признает, что, если он будет упорно бороться за свои интересы, он может сделаться «главной силой революционного движения», но в данный момент *«единственной главной целью национальной революции является свержение империалистов»*. А «деспотизм пролетариата (диктатура) не является необходимым для Китая».

«Особенность китайской революции это ее борьба за равноправие с иностранными державами и за освобождение от всех пут. Поэтому методы китайской революции не могут быть похожи ни на методы французской, ни на методы русской (т.е. большевистской) революции».

Между тем для Бухарина «особенность китайской революции» заключается в том, что там *«решаются судьбы мировой революции»*. Китайские революционеры хотят добиться «равноправия» с Англией, Францией, Германией, Японией и т.д. Московские стратеги хотят ими воспользоваться для нанесения этим капиталистическим державам смертельного удара.

«Мелкобуржуазные» гоминдановцы хотят создать в Китае политические, культурные и хозяйственные предпосылки развития трудовой демократии, благосостояния широких крестьянских масс, поднятия уровня жизни пролетариата и городской бедноты. Они выдвигают при этом довольно смелую экономи-

ческую программу, собираясь лишь провести ее легальными методами, после завоевания политической власти.

Бухарин и К-о имеют ввиду лишь одно: захват власти ставленниками Коминтерна для крупной политической игры «правительства мировой революции» на международной арене.

Эта «стратегия» прикрывается криками о «гегемонии пролетариата в демократической революции» и софизмами о «перерастании». Те, кто находят естественным, чтобы национальной революцией руководили *национальные революционеры* объявляются ничего не понимающими в диалектике и т.д., и т.д.

Практический результат один: внесение хаоса и дезорганизации в национально-революционный лагерь, подрыв тыла армии борющихся с «империалистами» и подведение под расстрел китайских рабочих.

Бухарин и К-о надеются, что, несмотря на все поражения, которые они до сих пор терпели, коммунистам все-таки удастся пробраться к власти, «примазавшись» к стихийному аграрному движению. Но до сих пор, увы, — нет налицо главного условия, гораздо более важного, чем «черный передел» — разложения армии.

Авторитет левого Гоминдана в Ухане, авторитет Чан-Кай-Ши и Фына в их армиях пока еще сильнее бухаринского.

Трудно предвидеть, как пойдет дальнейшее развитие «китайской революции», ибо в ней чрезвычайно велика роль армий (все армии, в том числе гоминдановская, — наемные) и военачальников, часто меняющих ориентацию и разбивающих все якобы марксистские схемы Бухарина и Радека.

Многое будет зависеть также от поведения Японии, которая пока что «лавирует» гораздо искуснее Бухарина.

Вполне возможно, однако, что Гоминдану удастся сохранить руководство движением, взять Пекин и создать национальное правительство, которое сумеет осуществить «принципы Сун-Ят-Сена», конечно, тоже «лавируя» и идя на неизбежные (даже с бухаринской точки зрения) компромиссы (причем большевики будут, разумеется, обвинять его в предательстве за эти самые компромиссы) и сведя на нет влияние Коминтерна.

Одним из необходимых условий для этого явится, по-видимому, объединение* нанкинского (Чан-Кай-Ши) и Ханьсоуского («Уханьского». Ван-Тин-Вей и др.) правительств, соглашение с Фыном (весьма, впрочем, неверный союзник) и принятие всеми вождями революции соответствующей интересам и стремлениям 400-миллионной массы китайского народа программы Суна.

Проведение этой программы (чрезвычайно трудное в сложной хаотической обстановке борьбы генералов, местных правителей, вмешательства и интриг иностранных держав) можно считать наилучшим из возможных результатов «национальной революции».

Если же безответственные и легкомысленные директивы московских «вождей» (захват земли и власти на местах, разжигание гражданской войны в тылу) будут иметь какой-либо успех, единственным *практическим* результатом при данном отношении реальных сил может быть резкий отход вправо национальной китайской буржуазии и консервативно-буржуазное завершение китайской революции. Уже теперь наблюдается «поправение» верхов Гоминдана под влиянием эксцессов (сам Бухарин вынужден употребить этот термин, говоря о захватах фабричных масс, конфискации имущества, сражающихся на фронте солдат революционной армии и т.д.), вызванных большевицкой пропагандой в отсталых малокультурных массах.

Результат может быть и худший, а именно поражение китайского национального движения, продление на новый долгий период внутреннего хаоса, генеральской междуусобицы и японского «проникновения».

* Трудно судить на основании отрывочной и часто тенденциозной информации, каковы шансы подобного соглашения. Чан-Кай-Ши, хотя и клянется в верности «принципам Суна», представляет, по-видимому, более правые, крупнобуржуазные круги Гоминдана. В своем первомайском манифесте он объявляет себя другом рабочих, но в формулировке своей экономической программы не идет так далеко, как Ван-Тин-Вей, явно не желая отпугивать китайских капиталистов. Но пока что он не отказался от борьбы с «милитаристами» (или «империалистами») Севера. А успешное завершение этой войны невозможно, пока не будет восстановлен единый фронт национальной революции.

Во всяком случае ясно одно: авантюристическая, легкомысленная политика Коминтерна, проводимая за счет русской государственной казны, в Китае вдвойне преступна — и с точки зрения интересов народов, входящих в Советский Союз, и с точки зрения китайской революции.

П.Б. СТРУВЕ

Две творческие идеи в политике возрожденной России

(«Россия и славянство». 1928. 8 декабря)

«Россия и славянство» (Париж, 1928 — 1934) — «Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности». Еженедельная газета при ближайшем участии П.Б. Струве. Струве был членом редакционного комитета газеты, его «ближайшее участие» заключалось прежде всего в том, что он, как и в «Возрождении», активно писал о событиях политической, экономической и культурной жизни в своем «Дневнике политика». Первый номер газеты появился 1 декабря. До закрытия газеты в июне 1934 г. Струве напечатал 216 статей. Он стремился дать Русскому зарубежью идейные ориентиры как в его повседневности, так и на будущее — в «возрожденной России».

Мы не думаем, чтобы наше время было какой-то новой эпохой невиданной еще «идеократии». Всегда во все времена лица, и индивидуальные, и коллективные, облекали свои стремления в идеи и, наоборот, идеи искали для своего воплощения живых личных носителей, опять-таки и индивидуальных, и коллективных. Одни люди бескорыстно творили идеи, другие активно их захватывали и творчески себе присваивали, третьи старательно ловились на эти идеи.

Так будет и впредь.

В будущей России мне видятся только две творческие, влекущие и строящие идеи.

Это, во-первых, идея национальная. Интернационализм, глупый и нудный, бессмысленный и бесстыдный, большевистской революции как-то выковывает в русских душах и там, во Внутренней России, и здесь, за рубежом, новый, упорный и кряжистый национализм, во многом еще требующий выправки и шлифовки, но бесконечно драгоценный, органический и плодотворный. Все жизнеспособные партии в будущей России будут так или иначе национальными, и самая сильная из них, быть может, так и назовет себя прямо и просто — русской партией.

Во-вторых, это — идея крестьянская. С 1861 г. для всех мыслящих людей стало ясно, что Россия не может не быть, так или иначе, крестьянским царством. Освобожденная от коммунистического гнета Россия будет стоять под знаком крестьянского аграризма. И потому, может быть, самая сильная из будущих партий Великой России будет та, которая называя себя русской, будет по своему составу и корням партией крестьянской.

Как крестьянская, или земледельческая, эта партия выставит простые и ясные, бесспорные пункты ближайшей экономической программы:

1. Обильное и дешевое снабжение крестьянства промышленными товарами.

2. Хорошие цены на сельскохозяйственные, т.е. крестьянские, продукты.

3. Дешевый железнодорожный тариф для людей и грузов.

Как партия национальная, она прежде всего потребует:

1. Сильной национальной, а не партийной власти.

2. Суда правого, скорого и милостивого.

3. Национального образования и воспитания, и

4. Полного воздержания государственной власти от вторжения в дела совести и веры.

Экономическая программа национальной крестьянской партии будет означать отрицание и коммунизма, и социализма, которые в России не могут не быть построены на прямой и бесстыжей эксплуатации крестьянства.

Ее политическая программа будет означать отрицание всякой, с позволения сказать, «идеократии», т.е. подчинения боль-

шинства народа, или нации, правящему меньшинству из каких-то милостивых государей с их излюбленными идеями и идейками.

Позволю себе думать, что русская партия, национальная и земледельческая, есть идея гораздо более жизненная и творческая, чем евразийская «идеократия», или, выражаясь по-русски, но несколько «зоотехнически», евразийский отбор.

Освободившее себя от коммунизма крестьянство будет знать, кому вручить и поручить власть не над страной, а в стране.

Д.П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

К вопросу об отличии России от Европы

(«Евразия». 1929. 23 февраля)

«Евразия» (Париж, 1928 — 1929) — «Еженедельник по вопросам культуры и политики». Девиз газеты: «Россия нашего времени вершит судьбы Европы и Азии. Она — шестая часть света. ЕВРАЗИЯ — узел и начало новой мировой культуры».

Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890 — 1939) — историк литературы, критик, публицист. В 1920-е годы его статьи появлялись в различных газетах и журналах Русского зарубежья, Англии, Франции, Италии. В 1926 — 1928 гг. был редактором и автором журнала «Вёрсты». Будучи членом редакционной коллегии газеты «Евразия», опубликовал в 35-ти номерах более сорока статей и рецензий по вопросам политики, литературы и кино. Статья «К вопросу об отличии России от Европы» — пример развития некоторых евразийских идей, сформулированных Н.С. Трубецким и Л.П. Карсавиным. Противопоставляя Восток Западу, Евразию Европе, автор критиковал концепцию правового государства, считал единственным достижением Запада «создание научно-технической культуры», обосновывал особое значение «коллективизма» как «благоприятной среды для научно-технической культуры».

Наиболее заметным отличием русского государственного права от европейского следует признать концепцию государственной власти как единственного субъекта прав, не ограниченного правами отдельных лиц и групп населения. На Западе такая концепция не вполне чужда политической теории, но применения в жизни никогда не получала. Практически она осуществлялась, кроме России, только на Востоке и в странах внеевропейских.

Неограниченность государственной власти не следует смешивать с независимостью от социальной базы, в смысле внеили надклассового ее характера. Надклассового государства история не знает (оно принадлежит будущему), а классовая природа русской государственной власти была всегда выражена не менее ясно, чем в любой европейской стране. Несмотря на неограниченность русской власти, политика ее всегда определялась интересами господствующего класса или комбинации классов.

Не следует также смешивать юридическую неограниченность власти с ее бюрократическим всесилием и вездесущием. Власть Федора Иоанновича была более неограниченна, чем Николая I, хотя эта последняя осуществлялась вся сверху через посредство «сорока тысяч столоначальников», а московская власть широко пользовалась самодеятельностью общественных ячеек. Но власть Николая была ограничена правами привилегированных сословий, и прежде всего правом собственности, тогда как власть московских царей никакими правами подданных не ограничивалась, а только интересами той социальной базы, политическим возглавлением которой она была, и той идеологией, которой она служила и которая ее освещала. Вообще ограниченность русской власти правами подданных (иными словами перерождение ее в «правовую власть») характерно как раз для эпохи наибольшего развития бюрократизма — от манифеста о вольности дворянства 1762 г. до революции 1917 г. Ограничения эти росли под влиянием выгодных для господствующего класса идеологий, шедших с Запада (начиная с Монтескье), и были одним из главных проявлений европеизации. (Интересно,

однако, что первая фаза европеизации не повлекла за собой усиления лично правового начала: Петр жил как раз в эпоху, когда теории западных мыслителей ближе всего подходили к концепции неограниченной власти, и имел возможность обосновывать «правду воли монаршей» естественным правом.)

Неограниченность государственной власти не исконное явление в русской истории, по той простой причине, что до 16-го века русского государства не существовало. Существовала только идея государства, исконно присущая церковным властям и постепенно воспринимавшаяся будущими «государями», великими князьями московскими. И идея эта не русского, а церковно-византийского происхождения. Но в процессе возникновения государства, в процессе превращения частно-правовых по существу союзов удельного времени в Московское Государство, власть становилась государственной в той самой мере, в какой она становилась неограниченной. Ограниченной государственной власти Россия, до 18-го века, не знала.

Русское слово «государство» получило свой настоящий смысл в столетие, отделяющее утверждение удельной гегемонии Москвы над всей Великороссией при Василии Темном от окончательного закрепления государственного бытия при Иване Грозном. На языке догосударственной России слово «государь» означало собственника, владельца, преимущественно владельца «людей»; а «государство» — отношение «государя» к его собственности, обладание, неограниченное право распоряжения и хозяйствования. «Государство» было единственной формой неограниченного права в удельном обществе. Когда неограниченная власть, приписывавшаяся монарху церковно-византийской идеологией, стала реальностью, удельный язык не мог найти других слов для ее обозначения как «государь» и «государство». Публичную власть, отныне неограниченную, уподобили неограниченному праву собственности, а царя хозяину. Это можно, конечно, рассматривать как идеологическое «сублимирование» вотчинного взгляда на княжескую власть как собственность. Но для русского процесса характерно, что тогда, как по-польски (и по-украински) соответствующее государству слово («государ-

ство»), стало означать всякое хозяйство, московский государь стал единственным субъектом «государства». Все прежде существовавшие личные права слились в одном государстве, неограниченном хозяине всех. Конечно, классовая природа московской власти позволила ей осуществить это единство в одном только юридическом плане, экономически московское «государство» ни в какой мере не преодолело анархического индивидуализма, свойственного классовому обществу. Но любопытно, что теперь, когда перед наследницей московской власти стоит уже объективно осуществимая задача превращения государства в хозяйство, — государство все еще обозначается словом когда-то означавшим власть хозяина.

В Европе возникновение государственной власти из догосударственного общества сопровождалось не поглощением всех личных прав в одном субъекте государства, а наоборот, дальнейшим развитием лично-правовых норм обычного, догосударственного права. Они получили мощную поддержку римского права, в частности видоизменившегося и заменившего старое право, но проникнутого совершенно теми же началами индивидуализма и процессуального формализма и давшего европейскому праву окончательное идеологическое оформление. Личное право и процессуальные формы определили собой весь характер новой Романо-Германской культуры, отделив ее от России, Востока и всего вообще человечества и дав ей совершенно особую самобытность. Так что отсутствие развитой системы личных прав и идеологически сублимированных процессуальных форм, отделяя Россию от Запада, сближает ее со всеми другими культурными народами мира. Точнее говорить не о самобытности России по отношению к Европе, а скорей о самобытности Европы по отношению к России и Востоку.

Однако и в России была своя «рецепция римского права». Только это было церковное право Второго Рима, чуждое индивидуализму и процессуализму германо-римского и развившее римское право не в динамическую (процессуальную) систему отношений лица к лицу, а в статическую сверхличную систему праведного закона. Для западного правового мышления (как и

для русского до-московского) справедливость — право субъекта на восстановление его нарушенных прав. Для московского государственно-церковного мышления правда — осуществление властью порядка, предписанного властью высшей. В условиях классовой анархии такая концепция плохо гарантирует действительное осуществление правды; но в государстве подлинно-организованном именно такая концепция будет наиболее соответствующей идеологии Общего Дела.

Весьма возможно, что развитие и сублимацию личного и процессуального права приходится оценивать как великую заслугу Европы перед человечеством; но не потому, конечно, чтобы такое право было само по себе нужно не-европейским народам, а потому, что оно было необходимым условием создания научно-технической культуры, главного оправдания Запада перед историей. Юридическое мышление Европы, по-видимому, не более как другая сторона одного и того же аналитического, разделительного подхода к действительности. Только атомистически-процессуалистическое общество могло стать «месторазвитием» того методологического формализма, без которого научная техника не могла возникнуть. Из этого, однако, еще не следует, что и для дальнейшего своего развития научно-техническая культура нуждается в европейском индивидуализме и формализме.

Наоборот все заставляет думать, что коллективизм, свободный от индивидуалистических и формалистических пережитков и примесей, гораздо более благоприятная среда для научно-технической культуры в ее современной стадии развития (а тем более, в будущих). Такая среда может со временем сложиться и в Европе, как результат развития пролетарского сознания, но такое развитие встречает там препятствия, не легко преодолимые. Поэтому ближе к осуществлению такой среды те страны, которые несмотря на восприятие научно-технической (индустриальной) культуры свободны от индивидуализма и правового формализма — как Япония, Китай, и, особенно, Советская Евразия. В этой последней новому коллективизму не стоило большого труда смести слабые ростки юридического индивиду-

ализма и формализма, возникшие за короткий период «правовой», дворянско-буржуазной государственности.

Г.П. ФЕДОТОВ

Будет ли существовать Россия?

(«Вестник русского студенческого христианского движения». 1929. № 1 — 2)

«Вестник Русского студенческого христианского движения» (Париж, 1925 — издание продолжается), название изменялось. С 1990 г. указание на «студенческое» отсутствует.

Георгий Петрович Федотов (1886 — 1951) — философ, историк, литературный критик, публицист. Первым опытом его редакторской работы стали два номера петроградского журнала «Свободные голоса». В 1925 г. уехал за границу. В 1929 — 1930 гг. был соредактором «Вестника РСХД». Много писал для журналов «Путь», «Современные записки», «Вёрсты», критиковал «денационализирующее западничество» разночинской интеллигенции. В статье «Будет ли существовать Россия?» противопоставил ей «творческую, национальную» интеллигенцию, относя к ней и журналистов.

Вопрос этот, несомненно, покажется нелепым для большинства русских людей. Мы привыкли, вот уже одиннадцать лет, спрашивать себя об одном: скоро ли падут большевики? Что за падением большевиков начинается национальное возрождение России, в этом не было ни искры сомнения. В революции мы привыкли видеть кризис власти, но не кризис национального сознания.

Многие не видят опасности, не верят в нее. Я могу указать симптомы. Самый тревожный — мистически значительный — забвение имени России. Все знают, что прикрывающие ее четы-

ре буквы СССР не содержат и намека на ее имя, что эта государственная формация мыслима в любой части света: в Восточной Азии, в Южной Америке. В Зарубежье, которое призвано хранить память о России, возникают течения, группы, которые стирают ее имя: не Россия, а «Союз народов Восточной Европы»; не Россия, а «Евразия». О чем говорят эти факты? О том, что Россия становится географическим и этнографическим пространством, бессодержательным, как бы пустым, которое может быть заполнено любой государственной формой. Одни — интернационалисты, которым ничего не говорят русские национальные традиции; другие — вчерашние патриоты, которые отрекаются от самого существенного завета этой традиции — от противостояния Исламу, от противления Чингисхану, — чтобы создать совершенно новую, вымышленную страну своих грез. В обоих случаях Россия мыслится национальной пустыней, многообещающей областью для основания государственных утопий.

Можно отмахнуться от этих симптомов, усматривая в них лишь новые болезни интеллигентской мысли,— к тому же не проникшие в Россию. Но никто не станет отрицать угрожающего значения сепаратизмов, раздирающих тело России. За одиннадцать лет революции зародились, развились, окрепли десятки национальных сознаний в ее расслабевшем теле. Иные из них приобрели уже грозную силу. Каждый маленький народец, вчера полудикий, выделяет кадры полунинтеллигенции, которая уже гонит от себя своих русских учителей. Под покровом интернационального коммунизма, в рядах самой коммунистической партии складываются кадры националистов, стремящихся разнести в куски историческое тело России. Казанским татарам, конечно, уйти некуда. Они могут лишь мечтать о Казани как столице Евразии. Но Украина, Грузия (в лице их интеллигенции) рвутся к независимости. Азербайджан и Казахстан тяготеют к азиатским центрам Ислама.

С Дальнего Востока наступает Япония, вскоре начнет наступать Китай. И тут мы с ужасом узнаем, что сибиряки, чистокровные великороссы-сибиряки, тоже имеют зуб против России, тоже мечтают о Сибирской Республике — легкой добыче

Японии. Революция укрепила национальное самосознание всех народов, объявила контрреволюционными лишь национальные чувства господствовавшей вчера народности. Многие с удивлением узнают сейчас, что великороссов в СССР числится всего 54 процента. И это слабое большинство сейчас же становится меньшинством, когда мы мысленно прилагаем к России оторвавшиеся от нее западные области. Мы как-то проморгали тот факт, что величайшая империя Европы и Азии строилась национальным меньшинством, которое свою культуру и свою государственную волю налагало на целый этнографический материк. Мы говорим со справедливой гордостью, что эта гегемония России почти для всех (только не западных) ее народов была счастливой судьбой, что она дала им возможность приобщиться к всечеловеческой культуре, какой являлась культура русская. Но подрастающие дети, усыновленные нами, не хотят знать вскормившей их школы и тянутся кто куда — к западу и к востоку, к Польше, Турции или к интернациональному геометрическому месту — т.е. к духовному небытию.

Поразительно; среди стольких шумных, крикливых голосов один великоросс не подает признаков жизни. Он жалуется на все: на голод, бесправие, тьму, только одного не ведает, к одному глух: к опасности, угрожающей его национальному бытию.

Вдумываясь в причину этого странного омертвения, мы начинаем отдавать себе отчет в том, насколько глубок корень болезни. В ней одинаково повинны три главнейшие силы, составившие русское общество в эпоху империи: так называемая интеллигенция, народ и власть. Для интеллигенции русской, т.е. для господствовавшего западнического крыла, национальная идея была отвратительна своей исторической связью с самодержавной властью. Все национальное отзывалось реакцией, вызывало ассоциацию насилия или официальной лжи. Для целых поколений «патриот» было бранное слово. Вопросы общественной справедливости заглушали смысл национальной жизни. Национальная мысль стала монополией правых партий, поддерживаемых правительством. Но что сделали с ней наследники славянофилов? Русская национальная идея, вдохновлявшая некогда

Аксаковых, Киреевских, Достоевского, в последние десятилетия необычайно огрубела. Эпигоны славянофильства совершенно забыли о положительном творческом ее содержании. Они были загнипнотизированы голой силой, за которой упустили нравственную идею. Национализм русский выразался, главным образом, в бесцельной травле малых народностей, в ущемлении их законных духовных потребностей, создавая России все новых и новых врагов. И, наконец, народ — народ, который столько веков с героическим терпением держал на своей спине тяжесть империи, вдруг отказался защищать ее. Если нужно назвать один факт, — один, но *основной*, из многих слагаемых русской революции, — то вот он: на третий год мировой войны русский народ потерял силы и терпение и отказался защищать Россию. Не только потерял понимание цели войны (едва ли он понимал ее и раньше), но потерял сознание нужности России. Ему уже ничего не жаль: ни Белоруссии, ни Украины, ни Кавказа. Пусть берут, делят, кто хочет. «Мы рязанские». Таков итог векового выветривания национального сознания. Несомненно, что в Московской Руси народ национальным сознанием обладал. Об этом свидетельствуют хотя бы его исторические песни. Он ясно ощущает и тело русской земли, и ее врагов. Ее исторические судьбы, сливавшиеся для него с религиозным призванием, были ясны и понятны. В Петровской империи народ уже не понимает ничего. Самые географические пределы ее стали недоступны его воображению. А международная политика? Ее сложность, чуждость ее задач прекрасно выразилась в одной солдатской песне XVIII в.:

Пишет, пишет король Прусский
Государыне французской
Мекленбургское письмо.

Крепостное рабство, воздвигшее стену между народом и государством, заменившее для народа национальный долг частным хозяйственным игом, завершило разложение политического сознания. Уже крестьянские бунты в Отечественную войну 1812 г. были грозным предвестником. Религиозная идея православного царя могла подвигнуть народ на величайшие жертвы,

на чудеса пассивного героизма. Но государственный смысл этих жертв был ему недоступен. Падение царской идеи повлекло за собой падение идеи русской. Русский народ распался, расплылся на зернышки деревенских мирков, из которых чуждая сила, властная и жестокая, могла строить любое государство, в своем стиле и вкусе.

Итак, каждая из трех русских общественных сил несет вину — или долю вины — за национальное крушение.

К этим разлагающим силам присоединилось медленное действие одного исторического явления, протекавшего помимо сознания и воли людей и почти ускользнувшего от нашего внимания. Я имею в виду отлив сил, материальных и духовных, от великорусского центра на окраины Империи. За XIX в. росли и богатели, наполнялись пришлым населением Новороссия, Кавказ, Сибирь. И вместе с тем крестьянство центральных губерний разорялось, вырождалось духовно и заставляло экономистов говорить об «оскудении центра». Великороссия хирела, отдавая свою кровь окраинам, которые воображают теперь, что она их эксплуатировала. Самое тревожное заключалось в том, что параллельно с хозяйственным процессом шел отлив и духовных сил от старых центров русской жизни. Легче всего следить за этим явлением по литературе. Если составить литературную карту России, отмечая на ней родины писателей или места действия их произведений (романов), то мы поразимся, как слабо будет представлен на этой карте русский Север, весь замосковский край — тот край, что создал великорусское государство, что хранит в себе живую память «Святой Руси».

Русская классическая литература XIX в. — литература черноземного края, лишь с XVI–XVII веков отвоеванного у степных кочевников. Тамбовские, Пензенские, Орловские поля для нас стали самыми русскими в России. Но как бедны эти места историческими воспоминаниями. Это деревянная, соломенная Русь, в ней ежегодные пожары сметают скудную память о прошлом. Здесь всего скорее исчезают старые обычаи, песни, костюмы. Здесь нет этнографического сопротивления разлагающим модам городской цивилизации. С начала XX в. литера-

тура русская бросает и черноземный край, оскудевший вместе с упадком дворянского землевладения. Выдвигается Новороссийская окраина, Одесса, Крым, Кавказ, нижнее Поволжье. Одесса, полуеврейский город, где не умеют правильно говорить по-русски, создает целую литературную школу.

До сих пор мы говорили об опасностях. Что можно противопоставить им, кроме нашей веры в Россию? Есть объективные факты, точки опоры для нашей национальной работы — правда, не более чем точки опоры, ибо без работы, скажу больше — без подвига, — России нам не спасти.

Вот эти всем известные факты. Россия не Австрия и не старая Турция, где малая численно народность командовала над чужеродным большинством. И если Россия, с культурным ростом малых народностей, не может быть национальным монолитом, подобным Франции или Германии, то у великорусской народности есть гораздо более мощный этнический базис, чем у австрийских немцев; во-вторых, эта народность не только не уступает культурно другим, подвластным (случай Турции), но является носительницей единственной великой культуры на территории государства. Остальные культуры, переживающие сейчас эру шовинистического угара — говоря совершенно объективно, — являются явлениями провинциального порядка, в большинстве случаев и вызванными к жизни оплодотворяющим воздействием культуры русской. В-третьих, национальная политика старой России, тяжкая для западных, культурных (ныне оторвавшихся) ее окраин, — для Польши, для Финляндии, — была, в общем, справедлива, благодетельна на Востоке. Восток легко примирился с властью Белого царя, который не ломал насильственно его старины, не оскорблял его веры и давал ему место в просторном русском доме.

Из оставшихся в России народов прямая ненависть к великороссам встречается только у наших кровных братьев — малороссов, или украинцев. (И это самый болезненный вопрос новой России.) В-четвертых, большинство народов, населяющих Россию, как островки в русском море, не могут существовать отдельно от нее; другие, отделившись, неминуемо погибнут,

поглощенные соседями. Там, где, как на Кавказе, живут десятки племен, раздираемых взаимной враждой, только справедливая рука суперарбитра может предотвратить кровавый взрыв, в котором неминуемо погибнут все ростки новой национальной жизни. Что касается Украины, то для нее роковым является соседство Польши, с которой ее связывают вековые исторические цепи. Украине объективно придется выбрать между Польшей и Россией, и отчасти от нас зависит, чтобы выбор был сделан не против старой общей родины. И, наконец, в-пятых, за нас действуют еще старые экономические связи, создающие из бывшей Империи, из нынешнего СССР, единый хозяйственный организм. Разрыв его, конечно, возможен (пример: та же Австрия), но мучителен для всех участников хозяйственного общения. Силы экономической инерции действуют в пользу России.

Сумеет ли мы воспользоваться этими благоприятными шансами, это зависит уже от нас, т.е. прежде всего от новых поколений, которые вступают в жизнь там, в Советской России, и, в меньшей степени, здесь, в изгнании.

Я не буду останавливаться здесь на политических условиях, совершенно бесспорных, русского возрождения. Таким непременным условием является создание национальной власти в России. Замечу лишь в скобках, что момент падения коммунистической диктатуры, освобождая национальные силы России, в то же время является и моментом величайшей опасности. Оно, несомненно, развяжет подавленные ныне сепаратистские тенденции некоторых народов России, которые попытаются воспользоваться революцией для отторжения от России, опираясь на поддержку ее внешних врагов. Благополучный исход кризиса зависит от силы новой власти, ее политической зрелости и свободы от иностранного давления.

Здесь я останавлиюсь лишь на духовной стороне нашей работы, на той, которая выпадает по преимуществу на долю интеллигенции. Говоря кратко: эта задача в том, чтобы будить в себе, растить и осмыслять, «возгревать» национальное сознание.

Наша эпоха уже не знает бессознательно-органической стихии народа. Эти источники культуры почти иссякли, эта «зем-

ля» перепахана и выпажана. И русский народ вступил в полосу рационализма, верит в книжку, в печатное слово, формирует (или уродует) свой облик с детских лет в школе, в обстановке искусственной культуры. Оттого так безмерно вырастает влияние интеллигенции (даже низшей по качеству, даже журналистики); оттого-то удаются и воплощаются в историческую жизнь новые, «умышленные», созданные интеллигенцией народы. Интеллигенция творит эти народы, так сказать, «по памяти»: собирая, оживляя давно умершие исторические воспоминания, воскрешая этнографический быт. Если школа и газета, с одной стороны, оказываются проводниками нивелирующей, разлагающей, космополитической культуры, то они же могут служить и уже служат орудием культуры творческой, национальной. Мы должны лишь выйти из своей беспечности и взять пример с кипучей и страстной работы малых народов, работы их интеллигенции, из ничего, или почти из ничего, кующей национальные традиции. Наша традиция богата и славна, но она запылилась, потускнела в сознании последних поколений. Для одних затмилась прелестями Запада, для других — официальным и ложным образом России, для которого в искусстве — и не только в искусстве — типичен псевдо-русский стиль Александра III. Мы должны изучать Россию, любовно вглядываться в ее черты, вырывать ее в земле закопанные клады.

Мы должны знать ее историю, любить ее героев, ценить и самые древние памятники ее литературы (первыми у нас никто не интересовался), особенно — ее искусством. Это великое искусство было открыто незадолго до войны.

Огромное большинство русской интеллигенции не имеет до сих пор понятия о его существовании. Но в нем дана объективная, говорящая и внешнему миру, мера русского гения.

Мы должны чтить и уметь различать в иконописном житии живые лики русских святых, которые несут нам свои заветы, свое национальное понимание вечного христианства. Понять эти заветы не всегда легко, и мало кто задумывается над этим. Мы должны чтить и героев — строителей нашей земли, ее князей, царей и граждан, изучая летописи их борьбы, их трудов,

учась на самих их ошибках и падениях, не в рабском подражании, но в свободном творчестве вдохновляясь подвигом предков. Мы должны знать живую Россию, ее природу, жизнь ее народов, их труд, их искусство, их верования и быт. И прежде всего мы должны знать Великороссию.

Наше национальное сознание должно быть сложным, в соответствии со сложной проблемой новой России (примитив губителен). Это сознание должно быть одновременно великорусским, русским и российским.

Я говорю здесь, обращаясь, преимущественно, к великороссам. Для малороссов, или украинцев, не потерявших сознание своей русскости, эта формула получит следующий вид: малорусское, русское, российское.

После всего, сказанного выше, ясна повелительная необходимость оживления, воскрешения Великоруссии. Всякий взгляд в историческое прошлое России, всякое паломничество по ее следам приводит нас в Великоруссию, на ее север, где и ныне белеют стены великих монастырей, хранящих дивной красоты росписи, богословское «умозрение в красках», где в лесной глуши сохраняются и старинная утварь, и старинные поверия, и даже былинная поэзия; старинные города (Углич, Вологда), древние монастыри (Кириллов, Ферапонтов) должны стать национальными музеями, центрами научно-художественных экскурсий для всей России. Работа изучения святой древности, ведущаяся и в большевистской России, должна продолжаться с неослабевающей ревностью, вовлекая, захватывая своим энтузиазмом все народы России. Пусть не для нас одних русский Север станет страной святых чудес, священной землей, подобно древней Элладе или средневековой Италии, зовущей пилигримов со всех концов земли. Для нас, русских и христиан, эта земля чудес вдвойне священна: почти каждая волость ее хранит память о подвижнике, спасавшемся в лесном безмолвии, о воине Сергиевой рати, молитвами державшей и спасавшей страдальческую Русь.

Но русский Север не только музей, не только священное кладбище. По счастью, жизнь не покинула его. Его население —

немногочисленное — крепко, трудолюбиво и зажиточно. Перед ним большие экономические возможности. Белое море и его промыслы обещают возрождение целому краю при научном использовании его богатств.

Московский промышленный район (здесь: Ярославль, Кострома) устоял в испытании революции. На этой земле «святая Русь», святая старина бок о бок соседит с современными мануфактурами, рабочие поселки — с обителями учеников преподобного Сергия, своим соседством вызывая часто ощущение болезненного противоречия, но вместе с тем конкретно ставя перед нами насущную задачу нашего будущего: одухотворения православием технической природы современности.

Русский Север, святая Русь в полноте своей жизни открывают свои сокровища, конечно, лишь православному взору: только для него подлинно живет и древняя икона, и народная песня, и даже вещественный осколок уходящего быта. Но, конечно, работа найдется и для неверующего, но любящего исследователя. Здесь понадобятся целые плеяды этнографов, искусствоведов, бытописателей — собирателей материалов. Самая работа над памятниками религиозной культуры не проходит даром для религиозного роста личности. Но лишь живой вере суждено построить из камней культуры храм живого духа.

От великоросского — к русскому. Это, прежде всего, проблема Украины. Проблема слишком сложная, чтобы здесь можно было коснуться ее более, чем намеками. Но от правильного решения ее зависит самое бытие России. Задача эта для нас формулируется так: не только удержать Украину в теле России, но вместить и украинскую культуру в культуру русскую. Мы присутствуем при бурном и чрезвычайно опасном для нас процессе: зарождении нового украинского национального сознания, в сущности новой нации. Она еще не родилась окончательно, и ее судьбы еще не predeterminedены. Убить ее невозможно, но можно работать над тем, чтобы ее самосознание утверждало себя, как особую форму русского самосознания. Южно-русское (малорусское) племя было первым создателем русского государства, заложило основы нашей национальной культуры

и себя самого всегда именовало Русским (до конца XIX в.). Его судьба во многом зависит от того, будем ли мы (т.е. великороссы) сознавать его близость или отталкиваться от него, как от чужого. В последнем случае, мы неизбежно его потеряем. Мы должны признать и непрестанно ощущать свои не только киевские летописи и мозаики киевских церквей, но украинское барокко, столь привившееся в Москве, и киевскую Академию, воспитавшую русскую церковь, и Шевченко за то, что у него много общего с Гоголем, и украинскую песню, младшую сестру песни великорусской. Эта задача — приютить малоросские традиции в обще-русскую культуру — прежде всего выпадает на долю южно-русских уроженцев, сохранивших верность России и любовь к Украине. Отдавая свои творческие силы Великороссии, мы должны уделить и Малой (древней Матери нашей) России частицу сердца и понимания ее особого культурно-исторического пути. В борьбе с политическим самостийничеством, в обороне русской идеи и русского дела на Украине нельзя смешивать русское дело с великорусским и глушить ростки тоже русской (т.е. малорусской) культуры. Та же самая русская идея на севере требует от нас некоторого сужения, краеведческого, областного углубления, на юге — расширения, выхода за границу привычных нам великорусских форм.

И здесь, на охране единства Великой и Малой России, самой прочной связью между ними была и остается вера. Пусть разъединяет язык, разъединяет память и имя Москвы — соединят Киевские святыни и монастыри Святой Руси. До тех пор, пока не сделан непоправимый шаг, и народ малорусский не ввергнут в унию или другую форму католизирующего христианства, мы не утратим нашего братства. Разрываемые националистическими (и в то же время вульгарно-западническими) потоками идей, мы должны соединяться в религиозном возрождении. И сейчас подлинно живые религиозные силы Украины от Русской церкви себя не отделяют. От русского — к российскому, Россия не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси. И народы эти уже не безгласны, но стремятся заглушить друг друга гулом нестройных голосов. Для многих из нас это все еще непривычно,

мы с этим не можем примириться. Если не примиримся — т.е. с многоголосностью, а не с нестройностью, то и останемся в одной Великороссии, т.е. Россия существовать не будет. Мы должны показать миру (после крушения стольких империй), что задача империи, т.е. сверхнационального государства — разрешима. Более того когда мир, устав от кровавого хаоса мелко-племенной чересполосицы, встоскует об единстве, как предпосылке великой культуры, Россия должна дать образец, форму мирного сотрудничества народов, не под гнетом, а под водительством великой нации. Задача политиков — найти гибкие, но твердые формы этой связи, обеспечивающей каждой народности свободу развития в меру сил и зрелости. Задача культурных работников, каждого русского, в том, чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его «русскости») в сознание российское. Это значит, воскресить в нем, в какой-то мере, духовный облик всех народов России. То в них ценно, что вечно, что может найти место в теле Вселенской церкви. Всякое дело, творимое малым народом, как бы скромно оно ни было, всякое малое слово должны вложиться в русскую славу, в дело России. В наш век национальные самолюбия значат порою больше национальных интересов. Пусть каждый маленький народ, т.е. его интеллигенция, не только не чувствует унижения от соприкосновения с национальным сознанием русских (великоросса), но и находит у него помощь и содействие своему национально-культурному делу. Было бы вреднейшей ошибкой презрительно отмахнуться от этих шовинистических интеллигенций и через головы их разговаривать с народом. Многие думают у нас сыграть на экономических интересах масс против «искусственных» национальных претензий интеллигенции. Рано или поздно народ весь будет интеллигенцией, и презрение к его духовным потребностям отомстит за себя. Конечно, духовные потребности приходится отличить от политических притязаний: в титуле московских Царей и Императоров всероссийских развертывался длинный свиток народов, подвластных их державе. Многоплеменность, многозвучность России не умаляла, но повышала ее славу. Национальное сознание новых народов Европы в этом отношении

не разделяет гордости монархов, но Россия не может равняться с Францией или Германией: у нее особое призвание. Россия — не нация, но целый мир. Не разрешив своего призвания, сверхнационального, материкового, она погибнет — как Россия.

Объединение народов России не может твориться силой только религиозной идеи. Здесь верования не соединяют, а разъединяют нас. Но духовным притяжением для народов была и останется русская культура. Через нее они приобщаются к мировой цивилизации. Так это было в Петербургский период Империи, так это должно остаться. Если народы России будут учиться не в Москве, не в Петербурге, а в Париже и в Берлине, тогда они не останутся с нами. На русскую интеллигенцию ложится тяжкая ответственность: не сдать своих культурных высот, идти неустанно, без отдыха, все к новым и новым достижениям. Уже не только для себя, для удовлетворения культурной жажды или профессиональных интересов, но и для национального дела России. Здесь не важна сама по себе культурная отрасль, профессия — России нужны ученые и техники, учителя и воины. Для всех один закон: квалификация, ее непрерывный рост в труде и подвижничестве. Если великороссы составляют 54% России, то русская интеллигенция должна выполнить не 54%, а гораздо более общероссийской культурной работы, чтобы сохранить за собой бесспорное водительство.

Время для нас грозное, тяжелое. Бесчисленные народы России рвутся к свету, к культуре. Среди всех только великорусская интеллигенция, придавленная, разреженная искусственно вытесняется с пути национального творчества... Молодое поколение варваризуется и в России, и в зарубежье. Для него подчас, кажется, не под силу поднять культурную ношу отцов. Но надо не только поднять ее, но и нести дальше и выше, чем умели отцы. Ибо голос времени звучит неумолимо: «Всякое промедление — смерти подобно», как говаривал Петр Великий. Наши творческие силы еще не иссякли. Мы верим в наше призвание, не миримся с мыслью о гибели. Нам нужна лишь школа аскезы — культурной, творческой аскезы, без которой не создаются ни духовные, ни материальные ценности культуры.

Последние слова к христианам, к православным. Нельзя, разумеется, подчинить путь веры путям национальной жизни. Нет ничего грустнее утилитарно-политического отношения к христианству. Но в православии дано нам религиозное освящение нации. Церковь благословляет наше национальное делание, при условии просветленности его Светом Христовым.

Но мы должны преодолеть в себе две слабости, которые до сих пор обеспложивают творческие силы христианской интеллигенции. Во-первых, мы должны отрешиться от привычной сращенности православия с политическими, культурными, бытовыми формами старого времени. Не считать идеалом православия реставрацию старины и найти в нем источник свободы для творческого отбора в старых сокровищах, для творческого созидания новой жизни. Вторая — в известной степени, противоположная слабость — это индивидуализм личного религиозного пути. Для отрешенного, погруженного в собственный мир строя души не возникает и проблем национальной культуры, да и культуры вообще. Как первая школа духовной жизни, эта замкнутость души может быть законной, необходимой. Как традиция, как стиль целого поколения — это уже некое уродство, становящееся национальной пассивностью. В обстановке русской трагедии, в наш грозный исторический час, это направление (как направление) свидетельствует просто о недоразвитии христианской совести.

Если мы в эмиграции — и поскольку наши братья в России — преодолеем в себе эти слабости, эти болезни роста, то главное дело русского национального возрождения уже сделано. Ибо жизненность и крепость русского религиозного возрождения русской церкви не подлежит сомнению. В ней, в русской церкви, дано живое средоточие нашей национальной работы, источник вдохновляющих ее сил. Но нужно помнить, что для этой работы необходима сложная, опосредственная трансмиссия этих духовных сил, что в деле национального возрождения участвуют: церковь, культура, государство. И здесь я останавливался преимущественно на втором члене, наиболее угрожаемом

и наиболее сложном, связующем действии сил духовных с механизмом социальных потребностей.

На вопрос, поставленный в заглавии настоящей статьи: «Будет ли существовать Россия?», я не могу ответить простым успокоительным: «будет»! Я отвечаю: «Это зависит от нас. Буди! Буди!»

А.С. ИЗГОЕВ

Вопросы нашей эпохи

(«Руль». 1930. 4 января)

«Руль» (Берлин, 1920–1931) — ежедневная газета. Название газеты набиралось тем же шрифтом, рисунок которого придумал для петербургской «Речи» художник Л.С. Бакст. В отличие от левоцентристских «Последних новостей» газета «Руль» была органом правых кадетов. Воинствующий антибольшевизм отчасти обусловил то, что даже пронизательный Изгоев надеялся на пересмотр фашистских политических принципов (хотя и не ошибся в другом предсказании — «нового коммунистического взрыва» после Второй мировой войны). Потребовалось еще некоторое время, чтобы развеять свойственную правым кадетам надежду использовать фашизм как антикоммунистическую силу.

Для социолога Италия становится положительно самым интересным государством начала XX века. Особенно с тех пор, как выделение «города Ватикана» в независимую державу поставило конкретно, в образах, основной вопрос нынешней европейской цивилизации, воистину, ее Сфинксову загадку: разгадай или я тебя пожру!

Цивилизация, несомненно всемирная и всечеловеческая по своим принципам, столкнулась с национально-государственной идеей, вне которой, как достаточно ярко показал пример Рос-

сии, современные народы не могут жить человеческой жизнью. Фашизм — не наш государственный идеал. Но только заведомая недобросовестность или чудовищная слепота могут отрицать, что Муссолини спас Италию от гибели, от судьбы, уготованной III Интернационалом России, что фашизм в социально-политическом отношении возродил Италию. И при этом Муссолини в сравнении с Лениным и Сталиным применил едва сотысячную долю террора, пролил едва миллионную часть крови. Деятели II Интернационала, устраивающие пышные митинги протеста против итальянского и австрийского фашизма и молчаливо покрывающие русские ужасы, осуждают себя уже одной этой явной недобросовестностью. С их мнениями о фашизме не очень-то приходится считаться.

Но несомненно, что фашизм таит в себе огромную смертельную опасность для современной цивилизации. Объявляя национально-государственный эгоизм верховным принципом, руководящим жизнью и деятельностью людей, он освящает внутри страны порабощение человека, а вовне грозит миру новой эрой истребительных войн. Всякая же новая война в Европе приведет несомненно к новому коммунистическому взрыву на пространстве, гораздо более обширном, чем коммунизм производит свою разрушительную работу ныне, после первой мировой войны.

Но есть признаки, что в той же Италии сам фашизм начинает чувствовать недостаточность своих нынешних позиций, понимать, что какие-то неустранимые человеческие потребности либо оставлены им без внимания, либо насильственно подавлены. Эти признаки намечающегося пересмотра фашистской идеологии пока еще незначительны, но им нельзя отказать в характерности.

Итальянский фашизм, как известно, уничтожил парламент, оставив однако палату депутатов. Профессиональные союзы намечают явно по указке фашистской партии кандидатов. Фашистский партийный центр из этих кандидатов составляет по своему усмотрению список, и населению предоставлено только право подать голос за или против всего списка. Конечно, это — не выборы, а пустая комедия и такой парламент никому и ни

для чего не нужен. Ни один человек, знакомый с историей представительных учреждений, не станет в этом сомневаться.

Фашистский парламент заседает уже несколько месяцев. И вот теперь фашистская печать, как известно подчиненная строжайшей партийной цензуре, взывает к депутатам, чтобы они не ограничивались только повторением слова «Duce», а и высказывали в пределах общей партийной линии свои взгляды, позволяли себе критику. Газеты призывают к «обсуждению свободному, открытому, объективному, разумному, т.е. фашистскому».

Наперед можно сказать, что эти призывы желательного результата не дадут. Парламент Муссолини ни в коем случае не будет выше парламента 3-ей Империи во Франции. Парламент имеет смысл, когда правители понимают, что общественная жизнь не может идти без противоречий и столкновений, но чувствуют в себе разум и силы дать свободное проявление этим противоречиям, в уверенности, что в решительную минуту они правильно учтут настроение страны и выразят его в действии.

Фашизм увлекся показным и ложным единством. Единство это несомненно было, когда Муссолини устранял нависшую над Италией коммунистическую угрозу. Теперь в таком виде его более не существует. Собранная фашистами палата депутатов не отражает страны. Она не будет парламентом, а ее депутаты не явятся свободными и независимыми выразителями народных желаний. Карикатура на парламент не нужна ни власти, ни народу. Фашизму многое придется пересмотреть в своем идейном багаже.

Н.А. БЕРДЯЕВ

**Л. ТРОЦКИЙ. *Моя жизнь. Опыт автобиографии.*
Два тома. Издательство «Гранат». Берлин. 1930 г.**

(«Новый град». 1931. № 1)

«Новый град» (Париж, 1931 – 1939) — «Философский, религиозный и культурный обзор». Вышло 14 номеров.

Николай Александрович Бердяев (1874 — 1948) — философ, публицист, критик. Журналистский дебют состоялся в 1900 г. в журнале «Мир Божий». В 1917 г. печатался в еженедельнике «Народоправство». В 1922 г. был выслан. В Берлине редактировал журнал «София» (вышел один номер), потом в Париже — журнал «Путь». В отзывах о новых книгах он писал не столько о проблемах, сколько о личности автора и его месте в современной эпохе.

Всякая биография эгоцентрична. Таков ее предмет. Очень эгоцентрична и автобиография Л. Троцкого. Он сам не скрывает этого. Автобиография для него есть активный момент его биографии, он ведет в ней борьбу, расправляется с врагами. Это совсем не есть тип автобиографий, которые пишутся в старости, когда борьба кончена и нет уже будущего, когда память хочет воскресить безвозвратно ушедшее прошлое, когда подводится итог жизни и хочется определить ее устойчивый смысл. Л. Троцкий продолжает верить, что будущее его и хочет за него бороться. Книга написана для прославления Л. Троцкого, как великого революционера, и еще более для унижения смертельного врага его Сталина, как ничтожества и жалкого эпигона. Но написана она очень талантливо и читается с большим интересом. Бесспорно, Л. Троцкий стоит во всех отношениях многими головами выше других большевиков, если не считать Ленина. Ленин, конечно, крупнее и сильнее, он глава революции, но Троцкий более талантлив и блестящ. Местами автобиография написана очень художественно, там, где автор не занят партийными дразгами. У Л. Троцкого есть художественная восприимчивость. Описание детства и отрочества, описание охоты иногда напоминают Л. Толстого. Эти места дают передышку, читатель отдыхает от подавленности мелочами и дразгами революционной жизни. Жизнь Троцкого представляет значительный интерес и она ставит одну очень серьезную тему — тему о драматической судьбе революционной индивидуальности в революционном коллективе, тему о чудовищной неблагодарности всякой революции, извергающей и истребляющей своих прославлен-

ных создателей. Л. Троцкий не без гордости говорит, что у него нет личной судьбы, что его судьба слита с судьбой революции, которой он служит. Самообман и самоутешение. Личная судьба есть и у Л. Троцкого, и он напрасно хочет скрыть ее горечь. Активнейший из революционеров оказался лишним и ненужным человеком в революционную эпоху. Это есть печальная судьба личности. Талантливый и блестящий Троцкий, создавший вместе с Лениным большевистскую революцию, извергнут революционным потоком и находит себе пристанище лишь в Турции. Бездарный по сравнению с ним, незначительный, не игравший большой роли Сталин — диктатор, глава революции, вершитель судеб России и, может быть, всего мира. Этого никогда не удастся переварить Троцкому и никогда не удастся понять изнутри революционной эпохи. Но надо перейти в более глубокий план жизни, чтобы понять эти вещи. Люди мировоззрения Троцкого никогда ведь не углублялись в проблему личной судьбы, они всегда заглушали в себе внутреннюю жизнь внешней борьбой. Автобиография Троцкого есть, конечно, очень интересный и талантливый документ нашей революционной борьбы. Книга поражает незначительностью внутренней жизни души, раскрывшей свою жизнь. Душа эта выброшена на поверхность, целиком обращена вовне, вся исходит во внешних делах. Жизнь этой души рассказана так, как будто самой души нет, и во всяком случае нет в ней духовного начала. Почему Троцкий стал революционером, почему социализм стал его верой, почему всю жизнь свою он отдал социальной революции? Внутренний генезис веры Троцкого, внутреннее формулирование его мировоззрения почти совсем не раскрыты. Указанные им внутренние мотивы образования революционного чувства жизни незначительны и не могут объяснить такой революционной энергии. Поразительно, до чего Троцкий чужд всем умственным и духовным течениям своей эпохи. Его ничего не затронуло. Для него ничего не существует кроме марксизма и самого наивного материализма. Он даже отрицательно не определяется к другим течениям. Он очень умный человек, но умственный его кругозор необычайно узок, интересы его очень однообразны. Он читает

романы в часы досуга, но это лишь отдых от революционной борьбы, внутренне его это чтение несколько не затрагивает. Как писатель, он лишь талантливый журналист. В своих эмигрантских странствованиях он встретился с Рагацем, швейцарским левым социалистом и вместе с тем верующим христианином, протестантом. Социалист-мистик вызывает в нем лишь «неприятный озноб». Он ограничивается плоским замечанием, что не может найти психологического соприкосновения с людьми, которые «умудряются одновременно признавать Дарвина и Троицу». Это, кажется, единственное место, где Троцкий говорит о религиозном вопросе. Он остается старого типа просветителем и рационалистом, таким же, как и Ленин, но менее злобно полемическим.

Чему нас учит автобиография Троцкого? Вот что представляется мне несомненным: Л. Троцкий не настоящий коммунист, не до конца коммунист, и не случайно он оказался выпавшим на известной стадии коммунистической революции. Он и в прошлом не был большевиком, и напрасно он старается затушевать свой меньшевизм, хотя и левый. Троцкий очень типичный революционер, революционер большого стиля, но не типичный коммунист. Он не понимает самого главного, того, что я назвал бы мистикой коллектива. Именно покорность мистике коллектива заставляет Рыкова и многих других держать себя так, что это со стороны производит впечатление трусости и предательства относительно людей, с которыми они работают. Коллектив, генеральная линия коммунистической партии — это, ведь, аналогично церковным соборам, и всякий, желающий остаться ортодоксальным, должен подчиниться совести и сознанию коллектива. Л. Троцкий еще революционер в старом смысле слова, в смысле XIX века. Он не подходит к конструктивному периоду коммунистической революции. Его идея перманентной революции есть романтическая идея. Троцкий придает еще значение индивидуальности, он думает, что возможно индивидуальное мнение, индивидуальная критика, индивидуальная инициатива, он верит в роль героических революционных личностей, он презирует посредственность и бездарность. Не случайно его обвиняли

в индивидуализме и аристократизме. И именно он, организатор красной армии, сторонник мировой революции, совсем не вызывает того жуткого чувства, которое вызывает настоящий коммунист, у которого окончательно погасло личное сознание, личная мысль, личная совесть, и произошло окончательное вращение в коллектив. Есть еще одна особенность, отличающая Л. Троцкого. Русскому народу не свойственна театральность и риторика. В русской революции совсем нет красивых театральных жестов и риторических украшений революции французской. Может быть, и хорошо, что в ней нет театральной красоты. Но плохо то, что в ней есть настоящая уродливость. Большевики вошли в русскую жизнь в первый же момент уродливо, с уродливым выражением лиц, с уродливыми жестами, они принесли с собой уродливый быт. Уродство это свидетельствует об онтологическом повреждении. Большевики сами чувствуют свое уродство, и это вызывает у них чувство *ressentiment*. Этим отчасти объясняются их безобразные действия. Сам Ленин как будто нарочно стремился к уродливому, говорил и писал грубо и некрасиво. Л. Троцкий один из немногих, желающих сохранить красоту образа революционера. Он любил театральные жесты, имеет склонность к революционной риторике, он по стилю своему отличается от большей части своих товарищей, которых он, в сущности, презирает. Л. Троцкий все еще не понял, что мы вступаем в эпоху пореволюционную, и что старый революционный душевный уклад и революционный пафос для нее не подходят.

Н.В. УСТРЯЛОВ

О революционном тягле

(«Утро». 1931. 17 мая)

«Утро» (Тяньцзинь, 1931) — ежедневная газета, выходившая в одном из крупнейших китайских портовых городов.

Устрялов признавал достоверность позитивных и негативных оценок хода советской индустриализации и коллективизации в мировой прессе. И предлагал свою интерпретацию «двуликости» этих процессов: народ несет жертвы ради «возрождения государства». Этот принцип был для него выше идеи правового государства. Он не считал нужным критиковать власть, которая создает «"физически" мощное государство».

Что происходит в Советском Союзе? Как развивается исторический процесс русской революции? Каковы его перспективы?

Сейчас, кажется, как никогда, обильна информация об этом процессе. Продумывая ее, вскрываешь существенно двойственный, двуликий ее облик. Она непрерывно мечется между ура и караул.

С одной стороны — потоки сведений о разительных хозяйственных успехах, массовом трудовом подъеме, о быстрой и плодотворной индустриализации страны. С другой — нескончаемые вести о низком уровне жизни населения, о неслыханной жесткости политического режима, напряженности финансового и общего экономического состояния государства.

Одни источники информации живописуют по преимуществу положительные стороны процесса, другие — отрицательные. Нередко оптимисты и пессимисты оспаривают друг друга. Мировая пресса полна этих полемик: пятилетка — в международном фокусе. Спорят и о фактах, и об оценках. Политический тон делает музыку.

Внимательный анализ свидетельствует, однако, что в основном предметны и объективно доказуемы обе группы сведений. Двойственность информации коренится в основоположной двуликости самого процесса.

Пользуясь старой терминологией русской публицистики, можно сказать, что революция на современной ее стадии **жертвует народным благосостоянием во имя национального богатства**. Отсюда неизбежная противоречивость ее наличного облика. Отсюда ее органический динамизм, ее «эротическая» взвинченность. Как древний Эрос, крылатый демон, она отме-

чена двойной печатью Пороса и Пении, богатства и скудости. «Не доедим, а социализм построим и своей страны в обиду не дадим».

Разумеется, за этой схемой скрываются чрезвычайно сложные жизненные отношения, требующие особого, конкретно-политического и общесоциологического анализа. Но в качестве предварительной, именно схематической характеристики современной советской действительности приведенная формула вполне пригодна.

Но она нуждается в обстоятельном, всестороннем раскрытии.

* * *

Революция началась громовым провозглашением общенародной свободы. Она формально, да и по существу освобождала, раскрепощала все слои русского населения, предоставляла их собственным импульсам и собственному разумению. Дума 3 июня, буржуазия, интеллигенция, крестьяне, рабочие, солдаты — все восприняли крушение старого порядка, как пришествие свободы.

И свобода пришла, порвалась историческая узда. Свобода заправская, стихийная, радикальная. Свобода была исходной точкой русской революции, вождленным заветом самых различных элементов русского общества. Либеральные думские помещики и гучковская буржуазия представляли себе эту свободу в свете западных канонов на мотив «обогащайтесь», крестьяне видели в ней конец помещикам и земельный передел, рабочие — материальную обеспеченность и облегченный труд, солдаты — добровольную демобилизацию, скорый мир. Интеллигенция венчала ее ореолом исконных светлых идеалов своей славной истории. «Малые народы» России ее не замедлили обернуть поветрием самоопределений, угрожая полным распадом государства. Все торопились заявить свои нужды, всякий норовил улучшить свое положение в государстве.

Истории революции суждено было стать роковым испытанием всех этих фрагментарных, — слоевых, классовых и нацио-

нальных, — представлений о свободе. Наивная анархия февраля явилась средою их непосредственного воплощения. Сталкиваясь и перемешиваясь, они породили, как известно, дикую социально-политическую какофонию, непримиримую усобицу общественных классов, добивавшую государство и таившую в себе собственную свою гибель. Февраль, как историческая реальность, изнемог, захлебнулся в смуте, в буйных припадках всероссийского «воровства», напомнившего старое наше Смутное время. В сущности, этой центробежной разладицей, этой лихою смутой наш февраль целиком исчерпывается, они являются и останутся его объективной жизненной характеристикой, — к немалой досаде тех, кто хотел бы его воспринимать не как историческую быль, а как лирический миф.

Затем, мало-помалу, начинается обратный процесс. Социальная история Октября есть история мучительного самопреодоления всех групповых, классовых и национальных обособлений от общегосударственного дела. Свобода, реализованная в разброде, претворенная в смуту, уничтожает себя, и начинается последовательное закрепление, самозакрепощение за государством различных социальных сил, хлебнувших от кубка революции. Восстанавливаются политические скрепы общественного порядка, и чем безмернее была свобода, тем круче и самовластнее выросшая из нее диктатура. Под маской классовой борьбы идет беспримерное обуздание классовых домогательств, и во имя грядущего бесклассового и безгосударственного общества куется сегодняшняя мощь революционного государства. В результате переломных лет обретается новое политическое равновесие, рождается новое государственное сознание, создается новая идея-правительница. От анархической своекорыстной свободы страна идет к всеобщему, прямому и равному, суровому жертвенному тяглу.

В самом деле. Рассеяны классы, по своей социальной природе враждебные новому центру государственной концентрации. Завершена ликвидация дворянства. Буржуазия в эпоху нэпа осуществляет известные служебные функции, но государство упорно стремится все крепче прибрать ее к рукам. Крупная бур-

жуазия разгромлена раньше, средняя и мелкая втягивается на протяжении текущих лет в жесткое общегосударственное тягло.

Но что происходит с победившими, трудовыми классами, «низами» вчерашнего дня? — Они тоже неотвратимо вовлекаются в подданство правящей идее, и от их обособленной классово-корысти остаются лишь воспоминания. Было время, когда деревня единодушно кончала помещиков, громила усадьбы и парки. Потом пошло расслоение внутри самой деревни, взаимный погром погромщиков, и постепенно стала вырисовываться объективная общая цель — «ликвидация крестьянства как класса», т.е. непосредственное, безоговорочное служение всего деревенского населения общегосударственным задачам. Групповые, эгоистически-слоевые стремления разбиты по частям, экспроприаторы экспроприированы по очереди, согласно старому принципу *divide et impera*²⁵.

Пролетариат, класс-гегемон? — Чрезвычайно интересны трансформации, постигшие его за эти 14 лет. В итоге и он прочно преодолевает призрачное «февральское» восприятие свободы. И для него свобода становится повинностью. И он — на службе у государства. Теперь нет ничего более для него позорного, чем «цеховые настроения», противопологающие самостоятельные классовые интересы рабочих задачам государственного целого. Теперь и он беспощадно закрепляет себя за своим государством, соревнуясь в ударной жертвенности с другими слоями общества.

Малые и средние народности, входящие в Советский Союз? — Они также давно расстались с политическим сепаратизмом, всемерно крепят государственное единство Союза и «местные шовинизмы» ощущают, как тягчайший из грехов. Они крепко впряжены в общесоветский воз.

Старая интеллигенция? — Кажется, наиболее болезненная тема, особенно в данный момент. Но по существу ясно: она либо перерождается, либо гибнет. Исчезает тип старого интеллигента: ему нет места в новых условиях. И это даже независимо от формальной политической окраски. Отмирает психологический тип, знамя целой большой исторической полосы. Было время,

когда одна часть нашего образованного слоя сажала в тюрьму другую. Но ныне словно кончается расслоение и гр. Коковцев делит судьбу не только с Керенским и Милюковым, но и с Троцким: брели розно, но за бортом очутились гуртом. Да, перерождение либо гибель. Переродившиеся закрепляются в свой черед за государством, отчуждаются полностью в его распоряжение.

Четырнадцать лет. Революционное поколение биологически вытесняется пореволюционным. Но помимо естественного течения времени, действуют и специфические факторы: создается впечатление, что какая-то жуткая Немезида торопит сойти в могилу человеческий материал, зараженный воздухом смутной революционной весны, органически начиненный прежними впечатлениями, старыми навыками и привычками, духом неизбежного протеста против небывалого деспотизма новой государственной дисциплины. Он ускоренно вытесняется, — этот изношенный и разгромленный материал, — новой породой людей, которую генеральная логика процесса воспитывает и муштрует по своему образу и подобию. Новой людской породой, с новыми личными стимулами, переключаемыми на коллектив, с душами, глухими к традициям. «Бритые люди с острыми подбородками...»

Было бы ребячеством отрицать, что весь этот процесс переходной эпохи выступает достаточно тяжкою поступью. Он развивается, как принято говорить, «через противоречия», в напряженной и накаленной атмосфере. Было бы лицемерием утверждать, что он не нуждается в конкретной критике и заведомо обеспечен конечным успехом. Но из этого вовсе не следует, что он не ограничен, не народен в глубочайшем смысле слова. Его направляет инициативное меньшинство, вновь сформированный правящий слой, гвардия ведущей идеи, — это бесспорно. Но разве сам этот слой не выдвинут нацией в итоге страстного исторического отбора и разве не связан он с нею тысячью жизненных уз? Разве не стал он органом ее воли, ее драматического самообуздания? Смутное время начала XVII в. кончилось тоже разительной победой государственного центра над вспышкой групповых своеволий; народные массы вышли из него жестко

прикрепленными к государству, — и, однако, оно не перестает тем самым оставаться комплексом подлинно народных движений.

Для русского народа доселе характерно состояние своеобразной «добровольно-принудительной» самозакрепощенности ради великих государственных задач. Людей современного Запада эта историческая русская черта повергала часто в изумление: «что за чудесная страна Россия, — дивились они: — людей там бьют, и они вырастают героями» (Ибсен). И если теперь на всех мировых политических перекрестках гремят филиппики международных свободолобцев, клеймящие русское «рабство XX века», то по существу дела эти громы менее всего оглушительны. Большие явления требуют больших критериев для оценки. Нельзя одним задорным словом отмахнуться от огромной, всемирно-исторической проблематики русских событий. Народы большого стиля в судные часы своего бытия никогда не боялись и всегда дерзали, становясь на горло собственной «свободе», сознавать себя «рабами» заданной им великой цели.

Так в логике революции творится возрождение государства. Но это — государство революции, не отрешающееся от нового мира, а несущее его в себе. И народ, создающий это новое государство, познает свою свободу — в служении, свое право — в своем историческом долге, и труд свой, свой тяжкий подвиг превращает, — по известному определению, — в дело чести, дело славы, дело доблести и геройства²⁶.

И.А. ЛАГОВСКИЙ

Там, где с Богом борются

(«Вестник русского студенческого христианского движения». 1931. № 7)

Иван Аркадьевич Лаговский (1889—1941) — философ, религиозный деятель, публицист. В 1919 г. эми-

грировал. С 1926 г. — ассистент кафедры психологии и педагогики Свято-Сергиевского богословского института в Париже, член Центрального секретариата РСХД (1929—1933) в Париже, затем в Турку. В 1940-м был арестован и расстрелян в Ленинграде.

Статья интересна как обзор прессы, выявляющий скрытый смысл печатной информации, как пример своеобразного «медленного чтения» периодики. Вместе с тем примечательно, что, как и Устрялов, отвергавший обвинения русского народа в «рабском» следовании требованиям власти, Лаговский отклонял обвинения народа в «пассивности», обнаруживая приметы «борьбы народного духа за свое самосохранение».

Упреки русскому народу — в связи с современным положением в России — в «пассивности», «бездеятельности», в «рабском терпении» стали некоторым «общим местом». И, по-видимому, упрекающие правы... Как будто бы, действительно, нет никаких проявлений героической активности. Но странно — чем более соприкасаешься с русской действительностью даже в кривом, одностороннем изображении ее в советской печати, тем убежденнее знаешь, как несправедливы, скороспелы, жестоки эти упреки. За победно-шумливым «рапортом» об успехах коммунизма ощущаешь такую силу сопротивления, такое напряжение упорной борьбы за **свою** волю, за право строить жизнь не по **коммунистической указке**, что невольно удивляешься пред чудом непрерывной, неослабевающей стойкости русского народа. Но это героическое утверждение права на **свою волю** совершается в формах, имеющих мало общего с ходячими представлениями о «героическом», об «активном». Привычная форма героической борьбы, когда «сильные», «мужественные» жертвуют собой и, жертвуя, побеждают, — в условиях советской действительности оказалась мало пригодной, слишком «не продуктивной». Жизнь создала другой путь борьбы. Никто не ведет, никто определенно и явно собой не жертвует, а вместе с тем, в общем, несомненно, есть известное (всенародное) героическое действие. Каждый в отдельности только безличная, «лояльная

песчинка», а все вместе, в живом сцеплении таких безличных песчинок — сильная, стойкая коллективная героическая индивидуальность.

Напряженная борьба народного духа за свое самосохранение приобрела характер молекулярного процесса. Идут мелкие внутриклеточные процессы. Весь «героизм» часто только в том и состоит, чтобы не поколебаться, не усомниться, оказаться живучее противника, оказаться духовно бодрее, терпеливее, более любящим. В этой безликой процессуальности, в «безличном» перемещении мелких клеточек самой ткани жизни — на первый взгляд, — так мало проявлений конкретно-героического, что, подходя с обычными мерками, ничего и не заметишь. Сердце невольно проходит в нечувствии мимо неярких, но великих героически творческих усилий многомиллионных клеток — подвижников веры; не приметив рассыпанных росинок горячих слез, подвижнической решимости хранить свою верность Христу в малом, — осуждает за «бездеятельность», упрекает в «пассивности».

Не изменив своих представлений о героическом, нельзя слышать биения сердца верующей России, нельзя любить — любить полно, с верой, мукой и надеждой — Русской Церкви, нельзя понять значения совершаемого Ею, совершающегося с Нею.

Борьба за душу, за Бога, за Церковь перешла в будничную жизнь, в быт, стала одним из основных содержаний повседневной житейской действительности. Добро и зло в последней, решительной непримиримости противостоят друг другу в самом обычном, прозаическом, в «мелочах жизни». «Со Христом» или «против Христа» рассекает самые жизненно глубокие ткани. Происходит то великое разделение, о котором Спаситель говорил, что «Пятеро в одном доме станут разделяться; трое против двух и двое против трех; отец будет против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей» (Лук. 15,52–53).

Приводимые нами материалы дают достаточно наглядное представление о силе и напряженности совершающихся «будничных» процессов с той и другой стороны, позволяют составить до-

статочное живое представление о характере и формах, ведущейся всюду напряженной «молекулярной», «внутриклеточной» духовной борьбы...

* * *

«В 29-й подготовительной школе Краснопресненского района занимается 200 детей в возрасте от 8 до 14 лет. 83 школьника входят в группы воинствующих безбожников.

Эти будущие строители социализма проводят большую антирелигиозную работу. Юные безбожники имеют свою ячейку и свое юное безбожное бюро.

В антирождественскую кампанию юные безбожники провели в школе 7 детских художественных антирелигиозных постановок. Одна антирелиг. детская постановка была проведена на собрании родителей (на этом собрании было более 50% родителей).

Попадают родители, которые стараются отвлечь ребенка от безбожной работы. В таких случаях для антирелигиозной пропаганды среди родителей ячейка СВБ²⁷ посылала на квартиры особые бригады. В 20-й школе было очень много случаев, когда юные безбожники добивались того, что родители выбрасывали иконы, а некоторые дети приводили своих религиозных родителей на антирелигиозные беседы и втягивали их в читку антирелигиозной литературы.

Работа юных безбожников ведется по плану. Проводятся антирелигиозные беседы.

Ячейка юных безбожников совместно со всем коллективом педагогов шефствует над одним из огородных колхозов, который находится около станции Сходня Октябрьской железной дороги.

Дети-безбожники 8 марта выезжают в колхоз, чтобы провести там антирелигиозную детскую постановку.

Ребята собираются организовать в колхозе детские ясли и избу-читальню.

В настоящее время юные безбожники 29-й школы заняты подготовительной работой к антипасхальной кампании.

Руководительница юного безбожного коллектива — педагог этой же школы — тов. Бережкова.

Вместе с ней весь педагогический персонал школы принимает участие в проведении антирелигиозных кампаний, но не все еще педагоги состоят членами ячейки СВБ.

— В нашей работе есть очень большой недостаток, — говорит т. Бережкова, — у нас нет определенно закрепленного места для антирелигиозного уголка и для антирелигиозной библиотеки.

Надо надеяться, что ячейка СВБ сумеет преодолеть этот недостаток и еще шире развернет антирелигиозную работу как в школе, так и среди родителей и в подшефном колхозе».

(«Безбожник у станка»²⁸. 1931. № 7)

* * *

«В Московской области появились неизвестные люди вроде ходячих агитаторов. Белая одежда, заросшее волосами лицо и горящие глаза этих проходимцев вызывают любопытство, а порой и страх у населения. Каждый из этих типов называет себя “сыном Божиим”. Расхаживает такой “сын Божий” по селам и деревням и разносит всевозможные нелепые слухи.

Об этом знают и говорят в сельсоветах, но мер никаких не предпринимают. Местные организации СВБ молчат. Парторганизации также бездействуют.

Многие женщины отзываются об этих “сынах Божиих” очень сочувственно.

— Это святой человек, он снизошел для борьбы с антихристом.

Под антихристом подразумевается, конечно, соввласть, которая, по словам “сынов Божиих”, “загоняет” в колхозы.

Необходимо немедленно прекратить агитацию “сынов Божиих”, которые срывают план весеннего сева.

Надо взгреть виновников бездействия и оппортунистического благодушия по отношению к замаскированному классовому врагу».

* * *

Газета «Ударник» комбината № 3 Мострикотажа 12 января сообщает такой случай: «9 января 10 штопалок швейно-бельевого отделения в ночную смену во весь голос стали распевать рождественские молитвы. Ретивых богомолок никто не остановил, и они преспокойно продолжали сеанс рождественских песнопений.

10 января газета дает подборку под заголовком: “Ячейка СВБ, где ваша антирелигиозная работа?”

Из этой подборки мы узнаем следующее: 1) 8 января машинист Кубиков наотрез отказался выехать на работу в “Божий день” и отправился домой праздновать. 2) Рабочий депо Цуканов в этот же день с работы убежал в церковь и 3) в цехе эксплуатации 7 января прогуляло 28 чел.

А 7 января на занятия партшколы II ступени пришло незначительное число слушателей, хотя вообще занятия посещают очень аккуратно».

(«Безбожник у станка». 1931. № 6)

* * *

«В известные дни два раза в месяц, в так называемых общезнаниях-спальнях читаются антирелигиозные лекции.

Но как проводятся эти лекции? Безбожники “почитывают”, рабочие и работницы “послушивают”, а затем... расходятся. Тихо, мирно, без споров, без выступлений...

Местные безбожники считают это достижением:

— Молчат — значит крыть нечем... Да и верующие перевелись...

Конечно, такие лекции наводят сон и скуку. Тов. Петин чувствует это. Он недоволен.

Сколько раз я старался вызвать обмен мнениями, — говорит он, — но напрасно... Нет возражений, — да и только.

Он не может понять этого молчания... Между тем, оно объясняется очень просто. Безбожники не попадают в цель. Они то делают перелет, то недолет. Лекции не затрагивают животрепещущих вопросов. Они проходят в плоскости нудных толкова-

ний текста Библии. Но иногда бывают неожиданности. Верующие, особенно женщины, бросаются в атаку на лектора, требуют разъяснений, доказательств и тогда лектор не выдерживает натиска.

— Бывает это со слабо подготовленными товарищами, — жалуется председатель ячейки безбожников, — не умеют выступить... Не вооружены соответствующими знаниями.

На самом же деле и крепкие безбожники, и слабые не умеют выступать. Последние вызывают иногда отклики, первые же — “спецы” по толкованию Библии и т.п. — не могут добиться даже и этого.

В одно время, когда над фабрикой взял шефство Институт по изучению профзаболеваний, казалось, что антирелигиозная работа оживится. За это дело взялись врачи. Они попытались внести свежую струю в антирелигиозную работу. Начались лекции. Они заключались в том, что врачи научно, в популярном изложении, при помощи физических и химических опытов и диапозитивов разоблачали так называемые чудеса. Верующие отнеслись к этому как к своего рода фокусам.

Безбожники завода “Ливерса” ищут верующих, чтобы сразиться с ними, и не находят. Между тем, верующие и не думают скрываться. Они имеются во всех общежитиях-спальных фабрики. Быт этих спален насквозь пропитан лампадной гарью, особенно в женских спальнях. Человеку, попавшему туда, впервые, может показаться, что он проник в монастырь, в общежитие монахинь: у изголовья каждой койки — две-три иконы.

Обитательницы этих спален ежедневно возносят молитвы и бьют поклоны. Они не только не забыты, не только не молчат, когда поднимается вопрос о религии, но, ошестинившись, как старые драные кошки, набрасываются на дерзкого безбожника. Это прекрасно знает молодежь.

— Старухи гонят из спален, — вот что говорят они.

В мужской спальне атмосфера чище. Здесь в красном уголке даже имеется антирелигиозный плакат. Но и в этой спальне не все благополучно. Наряду с красным уголком и его антирелигиозным плакатом существует и “божественный уголок с тремя иконами”. Его организовал над своим столом один из рабочих.

— Это Иван Семенович, он у нас крепко верующий, — улыбаются соседи по койке.

Иконы... горящие лампы... попы, служащие молебны... это все не где либо на частной квартире, а в общежитии советской фабрики...

Вопиющее безобразие. Позор.

Необходимо отметить, что тут же живут комсомольцы и комсомолки и тоже не принимают никаких мер. Свыклись, смотрят сквозь пальцы:

— А ну их. Над моей койкой еще не повесили иконы — и ладно».

(«Безбожник у станка». 1931. № 7)

* * *

«В школе № 29 Краснопресненского района, на “старое рождество” один из учеников третьей группы, пионер, сын кустика, принес в класс и распространил среди ребят около 20 крестиков. Этот факт обнаружился в тот же день. Была мобилизована детская общественность, под влиянием которой мальчик на следующий день сдал еще около 300 крестов, которые хранились у него дома. Установить, кто дал ему кресты и для какой цели, не удалось.

В школ № 48 Краснопресненского района в 5-й группе в рождественские дни преподаватель обществоведения обнаружил на партах листки из молитвенников. После опроса ребят оказалось, что один из учеников этой группы, пионер, будто бы нашел в этот день у ворот школы молитвенник, поднял его, разобрал по листочкам, а ребята эти листочки расхватали».

(«Безбожник у станка». 1931. № 6)

* * *

В тяжелых условиях физического и духовного гнета, в беспросветности будничного прозябания безликие герои, тихие подвижники веры в будничном хранят напряженную собранность духа, не оскудевают в надежде, не изнемогают в любви.

Среди всеобщего озлобления, ненависти, распада, изо дня в день терпеливо несут они свой крест. Невидную «глухую» смертью умирают за други своя и всем подвигом жизни всех зовут к покаянию, к единению в Церкви, к любви, к спасению.

* * *

Закончим свою заметку выдержкой из статьи человека, только что приехавшего из СССР:

«До революции, говорит он, духовное разложение угрожало Русской церкви; заплывший жиром русский быт и светская власть давили ее. Но когда с русским народом случилась катастрофа, церковь русская нашла себя, она разделила с народом его горе и вместе с тем понесла тяжелый крест, укрепляя духовные силы народа. Народ русский отплатил ей сторицей — он не только простил ей старые грехи, не только не тронул ни одного храма, но повсеместно наполняет их для горячей молитвы и в мрачном молчании затаивает обиду против безбожной власти. Он верит, он знает, что придет время, когда закрытые, поруганные храмы вновь откроются. В этом духовном единении с народом, в истинно христианском смирении, достойном восхищения, русская церковь не только не жалуется, но находит в себе силы отказаться от моральной помощи извне, отрицать перед всем миром гонения власти на себя, оберегая этим спокойствие духа и интересы народа»²⁹.

П.Б. СТРУВЕ

Против пустословия (по поводу толков о «плановом хозяйстве»)

(«Россия и славянство». 1933. Сентябрь)

Статья как нельзя лучше показывает, что в журналистике решающим условием успеха является компетентность автора в данном вопросе. Струве был специ-

алистом в области экономики, поэтому и смог так четко, ясно и без «пустословия» сказать о месте «плана» в совершенствовании хозяйственного строя.

Странное впечатление производит та полемика, которая ведется в русской зарубежной печати о «плановом хозяйстве». Я предлагаю в другой форме обратиться к самостоятельному рассмотрению этой проблемы, столь часто затемняемой тенденциозностью, пустословием и невежеством. Здесь же я хотел бы обратить внимание только на некоторые, если угодно забавные с известной точки зрения и в то же время довольно неутешительные, черты той постановки, которую эти вопросы сейчас получают*.

Толки о «плановом хозяйстве» соединяются сейчас с вылазками против «экономического либерализма» как против якобы господствующей хозяйственной системы и экономической идеологии.

Это — то, что можно назвать *историческим заблуждением* современных неофигов государственного вмешательства, воображающих себя новаторами. Они, по-видимому, не знают или, по крайней мере, не отдают себе достаточного отчета в том, что господствовавшей хозяйственной системой «экономический либерализм» был только на очень ограниченном пространстве земного шара, а как экономическая идеология он господствовал в разных странах, в умах, но не в фактах примерно с первых десятилетий до 70-х годов XIX в.

В области внешней торговой политики идея полной экономической свободы** восторжествовала в эпоху 1847–1860 годов, продержавшись до наших дней в Англии — и только в ней одной.

* Я печатаю эти заметки в составе «Дневника политика», а не под заголовком «Мировое хозяйство» ввиду политического значения, которое я придаю модному сейчас и в русском Зарубежье пустословию о «плановом хозяйстве».

** Свобода торговли в торгово-политическом смысле означает воздержание от покровительственных пошлин. Фискальное обложение ввоза и вывоза, как бы оно ни было высоко, не противоречит началу свободы торговли. Поэтому свобода внешней торговли вовсе не означает абсолютной беспошлинности товарообмена.

Эта идея «свободной торговли» как практическое начало экономической политики государства потому восторжествовала в Англии (Великобритании), что проведение ее в жизнь соответствовало расширению рынка для английских товаров. Восторжествовала вовсе не отвлеченная идея, а в идейном облачении — могущественный реальный интерес самых влиятельных, поднимающихся и многочисленных классов населения (промышленных предпринимателей и рабочих).

В других государствах таможенное покровительство отечественной промышленности, испытывая, так сказать, количественные изменения (главным образом в зависимости от движения цен), стояло нерушимо. И характерным образом родиной всего новейшего протекционизма являются Соединенные Штаты Северной Америки, откуда новейшая протекционистская идеология проникла сперва в Россию, а затем в Германию: и граф Н.С. Мордвинов, и Фридрих Лист были как протекционисты по существу учениками Александра Гамильтона, сотрудника Вашингтона (во Франции новейший протекционизм является более самобытным: он связан с «континентальной» системой Наполеона I как средством экономической и политической борьбы с Англией и был в этом качестве отчасти бессознательным, но весьма реальным продолжением «кольбертизма»).

В области внутренней экономической политики даже в Англии идея абсолютного невмешательства государства никогда не достигала полного господства. Начатки английского фабричного законодательства относятся к самому началу XIX в.; расцвет этого законодательства происходил параллельно развитию самой английской промышленности. Относительно развития германского социального законодательства можно с полной категоричностью установить ту же зависимость.

К 70–80-м годам XIX столетия идея абсолютного государственного невмешательства в хозяйственную жизнь, то, что составляет суть «экономического либерализма» в специфическом смысле, была дискредитирована и, так сказать, опорочена. В 80-х годах она была уже прямо похоронена, и в дни моей юности, в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия

никому не приходило в голову распинаться за «экономический либерализм» и никто не воображал, будто мы сами еще живем в эпоху его господства как хозяйственной системы и экономической идеологии! Только пустословам и невеждам нашего времени было дано провозглашать развязно такой вздор.

Отсюда явствуется вот что: так как нигде и никогда начало экономической свободы не было осуществлено, то культурное человечество и до «капитализма», и при нем жило в системе относительно «связанного хозяйства». Понятия «свободного» и «связанного» хозяйства вполне *относительны*, и потому осмысленный и плодотворный спор может вестись только, во-первых, о степени и формах «свободы» или «связанности» и, во-вторых, о целях последней.

Что же касается термина «плановое хозяйство», то либо он есть синоним «связанности» в указанном только что относительном смысле, либо он является синонимом социализма в точном смысле этого слова, т.е. в смысле хозяйственного строя, покоящегося на полной отмене частной собственности на капитал, т.е. на средства и орудия производства или приобретения на капитал как источник получения доходов (включая в этом смысле в «капитал» и землю).

Вопрос: «капитализм» или «социализм» сводится к дилемме — сохранение или отмена частной собственности на капитал?

Социализм требует или предполагает такую отмену. Он поэтому логически не допускает ни применения наемного труда частными лицами, ни такого свободного образования цен, при котором из стихийной «игры» цен во взаимодействии с сознательным их исчислением и построением получались бы доходы, могущие превращаться в капитал, т.е. получалось бы образование капитала или капиталов в частных руках.

Когда в настоящее время с разных сторон требуют «планового хозяйства», то это в разных устах означает совершенно различные и в конечном социально-целевом смысле даже противоположные вещи. Когда «плана» требуют во имя достаточного для «рентабельности» предприятий уровня цен, это требо-

вание — правильно и целесообразно ли оно, вопрос совершенно особый — означает нечто, прямо противоположное «плану», требуемому во имя упразднения самого понятия и факта частнохозяйственной «рентабельности» или «доходности».

«План» как отмена «капиталистического» строя и «план» как средство восстановления нарушенного в этом хозяйственном укладе во вред «рентабельности» соответствия между спросом (рынком) и предложением (снабжением или производством) по цели, даже по приемам осуществления, не имеют между собою ничего общего. Можно по-разному относиться к «плану» или «планам» президента Рузвельта — я к ним отношусь достаточно скептически, — но и по цели, и по приемам они прямо противоположны заданиям и методам советской экономики, вместе с частной собственностью на капитал упразднившей или стремящейся упразднить самое понятие «рентабельности».

Может быть, — нет, даже наверное, — к Рузвельту с его «планом» или «планами» в составе так называемого Brain-Trust'a (треста мозгов или умов) присоединились или — *sit venia verbo!*³⁰ — присосались настоящие идейные социалисты или даже большевизаны и полубольшевики интеллигентского или салонного типа. Это бывает весьма часто. Требовали же созыва Учредительного собрания большевики (с Лениным во главе), потом преспокойно его сейчас же разогнавшие!

«План» и «плановое хозяйство» суть только слова, в которые вкладывается самое различное содержание. К «плановому хозяйству» относится и наша, возникшая в середине 80-х годов прошлого столетия и ставшая публично-правовым учреждением «сахарная нормировка», и все картельное регулирование промышленности во всем мире, и южноамериканская «валоризация» кофе, и неоднократно практиковавшееся ограничение («рестрикция») производства резины (каучук) и т.д., и т.д.

Все эти «капиталистические» планы подчинены идее поддержания или воссоздания «рентабельности» и отправлялись и отправляются от основных предпосылок «капиталистического»

хозяйственного строя. Большевистский же «план» возник на почве полного упразднения частной собственности на капитал, и главным его звеном, или «куском», его *pièce de résistance*³¹ была коллективизация сельского хозяйства, т.е. насильственная экспроприация крестьянства и упразднение всякой его хозяйственной самостоятельности, мера, продиктованная не чем иным, как опасением, что, отстаивая «рентабельность» своего хозяйства, русское крестьянство принудит советскую власть к экономической, социальной и политической капитуляции.

Тот, кто понимает подлинный смысл и истинные соотношения вещей, должен пожелать одного для этих модных ныне «дискуссий»: *поменьше безответственной болтовни или пустословия о «плановом хозяйстве».*

Прага, 27 августа 1933 г.

Н.С. ТРУБЕЦКОЙ

Об идее-правительнице идеократического государства

(«Евразийская хроника». 1935. № 11)

«Евразийская хроника» (Берлин, Париж, Прага, 1925—1937) — журнал евразийского движения. Вышло 12 номеров.

Николай Сергеевич Трубецкой (1890—1938) — лингвист, теоретик евразийства, публицист. Его книга «Европа и человечество» (София, 1920) положила начало евразийству. Печатался в ведущих евразийских изданиях. В «Евразийских тетрадах» (1935, № 5) опубликовал статью «О расизме», призвав уважать национальное своеобразие каждого народа. К числу последних откликов Трубецкого на актуальные политические вопросы своего времени относится и статья об «идее-правительнице».

I

Одною из основ евразийства является утверждение, что демократический строй современности должен смениться строем идеократическим. Под демократией разумеется строй, в котором правящий слой отбирается по признаку популярности в известных кругах населения, причем основными формами отбора являются в плане политическом — избирательная кампания, в плане экономическом — конкуренция. Под идеократией же разумеется строй, в котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице. Демократическое государство, не имея своих собственных убеждений (т<ак> к<ак> правящий слой ее состоит из людей разных партий), не может само руководить культурной и хозяйственной жизнью населения, а потому старается как можно меньше вмешиваться в эту жизнь («свобода торговли», «свобода печати», «свобода искусства» и т.д.), предоставляя руководство ею безответственным факторам (частному капиталу и прессе). Наоборот, идеократическое государство имеет свою систему убеждений, свою идею-правительницу (носителем которой является объединенный в одну-единственную государственно-идеологическую организацию правящий слой) и в силу этого непременно должно само активно организовать все стороны жизни и руководить ими. Оно не может допустить вмешательства каких-либо не подчиненных ему, неподконтрольных и безответственных факторов — прежде всего частного капитала — в свою политическую, хозяйственную и культурную жизнь и потому неизбежно является до известной степени социалистическим.

II

Возникает вопрос: всякая ли идея может стать идеей-правительницей, и если нет, то каким требованиям должна отвечать идея-правительница подлинного идеократического государства? На этот вопрос в евразийской литературе до сих пор не было дано вполне ясного и исчерпывающего ответа.

Селекционным признаком идеократического отбора должно быть не только общее мировоззрение, но и готовность принести

себя в жертву идее-правительнице. Этот элемент жертвенности, постоянной мобилизованности, тяжелой нагрузки, связанной с принадлежностью к правящему отбору, необходим для уравновешения тех привилегий, которые неизбежно тоже связаны с этой принадлежностью. В глазах своих сограждан, члены правящего отбора должны иметь моральный престиж. Известный моральный престиж принадлежит правящему отбору и при всяком другом строе, но при идеократическом строе он особенно силен именно ввиду того, что готовность жертвовать собой ради идеи-правительницы здесь является одним из основных селекционных признаков правящего слоя. Отсюда следует, что идея-правительница должна быть такова, чтобы, во-первых, ради нее стоило жертвовать собой и, во-вторых, чтобы жертва ради нее расценивалась всеми гражданами как морально ценный поступок.

Т<ак> к<ак> всякий эгоизм и всякое своекорыстие всегда расцениваются как безнравственные или, в лучшем случае, нравственно невысокие установки, то ясно, что эгоизм и своекорыстие не могут лежать в основе идеи-правительницы. Но по существу дело не меняется, и при том или ином виде «расширенного» эгоизма или своекорыстия — желаю ли я благополучия и наживы только себе или не только себе, но и моей семье или моим товарищам по хозяйству — эгоизм остается эгоизмом и своекорыстие — своекорыстием, а моральной ценности тут нет. Принесение в жертву моего личного эгоизма ради эгоизма биологической или социальной группы, к которой я лично принадлежу, либо бессмысленно, либо животнo низменно: так поступают животные. Человек на известной степени развития не может считать такого рода жертвенность морально ценной. Он считает ценной лишь жертву во имя какого-то «общего дела», т.е. жертву, оправдываемую благом целого, а не какой-либо его части, к которой принадлежит пожертвовавший собой.

Что же является тем целым, ради блага которого можно жертвовать собой так, чтобы эта жертва была морально ценной? Ясно, прежде всего, что класс таким целым быть не может, ибо по самому своему определению класс есть всегда только часть целого; притом, поскольку принадлежность к известному классу

определяется общностью материальных интересов, всякая деятельность, направленная в пользу своего класса в ущерб другим классам, основана на расширенном своекорыстии. Но, с другой стороны, народ также не может рассматриваться как целое в вышеупомянутом смысле слова. Народ есть этнологическая, а следовательно, в конечном счете биологическая особь. Различие между народом и семьей — не в принципе, а только в степени. И если забота только о своей семье в ущерб всем другим людям расценивается как безнравственный расширенный эгоизм, то точно так же должна расцениваться служба (хотя бы и самоотверженная) интересам одного лишь своего народа в ущерб всем прочим народам.

Итак, ни благо определенного класса, ни благо определенного народа не могут служить содержанием идеи-правительницы идеократического государства. И если современные идеократии избирают себе идеями-правительницами классовую диктатуру или национализм, то происходит это потому, что в этих государствах имеется лишь внешняя форма, но не внутреннее содержание подлинной идеократии и что вследствие этого они это внутреннее содержание вынуждены заменять идеологиями, уместными при другом строе, именно при строе демократическом. В самом деле, при демократическом строе с его установкой на индивидуализм, на борьбу эгоизмов во внутренней и во внешней политике лозунги «все для моего класса» и «все для моего народа» вполне уместны. При идеократическом же строе такие лозунги являются анахронизмами. Попытки их «обоснования» наивны и обречены на неудачу. Доказать, что тот или иной народ, та или иная раса лучше других, — невозможно. Но так же нелепы и доказательства преимущества пролетариата над другими классами — особенно когда добрая половина людей, настаивающих на этом преимуществе, сами не принадлежат к пролетариату. Даже если бы пролетариат действительно был носителем идеи социализма, это еще ровно ничего не доказывало бы, ибо социализм сам по себе не есть ни абсолютное благо, ни содержание или задача идеократии, а только логическое следствие идеократии.

III

Но если ни класс, ни народ не являются тем целым, ради которого можно призывать жертвовать собой, то о «человечестве» приходится сказать то же самое. Всякое существо познается в своем противопоставлении другим существам того же порядка. Класс имеет определенное очертание, определенную индивидуальность, поскольку он противопоставлен другим классам, народ — поскольку он противопоставлен другим народам. Чему же противопоставлено человечество? Неужели другим видам млекопитающих? Но в таком случае это есть зоологическая единица, ради которой жертвовать собой можно лишь в порядке «сохранения вида», т.е. в порядке рудиментарного, животного инстинкта, а не морального долга. Если же человечество ничему не противопоставлено, то оно не имеет основных признаков живой личности, не имеет индивидуального бытия и никак не может служить стимулом морального поведения.

Итак: ни класс, ни народ, ни человечество. Но между чересчур конкретным народом и чересчур отвлеченным человечеством лежит понятие «особый мир». Совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства, — вот то целое, которое отвечает вышеуказанному требованию. Это не есть биологическая единица, потому что целое это многоплеменно и связь между его членами — не антропологическая. Забота о благе этого целого не есть расширенное своекорыстие — ибо, поскольку данное месторазвитие автаркично, благо всех населяющих его народов не наносит ущерба никаким другим человеческим коллективам. А в то же время такое целое не есть расплывчатая, безличная масса, подобная «человечеству». Оно наделено признаком индивидуального бытия, будучи субъектом истории. Служение благу такого «конкретного человечества» особого мира предполагает подавление не только личных эгоизмов, но и эгоизмов классовых и национальных — и не только эгоизмов, но и всякого рода эгоцентрических самопревозношений. Но в то

же время оно не только не исключает, а, наоборот, утверждает поддержку своеобразия каждого отдельного народа, поскольку такое своеобразие не является началом разрушительным. Живое ощущение своей принадлежности к многонародному целому должно включать в себя и ощущение принадлежности к определенному народу, признаваемому как член многонародного целого. В то же время готовность жертвовать своими личными или семейными интересами во имя интересов целого, предполагающая ценение социальных связей выше биологических, неминуемо влечет за собой аналогичное отношение и к своему народу: то, что связывает данный народ с другими обитателями данного месторазвития, оценивается выше того, что связывает тот же народ с его «братьями» по крови или по языку, не принадлежащими к данному месторазвитию (примат духовного, культурного родства и общности судьбы над родством биологическим).

IV

Таким образом, идей-правительницей подлинно идеократического государства может быть только благо совокупности народов, населяющих данный автаркический особый мир. Из этого следует, что территория подлинно идеократического государства непременно должна совпадать с каким-нибудь автаркическим особым миром. К тому же следствию приводит и связанное с понятием идеократии требование планового хозяйства и государственной регулировки культуры и цивилизации, т<ак> к<ак> требования эти успешно могут быть выполнены только при условии автаркии идеократического государства. Наконец, только при том же условии государство может обеспечить себя от вмешательства иностранного капитала.

Итак, с разных точек зрения идеократическому государству необходима автаркия. Из этого одного вовсе не следует, чтобы всякое автаркическое государство могло стать идеократией в истинном смысле этого слова. Колониальная империя, разные части которой населены народами, не имеющими друг с другом ничего общего, кроме факта своего порабощения правящим на-

родом, может быть вполне самодовлеющей в хозяйственном отношении, но идеократией она стать не может, ибо одной экономической связи между ее частями для создания идеи-правительницы недостаточно. Для этого необходимы живо ощущаемая общность культурных и исторических традиций, непрерывность месторазвития и прежде всего отсутствие чувства национально-го неравенства — чего в колониальной империи достигнуть невозможно.

V

Из предыдущего явствует, что не всякое государство может стать идеократией. А так как водворение идеократического строя во всем мире неизбежно, то в ближайшем будущем предстоит перекройка карты земного шара. Не меньшие сдвиги предстоят и в области психологии: идеологии и самосознания народов земного шара. Современный коллективизм останавливается, так сказать, на полпути: человек сознает себя рядовым членом органического коллектива — класса или народа, — но к самому этому коллективу относится так, как последовательный индивидуалист к своей собственной личности. Между тем при идеократическом строе должны будут исчезнуть эти последние остатки индивидуализма, и человек будет сознавать не только самого себя, но и свой класс и свой народ как выполняющую определенную функцию часть органического целого, объединенного в государство. При этом следует подчеркнуть, что все это должно быть не только теоретически принято, но глубоко осознано и заложено в психику человека грядущей идеократической эпохи.

Современные идеократические государства еще очень далеки от подлинной идеократии. СССР несколько ближе к цели только потому, что территория его представляет собою потенциально автаркический особый мир, населенный разными неродственными, но связанными общей исторической судьбой народами. Однако если принять во внимание, что правящий отбор СССР упорно принимает следствие идеократии (социализм) за ее содержание, что путем воспитания, прессы, лженауки и лите-

ратуры широким слоям населения СССР систематически прививаются превратные представления о сущности переживаемого исторического периода и, наконец, что значительная часть невеликорусской интеллигенции СССР заражена узконационалистическими сепаратистскими стремлениями, — то станет ясно, что СССР еще очень не скоро и, м<ожет> б<ыть>, только ценой очень тяжелых испытаний дойдет до подлинной идеократии.

Что же касается европейских идеократических государств, то им до подлинной идеократии еще дальше. В настоящей стадии своего развития они увлечены частнонародным зоологическим национализмом и борются против сознания общности европейской культуры. Парадоксально, что «панъевропеизм», который один мог бы стать идеей-правительницей европейской идеократии (ибо ни одна европейская страна в отдельности не может претендовать на автаркию), в настоящее время является идеологией либерализма и демократии, т.е. злейших противников идеократии. Если же прибавить ко всему этому, что данная выше формулировка идеи-правительницы подлинно идеократического государства не мирится с колониальным империализмом, от которого, однако, именно современные европейские идеократические («фашистские») течения никак отказаться не могут*, то станет ясно, что Европа к подлинной идеократии может прийти лишь после кровавых и глубоких потрясений.

И все же, несмотря на перспективу этих потрясений, неизбежных при всяком переходе от одного социально-политического строя к другому, существование современных идеократических государств (хотя бы и с превратными идеями-правительницами) не является бессмысленным. Накопляемый правящим

* Впрочем, панъевропеисты еще менее хотят отказаться от колониального империализма. На карте «пан-Европы», начертанной Куденгове-Калерджи³², собственно Европа составляет ничтожную часть, а львиную долю составляет западная и северо-западная часть Африки (итальянские, испанские, португальские, бельгийские и особенно французские колонии), а, кроме того, к той же «пан-Европе» он относит и голландские и французские колонии в Азии.

слоем этих государств политический опыт, создающиеся там формы быта и социально-политической жизни, — все это пригодится в будущей, подлинной идеократии, а может быть, облегчит и перенесение тех родовых мук, которыми будет сопровождаться рождение этой подлинной идеократии.

И.Л. СОЛОНЕВИЧ

«Реформы» в колхозах

(«Современные записки». 1935. № 59)

«Современные записки» (Париж, 1920 — 1940) — ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Вышло семьдесят номеров. Основателями журнала были эсеры. Название они позаимствовали из истории петербургского журнала «Русское богатство» (запрещенный в 1906 г., он продолжал выходить под названием «Современные записки»). Свою программу они называли программой «демократического обновления», сохранили приверженность крестьянской тематике. Одно из подтверждений этого — статья И.Л. Солоневича.

Иван Лукьянович Солоневич (1891 — 1953) — публицист, журналист, прозаик. В 1916 г. работал обозревателем провинциальной печати в газете «Новое время». В 1920 — 1930-е годы был сотрудником советских газет. В 1934 г. совершил побег за границу. В 1935 г. опубликовал в «Современных записках» очерк «В деревне», а в следующем номере статью «“Реформы” в колхозах» — пример вдумчивого анализа проблем сельского хозяйства. Указания автора на значение личной инициативы, агрономической и технической культуры актуальны и сегодня.

На фоне основных противоречий сельскохозяйственной политики коммунизма развертывался необычайно сложный узор

отдельных маневренных попыток власти как-то найти выход из создавшегося положения. Я сознательно не буду здесь касаться попыток деструктивного характера: поисков классового врага, попыток переложить вину с большой головы на здоровую — с системы коммунизма на остатки капитализма, ссылок, расстрелов и всего прочего. Буду говорить только о конструктивных мероприятиях власти. Эти мероприятия можно схематически разделить на политические, организационные и технические.

Основная политическая установка власти — установка, которая в частных беседах с коммунистами высказывалась с полной ясностью — сводилась к следующему: не оставить крестьянству решительно никаких иллюзий насчет того, что оно как-то может обойти власть, как-то уклониться от выполнения государственных повинностей. В схематизированном виде эта формулировка звучала так: или беспрекословное повиновение власти — или голодная смерть. Внешним выражением этой политики был закон от 7 августа 1932 года — закон о священной социалистической собственности, устанавливающий только две категории наказания: низшую — заключение на срок не менее десяти лет, и высшую — расстрел. Тот колхозник, который во время сева добывал из сеялки и жевал на ходу священное социалистическое зерно — получал десять лет. Тот, у кого находили пуд этого зерна — подвергался смертной казни. В результате этого закона население концентрационных лагерей поднялось до пяти миллионов, но хлеба от этого закона не прибавилось ни на копейку. Все остальные политические мероприятия — как политотделы, дико распухшая сеть колхозных газет, организация клубов, новые переброски на село нового «актива» — никакого влияния на ход событий не оказали — и постепенно были отменены. Даже применение закона от 7-VIII — или, как его называли в лагере, «семерка-восьмерка» — было смягчено. Отголоски этого смягчения дошли до меня уже в эмиграции в виде пресловутой «амнистии» кулакам — очень уж обезлюдела деревня...

Организационные мероприятия власти были значительно разнообразнее. На первое место здесь нужно поставить переход оплаты труда колхозников на сдельную систему, — так называе-

мые трудовые дни и трудовые книжки, — о них я мельком писал в очерке «В деревне». Население каждого колхоза было разбито на бригады, каждая бригада получила свой участок поля, свой инвентарь и свои специальные задания. Характерный штрих — и здесь не обошлось без «кулаков». Кулаки, т.е. наиболее работоспособная часть деревни, стали формироваться в свои, отдельные, «кулацкие» бригады, которые давали значительно большую выработку, чем остальные и которых потом раскулачивали обычным путем...

Каждый член такой бригады получает на руки трудовую книжку, в которую заносятся данные о его работе, штрафы, прогулы и прочее.

Одно время мне казалось, — как и многим другим, — что эта система внесет некоторое улучшение в работу колхозов. Крестьянство отнеслось к этой мере более или менее сочувственно. Я знал колхозы, где эта система в первый же год ее существования дала почти утроение продукции. Это утроение нужно принять с некоторой оговоркой: с пяти–шести процентов доверенной производительности полей колхозы долезли до 15–20%. Это преимущественно было в колхозах северного района — Карелия, Вологодская и Ярославская губернии. Под Москвой рост продуктивности был еще выше, — там действовал стимул близкого московского рынка, — и я знал колхозы, давшие подъем продукции в десять раз... — от тех же 5–6% до 50–60-ти. Но уже на следующей год все расчеты на сдельщину, на трудовые книжки, на «новую историческую эпоху в колхозной жизни», все они рухнули, погребая под собою последнее остатки крестьянского доверия к обещаниям власти.

Они рухнули прежде всего потому, что нормы оплаты сдельных работ — поскольку я знаю — не были выполнены нигде, ни в одном колхозе СССР. Повторилась обычная история: государство было не в состоянии выполнить своих обязательств перед крестьянством и оставить ему ту часть продукта, которая ему была твердо обещана. Новый стимул был подрезан в первый же год его существования. Психологическое значение этого факта было огромно.

С этим обстоятельством весьма путано и причудливо переплелось другое обстоятельство — техника учета работы. Для того, чтобы читателю стала ясна вся сложность этой техники, я попрошу его представить себе реальную обстановку среднего советского колхоза, т.е. средней русской деревни, — а эта деревня за время революции стала намного умнее, но не стала ни на копейку грамотнее.

В среднем колхозе — от пятисот до семисот рабочих. Книжки выдаются всем, включая сюда и детей от 8–10-ти летнего возраста. В каждой книжке и каждый день должны быть отмечены: количество произведенной работы, ее квалификация, ее срочность и срок ее выполнения, ее качество, сохранность скота, инвентаря, семян и прочего, огрехи, прогулы, штрафы, опоздания и т.д. Системы заполнения трудовых книжек менялись несколько раз. В самую упрощенную формулу подсчета «трудового дня» входило восемь переменных величин. Мне приходилось встречать результаты решения таких формул, где трудодень высчитывался с точностью до десяти тысячных дробей: колхозница такая-то выработала за такой-то день 0,3295 трудодня...

Само собою разумеется, что все исходные величины такой формулы были произвольны: учет их не был под силу никакому контролю, точно так же, как подсчет суммарных результатов был не под силу никакой колхозной бухгалтерии, тем более, что системы менялись несколько раз и что учет приходилось перестраивать, так сказать, «на ходу». Всякий мужик, само собою разумеется, считал своим долгом протестовать против приписанного ему количества «трудо дней»: «Иван работал похуже моего, а у него трудодней больше»; все мало-мальски грамотные в колхозе перебрасывались с полей в канцелярию; в целом ряде колхозов «административно-учетный аппарат» разбух до такой степени, что за бумагами сидело чуть ли не большее количество людей, чем оставалось на полях; районные власти обвиняли (и сажали) служащих в волоките и бюрократизме, колхозники — в путанице и произволе, но служащие были не при чем. Вся система вызывала необходимость чудовищного разбухания всяческого «контроля и учета» («социализм — есть учет»), чудо-

вищной растраты человеческих и материальных ресурсов и в конце концов не приводила ни к чему: в конечном счете власть ни с какими трудоднями не посчиталась, и, как и раньше, просто напросто отобрала все, что можно было отобрать. Вся эта чудовищная машина контроля и учета оказалась и технически невыполнимой и практически бесцельной: никто не мог этого учета наладить и никто не посчитался с его результатами, каковы бы они ни были...

Сдельщина оказалась очередным провалом на пути организации коммунистического сельского хозяйства. От нее впрочем власть не отказалась точно так же, как она никогда не отказывается от своих целей и методов. Она только маневрирует. Система трудодней была упрощена и в значительной степени заменена повременной оплатой, с воздаянием за огрехи и прогулы не штрафами, а отсидкой, — отсидка же в бухгалтерском учете не нуждается, — и центр тяжести был перенесен на приусадебные участки.

Зарубежная печать склонна видеть в приусадебных участках еще один симптом какого-то нового поворота. Я не буду здесь говорить о «повороте», но эти участки — никакой не симптом. Их не было в первый год—два коллективизации, когда последняя казалась этаким зеркальным, асфальтированным шоссе на пути к окончательному социализму. Потом они стали возникать стихийно. Иногда власть их поощряла, иногда власть их ликвидировала. Белорусский Наркомзем сел in cogroge в концлагерь за разбухание участков, Земотдел центральной промышленной области получил нагоняй за их ликвидацию... В Белоруссии их поприжали, под Москвой их расширили, на Дону и на Кубани не знали, что и делать. Под Москвой приусадебные участки были заняты огородными культурами в расчете на сбыт овощей в Москву и обмена их там на хлеб, что с ними стало в Белоруссии, я не знаю; на юге они превратились в своего рода миниатюрные поля. В Сибири, насколько я знаю, из них вообще ничего не вышло: в большинстве районов население предпочло вернуться к промыслам каменного века — силковой охоте (ружей нет) и к рыбной ловле.

Последними мероприятиями власть только зафиксировала то положение, которое на местах создалось уже давно.

В тех местах, где мне приходилось сталкиваться с приусадебными участками, в них поражало одно — необычайно высокий уровень сельскохозяйственной культуры. Я убежден в том, что именно здесь и лежит та «революция в сельском хозяйстве», которая решительно никем не была предусмотрена и которая окажет огромное влияние на судьбы будущей России.

Тот самый мужик, который до революции с таким скептицизмом относился к агрономической пропаганде старого правительства — «а мы, как деды делали», — проявил необычайный интерес к агротехнике. Работать так, как работали деды, было явственно невозможно: у дедов были десятины, у внуков остались сажени. Из этих сажений нужно было получить все, что только возможно под угрозой голодной смерти. Вековой агротехнический консерватизм деревни сразу взлетел в воздух. Всякого рода агрономическая литература, особенно дореволюционная, рассчитанная на индивидуальное хозяйство, получила необычайный спрос. На базарах в ЦЧО³³ и на Украине мужики меняют последнюю картошку и последний хлеб на отдельные листки старых агрономических руководств.

На приусадебных участках культура такого же типа, какая характерна для лесовых почв Китая: самая скрупулезная, самая тщательная обработка каждого квадратного сантиметра земли. Кустовая культура злаков, поиски семенного материала, удобрение, обработка, поливка, прополка — все это приобретает характер лабораторной работы и дает чудовищную урожайность. Под Днепропетровском (б. Екатеринослав) я попробовал подсчитывать урожайность пшеницы на этих приусадебных латифундиях, получились цифры 200–270 пудов с десятины — урожаи, каких в России не снимал, в сущности, никогда и никто.

Попробуем на минуту переселиться в область мечты и представить себе, что будет с Россией, когда существующая власть провалится к чертям и когда освобожденный мужик будет добывать уже не с приусадебных участков, а со всей посевной площади, пусть не 200–250 пудов, а хотя бы только 100–150 пудов

с десятины вместо прежних 45–50 в среднем. Мы сможем насыпать зерном новые материки...

Но пока что приусадебные участки создали на селе столь же двусмысленное положение, какое было в период нэп'а. Во-первых, сосуществование рядышком «частнособственных» клочков с урожаем в 250 пудов и «обобществленных» с урожаем в 25–30 пудов создает чудовищный контраст. И каждому, самому безмозглому деревенскому коммунисту, начинает приходить в голову: нужно бы обобществленное поле ликвидировать совсем — были бы сыты. Деревенский активист, если и пьян почти ежедневно, то сыт далеко не всегда. Этот контраст бьет в глаза и мужику и всякой легкой кавалерии, наезжающей на колхозы со всякого рода огнестрельной помощью деревне. Во-вторых, приусадебными участками разрушается та линия партии, которая заключалась в попытке отрезать мужику всякую возможность не помереть с голоду вне колхозного рабства. Получилась лазейка. В эту лазейку устремлены вся энергия, все помыслы, вся изобретательность мужика. Колхозные работы стали барщиной в самом неприкрытом смысле этого слова. Уже в период моего последнего пребывания на юге (лето 1933 года), на Украине прибегали к старому методу выгона крестьян в колхозное поле вооруженной силой. Крестьянок — тех вообще почти не удаётся выгонять. И кроме того — это очень важный момент — базируясь на своем приусадебном участке, на куроводстве и прочем, мужик имеет возможность взяткой откупиться от любого бригадира, активиста и прочего начальства. Здесь начиналась совершенно невообразимая путаница, я не знаю, как с ней дело обстоит сейчас. Схематически эта путаница развивалась по такой линии: председателю колхоза выгоднее питаться взятками с приусадебных участков, чем своими «трудоднями», которых он все равно не получает и которые ему приходится, если можно так выразиться, «отворовывать» от власти. Получив оную взятку и следовательно в той или иной степени сорвав посевной и прочие планы, председатель колхоза чрезвычайно склонен предаться тому пороку «текучести кадров», о котором я уже писал. Текучесть кадров имеет такие последствия: пропитавшись один

сезон в Голодаевском колхозе, председатель перекочевывает в Разуваевский колхоз, там начинает административно неистовствовать — нужно сызнова зарабатывать политический капитал. А какой-то другой председатель в то же время и по таким же причинам неистовствует в Голодаевском колхозе. Не нужно особо поэтического воображения, чтобы представить себе, что из этого получается...

И наконец, в-третьих, хлеба и прочего государству все равно не хватает, а при наличии и росте приусадебных участков будет не хватать еще больше. Что бы там ни говорили об отмене продовольственных карточек, но эта отмена во всяком случае означает снижение потребления хлеба городом, не от хорошей жизни отменены карточки. По всей вероятности власти придется протянуть свою вооруженную руку и к приусадебным участкам. Это, конечно, будет сделано без газетных передовых, примерно так же, как это делалось со «свободной» колхозной продажей излишков хлеба: приезжала кооперация с ее полутвердыми ценами и «уговаривала». В уговаривании принимали участие и сельсовет, и милиция, и ГПУ. Уговоры действовали...

Сельскохозяйственный идеал коммунистической партии — это крупное, рационализированное, механизированное сельское хозяйство, обслуживаемое наемным трудом. Организационно — этот идеал уже осуществлен в виде советских государственных имений — совхозов, каковые совхозы именуются «предприятиями последовательно социалистического типа». Типик — не из удачных. Хуже, чем работают совхозы, трудно себе представить... Но к этому типу стремится и «колхозное строительство». Орудиями превращения крестьянского коллективизированного хозяйства, которое *de jure* является «переходно-социалистическим», являются машинно-тракторные станции — МТС.

Это неплохое изобретение. По своим функциям они напоминают дореволюционные агрономические участки и прокатные станции старого земства. МТС обычно объединяет группы колхозов, иногда и небольшие совхозы, и обслуживает их агрономической помощью, сельскохозяйственными орудиями, тракторами, посевным материалом и в значительной степени явля-

ются одним из звеньев чудовищно разбухшей системы контроля над селом.

Сейчас очень трудно сказать, в какой степени идея МТС себя оправдала: в условиях общего краха сельского хозяйства потонули и те отдельные факторы, которые к нему вели, и те, которые его оттягивали. Мне кажется, что в общем работа МТС была все-таки положительным фактором. Если их материальные результаты и были равны приблизительно нулю (качество продукции с заводов сельскохозяйственных машин), то психологические результаты, не видные, но реальные, еще скажутся в дальнейшем развитии России: МТС привили крестьянству совершенно новые для него технические идеи и отчасти и навыки. Здесь, как и в очень многих других областях русской жизни, физические усилия материалистической идеи дали отрицательные материальные результаты и положительные — психологические. Это одна из тех никем не предусмотренных реакций на советские достижения, которые сейчас накапливаются в глубинах народного сознания, никакой статистикой выражены быть не могут, но которые определяют многое в грядущих судьбах России. В данных политических и экономических условиях все эти культурные интеллектуальные и психологические сдвиги не могут дать почти никаких реальных результатов.

Официально коллективизация проведена «на все сто процентов» и считается вчерне законченной. Фактически вне колхозов остались очень значительные крестьянские массы, которые частью ликвидировали всякое собственное хозяйство, частью еще удерживаются на единоличных позициях. Закон, разрешающий колхозам в экстренных случаях пользоваться наемной силой, создал еще один парадокс колхозной жизни. Мужуку безмерно выгоднее работать в качестве «наемной силы», чем в качестве полноправного члена колхоза. Наемная сила получает свой заработок на руки и знать ничего не знает. Колхозник же иногда кое-что получит, а иногда и не получит ничего. Поэтому Иван выходит из Голодаевского колхоза и работает наемным батраком в Разуваевском колхозе. Степан из Разуваевского точно таким же образом действует в Голодаевском.

Образовался весьма значительный слой каких-то бездомных и безземельных крестьян, которые так вот и околачиваются по колхозам, совхозам, МТС, и Бог их знает, где еще. При мне в Каракольский совхоз — это к востоку от озера Иссык-Куль в Средней Азии, в совсем уж безвылазной дыре — прибыло пять семейств белорусских крестьян Витебской губернии. Просились на работу. На работу их приняли. Как они попали сюда, я так и не узнал, но до Караколы они косили сено где-то на Памире, а до Памира чего-то околачивались в окрестностях Барнаула... «Юрьев день» паспортизации несколько прикрепил эти массы к каким-то определенным местам, но в основном эта кочевка все-таки продолжается...

Сегодняшнее положение в России вообще, и в русской деревне, в частности, я бы формулировал так: советская власть провела еще одну разорительную, но победоносную кампанию. Политические цели, поставленные перед коллективизацией, более или менее достигнуты. «Остатки капитализма» выкорчеваны. Лозунг «ликвидации кулака, как класса на базе сплошной коллективизации деревни», более или менее проведен в жизнь. Сейчас власть закрепляется на завоеванных позициях, несколько подравнивает фронт, оттягивая слишком далеко выдвинутые участки и подтягивая отставшие. С одной стороны легализуются приусадебные огороды и с другой вводятся расстрелы для малолетних. В городах идет этакая лакировка поверхности социалистического общества: нужно показать Европе, что и мы, дескать, не сапогом сморкаемся. При некотором желании во всем этом можно видеть эволюцию. При наличии очень необузданной фантазии можно увидеть даже и национальное перерождение. Но основные факты остаются бесспорными и очевидными: ни одной «командной высоты» — ни идеологической, ни политической, ни экономической власть не уступила. Если и идет «эволюция», то это — эволюция к коммунизму, а не наоборот. Чем она кончится, этого никому знать не дано. Пророчество — профессия достаточно легкомысленная. Нужно обладать весьма основательным запасом оптимизма, чтобы исключить возможность дальнейшего этапа этой эволюции: перерастания россий-

ской катастрофы в мировую. Нынешнее положение мира не блещет ни устойчивостью, ни разумностью. В мире тлеет слишком много очагов безумия, и всякий такой очаг Москва будет раздувать по мере сил своих.

О статье А.Ф. Керенского

(«Голос России». 1936. 18 августа)

«Голос России» (София, 1936—1938) — «Еженедельная общественно-национальная газета», «Орган Русского общетрудового союза в Болгарии». Девиз газеты: «Только о России». Основана И.Л. Солоневичем. Распространялась в 52 странах. Среди авторов были Б.А. Суворин и В.В. Шульгин. Газета весьма критически относилась к различным политическим течениям Русского зарубежья. Б.Л. Солоневич писал, что это издание — рупор «не эмиграции, а подсоветской России» (*Солоневич Б. Без компромиссов // Голос России. 1937. 26 января. С. 7*).

Полемика Солоневича с А.Ф. Керенским и принципами Февральской революции наполняет тексты как «Нового времени», так и советских газет. Указав на «монархизм» редактора «Голоса России», Керенский, возможно, подсказал ему тот путь размышлений, который спустя годы приведет Солоневича к теории «народной монархии».

Я не принадлежу к числу тех русских людей, которые склонны взваливать на А.Ф. Керенского ответственность за февральскую и за октябрьскую революцию. Выше лба уши не растут. Не нужно забывать, что на все ответственные посты февраля А.Ф. Керенский попал — никак не вследствие своих личных качеств, а только и исключительно вследствие того, что для буржуазных партий он был более или менее буржуазным политическим деятелем, а для социалистических — более или менее социалистическим. Микроскопическая эта партия, «тру-

довая партия»³⁴, сидела как раз между двумя стульями — между буржуазными партиями и социалистическими. И Керенский был тем, что называется «гнилым компромиссом» — совершенно бессильным и затрепанным человеком, у которого от власти голова закружилась, а от революции «в зобу дыхание сперло». Российская революция богата трагическими фигурами. И только фигура А.Ф. Керенского вносит тут некий элемент оперетки.

В констатации прискорбного этого факта не следует искать «личных мотивов или личной полемики». Это — факт и больше ничего. И по поводу статьи Керенского — надо бы только печально пожать плечами. Вот пример: «А как же быть теперь русским людям, которые не хотят каяться в том, что февраль 1917 года дал стране хоть на миг свободу, а крестьянам раз и навсегда землю (подчеркнуто мною. — А.К.)».

Вот вам утверждение «политического деятеля, бывшего главы революционного правительства» и «сознательного русского патриота». Не будем спорить о том, что февраль 1917 года никакой свободы не дал — а дал только кабак и больше решительно ничего. Но как А.Ф. может сейчас, в 1936 году, утверждать, что февраль «раз и навсегда дал крестьянам землю». А где же эта земля теперь? В колхозах? В совхозах? В неудобоусвояемых тундрах Сибири, в приусадебных участках? В тайге Беломорско-Балтийского канала?

Февраль вообще никакой земли крестьянам не дал. И тут большевики не без некоторого основания говорят, что октябрьская революция выросла из того, что временное правительство аграрного закона не приняло. А октябрь — отобрал и ту землю³⁵, которая была и до февраля. А вот «политический деятель» ничуть не краснея, на всю эмиграцию говорит, что благодаря февралю, крестьяне раз навсегда обеспечены землей.

Другое утверждение: «Как известно, революции не делаются, они в неведомый никому момент рождаются в низах народных, возникают неожиданно для всех и в особенности для профессиональных революционеров».

Итак, не делаются, а рождаются. Ежели не делаются, так что же, собственно, делали все эти профессиональные революцио-

неры — вроде Троцкого, Ленина и Сталина, и полупрофессиональные, вроде Милюкова и Керенского? Все эти милостивые государи всю свою жизнь только и делали, что готовили революцию, а когда она пришла и залила страну кровью — то эти же милостивые государи утверждают: «революция не делается, а рождается». Совершенно то же утверждал и Троцкий, — а он-то уж всю свою жизнь ухлопал в подготовку революции.

А.Ф. Керенский пишет: «рабоче-крестьянская Россия в революции не кается». В том-то и заключается вся суть вопроса, что кается. Сидючи в лагере или *что еще хуже* — колхозе — покаешься и в том, в чем и виноват не был... И если по словам проф. В.В. Чернавина³⁶, русский мужик мечтает «о войне все равно с кем» — то неужели же так трудно понять, что основания каяться у него есть...

И, наконец, еще одно — А.Ф. Керенский пишет, касаясь много монархизма:

«Удивительно, что такая ветхость оказалась совместима с таким будничным расцветом жизненных сил, с такой способностью зорко видеть».

Ваши, Александр Федорович, установки гораздо более ветхи, чем мои: за года революции вы ничему не научились, я кое-чему подучился: отсюда и «зоркость глаза». Идея монархизма может быть и ветхая — такая же ветхая, как идея собственности, Родины, Семьи, как идея Бога.

Все, решительно все, что только можно было сделать в разрушении в революции, в отрицании этих «ветхих идей», уже сделано. Теперь возвращается ветер на круги своя... Теперь ветхость идеи — за Вами. А будущее — это мы. *Ваша* революция дошла до предела. Дальше ей идти некуда. Еще некоторое время поокочачивается в кровавом нынешнем тупике — и рухнет в то, что Вы называете реакцией.

Я не собираюсь проповедовать монархизма: сейчас не до того. Но я позволю себе привести такое соображение:

Русский мужик, вымирающий от голода и жаждущий войны с кем бы то ни было, чтобы получить винтовки, этот мужик знает про страшное беспримерное в истории убийство царской

семьи. Каким путем он это знает — это уже его тайна, народной молвы и народной легенды. И над разоренными, опустошенными, вымирающими русскими деревнями встает призрак Царя-Мученика, всей мученической царской семьи, и вот именно этот призрак и бродит сейчас по российским полям — не призраки Милокова, Керенского и учредилки. Скажу честно: весьма идеализированный призрак. Но ходит именно он. Именно за ним мужик-то и пойдет. Не за Керенским и не за Солоневичем.

* * *

Тайна же всей этой полемики заключается в том, что для Керенских всех масштабов революция была их первой любовью. Потом чуть-чуть постарев, эта любовь оказалась пьяной сифилитической Бабой Ягой. Но *on revient toujours à ses premiers amours*³⁷.

Г.П. ФЕДОТОВ

**«Путь», орган русской религиозной мысли.
Изд. религиозно-философской Академии в Париже**

(«Современные записки». 1937. № 65)

Отзыв Г.П. Федотова о журнале «Путь» — еще один образец медиакритики в Русском зарубежье. Своеобразие, принципы и тип издания охарактеризованы точно. Реплика о «мнимо-свободной эмиграции» вполне справедлива. Понятие «русский духовный мир», кажется, не устарело до сих пор.

№ 58, последний вышедший номер «Пути», ни в каком смысле не является юбилейным. Десятилетие свое журнал отметил в 1935 году. Нет никаких, как будто бы, внешних оснований для чествований. Однако, «Современные записки» так редко имели случай касаться деятельности своего почтенного

собрата, а его заслуги перед русской культурой так велики, что лучше поздно, чем никогда. Платим в этих строках наш старый и общий долг.

«Путь» читают очень многие, но пишут о нем очень мало. Религиозные темы у нас все еще считаются слишком «специальными», хотя огромное большинство эмиграции устройством новых храмов и приходов подчеркивает свою связанность с Церковью. Те популярные церковные листки, которые откликаются на «Путь», не могут обсуждать поднимаемые им проблемы на должной высоте. Говорить о них по существу можно только в самом «Пути». И он остается в одиночестве, для него скорее печальном, чем блестящем.

А между тем думается, что, когда настанет время подводить итоги тому, что было продумано и создано в эмиграции, что она принесла в дар России, журналу «Путь» (и тесно связанному с ним издательству YMCA-Press) будет отведено в этих итогах одно из самых почетных мест. «Путь» обслуживает тот участок культурного фронта, который начисто обнажен в СССР. Если религия там не умерла, то религиозная мысль лишена всяких средств своего выражения. Как часть национальной культуры, она просто не существует.

Эта единственность «Пути» как русского религиозно-философского журнала, обязывает редактора к большим жертвам. Н.А. Бердяев не может вести его как орган одного, своего, направления. Он морально обязан давать на его страницах приют всем религиозным изгнанникам, как бы далека и чужда для него ни была их позиция. Отсюда неизбежная эклектичность «Пути» — та широта, которая отчасти придает ему характер «Архива» (в немецком литературном смысле: «Архив русской религиозной мысли»). Отсюда и упреки некоторых любителей литературной остроты в том, что «Путь» скучен. В прямом смысле этот упрек не верен. В каждом номере «Пути» найдется достаточно острых — иногда слишком острых — статей и отзывов. Но всегда имеется и пресноватый солидный «материал», — который имеет свою научную ценность, который должен быть напечатан, и которому негде найти места, кроме «Пути».

О широте «Пути» свидетельствует хотя бы тот факт, что он не объявляет себя ни православным, ни даже христианским журналом. В нем пишут и инославные, католики и протестанты, пишут иногда и евреи и антропософы или вне-конфессиональные мыслители (Л. Шестов). Однако, подавляющее число статей принадлежит православным. Остальные авторы являются скорее гостями «Пути». Если таков бесспорный факт, то объяснений ему следует искать не в пристрастии, хотя бы и вполне законном, редактора, но в объективном состоянии русской культуры. Русская религиозная мысль, в большинстве своем внеконфессиональная в начале века, уже ко времени мировой войны вливалась в церковное православное русло, хотя и сохраняла различную окраску, в зависимости от своих истоков. «Путь» отражает все эти течения, в достаточной широте: от о. Булгакова до Бердяева, постоянных участников журнала. Хотя эти два имени исторической судьбой постоянно связываются в общественном мнении, но они выражают полюсы религиозной мысли, не одной русской. В послевоенном «Пути» религиозно-философские, в разном смысле радикальные течения, связанные с прошлым интеллигенции, соединились с более консервативными и чисто богословскими работами, которые раньше находили себе место на страницах ныне не существующих академических богословских журналов. К сожалению, специальные научно-богословские работы, по весьма понятным причинам, не могут рассчитывать на гостеприимство «Пути», и этот пробел в нашей зарубежной литературе остается незаполненным.

Может казаться, что «Путь» недостаточно внимателен к консервативным направлениям русского богословия. Сам Н.А. Бердяев, в юбилейном (к десятилетию) № 49 «Пути», говоря о широте своего журнала, сделал оговорку: «Исключены были представители явно обскурантских, враждебных мысли и творчеству направлений, которые имеют за собой сочувствующую часть эмигрантской массы». В действительности, ограничение это едва ли имеет реальное значение. Как бы ни были распространены обскурантские настроения, они почти неспособны у нас принимать форму мысли и, следовательно, претендовать на место в культуре. Они скорее отрицают культуру, филосо-

фию, богословие — и потому не имеют никакого общего языка с «Путем».

До сих пор мы говорили о «Пути» — архиве. Но есть и другой «Путь» — боевой орган редактора. Их соединение под одной обложкой — дело печальной необходимости. Оно разрушает литературный стиль журнала, но с этим приходится мириться. Как орган Н.А. Бердяева, «Путь» не столько служит пропаганде его личной философии, сколько страстной борьбе за свободу мысли. Он защищает то, что в наши дни наиболее угрожаемо и незащищено во всех странах, и даже в мнимо-свободной эмиграции. Когда где-нибудь (в пределах русского духовного мира, конечно) совершается покушение, теоретическое или практическое, на свободу мысли, Н.А. Бердяев разит беспощадно, давая полную волю своему темпераменту борца. Тут забываются все самоограничения, налагаемые на себя редактором. Философ, не богослов, в такие минуты Н.А. Бердяев способен наговорить вещей, которые, в глазах иных, ставят его вне Церкви. Но и здесь он выполняет необходимую церковную работу. Таковы его памятные выступления по поводу осуждения о. Сергия Булгакова московским митрополитом³⁸. Соединяя бойца и объективного редактора в одном лице, Н.А. Бердяев вынужден предоставлять страницы «Пути» для полемики против него самого, приводя в отчаяние всякого любителя классификаций, который еще не потерял надежды дать его журналу формальное определение. Но эта внутренняя полемика на страницах «Пути», показатель повышенной температуры в церковной среде эмиграции, сообщает журналу настоящую актуальность. В нем явственно бьется пульс жизни. «Путь» не только архив, но и поле битвы идей.

А.Ф. КЕРЕНСКИЙ

После выборов без выборов

(«Русские записки». 1938. № 3)

«Русские записки» (Париж; Шанхай, 1937–1939) — общественно-политический и литературный

журнал. Было выпущено 20 книг. На его страницах печатались кадеты и эсеры, признававшие лидерство П.Н. Милюкова.

Александр Федорович Керенский (1881 – 1970) — юрист, публицист, политический деятель, редактор. Журналистскую деятельность начал во время первой русской революции. В 1920-е годы активно печатался в эсеровской газете «Дни», был ее редактором в 1927 – 1932 гг. Редактировал журнал «Новая Россия» (1936 – 1940). Стремился к объективности политического анализа: отвергал тезис о «запуганности» населения в Советской России, утверждал способность русского крестьянства к самостоятельному политическому выбору.

Чудо давно совершилось.

12-го декабря прошлого года неисчислимые миллионы советских избирателей единодушно и **единогласно** прокричали избирательное «Ура!» единому, единственному вождю и водителю, магу и волшебнику, величайшему фокуснику, «гениальному» Сталину.

Воистину небывалым еще в истории всех диктатур и самодержавий, «самым демократическим» выборам народного представительства 12-го декабря была поставлена двойная цель: еще раз доказать демократическому Западу, что в СССР имеется налицо самое совершенное народовластие и, главное, до бесчувствия запугать весь мировой фашизм наличием небывалого, сверхъестественного единения власти с народами СССР.

Демонстрация «демократического единства» всей страны вокруг Сталина, естественно, продолжается и после выборов, но сейчас в Кремле не может быть уже никаких сомнений: авторы и постановщики трагического фарса — «Совершенная Свобода в стране террора» — грубо и даже глупо переиграли.

Переиграли грубо потому, что перешли меру в издевательствах над избирательными правами обывателей. И тем **раскры-**

ли глаза самым наивным из честных, конечно, западных поклонников советских демократических достижений.

Переиграли глупо, потому что доказали «даровому фашизму» крайнюю степень **недоверия** диктатора к настроениям подавляющего большинства населения.

Ибо только сталинская паника перед общественным мнением народов СССР заставила его **взорвать** свою собственную конституцию, фактически отменить выборы и на место выборных от населения представителей посадить на депутатское кресло Верховного Совета своих собственных чиновников, для приличия только несколько прослоенных особо проверенными, без лести преданными начальству интеллигентами и по преимуществу стахановского образца рабочими и крестьянами.

Произведенные 12-го декабря прошлого года, в порядке чекистского принуждения «единогласные выборы без выборов» явились, с одной стороны, доказательством не превзойденного никакой еще диктатурой механического, технического совершенства сталинской машины террора, а с другой стороны, доказали всему миру, в порядке совершенно бесспорном, крайнюю неспособность советской диктатуры к каким бы то ни было действиям, требующим действительного единства народа с властью и внутренней организованности и мощи страны.

Мне кажется несомненным, что декабрьскими выборами без выборов закончился некий весьма определенный период в процессе вырождения октябрьской революции. Этот период, начавшийся приблизительно в 31-м и 32-м годах, был **переходным** временем от ленинской конструкции диктатуры к построению сталинскому, от диктатуры комитетско-партийного типа к самовластию неограниченно-личному.

Совершенно правильно еще накануне самих выборов московский корреспондент французского официоза «Temps», Г. Берлан, склонный проникаться кремлевскими настроениями

человек, — писал, что после принятых по изничтожению всякой оппозиции мер выборы явятся широчайшим плебисцитом в пользу Сталина. «Генеральный Секретарь Парии будет выбран всей страной целиком в лице каждого из депутатов, ибо все без исключения кандидаты являются сугубо испытанными сталинцами».

Теперь уже никто не оспаривает фашистско-целостного (тоталитарного) характера сталинской диктатуры. А между тем, еще года полтора тому назад, когда перерождение большевистской диктатуры было уже в полном ходу, не только европейская, но и русская эмигрантская демократическая печать оспаривали мое утверждение в «Новой России», что Сталин пошел «от Ленина к Муссолини».

Я отнюдь не хочу скрывать моей тогдашней оценки этой своеобразной эволюции **внутри** замкнутого круга диктатуры. К этой эволюции я относился **положительно**. Из чего, как и следовало ожидать, некое неизбежное последствие: в глазах многих добрых демократов я стал подозрителен по фашизму. Однако, я и сейчас, после российского опыта последних двух лет, остаюсь на той же своей точке зрения: спуск на тормозах «классово-пролетарской» диктатуры в порядке превращения ее в диктатуру «национально-фашистскую» мог бы стать в борьбе страны за преодоление вообще всякой диктатуры положительным этапом.

И вот почему. Вспомним, когда началось время сталинских «либеральных реформ», заключившихся знаменитой беседой кремлевского диктатора с американским журналистом Рой Говардом 1 марта 1936 г., во время которой и было объявлено высочайшее пожалование советскому населению «самой демократической конституции из всех существующих в мире». Начались эти «реформы» вслед за разгромом принудительно коллективизированной деревни и вслед за полным уничтожением миллионов хозяйственных крестьян, вслед за жесточайшим голодом на Украине, на Северном Кавказе, на Волге и т.д. А насколько эти опустошения среди крестьянства были велики, свидетельствует хотя бы «необъяснимое» исчезновение десятков миллионов советских жителей, что и заставило Кремль объя-

вить небывшей, в начале прошлого года, произведенную всероссийскую перепись населения.

Внутренний разгром хозяйства и погром населения вызвали, в свою очередь, очевидное **падение** обороноспособности и необходимости, в меру роста международного влияния способнейших ленинских выучеников, срочно искать помощи в Лиге Наций и у западных демократий.

Вместе с переменой внешней политики начались и внутренние реформы — **бытовой нэп**. Всем приказано было жить веселей, мужикам разрешили иметь клочок земли, «индивидуальных» коров, свиней и кур (до собственной лошади не дотянули). На заводах и в колхозах стали производить орденосцев-стахановцев, стали создавать новое сословье трудовой знати, для бесправной служилой интеллигенции открылся, как будто, путь к власти в порядке беспартийных большевиков.

Потом начался пересмотр школьных программ, откуда стали искоренять «левые загибы»; восстановление дисциплины. Занялись укреплением семьи, пересмотрели программу комсомола, смягчили религиозные преследования, «возродили» казачество, и, наконец, объявили демократическую конституционную реформу.

Все это свидетельствовало, что за внешними бытовыми послаблениями населению скрывается **какой-то общий план**, новая генеральная линия. Казалось, что вместе с ростом личного самовластья Сталина созревает в Кремле какая-то новая государственная идеология.

Именно для этой идеологии понадобилось «бесклассовое общество», новое общество, которое должно было лечь в основание «всенародного государства трудящихся».

Выдвигая беспартийных большевиков и «знатных людей» на одну линию с партийной аристократией, Сталин хотел создать новый правящий слой, чуждый старой классовой идеологии довоенных большевиков, творцов Октября. Это было понятно, т. к. часто для новой знати, выходявшей в люди из самых низов, пролетарское звание не звучало прельстительным титулом. Звание «трудящийся» ничего им не напоминало о прошлом, а

главное ставило знак равенства между всеми участниками «социалистического строительства».

Смягчить остроту междуклассовой борьбы и расширить базу диктатуры можно было в порядке Муссолини: провозглашением солидарности и сотрудничества классов находящихся на службе «государства-нации». Такой путь, однако, Сталину был заказан: он ведь получил в наследство классовую идеологию, в самом существе своем неприемлющую классового сотрудничества. Вот почему Сталину, для того, чтобы выйти из заколдованного круга пролетарской диктатуры, непримиримой с идеей всенародного государства, пришлось прибегнуть к героическому средству: объявить все классы больше не существующими.

Идея «бесклассового государства трудящихся» давала возможность Сталину и **стоявшим тогда за его спиной красным маршалам** порвать с идеологически и принципиально неразрывным с идеей пролетарской диктатуры **пораженчеством**.

«Защита рубежей СССР» становится, как и встарь в России, священным долгом всех без исключения граждан. В новой конституции, наравне с уничтожением классово-иерархической системы управления (Советы), уничтожается также и классово-пролетарская армия.

«Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР» (Ст. 133). Ибо, дает, по словам «Правды», классическое определение Сталин: — «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющаяся в общности культуры».

Таким образом, внутренней разгром государства в порядке «левацких загибов» первой пятилетки и тщетный, явно уже безнадежный расчет на скорый приход мировой пролетарской революции, заставили как будто Сталина и его ближайших советчиков порвать с «пролетарской» антинациональной, противогосударственной, ленино-троцкой октябрьской идеологией (отсюда изничтожение всех большевиков-октябристов).

На место этой опровергнутой жизнью конструкции диктатуры нужно было создать нечто новое. Совершенно естественно, что этим новым для Кремля оказалась идея диктатуры, опирающейся не на классовую исключительность, а на всенародное или «бесклассовое единство».

Мне уже не раз приходилось писать и говорить о том, что диктатура, построенная на классовой основе (так же как и на расовой), является диктатурой, в конце концов разрушающей государство, ибо она противоречит самой его природе, содействуя разложению его «устойчивой общности» и ослабляя крепость его социальных связей. Именно только с точки зрения **прочности** государственного единства и способности его к самозащите диктатура, опирающаяся на идею всенародного государства, на идею внеклассового или, правильнее, надклассового единства нации, является для самого бытия государства **менее вредной и менее разрушительной**.

Если правильно весьма популярное сейчас в демократической Европе изречение: «диктатура — всегда война», то это правильное определение совершенно по разному проявляется в природе «классовой» и «национальной» диктатур.

Национальное государство под водительством национального диктатора бонапартистского типа несет угрозу своим соседям. Государство классовой диктатуры разжигает военные аппетиты своих соседей, ибо живет непрестанной, внутренней гражданской войной, которая ослабляет, делает почти невозможной внешнюю оборону государства. Эту совсем простенькую истину отлично на трудном опыте восстановления боеспособности красной армии поняли лучшие красные генералы, и до поры до времени понимал сам Сталин. В разгар «либеральных реформ», подготовлявших «самую демократическую конституцию», «Правда» и «Известия» не раз повторяли, что внешнее сопротивление СССР внешнему врагу будет тем действительнее, чем «выше будут боевые качества вооруженных сил и крепче тыл».

Опыт всех войн показал, что в конечном счете степень выгоды боевых сил всегда находится в прямой зависимости от сте-

пени крепости тыла, т.е. от степени общей хозяйственно-технической организованности страны и психологической сплоченности, единодушия населения.

Как же сделать этот «тыл крепче»? В нынешней суровой международной обстановке этот вопрос во весь свой рост не мог не встать перед правителями СССР, и стоит перед ними до сих пор неразрешенным с самого начала «либеральных реформ» Сталина. Относясь вначале положительно, по объясненным здесь мотивам, к откровенной фашизации Сталиным пережившей себя пролетарско-реакционной диктатуры, я еще летом 1936 г. весьма сомневался: не поздно ли Сталин начинает копировать Муссолини? Можно ли на совсем другой почве, в совсем других условиях повторить опыт весьма личный и потому в особенности неповторимый? Возможно ли обновить и усилить диктатуру, уже и так ненавистную населению, под прикрытием самых заманчивых «демократических» обещаний?

Однако полтора года тому назад Кремлевская загадка и заключалась в вопросе: **играет** ли только Сталин в конституцию и демократические лозунги, чтобы вывести на чистую воду всех своих бесчисленных «внутренних врагов», или он почувствовал в себе силу повернуть СССР на новые пути и в эти пути **верит**?

Были серьезные основания, все-таки, не до конца отчаиваться. Эти основания опирались на ощущение, если даже не всегда на точное знание, новой России, новых ее поколений. Вопреки представлению о «пассивности» и «запуганности» советского населения, распространенному даже в демократической эмиграции, в России нет внутреннего, духовного примирения с диктатурой, и воля к свободе не слабеет, а крепнет.

Из бесконечного ряда свидетельств — о главнейшем скажу ниже — приведу здесь одно, исходящее от коммуниста, совсем недавно ушедшего из рядов Коминтерна и жившего в Москве, — Вальтера Брингольфа (беру по Социалистическому Вестнику, № 22).

Этот недавний коминтернец, излагая всю историю борьбы Сталина с правой и левой оппозицией, пишет: значительный хозяйственный подъем, имевший место за последние годы в Со-

ветской России и вовлекший миллионы людей в механизм современной крупной индустрии и техники, выдвинул довольно значительный слой способных и развитых рабочих и крестьян, у которых появилась потребность к свободе и самостоятельности.

Тут сделаю оговорку. Потребность к свободе никогда не угасала в народном сознании. Она сейчас только настойчивее проявляется.

И дальше Вальтер Брингольф в полной мере подтверждает все, что писалось в «Новой России» о трагедии «Красных Маршалов»:

«С другой стороны, **в том же направлении расширения свободы и самостоятельности** толкают Советскую Россию потребности армии и хозяйства. Армия нуждается в бесперебойной работе промышленности и сельского хозяйства, особенно ввиду наличия военной опасности, и именно **в верхах красной армии** зародилась идея о новой советской конституции, гарантирующей населению большую сумму свободы. Нет сомнения, что честное и умелое развитие этой идеи могло бы обозначать новую эпоху в истории Советской России. **Но это должно было бы быть связано с отменой диктатуры и террора.** А на это ни за что не могли согласиться Сталин и созданный им аппарат. Они оказались неспособными пойти по новому пути».

Я нарочно привел длинную выписку из статьи Брингольфа, чтобы показать эмигрантскому Фоме, ни в какое движение воды в России не верующему, насколько он в своем заматерелом безверии далек от действительности. Прочтя строки бывшего коммуниста, вернувшегося из Москвы, он поймет, что мы, эмигрантские оптимисты, имели кое-какую под собою почву, когда во время сталинских реформ, до срыва их в безумнейший террор и расстрел генералов, — ждали большого перелома в России и надеялись на мирный выход. Оказывается, «диктатура пролетариата», диктатура, по словам Ленина, «самая свирепая, самая острая, самая беспощадная война», совершенно неспособна вступить в мирные переговоры; она ведет войну с народом на уничтожение.

Тут можно поставить вопрос. Повинен ли в происшедшем срыве «либерального курса» сам Сталин, «как человек совершенно лишенный творческого воображения», который «никак не может выйти из рамок своего собственного прошлого» (Брингольф)? Или это самое проклятое страшное прошлое наложило на Сталина такое клеймо отвращения и ненависти, что задача смягчить режим и примирить власть со страной оказалась выше его сил. Может быть, Сталин отдался в руки Ежова только потому, что убедился, что **новую** политику могут вести только **новые** люди и что руками старой власти он не совладеет с духом свободы, если только хоть на йоту ослабит сковывающие его узы.

Я не берусь отвечать здесь на эти вопросы. Да не так уж и существенно сейчас, какие личные настроения и интересы, вожделения или страхи заставили Сталина взорвать свою собственную конституцию и предстать перед мировым общественным мнением в качестве невиданного еще в летописи международных скандалов политического, как бы это помягче сказать, фокусника, и престижджигатора.

Впрочем, мне все-таки кажется, что Сталин разыграл свой конституционный трагический фарс для самого себя неожиданно. Уж очень этот выборный фокус-покус был сделан наспех, неумело и неловко.

Вспомним немножко ход событий. 1-го марта 1936 года Сталин по собственному почину, когда никто его за язык не тянул, сочинил перед американским журналистом Рой Говардом целую поэму демократического конституционного блаженства, которое через несколько месяцев наступит в СССР. «В вашем вопросе, — говорил Сталин американцу, — сквозит мысль, что социалистическое общество отрицает свободу. Это неверно. Это общество мы построили не для ущемления личной свободы, а для того, чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной. Мы построили его ради действительной личной свободы, свободы без кавычек».

Американец растроган. Он уже поверил в мирное сосуществование двух великих демократий — американской и... совет-

ской. Только его, привыкшего к старым демократическим порядкам, смущает однопартийная система. И он задает Сталину сейчас очень злободневно звучащий вопрос. — В какой же мере новая избирательная система «может изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия?» — Сталин и тут не растерялся: — «Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия? Вы не видите, какая может быть в этих условиях избирательная борьба? Очевидно, избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации. А таких у нас сотни».

И дальше уже Сталин прямо засветился весь демократическим энтузиазмом.

«Почему выборы будто **тайные**? А потому, что мы хотим дать советским людям полную свободу голосовать за тех, кого они хотят избрать, кому они доверяют обеспечение своих интересов... Вам кажется, что не будет избирательной борьбы? Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу. У нас немало учреждений, которые работают плохо. Построил ты или не построил хорошую школу? Улучшили ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? и т.д. Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, **отбрасывая** негодных, **вычеркивая их из списков**, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживленной... Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти»*.

Хлесткая демократическая беседа с иностранным журналистом еще ни к чему кремлевских владык не обязывает. Но ведь эта беседа, особо изданная, усиленно распространялась в десятках тысяч экземпляров вплоть до самых выборов по всему СССР. Но ведь десятки тысяч особых инструкторов из юных

* И. Сталин: Беседа с г-ном Рой Говардом. Партиздат ЦК ВКП. Март, 1937.

«энтузиастов конституции» были пущены по всем колхозам и фабрикам, по всем учебным заведениям и канцеляриям, по всем частным квартирам и деревенским избам. Все они усиленно истолковывали населению новые права, доказывали преимущества сталинских избирательных порядков и над бывшими российскими и над... американскими. Давая издевательски-ироническое описание сталинских выборов, корреспондент «Дейли Телеграф» думает, что эта слишком цинично поставленная комедия может обмануть «только темных русских мужиков». Английский журналист, видимо, не знает, что русские крестьяне испокон веку привыкли выбирать у себя на мирских сходах, участвовали несколько десятилетий в земских выборах, выбирали с великим прилежанием своих, действительно излюбленных, людей в первую и вторую Государственные Думы; пытались проводить, а иногда и проводили, своих людей в последующие «столыпинские» Думы, в 1917 году много раз совсем свободно выбирали себе и земских гласных и депутатов в крестьянские Советы и в Учредительное Собрание.

Я думаю, никто так больно не пережил новый, жесточайший сталинский обман и никто так не озлобился на него за это, как «русский темный мужик».

Но сейчас я пишу не о настроениях населения, а о конституционных намерениях власти. Конечно, от большевиков всего можно ждать, но трудно, все-таки, предположить, что Сталин сознательно сам себе вредитель (бессознательно он, несомненно, является таковым).

Трудно, почти невозможно нормальному человеку допустить мысль, что многотысячная пропаганда «новых политических прав» населения и избирательных возможностей велась с нарочитой целью впоследствии доказать, что никаких таких прав и возможностей **не имеется**, что при диктатуре всякая конституция есть только грубый обман и сплошное надувательство. Очевидно, **сводки агентурных наблюдений** за избирателями убедили Кремль, что в порядке **действительно свободных** выборов (даже в строгих рамках новой конституции, т.е. с избирательной борьбой только вокруг однопартийных и выставленных

находящимися под правительственным контролем организациями кандидатов) не только невозможна никакая демонстрация единения власти с народом и партии с беспартийными, но и немыслимо провести в Верховный Совет достаточное количество своих верных людей.

Разрешить, как то категорически обещал Сталин, «оживленную избирательную борьбу», допустить даже вычеркивание казенных кандидатов — значило для диктатуры, как признал это и корреспондент «Temps» — «пуститься в опасный путь» в обстановке нынешнего «внутреннего и внешнего кризиса».

Так «конституционная» карта Сталина была бита жизнью. Он хотел дать населению «хлыст» выборов, чтобы очистить свою администрацию от совершенно разложившихся и слишком ненавистных населению чиновников, но сам, со всем своим кремлевским аппаратом, оказался под хлыстом народной ненависти.

Иного выхода не было. В начале Октября, на секретном заседании Пленума ЦК Большевиcтской Партии, было решено устроить комедию выборов, т.е. провести на места депутатов в Верховный Совет особо отобранных и без лести преданных Сталину высших бюрократов, администраторов, чекистов и т.д.

Сделано все это было в порядке секретных циркуляров, — легко и просто. Тут централизованная машина террора и всяческого принуждения еще раз оказалась на высоте. Сначала, вопреки конституции, запретили партийным комитетам выставлять на местах своих партийных кандидатов. Партия должна, мол, идти в ногу с беспартийным населением и отнюдь на выборах от него не отрываться. Беспартийным организациям (кооперативам, профсоюзам и т.д.) тоже воспретили выставлять своих кандидатов.

Выдвигать излюбленных людей стали беспартийные собрания в колхозах, на фабриках и т.д. Тут мимоходом отменили и **тайну выборов**.

Окончательные кандидаты в члены Верховного Совета от окружных беспартийных собраний всюду утверждались по старому советскому классическому способу: **открытым поднятием рук** и в присутствии всего местного чекистского начальства. На классический вопрос, кто против — ни одна рука не подымалась. Единодушие было удивительное.

Всю избирательную кампанию в округах проводили «особо доверенные» от избирательных окружных собраний, в действительности это были особо доверенные сталинские чиновники, все время находящиеся еще кроме того под строжайшим надзором местных комитетчиков и ежовцев.

После того, как в каждом избирательном округе был назначен один кандидат, осталось доделать сущие пустяки: заранее обезвредить вычеркивателей и обеспечить массовое участие в выборах советских обывателей, у которых к выборам, естественно, иссяк всякий интерес.

Избирательные записки с вычеркнутым именем единственного кандидата заранее были объявлены действительными, ибо всякие чернильные или карандашные пометки на печатном бюллетене были признаны случайными погрешностями «неграмотных избирателей». Массовое же участие в унижительной комедии выборов без выборов обеспечивалось объявлением всех уклонившихся «заведомыми врагами народа» и просмотром паспортов всех явившихся.

Внешне, официально, **Сталин победил**, сокрушительно победил. Он полный хозяин в своем собственном парламенте, в своей собственной личной партии, в своем собственном полицейском и военном аппарате.

Но что стоит такая всесокрушающая победа, купленная ценой издевательства над своей собственной, только что объявленной конституцией и нового, слишком откровенного обмана населения?

Она ничего не стоит, ибо эта внешняя победа является по существу поражением диктатуры и поражением на самом опас-

ном для нее сейчас участке. Махнув рукой на примирение с народом и на либеральный курс, Кремль хотел воспользоваться игрой в выборы и в «демократический парламент» для укрепления своего авторитета в среде западной демократии и для устрашения заграничных «фашистских империалистов», подготавливающих совместными силами нападение на СССР.

Достиг Кремль как раз противоположного. Несомненно, никакие «вредители» и «агенты Гестапо» не могли бы нанести положению Сталина на Западе более жестокого удара, чем он сам нанес себе.

До декабрьских выборов расположенные к сталинской диктатуре по тем или иным соображениям западные круги старались объяснить и оправдать садические казни и расправы Сталина жестокой государственной необходимостью. Сталин-де, поддерживаемый огромным большинством советского населения, реформирует государство, понемногу освобождая его из плена ленино-троцких изуверских формул, возвращается на пути демократии. Защитники же старых большевистских порядков стараются сорвать сталинские реформы, не останавливаясь в этом злом деле ни перед какими кознями и преступлениями. Суровые расправы неизбежны, ибо на карту поставлено и внутреннее благополучие, и внешняя безопасность, боеспособность СССР.

После декабрьских выборов всем стало слишком ясно, что **никакого** огромного большинства, никакого вообще большинства населения **за Сталиным не стоит**. Всем стало ясно, что настроение Власти и интересы населения СССР совершенно несовместимы и что именно уничтожение свободных выборов есть главнейшее доказательство острого и все нарастающего внутреннего кризиса.

Особо рьяные, уже немногие защитники на Западе сталинской диктатуры, хватаются, как за соломинку, за внешнюю опасность, которая грозит России. Нельзя сейчас заниматься никакими внутренними реформами, ибо всякое ослабление власти сейчас в СССР, всякая внутренняя заминка, всегда возможная при коренной реформе системы управления, может приблизить

сроки войны, толкнуть врагов России, — а они же враги и западных демократий, — на какую-нибудь опасную для всей Европы авантюру.

Собственно говоря, после отказа от плана реформ, на котором настаивали именно во имя обороны России уничтоженные генералы и многочисленные в армии их единомышленники, вся игра в выборы и вся последующая политика Сталина стремятся доказать внешнему миру, что «за силой Красной армии стоит несокрушимая сила сплоченной вокруг государства страны».

Когда-то китайцы, дабы утратить врагов, несли впереди войск целый лес страшных, но бумажных чудовищ. Вероятно, и в те блаженные времена таких чудовищ никто не пугался. И теперь запугивать кого бы то ни было призраками несуществующего единения просто нелепо. Шапками, да еще подбрасываемыми вверх по приказу ГПУ в честь «обожаемого» Сталина, **никого не запугаешь.**

По существу, задача, которую ставит себе Кремль во имя собственного самосохранения, совершенно правильна и неотложна: техническую силу российской армии нужно опереть на несокрушимую мощь внутреннего патриотического единства. Однако, как еще раз и в последний раз доказал трагический фарс с «самой демократической конституцией из существующих в мире», такое единство в условиях террористической диктатуры недостижимо.

Н.А. БЕРДЯЕВ

Кризис интеллекта и миссия интеллигенции

(«Новый град». 1938. № 13)

«Новый град» (Париж, 1931 — 1939) — «Философский, религиозный и культурный обзор». Вышло 14 книг. Н.А. Бердяев опубликовал в журнале девять работ. Статья «Кризис интеллекта и миссия интеллиген-

ции» показывает, что философский анализ проблем современности может быть актуален не только в момент его осуществления. Вопросы свободного духа и «господства масс», о «вторжении масс» в культуру, о «косвенном насилии», которому интеллектуалы подвергаются «через деньги» (гонорары, премии, гранты), обсуждаются и в наше время.

Положение в мире интеллекта и его представителей, интеллигенции*, делается все более и более тяжелым и угрожающим. Независимость мысли, свобода духовного творчества отрицаются могущественными движениями нашей эпохи. Современные поколения и их вожди не признают руководящего значения интеллекта и мысли. В этом век наш радикально отличается от века XIX и XVIII. Представители мысли, творцы духовной культуры должны выполнять заказы жизненного процесса, служить социальным интересам и воле к могуществу. Ставится вопрос о судьбе не интеллекта только, но и духа. Я не хочу сейчас вкладывать специально религиозный смысл в слово дух. Дух есть свобода, творческая активность, смысл, интеллект, ценность, качество и независимость, прежде всего независимость от внешнего мира, природного и социального. Духовное начало в человеке означает определяемость изнутри в отличие от того состава человеческой природы, который определяется извне. Как существо духовное человек есть существо активное, творческое, свободное. Духовная жизнь принципиально отличается от жизни общественной, она не детерминирована социальной средой, она имеет другие источники, она изнутри черпает свои духовные силы. Это соответствует евангельскому различению царства Божьего от царства Кесаря. Дух вкоренен в царстве Божьем, в этом его свобода, общество же, претендующее повелевать духом и требующее от него поклонения, есть царство Кесаря. Это есть вечный дуализм, который вполне преодолен может быть лишь конечным преображением мира. Этот дуализм и защищает сво-

* Слово интеллигенция я здесь употребляю скорее в западном смысле intellectuals, чем в специфически русском смысле.

боду духа, свободу мысли, свободу творчества. Он противостоит всякому конформизму. Диктатура над духом невозможна, она означает удушение и истребление духа. Сейчас происходит восстание против духа, против качества духа, свободы духа со стороны воли к жизни, воли к могуществу, воли к организации, и это восстание сопровождается идеализацией инстинктов и интересов, которые поставлены выше ценностей.

Во все времена существовал в мире конфликт между качеством и количеством, между созерцанием и действием. Но конфликт этот достиг небывалой остроты в нашу эпоху. Чем это объясняется? Мы вступаем в эпоху активного вторжения и господства масс в историю. Такие эпохи уже бывали. Такова была эпоха цезаризма. Аристократизм греко-римской культуры был опрокинут. Господство масс обыкновенно создает диктатуры, выдвигает своих вождей, дает преобладание солдатчине, которая и ставила римских и византийских императоров. При этом обычно создается связанный социальный строй. Так было в эпоху Диоклетиана. Вся сложность нашей эпохи и вся трудность оценок в ней со стороны интеллигенции в том, что экономические требования масс совершенно справедливы и оправданы. Справедливы и оправданы также требования масс, чтобы цивилизация принадлежала и им. В отношении к этим задачам недопустимо равнодушие со стороны мыслителя, писателя, артиста. Социальная справедливость есть духовное начало. Но в первые стадии процесса вторжения масс неотразимо понижается принцип качества, опрокидывается аристократизм культуры, происходит посягательство на свободу творчества. Интеллект аристократичен, требует качества возвышения к совершенству. Свобода аристократична в противоположность распространенному мнению. Массы мало дорожат свободой. Вторжение масс со своими требованиями происходит в момент ослабления и падения древних религиозных верований, умаления духовности в мире. Массам, не приобщенным к благам и ценностям культуры, трудна культура в благородном смысле слова и сравнительно легка техника. Было замечено, что варвар и человек культурный одинаково могут пользоваться телефоном и военными ору-

диями истребления. Технические результаты науки нужны для организации жизни, для реализации воли к могуществу. Массы плохо понимают тот интеллектуальный иерархизм, в силу которого самое низшее в технических результатах знания зависит от самого высшего в бескорыстном знании. Побеждает принцип количества. До мировой войны мир был относительно устойчив, общества напоминали твердые тела. Против этого старого мира, в котором было много несправедливости и неправды, восставали, стремились к революции, но все же на нем базировались и им питались. Сейчас мир пришел в жидкое состояние, в обществах нет больше твердых тел, всякое органическое единство нарушено, и жизнь в этом мире становится все более и более трудной и необеспеченной. Массы молодежи требуют, во что бы то ни стало, быстрой организации обществ, единства хотя бы принудительного, чтобы не погибнуть в окончательной анархии. Современные диктатуры, деспотические тоталитарные режимы лишь обратная сторона анархического состояния мира. Так всегда бывает. Единство мирозерцания, которого требуют тоталитарные диктаториальные режимы, рождается не изнутри, не из единства глубоких верований, оно предписывается сверху и извне, декретируется государственной властью. При этом свобода мысли, свобода творчества совершенно отрицается. Интеллектуальное созерцание, бескорыстное знание и творчество представляется помехой для организации жизни, для достижения единства. Восстание силы жизни, нарастание воли к силе совсем не есть в нашу эпоху выражение творческого избытка жизни, оно есть порождение несчастья, порождение слабости. Вкус современной молодежи к насилию есть выражение духовной слабости. Акт насилия есть жест слабости. Сравнение нашей эпохи с средневековьем очень неблагоприятно для нее. Тогда было реальное единство, созданное глубокими верованиями, теперь его нет, его создают диктаторы ad hoc. Поэтому свободы мысли в средние века было больше, чем в современных тоталитарных режимах. Вспомним, сколько было в средние века философских, богословских, мистических школ. Тогда существовал аристократизм интеллекта.

В эпоху глубоких социальных переустройств, когда старые общества рушатся, а новые еще не созданы, духовные ценности отступают на второй план и их творцы утесняются. Человек есть ущербное существо, которое с трудом вмещает полноту и живет реакциями. Революция психологически есть также реакция, она сопровождается сужением сознания, вытеснением многих творческих стремлений и ценностей. То, что в иерархии ценностей стоит выше всего, может казаться ненужным и даже вредным. Могут потребовать подчинения ценностей высшего порядка ценностям низшего порядка.

От духа могут потребовать, чтобы он был слугой материальных интересов и потребностей. Движения социально революционные могут оказаться духовно реакционными. Монизм в понимании исторического процесса не выдерживает критики. Никакие процессы не могут обойтись без услуг интеллекта. Но интеллект может быть обращен в простое средство для организующегося витального процесса. Дух рассматривается как эпифеномен. На этой почве происходит острый конфликт подлинного призвания служителей духа с требованиями, им предъявленными. Но вопрос о том, кто виноват, сложнее, чем обыкновенно думают. Есть вина, лежащая на культурной элите. Русская культурная элита виновата в катастрофе русской духовной культуры. Есть ужасный эгоизм культурной элиты, ее изоляция, ее презрение к жизненным нуждам человеческих масс. Индивидуализм *intellectuels*, который нарастал с эпохи Ренессанса, совсем не всегда означал защиту духовной независимости и свободы творчества. Он означал также нравственный и социальный индифферентизм, отсутствие сознания своей миссии. Идея служения высшей цели преобразования жизни померкла в сознании творцов духовной культуры. Ошибочно противопоставлять свободу служению. Великие писатели и артисты имели это сознание служения. Подлинные *intellectuals* — представители духа, то есть свободы, смысла, ценности, качества, а не государства, не социального класса и социальных интересов. Представитель духа, творец духовной культуры имеет профетическую миссию. Профетизм существует не только в религиоз-

ной жизни. Древнееврейские пророки — прототипы профетизма, но он существует и в философии, в литературе, в искусстве, в социальной жизни. Этот профетический элемент был у Данте, Микель Анджело, Бетховена, Карлейля, Ницше, Ибсена, Киркегарда, Л. Толстого, Достоевского. Человек профетического типа слушает не голос, идущий извне, не голос общества и народа, а исключительно внутренний голос, голос Божий. Но он обращен к судьбе народа, общества, человечества. Пророк одинок, он находится в конфликте с коллективом, религиозным или социальным, он побивается камнями, он считается «врагом народа», но он социален, он говорит слово правды народу, обществу, он прозревает судьбы человечества. Быть может, более всего мы нуждаемся в пробуждении профетического духа. Это дух свободы и независимости, несогласия ни на какой конформизм и вместе с тем сознание служения сверхличной цели. Представитель духа не согласен определяться обществом и государством, он определяется изнутри.

Нужно решительно различать социальное призвание от социального заказа, выражения, употребляемого в советской России. *Intellectuel*, мыслитель, писатель, артист имеет социальное призвание, он не может оставаться равнодушным к тому, что происходит в социальном мире. Все социальное глубоко связано, положительно или отрицательно, с духовным и отображает совершающееся в духовной действительности. Но *intellectuels* ни в коем случае не должны исполнять социального заказа, это было бы отречением от свободы духа. Социальное призвание идет изнутри, оно свободно, социальный же заказ идет извне, он означает принуждение. Правда, в искусствах пластических артисты всегда получали заказы от князей мира сего сделать тот или иной портрет, статую, украсить дворец. Но искусство их оставалось свободно, так как мало зависело от сюжета. Сейчас положение более трудно и для представителей пластических искусств, посягательства на них идут дальше. Но положение писателей всегда было иное. Писатели, по крайней мере более значительные писатели, имеют несчастье дорожить теми или иными идеями и верованиями. И это делает конфликты неизбежными.

Intellectuals принуждены бороться за свою свободу. Тоталитарное государство двояко действует на творцов духовной культуры. Оно или подкупает intellectuals, сулит им все блага, требует от них послушного исполнения социальных заказов, или преследует их и делает их мучениками. Ставится вечный вопрос о конформизме. Одни идут на конформизм: приспосабливаются, соглашаются на отказ от свободы мысли и творчества, другие от конформизма отказываются и попадают в очень тяжелое положение. Трудность вопроса в том, что независимость интеллекта, свобода духа не могут и не должны быть защищаемы через сохранение социальной несправедливости. В режиме либеральном intellectuals более свободны, они не подвергались прямому насилию (косвенному насилию через деньги они подвергаются), они могли лавировать, но режим этот был социально несправедливым, он связан с капитализмом, с господством классов богатых, обладающих всеми материальными орудиями. Несправедливость эта связана не с самими принципами свободы, а с недостатком свободы, с тем, что свобода была лживой, существовала не для всех, а лишь для немногих. Связать интеллектуальную и духовную свободу с защитой социальной несправедливости было бы роковой ошибкой. Это как раз и вызывает подозрительное отношение к интеллигенции со стороны социальных движений нашей эпохи, особенно со стороны марксистов. Если эти подозрения и обвинения часто бывают чудовищно несправедливы, иногда сознательно лживы, то повод для них все-таки существует, его дает эгоизм, изоляция, социальное равнодушие части культурной элиты, и даже значительной части. Между тем как борьба за свободу и антиконформизм intellectuals, творцов духовной культуры, должны быть связаны не с социальным равнодушием и потаканием социальной несправедливости, а со свободно выполняемым социальным призванием. Люди духа и интеллекта должны сознавать свою независимость и свободу, свою определяемость изнутри, но и свою социальную миссию, свою призванность служить делу справедливости путем своей мысли и творчества. Будущее человечества зависит от того, будут ли соединены в мире движение духовное и движение социальное,

будет ли связано создание более справедливых и более человеческих обществ с защитой духовных ценностей, с духовной свободой, с достоинством человека как духовного существа. Самый интеллект не может быть защищен, если он взят отвлеченно и противопоставлен целостной жизни как разум исключительно теоретический, он может быть защищен исключительно как органическая часть целостной жизни, или часть творящего духа.

А.Л. КАЗЕМ-БЕК

Русский ответ Адольфу Гитлеру

(«Бодрость!». 1939. 7 мая)

«Бодрость!» (Париж, 1934—1940) — еженедельная газета младороссов. Девиз газеты: «К молодой России!» Союз младороссов был создан в Мюнхене в 1923 г. на «Всеобщем съезде национально мыслящей молодежи» и имел отделения в других странах. Его первая цель — «братское сплочение всех преданных России молодых сил». Главой Союза стал А.Л. Казем-Бек.

Александр Львович Казем-Бек (1902—1977) — экономист, политический деятель, глава и теоретик Союза младороссов — младоросской партии. Вел активную журналистскую работу. Статья «Русский ответ Гитлеру» — пример трезвого политического анализа, который позволил в значительной мере точно обозначить историческую перспективу и неизбежный крах гитлеризма. Журналистика Казем-Бека, безусловно, способствовала подготовке сознания русской молодежи к активному участию в движении Сопротивления на территориях оккупированных европейских стран в период Второй мировой войны.

Адольф Гитлер, германский имперский вождь и канцлер — великий человек и великий политик. С этого утверждения надо начать Русский ответ на сказанное им в его речи 28-го апреля.

Адольф Гитлер вывел Германию из той трясины, в которую она попала, ввязавшись в мировую войну. Он увеличил ее удельный вес и приготовил ее к новому столкновению с миром. Но вряд ли этим он облегчил ее участь.

Столкновение с миром не принесет Германии счастья. А сможет ли она во главе со своим вождем вовремя свернуть в сторону? Может ли она вообще куда-нибудь свернуть с того рокового пути, на который вывел ее ее вождь? Ответа на этот вопрос никто не может дать, и в этом его трагичность.

Если возникнет война, она будет вестись на уничтожение. Она должна будет привести к уничтожению Германии. После второй мировой войны, вызванной Германией, решения победителей будут по необходимости беспощадными. Мир не может больше жить под постоянной угрозой «экспансии» и «динамизма», какой бы то ни было, хотя бы и самой «избранной» из «рас».

Но надо сказать ясно, что с Русской точки зрения война должна быть осуждена заранее. И это значит, что заранее, с той же Русской точки зрения, осуждены ее зачинщики. Президент Рузвельт, чтобы о нем ни писали теперь немецкие газеты, — тоже великий человек. И его преимущество в том, что он высказал простую и всем понятную правду.

С Русской точки зрения Рузвельт прав: так жить мир дальше не может. Мир не может жить под угрозой постоянных нашествий. И тут совершенно бесполезны все рассуждения и хитросплетения германского вождя и его сторонников. Никого, кроме самих предубежденных немцев, уже не убедить в том, что захват незащищенных стран следует рассматривать как «укрепление мира».

Ставка на всеобщую слепоту уже устарела. Никого больше нельзя обмануть. Человечество прозрело не сразу, вернее не сразу спохватилось. Но теперь всё всем ясно. Германский вождь мог бы почерпнуть много полезных данных из опыта своих предшественников. Наполеон больше века тому назад уже установил, что тактика, построенная на обмане, имеет тот недостаток, что к ней можно прибегать лишь один раз.

В этом как раз и заключается главное возражение на все доводы Адольфа Гитлера. Его заверения потому не могут быть больше принимаемы в расчет, что они даются не в первый раз. Им верили еще недавно. Верили настолько, что главы правительства лично съезжались с германским вождем³⁹, чтобы установить с ним совместно окончательный новый порядок в Европе.

Германский вождь с крайней торжественностью и намеренно во всеуслышание давал за последние годы, одно за другим, ряд обязательств. В 1935 году после саарского плебисцита он заверил Европу, что ему больше нечего требовать. На деле оказалось, что ему нечего требовать пока. В 1937 году, собрав для ширококвещательных заявлений свой Рейхстаг, он категорически заявил, что «отныне период неожиданностей закончен».

В марте прошлого, 1938, года он, тем не менее, осуществил (и довольно неожиданно) аннексию Австрии. Но тут же он дал торжественное публичное заверение встревожившейся Чехословакии: не только соблюдать ее независимость, но и решать все возможные с ней тяжбы не иначе, как путем арбитражного разбирательства.

До середины сентября того же года он утверждал, и тоже не в конфиденциальном порядке, что для судетских немцев он потребует только государственной автономии в пределах чехословацкого государства. В конце сентября он заявил, что после того, как чехи урегулируют свои взаимоотношения с прочими национальными меньшинствами, он перестанет заниматься их государственными делами и гарантирует неприкосновенность их границ.

В октябре он подтвердил это обязательство в публичной речи во время объезда Саарской провинции. 30 сентября и 6 декабря 1938 года германский вождь договорился с Великобританией и Францией о том, чтобы в случае осложнений разрешать их не иначе как путем предварительных переговоров.

В настоящее время он предъявляет новые требования, на этот раз Польше. Удивительно ли, что предлагаемая им взамен новых уступок новая гарантия не вызывает в Польше и во всей Европе никакого доверия? Можно полагать, что Адольф Гитлер

крайне затруднил самому себе всякую международную политику, злоупотребив столько раз доверием собственно всего мира.

Выходит, что Наполеон был неправ: обманывать в политике можно не раз. Но ведь обладать доверием окружающих значит обладать определенной силой, всегда необходимой и, во всяком случае, никогда не лишней. Грубой силы недостаточно. Применение грубой силы имеет вдобавок и то существенное неудобство, что оно вызывает в виде реакции возникновение противной, грубой же силы.

Русские интересы не косвенно и не относительно, а прямо и непосредственно затрагиваются нарушениями международного равновесия со стороны Германии. Изложение своего учения А. Гитлер завершает пламенной и фантастической проповедью права Германии на новые земли. Он считает, что пролитие крови ради новой земли оправдывается не только перед потомством, но и перед самим Богом.

Этот оправдательный довод служит ему лишь предпосылкой для утверждения, что отныне взоры Германии обращены на Восток, и он подчеркивает — на Россию. Он добавляет, что всякая западная, колониальная и торговая, политика должна быть сдана в архив. Он с ней покончил. Отсюда вполне логично следует «гарантия», которая им столь охотно и столь настойчиво дается неприкосновенности итальянских и французских границ. Отсюда же и столь же логично вытекает и стремление замириться с Англией.

Но Адольфа Гитлера уже постигли жестокие разочарования. Он, правда, приобрел земли в Средней Европе. Стратегически и экономически это несомненное достижение. Политически и «этически» это достижение сомнительное. Ни австрийцы, ни тем более чехи последнего слова не сказали, и при всяком потрясении Германию тут ждут осложнения. Но вождь-канцлер не смог не только сдружиться с Англией, но и, наоборот, нажил в ней смертельного врага.

Смертельная вражда Англии никому бесполезна. История учит нас этому выводу. И в данном случае было бы неосновательно искать причину неудачи в поисках каких-либо «неарий-

ских» врагов. Причина — в самой политике Адольфа Гитлера. Он с откровенностью и не вызывающей ни в ком сомнений искренностью изложил свои цели. С настойчивостью и последовательностью, заслуживающими преклонения, он принялся за действия, потребные для достижения этих целей.

При всей своей политической гениальности Адольф Гитлер не учел довольно простой вещи, а именно — сопротивления великих держав. Утомление тяготами мировой войны и вызванную ими разболтанность, даже распущенность в жизни стран-победительниц, он принял за проявление окончательной дряхлости и непоправимой беспомощности. Своим дерзанием он сам же вызвал в этих странах спасительную реакцию и пробудил их после мимолетного упадка к жизни новой. Такой результат вряд ли может быть уравновешен достижениями в Средней Европе.

Для Германии (по мнению самого Адольфа Гитлера) до войны возникла дилемма: с Англией против России или с Россией против Англии. И он задним числом высказался за комбинацию с Англией против России. Он эту же комбинацию признавал ключом и к будущему. Именно в этом самом главном для него вопросе, он потерпел неудачу. Как некогда и Наполеон, Гитлер собственными руками сблизил и примирил Россию и Англию.

Такой блок для Германии не просто неудобство, а несчастье, великое несчастье. Но в этом блоке и Франция, военные добродетели которой ни раньше, ни теперь не привыкли недооценивать как раз немцы. По вине Германии же, в этом блоке и Польша, которая имела множество политических недостатков, вредивших ей на протяжении ее истории, но которая всегда умела воевать. И, наконец (это уже «букет»), Германия Гитлера совершенно искусственно привила лютую неприязнь к себе Америки, решившей было не вмешиваться больше в европейские дела.

Если прибавить к этой коалиции пресловутое «мировое еврейство», которое в прошлую мировую войну было в своем большинстве на стороне Германии, а теперь явно будет целиком на стороне ее противников, то получается полная картина

достижений Германии в международной политике. И все это — можно спросить — в обмен на несколько провинций бывшей Австро-Венгерской империи? Пожалуй, слишком высокая цена.

С Русской точки зрения всякая плотина против германской экспансии выгодна. Достаточно ознакомиться с открыто высказанными и резко подчеркнутыми планами Гитлера в отношении России, чтобы понять, почему это так. Ирония судьбы и ответственность Адольфа Гитлера в том, что Россия, да еще при Сталине, заинтересована отныне в поддержке Польши! И не только Польши, но и Румынии.

Дело, однако, не в курьезах. Дело в том, что Россия не утратила воли к жизни, несмотря на все произведенные над ней «красные» эксперименты, Россия не перестала быть не только великой, но и мировой державой. И время работает на Россию в том смысле, что силы ее будут возрастать, судьба ее будет просветляться, внутренняя жизнь ее будет очищаться. И после преодоления народной жизнью ига, воплощенного сегодня в Сталине, страна наша встанет на путь почти беспредельного развития.

Россия не ставит никаких целей, которые противоречили бы интересам человечества. России нет надобности ни на кого нападать, посягать или покушаться. И сейчас важно напомнить очевидную, а потому легко упускаемую из виду истину: у России нет никаких счетов с Германией. Она ничего от нее не требует. А она могла бы попрекнуть ее многим. Когда вождь-канцлер обличает большевизм, он забывает о том, что насаждал его у нас его друг Людендорф. Когда он возмущается «позорнейшим “диктатом” всех времен», разумея под этим Версальский мир, то он забывает о Брест-Литовском «диктате», который был почище всякого версальского, если бы только Германию не разбили тогда наши союзники по мировой войне.

Нет никакого сомнения в том, что мирный договор, который последует за новой мировой войной, если она разразится, будет покруче версальского. Победенным, вероятно, не оставят на этот раз и глаз для плача. Не потребуется от них и плача. От них потребуется не существовать больше вовсе. Кто бы ни победил, результат будет таков. Железный закон нашего времени опреде-

лился с достаточной четкостью, чтобы можно было воздержаться от оплакивания старых мирных договоров.

С Русской точки зрения есть еще возможность рассуждать о немцах без ненависти. Правда, Адольф Гитлер нанес русским тяжелое оскорбление в своем основном труде. Этот труд, он в сущности, закончил призывом к захвату Русской земли. Но на сей предмет руки у него коротки и Россия может просто пожать в ответ плечами. Поскольку, однако, Германия Адольфа Гитлера кует себе оружие для решительной попытки прорваться на нашу землю, Россия должна, обязана вооружиться.

Но не Русским обнажать меч. У нас много дела дома. Мы еще не изжили наследия большевизма. От смуты у нас еще остается террор. Мы еще не освободились от гнета. Нам надо подумать о том, чтобы наш меч мог оградить землю, потребную для нашего плуга.

Мы как Русские не можем быть глухими к правде, к справедливости. Адольф Гитлер создал учение о международном хищничестве. Наши симпатии будут на стороне намеченных им жертв. Наша воля будет направлена на то, чтобы нам не попасть в положение жертв. Мы солидарны со всем миром, осуждающим политику захватов. Если немцы проглядели эволюцию международной морали, которая уже не мирится с завоевательными методами минувших веков, то тем хуже для них.

Пока еще не поздно остановить надвигающуюся катастрофу. И пока она не наступила, Русские могут верить в мирный исход их тяжбы с сегодняшней Германией. Но после всего, что мы слышали и читали на протяжении последних лет и последних месяцев, мы вправе кое-что припомнить.

Пока еще германский меч не бывал ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге, тогда как русский меч побывал в Берлине, и не единожды. Пока что немцы все намеревались лезть на нас, как на рожон, со своим «Дранг нах Остен»⁴⁰, а мы им их освобождали и опекали. Александр Невский без помощи немцев избавил нас от их предприимчивости. Мы же спасли Фридриха Великого, которого сами же мы приперли в стенке и, можно сказать, вынули

его из петли (без нас он не был бы и Великим). И на все это ничего решительно не возразишь.

После всего, что мы видели и слышали (включая речь Гитлера 28-го апреля сего года), Русские могут сказать Германии и ее вождю: Ваше мнение о нас мы приняли к сведению; ради предков, умевших уживаться, и ради потомков, которым необходимо будет дружное сожительство, мы еще готовы будем пожать протянутую руку; сами лезть никуда не будем; меча первые не обнажим, но на взмах вашего меча — уж не обессудьте — ответим не только крепостью щита, но и разящей мощью Русского меча.

Л.Д. ТРОЦКИЙ

Сталин — интендант Гитлера

(«Бюллетень оппозиции». 1939. № 75 — 76)

«Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)» (Париж, 1929 — 1941), основан Л.Д. Троцким. Вышло 87 номеров.

Лев Давидович Троцкий (наст. фам. Бронштейн; 1879 — 1940) — политический деятель, публицист, литературный критик. Первые статьи опубликовал в начале XX в. в иркутской газете «Восточное обозрение». Затем печатался в газете «Искра», много внимания уделял осмеянию А.С. Суворина и его «Нового времени». В.И. Ленин предложил ввести его в редакцию, но Г.В. Плеханов был против: он считал, что «легковесные статьи Троцкого снижают уровень газеты». Во время первой русской революции Троцкий редактировал «Известия» Петербургского Совета рабочих депутатов и «Русскую газету». В 1908 — 1912 гг. издавал в Женеве, Львове и Вене нелегальную социал-демократическую газету «Правда», потом стал заграничным корреспондентом газеты «Киевская мысль». В начале 1917 г. в Нью-Йорке вместе с Н.И. Бухариным редактировал

газету «Новый мир». В последующие годы оставался активным публицистом. После высылки из СССР в январе 1929 г. наладил издание с (июля) «Бюллетеня оппозиции». Здесь много лет критиковал сталинизм, И.В. Сталина как главу «бюрократического абсолютизма», предсказывал его крах в результате перерастания предстоящей Второй мировой войны в войну революционную.

Двадцать лет пружина германского империализма оставалась свернутой. Когда она стала разворачиваться, дипломатические канцелярии растерялись. Вторым, после Мюнхена, этапом этой растерянности были долгие и бесплодные переговоры Лондона и Парижа с Москвой. Автор этих строк имеет право сослаться на непрерывный ряд собственных заявлений в мировой печати, начиная с 1933 г. на ту тему, что основной задачей внешней политики Сталина является достижение соглашения с Гитлером. Но наш скромный голос оставался неубедительным для «вершителей судеб». Сталин разыгрывал грубую комедию «борьбы за демократию», и этой комедии верили, по крайней мере, наполовину. Почти до самых последних дней Авгур, официальный лондонский корреспондент «Нью-Йорк Таймс», продолжал уверять, что соглашение с Москвой будет достигнуто. Как свирепо поучителен тот факт, что германо-советский договор ратифицирован сталинским парламентом как раз в тот день, когда Германия вторглась в пределы Польши!

Общие причины войны заложены в непримиримых противоречиях мирового империализма. Однако, непосредственным толчком к открытию военных действий явилось заключение советско-германского пакта. В течение предшествовавших месяцев Геббельс, Форстер и другие германские политики настойчиво повторяли, что фюрер назначит скоро день для решительных действий. Сейчас совершенно очевидно, что речь шла о дне, когда Молотов поставит свою подпись под германо-советским пактом. Этого факта не вычеркнет из истории никакая сила!

Дело совсем не в том, что Кремль чувствует себя ближе к тоталитарным государствам, чем к демократическим. Не этим

определяется выбор курса в международных делах. Консервативный парламентарий Чемберлен, при всем своем отвращении к советскому режиму, изо всех сил стремился добиться союза со Сталиным. Союз не осуществился, потому что Сталин боится Гитлера. И боится не случайно. Армия обезглавлена. Это не фраза, а трагический факт, Ворошилов есть фикция. Его авторитет искусственно создан тоталитарной агитацией. На головокружительной высоте он остался тем, чем был всегда, ограниченным провинциалом, без кругозора, без образования, без военных способностей и даже без способностей администратора. Все в стране это знают. В очищенном командном составе не осталось ни одного имени, на котором армия могла бы остановиться с доверием. Кремль боится армии и боится Гитлера. Сталину нужен мир любой ценой.

Прежде чем гогенцолернская Германия пала под ударами мировой коалиции, она нанесла смертельный удар царскому режиму, причем западные союзники подталкивали русскую либеральную буржуазию и даже поддерживали планы дворцового переворота. Не повторится ли в преобразованном виде этот исторический эпизод — спрашивали себя с тревогой обитатели Кремля. Они не сомневаются, что коалиция из Франции, Великобритании, Советского Союза, Польши, Румынии, при несомненной в дальнейшем поддержке Соединенных Штатов, в конце концов сломила бы Германию и ее союзников. Но прежде, чем свалиться в пропасть, Гитлер мог бы нанести СССР такое поражение, которое кремлевской олигархии стоило бы головы. Если б советская олигархия была способна к самопожертвованию или хотя бы самоограничению в военных интересах СССР, она не обезглавила бы и не деморализовала бы армию.

Всякого рода просоветские простаки считают само собою разумеющимся, что Кремль стремится к низвержению Гитлера. Низвержение Гитлера немислимо без революции. Победа революции в Германии подняла бы на огромную высоту самочувствие народных масс в СССР и сделала бы невозможным дальнейшее существование московской тирании. Кремль предпочитает статус-кво, с включением Гитлера в качестве союзника.

Застигнутые пактом врасплох профессиональные адвокаты Кремля пытаются теперь доказать, что наши старые прогнозы имели в виду наступательный военный союз между Москвою и Берлином, тогда как на деле заключено лишь пацифистское соглашение о «взаимном ненападении». Жалкие софизмы! О наступательном военном союзе, в прямом смысле этого слова, мы никогда не говорили. Наоборот, мы всегда исходили из того, что международная политика Кремля определяется интересами самосохранения новой аристократии, ее страхом перед народом, ее неспособностью вести войну. Любая международная комбинация имеет для советской бюрократии цену постольку, поскольку освобождает ее от необходимости прибегать к силе вооруженных рабочих и крестьян. И тем не менее германо-советский пакт является в полном смысле слова военным союзом, ибо служит целям наступательной империалистской войны.

В прошлой войне Германия потерпела поражение прежде всего вследствие недостатка сырья и продовольствия. В этой войне Гитлер уверенно рассчитывает на сырье СССР. Заключение политического пакта не случайно предшествовало заключению торгового договора. Москва далека от мысли денонсировать его. Наоборот, в своей вчерашней речи перед Верховным Советом Молотов сослался прежде всего на исключительные экономические выгоды дружбы с Гитлером. Соглашение о взаимном ненападении, т.е. о пассивном отношении СССР к германской агрессии, дополняется, таким образом, договором об экономическом сотрудничестве в интересах агрессии. Пакт обеспечивает Гитлеру возможность пользоваться советским сырьем, подобно тому, как Италия в своем нападении на Абиссинию пользовалась советской нефтью. Военные эксперты Англии и Франции только на днях изучали в Москве карту Балтийского моря с точки зрения военных операций между СССР и Германией. А в это самое время германские и советские эксперты обсуждали меры обеспечения балтийских морских путей для непрерывных торговых сношений во время войны. Оккупация Польши должна в дальнейшем обеспечить непосредственную территориальную связь с Советским Союзом и дальнейшее развитие экономиче-

ских отношений. Такова суть пакта В «Майн Кампф» Гитлер говорит, что союз между двумя государствами, не имеющий своей целью вести войну, «бессмыслен и бесплоден». Германосоветский пакт не бессмыслен и не бесплоден: это военный союз со строгим разделением ролей: Гитлер ведет военные операции, Сталин выступает в качестве интенданта. И есть еще люди, которые всерьез утверждают, что целью нынешнего Кремля является международная революция!

При Чичерине, как министре иностранных дел ленинского правительства, советская внешняя политика действительно имела своей задачей международное торжество социализма, стремясь попутно использовать противоречия между великими державами в целях безопасности советской республики. При Литвинове программа мировой революции уступила место заботе о статус-кво при помощи системы «коллективной безопасности». Но когда эта идея «коллективной безопасности» приблизилась к своему частичному осуществлению, Кремль испугался тех военных обязательств, которые из нее вытекают. Литвинова сменил Молотов, который не связан ничем, кроме обнаженных интересов правящей касты. Политика Чичерина, т.е. по существу политика Ленина, давно уже объявлена политикой романтизма. Политика Литвинова считалась некоторое время политикой реализма. Политика Сталина-Молотова есть политика обнаженного цинизма.

«На едином фронте миролюбивых государств, действительно противостоящих агрессии, Советскому Союзу не может не принадлежать место в передовых рядах», — говорил Молотов в Верховном Совете, три месяца тому назад. Какой зловещей иронией звучат теперь эти слова! Советский Союз занял свое место в заднем ряду тех государств, которые он до последних дней не уставал клеймить в качестве агрессоров.

Непосредственные выгоды, которые Кремлевское правительство получает от союза с Гитлером, имеют вполне осязательный характер. СССР остается в стороне от войны. Гитлер снимает в порядке дня кампанию в пользу «Великой Украины». Япония оказывается изолированной. Одновременно с отсроч-

кой военной опасности на Западной границе, можно, следовательно, ждать ослабления давления на Восточную границу, может быть даже заключения соглашения с Японией. Весьма вероятно, к тому же, что в обмен за Польшу Гитлер предоставил Москве свободу действий в отношении балтийских лимитрофов. Как ни велики, однако, эти «выгоды», они имеют в лучшем случае конъюнктурный характер, и их единственной гарантией является подпись Риббентропа под «клочком бумаги». Между тем война поставила в порядке дня вопросы жизни и смерти народов, государств, режимов, правящих классов. Германия разрешает свою программу мирового господства по этапам. При помощи Англии она вооружилась, несмотря на сопротивление Франции. При помощи Польши, она изолировала Чехо-Словакию. При помощи Советского Союза она хочет не только закабалить Польшу, но и разгромить старые колониальные империи. Если б Германии удалось, при помощи Кремля, выйти из нынешней войны победительницей, это означало бы смертельную опасность для Советского Союза. Напомним, что вскоре после мюнхенского соглашения секретарь Коминтерна Димитров огласил — несомненно, по поручению Сталина — точный календарь будущих завоевательных операций Гитлера. Оккупация Польши приходится в этом плане на осень 1939 г. Дальше следуют: Югославия, Румыния, Болгария, Франция, Бельгия. Наконец, осенью 1941 г. Германия должна открыть наступление против Советского Союза. В основу этого разоблачения положены несомненно данные, добытые советской разведкой. Схему никак нельзя, разумеется, понимать буквально: ход событий вносит изменения во все плановые расчеты. Однако, первое звено плана — оккупация Польши осенью 1939 г., подтверждается в эти дни. Весьма вероятно, что и намеченный в плане двухлетний промежуток между разгромом Польши и походом против Советского Союза окажется весьма близким к действительности. В Кремле не могут не понимать этого. Недаром там десятки раз провозглашали: «мир неразделен». Если тем не менее Сталин оказывается интендантом Гитлера, то это значит, что правящая каста уже не способна думать о завтрашнем дне.

Ее формула есть формула всех гибнущих режимов: «после нас хоть потоп».

Пытаться сейчас предсказать ход войны и судьбу отдельных ее участников, в том числе и тех, которые еще питаются сегодня иллюзорной надеждой остаться в стороне от мировой катастрофы, было бы тщетной задачей. Никому не дано обозреть эту гигантскую арену и бесконечно сложную свалку материальных и моральных сил. Только сама война решает судьбу войны. Одно из величайших отличий нынешней войны от прошлой — это радио. Только сейчас я отдал себе в этом полный отчет, слушая здесь, в Койоакане в предместье мексиканской столицы, речи в берлинском рейхстаге и скупые пока еще сообщения Лондона и Парижа. Благодаря радио, народы сейчас в гораздо меньшей степени, чем в прошлую войну, будут зависеть от тоталитарной информации собственных правительств, и гораздо скорее будут заражаться настроениями других стран. В этой области Кремль уже успел потерпеть большое поражение. Коминтерн, важнейшее орудие Кремля для воздействия на общественное мнение других стран, явился на самом деле первой жертвой германо-советского пакта. Судьба Польши еще не решена. Но Коминтерн уже труп. Его покидают, с одного конца, патриоты, с другого конца, интернационалисты. Завтра мы услышим, несомненно, по радио голоса вчерашних коммунистических вождей, которые, в интересах своих правительств, будут на всех языках цивилизованного мира, и в том числе на русском языке, разоблачать измену Кремля.

Распад Коминтерна нанесет неисцелимый удар авторитету правящей касты в сознании народных масс самого Советского Союза. Так, политика цинизма, которая должна была, по замыслу, укрепить позиции сталинской олигархии, на самом деле приблизит час ее крушения.

Война сметет многое и многих. Хитростями, уловками, подлогами, изменами никому не удастся уклониться от ее грозного суда. Однако, наша статья была бы в корне ложно понята, если бы она натолкнула на тот вывод, будто в Советском Союзе сметено будет все то новое, что внесла в жизнь человечества

Октябрьская революция. Автор глубоко убежден в противном. Новые формы хозяйства, освободившись от невыносимых оков бюрократии, не только выдержат огненное испытание, но и послужат основой новой культуры, которая, будем надеяться, навсегда покончит с войной.

Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ

«Фронт мира» и Россия

(«Современные записки». 1939. № 69)

Николай Дмитриевич Авксентьев (1878—1943) — юрист, философ. В студенческие годы стал сотрудничать с эсеровскими изданиями, в 1905 г. входил в редакцию газеты «Сын отечества», а в 1907 г. за границей — в редакцию газеты «Знамя труда». Выступал против террора и диктатуры, преследовался как большевиками, так и колчаковцами, которые выслали его осенью 1918 г. С осени 1919 г. жил в Париже, где принял активное участие в основании журнала «Современные записки», призывал к объединению усилий кадетов и эсеров ради возрождения России, выступал на страницах журнала с некрологами и политическими статьями, а также участвовал в организации и редактировании журнала «Русские записки». Примечательно, что его пожелание, или предсказание, союза Советской России и стран западной демократии как условия победы над гитлеризмом оказалось политически прозорливым.

В то время, как пишется эта статья, англо-франко-советские переговоры все еще продолжаются. Как иронически замечает одна английская газета, Чемберлен выпускает уже двенадцатым «изданием» свою формулу англо-советского пакта.

Никогда еще — за все время существования Советской власти — ее международный вес не был так велик. Англия и Фран-

ция, желая во что бы то ни стало заключить соглашение трех, идут на всяческие уступки и изменения своих первоначальных предложений. Германия, стремясь отвлечь Советы от Англии, уверяет их — по слухам, проникшим в газеты — что она совсем и не помышляет больше об Украине и готова поддерживать с Советской властью самые мирные отношения. Гитлер, забыв о том, что он паладин Анти-Коминтерна, в последних своих речах ни словом не упоминает ни о Советах, ни о своем решении идти на них походом. Италия рукоплещет при известии о каждой новой затяжке переговоров между Англией и Советами. Весь мир с напряженным вниманием следит за этими переговорами. А Советы не спешат со своими ответами, требуют новых уточнений. Когда, чтобы ускорить переговоры, англичане и французы просят приехать в Женеву Потемкина, Потемкин, оказывается занятым неотложными делами дома. Когда Ворошилова приглашают и ждут на маневры в Англии, он не может прибыть, ибо у него как раз в это время собственные маневры. Приходится отправлять в Москву специального посланника с особыми полномочиями. Советская Россия прекрасно учитывает свое выгодное положение и использует его.

Несмотря на все наше враждебное отношение к Советской власти, мы не можем не испытывать некоторого национального удовлетворения, когда восстанавливается в глазах Европы мировое значение России, не можем не согласиться и с большинством контр-требований, предъявляемых Советской властью англичанам.

Не надо забывать, что еще года не прошло со времени Мюнхена, где Советская Россия третировалась как *quantité négligeable*⁴¹, куда — к великой радости наших горе-патриотов — Советскую Россию даже не пригласили, где пытались организовать мир без нее и, может быть, за ее счет. Пусть так поступали с нам ненавистной, «не нашей», властью — расплачиваться за это стала бы не эта власть, а Россия. Теперь, наконец, — не без помощи Гитлера, начавшего слишком бесцеремонно создавать для Германии «жизненное пространство» — убедились, что без и вне России европейского, мирового равновесия не создашь.

Не надо забывать также, что «первое издание» пакта, предложенное Чемберленом Советской власти, создавало неравенство условий для двух договаривающихся сторон, оставляло много недоговоренного и порою вызывало опасение, не предназначают ли России роль таскающего для других из огня каштаны. Требование ясных и точных формулировок, требование равенства были при таких обстоятельствах вполне уместны со стороны Советской власти.

Разумеется, требование не заключать сепаратного мира — в случае совместного участия в войне, — со стороны авторов «похабного» мира, сепаратно заключенного в Брест-Литовске, — достаточно цинично. Но, как бы мы ни оценивали моральную физиономию носителей власти, волею судеб представляющей ныне Россию, для России это требование необходимо.

Несомненны также жизненные интересы России в охране независимости от Германии прибалтийских стран. Германия на днях заключила с некоторыми из них пакт о ненападении. Но мы знаем, как может при случае истолковать этот пакт Гитлер. И если Финляндия, Латвия и Эстония отказались от гарантий трех договаривающихся держав, то никто не сомневается, что отказ этот продиктован только страхом перед Германией, а отнюдь не уверенностью в своем завтрашнем дне. Этот отказ создает затруднения, но не отменяет необходимости для России быть действительно уверенной, что эти страны не станут для германского империализма новой добычей и новым плацдармом для нападения.

Столь же правильны и пожелание Советской власти, чтобы вопрос о реальной взаимной помощи решался нынешней Лигой Наций, и ее настояния на возможно большем уточнении форм и размеров этой помощи. Правильны — не в интересах этой власти, а в интересах России.

Можно было бы, таким образом, вполне одобрить теперешнюю дипломатическую акцию Советской власти, если бы только не отсутствие уверенности в истинных намерениях этой власти. Хочет ли она действительно пакта трех и своими требованиями стремится лишь в наибольшей степени обеспечить ин-

тересы страны? Или за требованиями, предъявленными теперь, последуют новые, и на самом деле все эти длительные переговоры ведутся только для того, чтобы сделать невозможным соглашение, свалив затем вину за неудачу на головы Англии и Франции? Стремятся ли в Москве действительно обеспечить мир и защитить Россию и Европу от покушения «агрессора», или готовы толкнуть западно-европейские державы на войну, пытаясь разыграть при этом роль «третьего радующегося» и мечтая, при благоприятных условиях, «раздуть мировой пожар», пожертвовав для этой цели и Россией, и самыми жизненными ее интересами?

Многие из этих сомнений разрешит ближайшее будущее. Утверждать, что Советская власть никоим образом и никогда не может действовать в интересах России, было бы близоруко: как бы ни была чужда стране и ненавистна народу власть, она ради собственного самосохранения, в силу объективной необходимости иногда бывает вынуждена так действовать. Но рискованно было бы утверждать для данного случая и обратное, так как интересы страны и народа никогда не были прямой задачей Советской власти.

В русских антисоветских кругах пакт Англии–Франции и Советской России не встречает одинаковой оценки.

Мы не говорим о тех, кто раз навсегда заменил понятие отечества понятием вотчины и, мечтая о «реституциях», готов пойти на поводу у каждого, от кого надеется этих реституций добиться. Или о тех, кто — по корыстным или бескорыстным побуждениям — до хрипоты возглашают осанну Гитлеру и Муссолини и уверяют своих наивных сторонников в том, что Гитлер — идеалист, стремящийся спасти Россию и мир от «дьявольской» власти большевиков, не добиваясь для германского империализма никакой «интересной прибыли». Разбирать их взгляды нельзя по той простой причине, что здесь взгляды заменены в лучшем случае аппетитами и зоологической ненавистью.

Однако и в кругах подлинной антисоветской общественности, болеющих остро за судьбу России и понимающих, что освобождение ее должно быть делом ее самой, настроения далеко не

единодушны. Это понятно: слишком сложно положение, слишком много неизвестных, слишком много недоверия к Советской власти, ее планам и намерениям. Но, как ни трудно порою разобраться в противоречащих друг другу положениях, это не устраняет необходимости все же найти ответ.

Какое значение имеет тот или иной ответ в устах эмиграции? — спрашивают одни. Каков бы он ни был, объективной значимости он не имеет, влияния никакого и ни на кого оказать не может. Наше дело — анализировать положение, уяснить его себе и другим и этим ограничиться.

Нет сомнения, что ни мнения, ни решения эмиграции никакой реальной силы иметь не могут. Что бы она ни говорила, события пойдут своим чередом. Но у эмиграции не только остались глаза, чтобы плакать, но и голова и сердце, чтобы думать и желать. Думать о тех путях, которыми может пойти Россия и желать максимально возможного при данных условиях торжества ее интересов. Этим всегда жила эмиграция — не может она не жить этим в особенности теперь, когда решается, быть может, судьба нашей страны.

Но, говорят другие, «комбинация Гитлер — Сталин, как и Чемберлен — Даладьё — Сталин одинаково чужды интересам национальной России»*. И это говорят люди, которые понимают, что «спор между двумя блоками вовсе не «чужд» для нас, так как от исхода его зависят и судьбы России, причем, «победа германизма была бы для нее жестоким ударом». Однако дело меняется, как только ставится вопрос о привлечении в тот или иной блок Советской России.

Разве Россия, в каком бы внешнем облики она ни являлась ныне, не остается для нас все же Россией? И если победа Германии нанесет ей жестокий удар (с чем мы совершенно согласны), разве возможно не желать, чтобы в союзе с нею были такие силы, которые отвели бы этот удар? Разве не необходимо создание такой международной обстановки, при которой Россия — в своей возможной борьбе с Германией — была бы не по-

* Письмо в редакцию А.И. Деникина. «Посл. Нов.». № 6642.

кинута Европой, а активно поддержана ею? Если победа Германии — жестокий удар для России, то и союз Гитлер — Сталин, т.е. отдание России в эксплуатацию Германии без войны, тоже удар для нее. Стало быть, единственно желателен союз с Англией и Францией. О разумеется, мы все хотели бы, чтобы власть, представляющая Россию, была «национальной», т.е. действительно и несомненно преследовала бы осуществление интересов России, служила бы только им. И не только «национальной», но и народной — пользующейся доверием народа, с ним связанной, им созданной, демократической. Но нельзя принимать «желаемое и ожидаемое за настоящее». Такой России пока нет, и мы не знаем, когда будет, а великая угроза нависла над ней сейчас, в ее теперешнем положении. И мы не понимаем, как можно этой — пусть захваченной большевиками — но реальной России противопоставлять пока лишь мыслимую, «национальную», интересам которой чужды «комбинации», которые могут или помочь русскому народу, или нанести ему жестокий удар.

Россия вовсе не стоит перед дилеммой: примкнуть или к одному блоку или к другому, говорят некоторые. Есть третий выход — нейтралитет. «Государственный интерес России в ее теперешней ситуации соответствует умеренно (?) изоляционистской и глубоко мирной внешней политике. Россия пережила слишком много испытаний, чтобы ввязываться в новую войну. Россия заслужила право эгоистически заняться своими внутренними делами, так как она слишком много занималась последние два столетия делами посторонними. Нужно сделать все, чтобы не вовлекать Россию в войну и не лить более русской крови»*.

Именно для того, чтобы возможно больше оградить Россию от войны, и нужен, по нашему мнению, не нейтралитет, а пакт с Англией и Францией. Если Англия, Франция и группирующиеся вокруг них страны в чем-нибудь кровно заинтересованы, то только в одном: в сохранении мира. И лишь Гитлер и Муссолини твердят — для внутреннего употребления — о стремлении

* Н.Н. Алексеев. «Новая Россия». № 68.

этих стран «окружить» их. Война не только субъективно отвергается народами этих стран, как величайшее бедствие, — война и объективно не нужна им. У них нет домогательств, которые можно разрешить только войной: они — «удовлетворенные» страны. Война может угрожать только с одной стороны — со стороны германо-итальянского блока. Там культивируется ее пафос, там проповедуется воинствующий «динамизм». Единственный шанс остановить надвигающуюся катастрофу — в создании максимальной угрозы тем, кто попытается открыть современный ящик Пандоры со всеми его ужасами и несчастьями, т.е. в образовании — в противовес агрессивному блоку — наиболее мощного блока защиты. Присоединение России к этому «фронту мира» увеличит в какой-то мере его силу и, следовательно, поможет ей — насколько это объективно возможно — не быть вовлеченной в войну.

Наоборот, изоляция России, хотя бы и «умеренная», увеличит шансы войны, ослабив фронт мира и тем придав силы фронту войны. Но если столкновение великих держав произойдет, оно быстро приобретет мировой характер. Россия все равно рано или поздно будет вовлечена в конфликт, и русская кровь все равно прольется. Ведь *mutatis mutandis*⁴² пред великой войной 1914 года германский «динамизм» был в значительной степени развязан потому, что ему во время не был противопоставлен со всею решительностью блок мира. Если бы Англия не играла тогда так долго в «умеренный изоляционизм», если бы заранее было известно, что она активно будет выступать на стороне Франции, — Германия на войну, быть может, и не решилась бы.

Изоляционистская политика России в настоящий момент, не только облегчит возможность войны. Она чревата и иными — весьма тяжкими — последствиями для самой России. Если война все же вспыхнет между англо-французскими и германо-итальянскими блоками и если перевес окажется на стороне тоталитарных государств и они выйдут победителями из этой борьбы, тогда Россия окажется совершенно одинокой перед упоенной только что одержанной победой Германией и ее союзницей Япо-

нией. Тогда встанет вопрос о самом существовании России: изолированная, без союзников, без мирового сочувствия, она станет добычей искателей «жизненных пространств».

Впрочем, может быть и другое. Если Россия совершенно определенно пойдет к изоляционизму, если англо-французы окончательно утратят надежду на союз с нею, у них могут возникнуть сомнения, не будет ли она в дальнейшем играть двойную игру. Риску войны и поражения они могут предпочесть поиски «жизненного пространства» для немцев на востоке. Уж если нужен компромисс с Германией, не лучше ли попробовать заключить его за счет восточного ее соседа? Пусть Германия займется Украиной: «осваивать» ее придется долго. Это даст новый выигрыш времени и новую возможность еще более вооружиться. Свидетелями таких настроений мы не так давно были здесь. Не так давно были и мюнхенские разговоры, на которых Россия отсутствовала, и предложения Гитлера о двадцатипятилетней гарантии мира на западе ценой развязанных рук на востоке. Недавно мы читали в газетах о выступлениях Галифакса и Чемберлена опять с какими-то туманными авансами Германии, весьма взволновавшими французскую прессу и часть английской. Быть может, это первое предостережение Советской России и реакция на ее медлительность?

Сторонники изоляционизма говорят о праве России на «эгоизм». Разумеется, каждая страна имеет право (даже и «заслуживать» его не надо — оно естественно) на «эгоизм», иными словами, каждая страна прежде всего должна действовать, соображаясь со своими жизненными интересами. Но Россия давно — и вовсе не по романтическим побуждениям, а именно во имя своих интересов — «вошла» в Европу и «изолироваться» от нее не может. После тяжелых разочарований послевоенного времени, вызванных поведением бывших союзников России, психологически понятно наше чувство большой горечи по отношению к ним. Психологически понятно, поэтому, и подчеркивание законности «эгоизма», законности права на то, чтобы «замкнуться на себе». Но нельзя делать политических выводов, руководствуясь эмоциями. Россия поступит совершен-

но правильно, если в европейском концерте будет настойчиво защищать и гарантировать свои интересы. Она — существенно европейская держава. Политическое «евразийство» ей не дано, «уходить» из Европы ей некуда.

Против союза Англия–Франция–Россия делаются возражения и другого порядка: Россия никакой силы этому союзу не прибавит — она слишком хозяйственно дезорганизована; армия не оборудована технически, лишена хорошего командного состава, деморализована репрессивными мерами правительства. Более того, — вступление России в союз с англо-французским блоком рискует только ослабить его, ибо может лишить блок его восточных союзников, боящихся Советской России.

Должны сознаться, что мы ничего не знаем о действительном военном потенциале красной армии, не имеем никакого точного представления о ее боеспособности, как, впрочем, и те, кто категорически ставит свои прогнозы, опираясь якобы на «неоспоримые данные». Неоспоримых данных нет ни у кого из нас: есть разнообразные сведения и рассказы, часто весьма различающиеся друг от друга.

Однако если бы красная армия была только «блефом» и Советская Россия действительно была бы совершенно бессильна, было бы непонятно, почему все так заинтересованы в том, чтобы иметь ее на своей стороне. Пусть англичане и французы очень мало осведомлены и заблуждаются насчет истинной силы красной армии и поэтому так хотят получить Советскую Россию в качестве союзницы. Но немцы и итальянцы (а первые-то наверное о красной армии имеют совершенно точные сведения) тоже весьма заинтересованы в России: они прилагают все усилия к тому, чтобы, если не завлечь ее в свой лагерь, то по крайней мере добиться ее нейтралитета. Очевидно, сводить русскую силу — даже в ее теперешнем состоянии — к нулю было бы неправильно.

Даже если расценивать эту силу не высоко, к чему склонны и мы на основании общего представления о состоянии теперешней России, то и тогда союз России с Англией и Францией не безразличен при учете соотношения сил. Дело не только в ар-

мии, но и в том сырье, резервуаром которого является Россия и которого так недостает германо-итальянскому блоку уже теперь и будет катастрофически не хватать во время войны. Рынок России — союзницы Англии и Франции — будет закрыт для Германии и открыт для восточных союзников англо-французского блока. Не учитывать этого в будущей затяжной борьбе — невозможно. Ради этого одного понятны те усилия, которые делаются демократическими державами, чтобы привлечь Советскую Россию на свою сторону.

А каких действительных или возможных союзников на востоке теряют англичане и французы благодаря союзу с Советами? Турция, как сообщалось одно время, ставила заключение своего союза с Англией в зависимость от заключения англо-русского пакта. Во всяком случае, она желает и приветствует его. Польша и Румыния заявили о своем согласии на него. Остаются Венгрия, Югославия, Болгария. Но отношение этих стран к англо-французскому блоку диктуется, конечно, не той или иной позицией Советов, а или их симпатиями к Германии (как у Венгрии), или страхом перед ней.

Некоторые из противников англо-франко-русского пакта возражают против него с точки зрения защиты демократии. Англия и Франция, говорят они, в борьбе с германско-итальянской «осью» подчеркивают необходимость защиты свободы и демократии и в то же время в качестве союзника привлекают злейшего врага и демократии, и свободы, представителя наиболее, быть может, жестокого из всех существующих тоталитарных режимов. Какой чудовищный парадокс, какая профанация идей свободы и демократии!

Франция и Англия в основу своей международной политики, как они это много раз заявляли, кладут в настоящее время совсем не борьбу идеологических блоков. Их основная цель — сохранение мира, создание барьера против новых захватов «агрессоров». Для осуществления этой цели они пытаются объединить наибольшее количество государств, совершенно не руководствуясь соображениями о том, какой режим существует в той или иной стране. Им важно прежде всего оздоровить меж-

дународную атмосферу, отравленную в настоящий момент, с одной стороны, стремлением к насилию над слабейшими, а с другой – паническим страхом перед силой, не считающейся ни с чем. На этом основании привлекли они в свою орбиту и Польшу, и Румынию, и Турцию, режимы которых, конечно, нельзя поставить наравне с советским, но которые тоже весьма далеки от демократии. На этом же основании они пытаются привлечь и Советскую Россию. Это – во-первых. А во-вторых, даже с точки зрения борьбы за демократию, союз Англии и Франции с Советской Россией, Польшей, Турцией и т.д. при ближайшем рассмотрении не так уже парадоксален. Пока Англия и Франция – две великие европейские демократии – продолжают играть прежнюю роль, тот особый, европейский климат свободы и уважения к человеческой личности, который дорог нам, как демократам и европейцам, продолжает существовать, каковы бы ни были потери и поражения демократии в целом ряде стран. Ныне из великих европейских стран только эти две «ручатся» за Европу и ее культуру. Сохранение их значения и влияния – не в силу какого-то специфического англо- или франкофильства, а во имя охраны человека и человечности – неизмеримо важно. Победа Германии и Италии в той международной кровавой схватке, которая, может быть, предстоит Европе, означает гибель дорогой нам европейской культуры, уничтожение – полное и повсеместное – свободы и прав человека, распространение на всю Европу единой тоталитарной системы удушения. Наоборот, победа Англии и Франции – в союзе с кем бы то ни было – есть сохранение духовного достояния не одних только этих стран, но европейского человечества вообще.

Говорят и другое: Советская Россия, союзница западно-европейских демократий, – Троянский конь в их крепости. Проникнув сюда под личиной друга, она поведет здесь свою обычную политику разложения и взрывания изнутри, она внедрится сюда со своими агентами ГПУ, со своими методами действия. Пример перед глазами: «помощь» Советской России республиканской Испании, главным образом и приведшая к гибели республиканского фронта.

Мы отнюдь не закрываем глаза на опасности, которые могут принести с собою «данайцы». Мы совсем не хотим изображать тройственный пакт как некую идиллию. Мы не прониклись доверием к Советской власти. Уже выше говорили мы, что даже теперь трудно сказать, какие цели в действительности она преследует. За всем тем, однако, Франция и Англия — не Испания. В Испании шла гражданская война; правительство было дезорганизовано и слабо; отдельные слои населения, враждебные Франко, враждовали часто и между собою. В этой привычной для них сфере внутренней междоусобицы представители Советской власти плавали, как рыба в воде. Там они легко могли заводить свои ГПУ и практиковать свои методы. Совсем другую обстановку и другое умонастроение они найдут здесь. Эту сторону советской «помощи» здесь хорошо знают и имеют достаточно силы ее парировать. Но если опасность и есть, чего мы не отрицаем, то это все же лишь возможная опасность, тогда как нападение тоталитарных держав «оси» — опасностью действительная и несомненная. Советские «деятели» могут нести с собою опасность разложения. Но не большей ли опасностью грозит поражение? Что произойдет во Франции, а, может быть, и в Англии в случае победы германо-итальянского блока? Какие стихии могут тогда разыгаться здесь? Кроме того, эта опасность, которой может грозить союз с Советской Россией, возникнет лишь в случае войны. Но союз этот, усиливая мощь мирных стран, может прежде всего предотвратить самое возникновение войны.

Наконец, последнее возражение — самое тяжкое. Вы здесь, говорят сторонникам англо-советского пакта, сидя в относительном европейском уюте, далекие от современной российской действительности, «желаете» англо-франко-советского союза, который, как вы надеетесь, предотвратит войну, но может и вовлечь Россию в мировую схватку. И в этой схватке вы «желаете», чтобы Советская Россия оказалась в конце концов в стане победителей. А там, в России, народ, если и думает о войне, то только, как о средстве избавиться от ненавистной власти, и го-

тов идти на какое угодно поражение, отдаться кому угодно, лишь, бы уйти из-под власти Сталина и его «аппарата».

Мы не можем отрицать, что из России доходят сведения, которые говорят о таких настроениях. Нередко приходится слышать, что внутреннее пораженчество не выдумка, а трагическая действительность. Однако и здесь мы должны сделать поправку на наше незнание подлинного настроения населения России. Но даже если бы это было и так, мы все же не можем во имя России и ее интересов думать иначе, чем думаем.

Мы хотим прежде всего мира — мира достойного, мира свободных людей, а не рабов. Но если несмотря на все усилия мирных держав, война все же вспыхнет, мы хотим, чтобы Россия не была разбита. Но не может ли это временно укрепить Советскую власть, отдалить часть ее падения и тем увеличить страдания населения? Мы думаем иначе: народ, ощутивший свою силу в борьбе с внешним врагом, более способен к борьбе за свои права и внутри страны, чем народ, деморализованный поражением. Однако мы должны признать, что возможно и первое предположение. Но и при этом предположении иначе ответить не можем. Ибо власть — преходяща и случайна, как бы мучительно долго не казался ее век тем, кто терпит ее жестокости, — сама же Россия для нас в своей самоценности не преходяща.

Никто, конечно, не смеет бросить и тени упрека тем, кого страдания, нами не пережитые, привели к такому безвыходному, «пораженческому» душевному состоянию. Но аргументом, в политическом споре эти страдания служить не могут. Для нас ясно, что в этом случае люди, уходя в ужасе от огня, бросаются в полымя. Бессильные сбросить с себя невыносимое ярмо Советской власти, они ждут «освобождения» от немецких, японских и т.д. завоевателей. Но победа этих завоевателей принесет лишь горшее рабство, ибо с Россией они поступят так же, как поступают ныне с Чехией. Если бы население России в большинстве действительно было настроено пораженчески, это было бы самоубийством России, добровольным согласием ее на расчленение, распад.

Но мы уверены, что, каково бы ни было ныне настроение тех или иных слоев населения, в трагическую минуту, когда станет вопрос о самом существовании России, исторический разум народа победит, он найдет верный путь, — путь не государственной гибели, а спасения.

Этот путь, по которому Россия должна пойти, по нашему глубокому убеждению, рука об руку с Англией и Францией, будет и путем мира, демократии и подлинной Европы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В годы нашествия. 1941–1945

После заключенного в Мюнхене в сентябре 1938 г. соглашения между Н. Чемберленом, Э. Даладье и А. Гитлером началось расчленение Чехословакии и ее оккупация Германией. В сентябре 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу и захватила ее. Летом 1940 г. гитлеровцы оккупировали Париж, а в следующем году — Югославию. Русские газеты и журналы закрывались, за исключением тех, которые заняли прогитлеровскую позицию. В Берлине это случилось сразу после прихода фашистов к власти. Многие русские публицисты были арестованы или жили под надзором политической полиции. Оппозиционная пресса могла быть только нелегальной. Значительная часть журналистов уехала в США, Нью-Йорк стал крупным центром Русского зарубежья в годы войны.

М.А. ОСОРГИН

Люди земли

(«Новое русское слово». 1941. 1 сентября)

Михаил Андреевич Осоргин (наст. фам. Ильин; 1878–1942) — прозаик, публицист, журналист. В периодике — с 1895 года. В 1908–1913 гг. эмигрировал впервые; это время активной журналистской деятельности. Из Италии он шлет очерки и статьи в «Вестник Европы» и «Русские ведомости». В 1918 г. — один из организаторов Всероссийского союза журналистов. В ноябре 1921 г. редактировал бюллетень «Помощь». В 1922-м был выслан. Поселился в Париже, печатался в основном в эсеровской газете «Дни» (до разрыва с А.Ф. Керенским в 1927 г.) и в «Последних новостях»,

выступал в разных жанрах: статья, фельетон, некролог, эссе, мемуарный очерк. Был склонен создавать циклы, печатавшиеся в течении нескольких месяцев или даже лет. После оккупации Парижа бежал в Шабри на юге Франции и два года до своей смерти в ноябре 1942-го вел циклы «Письма из Франции» и «Письма о незначительном», отправляя их друзьям в Нью-Йорк.

«Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1910 — издание продолжается) — ежедневная газета. Ее редактором был близкий к эсерам М.Е. Вейнбаум, сотрудник газеты «Русское слово» в годы первой мировой войны. «Люди земли» — из цикла «Письма о незначительном». Все они принизаны тревогой о России и человечестве, верой в победу, чувство родины и общечеловеческие ценности.

Мы живем в необычайной путанице противоречий. Я не поверю человеку, который скажет, что его отношение к происходящему в мире или хотя бы в земле его отцов ясно и бесспорно; такой человек внушил бы мне страх отсутствием в нем... человеческого. Фанатик, партиец, кретин, себялюбец, раб, линованный мозг, автомат, святой, блаженный, но не мыслящая личность. Чтобы не оскорбить его приложением одного из таких эпитетов, я предпочту ему не поверить; он настолько запутался в противоречиях, что уже не может шевелиться; он успокоился, он мертв. Живой человек до последней крайности бьется в сети вопросов, большинство которых логически безответны; только чувство, логике не подчиненное, может указывать выход из страшного лабиринта, в который заводит нас мысль.

Довольно одного примера. Всякому культурному (не «цивилизованному» только, а культурному, развившему в себе до известной высоты качества, отличающие человека от других животных), — всякому такому человеку не может не быть отвратительным насилие и убийство. Заповедь «не убий» не только религиозный догмат, а ступень развития. И вот, искренне и глубоко приняв эту заповедь, отрицая войну всеми силами души, мы в то же время в подсознании радуемся военным победам нашей

стороны, желаем кровавых поражений стороне враждебной. Чужая бомба — варварство, своя — сладкая музыка. Люди доходят до того, что готовы приветствовать эту «свою» бомбу даже тогда, когда она может обрушиться на их собственную голову. В Париже, в Осло, в других завоеванных, униженных, ограбленных европейских городах население приветствует налет английских аэропланов, — и это не пустые рассказы, это подтвержденная правда: при звуках сирены ликующе выходят на улицу в радостном оживлении, смотрят приветственно, машут платками. В своем так называемом нормальном сознании я не вижу большой разницы между немцем и русским: оба люди, оба человеки, хотя бы раса германская в моем беспристрастном суждении была гораздо грубее, животнее, ниже славянской; все-таки немец для меня — тоже человек, то есть, способен им быть или стать, так что не сравнительная оценка вызывает во мне отталкивание, а нечто иное, логикой не оправдываемое, объяснимое только состоянием моего чувства и все-таки законное. Это, скажем, понятно, естественно, даже если человечески не справедливо, — законность и справедливость не одно и то же. В особенности это понятно в данный момент высокого развития германской цивилизации и последнего краха ее духовной культуры; притом в момент, когда мы — враги. Но как быть мне с Россией, с СССР? Я страстно желаю ей победы, желаю без всяких расчетов и умствований: это — земля моих отцов, моя земля, которая дважды вышвыривала меня из своих пределов за эту самую страстную к ней сыновнюю привязанность, за желание ее народам блага, как я это благо понимал и продолжаю понимать. Сказать, что я ее прощаю, было бы великим к ней неуважением; то же и к себе. Я не забыл и не забуду, прощать не хочу и не умею. Я создаю себе уверенность (или иллюзию), что меня (пишу «я», «меня», но говорю не о себе одном) обидела не земля, изгнал не народ, а накипь на народе, сначала власть царская, затем преобразование ее в диктатуру фанатиков, практиков и исповедников того же государственного насилия в несколько иной внешней форме. Я не им приписываю «социальные завоевания», которых не отрицаю, но которые теряют всякое значение и смысл, пока личность человека и гражд-

данина в цепях и раздавлена, пока не она — хозяйин своей земли. Поскольку в России, наводненной врагами, происходит борьба культур и народов, моя позиция, позиция русского человека, проста и понятна; но там идет борьба двух политических идей, двух деспотизмов равного качества. Оба лживы и гибельны, обоим я не могу не желать поражения. Не социальным системам, которые я, конечно, не смешиваю, а политическим, между которыми различия почти нет; им обоим я одинаково хочу гибели, полного крушения; настолько одинаково, что даже не знаю, который из них «враг номер первый». А между тем поражение одного может стать окончательным торжеством другого.

Логически моя позиция противоречива. Логика говорит: пусть оба задохнутся в смертельных объятиях. Но чувство делает поправку: пусть мой народ задавит и изгонит врага из моей земли. А дальше? Дальше область ни на какой логике не основанных мечтаний и надежд: мечтаний о чуде, надежд на пробуждение, на освобождение от политического рабства, возможно, силой того же оружия, обращенного внутрь. Не социальная реставрация, — такого безумия ни мысль, ни чувство не допускают, да, к счастью, оно и немислимо. Но и не только смена людей у власти, — что толку в дворцовых переворотах! Но что же? Мысль путается в противоречиях, чувство упрямо настаивает. Другие знают лучше? Их счастье, но я им не завидую: я их боюсь!

Исповедь странная, но я уверен, что в тисках тех же противоречий бьются мысль и чувство многих русских, и не только за рубежом. Мы отмахиваемся от назойливых вопросов: своеобразное «подожди, сейчас слово принадлежит оружию». Но такая солдатская психология не спасет, и не всякий способен на ней успокоиться; да и не успокоение жаждет, а взыскуется ответ; без этого невозможно жить. Мне он мерещится, но неясно видится, в том, что мы — люди своей земли, и эта земля останется как вечное, в то время, как временное — политический строй, люди у власти, наши собственные обиды и горести, — все это минует, все это, по существу, значительно только в пределах моей личной жизни, моих переживаний, но и тут уступает напору нелогических чувств, о природе которых мы так мало знаем; можем

называть их голосом крови, патриотизмом, не в названии дело, и даже не в точном их определении. Их сила в их неразумном бытии, их оправдание в факте их существования. По счастью, это не национализм, русский народ не нация, а союз народностей. Гуманизм, лежащий в основе всякой высокой культуры, по природе своей космополитичен; в данном случае он оспаривается чем-то более сильным, непосредственным и живучим. Мне хотелось бы понять это, как чувство земли, — не племени, не государства, и даже сказать «родины» было бы не вполне точно, а земли, не в отвлеченном, а в самом прямом и точном смысле, вот этих комьев чернозема или хотя бы бесплодных песков, лично для меня — лесного простора, омытого большой рекой. Мы оставляем область рассуждений и терминологии и вступаем в прекрасные дебри поэзии, — и именно этого не следует опасаться, это и есть верная выводная тропа! Почтительный поклон логике — и уход в себя, в музыку и живопись чувствований, имеющих свои законы.

Воззвание к непосредственному чувству ни от каких логических противоречий, конечно, не избавляет; нельзя на нем основывать и никакого готового строя идей. Я приводил отрывки исследования французским критиком с немецкой фамилией отрицательных качеств русской души, ее беспочвенности и отсутствия в ней «оси» (*desaxement*). Это верно в том смысле, что она не надета на струганную палочку, как душа современного европейца, выхолощенная внешней цивилизацией, что она по преимуществу иррациональна. Вот от чего не следует отрешиваться! Творчество ума создает изобретения и теории; творчество чувства (фантазия) руководит живой жизнью, которая должна быть художественным произведением; оно рождает идеи. Если бы мы попытались выйти из заколдованного круга противоречий путями того «здорового реализма», который прославлен политикой диктатур (фашизм, нацизм, коммунизм), то неизбежно пришли бы к предательству чувств. Так оно и случилось в части поверженных демократий Европы, случилось, к счастью, не с народами, а с политическими дельцами. Реализм допускает и предписывает в известный момент сдачу незащитимых позиций,

в следующую — помощь врагу; чувство предпочитает сдаче самоуничтожение и смерть. Нас — не только нас — это волнует и очаровывает в образах войны, происходящей в России, войны, которую ведет народ — вопреки «реализму» его правителей. Это можно смело утверждать, помня, что те же правители не усомнились в свое время перед сдачей и сепаратным миром из чисто реалистических соображений, как в совсем недавнее время, по расчету, оказавшемуся ложным, не остановились перед союзом с нынешним врагом, союзом, приведшим к европейской войне и к поражению демократий. Но сейчас в России действительно «отечественная война», как в дни Наполеона, когда то же чувство (Кутузов) победило и подчинило себе расчеты (правительство Александра). И неразумие восторжествовало над здравым смыслом. Мы не знаем, чем окончится нынешняя борьба. Она может кончиться поражением, но народным позором — никогда. Возможна гибель — сдача немыслима, мы это отлично знаем. И примечательно, что на этой «беспочвенности» русской души строят свои последние надежды и те самые «реальные политики», которым ничего не стоит в нужный момент опять переменить фронт без малейшей краски на лице.

В конце концов — имеем же мы право на некоторую влюбленность в свою историю и даже на самовлюбленность; мы не отказываем в этом праве и другим народам! Но в основе, конечно, всепобеждающая любовь к родящей земле, наша преобладающая крестьянственность, деревенскость, огромность зеленых пространств, не загаженных цивилизацией. Вы и в униженной Европе не найдете предательства чувств в деревне — оно исходит из городов и в них остается — в учреждениях, в промышленных кругах, в торговле, в печати. Чем сильнее отрыв от земли, чем больше забиты легкие пылью города и каменным углем, — тем меньше в человеке противоречий рассудка и чувств, тем ему легче сделка с полууснувшей совестью и оправдание некрасивого, порой и просто грязного поведения реальностью политики и «национальными» интересами, хотя бы за счет национальной чести. Люди земли недоразвиты до такой стратегии добродетелей, они не верят, что она может порождать право и правду, — как не

может уродиться добрая пшеница на засоренной чертополохом пашне. И вот с некоторой гордостью думается: мы по преимуществу — люди земли, которых выводит из тысячи противоречий естественная к ней любовь, тем более ценная, чем менее рассудочная.

Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ

Россия в войне

(«Новый журнал». 1942. № 1)

«Новый журнал» (Нью-Йорк, 1942 — издание продолжается). Основан М.А. Алдановым (с 1925 г. он возглавлял литературный отдел в газете «Дни») и М.О. Цетлиным (в 1920—1940 гг. был редактором отдела поэзии в журнале «Современные записки»). Они редактировали совместно первые номера «Нового журнала» и считали его продолжением «Современных записок». Журнал имел подзаголовок «Литературно-политическое издание». В предисловии «От редакционной группы» справедливо утверждалось, что это «единственный русский "толстый" журнал во всем мире вне пределов советской России». Редакторы обещали печатать всех, кроме «сочувствующих национал-социалистам и большевикам», и желали «всей душой России полной победы». Вместе с тем они «не считали себя обязанными замалчивать преступления и ошибки советской власти в прошлом и в настоящем» (Новый журнал. 1942. № 1. С. 3).

Н.Д. Авксентьев (о нем см. часть первую, вступление к его статье «"Фронт мира" и Россия») переехал из Парижа в Нью-Йорк в октябре 1940 г. вместе с другими русскими социал-эмигрантами. Вошел в состав редакции журнала «За свободу», где в июне 1941 г. опубликовал статью «Судьба России», доказывая, что соглашение Сталина с Гитлером не укрепило СССР, а ухудшило

его положение, так как Германия овладела почти всей Европой и отрезала Россию от внешнего мира. Вместе с тем Авксентьев, как и его товарищи, был оборонцем — призывал стать на защиту России, приветствовал США и Великобританию за их помощь своей стране, верил в победу демократии и союза России с демократическими государствами. Эти мысли получили развитие в статье «Россия в войне».

Мысль о России, о том, что происходит сейчас там, неотступно стоит перед каждым из нас. Она подсознательно жива в нас даже когда мы думаем о другом: она является фоном, на котором проходит все остальное.

Только недостаток воображения, неспособность по настоящему переживать совершающееся там, позволяет нам вести нашу обычную, будничную жизнь, думать о маленьких делах каждого дня. Половина Европейской России, где жило семьдесят миллионов, ныне — «сожженная земля». Сметенные с лица земли деревни, полуразрушенные города, где среди развалин бродят уцелевшие жители. Уничтоженные посевы, запасы, фабрики и приведенные в негодность рудники. Миллионы убитых и искалеченных, умерших от голода, лишений и болезней. Миллионы бежавших с этой земли. Легко представить себе их положение, если вспомнить прошлую войну. Тогда была занята сравнительно небольшая часть русской территории. Тогда политики увода населения и «сожжения» земли не существовало. Количество беженцев было не так велико. Наряду с правительственными учреждениями существовал ряд больших и деятельных общественных организаций; работали земства, городские самоуправления, кооперативы и т.д. Но и тогда положение ушедшего с насиженных мест населения было ужасно. Что же происходит теперь? Подошла зима, которой особенно рады живущие вне России иностранцы, ибо она «выморозит» немцев, как будто русские не страдают от нее, не замерзают, не умирают.

Но как ни странно настоящее, еще страшнее будущее, если планы Гитлера осуществляются. Если Россия уцелеет, у великого народа найдутся творческие силы залечить раны, как бы глубоки

они ни были. Придет время, и «новая жизнь зацветет в развалинах». Но если победит гитлеровская Германия? Война ведется не из-за клочка земли, на котором не будет даже места, чтобы похоронить всех убитых, как говорит Гамлет. Гитлер пытался изобразить это нашествие на Россию, как «крестовый поход» против большевизма и коммунизма, и призывал к этому «святому делу» всех. Но эта дымовая завеса, которая обманула только тех, кто заранее хотел быть обманутым. Истинная его цель — разрушить, уничтожить Россию на века, обратить ее отчасти в «жизненное пространство» для немцев — давняя мечта всех немецких завоевателей, — отчасти в рабскую колонию.

Эта цель совершенно ясно была сформулирована Гитлером еще в «Моей борьбе». Теперь бывший конфидент Гитлера Раушинг, подтверждает это в своей статье в «Times». «Не победа над Англией, — говорит он. — важна Гитлеру: основная цель войны — включение России в состав Рейха, покорение ее». Ради этого все способы хороши. «Я надеюсь, — сказал Гитлер в своей речи в мюнхенской пивной, где собирались когда-то его первые соратники, — что в ближайшем будущем мы сможем принять некоторые меры, которыми мы медленно, шаг за шагом, но наверняка, задушим Россию». Это удушение и захват России до Волги «Hamburger Fremdenblatt» называет «нашей восточной миссией». Гитлер тоже говорит об этой «миссии»: «Наша миссия состоит в том, чтобы помешать русской степи раскинуться на Европу». Немецкий завоеватель мечтает о том, чтобы Германия «раскинулась» на Россию. Он поставил себе целью уничтожение не только государства Российского, но и русского народа: «Мы обязаны, — сказал он Раушингу, — сделать все, чтобы русская земля обезлюдела. Надо будет выработать технику этого. Природа жестока, — мы тоже имеем право быть жестокими. В момент, когда я брошу в ураган войны цвет германизма, кто может оспаривать мое право уничтожить миллионы людей низших рас, которые размножаются, как насекомые? Впрочем, я их не уничтожу, — я систематически сделаю невозможным размножение: например, отделением на ряд лет мужчин от женщин. Есть еще много иных способов систематически сокращать размножение нежелательных народов».

Это кажется бредом помешанного.

Но не надо забывать, что этот буйный помешанный ныне — повелитель Европы. Что за ним послушно идут восемь—десять миллионов немцев. Тот же «Hamburger Fremdenblatt», предвкусывая заранее полное осуществление «миссии», вычисляет, сколько погибнет русских и без тех мер, которые собирается принять Гитлер. Немецкие «пессимисты», по его словам, полагают, что на «сожженной земле» должны вымереть «естественно», — от голода и болезней — до десяти миллионов, и даже тридцать!

Этот бред осуществляется на наших глазах в Польше, ставшей «Восточной провинцией» Германии. Там — под всякими предложениями и без предлогов — идет систематическое уничтожение польского населения — в особенности польской интеллигенции⁴³. Для вернейшего удушения национальной культуры стремятся уничтожить прежде всего мозг страны, ту силу, которая оформляла национальное самосознание, хранила и оберегала национальную традицию. Чтобы подавить надолго, если не навсегда, самую возможность возрождения этой культуры, «низшую», славянскую, расу лишают образования: только элементарные школы разрешены для нее: только грамотой и четырьмя правилами арифметики должны быть ограничены ее знания. Для управляемых рабов этого достаточно. Университетское образование — привилегия расы господ.

Россию ждет та же участь, — если не худшая: заявил же Гитлер, что «русские — скоты», занятая немцами часть России вместе с окраинными государствами — Украина, Белоруссия с Прибалтикой — ныне уже не Россия, а Остляндия. К этой Остляндии — Восточной области — будут присоединены, по мере завоевания, новые русские земли. Во главе ее поставлен теоретик нацизма, вдохновитель Гитлера и ненавистник России и славянства — прибалтийский немец Розенберг. Его ближайшие помощники — нацистские деятели с полууголовным прошлым: Кох, Кобе и Лозе⁴⁴. Тяжко даже подумать, что ждет нашу родину, если эти люди будут иметь время до конца осуществить свою программу. А если они останутся, они ее осуществят — «медленно, но наверняка». Они пунктуальны и систематичны даже в своем бездушии и жестокости.

Русский народ инстинктом почувствовал грозящую опасность и стал на защиту родины. В исключительно тяжелых условиях, один на один на Европейском континенте с сильнейшей в мире военной машиной, русская армия уже шестой месяц ведет героическую борьбу. Пять месяцев упорных, кровопролитных боев, пять месяцев отступления не сломили ее духа. Русская армия своей доблестью завоевала уважение всего мира.

Странно только, что для некоторых эта доблесть русского солдата как будто неожиданна. Во всяком случае для нее подыскивают какие-то специальные объяснения. Одни говорят, что все граждане Советского Союза идут на фронт с решительностью бороться до победы, так как хотят защищать, «пусть еще недостаточные и недостаточно еще реализованные, но несомненные и громадные революционные достижения». Для других все объясняется террором, царящим в России и в армии: солдат «гонят на убой». Каждый дает объяснение сообразно со своим подходом к современной России. Но разве не проще объяснить это естественным чувством патриотизма, любви к своей родине?

Разве такое поведение русского солдата ново? Разве не таково оно было всегда на протяжении всей русской истории? Вспомним Отечественную войну. Иностранцы охотно объясняют победы русской армии «генералом Морозом». Но им нельзя объяснить ни упорного сопротивления русских, ни их мужества. А Севастопольская кампания⁴⁵, когда после одиннадцатимесячной осады и неослабевающего сопротивления остатки русской армии не хотели покидать крепость, которую приказано было сдать? Солдаты плакали, уходя из Севастополя. Всем известно, в каких условиях приходилось бороться русской армии в прошлую войну. На ураганный огонь немецкой артиллерии часто почти нечем было отвечать, ибо на пушку бывало только по два снаряда. Солдатам иногда не хватало даже винтовок: подошедшие резервы ждали, когда можно будет воспользоваться оружием товарищей, убитых в передовых окопах. Сопротивление — во время которого было немало блестящих побед — длилось более трех лет, пока армия была не сломлена, а разложена большевистской пропагандой. Всегда — в удаче и неудаче — русский сол-

дат оставался все тем же: простым, спокойным и мужественным. Генерал Скобелев, знаток русского солдата, дал ему такую любовно-шуточную характеристику. В других армиях, — говорит он, — уже после двух–трех поражений падает дух. «А у нас этого бояться нечего: почешется солдат, покачает головой; ишь ты, скажет, такой-сякой, как ловко вздул! Ну де ладно, поколотим и мы».

Сотрудник «Р.М.», Ингерсол, правильно определил настроения армии и народа в России: «Падет ли Россия?» — спрашивает он, — «Не думаю. Во всяком случае не так, как пала Франция». Каково бы ни было будущее, уже теперь русский народ и русская армия имеют право сказать о себе то, что слышала Дороти Томпсон от одного «очень большого» англичанина: «Нельзя ручаться, что мы победим. Но если мы и погибнем, то погибнем теперь так, как подобает великому народу, а не падем жалкими жертвами собственной апатии. Если мы погибнем, мы оставим теперь по себе память. Да, о нас будут вспоминать! И, может быть, через века, если этот мир будет разрушен, новый будет построен потому, что народ будет вспоминать о нас».

Мы поневоле бессильны ныне принять действительное участие в борьбе России на жизнь и смерть. Мы можем только преклоняться пред мужеством нашего народа и его армии. Мы всеми помыслами с ними. Защита России, уничтожение нацизма, для нас основной постулат. Интересам обороны подчиняем мы все наши действия. Мы с радостью видим, что таково же настроение большинства русских граждан и выходцев из России здесь, в Америке. У всех них одно желание, — помочь, как могут, борющемуся народу русскому. Исключением являются только незначительные группы: одни просто предали родину за тридцать серебряников и празднуют теперь — по случаю вторжения наци в Россию — «Советскую Пасху», а другие — по неразумению — затмили свою любовь к родине ненавистью к большевикам.

Русский народ и его армия выполняют до конца свой долг перед родиной. Но не все зависит от армии и народа. Основным и определяющим является поведение правительства: политика гражданских и военных руководителей. Подготовили ли они

страну к тяжкому испытанию? Каково теперь их поведение? Ведь, несмотря на доблесть армии и жертвенность населения, враг занял половину Европейской России и стоит у ворот Москвы. Где причина этого? Кто в этом виноват? И есть ли виноватые? Некоторые говорят, что теперь не надо об этом говорить, что это может повредить обороне. Если мы стоим за оборону во всяком случае, если мы утверждаем примат обороны, надо оставить критику правительства, каково бы ни было к нему ныне отношение. Надо сосредоточить мысль и все усилия только на обороне.

Со всей решительностью мы против этой позиции. Мы глубоко согласны с американским журналистом, сказавшим именно по этому поводу: «Мы победим в союзе с правдой или совсем не победим». Умолчание одних дает возможность другим переходить к оправданию, или, во всяком случае, обелению режима. А это только на руку противникам помощи России вообще. Пример — недавняя полемика по поводу свободы веры в России. Наоборот, мы должны внушать всем, что Россия и режим, царящий в ней, не могут быть отождествлены. Что теперь поставлен вопрос не о режиме и его спасении, а о России и уничтожении нацистской опасности. Каков бы ни был режим и его преступления, помощь нашей стране обязательна во имя России, во имя защиты мира от нового варварства.

Сталин и его окружение, по его собственным словам, двадцать лет готовились к отпору врагу. Во имя справедливости мы должны признать, что в области подготовки армии и технического ее оборудования было сделано очень много: население морили голодом, но создавали новые фабрики и заводы для производства оружия. На армию не скупилась, она была снабжена всем необходимым. Большевицкие руководители самонадеянно заявляли, что они сильны и не допустят врага на русскую землю, а будут биться на его территории.

Но даже хорошая армия может быть победоносной только под руководством талантливых и опытных вождей. Но почти накануне войны много выдающихся офицеров во главе с Тухачевским, Якиром и др. — были убиты по приказу Сталина. Их

обвинили в связи с немецким генеральным штабом и шпионаже в пользу Германии. Кому только не предъявлялось это обвинение, начиная с ближайших товарищей Сталина, когда надо было произвести очередную «чистку»! Чистка эта была произведена в интересах сталинского режима, но в о п р е к и интересам России. Даже Волтер Дуранти, верный защитник Сталина, вынужден был недавно цинично признать: «Чистка, несомненно, ликвидировала мужественных и компетентных людей в красной армии и на гражданской службе. В е с ь м а вероятно, что некоторые из них были совершенно невинными. В этом смысле чистка была о б ш и р н а». Дуранти утешается тем, что благодаря столь обширной чистке, при которой погибли «мужественные, компетентные и невинные люди», в России нет «пятой колонны». Но кто же мог исполнить губительную роль этой колонны лучше маршалов Ворошилова и Буденного, которых за их ратные подвиги, стоившие столько крови и поражений, пришлось в конце концов убрать в тыл? Таков был первый акт подготовки к возможному нападению «исчадия ада и людоеда», каким стал теперь для Сталина Гитлер.

Вторым был союз с этим «людоедом». В своей речи 3-го июля Сталин пытался оправдать этот союз: это был простой договор о ненападении, и целью его было сохранение мира и выигрыш времени.

Все это заведомая неправда.

Договор этот не только не обеспечил мира: наоборот — он развязал войну. Гитлер, весьма возможно, не решился бы вести войну сразу на два фронта: против этого были немецкая военная наука и прошлый опыт.

Договор этот был совсем не соглашением о ненападении, а тесным союзом, весьма полезным Гитлеру. Он прежде всего обеспечил ему материальную помощь. Вскоре после военно-политического соглашения был заключен торговый договор. Советская Россия обязывалась поставить Германии нужное ему сырье и фабрикаты на миллиарды марок. Торговый оборот между Советской Россией и Германией за последние перед войной годы равнялся лишь нескольким десяткам миллионов марок (самый

большой оборот был в 1936 году — 58 310 000 марок; в 1939 году он упал даже до 11 миллионов). Совершенно ясно, чем было вызвано такое небывалое его увеличение. Гитлеру многое было необходимо для успешного ведения войны — Сталин широко пришел ему на помощь. Гитлеру нужны были пшеница, хлопок, нефть, медь, кожи. Все это давала ему Советская Россия. Если не хватало своего, Советы производили за счет Германии закупки в Америке. Об этом заявил представитель английского правительства Дальтон, обвинявший СССР в срыве блокады Германии. Рассказывают, что в Париже немецкие солдаты носят сапоги с клеймом «Пермь». Быть может, страшная немецкая военная машина борется с русской армией, используя русскую нефть, медь, хлопок.

Еще важнее была помощь политическая, оказанная Сталиным Гитлеру: работа по разложению наций и армий, против которых вел войну Гитлер. Эту работу коммунисты вели рука об руку с национал-социалистами. Те, кто приехал из Европы, знают так же хорошо, как и жители Америки, деятельность «коммунаци» и ее результаты. Франция оказалась такой легкой добычей для Гитлера в значительной мере благодаря этой подрывной работе. Сталин говорит теперь о необходимости второго фронта. Но ведь этот второй фронт был, если бы Россия вступила в войну, когда на континенте вели борьбу Польша, Англия, Франция. Этот фронт разрушен Гитлером при деятельной помощи Сталина: во Франции он вел работу разложения, а Польше нанес удар в спину в минуту ее смертельной схватки с Гитлером.

Наконец, выигрыш времени для «подготовки наших сил к отпору фашистской Германии».

Несомненно, к войне действительно давно и усилено готовились. Но слепая политика власти привела к тому, что Россия оказалась все же не готовой. Гитлер обманул Сталина. Германия напала врасплох и «повела войну в условиях, благоприятных для германских сил и неблагоприятных для советских».

Таковы итоги мудрой политики Сталина, за которую ропщется теперь русский народ.

Но — скажут некоторые — зачем теперь вспоминать это? Все это прошлое, а прошлого не могут изменить даже боги. Теперь все наши помыслы должна быть сосредоточены на настоящем и будущем. Но в российском настоящем живо это прошлое. Оно бросает свою зловещую тень и на будущее.

Режим воочию доказал свою непригодность: он ничего политически не предвидел; его действия были противны национальным интересам; он отдал половину Европейской России — врагу. Руководители нынешней России должны сделать из этого надлежащие выводы. Они должны понять, что необходимы коренные изменения, необходимы — во имя спасения страны. Теперь нужен знаменитый «спуск на тормозах». Власть должна примириться с народом. Народ должен почувствовать, что к старому возврата быть не может. Положение России тяжко. Новые силы, новое воодушевление, нужны для того, чтобы одолеть грозного врага. Должно родиться сознание новой ответственности свободного человека. Народ должен знать, что он борется не только за свою землю, но и за право жить на ней по человечески.

К сожалению, до сих пор нет никаких признаков, что власть понимает положение. Народное воодушевление она пытается вызвать разрешением служить молебны, восстановлением георгиевских крестов⁴⁶ и гвардии (если верить радио из Иркутска) да возрождением в армии института политкомиссаров⁴⁷.

Неужели уроки истории их ничему не научили? И они увидят, что надо было делать, только тогда, когда будет слишком поздно? Неужто хотя бы теперь власть не поймет своей ответственности перед страной.

* * *

Каков будет исход борьбы России против германского нашествия? Мы не можем ответить на этот вопрос с полной определенностью. Мы можем лишь подвести итоги и наметить некоторые перспективы.

Вопреки неоднократным заявлениям немцев, русская армия не уничтожена и боеспособна. Лучшее доказательство этого — ее отчаянное и часто успешное сопротивление под Москвой и ее

победа под Ростовом. Ее дух, несмотря на месяцы неудач и отступлений, по всем свидетельствам, не сломлен.

Но она чрезвычайно ослаблена численно и технически. Несомненно, и немцы понесли очень большие потери. Установить более или менее точно потери той и другой стороны чрезвычайно трудно. Никогда еще сообщения двух борющихся сторон не были столь несходны и часто фантастичны. Если Лозовский утверждает, что немцы уже потеряли шесть миллионов бойцов, то Геббельс доводит русские потери до десяти миллионов. Однако, по оценке объективных наблюдателей, стоящих даже на стороне России, русские потери тяжелее немецких. Гораздо тяжелее обстоит дело с техническим оборудованием армии. В боях и при отступлении русская армия лишилась значительной части своих танков, аэропланов, орудий. А главное, Россия не сможет восстановить полностью потерянное: 60% ее промышленности в руках врага. Доставка вооружения союзниками в сколько-нибудь значительных количествах затруднена: снабжать Россию можно теперь только через Архангельск, порт которого зимой замерзает, через далекий и угрожаемый японцами Владивосток или через Персию. Иное положение у Германии. Она, конечно, потеряла тоже много вооружения. Но ей легко восстановить его и даже увеличить. В ее распоряжении собственная могучая промышленность, работающая полным ходом, и промышленность покоренных ею индустриальных государств Западной Европы. Таково теперь соотношение сил противников: оно не в пользу России. Если к этому прибавить, что враг проник уже в самое сердце страны, невольно встает тревожный вопрос: как справится с этим Россия?

Но, если даже России предстоят новые, еще более тяжелые испытания, немцам рано будет праздновать победу. Россия теперь не одна. Гитлер разорвал позоривший ее союз. Он отбросил ее в тот лагерь, где всегда должно быть ее место — в лагерь демократий. Ныне судьба русского народа связана с судьбою тех, кто борется за право, свободу и человечность. Этот союз неразрывен. Он спаян действительно кровью, русской кровью, пролитой с такой щедростью и самоотверженностью. Россия завоевала право на по-

четное место в этом союзе и на помощь до конца. Она приняла весь удар на континенте Европы на себя и тем спасла положение, дав возможность Англии и Соединенным Штатам подготовиться к дальнейшей борьбе. Теперь Россия, Англия и Америка или потерпят общее поражение, или одержат общую победу.

Мы уверены в победе. Уверены потому, что видим мощь вставших против нацизма народов и их непреклонную волю довести борьбу до конца. Но, если бы не было этих объективных данных, сообщающих нам уверенность, мы все равно верили бы в победу вместе с миллионами людей, которые ждут ее, как избавления. Без этой веры не может быть жизни. Маршал Фош сказал: побежден только тот, кто перестал верить в победу и сам признал себя побежденным. Есть вечные ценности: без них невозможно существование человечества. За их неумирающую правду борется теперь демократия.

3 декабря 1941 г.

Статья эта была сдана в набор до последних событий: остановки наступления немецких армий и победного русского контрнаступления.

Это коренное изменение всего положения вызывает различные объяснения. Но если даже взять наиболее благоприятную для Германии версию (ее собственную), — отход германских войск на «заранее подготовленные позиции» для нового наступления весной — и в этом случае успех русских войск велик и несомненен. «Молниеносная война» потерпела окончательное крушение. Германские войска утомлены и потеряли динамичность. Русская армия — вопреки повторным заявлениям немцев — не сломлена и сохранила свою активность. Сами немцы вынуждены признать исключительные качества не только русской армии, но отдельного бойца в ней, по их заключению, русский солдат не ниже немецкого — высокая похвала в устах немца!

Когда писалась эта статья, опасность грозила Москве, и мы были в глубокой тревоге за ее судьбу. Это отразилось на тоне статьи, теперь он был бы иным. Но положение и выводы, в ней

закрывающиеся, остались прежними. И теперь половина Европейской России занята неприятелем и разрушена. Страдания населения те же. Планы Гитлера по отношению к России и практика его ставленников не изменились. Политика режима, приведшая Россию на край пропасти, все так же бросает свою тень на настоящее. Русскому народу и армии предстоит, как и раньше, героическая борьба за спасение родины. Не надо оглушать себя победными кликами: до окончательной победы еще далеко. Она потребует много новых жертв и самоотвержения. Русский народ напряг все свои силы в борьбе, и не будет оправдания правительству, если оно в такой момент не поймет своих обязательств и не даст ему — во имя победы — человеческих прав.

В своей статье мы говорили, что связь России, Англии и Соединенных Штатов должна быть неразрывна: конечный успех может быть достигнут только общими и строго согласованными усилиями. Это особенно необходимо теперь, когда война стала действительно мировой и задачи ее неизмеримо осложнились и расширились. Необходимо сознание — без промедления — единого руководящего центра, выработки единого для всех плана действий. Против общего врага должен быть образован действительно общий фронт, интересам которого должны быть подчинены военные действия на отдельных фронтах. Только такая тесная политико-стратегическая связь и рожденное ею взаимное доверие могут облегчить конечную победу.

30 декабря 1941 г.

Н.А.

Р.В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК

Хождение над бездной

(«Новое слово». 1942. 10 мая)

«Новое слово» (Берлин, 1933 — 1944) — «Русская национальная газета». Но гитлеровцы не терпели «рус-

ского национального», поэтому вскоре появился подзаголовок «Еженедельная газета» (позднее выходила и два раза в неделю). Редактором был В.М. Деспотули, фельетонист газеты «Руть»; поэтому первоначально «Русское слово» хотело предстать продолжением кадетского издания, но по сути стало пронацистским. Во время войны газета была насыщена антибольшевистскими материалами корреспондентов-коллаборационистов из русских оккупированных городов, прогитлеровскими и шовинистическими материалами. Попадают талантливые эссе И.Д. Сургучева (который сотрудничал и в парижской пронацистской газете «Русский вестник»), но это большая редкость, как и очерки Р.В. Иванова-Разумника.

Разумник Васильевич Иванов-Разумник (1878 — 1946) — историк литературы, публицист, критик, журналист. С 1906 г. вел активную журналистскую работу в петербургских газетах народнической (эсеровской) ориентации. В 1912 — 1914 гг. руководил литературным отделом в журнале «Заветы», потом в газете «Русские ведомости» вел рубрику «Литературные отклики» и опубликовал цикл очерков «Деревенское». В 1917 г. редактировал литературный отдел эсеровской газеты «Дело народа», а в 1918-м — в левоэсеровской газете «Знамя труда». В сентябре 1941 г. оказался на оккупированной территории (г. Пушкин — Царское Село), был арестован и отправлен в лагерь для перемещенных лиц близ Данцига. Там Иванов-Разумник написал цикл статей и отправил в «Новое слово», еще не представляя, что это за газета, а увидев ее со своим очерком, которому редактор, по мнению автора, дал «пошлое название "Хождение над бездной"», понял, что совершил «ложный шаг», «просто не знал, куда по опрометчивости сунуться». Очерк ценен и сейчас как исторический источник, а для «Нового слова» подходил критикой большевистской власти и предсказанием ее краха в ноябре 1942 г.

«Новое слово» просит меня написать несколько слов «о самом себе». Привожу краткую «повесть временных лет, откуда

есть пошла советская литература». Для подробного перечисления арестов, ссылок, тюрем, допросов, угроз расстрелом, освобождений и повторных арестов не хватило бы газетного номера. Перечисляю главные.

В феврале 1919 года — первый арест органами ЧК, увоз в Москву, на Лубянку. Первый раз — вынырнул благополучно.

В 1923 году выход моей последней «душевной» книги — «Вершины», посвященной Александру Блоку и Андрею Белому. После этого в течение двадцати лет — ни одной «своей» книги, хотя и был ряд книг по истории литературы: в 1926–1927 гг. — до 30 печатных листов комментариев к Салтыкову; в 1930 году — первый том монографии о жизни и творчестве Салтыкова. Но «своих» книг, «душевных» — больше не было: цензура не пропустила ни «Весны и Европы», ни «России и Европы», ни «Оправдания человека».

С 1930 года редактировал двенадцатитомное собрание сочинений Александра Блока; за три года, до весны 1933 года, успел проредактировать, а «Издательство писателей в Ленинграде» успело выпустить первые семь томов. Пять последних томов (прозу) выпустить не успел, так как в феврале 1933 года был арестован — и начались многолетние скитания по тюрьмам и ссылкам.

К семи томам стихов и театра Блока написал до 50 печатных листов комментариев, но еще до ареста они, набранные, сверстаные и отчасти отпечатанные, были вырезаны из издания и погибли. Впрочем — не совсем. Сменивший меня на посту редактора (после моего ареста) молодой коммунист Владимир Орлов⁴⁸ щедрой рукой черпал из предоставленного ему издательством экземпляра моих комментариев для последующих томов Блока. Он оказался достаточно грамотным переписчиком. А для меня начались годы — «сидений» и скитаний.

1933 год: с февраля девять месяцев сидения в одиночной камере «на Шпалерной», а потом — ссылка в Новосибирск на три года, вскоре замененная ссылкой на такой же срок в Саратов.

1936 год: по «отбытии ссылки» — разрешение поселиться в Кашире, но отнюдь не вернуться домой, к семье, в Царское Село.

1937 год, сентябрь: арест в Кашире, перевоз в Москву, в Бутырскую тюрьму, в общие камеры, где пребывал год и три четверти, — до середины июня 1939 года. Освобождение без новой ссылки, но и без права вернуться домой, в Царское Село. Удавалось бывать там только хитростью, прописываясь «временно». Так проходит время до начала войны 1941 г. и до занятия германскими войсками Царского Села 17 сентября 1941 года.

Обвинения?

1. Был «идейно-организационным центром народничества» (обвинение 1933 года).

2. Продолжал после ссылки «контрреволюционную деятельность» в Москве, проживая в Кашире (обвинение 1937 года).

3. Покупал в 1921 году берданку, готовя вооруженное восстание против советской власти (обвинение 1937 года).

4. На втором Съезде Советов, в апреле 1918 года, произнес антибольшевистскую речь, и «был стащен с кафедры одним из возмущенных коммунистов, ныне готовым подтвердить свои слова на очной ставке» (обвинение 1938 года).

Не привожу всех таких обвинений (десятки!), столь же серьезных, но остановлюсь еще на одном, самом замечательном, однако требующем небольшого предисловия. А пока скажу: само собой понятно, что берданки я никогда не покупал («И как это вы не понимали, что нельзя же берданкой бороться с танками!» — играя в наивность, удивлялся следовательно); на Съезде Советов вообще не был (хотя достоверный лжесвидетель и стащил меня там с кафедры); «контрреволюционная деятельность» моя в Кашире и Москве в 1936–1937 гг. заключалась, очевидно, в комментировании большого тома (40 печатных листов) для государственного литературного музея в Москве — «Письма Андрея Белого к Иванову-Разумнику, 1912–1932 гг.». Но самое пикантное обвинение впереди; к нему, однако, и требуется небольшое предисловие.

В камере № 113 Бутырской тюрьмы, в конце 1938 года сидело нас не так много — всего человек 60 на 24 места; среди нас — один моряк, который жил свыше года в Париже, служа в торговом секторе полпредства; а во главе его стоял тогда «товарищ

Потемкин», к началу 1939 года бывший уже заместителем и помощником Молотова — быть может, к тому времени уже дисквалифицированный и назначенный народным комиссаром просвещения РСФСР (не помню). Так вот, моряк этот вернулся как-то вечером с допроса в очень подавленном настроении и с явными признаками на лице весьма веских «аргументов» следователя. Впрочем, он был подавлен не самым фактом таких аргументов, а своим «добровольным» признанием в том, в чем он был столь же виноват, как я в покупке берданки. А именно: он признался в том, что в 1937 году, в Париже, товарищ Потемкин⁴⁹ организовал среди членов полпредства боевую троцкистскую организацию, в которой и он, моряк, принимал участие...

Конечно — все это фантастично, то есть фантастично то, что органы НКВД в конце 1938 года составляют лживый протокол о человеке, являющемся в это же самое время заместителем комиссара по иностранным делам; еще фантастичнее то, что такому протоколу не дается никакого хода. Он остается лежать в делах НКВД — «на всякий случай»: авось пригодится, авось можно будет арестовать и товарища Потемкина, так вот обвинение уже и готово. «То ли еще бывало!» — в эти ежовские времена!

После этого предисловия, возвращаюсь к обвинению против меня; помню, что оно было предъявлено мне 31 декабря 1937 года:

«В апреле 1936 года, временно проживая в Ленинграде, виделся в подпольной явочной квартире с академиком Е.В. Тарле, с которым имел беседу по поводу участия в ответственном министерстве, после свержения советской власти»...

Та же история, что и с Потемкиным. Академика Тарле я никогда в жизни не видел, ни «подпольно», ни «надпольно», даже портрета его не видел — и не знаю: с бородой он или бритый, с шевелюрой, или лысый... Но представьте себе, что я согласился бы показать все то, чего требовал следователь: в архивах НКВД лежало бы готовое обвинение, если бы представился удобный случай изъять из обращения академика Тарле⁵⁰. А я по наивности подумал тогда, что почтенный академик, обвиняемый в таком преступлении, наверно уже арестован... Ничуть не быва-

ло! Он и не подозревал, какие сети хочет сплести вокруг него НКВД, благоденствовал и продолжает благоденствовать даже до сего дня.

Все это на грани фантастики; но ведь в СССР всем известно, что девяносто девять процентов «обвинений», предъявляемых ГПУ, НКВД, Госбезом или как бы они там ни назывались — сплошная ложь, «липа», никого из обвиняемых не удивляющая.

Обо всем этом рассказывать подробно здесь не место и не время; достаточно и тех немногих строк, которые даны выше. Но к ним нужны существенные оговорки: да не подумает читатель, что, рассказывая обо всем пережитом, я считаю себя страдальцем, столь жестоко претерпевшим от советской власти: годы тюрем и скитаний по ссылкам! В том-то и дело, что сравнительно с другими (миллионами!) претерпел я очень мало: не сидел в изоляторе, не был в концлагерях, в ссылке был в больших городах, во время допросов никогда не подвергался никаким веским «аргументам» следователя, — многие ли могли этим похвастаться? Конечно — европейские масштабы и понятия о праве совершенно другие; но ведь я рассказываю о жизни в СССР, где моя судьба была еще одной из легчайших.

Чтобы закончить о себе — скажу еще о событиях самого последнего времени. За тридцать пять лет моей писательской деятельности я постепенно «обрастал» книгами; небольшой шкаф 1906 года обратился к 1941 году в одиннадцать больших шкапов с десятью тысячами томов. Одновременно с этим в течение ряда лет и десятилетий у меня накопился очень большой литературный архив, с драгоценными *рукописными* материалами (Блок, Белый, Сологуб, Ремизов, Есенин, Замятин и многие другие), десятки папок, около 5000 писем, два громадных шкапа.

Осенью 1941 года наш небольшой деревянный домик в Царском Селе, на самой окраине города — оказался в то же время и на самой линии фронта. Разрушение его началось бомбами с аэропланов в августе — сентябре, а закончилось снарядами в последние месяцы 1941 года. Когда я посетил его в последний раз — библиотека и архив представляли собою сплошную кашу бумаги на полу всех трех комнат домика; теперь от него осталось одно

только воспоминание... И вместо воспоминаний в нескольких томах, пишу теперь здесь только «листки из воспоминаний»...

Воспоминания эти хочу предварить небольшой «концовкой» к настоящему очерку, которая одновременно послужит и «заставкой» к очерку следующему — о Федоре Сологубе.

Сологуб до конца дней своих (он умер в декабре 1927 года) люто ненавидел советскую власть, а большевиков не называл иначе, как «туполобые». Жил он в 1923–1924 гг. в Царском Селе, стена в стену с нашей квартирой на Колпинской улице, и ежедневно — в ответ на мой условный стук в стену — приходил к нашему послеобеденному чаю. Как-то раз, летом 1924 года, он пришел мрачный, насупленный, сел за стакан чая, помолчал — и неожиданно спросил:

— Как вы думаете, долго ли еще останутся у власти туполобые? Не имея возможности серьезно ответить на такой вопрос, я отделался шуткой:

— По историческим аналогиям, дорогой Федор Кузьмич: в России триста лет стояли у власти татары, триста лет царили Романовы, вот и большевики пришли к власти на триста лет...

Сологуб очень — и по-серьезному — рассердился:

— Какой вздор! Теперь — век телеграфов, телефонов, радио, аэропланов! Время летит безмерно быстрее, чем в эпоху Романовых или татар! Триста лет! Теперь не средние века с их ползучим временем!

— Ну, хорошо, Федор Кузьмич, пусть так; сколько же времени, по-вашему, большевики будут стоять у власти?

Сологуб сперва серьезно задумался, потом искорки юмора блеснули у него в глазах (он был чудесный юморист, о чем знали только немногие) и как будто нехотя, но с полной серьезностью (что было особенно пикантно) он ответил:

— Ну... лет двести!

И тут же сам расхохотался.

Я охотно подарил Сологубу сто лет: триста или двести, не все ли равно? И неужели нашему поколению так и остаться навсегда при второй (кошмарной) жизни султана Махмуда? Неужели так и задохнемся мы под водой?

При подобных вопросах всегда неутешительно вспоминался мне один эпизод из истории средних веков с их «ползучим временем»; ведь у истории другие масштабы и сроки, чем у нас.

Последний крестовый поход закончился большой неожиданностью: крестоносцы, идя в Палестину через Византию, решили, что Константинополь несколько не хуже Иерусалима, а потому взяли столицу Византии и вообще овладели всей европейской частью этого государства; император Комнин вынужден был бежать в свои малоазиатские владения. Это было в 1204 году. Мой гимназический учебник истории (ведь вот запомнилось же на целые полвека!) бесстрастно и кратко продолжал и заканчивал:

«...Власть крестоносцев была непродолжительна: уже в 1264 году внук изгнанного императора в свою очередь изгнал крестоносцев из Византии»...

«Непродолжительна», — благодарю вас! Шестьдесят лет!

Триста, двести, шестьдесят лет — небольшие сроки для народа, хоть и весьма разные; для отдельного человека между ними почти нет разницы, и юмор Федора Сологуба в этом случае вполне уместен.

Но история умеет делать иногда и неожиданные подарки. Вместо шестидесяти, двухсот или трехсот лет, она иной раз укладывает события огромного масштаба на протяжении какой-нибудь четверти века, — время уже соизмеримое с длительностью человеческой жизни. Так, например, — от начала французской революции до Ватерлоо (ее конца) прошло ровно двадцать пять лет. И с октября 1917 года четверть века заканчивается как раз в нынешнем 1942 году...

М.А. СЛОНИМ

Заметки о русском сопротивлении

(«Новоселье». 1942. № 5)

«Новоселье» (Нью-Йорк; Париж, 1942—1950) —
«Ежемесячный литературно-художественный жур-

нал». Основатели журнала — поэтесса С.Ю. Прегель, после оккупации Парижа переехавшая в Нью-Йорк, и М.А. Слоним — название позаимствовали у альманаха пушкинской эпохи. Основатели хотели «объединить писательские силы на деле служения русской культуре», но не обошлось и без политики. Однако в отличие от руководителей «Нового журнала» они не хотели вести политическую полемику, были настроены на примирение: «Мысль о России, обращенность к России будет руководящим началом всей нашей деятельности» (Новоселье. 1942. № 1. С. 3).

Марк Львович Слоним (1894 — 1976) — публицист, литературный критик. В 1917 г. был членом Учредительного собрания, в 1918 г. печатался в эсеровской газете «Дело народа», которую редактировал В.В. Сухомлин. В 1922 г. они встретились как соредакторы журнала «Воля России». В 1936 г. подписали вместе с другими членами партии социал-революционеров заявление, что «в случае нападения на Россию все члены партии с.-р. будут всемерно способствовать защите родной страны». Статья «Заметки о русском сопротивлении» показывает, что Слоним сдержал это слово.

Мне кажется, мы плохо представляем себе нынешнюю русско-германскую войну, — и не потому, что газетные сведения о ней отрывочны, доходят с опозданием и просеяны сквозь мелкое сито всяческих цензур. Мы попросту не в состоянии вместить всего происходящего. Взор обычно способен охватить лишь ограниченное пространство; чувство, достигнув известных пределов, тупеет и не дает отзыва; воображение слишком часто оказывается вялым и бессильным.

Все, творящееся в России, так огромно, страшно и необыкновенно, что у нас не хватает сил воспринять его полностью, — и только на короткий миг, как разрыв молнии, нас озаряет слепящий свет, и мы догадываемся о правде, замирая в столбняке ужаса и изумления.

Мы пытаемся свести неизвестное к тому, что нам знакомо, и выбираем легкий и обманчивый путь сравнений. Мы говорим о

1812 года или о 1914–1918. Но оба эти сопоставления мнимые. Ни по своему объему, ни по своему характеру, ни технически, ни психологически, нынешнее не похоже на прошлое. Не говорю уже о наполеоновском походе 500-тысячной армии, шедшей по дороге Вильно — Смоленск — Москва: вся эта кампания, длившаяся менее шести месяцев, равна одному эпизоду сегодняшней борьбы. Не надо забывать, что всей России она не потрясла: едва 3% ее тогдашнего населения принимало в ней прямое или косвенное участие.

И война 1914 года, несмотря на ее размах, не была тотальной, оставаясь скорее схваткой армий, а не народов. И как хорошо ни дрался тогда русский солдат, он исполнял свой долг, не ощущая национального характера столкновения, не сознавая значительности и смысла борьбы.

То, что развертывалось перед нами за последний год — ни с чем не сравнимо.

И прежде всего поражают исполинские, апокалиптические размеры этой войны. Размеры чисто физические: фронт в две тысячи миль, от Мурманска до Крыма, две стены людей, орудий, траншей, с одной стороны — тыл до Атлантического океана и до Средиземного моря, с другой — до Тихого океана и Тибета, а в качестве фона — борьба на пяти континентах и на всех морях земли. Размеры технические: вся наука, вся игра техники, все расчеты математики, воплощенные в механических средствах истребления и защиты, в гигантских луковичах прожекторов, в химических составах взрывчатых и зажигательных бомб, в мерном дыхании авиационных моторов, в сложнейших приборах для точности прицела, в орудиях, минометах, гранатах, торпедах, танках, пулеметах, автоматических ружьях, подлодках, броненосцах. Размеры психические: война машин, но за машинами люди, от них требуется невероятное усилие труда — сработать, построить, произвести все эти рычаги смерти, и управлять ими. От них требуется еще большее напряжение — мускульное, нервное, умственное, — сражаться и не дрогнуть, уметь убивать и умирать, сохранить твердость рук и духа в грохоте боя, под разрывами снарядов, под огненным дождем пулеметов, под воющим

обвалом воздушных налетов. А от тех, кто руководит ими — требуется ясность мысли, распорядительность, умение предвидеть и комбинировать, налаживать и выполнять — и организовывать производство фабрик и заводов, движение транспорта, подачу снарядов для орудий и пищи для людей.

Этим размерам физическим, материальным соответствует и исключительное по объему историческое содержание.

Войны, которые Россия вела в 19 и 20 веке — крымская и турецкие кампании, конфликт с Японией и даже с Австро-Венгрией, — грозили ей, в случае неудачи, потерей тех или иных территорий, ослаблением международного веса, экономическим ущербом, дипломатическими осложнениями, — но ни одна из них не ставила на карту вопроса о самом существовании российского государства и его народов. Подобной опасности не было даже и при Наполеоновом нашествии. А ведь сейчас речь идет именно о том, быть или не быть. Со времен татарского ига на исторических путях России никогда не вставало такой угрозы, и угрозы совершенно непосредственной, точно сформулированной врагом: ведь Гитлер утверждает, что Россия обречена на слом, что ее надо прогнать из Европы, отеснить за Урал — и превратить в вассальный удел между Уральским хребтом и японской границей, проходящей у Байкала.

А так как план уничтожения России и превращения русских в рабов есть лишь часть немецкого стремления к всемирному владычеству, то защита Советским Союзом своей земли, своего существования превращается во всечеловеческое дело. Ведь исход войны определит все будущее направление жизни на всей нашей планете — на долгие десятилетия, быть может столетия, — а зависит он, в первую очередь, от того, выдержит ли Россия. Главный фронт — русский, на нем разыгрывается основное сражение, и до тех пор, покамест не развернутся силы Америки и Англии — России будет принадлежать центральное место и значение. На русских полях происходит главное действие исторической драмы, и на плечи России ложится не только национальная, но и страшная всемирная ответственность. Это не «мессианистическая» мечта, не преувеличение, а простое осознание роли России, от которого

отмахиваются те, кто исполинские события хочет измерить карманным аршином мелких политических теорий и обветшалых догм предвоенного периода.

И вот, когда пытаешься представить себе весь объем этой войны, всю ее чудовищную техническую сложность и огромность, когда воображаешь ту нечеловеческую энергию, которая необходима для ее ведения, и то исполинское историческое значение, которое в ней скрыто, — тогда только понимаешь смысл того, что иностранцы упрощенно называют «русским сопротивлением».

Россия оказалась и физически, и технически, и духовно, и исторически — в рост тем испытаниям, которым она подверглась. Ее народы выдержали удары, оказавшиеся достаточными, чтобы разметать всю Европу, и они остановили самую сильную коалицию, какая когда-либо угрожала миру.

На Россию снова двинулось нашествие двенадцати языков: итальянцы, румыны, венгры, болгары, словаки, финны, не говоря уже о «легионах» испанцев, французов, хорватов, норвежцев, — сражаются бок о бок с немцами и австрийцами. Когда задают вопрос, как это 170-миллионная Россия допустила, чтобы 80 миллионов немцев отхватили у нее Белоруссию, Украину и Крым и подкатились к обеим столицам, то забывают, что Гитлер со своими союзниками — Италией, Румынией, Венгрией и Болгарией — представляет 160 миллионов населения, что на него работает вся Европа — шахты Бельгии, рудники Норвегии, заводы Франции и Чехии — и он пользуется сырьем, продовольствием и промышленностью всех покоренных и мнимо нейтральных стран. В момент его вторжения Россия была одна, техническая помощь Англии и Америки начала приходить чуть ли не после битвы под Смоленском, другого сухопутного фронта не было и нет, никто сил Гитлера в июне прошлого года никуда не оттягивал, даже Раф Германии не бомбардировал⁵¹, — и Россия одна приняла на себя лавину германской военной мощи, поддержанную всеевропейским промышленным тылом. Приняла — и, не смотря на все неудачи и несчастья, — остановила ее.

Для тех, кто в Россию не верил, ждал развала ее армии от первого столкновения с немцами и с презрением относился к «блефу» индустриализации, это было первой неожиданностью. Ведь упорная борьба с завоевателем и затем переход в декабре инициативы в руки Красной Армии возможны были лишь благодаря огромной технической подготовке и промышленной силе Советского Союза. Немцы признали, что они впервые встретили армию, равную им технически. Об этом в журнале «Райх» писал Геббельс еще в августе прошлого года, об этом говорил Гитлер. А это означает: высоко развитую тяжелую промышленность, обученность и слаженность индустриального аппарата и высокий уровень военной культуры. Именно это открылось в опыте русского сопротивления. Ибо для всех понятно: сопротивление — это не только мужество солдат и офицеров, — это в первую очередь количество и качество снаряжения, бесперебойная доставка на фронт снарядов, продовольствия и резервов, это непрерывная работа заводов, рудников, шахт, нефтяных промыслов, это правильный ход огромной и сложной промышленной и государственной машины. Это значит — дисциплина и спайка армии, обученность командного состава, подготовка верховного руководства, налаженность и военного, и промышленного и правительственного аппарата. Россия выдержала экзамен, как государство, как целое. Нравится ли это нам или не нравится, но все русское сопротивление, со стороны материальной, технической, организационной, доказывает силу Советского Союза.

Тут не должно быть никакого недоразумения. Многие почему-то полагают, будто утверждение этих фактов есть косвенная апология советского политического строя. Я думаю, что это ошибочно. Крепость и справедливость не одно и то же. Можно признавать, что та или иная государственная система сильна, это не означает положительной оценки ее принципов и практики, признания соответствия усилий и результатов, или утверждения ее благости. Сказать — сильный, не значит — справедливый, совершенный, хороший. Не надо смешивать категории сущего и должного. Несомненен факт, что страны тоталитарные лучше подготовлены к войне, чем демократические (хотя и тут есть

исключение: Италия). Но из этого отнюдь не вытекает морально-политический вывод, что диктатура лучше демократии. И вообще важна не только мощь государственной машины (Гитлер показал, до чего можно ее довести), но и то, куда она направлена, в какую сторону развивается, какой дух ею движет, какую идею человека и общества она хочет воплотить.

Но факты незыблемы: советское государство, вне зависимости от того хорош или плох его политический режим и какова цена — в жизнях, энергии, денежных единицах — его экономических достижений, показало, что, несмотря на обрушившиеся на него удары гитлеровского нашествия, потерю значительных территорий и миллионов людей, оно достаточно сильно и экономически, и технически, и организационно, чтобы успешно противостоять врагу.

Не менее очевиден оказался и другой факт: моральная сила и героическая стойкость русского народа.

Одного американского журналиста, только что вернувшегося из России, спросили, что считает он наиболее яркой чертой русского сопротивления. «Бесстрашие, — ответил он: — русские не боятся немцев. Большинство европейских стран (за исключением Англии) до военного поражения были обессилены страхом. Это явление неизвестное в России. Русские сохраняют такое бесстрашие, что представить себе его могут только те, кто его наблюдал».

Об этом же говорит Эрскин Колдуэлл⁵², пробывший в Москве до октября прошлого года. Его поразило, с каким спокойствием и выдержкой жители столицы терпели воздушные бомбардировки, длившиеся по пять и шесть часов. Осенью и зимой Москва подверглась сотне таких налетов. Еще более яркий пример этой стойкости духа дали ленинградцы, находящиеся почти год под непрерывным обстрелом тяжелых орудий и самолетов. Они живут под грохот канонады и взрывов, при свете еженощных пожаров, зажженных снарядами и бомбами.

Каждая глава этой войны — защита Ленинграда, осада Одессы и Севастополя, оборона Москвы — поразительное доказательство твердости духа, героизма, внутреннего единства.

Это совершенно не значит, что у русских монополия на бесстрашие. Англичане во время бомбардировок Лондона, американцы на Филиппинах и Коррегидоре, югославы за год четничества показали, каждый по-своему, на что они способны.

Но нигде мужество и духовная сила не проявлялась в таком масштабе и с таким ослепительным порывом.

Германия осуществила тотальную войну, которой она угрожала всем своим противникам. Россия — единственная до сих пор страна, ответившая на нее тоже тотально. Россия, даже в большей степени, чем Германия, дала небывалый в истории пример всенародной, всенациональной мобилизации. Нам, находящимся в Америке в условиях мирного и нормального существования, трудно вообразить то, что происходит на одной шестой части земного шара: страна — как осажденная крепость, все привычное кончено, разбито, с утра до ночи — только одно — труд и война, труд для войны, все помыслы, все заботы — сосредоточены на одном, десятки миллионов заряжены одним устремлением, вся энергия накоплена и канализирована для одной цели. Потрясает всеобщность этого усилия. До нас доходят только разрозненные факты, которые сообщают газеты или возвращающиеся из Москвы и Куйбышева иностранцы, — но каждый из них отражает могучее движение масс, напоминающее революцию и соединяющее в огромном эмоциональном подъеме все народы России.

Вот семья ленинградского рабочего. Трое детей. Старший сын убит в воздушном бою. Отец после этого идет добровольцем в армию. Жена будет заменять его на заводе. Двенадцатилетняя девочка нянчит братца, ведет хозяйство и бегаёт рыть окопы. И так — в сотнях тысяч семей.

В Москве, Харькове, Ростове, после десятичасового рабочего дня, жители выходили рыть траншеи, строить укрепления, чинить улицы и здания, поврежденные бомбами. Выходили все — рабочие, чиновники, писатели, профессора, мужчины, женщины, подростки, старики. Школьники образовывали бригады для борьбы с пожарами. В так называемой трудовой армии для подсобных военных работ — десять миллионов человек. В глубоком

тылу — такое же напряжение в производстве, в выделке боевого снаряжения, в транспорте, в сельском хозяйстве.

Я сознательно не упоминаю о героизме бойцов армии, об актах индивидуальной храбрости. Я говорю о мужестве коллективном, о лозунге «быть всем героями», как писал генерал-майор Панфилов, убитый поздней осенью при защите Москвы. Всем известны подвиги русских партизан, мужчин и женщин, танкистов, летчиков и рядовых. Это лишь наиболее разительные проявления общего духа, всенародного настроения, того бурного эмоционального взрыва, который произошел в русских людях за последние месяцы. В них жертвенность соединена с упорством, презрение к смерти с повышенным чувством жизни, любовь к родине с дикой ненавистью к врагу.

В прежние войны такой ненависти не было — и не могло быть: их все же вели по каким-то «правилам», по окончании боя противники могли разговаривать, а иногда и сговариваться. Теперь — не то. Ведь вся германская система борьбы — терроризировать «низшую расу», взять ее испугом. Какой же может быть разговор с врагом, который ведет себя, как бешеный зверь, сознательно истребляет гражданское население захваченных областей, разрушает исторические памятники, сжигает города и села, грабит, запарывает до смерти, насилует и расстреливает? Сейчас для всех ясно: победа или гибель, гибель всего: России, моей родной деревни, моего дома, моих близких, меня самого. Отсюда — всеобщая и естественная ненависть, о которой в Англии и Америке не имеют понятия, и грозная жесточенность тех, у кого в руках винтовка. Отсюда — угрюмая решительность и эпическая отвага защиты и сосредоточенная устремленность к одному: выгнать немца.

Чувство это всенародное. Его поддерживает и усиливает то обстоятельство, что в России нет пятой колонны — и что при нынешнем аппарате власти всякое проявление малодушия, неверия или страха жестоко раздавлено в корне. С изменниками или кандидатами в изменники в России не церемонятся, — и когда красноармейцы отбивают какой-нибудь

город или село, они тотчас же расстреливают тех, кто «сотрудничал» с немцами.

Вся эта страстность в ненависти и в жертве, подвиге и в сплоченной защите объясняется, конечно, патриотизмом русского народа. Это исконный, органический патриотизм, веками укрепленная сила сопротивления и мужества. Еще Александр Невский говорил: «если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет русская земля». Но этот патриотизм, к которому взывают московские газеты, постоянно и совершенно справедливо вспоминая всех творцов и защитников российского государства, начиная от Димитрия Донского и Петра, кончая Суворовым или Кутузовым, носит на себе черты современности, окрашен, а может быть и усилен результатами недавнего революционного процесса. Патриотизм — явление сложное, — это одновременно и инстинктивное чувство, и ощущение своей личной связи с родиной и сознание своей принадлежности к целому, своего долга перед ним. Это сознание и это ощущение очень обострены в нынешнем русском человеке, и отражают социальные сдвиги русской жизни за последнюю четверть века.

Революция всегда вызывает наружу народную энергию, в огне социально-экономических и политических переворотов закаляется нация, и это показали солдаты Наполеона, принадлежавшие к «племени», рожденному в буре и грозе.

За двадцать пять лет революционных испытаний, русский народ духовно вырос, его внутренние стихийные свойства оформились. В огне и страданиях революции родилась Новая Россия — и молодое поколение оказалось более твердым, крепким и решительным, чем его отцы. Это то поколение, о котором писал Н. Тихонов, что из него можно ковать гвозди.

В русском сопротивлении поэтому проявляются силы и страсти, развязанные революцией, и это одна из отличительных его черт.

Эта твердость и крепость народа, сочетающего свои вековые, органические достоинства с закалом и пылом революции, поражает весь мир. Но опять-таки — мы плохо представляем себе, какая сила, самоотверженность и величие духа потребны, чтобы

не дрогнуть — и в сражениях, где ад, светопреставление, — и в осажденных городах, и, особенно, в оккупированных местностях, где немцы выкалывают глаза пленным, расстреливают детей из пулеметов, выламывают руки и ноги девушкам-партизанкам. И каково русскому народу видеть разрушение своей земли, своих богатств, всех результатов его недавних трудов и усилий — эти города, превращенные в пепел, эти поля, на которых после битвы танков — ни одного деревца, ни одного кустика, холмы снесены, и вместо них другие возвышения — из железа и камней, — в воронки, вырытые бомбами, можно поместить целое село, а овраги набиты доверху трупами. А какая бездна страдания, слез, мук! В каждой семье кто-нибудь убит, замучен или пропал без вести — и все удлиняется этот страшный список сотен тысяч павших, миллионов искалеченных или умирающих в плену. Другие миллионы — лишились крова и родного угла, бежали от немцев, и теперь они — в Туркестане или Сибири, на голодном пайке беженцев.

И, несмотря на все это, — русский народ стоит непоколебимо, несет неслыханные жертвы, совершает поразительные подвиги — и ни на минуту не отчаивается, не сомневается в конечном результате своей победы.

Американцы, вернувшиеся недавно из России, рассказывают, что их потрясла именно эта вера в победу: она одинаковая у всех — и у случайно встреченного крестьянина и у высшего советского сановника. «Мы должны победить и мы победим».

Да, впереди еще много тяжелых испытаний, лишений, крови, быть может военных неудач и ударов, — страшной ценой достается победа.

Но она придет: так верит великий народ, на ежедневном примере своего сопротивления раскрывающий неистребимую силу духа. И вера его не случайна: в ней говорит живой, глубокий инстинкт нации, защищающей сегодня не только свое настоящее, но и свое право на будущее, свое предчувствие грядущих судеб России, призванной выполнить в мире огромную культурно-историческую роль.

Война и религия в советской России

(«Новый журнал». 1943. № 1)

Николай Сергеевич Тимашев (1886—1970) — юрист, экономист, историк, публицист. В 1921 г. эмигрировал. В 1928—1935 гг. помощник редактора газеты «Возрождение». На ее страницах выступал как публицист и литературный критик. В 1936 г. из Парижа переехал в Нью-Йорк. Преподавательскую работу в университетах сочетал с журналистской деятельностью. Постоянный автор «Нового журнала». Его анализ положения Русской православной церкви в советской России не потерял своего значения до настоящего времени благодаря объективности и разнообразию источников. Примечательна и точность прогноза: миролюбие власти по отношению к церкви действительно оказалось ненужным после победы в войне. Вместе с тем в последующих десятилетиях имплицитно продолжала существовать подмеченная Тимашевым «тяга к сочетанию национально-исторической традиции с коммунистическим планом общественного переустройства».

Летом 1942 года в Москве вышла книга под заглавием «Правда о религии в России». Книга эта, заключающая в себе 457 страниц и богато иллюстрированная, напечатана в количестве 50 000 экземпляров; издана она редакционной коллегией под председательством митрополита Николая Киевского и Галицкого и официально освящена предисловием митрополита Сергия, Местоблюстителя московского патриаршего престола, равно как пометкой «Московская Патриархия» на заглавном листе.

Замечателен самый факт выхода книги: начиная с 1927 года, в России невозможно было даже перепечатывать Библию, и лишь изредка выходили тоненькие тетрадки Вестника Московской Патриархии. И вдруг роскошно изданная книга, рассчитанная на широкое распространение и, между прочим, присланная

в Соединенные Штаты для перевода на английский язык. Ясно, религия понадобилась советскому правительству.

Почему понадобилось? Не потому, конечно, что правительство отступило от своих безбожных позиций; оно не отступило и вряд ли отступит. Но потому, что за время войны оно окончательно убедилось в том, что в России религия продолжает быть мощной социальной силой, способной сыграть существенную роль в титанической борьбе. Такую силу желательно было завербовать в союзники и, во всяком случае, необходимо было вырвать из числа возможных пособников врага. Пришлось правительству окончательно убедиться и в том, что в союзных с Россией демократиях отношение общественного мнения к полной и безоговорочной помощи России в значительной мере зависит от представлений об истинном положении религии в России.

Факты эти не были новыми для правительства: события военного периода только подтвердили то, что в Кремле было осознано в период лихорадочной подготовки к войне. Поэтому, чтобы получить правильное представление о том, что произошло в России с религией за время войны, нужно отойти назад и установить некоторую историческую перспективу.

Утверждение в России коммунистической власти со внутренней необходимостью вызвало конфликт между двумя верами: православием, которое в течение почти тысячи лет служило стержнем русской культуры, и воинствующим безбожием новых правителей. Активная роль в конфликте естественно выпала на долю коммунистической власти, и конфликт тем самым вылился в форму религиозных гонений. Гонения эти не прерывались в течение долгих лет. Трижды, в 1922–1923, 1928–1929 и 1937–1938 годах, власть прибегала к мерам прямого насилия, заключая в тюрьмы, или ссылая, или расстреливая епископов, священников и активных мирян, силою закрывая церкви, оскверняя мощи и иконы. В остальные годы были применены менее насильственные, но все же весьма энергичные меры воздействия. Церкви были лишены права владеть какой бы то ни было собственностью; их служители были объявлены «нетрудящимися» и лишены возможности существовать в человеческих условиях; цер-

ковно активные миряне фактически не принимались на службу или работу в государственных учреждениях и предприятиях, что было тем существенно, что все в стране было национализировано, т.е. сделано казенным; религиозное преподавание было запрещено, равно как и все способы религиозной пропаганды вне церковных зданий; церквям было запрещено вести какую бы то ни было культурную или благотворительную работу. И вместе с тем государство взяло на себя организацию, в грандиозном масштабе, антирелигиозной пропаганды, для чего был создан Союз Воинствующих Безбожников.

Для уяснения событий «на религиозном фронте» за время войны достаточно взять за исходную точку тот период относительной мягкости, каким были 1934–1936 годы. За эти годы были упразднены такие приемы антирелигиозной пропаганды, как анти-рождественские и анти-пасхальные карнавалы; была восстановлена продажа обручальных колец, равно как продуктов, необходимых для приготовления куличей и пасок; было разрешено иметь рождественское дерево, хотя и под названием новогоднего. По сталинской конституции, духовенство, вместе с другими лишенцами, было восстановлено в политических правах; несколько ранее, его дети, опять-таки наряду с детьми других лишенцев, получили доступ к среднему и высшему образованию. Культ национальных героев, начавшийся с Петра Великого, постепенно распространился и на тех деятелей, которых церковь признала святыми, в особенности на Владимира Святого и на Александра Невского. Но не специально религии делались уступки, и антирелигиозная пропаганда не обнаруживала тенденции к смягчению. Уступки делались в виде составной части общей политики сближения с отвергнутым было национальным прошлым, в угоду национальному чувству, в коем, в преддверии войны, считавшейся весьма вероятной со времени польско-германского пакта (январь 1934 года), явилась потребность⁵³.

Во второй половине 1937 года полоса относительной мягкости оборвалась и уступила место жестокому приступу гонений. Этот приступ следует поставить в связь с обнаружением властью факта, о котором до того догадывались многие. Несмотря на го-

нения, вера в России не погибла. Потеряв всех тех, кто принадлежал к ней только по паспорту, вера крепко сплотила тех, кто и раньше видел в ней величайшую ценность, равно как вновь к ней обращенных страданиями революционной эпохи и кровью новых мучеников. Обнаружился этот факт при следующих обстоятельствах.

6-го января 1937 года в России была произведена перепись населения, и один из вопросов касался религиозных убеждений. Затевая перепись, коммунистическая власть громогласно заявила, что перепись покажет гигантские успехи безбожия. Но прошло несколько месяцев, и вдруг было объявлено, что перепись была искажена злостными контрреволюционерами, так что ее результаты не могут быть опубликованы. Когда, 17-го января 1939 года, была произведена новая перепись, вопроса о религии поставлено не было; из этого с несомненностью вытекает, что именно по вопросу о религии произошло расхождение между ожиданиями власти и действительностью.

Гораздо раньше, еще в конце 1937 года, глава союза безбожников заявил, что отказалось от религии две трети взрослого городского и одна треть взрослого сельского населения. Так как в настоящее время сельское население России составляет две трети всего населения, то из слов Ярославского можно вывести, что более половины взрослого населения сохранило веру. Есть все основания полагать, что Ярославский воспользовался неопубликованными результатами переписи: около того же времени власть имущие сделали много выраженных в цифрах разных заявлений, иногда ссылаясь, иногда не ссылаясь на перепись.

Неожиданный для власти факт выживания веры был тем тревожнее, что предстояли первые выборы в Верховный Совет по Сталинской конституции. Как ни крепко держала власть в руках все нити избирательной кампании, все же ясно проскользнуло опасение, как бы церковь, эта единственная сохранившаяся от прошлого сила, не провела неожиданный маневр и не внесла недопустимый для диктатуры разнбой. В результате для церкви настали времена, едва ли не худшие за весь период ее жизни под Советской властью.

Новый приступ гонений оборвался так же внезапно, как начался. Случилось это поздней осенью 1938 года, когда советское правительство создало крушение политики коллективной безопасности и вновь ощутило не только неизбежность, но даже близость войны, которую оно надеялось было предотвратить. Неизвестно в какой именно день, но не позднее половины декабря 1939 года, советское правительство (понимая под ним не совет народных комиссаров, а Сталина и его окружение) приняло «историческое решение», которое осталось неопубликованным, но отразилось во множестве последующих актов: было решено, что на данном отрезке истории расстановка классовых сил требует решительного смягчения антирелигиозной политики. Было создано соединенное заседание центрального комитета союза воинствующих безбожников и института истории Академии Наук, на котором были приняты тезисы профессора Рановича⁵⁴. Согласно тезисам, ошибочно полагать, будто христианство всегда и неизбежно враждебно прогрессу; в отличие от других религий, христианство может играть и прогрессивную роль, так как оно проповедует «культ абстрактного человека».

С января 1939 года, можно говорить о «новой религиозной политике», при которой насильственные приемы борьбы против религии больше не допускаются, и центр тяжести переносится на антирелигиозное воспитание в школе и на массовую антирелигиозную пропаганду, которая, однако, должна вестись в значительно более приличных тонах, нежели имело место в прежние годы. По иронии судьбы, надзор за недопущением административного нажима на религию был возложен на союз воинствующих безбожников. Постепенно было сделано несколько маленьких уступок, в роде разрешения казенным мастерским реставрировать старые иконы, а казенным лавкам продавать лампадное масло. Было разъяснено, что не следует бороться против желания населения давать детям христианские имена. Летом 1939 года в «Безбожнике» появилось весьма почтительное интервью с грузинским патриархом Каллистратом. А когда в июне 1940 года пришлось вернуться к семидневной неделе, отмененной было в 1929 году, то официальным днем отдыха опять было сделано

воскресенье, с прямой ссылкой на то, что только этот день приемлем для деревни.

Новая религиозная политика, проявившаяся в таких актах, была тем необходимее, что, по сведениям, приходившим из заграницы, в предстоящем походе на Россию Гитлер решил сделать ставку на недовольство широких масс русского населения антирелигиозной политикой власти и придать ему характер «крестового похода».

Наличность таких намерений легко было вывести из демонстративных актов Гитлера по адресу русской православной церкви за рубежом. На его личные средства был отстроен православный собор в Берлине, а на ремонт 19 православных церквей в Германии были отпущены средства из государственного казначейства. Сделано это было правителем, который не постеснялся вступить в конфликт и с католической, и с протестантской церковью на почве своего стремления «включить» эти церкви в состав тоталитарного государства. Различие было слишком разительно, чтобы не быть подчеркнутым и подхваченным заинтересованными силами.

В числе этих сил оказался и заграничный синод русских епископов в Белграде. Еще в 1938 году его глава, митрополит Анастасий, объявил Гитлера борцом за христианство. Благодарность не преминула последовать: вслед за победоносным шествием германских армий, во всяком случае до 1941 года, расширялась и юрисдикция заграничного синода. Митрополит Дионисий варшавский, глава польской автокефальной церкви, был низложен и восстановлен в правах только после признания над собой верховенства архиепископа берлинского Серафима (Ладе), входящего в белградскую группу. В Чехословакии и западной Европе, приходы, подчинявшиеся митрополиту Евлогию, чуждому белградской политике, были «перевключены» в юрисдикцию синода. Самого митрополита, видимо, не тронули, но реальной власти в церкви он, несомненно, лишился.

Вторгаясь в Россию, Гитлер как будто исполнил свое обещание: на весь мир он заявил, что его поход — это новый крестовый поход. В самом ли деле рассчитывал Гитлер, что такое заявле-

ние благоприятно повлияет на отношение к нему папского престола и англо-саксонских демократий? Об этом скажут будущие историки. Но на симпатию и помощь части русского народа он несомненно надеялся. Этот факт следует сопоставить с тем, что, начиная с 1939 года, и советское правительство искало примирения с той же частью народа. Таким образом, вооруженная борьба осложнилась соперничеством за расположение русского православного народа, соперничеством, которое разыгралось между двумя антирелигиозными политическими силами, коммунизмом и национал-социализмом. Самый факт соперничества свидетельствует о том, что борющиеся силы в одном были между собой согласны: обе признавали, что в споре есть и третья сила — сохранивший веру русский народ.

Неожиданно стойкое и единодушное сопротивление России не позволило Гитлеру применить к занятым на востоке областям один из более мягких вариантов его оккупационной политики, что требовалось фикцией крестового похода. «Крестоносцы» приступили к физическому истреблению русского народа и систематическому уничтожению памятников русской культуры, в том числе русских святынь. От всей программы крестового похода уцелело только то, что в занятых немцами областях России было насаждено несколько православных иерархий, сочувственно относящихся к завоевателю. Под власть митрополита Дионисия варшавского, поставленного в зависимость от Серафима берлинского, отдана православная Церковь в Галиции, которая, как известно, включена в польское «генерал-губернаторство». В Минске учреждена белорусская митрополия, коей подчинен епископ в Вильно; о каноническом положении этой митрополии ничего неизвестно⁵⁵. На Украине, за вычетом Галиции, произошел раскол. Архиепископ Алексей Волынский, подчинявшийся Сергию между сентябрем 1939 года и июнем 1941 года, после прихода немцев созвал синод в Почаевской лавре и попытался организовать церковь российской ориентации, но не все епископы за ним последовали. В то же время, с благословения какого-то «украинского землячества», епископ Поликарп Владимиро-Волынский провозгласил себя архиепископом Луцким, главой ав-

токефальной украинской церкви. В Киеве, неизвестно кем, посвящен в епископы Стефан Скрыпник, принявший имя Мстислава. Между этими епископами началась борьба, осложненная еще тем, что и митрополит Дионисий предъявил свои претензии на возглавление православной церкви на Украине, хотя бы пределах до польской границы 1939 года.

В начале 1942 года, надо думать, не без немецкого давления, Алексей переменял ориентацию. Он стал обличать «безбожных большевиков» и стал заявлять, что «Господь послал нам милость и свободу, принесенную великим вождем германского народа». Это однако не привело к примирению, так как и Алексей, и Поликарп претендовали на главенство. Вражда достигла такой степени, что немцы сочли нужным вмешаться. 4-го мая 1942 года, под их эгидой, состоялось совещание возглавителей украинской автокефалии. Немцы не потребовали слияния, но запретили дальнейшие публичные разногласия. При этом они проявили свое истинное лицо: иерархам было предписано прекратить поборы с верующих (это — точное воспроизведение советского декрета 8-го апреля 1929 года), а также прекратить преподавание Закона Божия вне церковной ограды: о преподавании Закона Божия в школах немцы обещали «позаботиться» сами, через поставленных ими светских преподавателей, и очевидно в желательном духе.

Весьма существенно было бы знать, как относятся к происходящему верующие. К сожалению, на этот счет имеются лишь отрывочные данные. 1-го июля 1942 года, в выходящей в Праге украинской газете, некий архимандрит Корнейчук заявил, что масса верующих стоит совершенно в стороне от событий; в частности, в украинизации церкви заинтересована только одна интеллигенция. Кажется, только один раз попало в телеграммы из Стокгольма сообщение об открытии немцами церкви где-то под Смоленском. А глухие сообщения о деятельности антисоветских иерархов в оккупированных областях сопровождаются заявлениями, что успех покровительствуемого немцами духовенства далек от ожиданий. Показательно отсутствие сообщений с немецкой стороны: если бы успех был, немцы, конечно, трубили бы

о нем на весь мир, ибо это означало бы, что в западной России им удалось то, что не удалось нигде: примирение завоеванного народа с завоевателем. Насколько можно судить, народ так же провалил затею союзной с немцами церкви, как провалил он в свое время большевицкую затею с Живой Церковью; видимо, в обоих случаях соблазнились некоторые епископы и священники, но не пошел за ними церковный народ.

Нет известий и о том, в какой мере удовлетворен происходящим заграничный синод. Известно однако, что 16-го июня 1942 года он возвел Серафима берлинского в звание митрополита средне-европейского, с подчинением ему православных церквей в Германии, Бельгии, Люксембурге, Дании, Богемо-Моравском протекторате и Словакии. Умолчание о польском генерал-губернаторстве и минской митрополии заставляет предположить, что в какой-то момент Дионисий был вновь изъят из подчинения Серафиму и что минский митрополит также стоит особняком⁵⁶. Если, как передают, белградский синод льстил себя надеждой на восстановление из-за рубежа российской патриархии при помощи немцев, то этим мечтам не суждено было сбыться.

Что произошло по другую сторону фронта? Митрополит Сергей в первый же день войны опубликовал послание, в котором призывал верующих внести в общий подвиг свою долю. «Православная наша Церковь, писал он, всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она своего народа и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг». Предвидя пристальное и подозрительное внимание к возможным шагам церковных деятелей со стороны власти, митрополит продолжал: «Нам, пастырям церкви, в такое время недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается. А если молчаливость пастыря объясняется еще и лукавыми соображениями на счет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу». И кончил он свое послание словами: «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины».

Советское правительство позволило придать этому посланию широкую гласность. Оно было неоднократно прочитано с амвона, и в печатной форме было выставлено в церквях на видных местах, в назидание верующим. 26-го июня, в Богоявленском кафедральном соборе, в Елохове, состоялось торжественное богослужение, на котором, в присутствии 12 000 человек, митрополит Сергей произнес горячую проповедь, с призывом не пощадить ничего для обороны. Еще через несколько дней в «Безбожнике» было заявлено, что не следует умалять значение призывов церкви к борьбе против фашизма. Это было одним из последних заявлений, появившихся в органах союза воинствующих безбожников, ибо в конце сентября 1941 года его издание было приостановлено «из-за недостатка бумаги». В начале октября та же судьба постигла ежемесечник союза, «Антирелигиозник»; имеются данные, что вообще печатание антирелигиозной литературы прекращено. Закрылись антирелигиозные музеи, которые, по словам иностранных корреспондентов, за последние годы очень плохо посещались. Со слов митрополита Сергея мы знаем, что в настоящее время советское правительство благосклонно относится к ходатайствам о понижении налогов, падающих на религиозные общества.

Еще 22 августа 1941 года, московское радио обратилось с призывом к богобоязненным жителям оккупированных немцами земель — восстать на защиту своей религиозной свободы; национал-социализму было брошено обвинение в том, что он угрожает самому существованию христианства и стремится заменить его своим «мифом двадцатого столетия». По мере развития первого зимнего наступления Красной армии (дек. 1941 г. — февр. 1942 г.), в советской печати стали появляться негодующие статьи о вандализме германских армий, оскверняющих и местами разрушающих русские святыни. В Куйбышеве (Самаре), на Рождество 1941–1942 г., состоялся детский праздник, на котором не проступило ни одной антирелигиозной нотки. Около того же времени, корреспонденту Ассошиейтед Пресс была предоставлена возможность побеседовать с архиепископом Саратовским Андреем, который подтвердил, что церковь усиленно молится о

победе русского воинства и воинства дружеских держав, службы, по его словам, привлекают большое число верующих. На Пасху 1942 года, комендант Москвы разрешил свободное движение по улицам в течение всей ночи, конечно, без всяких отступлений от правил о затемнении. В книге московской патриархии можно найти немало радостных откликов на эту неожиданную льготу.

Этим благосклонное отношение советского правительства к религии не исчерпывается. По проникающим в Лондон сведениям, православные священники призываются в армию на общем основании, но власти не препятствуют им совершать богослужение, а красноармейцам на нем присутствовать. По сообщению одного американского корреспондента, посетившего Россию во время войны, власть предоставляет священникам возможность уходить в тыл при эвакуации. Можно, правда, допустить, что советское правительство руководствуется опасением, как бы оставшиеся священники не попали под власть пришедших вслед за Гитлером иерархов. Но вот факт, значение которого совершенно ясно. Когда, в ноябре 1942 года был образован комитет по регистрации немецких зверств, в его состав был включен митрополит Николай Киевский. Знаменательно, что включен представитель патриаршей, а не обновленческой церкви. Эта последняя продолжает существовать, но власть не обращает на нее внимания⁵⁷. Церковь интересует власть, как мощное орудие воздействия на людей, а, как знают на советском верху, верующие пошли за патриархом Тихоном и его преемниками, а не за живоцерковниками и обновленцами.

Всего знаменательнее, однако, факт, упомянутый в самом начале: выход книги под заглавием «Правда о религии в России». В книге проводятся три тезиса: 1) советская власть не стесняет религиозной свободы верующих; 2) церковь заодно с властью и народом в борьбе с немцами и 3) гитлеровские полчища повинны не только в многочисленных зверствах и разрушениях, но и в актах антирелигиозного характера.

По поводу первого положения следует припомнить, что еще в 1930 году, в разгар кампании по массовому закрытию церквей, митрополит Сергей, беседуя с иностранными корреспондентами,

отрицал наличность религиозного гонения. Уже тогда было ясно, что митрополит, по соображениям церковной политики, отождествил отсутствие гонений с допущением выполнения церковью всех установленных таинств и обрядов. Его тогдашние слова почти буквально повторяются в книге, и это свидетельствует, что по этому вопросу с тех пор существенных перемен не произошло. Интересно однако отметить, что, как заявлено в книге, «Православная Церковь огорчена тем, что антирелигиозная идеология является официальной идеологией коммунистической партии». В упомянутой выше беседе, архиепископ Саратовский сделал следующее дополнительное разъяснение: «Для правильного понимания положения вещей нужно строго разграничивать отношение к религии со стороны государственной власти и со стороны различных общественных организаций, как например, союз воинствующих безбожников».

По второму вопросу митрополит Сергей, повторяя свое послание, говорит в предисловии: «Мы, представители церкви, даже и на мгновение не можем допустить мысли о возможности принять из рук врага какие-либо выгоды. Ясно, что церковь раз и навсегда должна соединить свою судьбу с судьбой паствы на жизнь и на смерть». Появление по ту сторону фронта сочувствующей немцам иерархии и вызванная тем тревога ярко проступают в книге. В ней перепечатано пастырское послание митрополита Сергия от января 1942 года. В этом послании православным людям оккупированной немцами территории рекомендуется не забывать, что они русские, и они предостерегаются от того, чтобы, сознательно или по недомыслию, они не оказались врагами родины. Целый отдел книги посвящен самочинным действиям епископа Поликарпа, ранее упомянутого. О других иерархах, действующих в оккупированных немцами областях, если не считать, митрополита Дионисия, упоминаний нет. Из книги обнаруживается, что действия митрополита Сергия и епископа Поликарпа становятся взаимно известными через посредство иностранной печати.

По третьему вопросу, о немецком вандализме, в книге собрано много убедительного материала. Из нее видно, что власть обратила большое внимание на антирелигиозные бесчинства нем-

цев и что двум епископам и двум московским протоиереям было поручено объездить оставленные немцами места, составить доклад о виденном, снять фотографии с разрушенных храмов, монастырей и т.д. Власть как будто желала опереться на авторитет, у многих вызывающий больше доверия, чем она сама.

Есть, однако, в книге отделы, которые стоят вне ее политического задания: в целом ряде статей дается как бы краткий очерк истории русской церкви, с подчеркиванием ее национально-патриотической роли, от святого Владимира до войны 1914–1917 г. В других статьях описывается пасхальное богослужение и делается попытка передать читателю настроение, им вызываемое. Невольно приходит в голову мысль: воздав должное Кесарю, иными словами, осуществив известное политическое задание, московская патриархия воспользовалась небывалым случаем, воздать должное и Богу, а именно преподнести широкому кругу верующих сведения, которые им почти неоткуда почерпнуть.

Против такой догадки, однако, говорит одно сообщение, дошедшее до нас кружным путем. Издающаяся во Фрибурге (Швейцария) газета «Либерте» поместила посвященную книге длинную статью, в которой, между прочим, заявляется, что книга издана исключительно в целях пропаганды за границей, тогда как в России она запрещена к распространению⁵⁸, так что никто, кроме близко стоящих к власти, ее не видел. Сообщение это идет из источника, вообще говоря, хорошо осведомленного: Фрибург — один из рассадников католического просвещения в Европе, и там за делами русской православной церкви следят внимательно. Но статья дошла до нас в английском переводе с португальского перевода французского текста (что, между прочим, сказалось в транскрипции некоторых имен), и в ней можно подметить немало фактических неточностей. К настоящему вопросу неточности не имеют прямого отношения, но их наличие заставляет усомниться в точности информации автора, который, по-видимому, не осведомлен и о повороте религиозной политики Советов в 1939 году. И по существу сообщение маловероятно. Для пропаганды за границей следовало издать книгу по-английски и при том иного содержания: так, как она состав-

лена, она может только утомить английского или американского читателя, в виду обильных повторений. Не забудем, однако, что экземпляр ее уже преподнесен, в торжественной обстановке, президенту Соединенных Штатов и что принимаются меры к ее переводу и распространению в этой стране.

Все же, внутреннее вероятие говорит за то, что книга предназначена не только для пропаганды за границей. Она непонятна тому, кто лишь поверхностно осведомлен об этапах религиозной политики советского правительства. Но на фоне последних ее зигзагов, понятен и факт появления книги, понятно и ее содержание. Понятен и тон обращений патриаршего блюстителя, приспособленный к советской обстановке и потому кажущийся непривычным в устах иерарха, понятно и то смешение стилей, каким является воспроизведение слов славянскими буквами, но по новой орфографии. Понятно и одностороннее освящение, даваемое отходу эмигрантских церквей от митрополита Сергия: в книге оно целиком объясняется реставрационно-монархическими настроениями и тоской по прежнему привилегированному положению духовенства, что во всяком случае несправедливо по отношению к митрополитам Евлогию и Платону. Понятно и приписывание «феофилитам», т.е. русской православной церкви в Америке, политических настроений, им чуждых: в изданной в Москве книге нельзя было, конечно, различать между каноническим подчинением заграничному синоду и политическим единомыслием с ним.

Если книга не предназначена просто для пропаганды, весьма ценными представляются заключающиеся в ней сведения о религиозной жизни в России в дни войны. Среди напечатанных в ней материалов есть письма от прихожан и причта или «верующих села такого то», инокинь и даже «сестры Бородинского монастыря, ныне сторожихи храма»; есть статьи профессоров, докторов, артистов, свидетельствующие о живом интересе к религии на культурных верхах. В одной из своих проповедей митрополит Сергей отметил «некоторые знаки оздоровления» и «множество народа», обратившегося в храм. В книге упоминается, что «в нынешнем, как и в прошлом году, московские храмы

были переполнены богомольцами, особенно же говевшими перед Пасхой. В посту по субботам народа набиралось так много, что служба начиналась в 6¹/₂ час. утра, а заканчивалась в 4–5 часам дня». Картина знакомая тем, кто участвовал в церковной жизни России в первые годы коммунизма.

В книге есть следующая цитата из проповеди, произнесенной в Ульяновске (Симбирск): «Будем верить, что после дней страданий за правду придет и день воскресенья этой правды и в нашей стране, и во всем мире». Не свидетельствуют ли эти слова и о минувших гонениях, и о надежде на окончание периода официального безбожия?

Из книги, к сожалению, нельзя почерпнуть сведения о числе действующих в России церквей. Но вот составленный на ее основании, вероятно не исчерпывающий список церквей, продолжающих быть открытыми в Москве: Богоявленский кафедральный собор в Елохове; церковь св. Иоанна Воина на Б. Якиманке, Успенская церковь в Гончарах, Даниловская кладбищенская церковь, церковь св. Иоанна Предтечи на Пресне, церковь св. Николая в Хамовниках, церковь Нечаянной Радости в Марьиной Роще, Никольская церковь на Кузнецях, церковь св. Ильи Обыденного, св. Петра и Павла у Яузских ворот, тех же святых на Преображенской площади, Воскресенская на Филипповском переулке, другая Воскресенская церковь на Брюсовом переулке, Ризоположенская церковь, церковь св. Николая на Вишняковском переулке и Ильинская церковь в Черкизове.

Информация, почерпнутая из книги московской патриархии, может быть восполнена из сообщений иностранных корреспондентов, недавно посетивших Россию. Один из них, В. Карроль, беседовал с митрополитом Сергием. Тот повторил ему свои обычные слова об отсутствии в России религиозных преследований, но сделал несколько интересных добавлений.

— Высшая церковная власть — сказал он, — пользуется новой конституцией, чтобы обращаться к центральной власти с ходатайствами об устранении препятствий, чинимых местными властями, и центральная власть к этим ходатайствам прислушивается.

Объяснил митрополит и то, каким способом восполняются кадры духовенства, при отсутствии семинарии и академии. Молодые люди, чувствующие влечение к священству, обращаются в епархию; епархия дает им программу занятий и книги, которых иначе негде достать. По окончании работы по книгам, молодые люди подвергаются экзамену в присутствии епископа и, если его выдерживают и оказываются подходящими по нравственным качествам, посвящаются в дьяконы, а потом и священники. К этому, из другого источника, можно добавить, что за последнее время патриархия добилась возможности размножить курсы, необходимые при такой подготовке, вероятно, в порядке мимеографии.

Митрополит закончил беседу с Карролем выражением надежды на значительное улучшение в положении религии, так как крайние антирелигиозные течения сходят на нет, и по всему Советскому Союзу вражда к церкви уменьшается. С начала войны, по его словам, посещаемость церквей увеличилась. Церкви располагают достаточными средствами, так как верующие щедры: многие церкви имеют в сберегательных кассах на счетах по несколько сот тысяч рублей.

Другой корреспондент, Р. Ингерсоль, посетивший одну из московских церквей, был удивлен, увидев среди молящихся много молодежи. Как и в старой России, на паперти стояли нищие и просили подаяния. Однако, признаков религиозного подъема он не нашел.

Третий корреспондент, г-жа М. Берк-Уайт, посетив кафедральный собор в Москве, нашла в нем около двенадцати тысяч молящихся. Выстроилась очередь из матерей, желавших крестить своих детей. Две другие очереди образовались из верующих, желавших приложиться к чудотворным иконам. Верующие, по ее словам, собираются из далеких концов Москвы; некоторые приезжают на автомобилях, а это свидетельствует о том, что верующие имеются и на советском верш. Г-жа Берк-Уайт пишет, что у кафедрального собора на счету около полутора миллионов рублей; митрополит Сергей имеет свой автомобиль, подаренный ему верующими.

Кажущиеся почти невероятными сведения о значительных средствах религиозных обществ вполне подтверждаются книгой

московской патриархии: она полна сообщений о многотысячных, даже миллионных взносах приходов в фонд обороны и о щедрых дарах натурой на помощь бойцам. Благословением на подвиг и материальными средствами поддерживает православная церковь вооруженный народ в борьбе против немцев. А отдельные пастыри, возобновляя традицию 1812 года, оказываются участниками и даже руководителями партизанских отрядов. В книге А.Р. Виллиямса, скорее враждебно настроенного к церкви, можно найти такой рассказ.

В одном из сел, занятых немцами, священствовал о. Андрей. В течение месяца после оккупации он продолжал свое служение. Затем пришлось бежать: немцы расхитили и осквернили церковь. Бежал о. Андрей в лес и наткнулся на группу партизан. Те сначала приняли его с недоверием: как никак, в течение месяца он поддерживал связь с немцами. Но постепенно он заслужил доверие и любовь: он не только хорошо владел винтовкой, но и отлично знал все тропинки через трясины и лесные чащи. И вот, когда начальник отряда был убит, партизаны выбрали на его место о. Андрея. Под его водительством, отряд совершил много славных подвигов. Понемногу военная обстановка изменилась, и начальник отряда был вызван к генералу для награждения орденом. Беседуя со славным партизаном, генерал посоветовал ему сбрить длинную бороду.

— Это невозможно, — ответил партизан, — по окончании войны я собираюсь вернуться к прежней профессии. — А какова она? — Я — священник.

Не следует однако представлять себе религиозную жизнь в России в розовом свете, несмотря на значительную перемену к лучшему, произошедшую за последние годы. Автор только что вышедшей книги о России, В. Гребнер, посетивший ее в 1942 году, удостоверяет, что религия не умерла в России, что есть там церкви и священники. Но религиозной свободы там нет, и священники работают в крайне трудной и нездоровой обстановке. В чем она заключается, можно судить по другим источникам. Так, например, к началу войны в России было около тридцати тысяч религиозных обществ (приходов), но только восемь тысяч имели в своем распоряжении храмы; остальные собирались по частным

квартирам, куда их загнали отчасти принудительное закрытие церквей в период острых гонений, отчасти непосильные налоги. И вообще положение религии в России весьма далеко от того, что называется религиозной свободой. И теперь преподавание Закона Божия запрещено. И теперь невозможно издавать религиозные книги: выход книги московской патриархии — исключение, подтверждающее правило. Епископы и священники, в свое время сосланные, не возвращены пастве. Церковь православная вот уже 18 лет как без Патриарха⁵⁹, так как правительство не позволяет созвать Церковный собор.

И все же эти тягости не привели к тому, на что рассчитывал Гитлер по русскую сторону фронта: не произошло раскола нации, который ожидался как раз на почве недовольства антирелигиозной политикой власти. Новая религиозная политика, заостренная за годы войны, оправдала себя.

Что же будет с церковью и верой в России после победы? Об этом можно строить только предположения. Но при их формулировке нужно считаться с тремя фактами: 1) вера в России выжила, претерпев свыше 20 лет систематического гонения; 2) за годы войны, церковь на деле проявила свою способность и волю приспособиться к такому укладу жизни, который еще недавно казался несовместимым с ее бытием; 3) относительное миролюбие советского правительства отнюдь не свидетельствует о перемене внутреннего отношения в вере и церкви: такое миролюбие явно необходимо, пока идет война, но может оказаться и ненужным по ее окончании.

Из этого, однако, отнюдь не вытекает, что черные дни 1937–1938 гг. непременно должны вернуться. Если, в процессе войны, произойдет хотя бы некоторое внутреннее сближение России с ее демократическими союзниками; если, как то всегда бывало в русской истории, великая война, хотя бы и победоносная, приведет к существенным переменам внутри; если продолжится тяга к сочетанию национально-исторической традиции с коммунистическим планом общественного переустройства, — то завоевания, сделанные верой и церковью за время войны, могут пережить военную грозу. В таком случае по миновании грозы Россия явит миру новый просветленный лик.

Роспуск Коминтерна

(«Социалистический вестник». 1943. № 11 — 12)

«Социалистический вестник» (издание началось в Берлине, после прихода Гитлера к власти было продолжено в Париже, а после оккупации — в Нью-Йорке; 1921 — 1965) — «Центральный орган Российской социал-демократической рабочей партии. Основан Л. Мартовым. Выходит 2 раза в месяц». В первый год издания начало подзаголовка было другим: — «Орган заграничной делегации РСДРП. Основан Л. Мартовым».

Петр Абрамович Гарви (наст. фам. Бронштейн; 1881 — 1944) — юрист, деятель меньшевистской партии, публицист. Работал в редакции петербургских профсоюзных журналов «Рабочий по металлу», «Профсоюзный вестник», сотрудничал с журналами «Печатное дело», «Металлист» (1907 — 1912). В 1916 г. входил в редакцию центрального органа меньшевиков «Рабочая газета», с конца 1918 г. руководил меньшевистской организацией в Одессе и редактировал ее орган «Южный рабочий» (1918 — 1920), печатался в газете «Южное дело» (1918). Резко выступал против большевиков. Арестовывался и ссылся. В 1923 г. выслан за границу.

Статья «Роспуск Коминтерна» показывает устойчивость исходных политических принципов одного из лидеров меньшевизма: ориентация на мировую революцию и рабочую самостоятельность, утверждение идеалов демократического социализма и свободы профсоюзного движения, требование ликвидации «тоталитарной диктатуры и партийной монополии» в советской России.

Этот акт мог бы иметь всемирно-историческое значение, если бы он означал самоликвидацию международной организации, убедившейся, наконец, в том, что на путях социально-революционного авантюризма и тоталитарной диктатуры оно завело

рабочее движение всего мира в безвыходный тупик. На деле этого нет. На деле перед нами, в основном, крупный эпизод в развитии мировой войны. Не стратегия **международного рабочего движения** и мировой социальной революции, а стратегия **политической войны**, как часть большой военной стратегии, — вот что в первую очередь продиктовало Сталину решение о роспуске Коминтерна.

Та «идеологическая» оболочка, в которую облечено это решение, лишь по внешности носит характер марксистской аргументации в объяснение и оправдание самоупряднения «штаба мировой революции» по приказу маршала Сталина. Легкость, с которой эта операция была произведена, свидетельствует о внутренней выпотрошенности и морально-психологической зависимости Коминтерна от Москвы. Он был выброшен за борт, как балласт в шторм, чтобы облегчить бурное плавание государственного корабля России. Именно так истолковало жест Сталина и мировое общественное мнение, за исключением коммунистической челяди с заемными мыслями и со складной совестью: для нее это лишь новый зигзаг гениальной «партийной линии».

Надо признать: с точки зрения стратегии политической войны, а, следовательно, и с точки зрения большой военной стратегии, роспуск Коминтерна — мастерский ход. Мы не знаем, какова закулисная история этого шага, какую роль сыграл нажим Рузвельта и Черчилля, что содержало в себе «тайное письмо», привезенное пресловутым Дэйвисом Сталину, какие обещания и обязательства были даны последнему в обмен на роспуск Коминтерна. Одно ясно: стратегическая и международно-политическая обстановка сделала для Москвы роспуск Коминтерна военной необходимостью.

Война вступила в критическую, быть может, решающую фазу. Обе стороны напрягают все свои силы — военные, моральные и политические. Как раз в это время несогласия в рядах Соединенных Наций приняли характер острого кризиса, ярким проявлением которого является совето-польский разрыв. В Америке под знаменем нео-изоляционизма происходит мобилизация социально-консервативных и прямо реакционных сил,

больше из побуждений социальной опаски, чем из стратегических соображений настаивающих на перенесении центра тяжести активных операции в Тихий океан, т.е. не против Германии, а против Японии. В самой подъяремной Европе союзническое наступление ожидается многими со смешанным чувством надежды и страха, — надежды на избавление от гитлеризма и страха перед перспективой коммунистической гегемонии. Учитывая все это, Гитлер выше поднял демагогическое знамя Анти-Коминтерна.

Роспуск Коминтерна был рассчитан на то, чтобы выбить из рук Гитлера это острое орудие политической войны, ослабить «идеологическую» спайку оси и в то же время устранить один из главных поводов для подозрений и опасений, как среди Соединенных Наций, так и среди покоренных народов Европы.

Такова военно-политическая цель сталинского акта. Будет ли она достигнута? Или действие этого акта будет мимолетно, как действие всякого маневра? Гитлеровская печать и радио-пропаганда говорит о «блефе». Союзническое общественное мнение, в общем, готово авансировать доверие Сталину, но при этом не скрывает своего скептицизма. Как бы значительны не были непосредственные военно-политические последствия роспуска Коминтерна, **длительным** эффект этого акта может быть лишь при наличии ряда условий, в России сейчас отсутствующих.

* * *

Под **внешнеполитическим** углом зрения роспуск Коминтерна должен быть рассматриваем в свете четвертьвековой истории взаимоотношений между Советской Россией и внешним миром. Коминтерн был задуман, как орудие мировой революции и как новая форма рабочего Интернационала. Но очень скоро, в силу полного отсутствия идейной, политической и организационной самостоятельности Коминтерна, с одной стороны, и постепенного перемещения центра внимания русских большевиков от интересов незадачливой «мировой революции» к властным запросам советского государства, с другой, Третий Интернационал стал все больше превращаться в орудие внешней политики Кремля. Коммунистические партии, секции Коминтерна то ж, из на-

циональных отрядов мировой социальной революции все больше превращались в послушных проводников советской внешней политики, а на случай войны им отводилась, согласно военной доктрине Москвы, роль «резервов в тылу у врагов», главное назначение которых усматривалось в разложении возможных противников СССР.

Коминтерн стал окончательно подсобным орудием внешней политики Москвы в эпоху Сталина. Между Наркоминделом и Коминтерном, при всей их формальной несвязанности, установилось разделение труда — под общим руководством Политбюро ВКП. Чтобы устранить то и дело возникавшие трения и конфликты со странами «капиталистического окружения», протестовавшими против подрывной работы Коминтерна в нарушение договоров о взаимном отказе от пропаганды, Москва прибегла к фикции несвязанности советского правительства с Коминтерном. Эта фикция принималась другими государствами по нужде, как дипломатическая условность; но прочных добрососедских отношений на ней нельзя было установить до самой войны.

От превращения Коминтерна в послушное орудие советского правительства, а национальных компартий в «резервы» московской диктатуры выигрывала не Россия, а ее враги, не мировая революция, а мировая реакция, в конце концов, заострившаяся в военно-опасной форме фашизма. Страх перед Коминтерном превратился в отталкивание от России, в недоверие к ее миролюбию, в подозрительное отношение к намерениям бесконтрольной диктатуры. Это и была та почва, на которой вырос Анти-Коминтерн, как орудие разложения демократических стран и как прикрытие для подготовки вселенской агрессии.

Но не только память о прошлой двойственности внешней политики Кремля (одна рука Наркоминдел, другая — Коминтерн) вызывает и сейчас законное недоверие к искренности и прочности нового поворота Сталина «лицом к союзным демократиям». Эта скептическая настороженность находит себе опору и в самом тексте опубликованного постановления о роспуске Коминтерна. В этом документе лишь одно звучит полногласно, недвусмысленно и убедительно — боевой клич борьбы против гитлеризма

до полного его сокрушения. Все остальное в мотивировке роспуска Коминтерна страдает умышленной недосказанностью.

Главным мотивом самораспускания Коминтерна в этом документе приводится изжитость данной организационной формы Коминтерна: «коммунисты никогда не были сторонниками сохранения переживших себя организационных форм». Рост национальных компартий и усложнение национальной обстановки их деятельности делает невозможным руководство всеми партиями из одного центра, что было организационным принципом Коминтерна. Отсюда делается вывод о том, что теперь Коминтерн больше не нужен, ибо можно уже полагаться на политическую «зрелость» и самостоятельность компартий отдельных стран.

Все это звучит как фразеологическое прикрытие бесповоротной исторической ретирады. Но истолковать эту аргументацию можно и в том смысле, что центральный аппарат руководства свертывается **на время**, — до более благоприятной международной обстановки и до выработки новых организационных форм для возрождения Коминтерна, причем в переходное время, — скажем, на время войны, — национальные компартии получают возможность доказать свою «зрелость» тем, что и без открытой связи с Москвой, без формальных директив из центра, даже, быть может, без таинственных «резидентов», сочетающих чекистские функции с функциями политического контроля и руководства, они будут «попадать в ногу» на всех поворотах московской внешней политики и внутрипролетарской стратегии. Не случайно же, в предвидении роспуска Коминтерна, уже приступлено в Москве к созданию камуфляжных «эрзацов» Коминтерна для отдельных областей, как, например, Всеславянский съезд.

Никто не станет проливать слез над гробом Коминтерна. Но надо помнить, что Коминтерн — это только частное проявление более глубокой болезни. Корень — в идеологии той партии и в системе той власти, которой Коминтерн служил и которая его воскресит явно или тайно, когда это ей понадобится. Корень в существовании на одной шестой земного шара тоталитарной диктатуры, по нужде, как сейчас, вынужденной внешне приспособляться к демократиям, но по существу демократии, как режи-

му свободы, глубоко враждебной. Корень в политическом строе, который превращает великую державу в подножие диктатора, русский народ в слепое орудие его замыслов, внешнюю политику России в вечную «загадку». И после роспуска Коминтерна все это остается без изменения...

* * *

В какой-то мере роспуск Коминтерна, без сомнения, должен быть связан с **национальным**, вернее националистическим оформлением русской революции. Переход с рельс «мирового большевизма» на рельсы национал-большевизма начался давно — задолго до войны. Свое идеологическое освящение он нашел в сталинской теории «социализма в одной стране». Ликвидация старой гвардии большевизма проложила путь для нынешней ликвидации Коминтерна. «Мировой Октябрь» стал опознавательным знаком, каторжным клеймом «троцкизма». Первобытное «большевицкое племя», видевшее в Коминтерне знамя мировой революции, было частью истреблено, частью вытеснено зависимым новым служилым сословием, усиленно формирующимся в ходе ряда пятилеток, главной целью которых было военно-техническое и хозяйственное оснащение Советского Союза как великой державы. Стихия патриотизма, охватившего Советскую Россию после нападения на нее гитлеровских орд, безусловно создала благоприятную атмосферу для ликвидации одного из самых символических пережитков эпохи «Мирового Октября». Героика Отечественной войны требует того, чтобы «отец народа» замыкал собою уже не ряд социально-революционных вождей мирового пролетариата («Маркс, — Энгельс, — Ленин, — Сталин»), а ряд полководцев — носителей русской национальной идеи (Александр Невский, Дмитрий Донской, Петр Великий, генерал Суворов, граф Кутузов⁶⁰, маршал Сталин).

Красная армия, которая в старых резолюциях Коминтерна величалась «армией мировой революции», стала сейчас как бы пенящимся гребнем патриотической волны. Реакция «Красной Звезды» на роспуск Коминтерна⁶¹ показывает, что поворот руля на капитанском мостике был сделан, без сомнения, с учетом

остро национальных настроений Красной Армии, — между прочим и с целью более тесного закрепления ныне народной армии за маршалом, в которого перерядился, едва ли до конца переродившись, генсек ВКП.

Весьма вероятно, что роспуск Коминтерна является вынужденной уступкой не только демократическим союзникам, но и **новому национальному сознанию**, которое формируется в ходе Отечественной войны. Но, отдавая себе отчет в далеко зашедшем процессе идеологического линiania большевизма, ускоренного Отечественной войной, надо не забывать, что процесс этот еще не завершен, что рецидивы еще возможны, что роспуск Коминтерна, если даже его принимать всерьез, еще не есть бесповоротный отказ ни от социально-революционного мессианизма, ни от красно-империалистического экспансионизма. А главное, — надо не забывать, что процесс перерождения большевизма не распространяется на решающую область — на сферу политических принципов. На внутренней эволюции Советской России роспуск Коминтерна отразился бы реально лишь в том случае, если бы этот шаг был сигналом к раскрепощению рабочей самостоятельности в самой России и к отказу от режима тоталитарной диктатуры и партийной монополии. Между тем, для будущих судеб России и всего мира спасение не в показных жестах, каким была, например, новая советская конституция, а ныне является роспуск Коминтерна, т.е. формальный отказ Москвы от претензий на диктатуру над мировым рабочим движением, а в бесповоротном вступлении на путь демократизации России. Пока этого нет, на память невольно приходит изречение первого председателя Коминтерна, опороченного и убитого Сталиным Г. Зиновьева: «То, что нашим противникам представляется эволюцией большевизма, на деле является лишь **тактикой**, маневром...»

Но и на арене **внутри пролетарской политики** едва ли кое-что изменится с роспуском Коминтерна. Первая мировая война его породила, вторая мировая война его убила. Убила уже, в сущности, живой труп, жалкое охвостье, политических приживальщиков кремлевской власти.

Пространное постановление Президиума Коминтерна о роспуске, подобно пышной надгробной речи, превозносит историческую роль Коминтерна в мировом рабочем движении. Эта роль была точно велика, — но пассив решительно перевешивал актив, и общий баланс был равносителен банкротству.

Иначе и не могло быть. В сущности, Коминтерн с часа своего рождения был мертворожденным детищем. Идеологически он вырос из «левой» Циммервальда, возглавлявшейся Лениным, как реакция на крушение 2-го Интернационала, не сумевшего обеспечить единство военной политики социалистических партий по разные стороны фронта. Но Ленин проглядел лежавшую в основе этой трагедии незрелость европейского пролетариата, возложив всю ответственность на «вождей», на «реформистов», на «социал-патриотов». Предпосылкой диктатуры пролетариата, на которую существующие рабочие организации оказались неспособны, Ленин сделал диктатуру над пролетариатом — в лице ВКПб России и Коминтерна для всего мира. Третий Интернационал был создан, как организация непосредственного руководства мировым рабочим движением из одного центра — Москвы. Большевицкая партия, построенная на военно-бонапартистской основе, была сделана обязательным образцом для всех секций Коминтерна. Гарантия против всех видов «оппортунизма», с которым связано, по Ленину, «предоставленное самому себе» массовое рабочее движение, заключалась отныне в подборе твердого «руководства» и в чистоте и обязательности сверху предписанной «партийной линии».

Никакого руководства мировым пролетариатом из этого не получилось. Получился перманентный раскол всех форм рабочего движения во всех странах. Получилась деморализация и корруммирование довольно широких слоев пролетариата, вовлеченных в сферу влияния Коминтерна. Получилось политическое ослабление рабочего класса и дискредитирование социализма.

Кощунственна и по существу неправильна ссылка в ликвидационном акте Коминтерна на пример роспуска Первого Интернационала по инициативе его основателя, Карла Маркса. Первый Интернационал, в отличие от Коминтерна, не был организацией

командования мировым рабочим движением. Он возник почти на пустом месте и как зерно, брошенное в землю пахарем, умер, дав жизнь росткам самостоятельного рабочего движения в разных странах: объединение социалистических партий в 1889 году возродило Интернационал, как свободный союз самоуправляющихся социалистических партий. Наоборот, Коминтерн убил демократическую основу международного рабочего движения, расколол и обессилил его. Даже самую тягу пролетариата к единству он сделал орудием своей раскольнической политики, как и дело антифашистской борьбы (Испания и Франция эпохи Народного Фронта) он разлагал и губил своим вмешательством. И разве нет уже признаков того, что и формальный роспуск Коминтерна делается его адептами исходным пунктом для новой компании проникновения в самоуправляющиеся рабочие организации с целью захвата руководства (Англия, Америка)?

* * *

Наша эпоха принудительно толкает в сторону преодоления национальной ограниченности и интернационализации во всех областях экономической, политической и социальной жизни. Тяга к международному объединению, заложенная в социальной природе современного пролетариата и в самом существе его освободительного идеала, станет непреодолимой, мы верим, на другой день после победы над черно-коричневой тоталитарщиной. Но тяга эта лишь тогда не окажется бесплодной, если рабочие всех стран окончательно отвернутся от соблазнов разрешения социального вопроса методами тоталитарной диктатуры, т.е. ценой утраты свободы, и если они, на почве восстановленной демократии, утвердят свою освободительную борьбу на основе рабочей самостоятельности и самоуправления рабочих организаций. Разумеется, объективными предпосылками для такого оздоровления рабочего движения должно явиться завоевание прочного мира на демократической основе и развитие экономического сотрудничества между народами на началах плановости, обобществления в каждой стране частных монополий, предупреждения массовой безработицы, как первых шагов в направле-

нии социалистического переустройства общества. В эту сторону должны быть направлены все сохранившиеся от разгрома и способные возродиться силы демократического социализма и свободного профессионального движения.

Коминтерн давно уже представлял собою потухший вулкан, извергавший не революционную лаву, а пепел и удушливые газы. Но эта сталинская сопка сможет вновь стать действующим вулканом, если после победы над фашистской «осью» вновь воцарятся международная анархия и социальная реакция. Вот почему нельзя допустить, чтобы силы социального консерватизма использовали роспуск Коминтерна, как исходный пункт для сужения социальной и экономической программы будущего мира и для ущемления освободительной борьбы пролетариата в национальных и международных рамках.

П.Н. МИЛЮКОВ

Правда о большевизме

(«Русский патриот». 1944. 11 ноября)

«Русский патриот» (Париж, 1943–1945) — «Орган Союза русских патриотов во Франции». Этот союз был создан осенью 1943 г. В оккупированном Париже он был подпольной организацией. Профашистской газете «Парижский вестник» было решено противопоставить свою газету. Первый номер «Русского патриота» был выпущен 7 ноября 1943 г. Среди участников этого издания были поэт М.А. Струве (1890–1949), племянник П.Б. Струве, прозаик Н.Я. Рощин (1896–1956), журналист газеты «Возрождение» Л.Д. Любимов (1902–1976). В августе 1944 г. оккупационный режим в Париже был ликвидирован. Газета вышла из подполья и была переименована — «Советский патриот» выходил до 1948 г.

П.Н. Милюков находил в советской России 1930-х годов признаки возрождения и демократизации, кото-

рые, как он считал, появились вопреки воле власти. Он оправдывал пакт Молотова — Риббентропа как средство защиты русских государственных интересов. До своей смерти в марте 1943 г. поддерживал Советский Союз.

От редакции. *В одной из своих предсмертных статей, предназначенной для американского журнала, П.Н. Милюков отвечает Вишняку и Тимашеву⁶² на оценку большевизма, в связи с текущей войной. Во время немецкой оккупации статья эта была доступна лишь крайне ограниченному кругу читателей. Считая полезным расширить этот круг, мы не комментируя, приводим из нее ряд выдержек.*

«По существу, мы все — антибольшевики. В этом заключается причина того, что мы должны были покинуть родину. Но в нашей среде появилась, по мнению Вишняка, особая группа “джингоистов” пробольшевизма. Прочтя его характеристику этого течения — и произведя испытание моей собственной политической совести — я должен был бы причислить себя самого к этой категории. “Гром победы раздавайся”: этой отличительной цитатой Вишняк хочет сразу дискредитировать своих противников. Что же? Мне тоже приходится цинически повторить: “Да! Гром победы раздавайся!” К негодованию Вишняка, “джингоисты”, по своей упрощенной логике, требуют от него выбора: “Вы не за Сталина? — Значит вы за Гитлера”. Грешен я и в этом. Бывают моменты — это еще Солон заметил и в закон ввел, — когда выбор становится обязательен. Правда, я знаю политиков, которые, по своей “осложненной психологии”, предпочитают в этих случаях отступить на нейтральную позицию. “Мы ни за того, ни за другого”. К ним я не принадлежу.

Сопоставляя старую “правду” со своей новой, “джингоисты”, по наблюдению Вишняка, изыскивают смягчающие обстоятельства прошлой деятельности (советской) власти. Это сказано слишком обще. Какой “деятельности” и в каком “прошлом”? Но я готов признаться и в этом. Когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней.

Знаю, что признание это близко к учению Лойолы. Но что поделаешь? Ведь, иначе пришлось бы беспощадно осудить и поведение нашего Петра Великого».

«Признаем ли октябрьскую революцию 1917 года настоящей революцией, в полном смысле этого слова? Французская и английская революции имели такой же характер, и были, несмотря (или даже вследствие) на свою разрушительную функцию, признаны не “эпизодами”, а органической частью национальной истории. Русская революция пошла дальше в направлении разрушения. Она в корне изменила старый социальный строй, уничтожив “классы”, “перестроила” политическую структуру, заменив старый государственный строй управлением партийных советов... Вишняк называет все эти перемены “провалами”. Но это значит — за разрушительной стороной русской революции не видеть ее творческих достижений. Мало того: это значит — игнорировать связь русского революционного творчества с русским прошлым, которая, собственно, и подтверждает право рассматривать русскую революцию как “органическую” часть русской истории. На связь русской революции с историческим прошлым мне лично приходилось указывать не раз. Четвертьвековой режим большевиков не может быть простым эпизодом...»

На упреки Вишняка по адресу России в ее влиянии на разоружение демократий, Милуков отвечает:

«Неужели М.В. Вишняк серьезно думает, что разоружение демократической Европы произошло под влиянием пропаганды из Москвы? И что произошло оно как раз тогда, когда сама Россия секретно вооружалась? Нельзя же до такой степени упрощать и извращать сложное явление европейской жизни! Помимо разнообразных внутренних пацифистских течений, тут, прежде всего, влияло направление внешней политики Англии и Франции, — особенно Англии, — не только не предвидевших вооруженного столкновения с Германией, но и содействовавших своим бездействием ее перевооружению. Все это азбучные истины вероятно, известные и автору. Но его искусственное построение слишком выдает его политическую тенденцию, хотя как-нибудь умалить сталинские (русские) успехи, хоть бы и “объективные”,

то есть независимые от его воли. Ту же цель Вишняк преследует, крайне преувеличивая значение соглашения Сталина с Гитлером о нейтралитете России».

На заявление Вишняка:

«Не будь обеспечен у Гитлера тыл на восток, вероятно, вся картина мира была бы не той, какой она стала после соглашения 23 августа 1939 года, в значительной мере вследствие этого соглашения. Правящая советская клика своим дипломатическим искусством способствовала восхождению к власти наци и победоносному продвижению их по всему миру».

Милюков возражает:

«Читаешь, и не веришь глазам. “Восхождение к власти наци” произошло раньше 1939 года. Западные демократии также разружились раньше и далеко не закончили к 1939 году своего перевооружения. Их решение вступить в войну с Германией было принято добровольно уже после заключения советско-германского договора 23 августа. Это все — общеизвестные факты. Неужели же Вишняк хотел бы, чтобы вся тяжесть союзной войны против могущественной армии Гитлера легла тогда, как отчасти происходит и теперь, на одну недовооруженную еще Россию? В чем же провинился тут Сталин? В том ли, что он предпочел нейтралитет и тем выиграл еще полтора года для подготовки к войне, которую считал неизбежной?.. Что пакт не был направлен против демократий, доказывается спорным отказом советской дипломатии на неоднократные попытки германцев расширить значение пакта в направлении активного сотрудничества. Если “карта мира”, в отсутствие России, оказалась иной, нежели ожидали демократические государства, то причины этого надо искать в их собственной политике, а не в политике СССР, их будущего союзника. Если СССР обнаружил тут больше “дипломатического искусства”, то это не его вина, а заслуга, и хорошо, что Вишняк не был при этом дипломатическим советником».

И далее, по другому поводу:

«Утверждать, что “правящая клика” ни причем в теперешнем положительном настроении к ней армии и населения и что отношение к власти сплошь “остается враждебным”, значит, присо-

единиться к ожиданиям неприятеля, тоже “не сомневающегося”, что народ восстанет против правительства и режима при первом появлении германских штыков. В действительности, этот народ в худом и хорошем связан со своим режимом его уже четвертьвековой давностью. Огромное большинство народа другого режима не знает. Представители и свидетели старого порядка доживают свои дни на чужбине, а идеологи неоправдавшихся иллюзий, увлекшись народом в начале, тщетно ждали крестьянского восстания как раз в голодные годы коллективизации.

Но надо идти дальше. Народ не только принял советский режим как факт. Он примирился с его недостатками и оценил его преимущества. Н.С. Тимашев прав в своем утверждении, что поворот Сталина к национализму, его пропаганда “зажиточной” жизни, его уступки в хозяйственной сфере, прибавлю еще — и его ухаживание за “беспартийными”, свое действие произвели. Нельзя отрицать наличия устрашающих мер, применяемых не одними большевиками, для поддержания дисциплины в страшной обстановке военной борьбы. Но сам Вишняк отказывается объяснить ими “чудеса храбрости”, обманувшие ожидания наших врагов. Когда некоторые русские люди под впечатлением таких же ожиданий, пошли вместе с германцами “освободить” Россию от ее режима, они получили, по их невольным признаниям “оттуда”, целый ряд бесспорных данных, подтверждающих их недоверие к утверждениям Вишняка и германцев о ненависти народа к режиму. Приведу некоторые из самоновейших показаний этих очевидцев. Беру их из такого компетентного источника, как “Парижский Вестник”, издающийся русскими германфилами.

Вот выражения недоумения при первой встрече русских эмигрантских “освободителей” с “подлинной Россией”. “Конечно, в них (русских солдатах) есть много поначалу для нас непонятого, и нужно сказать, что условий русской жизни мы не знали совсем и на внутрирусские политические темы спорить с ними трудно. Приходится, развесив уши, их слушать, делая вид, что все давно знаешь — и быстро находить выход из положения. Никакой теорией их не забьешь. Нужно знание жизни. Наши

прежние, старые солдаты бродят среди них (молодых советских солдат), как потерянные и чувствуют над собою их превосходство” (“Парижский Вестник”, № 9).

После первого момента растерянности следует постепенное признание и сдача перед развернувшейся действительностью. Да, — соглашаются эмигрантские наблюдатели, — “народ изменился, стал гораздо развитее, сообразительнее”. “Советчина для них все. Она их вывела в люди, и они ничего другого не хотят” (“Парижский Вестник”, № 8). В смысле умственного развития русские люди значительно и выгодно отличаются от дореволюционных. Гораздо больше развиты (№ 10). В частности, красные офицеры как военные спецы подготовлены хорошо. В итоге у “освободителей” является сомнение. “В Париже многие из нас (пошедших с германцами) считались изменниками родине и людьми, идущими против своего народа” (№ 4). А вдруг это правда?

Не знаю, повторит ли Вишняк свое неосторожное восклицание “при чем тут правящая советская клика?” Пусть, прежде всего, справится у своего соседа Н.С. Тимашева. В числе “факторов силы” тут указано: “В первую мировую войну Россия вышла, имея только 40 проц. грамотных в населении старше 10 лет. В эту войну Россия, по данным переписи 1939 года, вошла с 81 проц. грамотных, неграмотные сохранились только среди старших возрастных групп, а бойцы Красной армии сплошь грамотны”. Мы видели, что они не только грамотны, но и развиты. Здесь я иду дальше Н.С. Тимашева в оценке среднего уровня образования, особенно профессионального и военного. Русский экономист Юрьевский (в издававшемся нами сообща с М.В. Вишняком журнале), вычислил, что новый персонал управления, подобранный Сталиным, составляет 14,3 проц. населения, что он сильно возрос сравнительно с 1924 г. соответственно усложнившимся функциям, взятым на себя государством, и что подбор этот заменил старые необученные кадры и состоит из прошедших профессиональные школы работников по разным отделам управления промышленности, торговли, образования, гигиены и т.д. Это уже не похоже на управление дореволюционных земских начальников.

В частности, “при чем советская клика” в успехах армии? На феноменальное неведение Вишняка в этой области я хочу ответить свидетельством немецкого специалиста, добросовестно переведенным в русской газете, издаваемой в Берлине (“Новое слово”). Автор статьи в руководящей идеологической газете ударников, говорит следующее: “Европейцу кажется невероятным, что советские солдаты дают гнать себя на верную смерть. Столь же невероятно, что они, несмотря на свою рабскую психику, являют примеры полного презрения к смерти. В чем коренится их упорство? Непостижимо, чтобы люди, которые в повседневной жизни прозябают на низшей ступени и потребности которых устрашающе примитивны, что эти самые люди в состоянии справиться с очень сложными машинами, станками и инструментами, что они умеют обращаться с современным вооружением, которое они сами же в состоянии производить. Примечательно, что они вообще сумели наладить производство этого вооружения. Удивительно, что они как-то поставили на рельсы нужный для этого производства гигантский аппарат управления. Вот это — приводящее в изумление достижение. Объяснить его, равно, как поведение советского солдата в бою, только массовым рабством, — нельзя, ибо руками рабов можно прорыть каналы, но нельзя создать военной индустрии. Приходится признать в советском человеке нечто, похожее на силу веры” и т.д.

Итак, “упорство” советского солдата коренится не только в том, что он идет на смерть с голой грудью, но и в том, что он равен своему противнику в техническом знании и вооружении, и не менее развит профессионально. Откуда же получил он эту подготовку? Откуда, как не от “советской клики”? С другой стороны, немецкий наблюдатель принужден признать в советском человеке и какую-то силу веры, его вдохновляющую. Может быть, и тут кое-чему его научила “советская клика”. Недаром же от всех советских граждан, попадающих в атмосферу менее “примитивной” культуры, мы постоянно слышим упорное утверждение, что Россия — лучшая страна в мире».

И Милюков заканчивает свою статью: «Мы подошли к концу в пределах намеченного мною разбора. Я боюсь подводить

итог: он слишком невыгоден для моего бывшего сотрудника. М.В. Вишняк парит слишком высоко над действительностью, чтобы замечать ее индивидуальные черты. Так легко нельзя решать сложные вопросы жизни. Этой смелости суждений соответствует или незнание фактов, самых очевидных, или забвение о них в угоду заранее намеченным выводам...

Нужно лучше знать правду о большевизме и объективнее к ней относиться».

Н.А. БЕРДЯЕВ

Власть прошлого и грядущее

(«Русские новости». 1945. 20 июля)

«Русские новости» (Париж, 1945—1970) — еженедельная газета. Первый номер вышел 18 мая. Пять лет ею руководил А.Ф. Ступницкий. Юрист по образованию, он был постоянным автором газеты «Последние новости», редактировал сборник, посвященный Милюкову, и рассматривал «Русские новости» как продолжение «Последних новостей». Это было подчеркнуто шрифтом названия газеты. Многие авторы в прошлом печатались у Милюкова, но были и из газеты «Руль». Все хотели «защищать демократические принципы, которые являются устоями современного общества и которые провозглашены в советской Конституции 1936 года». Газета хотела осведомлять «сограждан за рубежом о всех сторонах советской действительности», способствовать «психологической связи» с Родиной. Своеобразным идеологом газеты на первом этапе существования был Н.А. Бердяев, в частности, в статье «Власть прошлого и грядущее».

Ошибочно думать, что народы и общества живут в настоящем. Настоящее почти неуловимо. Гораздо более живут властью прошлого и притяжением грядущего. Настоящее для революции

хочет уничтожить прошлое, чтобы создавать грядущее, творить новую жизнь. Но каждый раз человеческое сознание подвергается иллюзии, которая потом постепенно исчезает. Жизнь есть становление, развитие. Но прошлое продолжает жить, оно не уничтожается, и если бы оно совершенно уничтожилось, то никакого развития не было бы. Уничтожить можно только мертвое, изолгавшееся, сгнившее прошлое, мешавшее развитию жизни, но не живое, не ценное, не приобретенное для вечности. Развитие жизни предполагает, что продолжает жить субъект развития, в вопросе, который нас интересует, продолжает жить русский народ со своей тысячелетней историей. Революция, которая неизбежно должна многое разрушать, поет «*Du passé faisons la table rase!*»⁶³ Но в действительности из прошлого нельзя сделать «*table rase*».

Революции гораздо более традиционны, чем это принято думать. Это можно считать установленным для Великой французской революции. Токвиль один из первых показал, насколько в революции продолжали действовать многие тенденции старого режима. Это несколько не менее нужно сказать про революцию русскую и даже более. Власть прошлого действует двояко. Она сообщает становлению новой жизни не только свои положительные завоевания, но и свою тяжесть.

В начале революция отталкивается от прошлого и готова отрицать не только дурное и мертвое прошлое, но и ценное, вечное в нем. Через некоторое время после торжества революции к прошлому начинают возвращаться. Это и происходит в советской России. Означает ли это что-то похожее на реставрацию? О начинающейся реставрации с негодованием говорят старомодные революционеры (троцкистского типа) и с злорадством говорят реакционеры, которые жалеют только о том, что не они сами производят реставрацию. Но в действительности так же невозможен возврат к прошлому, как невозможно уничтожение прошлого.

В советской России восстанавливается русская история, которая совершенно отрицалась в период господства Покровского. Есть даже культ св. Александра Невского, Петра Великого, Суворова, Кутузова. Обратились к великой русской литературе

XIX века, особенно почитают Пушкина и Л. Толстого. Пушкина читает весь народ, есть настоящий культ Пушкина, и оправдывается то предвидение своей судьбы, которое он выразил в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Признаются заслуги православной церкви в русской истории. Очень усиливается национальное чувство. В плане чисто внешнем восстанавливаются формы, чины, ордена, и многим это нравится более всего. Но означает ли все это измену основным началам социальной революции? Думаю, что совсем нет, и напрасно радуются те, которые хотели бы, чтобы такая измена произошла. Происходит только выпрямление основной линии становления, т.е. более правильное, более гармоническое соотношение между властью прошлого и притяжением грядущего.

Результаты социальной революции в России остаются неизменными. Советская Россия есть страна социалистическая. Классов в той форме, в какой они существуют в капиталистических обществах, более нет, хотя возможно возникновение новых форм неравенства. Орудия производства, фабрики, земля находятся не в частной собственности, а в собственности коллективной, государственной или общественной. Личная собственность по конституции 36-го года утверждается, и нужно признать это большим улучшением. Но эта личная собственность на предметы потребления, а не на орудия производства, она не допускает образования капитализма и исключает возможность эксплуатации человека человеком. Остается также неизменным советский политический строй, отличный от западных демократий. Этот строй будет демократизироваться, но нет никаких оснований думать, что он будет развиваться в направлении западных парламентских демократий. Диктатура же есть явление преходящее. Какие бы изменения ни происходили в советской России, а, наверное, будет много изменений, можно быть уверенным, что русский народ не вернется к капиталистическому строю, хотя бы смягченному, к формам частной собственности, господствующим на Западе. И тут скажутся не только завоевания революции, но и власть прошлого, традиций прошлого. Сознанию русского народа всегда были чужды римские понятия о собственности. Русскому народу в безмерно

большей степени свойствен общинный дух, чем народам Запада. В течение всего XIX века русская мысль в наиболее влиятельных своих течениях была окрашена социалистически, употребляя это слово в широком смысле. Тут также есть традиция прошлого. Русский коммунизм усвоил себе традицию народнического социализма в том смысле, что признал возможным для России миновать капиталистический период развития, но с той разницей, что народнический социализм хотел оставить Россию страной аграрной и крестьянской, коммунизм же требовал индустриализации России под знаком социализма, что и сделало возможной победу над Германией.

Нужно относиться с терпением к процессам, происходящим в советской России, и соглашаться на жертвы, чтобы разделить судьбу русского народа. Наиболее мучительный вопрос есть, конечно, вопрос о свободе. Могут с печалью сказать, что у нас не было свободы в прошлом, ее нет в настоящем и неизвестно, будет ли она в грядущем. Было бы несправедливо винить в этом одну власть. Власть есть лишь функция народной жизни, орудие в осуществлении исторической судьбы народа. И вот вопрос в том, почему так много печального в нашей исторической судьбе. В России всегда была гипертрофия государства. Ключевский говорил, что государство пухло, а народ хирел. Русские историки объясняли это огромными, необъятными пространствами России. Трудно было организовать эту необъятную равнину и защищать ее от внешних врагов. Русская земля должна быть огромной, это входит в русскую идею. Русская коммунистическая революция и выдвинутая ею власть унаследовали от прошлого эту идею огромности России, верны этой идее. И прежде чем утвердить эту идею, советская власть была поставлена перед фактом этой огромности. Создание советской федерации, объемлющей много племен и народов, было огромной заслугой. Нужно помнить, что время самой революции, совершившей огромный социальный переворот, никогда не бывает временем свободы. Такова всякая революция.

Свобода может прийти лишь позже. Диктатура политическая и особенно экономическая иногда бывает наименьшим

злом, может быть необходима. Но что никогда не оправдано, так это диктатура духовная и интеллектуальная, диктатура над мыслью и верой, что и есть тоталитарный произвол. И всегда нужно надеяться, что после победоносного окончания войны, после укрепления советского социального строя, которому не может уже грозить никакой серьезной опасности, в России будет провозглашена свобода духа, совести, мысли, слова. Имею в виду не формальное признание свобод, а их реальное достижение. Речь сейчас идет не о так называемых политических свободах, которые вторичны и в капиталистических обществах слишком часто бывали лживы, а о свободе духа, которая есть вечная правда. Большее значение имеет гарантия гражданских прав. В XIX веке русская мысль была сдавлена в тисках бессмысленной цензуры, но внутренне она была необыкновенно свободна. Свобода духа есть не только притяжение грядущего, но и наследие прошлого, великой русской культуры, которая существовала несмотря на самодержавный режим. Свобода в советской России понимается не как независимость личности от общества, не как свобода выбора и не как свобода спора об истине, а исключительно как активность в коллективном социальном строительстве после того, как выбор сделан и спор прекращен. Но такое понимание свободы ущербно, потому что не может быть применимо к мысли, познанию, к творчеству в искусстве.

Прошлое и грядущее должны сомкнуться в вечно ценном, непреходящем. Это таинственное смыкание прошлого и грядущего постоянно происходит в истории, и без него не было бы связи истории. Пройдут века. Русская социальная революция, грандиозная по своему размаху, станет далеким прошлым, но она будет продолжать жить в настоящем грядущего. Тогда будет что-то новое, чего мы не можем еще предвидеть. И это новое, вероятно, будет восставать против ближайшего прошлого. Но и это новое не сможет уничтожить власти прошлого. Прошлое и грядущее опять сомкнутся. Такова тайна времени, такова тайна истории. Ложно и вредно исключительно консервативное отношение к прошлому. Именно оно и есть измена тому, что было творческим и динамическим в прошлом. Лишь творческий процесс в на-

стоящем верен лучшему прошлому. Неискоренимая власть прошлого должна быть претворена в творческое грядущее, стать его фактором. Советская Россия вступает в час своего существования, когда прошлое и грядущее соединяются для осуществления великого призвания России и русского народа в мире, ибо есть много оснований думать, что наступает русский период всемирной истории. И в сознании этого призвания России сочетаются революционная, социалистическая, советская идея с мессианской, славянофильской идеей, унаследованной от прошлого. Всегда подстерегает опасность империалистического соблазна, тоже полученного от прошлого, но, будем верить, что будет сильнее русская идея осуществления братства людей и народов.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

От «холодной войны» до «разрядки». 1946–1972

Обращаясь к учащимся Вестминстерского колледжа в Фултоне, штат Миссури, 5 марта 1946 года, У. Черчилль разоблачил «экспансионистские тенденции» России, насаждавшей в восточноевропейских странах коммунистические правительства. Он говорил о необходимости «братского сотрудничества» Великобритании и Соединенных Штатов в борьбе с продвижением русских в Европу и указал, что «континент уже разделен железным занавесом». Примерно в то же время А.А. Жданов стал возрождать ослабевшие в годы войны антизападные настроения внутри Советского Союза. Бывшие союзники становились яростными противниками в соперничестве за верховенство в европейских и мировых делах. Началась «холодная война». В это противостояние было вовлечено и Русское зарубежье. Если в первые двадцать пять лет эмиграции многопартийная пресса русских в Европе и Америке писала прежде всего о судьбах России, о национальных проблемах русских и критиковала большевизм, то во время «холодной войны» на первое место выдвинулось разоблачение недостатков коммунистического мироустройства.

Только немногие из уехавших в США после победы вернулись в Европу. Переезд из Нью-Йорка в Париж С.Ю. Прегель вместе с журналом «Новоселье» был исключительным событием. Нью-Йорк остался важным центром русской зарубежной журналистики. Вместе с тем в Европе появлялись новые газеты: например, в Париже «Русские новости» (1945) и «Русская мысль» (1947), и журналы: в Париже «Свободный голос» (1946) и «Возрождение» (1949), в Германии «Посев» (1945). После Второй мировой войны активизировалась русская пресса в странах Северной и Южной Америки: в Лос-Анджелесе появился журнал «Согласие» (1950), в Буэнос-Айресе газета «Наша страна» (1948) и «Наша газета» (1950).

О творческой свободе и о фабрикации душ

(«Русские новости». 1946. 4 октября)

Редакция «Русских новостей» испытывала сильное давление со стороны советских дипломатов в Париже. По сути, они хотели сделать ее своим рупором. Газета опубликовала письмо, подписанное псевдонимом «Советский гражданин», защищавшее ждановскую политику в области культуры и большевистское понимание свободы. В то же время она поместила полемическую статью Бердяева. Он выступил против «диктатуры над духом», за «свободу церкви и религиозной жизни», «свободу мысли и литературы» в России.

В дальнейшем двойственность позиции газеты, желавшей продолжить традиции «Последних новостей» и откликнуться на указания советских посланников, редактор преодолевал в пользу победителей.

Оружье свободных людей
Свободное слово⁶⁴.
Константин Аксаков

Так, как думал в своем известном стихотворении о свободе слова Константин Аксаков, думали все русские писатели, создавшие великую русскую литературу, прославившие Россию более, чем сила и блеск империи. Во времена Николая I была довольно свирепая цензура, но очень глупая, что и было большим благом. Белинский мог проскочить через эту цензуру. Императорская власть не могла руководить думами потому, что весь строй с Петра не был уже цельным и тоталитарным, он уже начал разлагаться и внутренне уже подготавливалась революция. Официальная, отражавшая мировоззрение власти литература была бездарна и даже не могла быть названа литературой. Цельным и тоталитарным был строй Московской Руси, но в ней не было мысли, не было слова. Мысль и слово родились уже в

Петровскую, уже в надтреснутую, критическую эпоху. История не знает настоящей литературы и искусства, которые создавались бы по директивам власти с требованием проводить в художественном творчестве определенное и притом официальное мировоззрение. Это всегда было смертельно для всякого творчества. И особенно смертельно и даже смехотворно, если вы превратите художественное творчество в утилитарное средство для построения фабрик и изготовления орудий возможной войны.

История с Ахматовой и Зощенко со всеми последствиями для союза писателей означает запрещение лирической поэзии и сатирически-юмористической литературы. Так называемая чистка идет по всей линии, даже среди музыкантов. Трудно предположить, что лирическое стихотворение Ахматовой может помешать устройству хоть одной фабрики или изготовлению хоть одного танка, но так же трудно предположить, что она может написать стихотворение, помогающее умножению фабрик и танков. А вот патриотические стихотворения она писала.

Официальный взгляд на искусство, отразившийся и в письме в «Русские новости», означает возврат на 80 лет назад, к идеям Чернышевского и Писарева. Последний, воюя против «искусства для искусства», требовал от Щедрина писать популярные стихи по естествознанию⁶⁵. Теперь требуют от искусства, чтобы оно было популяризацией марксистской идеологии. Между 60-ми годами прошлого века, когда господствовал утилитарный и материалистический взгляд на искусство, и нашим временем был культурный ренессанс начала XX века с расцветом поэзии и философии, и он утвердил самостоятельную ценность искусства и духовных ценностей вообще. Тогда в России было много творческих дарований, качество почиталось более количества. Сейчас в России есть большой прогресс в смысле социальном и в смысле элементарного просвещения массовой культуры. И большой регресс в отношении творчества духовной культуры. Это один из фатальных результатов массового социального переустройства общества. Это будет во всем мире. Можно и должно приветствовать социальные результаты рево-

люции и совсем не приветствовать умаления свободы и культурной реакции.

Это элементарная истина, что никакое творчество невозможно без свободы. Творчество и есть акт свободы. Творчество духовной культуры никак не может быть организовано по образцу хозяйственной жизни страны или военной казармы. Это было бы смертью творчества. Философская мысль уже не может развиваться в России потому, что допускается лишь официальная философия диалектического материализма. Коммунистический тоталитаризм, который нужно отличать от тоталитарного государства фашизма, формально скопирован с католической теократии и с иезуитского ордена; он походит также на женеvскую кальвинистическую теократию. Но и тоталитаризм средневекового католичества все же более допускал многообразие мысли, чем тоталитаризм в советской России: было много школ, томисты и скотисты⁶⁶ очень спорили, были разнообразные школы мистики. Настоящей свободы мысли и творчества католичество не допускало; был и есть индекс, и потому, когда современные католики, уже не составляющие господствующего большинства, кричат о свободе, то это неискренно. Стремление к единству не может исключать многообразия и индивидуализации, иначе это будет отвлеченное принудительное единство, угашающее жизнь, которая всегда предполагает индивидуализацию. Нельзя насадить принудительную добродетель, как этого, по-видимому, хочет автор письма в «Русские новости», и притом добродетель, которая видит определяющий центр жизни в экономике. Принудительная добродетель может только калечить жизнь. При таком отношении к творчеству можно дойти до героя «Бесов», который сказал: «Мы всякого гения задушим в младенчестве». В старом режиме было обязательное обучение катехизису, бездарному и искажающему христианство. Это не вело к созданию христианских душ, это вело к отпадению от христианства. Такое же значение может иметь и политграмма. Человек так устроен, что без свободы духа он не формируется в известных идеях, которые почитаются за истинные, а или впадает в рабью покорность, или бунтует.

Официальная коммунистическая точка зрения на искусство смешивает два разных вопроса. Прежде всего, нужно совершенно устранить устаревший спор о чистом искусстве для искусства. Такого искусства никогда не существовало — это фикция. Свободный творческий гений или талант не находится в пустоте, его творческие акты связаны с миром и человеческим обществом, он микрокосм. Если творец хочет выразить судьбу своего народа и разделить ее, то потому, что он внутренне с ней связан, и даже, может быть, более с ней связан, более есть настоящий народ, чем бескачественная народная масса. О народе мы судим, прежде всего, по его гениям, по его вершинам, а не по обыденной жизни человеческих масс, по качеству, а не по количеству. Эхил в известном смысле исполнял «социальный заказ» афинской демократии, но не потому, что получал директивы извне, а потому, что сам был глубиной греческого народа. Вергилий в известном смысле исполнял «социальный заказ» Римской империи цезаря Августа, но не потому, что подвергался насилию извне и писал на навязанные темы, а потому, что из глубины своей творческой свободы хотел выразить римское возрождение, к которому стремился и цезарь Август. И так всегда бывало. Недопустимо смешивать творческую свободу художника или мыслителя с изоляцией, с индивидуалистической поглощенностью собой, с равнодушием к судьбе мира и народа. И недопустимо эту внутреннюю необходимую связь с жизнью своего народа смешивать с рабством, с насилием над творцом, с приказом писать на известные темы. Патриотическое стихотворение можно написать лишь потому, что поэт горит любовью к родине, а не потому, что в данный момент генеральная линия власти требует написания таких стихотворений. Это так элементарно, что почти неловко говорить об этом.

Основная ошибка заключается в предположении, что можно фабриковать души путем их принудительной организации, что возможно фабричное производство людей. Воля направлена к утверждению единства, монолитности. Но принудительное единство, не обнимающее многообразия и не допускающее индивидуализации, есть отвлеченное, мертвое единство. Это есть

геометрия, а не жизнь. Советы хотят создать общество, в котором не будет эксплуатации человека человеком, и они много для этого сделали. Цель благая, и ей можно только сочувствовать. Но невозможно создать нового социального строя без свободной критики. Полезно припомнить, что Ленин очень резко обличал комчванство и комвранье. Советы хотят создавать не только новое общество, но и нового человека. И тут они сбиваются с пути. Забывают, что приходится иметь дело с живыми душами, а не геометрическими линиями. Человеческая душа сложна, многогранна и многострунна. Если вы запретите человеку испытывать печаль и тоску и выражать свои лирические переживания в словах, то вы создадите не нового человека, а автомат.

Это и есть фатальный результат тоталитаризма марксистского мировоззрения. Маркс хотел разоблачить иллюзии сознания, иллюзии религиозные, философские, моральные, эстетические, порожденные экономическим строем, основанным на эксплуатации одних классов другими. Он это делал иногда гениально и не бывал слишком прямолинеен и элементарен. Он даже однажды сказал: «Я не марксист». Так и Толстой не был толстовцем. Но Маркс все-таки думал, что экономика есть субстанция человеческой жизни, есть как бы первичная реальность, и из нее определяется вся остальная жизнь людей, их идеология, надстройка. Он часто противоречил себе, и материализм его спорный. Но он дал основание к тому, чтобы считать экономику определяющей всю жизнь, значит, и творчество художественное, творчество мысли, т.е. всю культуру. Правда, его можно понимать так, что он хочет освободить человека от власти экономики, но это относится лишь к будущему обществу. Пока в России человек более подчинен экономике, чем когда-либо. Тут мы встречаемся с основным вопросом, вопросом об иерархии ценностей. Духовная культура есть более высокая ценность, чем политика и экономика, которые должны бы были быть послушными средствами. Великая задача в том, чтобы не допускать превращения средства в цели. И это всего труднее в эпоху революций. Но поэтому особенно важно это сознать. Русская душа на протяжении тысячелетий формировалась православной верой, она

формировалась в XIX веке великой русской литературой, Пушкиным, Л.Толстым, Достоевским, профетизмом этой литературы, она выражала себя и в течениях русской социальной мысли XIX века, искавшей социальной правды и сделавшей возможным коммунизм, она также выражала себя в славянофильской мысли и в русской философии начала XX века, она отразилась и в поэзии Блока, и в беспокойстве русского ренессанса начала века. Но она не формировалась какой-либо экономикой и предписанием власти. Поэтому она оставалась свободной душой несмотря на давление власти. Свободная душа может создавать социалистический строй, но это предполагает и свободу критики, допущение многообразия. Можно признавать смысл революции и сочувствовать ее социальным результатам, можно верить, что Россия и русский народ призваны осуществить социальную правду в мире, можно стоять за самый принцип советского политического строя, можно защищать международную политику России в тяжелый момент ее существования — и вместе с тем не сочувствовать духовно-культурным результатам революции и видеть опасность в формировании рабских душ. Я именно и стою на такой точке зрения и в этом смысле остаюсь верен так называемой советской ориентации.

Международное и экономическое положение советской России очень трудное. Она окружена врагами на Западе, особенно враждебны ей англо-саксонские страны. России нужно внутреннее единство, но духовная свобода в стране не только не мешает единству, она именно способствует ему, отсутствие же свободы разделяет и вызывает вражду. Антисоветский фронт на Западе мешает развитию свободы в России. Тоталитаризм и изоляцию начинают рассматривать как защиту. Но не следовало бы так определяться врагами, как не следует слишком преувеличивать количество врагов. Лучше быть свободным в своем самоопределении. Факты гонения на свободу творчества только увеличивают вражду Запада к Советской России, и притом не капиталистических кругов, не трестов, которым не к лицу защищать свободу духа, а культурной интеллигенции стран Запада, которая естественно дорожит свободой мысли и творчества, более левых христианских движений и самих рабочих классов. История с Ах-

матовой и Зоценко, с утеснением кинематографа, театра, музыки превращается в антисоветскую пропаганду со стороны самих Советов, сеет внутреннюю рознь и дает оружие в руки врагов.

России сейчас необходимо, чтобы наряду со свободой Церкви и религиозной жизни была дана свобода мысли и литературы. Никакая власть мира, будь то власть святых, ни при каких условиях не смеет утверждать диктатуру над духом, она не может этого делать и при существовании экономической и политической диктатуры, которая не есть нормальный и желанный строй, но иногда оказывается роковой необходимостью. Диктатура над духом, над творчеством, над мыслью и словом есть не необходимость, а зло, вытекающее из ложного мировоззрения и ложного направления воли к властвованию. Так порождается лишь рабство. В этом главная трагедия России. Об этом нужно говорить правду, и правда эта направлена не против советской России, а в ее защиту. Диктатура над духом есть неверие в свой народ, такое же неверие, какое мы видим у непримиримых врагов советской России, которые ничего, кроме зла, в ней не видят и ставят крест над русским народом. Таковы многие русские в Америке⁶⁷. Во имя веры в русский народ и в его призванность осуществить более справедливый социальный строй, чем буржуазные демократии Запада, нужно требовать свободы духа, совести, мысли, слова, творчества, невмешательства власти в свободные дела духа. Пусть власть способствует экономическому развитию России и подготавливает военную защиту России на случай необходимости, но не вмешивается в духовную культуру. Принципиально нисколько не мешает делу, когда говорят, что все это делает не власть, а партия. Никакая партия, никакая власть, хотя бы в трудный переходный период, не может претендовать на полное выражение души народа и его воли, его творческих духовных исканий. Всякая власть всегда частична, а не тоталитарна⁶⁸, всегда должна быть подчинена высшим целям. Не думаю, чтобы Россия шла к демократиям западного типа, она создаст свой тип советской социальной демократии, но она должна идти к свободе, к реальной свободе. И русский народ должен оставаться верен русскому универсализму. Замыкание в рационализме было бы изменой русской идее. Монистические,

монолитные притязания власти или партии есть соблазн, это есть ложная религия, лжерелигия. Нужно верить в животворность свободы. Это и есть вера в творческие духовные силы, а не в одну только материальную необходимость. Верю, что эти силы есть в русском народе.

В.Д. ПОРЕМСКИЙ

Памяти героев

(«Посев». 1947. 15 июля)

«Посев» (1945—1991, с 1992 г. издается в Москве) — «Еженедельник общественно-политической мысли», «Орган российского революционного движения»; позднее другой подзаголовок: «Общественно-политический журнал». Первый (газетный) номер вышел в ноябре 1945 г. в лагере беженцев Менхенгоф в Германии. Затем место издания менялось: Лимбург-ван-дер-Лан, Кассель, Франкфурт-на-Майне.

Владимир Дмитриевич Поремский (1909—1997) — инженер-химик. В 1930-е годы печатал статьи во французских научных журналах. Одновременно занимался политической деятельностью — руководил Национальным союзом русской молодежи, позднее ставшим французским отделом Народно-Трудового Союза российских солидаристов (НТС). Тогда же начал печататься в газете «За Россию» — «органе связи национального трудового союза» (Франкфурт-на-Майне). В 1941 г. был арестован гестапо в Париже, потом жил в Берлине под надзором полиции и работал переводчиком в одном из лагерей по подготовке из военнопленных работников для администрации оккупированных областей. Антикоммунизм сближал его с гитлеровцами, борьба за возрождение национальной России вынуждала заниматься подпольной работой. В частности, он участвовал в «редакционном совещании» членов НТС при газете «Но-

вое слово» — это был негласный русский комитет недовольных отношением Гитлера и Розенберга к русским и их восточной политикой. Он перевел и отпечатал на ротаторе книгу немецкого философа В. Шубарта «Европа и душа Востока» о высоких духовных качествах русского народа. В июле 1944-го гестапо арестовало его и заключило в концлагерь Заксенхаузен. В апреле 1945-го он был освобожден после вмешательства генерала А.А. Власова, который использовал В.Д. Поремского на переговорах с англичанами. Но англичане не пожелали его слушать и заключили в свой лагерь, из которого он вышел в 1946 г. и вновь оказался в лагере — для перемещенных лиц в американской зоне. Там и была написана статья «Памяти героев» — тех членов НТС, которые, не желая или не имея возможности надевать гитлеровский мундир, все же отправлялись на оккупированные территории России пропагандировать идеи, чуждые как гитлеровцам, так и большевикам, — идеи «построения свободного Российского государства, основанного не на насилии и классовой борьбе, а на выявлении народной воли, свободном труде граждан и солидарности всех слоев общества в служении общему делу». Естественно, что в глазах большинства местных жителей они были всего лишь предателями. Эта некрологическая статья — образец партийно-политической журналистики НТС, попытка обосновать и оправдать сочетание коллаборационизма с решением антибольшевистских задач. Все статьи В.Д. Поремского печатаются по тексту книги: Поремский В.Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции: Избранные статьи. 1934 — 1997. М., 1998.

Шесть лет тому назад начался крестный путь российского «резистанса», российского движения сопротивления: через зеленую границу, на Восток, навстречу своему народу потянулась вереница отважных русских людей. Что заставляло этих людей бросать насиженные места, разрушать свою заграничную карьеру, бросать семью и уходить в далекую неизвестность? Их никто не звал, на их пути стояли бесчисленные рогатки, большинство

отклонило, в те времена еще малодоступную, возможность одеть чужой и вражеский мундир. Люди, нелегально пробравшиеся в «оккупированные области», предпочитали встретиться со своим народом без этого камуфляжа под «победителей». Каждый день приходили с Востока вести об арестах и преследованиях смельчаков: молодых инженеров из Белграда, студентов из Праги, шоферов такси и рабочих из Парижа. Среди прочих — редактор варшавского «Меча» — В.В. Бранд. Помню, как сегодня, его красивое, энергичное лицо с копной рано поседевших волос, с бьющими меткими глазами.

Один из руководителей русских солидаристов в Польше, он многих благословил на путь нелегального перехода границы. Когда прогремели первые выстрелы на Востоке, он счел своим долгом последовать за друзьями и единомышленниками. Передо мной маленькая фотография 1942 года: кладбище в Смоленске, вокруг свежей могилы В.В. Бранда небольшая группа друзей, пришедших проститься с дорогим товарищем, не выдержавшим суровой зимы и тяжелых испытаний подполья. За этой жертвой последовали другие. С каждым месяцем, с каждым новым успехом немецких армий усиливался террор против тех, кто нес поработанному народу идею «третьей силы», идею национально-трудовой России. Письма с Востока, написанные карандашом на серой бумаге, приносили печальные вести: «арестована наша группа в Борисове», «в Брянске массовые аресты, среди тысячи арестованных около трехсот наших», «тревожно в Пскове». И шли на Восток новые подкрепления — нести идею, находить живых людей, создавать группки, связываться с партизанами. Работали шапирографы, переписывались от руки листовки и обращения, в общем духе и направленности борьбы против обеих сил тоталитаризма ковалось единство двух, двадцать лет оторванных друг от друга, миров.

*

Началось движение транспортов с Востока: изнуренные, оборванные, голодные, ввозились в Германию рабы — русские, украинские, белорусские «унтерменши»⁶⁹.

По всей Германии раскинулись рабочие лагеря. Национал-социалистическая «культура» встретила их «лагер-фюрерами» и похлебкой из брюквы. Но все-таки остатки заграничной свободной и обильной жизни ощущались еще повсюду — в обличи деревень, в одежде горожан, в рассказах о столь еще недавнем немецком благополучии. Миллионы россиян смогли критически взглянуть на свое прошлое, свободно обменяться мыслями и провести некоторые параллели. Из этих сравнений и размышлений родилась идея «третьей силы» и автоматически создался контакт с заграничными российскими солидаристами, попавшими на подневольный труд в Германии.

Н.М. Сергеев был энтузиастом работы в «остовских» лагерях. Его квартира всегда была полна Ванями, Петями, Машами. Для них у него всегда находились не только продуктовые карточки, одежда и нужные документы, но и горячее, ободряющее слово о нашей Правде, о неизбежной нашей победе.

Когда я попал в концлагерь, меня ждала там печальная весть: Николай Митрофанович умер в концлагерном «ревире», как нам сказали, от заражения крови.

За этой жертвой последовали многие: Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен, Аушвиц, — в регистрах всех этих лагерей можно найти десятки фамилий, против которых стоит: «по делу НТС» и отметка о смерти.

Так рос грозный список жертв российского «резистанса» — список лучших, самых смелых и чистых, не побоявшихся вести борьбу на два фронта, борьбу против всех сил зла.

Когда отгремела война, французы и голландцы, греки, норвежцы и бельгийцы почтили память своих героев торжественными богослужениями, воздвижением памятников, возложением венков. Слово «резистанс» стало символом национальной чести, спасенной героями-одиночками в эпоху глубочайшего падения этих стран. Мы, русские, до сих пор молчали о нашей борьбе и о наших героях. Мы не знаем их, — ни Георгия Полошкина, молодого русского поэта, умершего от истощения через несколько дней после его освобождения из концлагеря американцами, ни К.Д. Вергуна — блестящего публициста и идеолога

солидаристического движения, погибшего в Пильзене во время транспортировки из берлинской тюрьмы, ни... Мы не знаем сотен и сотен имен, которые должны были бы нам быть близки и дороги. У нас нет той земли, на которой мы могли бы воздвигнуть памятник, нет той ленты с национальными цветами, которую мы могли бы возложить от имени свободного народа, чтящего память своих героев. У нас нет почти ничего, кроме русского, не забывающего боль, страдание и жертву, сердца. Оно помнит, что наши герои шли на подвиг и смерть с прекрасным возвышенным девизом: «Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена».

М.М. КОРЯКОВ

Встреча на чердаке

(«За свободу». 1947. № 18)

«За свободу» (Нью-Йорк, 1941 – 1948) — «Издание Нью-Йоркской группы Партии социалистов-революционеров».

Михаил Михайлович Коряков (1911 – 1977) — прозаик, журналист, публицист, литературный критик. В 1930-е годы работал в центральных и местных газетах. В 1937-м служил в «Курортной газете» (г. Сочи). В 1939-м был научным сотрудником Усадьбы-музея Л.Н. Толстого в Ясной Поляне и печатался в тульской газете «Молодой коммунар», в журнале «Литературный критик». В годы войны — корреспондент газеты 6-й воздушной армии «Сокол Родины». В 1945 г. участвовал в выпуске газеты советского полпредства в Париже «Вести с Родины». В 1946-м в «Социалистическом вестнике» опубликовал письмо с объяснением своего решения остаться на Западе. В статье «Встреча на чердаке» он рассказал о перестройке своего сознания и сформулировал принцип: «Не быть ни советчиками, ни белыми, а просто русскими людьми». Этот принцип он защищал в

печати и в последующем. В 1966 г. в газете «Новое русское слово» в статье «Помнить и забывать» он спрашивал: «Когда кончится полувековое деление на белых и красных?»

Весной 1944 года Шестая воздушная армия, где я служил, перебрасывалась с Северо-Западного фронта на Волынь. Где-то около Коростеня наш эшелон пересек старую советско-польскую границу, и мы въехали в область, которая более двадцати лет не принадлежала России. В Сарнах при выгрузке я встретил армейского политработника, который стоял, положив руки на кобуру пистолета, переместившуюся почему-то на живот. На мое удивление, почему — на живот, он снисходительно улыбнулся:

— Для быстроты действия... Тебе здешняя обстановка еще не знакома, а я уже имею опыт, — был здесь в тридцать девятом году. Пойми, мы во враждебной зоне. Бывшая панская Польша, тут надо быть начеку.

В годы войны географические границы ничего не значили: пограничные войска двигались позади действующих частей. Но в несчастном сознании и политработника существовал рубеж, разделявший понятия: «МЫ» и «ОНИ». Мы — советчики, они... кто были «они»? За границу мы вступали, как на неизвестную землю. Волынь, разумеется, никакая не заграница, но и она лежала перед нами неизведанным белым пятном.

Проезжая через Москву, я бросил в походную сумку книгу «Польская деревня», изданную Институтом мирового хозяйства. Тезис «мы и они» служил вертелом, на который авторы нанизывали цифры, факты, рассуждения. Теперь мы попадали на очную ставку: представлялась возможность сличить книгу с жизнью, пропаганду с действительностью. Немало среди нас было таких, которые тотчас же приступили к исследованию белого пятна. Деревенская учителька научила меня польской грамоте, и я скоро начал читать «Волынские рочники», ежегодники, поразительные по богатству материалов, собранных краеведами, историками, экономистами.

Не могли мы не интересоваться и эмигрантами, нашими соотечественниками. Помню, что уже в Сарнах я отыскал одного эмигранта — Константина Оленина⁷⁰, поэта, автора когда-то знаменитой песни «Спите, орлы боевые». Предпринял поиски и русской эмигрантской литературы.

В те дни получил письмо из Москвы, от поэта Дмитрия Кедрина. На Северо-Западном фронте мы провели с ним не одну ночь в землянке, накрываясь общим полушубком. Кедрин был коротко знаком с писателем А. Фадеевым, который, как член Центрального комитета партии, имел доступ к книжным изоляторам в Москве. В изоляторах хранилась «белоэмигрантская» литература. Кедрину от Фадеева перепали запрещенные книги. Кедрин писал: «Найдите “Солнечный удар” Бунина, а также “Анну”, повесть Бориса Зайцева, писателя, которому Бунин, умирая, завещал свое перо»*.

В поисках книг мне посчастливилось. Воздушная армия дислоцировалась широко: наши полки стояли на территории двух Белорусских фронтов — Первого и Второго. Как военный корреспондент, я летал на «воздушной лошадке», самолете «У-2», под Ковель, в Луцк, в Сарны. Всюду спрашивал местных интеллигентов о русских книгах и всюду получал один ответ: в 1939 году, только Красная армия вступила в Западную Украину, агенты НКВД ходили с повальными обысками и забирали не то, что книги, но выискивали каждый листок, клочок бумаги, где было хоть что-нибудь напечатано по-русски.

— Куда же они их девали?

— Должно быть, жгли...

В Луцке я напал на старика-украинца с белыми обвислыми усами, который мне по секрету шепнул: «Не жгли, а со всей Волынской области свозили в Луцк и сваливали ворохами в немецкой кирхе». Немцы за три года почему-то не расчистили кирху: книги так и остались лежать ворохами. Весной 1944 года от НКВД к кирхе был приставлен инвалид войны, который на-

* В Москве ходили слухи, что И.А. Бунин был умучен немцами в концлагере. О его смерти⁷¹ были написано в «Воспоминаниях» Н. Телешова.

зывал себя начальником архива. Он был глуп не то от природы, не то от счастья, что нашел тихую и покойную службу; ведь на фронт отправляли уже кривых, хромых и одноруких. Начальник архива и понятия не имел о том, что хранится в кирхе. Под предлогом, что мне нужны материалы для статей о Волыни, я набил мешок комплектами «Современных Записок», «Нового Града», «Пути» и, погрузив это богатство в пустую заднюю кабину самолета, улетел.

Несколько дней спустя, в конце мая, приключилась та история, которую и описал в книге «Почему я не возвращаюсь в советскую Россию»*. В деревне Бережницы, близ г. Сарны, я присутствовал в церкви на панихиде по Патриархе Сергие, только что умершем. Меня отстранили за это от должности военного корреспондента. Однако, решение армейского политотдела не являлось окончательным, его должен был утвердить начальник Политуправления 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Галаджев. Два месяца оставался я в невырешенном положении. В среде штабных офицеров одни говорили, что меня «простят», другие, наоборот, держались, что «отправят в штрафную роту». Невзирая на разность мнений, все, даже те, что недавно считались моими друзьями, избегали встреч, боялись разговаривать со мною, поглядывая, как бы чего не вышло... Мало по малу я перестал ходить даже в офицерскую столовую: получал сухой паек и столовался у хозяйки, красавицы-волынячки, мужа которой в тридцать девятом году угнали «в сибирки».

Жил я на чердаке. В ворохах прошлогодней соломы попрятал крамольные книги. Возле крохотного окошка поставил столик, — читал, писал. На Волыни цвела весна, самая прекрасная, какую я когда-либо видел. Вешний ветер шевелил белые и голубые вышитые полотенца на придорожных крестах, гулял над разливом реки Горыни, гнал белогрудые облака над бело-розовыми садами. В верхушке столетнего дуба, перед окном, лежало лохматое, в черных сучьях, гнездо, и там, охраняя меня, сто-

* Книга этой осенью выходит на английском языке в издательстве Даттон, в Нью-Йорке. Глава напечатана в 14-й книжке «Нового журнала»⁷².

ял аист, худой и недвижимый, будто вырезанный из дерева. Не без удовольствия вспоминал я, что у древних египтян аист был символом справедливости. Уж не бог ли юстиции То (Thot), изображавшийся египтянами в виде аиста⁷³, посылал мне знак, что неправда не одолеет меня, победа останется за справедливостью?

На чердаке-то и произошла моя первая встреча с русской эмиграцией. Впоследствии в Париже у меня было много встреч и знакомств — бывал я у писателей и шоферов, у предпринимателей и мойщиков окон, у певиц и белошвеек, у людей простых и знатных, княжеского рода. Но позднейшие знакомства, если не говорить о личном интересе, не прибавили нового к тому представлению об эмиграции, которое я вынес из первой встречи на чердаке. И это естественно, потому что эмиграция качественна, представление о ней дает не ее обыденная жизнь, а ее духовные проявления, прежде всего, конечно, ее литература.

Имел ли я прежде какое-нибудь представление об эмигрантской литературе? Никакого! Начало моей сознательной жизни относится к тридцатым годам, и я не припомню, чтобы в советских газетах когда-нибудь писалось об эмиграции, — будто она и не существовала. Только раз, в 1932 году, в памятные времена «кулацкого саботажа», довелось мне слышать от Бориса Шеболдаева, тогдашнего секретаря Северо-Кавказского крайкома партии, фразу о том, что «видный белоэмигрант Бунаков призывает к интервенции, высадке экспедиционного корпуса на Кубани». Дикая эта выдумка⁷⁴ — единственное, что я слышал об эмиграции.

Конечно, литературная молодежь знала, что где-то в Париже живет замечательный русский писатель Иван Бунин, но в нашем распоряжении были только те желтенькие выпуски бунинского «собрания сочинений», которое тридцать лет назад появилось в издании А.Ф. Маркса; в двадцать восьмом году Госиздат напечатал «Митину любовь», — и это все. Как ни было плохо марксовское издание, московские букинисты ломили за него страшную цену, и я специально ездил в Калугу, прослышав, что

там продается один экземпляр подешевле. Буниным увлекались, Бунина любили, но Бунина... не знали. Не знали «Жизни Арсеньева», «Освобождения Толстого», «Солнечного удара», «Божьего древа», не говоря уже об «Окаянных днях». Кедрин читал одну книжку, да и то по великому счастью, по редкостному знакомству с членом Центрального комитета партии.

Других эмигрантских писателей не только не знали, но и не помнили. Дело в том, что литература начала XX века в СССР почти не изучается или изучается в очень специальном плане: например, когда пишут о «революционных традициях Маяковского», о его борьбе с «буржуазной литературой» (статьи С. Трегуба, Н. Белкиной, Б. Малкиной в предвоенных номерах «Литературного критика»). Из всего Зайцева я читал только «Италию». Со Шмелевым был знаком по «Человеку из ресторана». Об Алданове слышал от Кедрина: «Очень интересен Марк Алданов, — писал он, — не знаю, удастся ли вам найти его книги». Про Сирина и не слыхал никогда: не подозревал о существовании писателя, который необыкновенно поразил и увлек меня сперва, в дни первого чердачного знакомства.

Для того, чтобы понять, какие чувства испытывал я при встрече на чердаке, какие тогда возникли во мне мысли, необходимо помнить: дело происходило весной 1944 года. Трехлетний опыт войны лежал за моими плечами. Бойцом, рядовым солдатом я прошел снежными полями Подмосковья, то была полоса необычайной людской обнаженности. Каждый человек значил только то, что значил, ни больше, ни меньше, пред оком судьбы или, как тогда многие догадались, Бога. Это — начало душевного опыта. Офицером я водил роту лесами Приильменья, — душевный опыт углублялся и конденсировался, потому что в него входил опыт и тех смоленских мужиков, которые служили в моей роте, в жизнь которых я должен был вникать, чтобы ею руководить, ею жертвовать или ее спасать, и во всяком случае о ней заботиться. Наконец, военным корреспондентом я ездил по дивизиям и полкам, соприкасался с летчиками-истребителями и летчиками-бомбардировщиками, непохожими друг на друга не только психологически, но и внешне, с пехотинцами, артил-

леристами, саперами, интендантами и врачами, людьми разных военных профессий и неодинакового служебного положения, — душевный опыт расширялся и вместе с тем креп, отстаивался, потому что он был все тот же, опыт Подмосковья и Приильменья, и из многообразия лиц складывался один облик — облик русского человека.

Он — один, он — вечен. Не существует силы, которая могла бы переменить натуру народа. Народ в представлении большевиков не что иное, как известное количество рабочих рук, контингент людей, принадлежащих к определенным, классифицированным и тарифицированным, профессиям. Двести миллионов людей, населяющих пространства от Белого моря до Черного, от финских болот до чукотской тундры, не рассматриваются и не ценятся ими иначе, как резервуар людской силы, необходимой для выполнения пятилетних планов. Будь это так, разве победила бы Россия? Война показала, что народ имеет душу, свое — духовное и чувственное — представление о счастье, тысячелетнее традиционное понимание жизни. К весне 1944 года во мне вызрело и окрепло чувство: Бог благоволил сделать нас русскими людьми, дал нам такое назначение в этом мире, и мы должны ему следовать, быть верны.

Такова была моя убежденность, настроенность, душевная установка, когда писатели, философы и публицисты «русского Парижа» появились в качестве моих собеседников на чердаке.

Ни малейшей неловкости не почувствовал я в их обществе. Я — советчик, молодой человек сталинской эпохи, воспитанный в годы социалистического наступления, прошедший советскую школу от начала до конца, от детского класса до университетской аудитории. А они — беляки, контрреволюционная мразь, вдохновители интервенции и т.д. и т.п. Но стоило нам сойтись поближе, как все эти, привычные моему уху, формулировки улетучились, не оставив следа. Оказалось, что мы свои люди, объединяет нас многое, не разделяет почти ничто. Полный дружеского внимания, выслушивал я все, что говорили мне их книги.

Вот пишет Бунин о русском народе:

«...И из всяческих бед, по вере его, выручали его птицы и звери лесные, царевны прекрасные и премудрые, и даже сама Баба-яга, жалевшая его “по его младости”. Были для него ковры-самолеты, шапки-невидимки, текли реки молочные, цвел дивный Аленький цветочек, таились клады самоцветные, от всех смертных чар били ключи вечно живой воды, знал он молитвы и заклęcia, чудодейные опять-таки по вере его, улетал из темниц, скинувшись ясным соколом, о сырую Землю-Мать ударившись, заступали его от лихих соседей и ворогов дебри дремучие, черные топи болотные, ветры буйные, пески летучие — и прощал милосердный Бог за все злодеяния, за все пошвисты удалые, ножи острые, горячие».

Но разве у меня иное представление о нашем народе? Ничуть! Под Москвой в сорок первом году мы были выручены из беды **по вере**. Казалось, все потеряно. На фронте — разброд, в столице — паника. По «здравому» смыслу, с точки зрения «реально» мыслящего человека, нельзя было и думать о победе. В советской школе — марксистской, материалистической — нас учили верить только в материальное, только в то, что видимо. В Бога не верили, потому что он не имеет ни веса, ни объема, ни величины, его никто не видел, даже летчики, подымавшиеся в стратосферу («доказательства» такого рода имеются, например, в романе Леонида Леонова «Соть»). Но осенью 1941 года, кто видел тогда победу? Мгла неотразимой беды покрыла русскую землю от края до края. Тогда-то и оказалось, что сила не в том, чтобы видеть, а в том, чтобы верить. Победу не видели, но в победу верили. И по вере победили!

Бунин многое говорил мне, как солдату. «...Наш дом со всей его русской стариной, со всеми преданиями и особенностями быта, нравов, то есть со всем тем особенным, в чем священная поэзия каждого народа...», — душа отзывалась на такие строки. Ведь как раз наш дом, все наше особенное, все наше священное, мы и защищали от немцев. От нацистов — врагов христианства, врагов Евангелия, нарушивших вечную христианскую заповедь: «Не пожелай дома ближнего своего».

Дом мы отстояли. Трехлетняя военная дорога осталась позади. Врага давно загнали «за Можай». Вступая в галицкие и полесские местечки, мы считали километры до Берлина, до Дрездена. Путь еще предстоял далекий. Выдюжим, дойдем! В одной из книг Б.К. Зайцева мне попала запись о страннике, которая взволновала меня как раз этим ощущением: дойду... Дойду до конца дороги, исполню то, что назначено мне исполнить на земле.

Два месяца, почти не отрываясь, читал я книги, вывезенные из луцкой кирхи. Они пришлись мне по сердцу. Оказалось: не из чего нам делиться, «советчикам» и «белоэмигрантам». Вы — русские и они — русские. Не делиться надо, а объединяться. Не быть ни советчиками, ни белоэмигрантами, а просто русскими людьми.

Кончилась война. Выдюжили, дошли. В мае 1945 года попал я в Париж. Впечатления чердачной встречи не ослабли, не переменились при личном знакомстве с русскими парижанами. Мы, советчики, думали, как ОНИ, говорили, как ОНИ. В связи с исполнявшимся той весной трехлетием со дня смерти художника Мих.Вас. Нестерова, с которым я был знаком и состоял в переписке, я написал статью «Последние годы Нестерова». Крупный русский писатель, живущий в Париже, прочитал мою статью в рукописи. Необычайно удивился он близостью и родственностью не только моих взглядов, но моего стиля, моего способа выражения. «Не вижу никакой разницы между вашими писаниями и, скажем, моими», писал он мне в присланной пневматичке*.

Наступил мой черед удивляться. Удивляться — удивлению. Почему, собственно, должна быть разница? Насмешил меня

* Небезынтересно отметить, для характеристики парижской атмосферы, что статья «Последние годы Нестерова» была показана (не мною) редакторам «Русских Новостей». Ответ был довольно любопытен: «Мы охотно напечатаем статью, если автор сам испросит на это позволение у А.А. Гузовского» (тогдашний советник посольства и представитель НКВД по делам русской эмиграции, осуществлявшей явное, хотя и негласное руководство как «Советским Патриотом», так и «Русскими Новостями»).

один из русских парижан. Пригласив меня на чашку чая, он потом рассказывал своим знакомым: «Представьте себе, он ничего себе, он... человек». В таких случаях отвечают: а что же я, черт с рогами, что ли? В Бунцлау, силезском городке, добрая старая фрау Вюнш, видя, что мой товарищ все время сидит в комнате в шапке, спросила меня всерьез: «Быть может, под шапкой — рога, потому и не снимает»; она хохотала, когда увидела, что он брит наголо, а комната нетопленная и голове холодно. Думаю, что русские эмигранты могли бы проявлять к нам, «советчикам», несколько большее понимание.

Несколько больше вкуса, добавил бы я. Как ни странно, эмиграция читает не столько Бунина или Зайцева, сколько... Краснова. В одном из русских книжных магазинов в Париже на почетном месте выставлена коллекция книг горе-атамана, про которого не мы, советчики, а в добровольческой армии говорили, что это — «проститутка, зарабатывающая на немецкой постели». Немало встречал я людей в Париже, которые судят о нас по бредовым романам Краснова. Будто и впрямь «там, где была Россия», теперь только чертополох, лопухи, бурьяны.

Предвижу возражения: «Не теперь, не теперь...» Нет, и теперь! Вот, например, что пишет Ив. Херасков в сентябрьском, 1946 г., номере журнала «За Свободу». Называется статья «Мы — россияне». Кто же «ОНИ»? Херасков поясняет: «поколения, выросшие в атмосфере психиатрической клиники и тюрьмы, с детских лет вскормленные казенной ложью, лестью, страхом». Под «ОНИ» подразумеваемся мы, советчики, «соучастники», как выражается Херасков, «пусть пассивные только, молчанием — в самых (после гитлеровских) бесчеловечных и циничных преступлениях». Напоминанием о «пассивном молчаливом соучастии» автор ставит последнюю веху на рубеже «мы и они», отождествляя таким образом народ, тот, что всегда безмолвствует, с большевизмом, отбрасывая всех нас, представителей выше означенных поколений, в чертополох и лопухи. Или ничего, кроме чертополоха, Херасков не видит по ту сторону рубежа? «Ценнейшие, человеческие ореолы, кото-

рые признавались когда-то специальным достоянием русского народа — человечность, гражданственность, непримиримость в борьбе с неправдой, свободолюбие, — где они? Поскольку были, — погасли».

Спрашивается, что это такое? Презрение к народу или отрешенность от народа? Надо позабыть, сколь тяжек жребий советского человека, надо позабыть о тех 15.000.000 мучеников, что томятся в концлагерях, чтобы написать о немом соучастии народа в преступлениях большевизма. Когда-то мы слышали — и нас вдохновляли — иные строки:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Блок писал о немой борьбе, а тут говорят о немом соучастии. Блок погиб в немой борьбе, так, как гибнут и ныне люди, не в эмиграции, а там, в России. На смерть Блока Максимилиан Волошин написал стихи, которые, к сожалению, мало известны. Напомню заключительные строфы:

...Может быть, и я такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь,
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От могил твоих не отрекусь.
Доканает голод или злора,
Но судьбы не изберу иной,
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба.

«Не смущаясь званием эмигрантов, гордясь им...», не трудно придти к выводу, что поскольку в России «ореолы» погасли, то хранительницей священного пламени является эмиграция и только эмиграция. Не будем говорить, есть в нашей России еще

другие вещи, которые тоже имеют кое-какое значение в жизни русского человека: леса, поляны, и проселки и шоссе, наши русские туманы, наши шелесты в овсе... Надо ли доказывать, что все-таки существует, кроясь в них, немая борьба и существует тайная свобода? Не пора ли глубже вникнуть, как живет свободному — в духе свободному! тайно свободному! — человеку в тоталитарном государстве, в условиях организационной тирании? Жизнь человека подвергается риску на каждом шагу. Не кажется ли Хераскову, что этот риск придает благородство жизни советского человека, блеск «ореола»? Если бы я писал эту статью, как ответ Ив. Хераскову, то я, пожалуй, переиначил бы его слова: «Не смущаясь званием советчиков, гордясь им...» и поставил бы заголовок: «МЫ — СОВЕТЧИКИ».

По натуре не спорщик, я отнюдь не собираюсь писать «ответы». Наш спор с Ив. Херасковым — недоразумение. Недоразумение по пустяку.

Надо судить о советской жизни по ней самой. Херасков, храня белизну эмигрантских одежд, приглашает «вперить взор в черные пятна на теле народа». Нет спора, они имеются. Как у каждого человека, так у каждого народа. Наш народ — не лучше и не хуже, чем все другие. Христианская традиция наша тысячелетняя, нам не пристало таить грехи. Но точно так же, как мы верим, что после ночи приходит день, так мы верим, что с первой утренней звездой вчерашние грехи прощаются, — все злодеяния, все посвисты удалые, ножи острые, горячие. Только человек, утративший народную традицию, может писать о «конечном поражении, духовной смерти, потере всяких путей». Невозможно понять советскую жизнь извне, со стороны. Тот, кто со стороны «вперяет взор» в черноту ночи, ничего не видит, кроме черноты. Надо войти в ночь, чтобы увидеть звезду утра. В каком-то смысле надо стать самому советчиком, чтобы понять явления советской жизни⁷⁵.

В каком именно смысле? Бежать на рю де Гренель и становиться в очередь за советскими паспортами? Не поймите меня превратно. Довольно близко знакомый с тайнами посольства, я

знаю, какие цели преследует кампания с паспортами. Мой приятель-эмигрант, капитан Адмиралтейства П.З. Борейша, просил меня похлопотать насчет паспорта. Когда я доложил об этом Якову Панченко, посольскому атташе и секретарю партийной организации, тот спросил:

— Он, что же, этот Борейша, в Союз хочет ехать?

— По-видимому... В Ленинград, это его родной город...

Панченко захохотал:

— А в Якутск не хочет?

Кампания с паспортами — провокационна. Как и вся советская политика в отношении эмиграции. Дело не только в том, что самый факт наличия эмиграции, теперь еще многих тысяч невозвращенцев, колеблет престиж «самого демократического государства в мире». Несравненно важнее то, что, подготавливая политическую и военную агрессию против Запада, большевизм наталкивается на эмиграцию, как на один из опаснейших подводных рифов. Наступать нельзя, не разрушив преграды.

В чем опасность эмиграции для большевизма? В понимании. Иностранцам труднее понимать кремлевские маневры, нежели эмиграции. Надо, значит, так запутать эмиграцию, чтобы она ничего не понимала. Напустить туману, чтобы не видела. Вот и пущены в дело «советские патриоты», «патриаршие приходы» и т.д. На военный манер эмиграцию охватывают клещами, глубокими рейдами и — главное — вбивают в нее клинья.

Когда я говорю, что эмигранту надо стать советчиком, то это значит — разрывать путы, как разрывают их, тайно или явно, советские люди. Войти в ночь — видеть нутро вещей. Не отбрасывать «поколения, выросшие в атмосфере тюрьмы» в чертополох, лопухи, но проявить к ним понимание и терпение, — величайшее терпение, если требуется. Наконец, войти в ночь, чтобы не ослепляться тьмою, а верить в утреннюю звезду.

Звезда полей, звезда отчизны милой... — она одна для всех нас, — «советчиков» и «белоэмигрантов». И идти к ней нам следует вместе, не делясь на «мы и они». Для того, однако, чтобы мы все разом смогли отправиться в путь, нам необходимо всем

условиться о пункте сбора. В Париже Молотов при встрече с эмигрантами тоже провозгласил: «Мы, русские, должны быть всегда вместе»⁷⁶. Хорошие слова, но надо же было сказать, где нам всем собраться. Этого-то как раз Молотов и не может сказать. Война на срок отменяла географические границы. Но рубеж, разделявший понятия «мы» и «они», она уничтожила навсегда. На нашей стороне хотя и не раздавались такие благословенные слова, как рузвельтовские, о том, что «Объединенные Нации желают работать над установлением мирового порядка, в которых дух Христа будет руководить сердцами людей и наций», однако, нет сомнений, что и у нас в глубине народного сознания живет дух церкви, а не коммунистической партии. Нас всех, все народы, роднит тысячелетняя наша вера, от нее мы пошли и только ею живы.

Христианская традиция сыграла в войне решающую роль. В тех книгах, которые я читал на чердаке, она была выражена многообразно, многосторонне, ярко. Она нас и сближала, роднила, меня и моих собеседников. Пунктом встречи всех русских людей, и всех народов мира, — пунктом сбора перед великим походом в будущее, — может быть только Церковь, то, о чем думал Рузвельт, — дух Христа.

Необходимо условиться насчет пункта сбора, сговориться, достигнуть взаимного понимания. непонимание — от разделения, разделение — от непонимания. И того, и другого, увы, еще много. Даже у серьезных писателей в эмиграции. Не мое дело оспаривать концепции Г.П. Федотова, изложенные в «Новом Журнале», — моя роль свидетельская. Как свидетель, могу показать: верно, что «новая религиозная политика (НРП) остается в пределах чистой политики», неверно, что «нет пока никаких признаков пробуждения религиозного чувства». Так-таки «никаких»? В сущности, федотовское «никаких» равнозначно херасковскому «погасли» т.е. чертополоху, лопухам. Тот же взгляд на советскую Россию издалека, со стороны, как на пустошь, заросшую сорными травами. Будто все мы, советчики, живем, не думая, не чувствуя, ничего в себе не вынашивая, ничего не соз-

давая. Внимательно и любовно присмотревшись к тому, **в каких условиях и что** создано советскими людьми, Г.П. Федотов переменял бы мнение⁷⁷. Религиозное чувство настолько неистребимо, настолько глубоко в народе, что пробивается в местах самых неожиданных, например, в книгах писателей, которые считаются образцово «советскими» писателями и создают якобы образцовые «советские» произведения. Почитайте «Тихий Дон» и вы увидите могучую религиозную стихию. Кстати, последняя, четвертая, книга этого романа писалась 10 лет и носит следы поистине титанической немой борьбы автора с окружающими его условиями. Не стану приводить множества известных мне бытовых фактов, свидетельствующих о пробуждении религиозного чувства в так называемом «сталинском поколении» молодежи. В конце концов, встреча моя с эмигрантской литературой, история с панихидой по Патриархе Сергие и весь дальнейший мой путь — путь многих бед и путь чудесных избавлений — разве все это не лежит в плане пробуждения религиозного чувства? Поворот к религиозной культуре несомненен. Он отразился в художественной литературе военных лет, и это является доказательством несравненно более значительным, нежели любые факты, взятые из обыденной жизни. Недаром большевизм теперь предпринимает невиданные по ожесточенности сражения на «идеологическом фронте». Недаром 15 мая 1945 года, через две недели после войны, Николай Тихонов, тогда еще председатель Союза писателей, выступая на пленуме Союза, вынужден был посвятить специальный раздел своего доклада «разоблачению» религиозных тенденций, проявившихся в творчестве многих писателей, в особенности молодых, пришедших в литературу с фронта (талантливый поэт Семен Гудзенко и др.).

Верные народу, верные тысячелетней традиции народа, мы все, теперь или погода, придем к пункту нашего общего сбора. Не бывает ночи без зари. Без разделений, сообща, мы пройдем сквозь ночь — к рассвету. Утренняя звезда — звезда милой отчизны — еще будет сиять над нами.

Россия

(«Русская мысль». 1949. 25 марта)

«Русская мысль» (Париж, 1947 — издание продолжается) — «Орган русских секций конфедерации дружинников-христиан». Кредо ее учредителя и первого редактора — юриста, журналиста В.А. Лазаревского: «Смирение перед Россией — непримиримость к советчине».

Борис Константинович Зайцев (1881 — 1972) — прозаик, публицист. В 1921 г. как участник комитета «Помощь голодающим» был ненадолго арестован. Летом 1922 г. выехал с семьей в Берлин на лечение; с 1924 г. жил в Париже. Одно время работал в газете «Последние новости», потом сотрудничал с газетой «Возрождение». В 1925 — 1928 гг. руководил литературным отделом рижского журнала «Перезвоны». С первого номера был автором газеты «Русская мысль», руководил ее литературным отделом. С 1947 г. и до смерти в январе 1972 г. председательствовал в Союзе русских писателей и журналистов. В художественной и публицистической прозе он, как никто в Русском зарубежье, показал, что же следует «называть Россией».

...Старомодное слово. Но все равно. Так называем и так будем называть.

Давно ушла она от нас, или мы от нее. Но в снах долго сопровождала. Потом сны стали реже.

Долго думалось, что Россию все-таки увидишь. В 1935 году удалось побывать в Финляндии, около самой границы. Да, в прямом смысле тогда ее видел. В нескольких местах мы подходили к пограничной речке — за нею уже она. Видели, через залив, и Кронштадт в стеклянно-серебряном мнении, каких-то легких зыбях воздушных, точно в венецианской лагуне. Чувство это неопишимо.

А в монастыре Валаамском, на острове, Россия была уже во всем, насквозь — но сам остров, на Ладого, все же принадлежал Финляндии. Так что постоять на родной земле не пришлось.

Долгие годы казалось, что каким-то неясным образом, из-за перемен, в Россию вернешься. После войны перестало казаться. Теперь не кажется. Но произошло нечто странное и совсем непредвиденное: Россия явилась сюда.

* * *

Писатели, с кем знаком был в Москве, приезжая в Париж, никогда не заходили. Это понятно. Мы разные, для них и опасно, и неинтересно. Время шло — в одиночестве и потихоньку. Что дал Бог написать, написалось, довольно-таки уединенно. Даже эмиграция более молодого возраста была вдали. Что же говорить о России. Это особый мир, там выросло свое новое поколение, что мы ему?

Но не все в жизни бывает по правилам. Первая встреча с Россией произошла после войны.

Удивительно было видеть у себя в комнатах капитана Красной армии⁷⁸, в форме, с погонами, совсем молодого, и что еще странней показалось — очень мило, скромно державшегося. Русский язык тот же, что у меня, у моей жены. И манеры сходные — а он сын крестьянина и десятилетним мальчиком попал в Москву из Сибири, в тот год, когда мы Москву покидали. И какая оказалась в нем жажда знания, широта интересов... — Книги, церковь, театр, выставки, моды, костюмы, язык — все важно.

Кончилось, правда, тем, что вместо России закатился он далеко на запад, но сама встреча оставила большой след. Почему молодой человек из России пришелся более к дому, чем многие эмигранты его же возраста? Почему и писание его — он быстро здесь выдвинулся как писатель — тоже близко, и слова его о России почти что твои собственные? А свежесть, даровитость, острота восприимчивости... — удивительное дело. Он уехал, но нечто отеческое к нему осталось, да и у него как бы оттенок сыновнего — по крайней мере тогда. Во многое из своей жизни он

посвятил нас, и чрез него связь с новой Россией острее почувствовалась, и в связи этой было ободряющее.

Но и она ушла, а Россия продолжает являться, теперь более издалека, в письмах, но с востока, всегда с востока.

Это Россия страждущая, в большинстве претерпевшая (как и капитан наш — он и воевал, и за религиозность преследуем был, и у немцев в плену едва не был расстрелян). Россия, прихлынувшая с войной и сейчас еще многое на чужой земле претерпевающая, иногда близкая к отчаянию, может быть озлоблению. Но живая и острая. Где русские, там газеты, журналы, спектакли, собрания, выступления. Это и есть жизнь, живое. Чего только нет!

Вот в Гамбурге Школа Художественная: под руководством старших художников молодежь объединилась в артель или братство, занимается выделкою художественно-промышленных разных вещиц вплоть до икон, картин стилизованных, очень искусно, и все вдохновлено Россией — сказочной ли, или исторической. Этим и живут, и внутренне, да и внешне.

По лагерям ездили труппы и давали представления. Драматический Союз возник, кажется, и Союз Писателей.

Журнал «Грани» по части литературной совсем хорошо был устроен (но денежная реформа, в общем разумная для Германии, русских как раз и ударила).

Выдвинулись и некоторые молодые писатели (Максимов, Елагин)⁷⁹. А из тех, кто выдвинуться еще не успел, многие видно склонны к нашему ремеслу. Если сами не пишут, то их занимает вообще писание, а некоторых, к удивлению моему, даже писание наше, «старых». Сообщают о своих впечатлениях, говорят о России иногда то, что для нас важно.

На одном таком письме останавливаюсь подробнее.

«В России сейчас необычайная тяга к “мистике” — вернее даже ко всему светлому, чистому, радостному — к тому, чего нет, но без чего невозможно дышать. Люди чувствуют это — отсюда и “мистика”. Большевизм слишком оголил и огрубил жизнь, лишил ее внутреннего содержания, духа: все сделал даже не «преходящим», а попросту «несущественным». Раньше это-

го несущественного тоже было много, но было и вечное, которое чувствовалось “нутром” — почти одинаково и Львом Толстым, и современным писателем, и последним рязанским или тульским мужичонкой. Большевизм отнял у многих это ощущение своей вечности, своего “внутреннего”; у других пытаются отнять — отсюда и великое множество безобразия, творящегося там».

Вот «голос России». «Не единым хлебом жив будет человек...» — неумирающий зов. И давнее русское — сколь именно русское! — обращение к писателю. Автор считает, что «искорка» очень во многих «там» сохранилась. «Тут и возникает задача: не раздуть даже, а только сохранить “искру” — нашу русскую, не дать ей заглохнуть»... «Я говорю о сохранении только незримого духовного огонька, который когда-то раздуется и принесет очищение». «Не дать заглохнуть» он и предлагает писателям.

Кроме свидетельств о России и выражения сочувствия личного есть в письме и некоторый укор нам, старшим — за отдаленность. Автор хотел бы, чтобы мы были ближе к теперешнему, современному и больше бы «шевелили», «будоражили». Можно его даже так понять, что он предпочел бы сейчас форму прямого душевно-лирического общения с читающим — форме романа или повести, связанной почти неизбежно с прошлым.

Некоторая уединенность, оттенок одиночества и *tour d'ivoire*⁸⁰, в которой привычной художнику, — вещь почти неизбежная. Известное расстояние от жизни... Так всегда было и, пока есть искусство, так и будет. Но доля укора справедлива. Грех и опасность в чрезмерной замкнутости. В том, что мы, может быть, и действительно слишком с собою носились и носимся. Слишком держались «в сторонке». (Независимость-то, конечно, сохранив.)

И вот приходится говорить о себе, ибо ход письма подводит к моей книге («Жуковский»). Это для автора пример «отдаленности». «Вы любуетесь прошлым — от него необходимо перебрасывать более ощутимый мостик — пусть жердочку — к настоящему».

Тут начинается разногласие, ибо по-моему мостик есть, и подчеркивать его нельзя, будет фальшиво.

Любуюсь я вовсе не прошлым как прошлым, а обликом самого Жуковского, светом, чистотой и возвышенностью любви, философии, его, смирением и примирением его. Если нужна «искра» и «огонек», то уж вот такой образ, как Жуковский, хоть и не современный нам, именно способен давать «светлое, чистое и радостное», к чему есть, оказывается, сейчас «тяга» в России. Здесь также. Когда Жуковским приходилось заниматься, перебирать и перечитывать письма того времени, старинные стихи, то радость была не в смаковании каком-то старины, а в приоткрывшемся мире света и легкости. Жуковский всегда связан с духовным — это и животворит. Если хотеть просветления и очищения, то оно именно идет из принижения к вечному.

Это не «социальный заказ», говорит автор. И добавляет, что на свободу писания нашего никак не посягает.

Но нам немалый счет предъявляется — и слава Богу. Это подкрепляет. Пусть по силам своим и в о з м о ж н о с т я м даже капли того дать не можем, чего ждут от нас, — все-таки: есть кто-то, кто ждет, кому нужно. И — из России, где тридцать лет всячески старались *такое* вытравить. Правда, старались сытые, благополучные и успевающие. А *претерпевающие* к другому тянутся. И сытые не задавили несытых.

...Предо мною, под Распятием на стене, два образка, оттиснутых на металлических пластинках — части диптиха. На одном Христос, на другом св. Серафим. Образки эти подарила мне Леночка К., отчаянная головушка, бывшая сестрой милосердия на войне, с отличием св. Георгия (под огнем выскочила из госпиталя подбирать раненого генерала). Ныне безвестная ее могила в Бриансоне, близ санатории туберкулезной, а вечная память в душе знавших ее. Образки же — русского воина, на ее руках и скончавшегося.

Это все и называется Россия. И Леночка, с пылкой в доброте, широте своей любовью, и солдат неведомый, и неведомые страждущие «оттуда» — все, чей стон начинает понемногу слышать и полуоглохший мир.

Путь российской революции

(«Российский демократ». 1953. № 2)

«Российский демократ» (Париж, 1948 — 1956) — «Орган "Союза борьбы за свободу России"». Журнал появился под названием «Свободный голос» в 1946 г. Из-за резкой антисоветской направленности по настоянию советских дипломатов французские власти неоднократно задерживали издание и оно возрождалось под названиями «Свободное слово», «Независимое слово», «Свободная мысль», «Независимый голос», «Российский демократ», сохраняя сквозную нумерацию «сборников». Первые три редактировал В.А. Лазаревский, последующие С.П. Мельгунов. Журнал выступал против движения «советских патриотов» и «возвращения на родину», призывал «бороться против Советской власти», пробуждал «ненависть к политической системе» в России, поддерживал невозвращенцев. С.П. Мельгунов утверждал: «Карфаген коммунистической власти должен быть разрушен».

В 1957 г. в Нью-Йорке после смерти Мельгунова (в 1956 г.) была сделана попытка возобновить «издание наших сборников "Российский демократ"». И.М. Херасков, В.П. Никитин, Н.П. Полторацкий от имени Союза борьбы за свободу России, объединившего деятелей «от социалистов-антикоммунистов до сторонников конституционной монархии», объявили о верности цели — заменить «современный тоталитарный режим свободным правовым государством, построенным на началах социальной справедливости, политической свободы». Однако этот 27-й номер оказался последним.

Иван Михайлович Херасков (1878 — 1963) — публицист, литературный критик. Печатался в газетах «Дни», «Русская мысль», журналах «Современные записки», «Новый град», «Возрождение». Статья о «путях рево-

люции» — характерный образец полемической публицистики журнала, впрочем, не забывавшего сказать и о своей положительной программе — установлении в России «правового режима и демократии».

Что в близком уже будущем Россия проснется от кошмарного «советского» сна к живой исторической яви, ни у кого почти, ни из нас, русских, ни из иностранцев, не слишком по отношению к России невежественных и не слишком к ней враждебно настроенных, нет в настоящее время сомнения. Споры начинаются лишь с вопроса «когда»? и, более острые, с вопроса — в «каком порядке»? — в порядке ли переворота (народной революции) или в порядке мирных реформ (эволюции), проводимых советской властью на предмет своего постепенного превращения из самозванной в «законную». Народной революцией или советской эволюцией будет ликвидирован у нас тоталитарный режим? — вопрос для нас не академический, не «гаданье на гуще», а практический, полный актуального интереса. Мы не простые наблюдатели и подневольные участники событий (текущих и ожидаемых) — в меру отпущенных каждому из нас дарований и сил, мы *ответственные* их создатели. Выбирая из возможных перспектив наиболее для нас вероятную, мы, тем самым, приближаем к осуществлению наше желанное. Если бы Ленин, в эпоху первой европейской войны не «предвидел» для России «пролетарскую диктатуру», пролетарская диктатура в России вероятно бы и не создалась. Конечно, это случай предельный: не всем в такой мере, как Ленину и подобным ему по волевой напряженности, вожакам и вождям, дано воплощать свои предвидения в реальности, но в какой-то мере — пусть, в огромном большинстве случаев очень малой, способностью этой обладаем мы *все*.

Оба ответа на сформулированный выше вопрос допускают вариации и всякого рода зигзаги. «Зигзагам революции», в частности, в 32-й книжке нью-йоркского «Нового Журнала», посвящена даже специально, так и озаглавленная, статья. Она написана опытным публицистом марксистского направления,

Д. Далиным⁸¹, и являет собою пример оригинального зигзага эволюционной идеи.

Содержание статьи рисуется вкратце так: «История России в дальнейшем связана целиком с развитием человеческого массива, находящегося сейчас в большевистской партии или близко к ней».

Падения «советской системы» в ближайшем будущем, в силу этого, ожидать не приходится. «Предположение, что советский период истории России завершится глубоким переворотом, в пучине которого погибнет не только высшая власть, но и правящая партия» должно быть отброшено. «Кризисы, вспышки, конвульсии» в Советской России возможны, но «системе» ни одна из них ей грозит. Даже военное поражение Советской России, если бы разразилась «великая третья», может вызвать политический кризис (кстати, рисующийся Далиным в виде столкновения партийной верхушки с партийными массами), но «шлюз народной стихии» не сможет открыть и он.

От партийного «человеческого массива», от «конгломерата миллионов средних людей», «коммунистов-обывателей», инстинктом, если не разумом, крепко связанных с «Октябрем» и «октябрьским укладом», России никуда не дано уйти до тех пор, пока не возникнут в ней условия для новой «великой революции», подобной одной из трех доселе бывших в Европе — английской (17-го века), французской — (18-го) и... «октябрьской» — (20-го).

Главное, необходимое и основное из этих условий есть появление «выпавшего из народа» «дворянского» класса, в качестве «белой кости» противостоящего черной кости «простого народа». Пока «народ» и «власть» ощущают себя в стране, как нечто единокровное и *однородное* (случай современной «советской» России), никакой конфликт, или разлад между ними, форму подлинной революции принять не способен. Октябрьской, т.е. современной, созданной «Октябрем», России ждать своей революции придется долго — до той поры, когда из современной советской «полуинтеллигенции» образуется «новое дворянство» — когда и сама советская «система» уступит ме-

сто «ново-дворянскому» государству, а от «системы» останется (если останется) одна архивная память. И героем новой «великой революции» будет уже не старый, человеческий, близкий к правящей партии «массив», а новый, неведомый пока «народ», по социальному весу подобный тому российскому народу, который в 17-м году (в «Октябре», полагает Далин), выкорчевывал из российской почвы старо-дворянский режим и старорежимное самодержавие...

Это — «когда-нибудь», там — «через тысячу лет», а реально сейчас, история ставит в свой российский порядок дня, не новую Социальную Революцию (откуда бы было ей взяться в Советской России, в почве которой на месте выкорчеванных в 17-м году и раньше вековых корней никаких новых пока не выросло), и не то «столкновение партийной верхушки с партийными массами», на которое уповает Далин, а столкновение российского народа с советской властью — ликвидация у нас тоталитарной «системы». «Ход и исход» этого политического кризиса определится, конечно, не «происшедшими за последние 15 лет переменами в коммунистической партии», а создавшимся за десятилетия диктатуры духовным и политическим уровнем российских народов.

Будущее рисуется Далину, идущим по Гегелю-Марксу, — «переходом количества в качество». Ну, пусть «количество-качество»: дело не в словах. Но когда под количеством разумеют накопление нового «внутри коммунистического движения», а под новым качеством — превращение советской полуинтеллигенции в интеллигенцию — эмбрион будущей «белой кости», — марксистская формула перестает быть невинной словесностью и превращается в опасный большевизанский «зигзаг»...

Недомолвки, неясности и противоречия в рисуемой Д. Далиным картине ожидающих Россию зигзагов бросаются читателю в глаза. Останавливаться на них не имеет смысла. Но важно отметить и подчеркнуть главный источник и корень их. Он очевиден и ясен. Это — подмена «Великой Российской Революции» одним, очень важным, правда, и судьбоносным ее этапом — возведение в ранг Революции октябрьского ленинского «Союз

d'Etat»⁸². Не изжитый еще доселе советский период русской истории — не вся Революция, а лишь один из ее эпизодов — террористический «пролетарский» этап, аналогичный «санкюлотскому» марато-робеспьеровскому этапу во Франции.

Надо запомнить: «Великая Революция» в России не произошла, а *происходит*; мы на одном лишь из первых ее этапов. И началась она не «Октябрем», как полагают коммунисты и коммунизаны, и не «Февралем» даже, как любят подчеркивать наши «революционные демократы» (ненавистные большевикам «меньшевики и эсэры»), а раньше — стихийным народным движением «пятого» года, создавшего в России демократический климат Государственных Дум и признанных законом «октябрьских» (пятого года) свобод, или, может быть, и еще раньше — общественными движениями 60-х и 20-х годов прошлого века — эпохами «великих реформ» и декабрьского покушения. Советский период — не первый период Российской Революции, а период ликвидации советского строя *не последний ее этап*, как во Франции ликвидация марато-робеспьеровщины не была последним этапом ее Революции, а открывала собою растянувшийся на 70 лет ряд новых ее этапов.

События Истории, в их конкретности, единичны, неповторимы. Искать в Истории аналогий и параллелей можно с большими лишь оговорками и условно. Однако, в развитии культурно родственных (в данном случае, европейских) стран некий параллелизм, без сомнения, существует, и метод сопоставления к изучению его приложим.

В силу географических, исторических и этнографических особенностей России, этапы ее Революции оказываются длительнее французских: во Франции, собственно, санкюлотский период длился не более четырех лет; в России «пролетарский» перевалил уже за четвертый десяток. Возможно, что и следующие этапы нашей Революции окажутся более длительными. Сейчас, с большей уверенностью, пользуясь тем же методом аналогии, мы можем предвидеть в них только одно: все они (как бы ни были они бурны по внешности), несут России не новое разорение, а постепенный выход из старого, созданного совет-

чиной — постепенное выздоровление народного тела и народной души от грозившей им смертью «октябрьской» болезни, приближение к осуществлению великого замысла пореволюционной — обновленной России, возвращение страны, в какой-то, неведомой нам пока, форме, на ее покинутый временно исторический путь. «В отличие от океанских бурь, писали мы 5 лет тому назад в нашем 13-м сборнике (*“За Свободу России”*), революционные бури не завершаются, а открываются, обычно, «девятым валом»: он вздымается в великих революциях *первым*, а все следующие валы отмечают уже постепенное утишение бури, и вхождение взвихренной стихии в новые спокойные берега. Так последовавшие за «термидором» валы Французской Революции, *все* — не исключая самого шумного из них — 48-го года — явились этапами постепенного устроения и выявления нового, пореволюционного строя: «Брюмер» покончил с анархией демагогов, «Реставрация» — с якобинским милитаризмом, «Июльская» (30-го года) революция — с легитимизмом, «Февральская» (48-го года) — с цензовым парламентаризмом и т.д., пока «4-е сентября» 71-го года не осуществило, наконец, в лице 3-й Французской Республики, заданный Франции и Европе 1789-м годом, тип «буржуазно-демократического» пореволюционного государства.

Наш «девятый вал» отшумел, но не им, не ликвидацией его последствий (советчины) Российская Революция закончится. Впереди нас ждут, вероятно, еще новые, неведомые пока, этапы. После сокрушения народом советской власти «маятник Революции, писали мы в упомянутом сборнике, не раз качнется, вероятно, и вправо, и влево, пока в какой-то исторический Час не остановится над, поистине пореволюционной, обновленной Россией».

Какой, в точности, будет эта Россия — гадать бесполезно, но мы имеем основание верить, что уничтоженные у нас «Февралем» — старо-сословный строй и сословные предрассудки — уничтожены навсегда, а уничтоженные «Октябрем» — начала правового режима и демократии — в какой-то мере непременно вернутся.

Могучий язык

(«Возрождение». 1955. № 38)

«Возрождение» (Париж, 1949–1974) — «Литературно-политические тетради. Независимый орган национальной мысли». Журнал был основан как продолжение газеты «Возрождение». Выходил 6 раз в год, с 1955 года — ежемесячно. Девиз: «Величие и свобода России. Достоинство и права человека. Преемственность и рост культуры».

Андрей Митрофанович Ренников (наст. фам. Селитренников) (1882–1957) — журналист, прозаик, драматург. До революции был сотрудником и редактором отдела «Внутренние известия» в газете «Новое время». В 1919 г. редактировал газету «Заря России» в Ростове-на-Дону. В 1921 г. вместе с М.А. Сувориным возрождал газету «Новое время». С 1926 г. жил в Париже, печатался в газете «Возрождение», вел рубрику «Маленький фельетон». Столь же активно выступал и в журнале «Возрождение». «Могучий язык» — образец жанра «маленького фельетона» и постоянной борьбы русской зарубежной прессы против «денационализации разных степеней».

С непритворным вдохновением, с неподдельной гордостью писал Гоголь о нашем родном русском языке: «Дивишься его драгоценности... Что ни звук, то подарок. Все зернисто, крупно, как сам жемчуг... И, право, иное название еще драгоценнее самой вещи. Сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тона и оттенки. Язык, который сам по себе уже поэт...»

Не менее восторженно говорил о нашем языке и Тургенев: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Все мы хорошо помним эти чудесные слова. Иногда даже их декламируем. Особенно — на днях русской культуры.

Но, к сожалению, в обычные будние эмигрантские дни, вне годовщины смерти Пушкина, Гоголя, Достоевского, отношение наше к своему «могучему, великому и правдивому» как будто иное.

Окончится декламация на собрании в день русской культуры, вернутся растроганные дедушки и бабушки домой, повторяя про себя: «нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу»; сядут обедать вместе со своими детьми, внуками...

И внук спрашивает:

— Grand'maman, a tu dansée là bas?

А внучка добавляет:

— У avait-il un film de Walt Disney?

Отвечать этим деткам на зернистом русском языке невозможно: для них этот необыкновенный язык — тайна. Его крупный жемчуг им неизвестен. Их молодые родители, живущие за границей в дни раздумий и сомнений о судьбах родины, никак не удосужатся обучить своих наследников этому правдивому, могучему, но излишнему в настоящее время, языку. Конечно, они сами, молодые родители, тоже до некоторой степени патриоты, как дедушки с бабушками; но какая поддержка и опора свой язык в чужой стране? С ним не только поступить на службу нельзя, но даже в магазине ничего купить невозможно. Не нужны здесь все эти звуки-подарки; не нужны все эти названья, драгоценнее самих вещей. Пусть язык наш сам по себе поэт. Но много ли от поэзии пользы?

И потому нередко русские молодые родители сами со своими детьми разговаривают на чужом языке. Во Франции — на смеси французского с горьковским, то есть, с нижегородским; в Соединенных Штатах на смеси английского с калининским, то есть тверским.

Между тем, будучи нашей опорой в дни сомнений и тягостных раздумий, русский язык в свою очередь требует, чтобы наша публика оказывала и ему поддержку. Не то, чтобы организовывала разные «Общества российской словесности», — где уж

там! Но хотя бы просто на нем разговаривала. В этом отношении, нужно сказать откровенно, только наше старое поколение эмигрантов находится на достаточной высоте. Некоторые дедушки и бабушки иногда даже самоотверженно учат своих внуков говорить по-русски; в их устах русские слова подчас действительно сочны, зернисты. Их язык неизмеримо выше языка Советской России, где принято говорить на фабрично-слободском жаргоне.

Однако и среди этого старшего поколения у нас встречаются лица, особенно дамы, которые даже друг с другом беседуют по-французски или по-английски, будучи равнодушными к восторгам Тургенева и к пафосу Гоголя. Принадлежа к бывшим великосветским кругам, они в прежнее время в России своим английским или французским языком вызывали среди окружающего простонародья почтительную тревогу и любопытство: кто они? Иностранные принцессы или наездницы из цирка? Но это все было у себя, там... А кого подобной речью удивишь здесь, если уже моряк Жевакин объяснил в «Женитьбе» Анучкину, что за границей все розанчики-барышни говорят по-французски и что каждый тамошний простой мужик в деле иностранного языка вполне образован?

Да, есть среди нас такие бабушки. Но их, впрочем, не много. И, в сущности, русской словесности эти дамы не приносят вреда. Если они думают, что французский и английский языки изящнее и богаче словами, чем русский, пусть думают. Очевидно, им необходимы все пятнадцать тысяч слов из словаря Шекспира, чтобы в своих беседах подробно рассказать, в какой стадии находится роман между княгиней Марией Алексеевной и Загорецким или в каком финансовом положении находится сейчас Репетилов.

И вот, наконец, вслед за внучками и бабушками с дедушками, идет последний филологический разряд наших беженцев: люди среднего возраста.

Он, этот разряд, иногда бывает весьма любопытным. И его особенности вызывают большой лингвистический интерес.

В рассуждениях своих о русском языке Гоголь, между прочим, писал: «Наш язык, — беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно... Он имеет возможность в одной и той же речи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной непонятливейшему человеку».

И как раз таким именно беспредельным словотворчеством, восходящим до высоты и опускающимся до глубины, и отличаются иногда упомянутые представители среднего возраста.

Выехав из России в юношеские или детские годы, они любят свою родину, этнически крепко держатся корнями в нашей земле. Но, увы, корни русского языка иногда у них не очень прочны. И не только корни, но суффиксы, приставки и флексии — тоже.

Сколько неожиданных новых слов, поднимающих на высоты и опускающих на глубины, можно услышать среди нас, во Франции, во время оживленных собраний, за чайным столом!

Одна дама неутомимо занимается кутюром. Свои вещи она сама плиссирует, сама пласирует, сама лансирует, сама ливрирует, сама вандирует. И, разумеется, фатигеет чудовищно. Да и кто теперь из нас не фатигеет, если должен зарабатывать на жизнь черствым трудом? Я фатигею, ты фатигеешь, он, она, оно фатигеет; мы фатигеем, вы фатигеете, они фатигеют.

Другая дама занимается специально тем, что бродирует. Целый день сидит дома, как прикаянная, не имеет времени, чтобы пойти на марше, купить чего-нибудь к обеду — патов или легиумов. Зрение у нее так утомляется, что к вечеру начинает моросить в глазах. А, между тем, глаза у нее не ассюрированы. Что поделаешь?

Третья, слава Богу, может не работать. Сын получает бурсу, дочь хорошо вышла замуж за доктора по общим болезням, а брат из Америки помогает, аккуратно присылает мандаты. У нее симпатичный маленький апартамент, все окна которого дают на юг. Но скука — ужасная. Поневоле, хотя эта дама и не любит бриджа, однако, скрипя сердцем, приходится играть.

А четвертая занимается особенно тяжким трудом: менажем. Само по себе менажное дело не так изнурительно; но бывают отвратительные придирчивые хозяйки, которые могут накалить свою менажку до белого колена. Как хозяйки проделывают эту преступную операцию, дама не уточняет. Но каждый вечер она, разбитая, переутомленная, идет обедать в русский бар, с горя налегает на выпивон, на закусон, и мечтает о том времени, когда ее застукают 65 лет, и она будет иметь право поступить в дом постарелых.

Да, эмигрантское словотворчество, действительно, беспредельно и, согласно с мнением Гоголя, обогащает наш язык ежеминутно. Обогащает не только во Франции, но и во всех странах рассеяния: и на одиночных фермах в Америке, и в толкотне нью-йоркского сабвея, и в берлинском унтергрунде, и на разных флорах лондонских домов, где от частых туманов сикуют наши бедные русские чильдренята.

И повсюду ширится и растет, поднимается на высоты, опускается на глубины великий могучий, правдивый и свободный русский язык, с его звуками-подарками, с его крупной зернистостью, с его поэтическими тонами, оттенками. И если все это пойдет так, как сейчас, если в тяжких раздумьях о судьбах своей родины мы не подумаем и о судьбах нашего языка в эмиграции, доживут здесь русские люди лет через десять, пятнадцать до того момента, свойственного великому народу, когда на литературных русских вечерах или на днях русской культуры будет чествоваться в Берлине *grosse russische Sprache*; в Нью-Йорке — *great, mighty, truthful and free Russian language*; где-нибудь среди черных на берегах Конго — хым баба фуфу русса чим-чим...

А в Париже, в театре Иена, выступит на сцене какой-нибудь национально-настроенный русский молодой человек и патетически произнесет:

— Dans les jours de doutes, dans les jours de pénibles méditations sur les destinées de ma patrie, toi seule tu es mon soutien, oh grande, puissante, véridique et libre langue russe!..⁸³

Еще об эмиграции

(«Новый журнал». 1955. № 42)

Михаил Михайлович Карпович (1888—1959) — историк, публицист. С мая 1917 до лета 1922 г. — сотрудник русского посольства в Вашингтоне. С 1923 г. жил в Нью-Йорке. В 1946—1959 гг. — редактор «Нового журнала». Много лет вел рубрику «Комментарии». Размышления об эмиграции — плод многолетних наблюдений опытного журналиста. Его главный вывод и сейчас поучителен — и не только для Русского зарубежья: «Плохо наше дело, если мы действительно живем только на капитал, не нами приобретенный и нами не умноженный».

В предыдущей книге «Нового Журнала» я посвятил часть своих «Комментариев» эмигрантской политике. Из некоторых откликов на эту статью я вижу, что мои утверждения были поняты в более категорическом смысле, чем тот, который я хотел в них вложить. Мне казалось, что я сделал все необходимые оговорки, но очевидно они оказались недостаточными. Поэтому для начала постараюсь в немногих словах рассеять возникшие — или могущие возникнуть — недоразумения. Прежде всего я отнюдь не имел в виду какое-либо огульное осуждение всей политической деятельности русской эмиграции в ее совокупности. Многие из моих критических замечаний (об «осуждении» вообще лучше не говорить — на роль «судьи» я ни в какой мере не претендую), конечно, не относятся к тем серьезным и ответственным попыткам политической деятельности, наличия которых в эмиграции я нисколько не отрицаю. Знаю я и то, что среди эмигрантских политических деятелей есть люди не хуже меня (и вероятно даже лучше меня) понимающие различие между целесообразной и нецелесообразной политикой. Не отрицал я огульно и возможность политических объединений в

эмигрантской среде — в тех случаях, когда договаривающиеся об объединении группы достаточно одна с другой «конгениальны». Химерой я назвал только идею всеэмигрантского объединения, построенного на принципе «самого широкого фронта» и связанного с претензией на «национальное представительство». При этом речь моя шла главным образом об эмиграции в массе. Едва ли кто-нибудь станет отрицать, что большинство, а может быть и ни одно из эмигрантских политических начинаний (то же относится и к начинаниям культурным) массовой поддержки за собой не имеет — даже в тех поневоле скромных размерах, в каких она вообще возможна в условиях эмигрантского существования. И на мой взгляд основная причина этого явления лежит не в ошибках «вождей» и «партий», а в некоторых психологических особенностях самой эмигрантской «массы».

К отсутствию этой массовой поддержки я еще вернусь в дальнейшем. Сейчас же хочу обратиться к той теме, которую я только наметил в конце своей предыдущей статьи — о судьбе политической мысли и культурного творчества в русской эмигрантской жизни. В прошлый раз я высказал мнение, что работа политической мысли в эмиграции почти заглохла. Хочу пояснить, что именно я имел в виду. Казалось бы, высказываний по различным политическим вопросам в эмигрантской прессе более чем достаточно. О политике у нас говорят и пишут, вероятно, больше, чем о чем-либо другом. Но, во-первых, предметом обсуждения являются почти исключительно проблемы текущей политики, вопросы, имеющие политическую злободневность. Повышенный интерес к этим вопросам, конечно, вполне понятен и законен, но все-таки это есть область политической публицистики, а не того, что можно назвать политической мыслью, в более широком и глубоком смысле слова. Обсуждение политического «сегодня» нельзя безнаказанно отделять ни от изучения и оценки связанного с ним прошлого, ни от попыток наметить перспективы дальнейшего исторического развития. Мы пережили огромный исторический опыт — не только более трагический, но и более сложный и значительный, чем тот, который выпал на долю наших отцов и дедов. Много ли сделано в нашей

среде для осмысления этого опыта? Часто ли появляются в нашей эмигрантской печати посвященные ему статьи — за исключением полемически окрашенных попыток использовать его в качестве материала для ущемления политических противников? Много ли можно назвать эмигрантских книг исторического или историко-философского характера, которые бы ставили себе эту задачу? Не стоим ли мы в этом отношении в сущности перед почти пустым местом?

Не лучше обстоит дело и в области историко-политического прогноза. Спешу оговориться: я, конечно, не имею в виду попыток наметить ту или иную конкретную программу восстановления России на другой день после освобождения ее от коммунистического господства. Именно, такие попытки время от времени делаются и именно их ценность чрезвычайно сомнительна — потому что нам не дано знать ни сроков этого освобождения, ни, следовательно, той конкретной политической, экономической и международной обстановки, с какой тогда придется считаться. Речь идет о другом — о тщательном изучении и осторожной оценке тенденций настоящего развития, заключающих в себе семена будущего. Возьмем такие кардинальные вопросы как возможность укрепления демократии в послебольшевистской России, судьбы русского народного хозяйства, формы взаимоотношения между отдельными национальностями на территории теперешнего Советского Союза, реорганизация системы народного образования — перечень этот можно было бы увеличить. Некоторых из этих вопросов эмигрантская пресса почти совсем не касается, другие — как например, вопросы о национальностях обсуждаются преимущественно в порядке страстной полемики. В лучшем случае дело не идет дальше формулировки того, что данный автор считает наиболее желательным — без объективного учета его осуществимости. Рецептов для разрешения указанных проблем эмиграция, конечно, приготовить не может — и более чем сомнительно, чтобы у нее стали такие рецепты спрашивать. Но она может — и должна была бы — накопить *материалы* и выработать *общие установки*, которые могли бы

помочь в их разрешении. Почти никаких следов работы такого рода я сейчас в нашей эмигрантской среде не вижу.

Неиспользованным остается и тот специфический эмигрантский опыт, в котором, наряду с его для всех очевидными теневыми сторонами, есть все-таки и немаловажное преимущество. Слава Богу, мы-то от внешнего мира никаким железным занавесом не отделены. Напротив, эмигрантское рассеяние по многим странам мира открыло перед сотнями тысяч русских людей такие возможности для непосредственного ознакомления с иностранной и в особенности западной жизнью, каких ни одно из предыдущих русских поколений не имело. Но, если я не ошибаюсь, это ознакомление в подавляющем большинстве случаев носит чисто обывательский, бытовой характер. Следов достаточно широко распространенного внимания к политическому и общественному строю западных стран или к их культурной жизни — опять-таки не видно. Показательно, что у нас более охотно говорят о том, что мы даем или можем дать западному миру (в большинстве случаев — с явными преувеличениями), чем о том, чему мы можем научиться у Запада. А научиться у него мы можем многому — и в области его достижений, и путем анализа его дефектов, — и наука эта имеет самое прямое и самое жизненное отношение к попыткам решения наших собственных русских проблем. Эмиграции выпало на долю жить в эпоху растущей взаимозависимости всех областей земного шара, а в ее среде широко распространен национальный провинциализм, отсутствие внимания к международному развитию, неспособность принять его в расчет при размышлениях и высказываниях о судьбах нашей родины. Чтобы не быть голословным, укажу на то, более чем скромное место, какое — за очень немногими исключениями — международная жизнь или внутренняя жизнь западных стран занимает в эмигрантской печати. И большей частью это происходит не по вине редакторов эмигрантских периодических изданий. Эмигрантских писателей, занимающихся этими вопросами и в них компетентных, можно перечесть по пальцам, так что за статьей соответствующего содержания редактору часто не к кому обратиться. Так же обстоит дело и с

проблемами русской внешней политики, которая в сознании среднего эмигранта по-видимому сводится к международным махинациям советской власти, трактуемым при этом вне всякого отношения к историческому прошлому и к историческим перспективам.

Так эмиграция не выполняет одной из своих самых очевидных и самых настоятельных задач — не делает дела, к которому она по самому своему положению, можно сказать, призвана. Все мои рассуждения исходят из предпосылки, что время для этой работы еще не прошло, что перед нами — период длительного, затяжного кризиса. Но если бы каким-нибудь чудом Россия открылась для эмиграции завтра, боюсь, что ей пришлось бы возвращаться на родину с пустыми руками.

До сих пор я говорил только об односторонней сосредоточенности большинства эмиграции на политической злободневности, воспринимаемой обычно вне сколько-нибудь широкой перспективы. Но тревожные симптомы можно найти и в том духе, в котором обсуждение этих политических проблем большей частью ведется. Дух этот таков, что позволяет сомневаться в уместности в этом контексте самого слова «проблема». Оно предполагает наличие чего-то, что еще подлежит дальнейшему выяснению, — и следовательно необходимость дальнейших умственных усилий, готовность к пересмотру установившихся представлений и оценок, к поискам новых фактических данных и возможных новых точек зрения. Между тем, следя за эмигрантской публицистикой в целом (конечно, и здесь бывают счастливые исключения), слишком часто получаешь впечатление, что пишущие и говорящие чувствуют себя одаренными своего рода «папской непогрешимостью», — так велика их уверенность в том, что не только их исходная точка зрения, но и все их конкретные выводы никакому сомнению подлежать не могут. Все ясно, все в сущности уже решено, а если кто с ними не согласен, то это происходит либо от полной слепоты, либо, еще того хуже, от злого умысла. При такой психологии (тем, кто в ее наличии может усомниться, рекомендую почитать хотя бы статьи по национальному вопросу, появившиеся в разных эми-

грантских изданиях за последние годы) дискуссия собственно перестает быть дискуссией, так же как проблемы перестают быть проблемами. Дискуссия предполагает взаимный обмен мыслей, в процессе которого каждая сторона что-то воспринимает от другой и чему-то от нее учится. Это должно быть совместное искание истины, а не простое противопоставление взаимно непримиримых и друг для друга непроницаемых точек зрения. В наших же словесных турнирах умственно и психологически забронированные противники насакивают друг на друга и потом один от другого отскакивают, оставаясь в полной интеллектуальной безопасности, до того их броня непроницаема. В результате вместо дискуссии получается бесплодный спор, или точнее словесная прятка, разжигающая страсти ее участников и их сторонников, но никакого разъяснения в «обсуждаемый» вопрос не вносящая. Это классический пример того спора, о котором англо-саксы говорят, что он «дает больше жару, чем свету».

В этих условиях о работе политической мысли говорить довольно трудно. А ведь в ней должна была бы состоять одна из главных функций эмиграции. В самой России развитие политической мысли почти невозможно — по очевидным для всех причинам. И было время, когда наша эмиграция худо ли, хорошо ли, но эту функцию все-таки выполняла. Если сравнить теперешнюю картину с той, что была в двадцатых и тридцатых годах, то впечатление происшедшего с тех пор увядания получится неотразимое. Конечно, и тогда бывали проявления тех самых нежелательных тенденций, о которых я говорил на предыдущих страницах, но наряду с этим было и другое, и удельный вес этого другого был несравненно больше, чем сейчас. Были и искания новых путей, и пересмотр ранее воспринятых представлений, и попытки установить историческую перспективу. А главное была атмосфера большой умственной свободы, большая степень объективности в подходе к политическим проблемам, которые действительно воспринимались как *проблемы* — и большая готовность к подлинной дискуссии и к взаимному интеллектуальному общению.

Нужно ли говорить, что такое же понижение уровня произошло и в области выполнения другой, казалось бы, провиденциально эмигрантской миссии — сохранения и развития русской культурной традиции? Достаточно сравнить эмигрантскую продукцию в литературе, науке, искусстве за первые двадцать лет существования эмиграции с тем, что было сделано после того, чтобы убедиться в правильности этого утверждения. Об этом уже не раз писали, в том числе и на страницах нашего журнала, и мне нет необходимости распространяться на эту тему. Хочу сказать только одно: я отказываюсь принять радикально пессимистические выводы из неоспоримого факта ослабления эмигрантской культурной работы, не хочу поддаваться связанным с такими выводами пораженческим настроениям («это неизбежно и ничего с этим все равно не поделаешь»). Я в полной мере учитываю значение того фактора, на который пессимисты обычно указывают: общее действие «бега времени», приносящего с собою и «биологические потери», и удлинение срока отрыва от родины, и растущую денационализацию, особенно среди более молодых поколений эмиграции. Все это конечно создает для продолжения культурной работы в эмиграции огромные трудности, но это не значит еще, что, при достаточном напряжении желаний и воли, с этими трудностями нельзя бы было бороться. Самое угрожающее то, что именно этого напряжения в нашей эмиграции сейчас не видно. Говоря прямо, в эмиграции не чувствуется достаточно интереса к культурному творчеству и культурным начинаниям. У одних это просто равнодушие к русскому культурному делу за рубежом. У других — это прохладный интерес, не сопряженный с готовностью как-нибудь этому делу помочь. Наконец, есть и такие, для которых ценность культурной работы подвержена сомнению — если только она не может быть непосредственно использована для политических целей. Книга лирических стихотворений, роман, не имеющий своим предметом советской жизни, философский трактат, историческое исследование — «все это не то, что сейчас нужно». «Единое на потребу» — это такие литературные и научные произведения, которые (даже независимо от их объективной художественной

или научной ценности) могут служить оружием в борьбе против коммунизма и советской власти. Те, кто так рассуждают, забывают об одном весьма существенном обстоятельстве: отрицание автономии культуры во имя безраздельного господства политики, непризнание за художественным, философским, научным творчеством самостоятельной, независимой от политической злободневности, ценности — есть один из главных, теоретических и практических, устоев советского режима. Утверждение этого принципа, не на словах, а на деле, т.е. путем свободного культурного творчества, уже само по себе есть один из необходимых элементов борьбы с тоталитарным коммунизмом. И наоборот, поддавшись соблазну сплошной «политизации» всей нашей жизни, мы станем на позицию нашего врага и в какой-то мере окажемся духовно им побежденными.

Конечно, и работа в области политической мысли, и культурное творчество не могут быть достоянием всех — и для того и для другого нужны особые способности и особая компетентность. Но даже и самый кабинетный ученый нуждается в каком-то резонансе, в хотя бы небольшой аудитории, с которой он мог бы поделиться своими мыслями. О поэтах и писателях и говорить нечего. Культурная работа в эмиграции не может быть оживлена одними усилиями самоотверженных одиночек, не встречающих со стороны эмигрантского общества ни интереса, ни сочувствия. По самой сути дела этот интерес и это сочувствие могут выразиться только самым конкретным способом — путем достаточной материальной поддержки. Речь идет не о благотворительности, а о том, чтобы книги не только читались, но и покупались. Трудно представить себе что-нибудь более плачевное, нежели теперешнее состояние русского книжного рынка в эмиграции. Ни для кого не секрет, что сравнительно небольшое число издаваемых в эмиграции русских книг (да и журналов) имеет тираж, который трудно назвать иначе как ничтожным по сравнению с численностью эмиграции. Если бы не щедрость Фордовского Фонда, сделавшего возможным существование в течение последних пяти лет Чеховского из-

дательства^{84*}, мы бы остались при двух-трех русских издательствах небольшого масштаба, выпускающих книги только изредка. Обычно ссылаются в объяснении этого положения на эмигрантскую бедность. Нисколько не отрицая материальных трудностей эмигрантского существования, особенно в европейских странах, я все же не могу признать этот аргумент от «бедности» особенно убедительным. Во всяком случае, здесь в Америке имеется теперь внушительное число русских эмигрантов как старых, так и новых, материально достаточно обеспеченных для того, чтобы обеспечить существование русских издательств и русских журналов — без американских субсидий и вообще без всякого меценатства. А между тем не только этого нет, но и помимо издательского дела почти никакие культурные начинания не получают со стороны эмиграции той материальной поддержки, на которую они имели бы право рассчитывать.

Стыдно в этом признаться, но в этом отношении наша эмиграция стоит далеко позади других эмиграций из Восточной Европы. И среди них далеко не все материально блестяще обеспечены. И у них не меньше политических разногласий и разделений, чем у нас. Это не мешает им, однако, находить в своей среде материальные средства для поддержки культурной работы, пропорционально несравненно более значительные, чем те, которые уделяет на свою культурную работу эмиграция русская. Не так давно у меня был по этому поводу разговор с одним из моих друзей, принадлежащих к одной из «малых» (по численному признаку) национальностей. Выслушав мои сетования, он мне сказал: «А не происходит ли это потому, что вы, русские, принадлежите к большому и могущественному народу, культура которого давно уже получила всеобщее признание. Вот вы и чувствуете, что вам нечего особенно стараться, так как за вас ваше дело уже сделали и продолжают делать Толстой и Достоевский». Это было сказано без всякой иронии и могло бы быть принято за комплимент. Но внутренне я воспринял эти слова

* Следует отметить еще YMCA Press в Париже, издающее русские книги преимущественно религиозно-философского содержания. Но и это предприятие не русское, а созданное и ведущееся нашими американскими друзьями.

как упрек — конечно, не намеренный. Плохо наше дело, если мы действительно живем только на капитал, не нами приобретенный и нами не умноженный. Даже и для поддержания культурного престижа России во внешнем мире этого недостаточно. Для духовного же здоровья самой эмиграции успокоиться на положении такого «рантье» и, признав существующий порядок вещей удовлетворительным, отказаться от попытки коренного его улучшения — было бы просто опасным.

С.С. ОБОЛЕНСКИЙ

На путях в будущее

(«Возрождение». 1955. № 44)

Сергей Сергеевич Оболенский (1908—1980) — историк, редактор, публицист. Эмигрировал с семьей в 1920 г. С 1962 г. редактировал журнал «Возрождение».

Статья «На путях в будущее» — попытка критически оценить и синтезировать лучшее, творчески значительное в мысли Русского зарубежья (идеи П.Б. Струве, евразийцев и младороссов) с точки зрения «российских имперских патриотов». Предположение об объединяющей роли религии в посткоммунистической России оказалось исторически прозорливым. отождествление сталинизма с фашизмом, кажется, единственная дань штампам эмигрантской политической журналистики.

Известно, что иногда «со стороны бывает виднее». По теперь уже долгому опыту известно также одно довольно странное психологическое явление: тогда как огромное большинство немцев совершенно неспособно понять в России что бы то ни было, из тупого и — можно опасаться — ничем неизлечимого презрения к «восточной человечине», отдельные немцы, больше, пожалуй, чем кто бы то ни было из других западных людей, бывают наделены особым даром с поразительной ясностью и

точностью, порою даже с настоящей «любовной интуицией», улавливать самые решающие и самые тонкие мотивы русского национального гения и русской судьбы. От Кюхельбекера, не декабрьски-шалного, а созревшего в заключении и ссылке и научившегося проникновенно прислушиваться к самым потаенным силам русской народной стихии, и до Освальда Шпенглера, чьи отдельные страницы о России, при всей спорности его общей историософии, сохраняют всю свою свежесть и все свое значение, идет одна сплошная и теперь уже долгая линия, которую трудно признать случайной.

К этой линии нужно теперь, не задумываясь, отнести профессора Штарлингера, тоже побывавшего в России на каторге, но на сей раз уже на совершенно бесчеловечной каторге советской, вернувшегося с нее несломленным и нашедшего для определения нынешней финальной фазы русского революционного кризиса такие слова, которые, устраняя всякую двусмысленность, с ни кем, кажется, еще не достигнутой четкостью, вскрывают действительную природу вещей.

Мы не будем здесь разбирать во всех подробностях его, вообще на редкость интересный, доклад, прочитанный несколько месяцев тому назад в Ганновере, в присутствии канцлера Аденгауэра (русский читатель может найти о нем достаточно подробный и дельный отчет в «Новом Русском Слове» от 14 мая). Остановимся на его самом основном, при том двойном определении, характеризующем двустороннее развитие, протекающее ныне в России: с предельной, почти лапидарной четкостью здесь подведен итог всему, что за последние годы доходило и доходит до нас из СССР.

Первое. Несмотря на еще сохранившиеся вывески, марксизм-ленинизм-сталинизм как идейная сила «давно мертв», и все в России это знают. «В действительной жизни каждый поступает так, как будто бы его и вовсе не было».

Второе. На смену мертвому марксизму идет новая сила: это — «еще тормозящаяся», но «развивающаяся стихийно» «идея религиозно-национального обращения», — «русский национализм», отличающийся от всех современных западных

национализмов тем, что он по природе своей «глубоко религиозен».

Повторяем: все, что со времени войны доходит до нас из России, полностью совпадает с двойным утверждением проф. Штарлингера. Но с такой исчерпывающей ясностью и прямолинейностью никто, кажется, еще не решился это сказать.

Постараемся же, со своей стороны, глубже вдуматься в смысл этого двуединого исторического процесса.

* * *

В настоящее время мы имеем уже множество свидетельств русских людей о том, как во время войны, у них и в окружающей их среде, пробуждение национального сознания протекало в неразрывной связи с интуитивным открытием священности, «сакральности» всего мироздания. Причем — и это в высшей степени важно — пробудившийся национализм действовал чаще всего и сильнее всего, как ощущение святости земли, как чувство неразрывной связи с этой «своей», «родной», «нас вскормившей», «святой землей». Сильнее и ярче всего это описано, пожалуй, Коряковым⁸⁵, но аналогичным свидетельствам, повторяем, нет числа. «Стояние» за эту «землю», традиционно, типично русское, «стояние до крови и даже до смерти», становилось таким образом выполнением долга, каким-то образом повеленного свыше, — религиозного долга. Нет сомнения, что огромное большинство людей, так ощущавших, сами не могли объяснить, почему это так. Но какое это имеет значение, по сравнению с тем, что они действительно так ощущали?

Затем, люди, чувствовавшие себя втянутыми в некие грандиозные, уже ни в какие рациональные рамки не укладывающиеся свершения, смотревшие смерти в глаза ради выполнения долга, «священного» в настоящем, первоначальном смысле этого слова, вместе с ощущением «святой земли» под ногами, начинали и над собой ощущать Нечто. И в один прекрасный день, часто к глубокому собственному своему удивлению, оказывались в церкви. Как это происходило, тоже рассказано уже не раз и не два. В огромном большинстве случаев, никто им предвари-

тельно ничего не «объяснял», никто их ни в чем не «убеждал». Люди начинали молиться из непосредственно их охватившего ощущения священного и чаще всего только потом старались себе уяснить, Кому они, собственно, молятся и как это вообще полагается делать.

Одновременно, все с тем же ощущением «святости земли» у людей открывались глаза на ценность всего, что родилось на этой земле и выросло на ней, на все богатство, на всю великолепную многогранность национальной жизни, вскормленной соками родной земли, на неповторимую, потому что именно здесь и именно при данных условиях сложившуюся, национальную культуру, безмерно ценную своей неповторимостью и символизируемую прежде всего *словом*, — своим, на этой земле сложившимся родным языком.

«Не горько под пулями мертвыми лечь,
Не страшно остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово», —

как писала, встреченная в Москве настоящим народным триумфом и после войны опять зашельмованная властью, Анна Ахматова.

Так, по всем направлениям, происходило открытие Реальности, неизмеримо более широкой и многогранной, чем рассудочно-высушенная, выхолощенная, геометрически-четырёхугольная марксистская схема. И нужно сказать с полной ясностью, что прорыв к Реальности, настоящей, всесторонней, включающей и рациональные элементы, и элементы сверхрациональные, контакт с Реальностью во всей ее совокупности, непосредственный, жизненный, онтологический, — это и было то, для марксизма единственно страшное, что могло произойти. Никакими абстрактными схемами марксизм победить нельзя, ибо он — последний, т.е. самый «доделанный» продукт чисто отвлеченного, оторванного от Реальности геометрического мышления, — самая рассудочно-высушенная, самая четырёхугольная схема, потому что наиболее завершенная.

Проявления и симптомы этого нового и в то же время традиционно-русского отношения к бытию, которое скорее всего можно было бы назвать «мистическим реализмом», в сегодняшней России заметны везде. И всегда это прежде всего — обращение к природе, к природности, к живому, к органическому, ко всему, что может служить не мертвым материалом для абстрактных схем, а живой плотью для действия Духа. С этим обращением к природе непосредственно связана, кстати, не раз тревожившая коммунистов колоссальная популярность Есенина в советской России.

Уже довольно давно, в новоэмигрантском «Литературном Современнике», вся эта грандиозная тема обращения современной России к божественным основам природы дала повод поставить вопрос о возникновении в России своеобразного «нео-пантеизма». И нужно сказать, что некоторая видимость основания для такой постановки вопроса имеется. Но все же именно — только «видимость основания»: если вдуматься, каковы могут быть именно в России источники такого «сакрального» мироощущения, к тому же отнюдь не нового, а, напротив, для России вполне традиционного, то станет ясно, что в своем подлинном содержании это вовсе не пантеистическое поклонение безличной мировой душе, а нечто совершенно иное.

* * *

Чтобы показать все значение имеющегося тут различия — значение отнюдь не абстрактное, а самое практически реальное — возьмем конкретный пример.

Элементы настоящего пантеизма несомненно входили, притом очень существенной частью, в германский национал-социализм. Культ законов биологии, обожествление «крови и почвы», поклонение черепу «нордического человека» основывались на признании действующей в природе безличной, безжалостной, в каком-то смысле слепой и однако божественной силы. В этом смысле национал-социализм тоже нес в себе черты «религиозного национализма», но «религиозного национализма» навыворот. Поклоняясь началу, с его точки зрения божественному, но

безличному и безжалостному, он, как всякий настоящий пантеизм, топил личность в мировом целом и кончил бесовской свистопляской, в которую не проникал уже ни один луч христианского и просто человеческого милосердия.

Для русского «религиозного национализма», уже во время войны, самым характерным, наоборот, было то, что вместе с ним развивалось и росло чувство личности, своей и чужой, сознание «достоинства и прав человека». Найдя непосредственный контакт с живою реальностью и в первую очередь — с прошлым и с будущим своей собственной нации, русские люди тут-то и начинали возмущаться тем, что коммунистическая власть терзает физически, коверкает и душит духовно живых людей, ради осуществления абстрактной идеи, в реальном мире никак не оправдывающейся. Протест против бесчеловечности коммунистической системы, против террора, против организованной режимом всеобщей нищеты, нараставший во время войны, после войны загнанный внутрь и от этого становящийся теперь еще только более грозным, входит неотъемлемой частью в грядущую замену «мертвого марксизма» поднимающейся «религиозно-национальной идеей».

Русский «религиозный национализм», который может прийти к власти *только* утверждая *ценность и свободу личности и человечность* в жизненных отношениях, оказывается таким образом, в этом решающем пункте, противоположным германскому национал-социализму.

В чем же дело?

Да простит нас читатель: речь идет о вещах столь значительных не только для России, но и для всего современного мира, что тут необходимо, хотя бы совсем вкратце, сделать маленькое отступление.

Верно то, что нации, как явление, определенное если не целиком, то в очень значительной степени естественными, природными данными, можно воспринимать религиозно только тогда, когда все естество вообще воспринимается, как нечто священное. Но само это ощущение священности всего мироздания вовсе не обязательно есть пантеизм. В условиях русской рели-

гиозной и культурной традиции оно, очевидным образом, имеет своим истоком православие.

С западной стороны, обвинение в пантеизме вот уже шестьсот лет периодически предъявляется православию в целом. А дело заключается в том, что западная схоластика высокого Средневековья, стремясь создать отвлеченно-рациональную картину мироздания, как бы совершенно выкинула Бога из мира (попутно рационализовав и Его Самого), тогда как православная (в то время в основном византийская) мысль, отказываясь в какой бы то ни было мере рационализировать понятие о Боге, продолжала утверждать Его рационально необъяснимое, но реальное присутствие *и в мироздании*. Окончательно определившееся только к XIV веку, это различие и составляет, без всякого сомнения, единственную настоящую, действительно серьезную грань между православием и всеми официальными формами западного христианства. Отсюда — наше исконное русское ощущение «святости» земли и более обще — всего мироздания, вплоть до учения и опыта преп. Серафима о преображаемости плоти, вплоть до припадания к Матери-Земле Алеши Карамазова (все вещи, с точки зрения официального западного спиритуализма, совершенно немислимые). И, очевиднейшим образом, отсюда же, а не из Индии, Боже мой, и не из Китая, — «сакральное» мироощущение современной России и поднимающийся русский «религиозный национализм».

Германский национал-социализм — тот действительно многое почерпнул из ведической Индии, из родственных ей нордических верований, наконец, просто из поздних западных действительно пантеистических учений. И в этом разница.

В «религиозном национализме», имеющем свои истоки не в пантеизме, а в православии, речь может идти не о безличной мировой душе, а только о действии личного христианского Бога. Поэтому здесь не стираются, а утверждаются понятия добра и зла, не стирается, а утверждается понятие личности, ее ценность и свобода.

Подведем итог. Это мироощущение, одинаково далеко отстоящее и от обезличивающего пантеизма, и от отвлеченного лже-спиритуализма, составляет такую ценность, что уже ради

одного этого нация, несущая это мироощущение в себе, обязана отстаивать свою национальную индивидуальность. Но и помимо этого, более обще, оправдание и утверждение всякого национального своеобразия проистекает непосредственно из самых основ этого — реалистического — мироощущения.

Отвлеченная лже-духовность, во всех ее формах, обязательно противостоит многообразию любых органически выросших, естественных образований; она всегда стремится навязать, как бы «сверху», свою отвлеченную идею и поэтому обязательно стремится к формальному единству, к «интеграции». Здесь — наоборот: положительное развитие *должно* идти через утверждение особенностей и своеобразий, путем дифференциации, — что и совпадает со всеми эмпирически известными законами жизни.

Но из этого непосредственно вытекает другой, практически чрезвычайно важный вывод. Утверждая национальную индивидуальность и своеобразие Российского мира в целом, русский «религиозный национализм» не может стремиться к нивелировке, к «уравниловке» внутри этого мира; наоборот, он должен не только допускать, но желать утверждения и развития входящих в Российское имперское целое отдельных национальных индивидуальностей. И это тем больше, чем правильнее и глубже сам этот «религиозный национализм» воспринимается.

* * *

Решительно, сегодня нам от немцев не уйти. Проф. Штарлингер в своем докладе отметил только прочность Российского имперского «сплава» и призрачность всех надежд на его разложение. Всестороннему же изучению многонационального имперского комплекса России посвящена выпущенная недавно мюнхенским Институтом Восточной Европы и тоже в своем роде замечательная, книга другого немецкого ученого, Георга фон Раух.

И в этой области, при развивающейся ныне финальной фазе русского революционного кризиса, некоторые предварительные итоги можно уже намечать с очень большой долей правдоподобия.

Прежде всего, та структура единого, но децентрализованного многонационального государства, включающего весьма разнообразные степени и формы децентрализации, которая существует ныне на территории России, не имеет решительно ничего общего с какими бы то ни было предвзятыми схемами марксизма. Ни Марксу, ни Энгельсу, ни — первоначально — Ленину, ничего подобного не приходило в голову: марксизм, как политическая система, стоит за строгую централизацию (впредь до того мифического момента, когда государство, как таковое должно «отмереть»). Но это тоже и не федеративная схема, которую большевики почему-либо заимствовали бы у «классического» либерализма, или у анархистов. Иными словами, эта структура не подходит вообще ни под какие схемы: коммунистам пришлось ее принять под напором реальных условий страны, оказавшейся в их управлении, — просто по той причине, что ничего другого придумать было нельзя.

Но тем самым уже сказано, что эта структура децентрализованного многонационального государства, притом включающего именно различные — по местным условиям — формы и степени децентрализации, имеет все шансы пережить конец коммунизма и остаться на будущие времена.

Действительно же поразительно, что этот практически предвидимый результат полностью соответствует тем самым принципиальным основам поднимающегося русского национализма, о которых мы только что говорили.

В этом вопросе, как и во всей совокупности нынешней многосложной и многотрудной российской действительности, коммунизм только коверкает и тормозит естественное развитие. Для того, чтобы децентрализованная многонациональная государственная структура начала действительно функционировать и приносить свои плоды, требуется все та же, предвидимая Штарлингером, смена руководящей идеи: марксизм, уже мертвый, должен быть устранен окончательно и заменен, вырастающим из самой этой реальности, «религиозным национализмом».

Как бы то ни было, естественное развитие идет в этом направлении. И из этого нужно сделать определенные выводы.

Сейчас, когда основные результаты русского революционного кризиса уже наметились достаточно ясно, признать положительным можно *только* то, что соответствует этому естественному ходу вещей и его ускоряет. В 1955 году уже просто бессмысленно спорить о том, должно ли Российское государство быть децентрализованно-многонациональным или нет: вопрос решен историей в утвердительном смысле. Но в такой же степени мы не можем признать положительным и должны признать резко отрицательным и противным естественному ходу вещей всякое стремление разрушить основное единство этого децентрализованного многонационального целого.

А это одно уже означает, далее, что вовсе *не всякую борьбу с коммунизмом* мы можем признать *положительным явлением*. Положительным можно признать *только* то, что, так или иначе, может содействовать замене мертвого марксистского руководства — стихийно поднимающейся силой российского национального возрождения.

Все наши — российских имперских патриотов — отношения с внешним миром могут определяться только этим. Не только всякому посползновению механически расчленив наше имперское целое, но и всякому стремлению растворить своеобразие исторически сложившегося Российского мира в каких бы то ни было, извне навязанных отвлеченных схемах мы должны противопоставить решительное «non possumus»⁸⁶. По своим духовным истокам и по заложенным в них возможностям, идущий ныне к своему торжеству российский «мистический реализм» и порожденный им «религиозный национализм» составляют такую ценность, которая одна только может дать положительный смысл нашей борьбе.

Только в том случае, если мы будем это говорить совершенно открыто и ясно, мы можем содействовать — со всех точек зрения необходимому — сговору поднимающейся национальной России с внешним миром. А тем самым, — только при этом условии мы можем добиться от внешнего мира *действительного* содействия не только *нам желанной*, но и *для всего человечества*

необходимой ликвидации внутренне уже мертвого коммунизма в России.

* * *

Сейчас, когда многим страстям пора бы улечься, когда многое становится виднее и легче отличить живую мысль от шлаков, не бесполезно взглянуть по-новому на некоторые старые эмигрантские споры.

Своеобразие и внутренняя многогранность Российского мира, — огромная ценность его многонационального, западно-восточного состава при основном культурном и государственном единстве, — исключаяющая конфессиональную узость, но безусловно религиозная и при том, в самом глубоком и подлинном смысле слова, не западная, а восточно-православная основа грядущей России, — все это с большой точностью было в свое время предугадано тем, с самого начала подвергавшимся немалым преувеличениям и искривлениям, под конец запутавшимся совершенно в политической обстановке, и все-таки очень значительным движением русской зарубежной мысли, каким без сомнения было евразийство.

Страшным и пагубным преувеличением было то злобное — впрочем, не всем евразийцам и не в одинаковой степени свойственное — отталкивание от Запада, которое в конце концов сместило куда-то совсем «не туда» центр тяжести в самом понятии «Евразия». Некоторым смягчающим вину, хотя отнюдь не оправдывающим обстоятельством, тут являлось, конечно, то чувство глубокой национальной обиды, которое слишком легко и естественно возникало у русских в период «между двумя войнами». В результате, ненависть к Западу, неразумная, слепая, ничем не оправдываемая, взорвала очень значительное идейное движение, бросив «левых» евразийцев в лапы прямой советской провокации, сумевшей подменить в основном правильно понятую историческую перспективу — миражом будто бы уже происшедшего «перерождения» революционной России.

К большому историческому счастью, тот «религиозный национализм», который теперь развивается в России не из горечи поражения, а из одержанной национальной победы, совершенно

лишен этих шовинистических черт. Подходя к вопросу западно-русских отношений со «свежей головой», мы ни на минуту не можем и не должны забывать, сколько у нас общего. И вовсе не только в области материальных интересов и материальной культуры. Правильно отмечая своеобразную, особую «тональность» восточно-православного мироощущения, евразийцы переставали за этим видеть основную общность средиземноморско-христианской культуры и ничем не вытравимую общность традиций первого тысячелетия христианской эры, которая нас связывает с Западом.

Между прочим, остановившись в начале этой статьи на несомненном и очень существенном различии, я всюду сознательно говорил об «официальных», «господствующих» формах западно-христианского мышления. В действительности, тот «мистический реализм», который присущ православному культурному типу, на Западе никогда, конечно, не был вытравлен полностью. И, поразительным образом, он в особенности живуч во Франции. В наше время он то и дело прорывается во Франции везде, где происходит живое религиозно-культурное творчество. «Сакральное» мироощущение Шарля Пеги, уснащенное к тому же его инстинктивным отталкиванием от Рима, я, не задумываясь, готов назвать в основе своей православным. В значительной степени, это верно и в отношении Леона Блуа. Довольно неожиданно то же мироощущение с немалой силой звучит даже у Клоделя (что, кстати, показано, для нас совершенно убедительно, в майском номере «Этюд»). Независимо от несомненных национально-политических интересов, связывающих нас с Францией, тут сказывается еще гораздо более глубокая общность, над которой стоит призадуматься.

Ко всему этому евразийцы были глухи. Но ни это, ни — священный с отталкиванием от Запада — «скат» значительной части евразийства в сменовеховство не умаляет значения и правильности основной интуиции грядущего, выраженной, в «большую» евразийскую эпоху, в стольких писаниях Карсавина, Трубецкого или Савицкого.

И уж во всяком случае правильным в самой основе своей было страстное прислушивание евразийцев к пульсу неумираю-

щей, «тамошной» России. Во многом ошибались — да. Принимали всякие трески и даже просто «Тресты» за голос уже возрожденной России — да и на этом погибли. Но правильно понимали, что самым решающим в конечном итоге окажется развитие и смена настроений «там».

И не только одни евразийцы сбились с — первоначально во многом правильного — пути, приняв тогда еще отдаленную историческую перспективу за почти уже готовое свершение. Весь тот очень значительный сектор русской эмиграции, который с 20-х годов ставил на неизбежное возрождение «там» подлинного российского патриотизма, а, значит, и всех связанных с ним духовных ценностей, не заблуждался в самом основном. Но зато он и подвергался постоянной опасности, усугублявшейся довольно, впрочем, понятным нетерпением, — принять за подлинную ценность фальшивку или прямую провокацию.

Что стихийное возрождение внутри России патриотизма, опирающегося на природные ценности и в то же время окрашенного религиозно, составляет значительный шанс для установления в дальнейшем, в пореволюционной России, монархического строя, традиционного по существу и, конечно, совершенно обновленного в своих формах, — это, действительно, достаточно логичный ход мысли, своего значения ничуть не теряющий и теперь. Но это и был основной импульс того, кончившего весьма печально и, однако, в основе своей несомненно здорового эмигрантского политического течения, в котором, в отличие от евразийства, автор этих строк принимал непосредственное и весьма активное участие, — младоросского.

Не углубляясь здесь в разбор всех причин, вызвавших внутреннее разложение младоросской партии и толкнувших в конце концов часть младороссов на прямую капитуляцию перед сталинизмом, мне хочется отметить сейчас только одно обстоятельство, представляющее, на мой взгляд, некоторый общий принципиальный интерес. Это обстоятельство — широко распространившаяся вообще в русском Зарубежье в 30-х годах подмена подлинных духовных основ русского национализма фашистскими идеологиями и вследствие этого — поклонение диктатуре, как таковой. При некоторых условиях, от некритиче-

ского восхищения перед «черным фашизмом» — итальянским — было не так уж трудно перейти к восхищению перед «красным фашизмом» — сталинским, особенно, когда этот последний, под напором национальной реальности, пытался рядиться в совсем ему не приставший национальный наряд.

Тем более важно помнить теперь, что торжество *подлинного* русского национализма, по самой природе его глубочайших религиозных корней, связано неразрывно с утверждением *человечности* и действительной, а не отвлеченно-вымышленной *свободы*. Замена «мертвых марксистских вывесок» «религиозно-национальной идеей» будет означать на практике прежде всего всестороннее *раскрепощение*, — раскрепощение творческих сил имперской нации в целом, раскрепощение всех, входящих в ее состав национально-этнических групп («националов», как теперь говорят), и всяких иных естественных соединений, в особенности же всестороннее раскрепощение человеческой личности.

Перспективы, которые приоткрываются перед нами теперь, настолько широки и грандиозны, что мы можем позволить себе роскошь отказаться от всякой сектантской узости. Не одна, а многие запутанные и перепутанные тропы русской революционной эпохи ведут к национальному возрождению. Оно станет действительностью тогда, когда, при свете занимающейся зари, мы сумеем, отбросив шлаки и мусор, собрать воедино все то действительно ценное, что создавали русская мысль и русская воля в мучительную, страшную и безмерно значительную первую половину XX века.

Н.С. ТИМАШЕВ

Очернение Сталина

(«Новый журнал». 1956. № 45)

В послевоенный период Н.С. Тимашев продолжал активно выступать в «Новом журнале», в 1959 — 1966 гг.

был членом его редакционной коллегии. Статья относится к тому времени, когда он был профессором социологии Фордемского университета. Стремление к научной объективности политического анализа придавало особый вес его публицистике, обеспечивало авторитет журнала в тот период. Некоторые его обобщения могут иметь принципиальное значение, например, вывод о том, что либеральные реформисты стремятся придать реформам «как можно больше гласности, часто преувеличивая ее значение».

Иногда в разворачивании исторических событий, — как и детективного романа, — сам по себе незначительный факт служит как бы зацепкой, исходя от которой можно проникнуть в то сокровенное, что хочется и нужно познать. В отношении новейших событий в России такой факт недавно произошел.

4-го мая председатель Верховного Суда СССР А. Волин в беседе с группой французских социалистов сообщил, что еще в 1953 году Президиум Верховного Совета упразднил особое совещание при МВД, которое по закону имело право «приговаривать» социально-опасных личностей к высылке и заключению в концентрационных лагерях, прибавив, что этот указ Президиума никогда не был опубликован. Этот последний факт, т.е. неопубликование указа, и наводит на размышления. Всякий режим, проводя какую-либо либеральную реформу, стремится придать ей как можно больше гласности, часто преувеличивая ее значение. В данном случае произошло нечто почти небывалое: такая либеральная реформа как отмена административной ссылки (восполненная тогда же учреждением специальных комиссий для пересмотра «приговоров» особого совещания) была проведена, но скрыта от публики. Очевидно, в последней нужно было сохранить спасительный для режима страх; но носителям верховной власти нужно было застраховать себя и в особенности своих клеветов, группирующихся в «кланы», возглавляемые отдельными носителями власти, от систематического, а иногда массового уничтожения со стороны политической полиции. Правда, с момента ареста Берии эта последняя была сильно

сокращена в значении и власти; но она осталась, и не могла не остаться; а самая ее наличность всегда представляет опасность развития ее в «государство в государстве», обращения в самодовлеющую силу, способную в один прекрасный — или не столь прекрасный — день навязать свою волю тем, кто почитает себя весильными.

Итак, из недавнего сообщения А. Волина можно вычитать подтверждение того факта, что в 1953 году, после смерти Сталина, новые властители России были обуреваемы страхом. Кого же они боялись? Конечно, прежде всего самих себя, вернее каждый всех остальных.

На этой почве и создалось то «коллективное руководство», которому теперь поются официальные славословия. Оно утвердилось — мы не знаем на сколько времени — не потому, чтобы преемники Сталина возлюбили его. Оно пришло как объективный факт, как выражение необходимости, заложенной в положении вещей, и только что упомянутые славословия — только оправдание факта, а не выражение идеи, проведение которой изменило бы действительность. Но раз коллективное руководство стало объективной необходимостью, то такой же необходимостью стало развенчание противоположного принципа, единоличного руководства. Единственной альтернативой было бы утверждение факта, что коллективное руководство существовало и при Сталине. Но это означало бы для новых властителей принятие на себя всех грехов Сталина. Они, конечно, в них полностью повинны, но им нужно от них отмежеваться, и это ради *второго источника страха*, — страха перед явным для них, широко разлитым в массах, сумрачным недовольством, злорадством, изощренным пассивным сопротивлением.

Был у них конечно и *третий источник страха* — страх перед надвигавшейся под конец жизни Сталина третьей мировой войной. Менее чем Сталин проникнутые варваризованным марксизмом они, тогдашние помощники Сталина, а нынешние руководители судеб России, отлично понимали, что идти во внешней политике сталинским курсом больше нельзя, — он вел в тупик, а тупики в международной политике почти автомати-

чески разрешаются войнами. Поражение, вероятно, не казалось им неизбежным; но возможность его они сознавали — и принимать риск его не хотели. В этом, вероятно, был главный корень их расхождения со Сталиным, которое так ясно обнаружилось на 19-м партийном съезде, особенно в замене компактного Политбюро разводненным президиумом ЦК партии. Номенклатурную реформу было неудобно отменить, но по существу эту против них направленную реформу они поспешили отменить, как только власть им досталась. Для отклонения международных дел от развития в сторону третьей мировой войны, которой диадохи продолжали страшиться, очернение Сталина опять-таки оказалось великолепным средством. Вместо отталкивающего сурового единоличного диктатора — улыбающиеся и медоточивые «кремлевские близнецы», сознающиеся во многих ошибках прошлого режима, к которому они как будто не причастны. С ними как будто можно разговаривать, на них можно положиться. Такие веяния все сильнее распространяются среди политически наивных наций, недавно получивших независимость, но также и в некоторых усталых нациях, особенно во Франции. Противосоветский блок несомненно ослаблен и на агрессивную политику против СССР не пойдет, чего он, вероятно, и раньше не собирался делать. Но сейчас он, пожалуй, и на новую корейскую акцию неспособен.

Очернение Сталина, таким образом, оказалось выгодным во всех отношениях. Указывают, правда, на возможность подрыва авторитета новых властителей в порядке постановки им вопроса — а вы где были, когда Сталин совершал свои злодеяния и ошибки? В принципе оно, конечно, так. Но на практике, как это часто бывает, получается несколько иначе. Внутри страны никто фатального вопроса задать не посмеет. А вопрос, никогда никем не заданный, понемногу снимается с очереди. Новый режим будут судить не по тому, что его руководители делали вчера, а по тому, что они делают сейчас — об этом несколько слов будет сказано ниже. Вовне заядлые антикоммунисты этот вопрос ставят и будут ставить. Но они и так антикоммунисты, и усугубить эту их установку нельзя. Некоторую неловкость ощу-

тят коммунистические партии, работающие в стане врага — их главарей могут спросить, — а где вы были при Сталине? Кое-где кое-кого снимут. Но то смутное духовное состояние, в коем пребывают коммунисты западных стран, Азии или Африки, вряд ли существенно изменится; оно более эмоционально, нежели рационально, а те глубокие причины, которые к нему приводили и продолжают приводить, лишь в малой мере могут быть поколеблены темными и непонятными переменами в Москве. Остается политическое «болото» — те, кто ни за коммунизм, ни против, те, кому все равно. Но им будет так же все равно, как было.

Что же представляет и что делает это коллективное руководство, которое занялось очернением Сталина? Чтобы понять, что оно представляет, лучше всего противопоставить его сталинскому режиму. Тот режим можно было уподобить централизованной солнечной системе: вокруг одного огромного центрального тела вращается по определенным орбитам несколько много меньших, которые, однако, не остаются без влияния друг на друга: планета Нептун, как известно, была открыта через «возмущенье», которое она производила в движении Урана.

Нынешний режим можно уподобить многозвездной системе. В такой системе все тела вращаются вокруг центральной точки, ничем не занятой — ей, в нынешнем московском режиме, соответствует абстрактное понятие верховной власти. Тела эти разных размеров; сейчас в московском режиме два — значительно больше остальных. Они вращаются теоретически по установленным орбитам, но взаимные возмущения настолько значительны, что некоторые из них с орбит соскальзывают и как бы отходят прочь; другие могут столкнуться и взорваться. Предсказанье в этих условиях затруднительно; уже и «задача трех тел» математически почти неразрешима, а задача десяти или двенадцати — что отвечает московской обстановке — далеко превышает возможность расчета. Есть три возможности: одна — которое-то из трех тел попадет на центральную точку, поглотит несколько второстепенных и станет так же главенствовать, как солнце в своей системе; иными словами, коллективное руководство уступит место единоличному, которое будет так же

прославлять, как сейчас восхваляют коллективное. Другая возможность — распад всей системы и рождение на ее место новой. Третья возможность — длительное существование сложного созвездия со всеми его неопределенностями. Какая из возможностей осуществится — предсказать невозможно. Слишком многое зависит от «конъюнктуры», т.е. от непредвидимого стечения обстоятельств.

Но пока многозвездная система существует и действует. Что же она сделала за три с лишним года своего существования? Ответ на этот вопрос, понятно, может быть здесь дан не в виде обзора событий, всем известных и памятных, а в порядке подведения итогов.

В сфере чисто политической, кроме самого факта вынужденного перехода от единоличного к коллективному руководству и оправдания последнего в порядке очернения Сталина, не произошло ничего: новое коллективное руководство так же крепко держит в своих руках всю полноту власти, как прежнее единоличное, не подпуская к власти никого, и никаких послаблений по части «субъективных личных прав», в виде свободы совести, печати, собраний, союзов и т.д. не последовало. Но некоторые изменения в близкой к политической — правовой — сфере произошли: совсем недавно Президиум Верховного Совета отменил «кировские законы», т.е. законы, вызванные убийством Кирова и обратившие политические процессы в бесформенную расправу — подсудимый получал обвинительный акт за сутки до суда, мог быть лишен защитника, не имел права апелляции в случае осуждения, должен был быть расстрелян через сутки после вынесения приговора. Вспомним, однако, что к знаменитым процессам 30-х годов (кроме дела Тухачевского) этот порядок применен не был, так как уничтожить политических врагов легко и без него. Но, с другой стороны, олицетворенная в Вышинском практика осуждения на основании вынужденного сознания обвиняемого официально подвергнута строгой критике. Эти изменения внушены, пожалуй, первым из трех страхов, выше обрисованных — страхом взаимного уничтожения верхушки.

Одновременно отменены и самые ненавистные из законов по трудовой части, а именно те, которые возлагали суровые кары за мелкие нарушения трудовой дисциплины (прогул, опоздание и т.п.). Это сделано, вероятно, ради второго из трех страхов, страха перед враждебной настроенностью населения. Интересно, однако, что тут, как и по вопросу об отмене особого совещания, реформа была проведена исподтишка: уже несколько лет назад законы об уголовных карах за нарушение трудовой дисциплины перестали перепечатываться в официальных изданиях уголовного кодекса. Так что нынешняя реформа является лишь формальным запечатлением чего-то уже совершившегося. Как будто новые властители пошли ощупью — что-то будет, если эти драконовские законы отменить? Ничего плохого не вышло, и их отмену официально объявили, воспользовавшись этим как новым поводом, чтобы лягнуть Сталина.

В сфере экономической ничего существенного не произошло: вздыбливание России в угоду идолу ускоренной индустриализации, направленной на укрепление промышленной базы, продолжается; никакого существенного отхода от сталинской линии не произошло и по части коллективизации. Совсем наоборот: в воздухе опять носится идея сведения крестьян в агрогорода с почти полной отменой ростков индивидуальных хозяйств внутри колхозов. Таким образом, намечавшееся было Маленковым (и поддержанное тогда и Хрущевым!) отступление на позицию ускоренного развития легкой промышленности ради умиротворения изголодавшихся по всяческим товарам масс, — отменено. Сделано это не столько во имя вооружения, как это часто пишут, сколько во имя одной из фаз новой внешнеэкономической политики — вступления в открытое соперничество с Западом на внешнем рынке и на рынке завоевания симпатий, так называемых нейтральных стран, в порядке оказания им экономической помощи. Но одна из наметившихся при Маленкове линий сохранилась: новые властители произвели довольно значительные расходы из своего огромного золотого запаса (около 12 миллиардов долларов, по исчислению экспертов в 6 раз больше дореволюционного золотого запаса, но все же лишь около

половины американского). Расходы эти производятся преимущественно для закупки товаров, в которых особенно нуждаются привилегированные классы советского населения, но отчасти и продовольствия, не столько для удовлетворения масс, сколько для вызова симпатий в таких странах, как Бирма или Египет, страдавших от невозможности сбывать свое сырье.

В сфере религиозной, 1954 год ознаменовала было усиленная антирелигиозная кампания, в чем можно было усмотреть «возврат к Ленину от Сталина». Но за полтора года, прошедшие с известной резолюции ЦК от 11-го ноября 1954 г., выразившей порицание тогдашней политике, все вернулось к тому, как было при Сталине, даже с усиленным подчеркиванием благоволения власти к покорным иерархам (но, конечно, не религии). Это идет отчасти по линии умиротворения масс, вновь было насто- рожившихся под влиянием резкой антирелигиозной кампании, отчасти по линии новой международной политики, на служенье которой иерархи вновь усиленно привлекаются.

В сфере интеллектуальной и эстетической деятельности на- жим несколько смягчен. Диктатура Лысенко отменена и не за- менена новой. С ученых снята обязанность превозносить Ста- лина и поносить Запад; напротив того, внимательная слежка за Западом вменена им в обязанность с целью извлечения всего для Советского Союза полезного. Можно думать, что ученые чувствуют себя несколько легче. В области литературы и му- зыки было пущено несколько пробных шаров в сферу свободы творчества; но ничего определенного пока не получилось. Но самое исчезновение единоличного и всевластного *arbiter elegantiarum*⁸⁷ — кремлевские близнецы пока на это положение не претендуют — служит некоторой отдушиной.

По части образовательной сделано несколько шагов назад к Ленину: восстановлено совместное обучение мальчиков и де- вочек, и вынута из нафталина идея политехнического образова- ния. В преподавании истории отменены некоторые, Сталиным инспирированные, фальсификации — опять-таки с хулой по адресу последнего.

Классовый характер нового советского общества полностью сохранился. Не изменилось ни число классов, ни дифференцирующие признаки, ни различие в их преимуществах. Произошел, однако, один существенный сдвиг: армейская верхушка, которая при Сталине проникала лишь во второй сверху класс, ныне допущена и в самый верхний. Послужит ли это к укреплению режима? Или сыграет роль троянского коня? Ответ на этот вопрос так же невозможен, как и разрешение проблемы многозвездия, отвечающего нынешнему коллективному руководству.

По существу, изменения по сие число не слишком значительны. Их размах далеко не соответствует огульному очернению Сталина — от его режима осталось 90, если не 95 процентов. Это обстоятельство сыграет решающую роль при выработке ответа на тот вопрос, который в Советской России нельзя задать открыто, но в душе ставится всяким мыслящим человеком: а где вы, чернителю Сталина, тогда были? И ответ будет — вы очевидно были с ним, ибо в основном продолжаете его дело. Из этого вытекает, что второй из страхов нынешних властителей России еще не скоро рассеется; вернее, этого никогда не будет.

Гронинген, Голландия, май 1956 г.

А.В. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС

Коммунизм на ущербе

(*GEORGE C. GUINS. "Communism on the Decline"*.

Нagua. 1956)

(«Возрождение». 1957. № 66)

Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869 — 1962) — прозаик, публицист, критик. Начала печататься в конце XIX в. В 1903 г. была арестована за распространение журнала П.Б. Струве «Освобождение». В редакции этого журнала познакомилась в корреспондентом

лондонской газеты «Таймс» Г. Вильямсом, ставшим ее мужем. Была членом ЦК партии кадетов. Печаталась в «Русской мысли». В 1912—1913 гг. руководила петербургской газетой «Русская молва». В годы Гражданской войны писала о России для одной из американских газет. С августа 1921 г. редактирует в Лондоне журнал «Russian Life», печатается в «Возрождении» и «Руле». После войны выступала против возвращения властями западных стран бывших советских военнопленных на родину (статья «Охота на человека» в журнале «Независимое слово». 1946. № 5). С 1952 г. жила в США. Рецензирование новых книг оставалось действенным жанром ее публицистики. «Идеологическую осаду коммунизма» в России она вела много лет. История подтвердила ее предположение, что это «оружие более сильное, чем атомные и водородные бомбы».

Книга издана по-английски в Гааге, а написана русским правоведом, профессором Г.К. Гинцом. Он окончил С.-Петербургский университет, был учеником замечательного юриста, Д.О. Петражицкого.

В 1916 г. Г.К. Гинц, как приват-доцент, прочел в своем университете курс лекций по гражданскому праву, уехал в Омск, в Политехнический Институт и когда там появился Колчак, стал одним из его сотрудников. Потом, после эвакуации вместе с группой профессоров, очутился в Харбине. Там они образовали русский университет, ректором которого был избран Г.К. Гинц.

Следующие мировые потрясения выбросили его в С.Ш., где он стал читать лекции уже по-английски и писать книги, тоже по-английски (до того печатались его книги в Харбине, в Пекине, в Гааге). Среди русских читателей наибольшей известностью пользуется его «Сибирь, Союзники и Колчак». Есть у него своего рода трилогия — «Социальная психология», «Право и культура», «Предприниматель». Это все писано и издано еще в Харбине.

В только что выпущенной своей книге Г.К. Гинц дает спокойный анализ того, что большевики обещали, и то, что они

дали. В ней собраны факты, свидетельствующее об органической непригодности коммунистического строя. При всей своей академической выдержке Г.К. Гинц не прячется за ученой нейтральностью. Он не скрывает своего совершенно определенного отрицательного отношения к коммунизму и к его советским руководителям. Большинство эмигрантов реагирует на теорию и практику коммунизма эмоционально, а он обращается к логике своих читателей, что для иностранцев убедительнее.

Свою оценку советской власти Г.К. Гинц ясно высказывает в предисловии: «Коммунистическая диктатура держится не только на полицейском режиме и терроре, *но и на полной экономической зависимости населения от государства*, которое является единственным работодателем и монополистом всей хозяйственной жизни. Одним принуждением нельзя было бы управлять жизнью такой огромной страны, — поэтому коммунизм как бы стремится произвести впечатление на население тем, что они считают своими достижениями, и вызвать надежду и на дальнейшие, еще большие, успехи. Себя и свою систему коммунисты считают безошибочными и непобедимыми...» На самом деле, многочисленные факты, собранные в этой книге, дают нам право надеяться, что «коммунизм уже проявляет признаки постепенного упадка. Было бы большой ошибкой этого недооценивать. Очевидно, коммунизм приближается к своему последнему этапу».

Первая часть книги носит выразительное заглавие — «Великая иллюзия». Вторая озаглавлена — «Социалистическая действительность». Книга дает анализ обещаний, провозглашенных Лениным, и того, что на самом деле принесла России марксистская доктрина. Об этом уже много и говорилось, и писалось, но проблема коммунизма все больше захватывает внимание всего мира. За 40 лет марксистская доктрина осталась неизменной, только еще глубже вонзилась в тело России и расплылась по всем странам. Для усиления борьбы с этой угрозой, вставшей перед всеми народами, необходимо пристальное и неустанное изучение страшного социального опыта, который проделывают

над Россией коммунисты. С нее они начали, над ней с особенной жестокостью зверствуют.

Когда читаешь крупные и мелкие, тщательно подобранные факты, почерпнутые, главным образом, из советской литературы, и осторожные, тщательно обдуманнные комментарии Г.К. Гинца, встает все тот же мучительный вопрос — каким образом такая власть, противная всем Божеским и человеческим законам, поставившая вверх ногами всякую хозяйственную логику, может в течение четырех десятилетий держать в своих руках судьбу 200 миллионов людей? Советская жизнь полна парадоксов и противоречий. Одним из самых красноречивых и острых является то, что проповедники материализма, которые с такой свирепостью требуют, чтобы «человек жил одним хлебом насущным», умудрились оставить без хлеба Россию, при царях считавшуюся житницей Европы. Большевики стремятся убить дух, а теперь им за это уже мстит материя.

В идиллические добольшевистские времена один из влиятельных немецких идеологов марксизма Каутский обещал, что «когда капиталистическая система будет отменена, все будут жить спокойно и обеспеченно. Вопрос о зарплате никого не будет тревожить». Кабинетный проповедник марксизма оказался плохим провидцем и не угадал, что произойдет, когда будет отменен буржуазный строй, который давал ему возможность безнаказанно проповедывать свои разрушительные теории. Октябрьская революция открыла миру, к чему ведет марксизм. Г.К. Гинц подробно описывает, как отмена частной собственности отдала все население России в полную хозяйственную власть государству. Граждане сразу превратились в рабов.

«Уничтожение частной собственности, — пишет Гинц, — и личной хозяйственной предприимчивости, в связи с национализацией всех отраслей народного хозяйства, лишило страну очень ценных работников — предпринимателей. Остановилось практически воспитание характеров, где люди учатся хозяйственному трудолюбию. Насильственное внедрение коллектива противно человеческой психологии и может быть проведено только беспощадными мерами».

В советской конституции значится: «В советском государстве все принадлежит народу». На самом деле собственником является не народ, а государство. И даже не государство, а Коммунистическая партия.

Г.К. Гинц совершенно правильно указывает на воспитательное значение собственности. «Собственник привязан к своему предприятию. Оно развивает в нем бережливость, хозяйственную осторожность, упорство в выполнении задач, честолюбие и почин, профессиональный оптимизм. Таковы психологические свойства хорошего предпринимателя. Таких людей следует считать психологическим богатством народа. Между характером народа и его политическим строем существует органическая связь...

Свобода, связанная с частной собственностью, проявляется не только в экономике, но и в общественной деятельности. Люди с твердой нравственной, особенно с религиозной основой пользуются своим богатством, чтобы поддерживать благотворительные и просветительные организации, помогать нуждающимся. Такого рода деятельность облагораживает и возвышает тех, кто ею занимается».

В ответ на советские перечисления мнимых преимуществ их системы, автор указывает на подлинные и неоспоримые последствия уничтожения права собственности. Он, конечно, не оспаривает, что есть предприятия, которые должны принадлежать государству, как например, железные дороги, горное дело и др. «Но, уничтожив полезные и здоровые разновидности частной собственности, коммунисты вместе с тем уничтожили и положительный психологический стимул, который делает частную собственность жизненно и социально благотворным юридическим институтом. Взамен этой психологической ценности, советская государственная собственность ничего не создала, кроме тучи самых отрицательных явлений. Уничтожив частную собственность, советская власть не прекратила эксплуатацию, только из частной превратила в государственную. Частная собственность ограничена законом, подвержена государственному контролю, а перед эксплуатацией государственной работник со-

вершенно незащищен. Для нее нет ни ограничений, ни контроля. Она беспрепятственно пользуется рабским трудом миллионов людей, заключенных в рабочие лагеря».

Разбирая разрушительные результаты советского строя, Г.К. Гинц указывает не только на его правовую и нравственную извращенность, но вскрывает и чудовищную безхозяйственную расточительность всего Советского бюрократического государственного аппарата.

В 1953 г. чиновники стоили Государству шесть с половиной миллиардов рублей. При этом и в центральных министерствах и управлениях, и в мелких учреждениях на местах стоит бумажный хаос. Это усиливает безысходный хаос всей системы. Несмотря на все зверские кары за неисполненную планировку, отчеты всех министерств сообщают о дефицитах и о недостаточной продуктивности. Продукты получаются низкого качества и обходятся втридорога. Чиновники гонятся за количеством в ущерб качеству. Когда все недостатки системы слишком назойливо дают о себе знать, начинаются преследования, а иногда и истребление инженеров и директоров. Все это Г.К. Гинц рассказывает эпическим тоном, опираясь на казенные советские отчеты, поскольку они попадают в печать или в газеты, поскольку им позволяют разоблачать недостатки коммунистического хозяйства.

Очень поучительна глава о рыбных промыслах. Как известно, в России было изобилие рыбы. Но когда и рыбу включили в планировку, она «перестала ловиться»: «Год за годом читаем мы в советских газетах о неудовлетворительной рыбной кампании. В мае 1953 г. “Известия” сообщают, что “последние годы улов таких ценных рыб, как карп и окунь — резко понизился. поймано только незначительное количество Каспийских сельдей”». (Изв. 1953 г., № 123). Чтобы пополнить свой рыбный дефицит, советское правительство в 1954 г. заключило с Данией и Норвегией договор о закупке у них рыбы.

То же явление, в несравненно более грозной форме, происходит в сельском хозяйстве. Там тоже удушающее отсутствие

личной инициативы и беспросветный произвол мелких коммунистических чиновников. Они с жадностью расхватывают продукты, выращенные колхозниками. Г.К. Гинц цитирует книгу «Вопросы организации сельского хозяйства», где бывший комиссар по агрикультуре, Яковлев приводит, как пример паразитического нашествия служащих на колхозы, положение в колхозе «Красный Мак», под Челябинском, где на 200 рабочих было 54 служащих. Клич социалистов — вся земля трудящимся, превратился в злую насмешку над земледельцем.

Такой же иллюзией, вернее таким же преступным обманом, оказалось обещание марксистов создать внеклассовое общество. Прежние сословия, на которых строилась Россия еще до большевиков, отменило Временное Правительство. Но на развалинах прежних классов встали два новых, несравненно более резко разграниченных, чем было классовое деление в старой России. Появился новый господствующий класс, до свирепости ревниво охраняющий свои привилегии. Г.К. Гинц окрестил его классом интеллигенции. Я нахожу это определение неправильным. У нынешних хозяев России нет характерных умственных и моральных общественных привычек и свойств, которыми отличалась русская интеллигенция. Ни к Хрущеву, ни к Булганину, вообще ни к кому из верхних партийных руководителей это определение не подходит. Русских интеллигентов надо искать вне господствующей верхушки. Но несомненно, что коммунисты за 40 лет своего владычества над Россией создали вокруг себя господствующий класс, несравненно более крепко сплоченный, чем был какой бы то ни было класс в старой России. Тогда господствующим классом считалось, отчасти и было, дворянство. Но как класс оно еще в XIX веке утратило жадность (стремление) к власти. Герцен писал, что 14 декабря дворянство разорвало на Сенатской площади свои дворянские грамоты. Нынешним хозяевам Кремля никто грамот не выдавал, но в них кипит воля к власти, обостренная страхом.

Г.К. Гинц описывает, как с октября 1917 г. Россия вынуждена жить по тройной формуле — все принадлежит народу, народ

принадлежит государству, а государство принадлежит Компартии. Этот лозунг большевики выкинули как бы на смену столько раз осмеянной формуле Уварова — Самодержавие, православие и народность. Это мое сравнение. Профессор Гинц за него не отвечает. Он в сложные сравнения и обобщения не пускается и держится в пределах жуткой сегодняшней действительности, но как верующий в добро оптимист, он подобрал намечающиеся проблески надежды на освобождение России от социалистического рабства. По его мнению, в России происходит какое-то психологическое движение, стремление выйти из-под гнета, томление по законности и справедливости.

«Многие просто приспособляются к неправде, бредут по путям лжи, делают то же что и все. Но всегда есть и такие, которые не могут быть нечестными, низкими, жестокими, которые понимают, что моральный распад грозит самому существованию народа. Такие люди иногда остаются пассивными, иногда резко реагируют, критикуют. Ведь люди и под советами сохраняют свои общечеловеческие свойства... Недовольство и разочарование порождаются не только материальными лишениями. Писателей, художников, композиторов подавляет вмешательство в их творчество. Им нужна свобода. Корни режима подтачиваются сомнениями и недовольством».

В этой вере [автора] в силу неугасимого в людях морального начала и его конечное торжество слышится голос его учителя, Л.О. Петражицкого.

Г.К. Гинц достаточно реалист, чтобы не заниматься предсказаниями, когда падет большевизм и что будет орудием его падения — атомная бомба или бескровная идеологическая осада коммунизма. Но заключительные слова книги скрепляют оптимистическое заглавие:

«В борьбе за свободу Запад может и должен победить. Его дело правое. Он провозглашает высокие истины, отстаивает систему плодотворную. Пропаганда против коммунизма — оружие более сильное, чем атомные и водородные бомбы».

Коммунизм уже на ущербе.

«Вся правда» Роже Гароди

(«Посев». 1970. № 5)

Аркадий Петрович Столыпин (1903 – 1990) — историк, публицист. Сын П.А. Столыпина, автор его биографии (Париж, 1927). Племянник бывшего министра иностранных дел С.Д. Сазонова. Вместе с С.П. Мельгуновым налаживал выпуск ежемесячника «Свободный голос» (они называли это издание «сборником»). Писал статьи против насильственной репатриации в Советский Союз. Выступал на антикоммунистических митингах в Париже. Стал постоянным автором журнала «Посев», печатался в нем более сорока лет. Много написал по-французски для парижских журналов. Рецензирование иностранных книг было у него, как и у А.В. Тырковой, важным инструментом антикоммунистической борьбы. И делал он это по всем законам жанра.

Книга* выпущена автором в феврале, вскоре после его исключения из Политбюро и из Центрального комитета Французской компартии на ее XIX съезде.

«Вся правда» — это сборник деклараций и писем, относящихся к разброду в международном коммунистическом движении и во французской компартии, в частности. Документы эти французское политбюро держало под строгим запретом, на который Гароди не обратил никакого внимания. Поступи кто-нибудь так в СССР, особенно в сталинские времена, ему бы не миновать пули в затылок. Гароди к документам прибавил некоторые свои рассуждения, относящиеся к самым острым современным вопросам.

В этом труде имеются три основные, связанные друг с другом темы: вырождение французской компартии в силу ее подчи-

* Garaudy Roger. Toute la vérité. Grasset, Paris 1970.

ненности Москве, преступная сущность нынешнего советского руководства, роль этого руководства в деле разложения международного коммунистического движения.

Вырождению французской компартии посвящено большинство публикуемых в книге документов. Мысль эту Гароди высказывал и ранее, но интересны его новые формулировки.

«Ничего нельзя достичь, — пишет он, — если наша партия сама себя не преобразует глубоко, в демократическом смысле, позволяющем свободный обмен идей и пробуждение личной инициативы».

«Нужно, — пишет он в другом месте, — чтобы наша партия изменила в корне не свои цели и свою программу, но свои методы мышления и действия. Нужно, чтобы партийные анализы, касающиеся современного общества и его развития, основывались не на схемах, импортированных из стран, в которых сталинские извращения обесплодили и исковеркали инструмент исследований, выработанный Марксом и Лениным...»

И, наконец, еще одна цитата, касающаяся этого первого вопроса: «Таким образом, принимая за партийный дух лишь одно из его свойств, — дисциплину, — мы скатывались от неустойчивости до покорности, от замалчивания до пособничества и развили в себе слепую веру в советскую непогрешимость».

Во второй части книги, посвященной сущности нынешнего советского руководства, Гароди публикует письмо, адресованное им 2 сентября 1968 г., после оккупации Чехословакии, французскому политбюро, в котором, в частности, говорилось: «Каждый день показывает, что теперешние руководители КПСС попирают все принципы — не только те, которые должны были бы лежать в основе отношений между компартиями, но и те, которые должны были бы руководить мышлением и действиями любого коммуниста... Поднимая этот вопрос, приходится задуматься над пережитками сталинизма, т.е. над той специфической формой догматизма, которая заключается в превращении в единственную и обязательную для всего мира схему того социализма, что история создала в России...»

«Эта политика, — пишет в другом месте Гароди, — привела к тому, что любое государственное преступление замалчивается, если оно способствует целостности установленной системы, и в самом СССР подвергаются репрессиям не только писатели, но и все те, которые находят, что система нуждается в пересмотре, что поощряется антисемитизм в Польше, что восстанавливаются система доносов, цензура и чистки в Чехословакии...»

А вот вывод: «Всякий компромисс с нашей стороны невозможен с преступлением, совершенным по отношению к социализму... Можно ли вернуть социализму его подлинное лицо иначе, как отмежевываясь безоговорочно от группы, открыто оскверняющей все принципы?»

Иными словами, Гароди требует, чтобы французская компартия открыто и полностью порвала с руководством КПСС. Поскольку Гароди еще является членом партии, подобный случай, пожалуй, — первый во французской коммунистической практике.

В третьей части Гароди обосновывает это свое требование разрыва с КПСС тем фактом, что московское руководство, цепляясь за власть, не задумывается приносить в жертву международное коммунистическое движение.

«Дело приняло такие размеры, — пишет он, — что советские руководители, чтобы обеспечить свою гегемонию, основанную на догмате единого образца коммунизма, начали, точно так же, как и китайские руководители, проводить политику дробления коммунистических сил в мировом масштабе. Они, не задумываясь, требуют в каждой стране исключения тех, которые сопротивляются их политике силы во имя политики, основанной на принципах; они сознательно организуют расколы в тех компартиях, в которых они натываются на слишком сильное сопротивление.

Всё, от Финляндии до Испании и до Греции, происходит таким образом, как будто советские руководители видят главную опасность в победе социализма со слишком гуманным лицом, внушающим боязнь заразы, как вчера это имело место в Праге».

В этой части книги, озаглавленной «Я обвиняю», Гароди останавливается на ряде европейских стран:

— Финляндии, где «систематически организована фракционная борьба, при наличии крупных средств и раздуваемая советской стороной»;

— Австрии, где «Брежнев исполняет свое обещание раздробить на маленькие группки те компартии, которые посмели подерживать чехов против московского диктата»;

— Испании, где, «чтобы наказать испанскую компартию, борющуюся за свою независимость, они не постеснялись изменить, после московского совещания компартий, свою позицию по отношению к Франко... В полный разгар забастовок в угольных шахтах Астурии, корабли с углем, имевшие назначением сломить забастовочное движение, были направлены к испанским берегам не только из США, но и из зоны Варшавского пакта: из Польши»;

— Греции, где Манолис Глезос и его друзья заклеили вторжение в Чехословакию, «основной метод, как и в Испании, заключается в том, чтобы вызвать раскол в компартии, а затем помогать палачам. 14 декабря 1969 г. греческая фашистская печать заявила с ликованием, что посол СССР, совместно с греческим министром координации Макарезосом, положит первый камень пирейской электростанции Кератсини».

«Я предъявляю, — подчеркивает Гароди, — таким образом, тяжкое обвинение, взвешивая каждое слово. Я обвиняю нынешних советских руководителей в том, что они предпочитают и поддерживают любой режим, лишь бы не способствовать расцвету той или иной компартии, если есть опасения, что таковая стремится к социализму, не схожему с советским шаблоном и с ним не согласному».

В своей книге и в сделанных на ее счет заявлениях Гароди утверждает, что на верхах французской компартии есть люди, которые разделяют его взгляды, но не решаются их высказать открыто. Этого не следует упускать из виду. Во французской компартии, одной из самых мощных в Европе, действительно усиливается брожение, стремление освободиться от московской

опеки. Поэтому позиция, занятая Гароди, отзовется, в какой-то мере, на судьбах всего международного коммунистического движения.

В книге Гароди, как и во всех его теориях, есть, конечно, слабые места. Как и многие другие, мало осведомленные о России иностранцы, он полагает, что «сталинский шаблон» коммунизма для высокоразвитых западных стран не подходит, но что он подходил для России. Очевидно, в его представлении наши деды, а то и отцы, лазили еще по деревьям, как обезьяны. Для такой «отсталой страны» даже коммунизм в его сталинской форме, дескать, был прогрессом...

Можно еще возразить, что коммунизм в его сталинском «извращении» непосредственно проистек из предыдущего ленинского периода, что коммунизм, когда он находится у власти, всегда зиждется на насилии, что коммунизм «с гуманным лицом» (каким он был в пражскую весну) с ленинскими методами властвования ничего общего не имел — и многое еще другое.

Но это только так, мимоходом.

З.А. ШАХОВСКАЯ

От частного к общему

(«Русская мысль». 1970. 17 декабря)

Зинаида Алексеевна Шаховская (1906—2001) — поэт, прозаик, критик, журналист. В 1926 г. в Париже была представителем брюссельского журнала «Благонамеренный», который редактировал ее брат. В том же году стала женой С.С. Малевского-Малевича. В 1930-е годы работала в бельгийской прессе, была корреспондентом в странах Прибалтики. В 1940 г. принимала участие в движении Сопротивления гитлеровцам. С 1942 по 1945 г. работала в Лондоне редактором Французского информационного агентства. В 1960-е годы — сотрудница французского радио и телевидения, с 1968 по

1978 г. — редактор газеты «Русская мысль». При ней газета, выходявшая три раза в неделю, стала еженедельником. В этой газете, других русских изданиях З.А. Шаховская печатала стихи и критику. С конца 1980-х годов выступала как публицист на страницах московской периодики.

Статья «От частного к общему» — пример ее полемического стиля и одновременно свидетельство ценностных ориентаций Шаховской-редактора. Под ее руководством газета «Русская мысль» утверждала «свободу духа» и высокую объединяющую миссию культуры.

Об этом говорит и некрологическая заметка о Н.С. Хрущеве. Московская пресса ограничилась официальным сообщением о его смерти (см.: Правда. 1971. 13 сентября; Известия. 1971. 14 сентября). Шаховская, в отличие от И.А. Ильина, в некрологе о Ф.Э. Дзержинском использовала этот жанр не только для осуждения политического противника, но нашла и слова сочувствия — в соответствии с важнейшей для нее русской традицией «любви к человеку».

К сожалению, призывы Дм. Безруких (статья «Почвенник и космополит» Р.М. № 2808 от 17 сентября 1970 г.) и М. Ошерова (статья «Калмыки, удмурты, марийцы...» — № 2818 от 26 ноября 1970 г.) — высказаться по вопросу отношения русского народа к «инородцам» — отклика не нашли. А вопрос этот, конечно, важный, и русскими, несомненно, ощутима та непрекращающаяся русофобия, которая существовала и до революции, но которая, с тех пор как Россия стала «Безымянной страной» (название книги очерков В.В. Вейдле [Paris, 1968]. — *В.П.*), поддерживается политическими эмигрантами за границей, работающими на умаление русского народа.

Конечно, не без боли мы замечаем, что это единственная «народофобия», которая почему-то не осуждается никем. Когда пишут об угнетенных народностях, как-то забывают, что русский народ не меньше порабощен, чем другие. Забывают также, что в порабощении граждан СССР принимали и принимают участие и другие народности. Нет никакого сомнения, что в на-

стоящее время РСФСР — одна из самых обездоленных республик Союза. Гораздо легче и приятнее жить в Армянской, Украинской или Грузинской республике.

Но я хотела сперва о частном. Из России я уехала, когда мне было 12 лет. Вспоминая, какое было вокруг меня отношение к «инородцам», я не помню, чтобы о них как-то особенно отзывались. Все жители Российской империи были русскими гражданами. В Екатерининском училище, Петрограде, где я училась с сентября 1916 года до февраля 1917 года, в нашем классе были Розалион-Шассальская (армянка), кн. Гаяна Грузинская (грузинка), Светик Савицкая (полька), гр. Наташа Сиверская (балтийка), Зорка Кизельбаш (татарка) и самая красивая девочка нашего класса Ариадна Шенк, дочь крещеного еврея, вероятно, получившего дворянство, так как институт был «привилегированным» заведением. В старшем классе была калмычка кн. Тюмень, буддистка. К Зорке иногда ходил, очень меня интриговавший, мулла из петроградской мечети, к Савицкой — ксендз.

«Грузинка» или «калмычка» звучали для меня так же, как «рязанская» или «новгородская». Отцы многих «инородных» девочек занимали посты более значительные, чем мой отец. Но это, так сказать, бытовое. А продолжая частное, захотелось мне разобраться по поводу этих статей, что же, собственно, делает меня русской.

Род мой по отцу, говорит история, нормандского происхождения, затем связаны были прадеды с городами юго-западного края — Киевом и другими, что как будто позволяет мне считать себя и украинкой (хотя предки мои слова такого не знали), тем более, что сепаратисты взяли себе эмблемой трезубец, родовой знак многих русских фамилий. На протяжении веков породнились они, как и большинство русских, с татарами, с половцами, с литовцами, с поляками. Со стороны матери опять нахожу я в себе татарское, но также и австрийское, и итальянское наследие.

Почему же считаю я себя, даже и после 50-летнего пребывания за границей, русской? Ответ один: я принадлежу к русской культуре, то есть к чему-то, что единственное составляет народность и к себе привязывает. Но опять-таки русская культура не

одними русскими создавалась. В ней присутствовали и Гоголь, и Даль, и множество других, никак не великороссов.

Как создавалась эта культура? Так же, как и во всех древних странах, и, конечно, не только мечом. Впрочем, какая из больших стран не родилась от меча? И считаю за особую привилегию, что к культуре, полученной мною по наследству, присоединилась культура лично приобретенная — французская. Франция, как и Россия, создавалась войнами. Друзья мои, уроженцы Лангедока, утверждают и сейчас, что «варвары севера» (Франции), люди языка д'Ойль, победили их высшую культуру — языка д'Ок. Во всяком случае сейчас Франция своей культурой объединила Эльзас (германцев), Бретань (кельтов), фламандцев, каталонцев, басков и нормандцев.

Собственно говоря, мы не знаем мировой культуры, которая бы не была слиянием в одном русле разных этнических групп. Видимо, одно из необходимых условий ее — разнородность элементов. Заключение в узкие рамки одной «этнии», культура не развивается, остается локальной. На это горько жаловались на майском съезде международной ассоциации литературных критиков писатели и поэты Каталонии. Несмотря на все качество их литературы, она никак не добивается мирового звучания. Тогда как за испанской стоит весь «Испанидад», то есть все страны, говорящие на испанском языке, хотя многие писатели и поэты «Испанидада» не принадлежат к испанскому народу.

Пастернак, так трагически связавший свою судьбу с русской культурой, отказался ограничить себя принадлежностью к одной этнической группе. Он написал: «Мы говорили о средних деятелях, не имеющих ничего сказать миру в целом, о второразрядных силах, заинтересованных в узости, в том, чтобы все время была речь о каком-нибудь народе, предпочтительно малом, чтобы он страдал, чтобы можно было судить, и рядить, и наживаться на жалости»⁸⁸.

Культура создается, вопреки утверждению Померанца⁸⁹, как раз из прилагательных, это общее дело и высокая ответственность. Она объединительница, а не разрушительница.

Русский народ со всех сторон призывают к покаянию, призывают его и русские, живущие в СССР. Появляются в СССР и Печерины⁹⁰, и Чаадаевы. Покаяние — дело спасения души, но не надо, чтобы переходило оно в пессимизм, который заметен, например, в четырех статьях из Советского Союза, напечатанных в «Вестнике РСХД» № 97. От пессимизма недалеко и до отчаяния — самого тяжкого греха. И к тому же: почему-то призывы к покаянию идут всегда только по одному и тому же направлению. Соединенные Штаты и Сайгон не приглашаются к покаянию, а Китай, СССР и Ханой приглашаются. Русский народ призывается уважать все другие народы, но эти народы отказываются его уважать.

Тяжки грехи нашего прошлого, но длительное искупление страданием тоже велико. И не надо нам падать духом, хотя бы потому, что и пленная русская литература еще громко говорит миру. Помнится, в 1945 году в занятой союзниками Германии мы упорно искали какую-нибудь рукопись, тайно написанную книгу немецкого автора, обличающего гитлеризм, — и не нашли. Книги против нацизма были написаны после поражения. А вот в России, не дожидаясь освобождения от гнета, пишутся бесстрашные книги, опровергающие и пессимизм самих русских, и неправедные обличения русскими русского народа. Не насилем, а свободой духа держится и возвышается культура.

Личное о Н.С. Хрущеве

(«Русская мысль». 1971. 16 сентября)

В первый день отпуска узнала о смерти Хрущева, и так живо встали в памяти наши довольно частые встречи в Москве в 1956–1957 годах, наши разговоры совсем не по протоколу, словесные шуточные дуэли и то благодушие, с которым он встречал мою не дипломатическую откровенность. На официальных банкетах в Кремле, на приемах в иностранных посольствах, на открытиях выставок он резко выделялся среди своих довольно

сумрачных, а часто и ледящих одним своим взглядом коллег, как Молотов, Булганин, Сулов или Каганович. В том необычном положении, в котором мой муж и я были в Москве, юмор и откровенность были чудесной разрядкой от напряжения, а юмора, пусть мужицкого, но помещичьей кости, поэтому и мне понятного, у Хрущева было хоть отбавляй. Да и ума и здравого смысла было немало. Но самое главное — это то, что вместо коммунистического начетчика увидела я живого человека.

В то время был он в зените своей карьеры, хитреца и улыбка освещали его тяжелое лицо. Он был персонажем Рабле, Жорданенса, он был Тарасом Бульбой картины Репина, но под несколько комической внешностью скрывались решительность, энергия, честолюбие и опасная для него и для Запада импульсивность.

Судя по тому, что мы слышали в Москве о заре «оттепели», начал либерализацию режима не Хрущев, а Маленков. Удаливши опасного Маленкова, которого мой муж, приехавший в Москву до меня, еще застал и который, по его словам, был человеком по-западному интеллигентным, Хрущев начал в свою очередь проводить десталинизацию. Испытав на себе лично все унижения сталинской власти, помня страх, в котором жили тогда не только обыватели, но и советские сановники, «оттепелью» Хрущев, может быть, спасал и себя самого от физического уничтожения.

Советская интеллигенция, с представителями которой нам удалось встречаться, Хрущева презирала за «некультурность» и эпизод с сапогом находила для себя оскорбительным, но, честно сказать, те люди, которые об этом говорили, сами были просто мелкобуржуазны и, на западный взгляд, провинциальны. К тому же они забыли, что во времена Сталина они бы с нами не говорили вообще.

Все мы знаем мрачное прошлое Хрущева и помним ужасы раскулачивания на Украине, как и устранение им неудобных коллег, обвиненных в «антипартийности», удаление на покой маршала Жукова и тактические ошибки, из которых самая важ-

ная — китайская акция, но все же именно при нем тысячи политических каторжан вернулись домой и впервые заблестела надежда, быстро угасшая, на свободу в жизни и творчестве.

Реабилитация невинных пусть будет «луковичкой» Достоевского теперь, когда Н.С. Хрущев предстал уже не перед земным судом.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Во времена «разрядки» и «перестройки». 1973–1991

В сентябре 1971 г. было подписано соглашение Советского Союза с США «О мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны», в мае 1972 г. — «Об ограничении систем противоракетной обороны», в июне 1973 — «О предотвращении ядерной войны». В июне 1973 г. в Хельсинки началось Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Затем представители 35 государств совещались в Женеве — с сентября 1973-го по июль 1975-го. 1 августа был подписан Заключительный акт, включавший договоренности о безопасности в Европе, о сотрудничестве в области экономики, науки и техники, в гуманитарных областях.

Однако в Советском Союзе политика «разрядки» сочеталась с усилением политического контроля в области науки, искусства и журналистики. Это вызывало противодействие и порождало новую волну эмиграции. Снова стала практиковаться высылка за границу. В результате на смену газетам и журналам, которые в начале 1970-х годов прекратили существование (например «Русские новости», «Возрождение»), пришли новые (например, «Континент», «Синтаксис», «Русский американец»). Антикоммунистическая журналистика Русского зарубежья получила своеобразное подкрепление. Однако в отличие от периода «холодной войны» критика советской политической системы была дополнена в некоторых изданиях осуждением негативных тенденций на Западе.

В процессе «перестройки» стали возникать различные формы сотрудничества журналистов эмиграции и метрополии. В конце 1980-х годов журналисты Русского зарубежья стали печататься в советской периодике и приезжать для участия в дискуссиях.

Чем располагает Советский Союз

(«Русская мысль». 1973. 29 марта)

Святослав Святославович Малевский-Малевич (1905—1973) — дипломат, публицист, живописец. С 1920 г. в эмиграции. Участник евразийского движения. С 1926 г. — муж З.А. Шаховской. С 1943 г. помощник директора отдела бельгийского посольства в Лондоне, в 1956—1957 гг. — первый секретарь бельгийского посольства в Москве. Печатался в журнале «Возрождение», был постоянным автором газеты «Русская мысль», в 1964—1973 гг. — администратором этой газеты (см. ниже некролог о нем).

Подлинная сила всякого государства зависит от множества разнообразных факторов материального и морального порядка, его территории, геополитического расположения, его этнического состава и количества населения, экономики: т.е. потенциальных и уже примененных, разработанных ресурсов, от степени и качества его вооруженных сил и, разумеется, «морального облика» — характера, степени культурного развития и цивилизации как народов его населяющих, так и, особенно, свойств и развития его высших, правящих слоев и, выделенных последними, руководителей.

Правильная оценка всех этих данных лежит в основе мудро-го управления странами; она имеет немалое значение, даже если речь идет о политике средних или малых государств и, разумеется, если дело касается больших стран и сверхдержав (стран-континентов), то от нее зависят судьбы всего человечества. Между тем в прошлом, как и в настоящем — и в нашем веке несколько не меньше, чем в предыдущих — недооценка или, чаще всего — переоценка — подлинной государственной мощи ее правителями или имеющим политическое значение общественным мнением не только часто, но почти неизменно направляли их позиции и об-

раз действия. Переоценка вела неизбежно к катастрофическим результатам, но и недооценка, как своих, так и чужих «возможностей» и намерений, вызывающая иммобилизм и бездействие там, где вмешательство было необходимо, — оказывалась причиной или, во всяком случае, способствовала мировым кризисам.

Вряд ли нужно иллюстрировать все это фактическими примерами, так недавни и яркие события, происшедшие перед нашими глазами, но чтобы удовлетворить наиболее требовательных из наших читателей, приведем все же 2–3 подобных примера. Самый яркий из них, несомненно, безумная идея Гитлера и наци «покорить мир» и установить повсюду «свой порядок» — и это с абсолютно неадекватными средствами, второй — сумасшедшая идея японских военных и милитаристов — победить США и завоевать Тихий Океан! Что же касается почти столь же «неразумного иммобилизма» перед вполне очевидно надвигающейся неминуемой, смертельной опасностью — это отказ Болдвигта, Чемберлена и многих других английских и неанглийских политических деятелей, занимающих ответственные места, предпринять меры как в 14-ом так и в предшествующих 39-ому годам, которые, вероятно, без большого труда и риска могли бы предотвратить как первую, так и 2-ую войны.

Трудно не признать, что большинство так называемых ответственных государственных людей как нашего времени, так и прошлых веков имели и еще имеют между тем только весьма слабое представление об указанных факторах и что по-прежнему многие из них не отдают себе отчета в лежащих перед ними, их народами и перед всем человечеством опасностях в результате, именно, плохого их знания.

В затронутой здесь, весьма обширной, теме, все, касающееся Советского Союза — имеет, конечно, для нас особый интерес, а принимая во внимание то, что СССР является одной из 3-х или 4-х сверхдержав, мне кажется, что от правильного учета его нынешнего могущества — и слабостей — зависит также, в большой мере, будущее всех прочих стран и всего человечества. Нет и сомнения, разумеется, насколько полное и точное определение всех факторов, во всех областях, важно и для самих высших ру-

ководителей СССР и как опасна была бы всякая ошибка — для них и для самой страны — сделанная ими в любой из этих областей и в любом направлении! На основании всего этого нам и хотелось бы представить нынешнее внутреннее и внешнее положение СССР — его материальный и моральный капитал — так, как он нам представляется: т.е. беспристрастно и с максимальной верностью и ясностью.

Что касается советских вооруженных сил, как потенциальных, так и уже имплементированных, т.е. приведенных уже в действительную готовность, то следует отметить, что о них сравнительно мало знают на Западе: о них мало пишут и еще меньше говорят. Только случайно удается изредка, из какой-нибудь специализированной публикации, мало кем читаемого военного журнала или случайной газетной статьи узнать, например, о колоссальном развитии советского флота, высоко усовершенствованном качестве и количестве советского атомного оружия и поддерживаемой в постоянной боевой готовности конвенционной армии.

Отчего это так обстоит? Возможно, от тщательных усилий советских властей — которым не надо больше никого запугивать, но, наоборот, выгодно всех замирать, усыпляя бдительность? Может быть, в целях советской мировой пропаганды, имеющей целью убедить в собственном миролюбии и в воинственности только враждебных коммунистам стран? Наконец, несомненно и от того, что действительно миролюбивые западные народы мало интересуются этим вопросом и только и стремятся поскорее забыть о бывших военных ужасах и, несомненно, мало ценят тех, кто хочет их предупредить о возможных будущих.

Так или иначе, но легко подметить, что в любом западном обществе, разговоры о «будущей войне» или даже вообще на военные темы и, тем более, о «советских вооружениях» мало популярны: если кто и заговорит об этом, то другие быстро переведут разговор на что-нибудь другое — более занятое и интересное. Между тем, фактор реальной и поистине огромной советской военной мощи, несомненно, можно зачислить в один из наиболее важных нынешнего времени. Специалисты по этому вопросу

ведь не отрицают, что в смысле военной мощи СССР не только догоняет, но может быть даже уже перегоняет военные силы США, а с этим нельзя не считаться.

Поспешим, однако, упомянуть о факторе, имеющем не только не меньшее, но, пожалуй, даже большее значение, чем предыдущий, а именно о факторе экономическом. Ведь если говорить только о военной силе какой бы то ни было страны, то единственный вывод, который можно сделать, это что она только увеличивает напряжение и опасность общего положения в мире, а никак не то, что она увеличивает или гарантирует безопасность того государства, о котором идет речь. Высокая военная подготовленность и мощь Германии в 1939-м году и полная неподготовленность Англии или Советского Союза не помешали тому, что вторые, а не первая, оказались победителями, и причина тому вполне ясна: не одни военные силы сыграли решающую роль в конфликте, но ряд других факторов, из которых, отметим мимоходом, многие, имели совсем даже не один «материалистический» характер.

Но вернемся к экономике. Значение ее для всякой страны, будь то в мирные времена или во время войны, так велико, что только в государстве, где она на высоте, можно говорить о подлинной силе последнего. Только страна с по-настоящему развитым и благоустроенным хозяйством, с полноценным сельским хозяйством, индустрией, с хорошо организованным внутренним и внешним товарообменом (экспортом и импортом) и здоровыми, обоснованными на реальном богатстве финансами может считать себя обладающей реальной, а не иллюзорной силой. И вот в этом отношении вряд ли кто-нибудь — даже сама Москва — может оспаривать, что в настоящий период (как, впрочем, и во все другие годы, начиная с революции) положение нельзя рассматривать как удовлетворительное и благополучное. Как ни печально (хотя нас это несколько не удивляет), экономика СССР, почти без исключения во всех областях, находится на таком низком уровне, что о Советском Союзе приходится говорить скорее как о «недоразвитой стране», чем как о государстве, стоящем в первых рядах, находящемся в ведущем эшелоне современного чело-

вечества! Что это так — а не клевета «врагов-империалистов» — доказать не трудно. Одно положение сельского хозяйства, производства хлеба и других пищевых продуктов, корма для скота и т.д. так плохо, что, казалось бы, даже в бедственные первые послевоенные годы оно не было хуже (ведь и в те времена СССР не приходилось скупать хлеб у западных стран!) Разумеется, — и кому это не ясно? — вовсе не «ряд неурожайных лет», а только нежизнеспособная коммунистическая система хозяйства могла довести до этого СССР.

В этой нашей статье, имеющей целью другую тему, ограничимся только одним выводом: а именно, что Советский Союз, в настоящее время (и, вероятно, еще надолго), что касается важнейшего экономического фактора, приходится считать дефицитной страной, чрезвычайно слабой и уязвимой не только в случае военного конфликта, но даже и в нынешний мирный период. Нынешним руководителям СССР это должно быть не менее ясно, чем нам, и первейшая их обязанность — вывести страну и ее народы из этого бедственного и поистине опасного положения — что может быть осуществлено только одним, а именно — отказом от марксистской экономической доктрины.

Перейдем теперь к еще другому фактору, определяющему, в большой степени, силу или слабость страны, а именно — к тому «окружению», к тем ее друзьям или врагам, которые ее окружают. И вот нам приходится сейчас же констатировать, что хотя «теоретически», «официально», Советский Союз располагает не только целым рядом соседствующих и не соседствующих стран и народов, которые считаются его ближайшими и вернейшими союзниками и даже «сателлитами»*, подлинное положение в этом отношении вовсе не соответствует действительности.

На самом деле СССР окружен совсем не «верными друзьями», стремящимися к сохранению наилучших добрососедских с ним отношений и готовыми, в случае внешней опасности для него, прибежать на помощь, а наоборот, злейшими его врагами, странами и народами, ненавидящими Москву и ее правителей,

* Вернее: довольно сомнительными, подгнившими подпорками.

ненавидящими все, что исходит оттуда, и только и ожидающими первого случая, когда можно будет не только «оторваться» от СССР и от всего коммунистического блока, но и, если возможно, обратиться против них, чтобы отомстить за долгие годы насилия, эксплуатации и порабощения! Вряд ли у кого-нибудь, на Западе, или в странах-сателлитах СССР, или в самом Советском Союзе, или среди самих коммунистов и коммунистических правительств существуют малейшие сомнения на этот счет. Это, конечно, отлично знают все высшие партийные круги, как СССР, так и Чехословакии, Венгрии, Польши, Восточной Германии и т.д., как об этом знают или догадываются самые простые граждане всех этих стран*. Поэтому абсолютно не понятно, для чего Москвой поддерживается с таким упорством обман (или самообман?) о будто бы тесно и прочно связанных вечной дружбой странах и народах, входящих в орбиту СССР. Для всякого же здравомыслящего человека — будь он другом или врагом Советского Союза — так же как и для любого нынешнего руководителя СССР — этот важнейший психологический (как и «материалистический») фактор не может представляться иначе, чем слабостью и первостепенной опасностью как для самого СССР, так и для всего человечества. Тому, что до сих пор это еще не вполне ясно на верхах в Москве, можно только удивляться.

Всех прочих отрицательных факторов, ослабляющих СССР, так много, что их даже не перечислить: глухое, по понятным причинам тщательно скрываемое, но несомненное недовольство широких народных масс, такое же, если не большее, недовольство, скажем, даже возмущение режимом, средних, привилегированных слоев советского общества — довольно-таки часто прорывающееся даже наружу, несомненные «неудовлетворенность и беспокойство» высших кругов; отсутствие индивидуальных мотивов выгоды от добросовестного, но личного труда, приведшее к снижению трудоспособности, к лени, к безразличию по отно-

* И стран сателлитов.

шению к производству и от этого к снижению как качества, так и количества товаров — всех товаров, к плохой координации — или даже полному ее отсутствию — среди различных ветвей промышленности, сельского хозяйства, торговли или обслуживания населения, наконец, к ряду недочетов морального порядка, как полная индифферентность одного слоя населения к участи и положению другого, к полному исчезновению даже минимума содружества и взаимной поддержки между новыми классами советского общества...

Подобный перечень можно продолжать до бесконечности. Если присоединить ко всему этому еще вопрос о далеко не спокойном, далеко не удовлетворительном положении СССР по отношению к внешней конъюнктуре — хотя бы по отношению к Китаю, — то в ответ на поставленный нами в заглавии этой статьи вопрос: «Чем (в действительности) располагает Советский Союз?» можно ответить только вполне пессимистически. Но отдать себе отчет в настоящем положении вещей необходимо — и прежде всего для самих Московских руководителей. Жить в fools'paradise* никогда никого не приводило к добру. С другой стороны, нет положения, из которого нельзя выйти, только надо знать как.

З.А. ШАХОВСКАЯ

Опустошение государства

(«Русская мысль». 1973. 5 апреля)

Кроме загрязнения, существует и опустошение. В СССР оно происходит на наших глазах. В продолжение полвека, неукоснительно, с какой-то нечеловеческой тупостью опустоша-

* В раю глупцов.

ется СССР от самых талантливых своих граждан. Расстрелами, ссылками, высылками, остракизмом, давлением, заключением в психбольницы, запугиванием всеми способами, которыми располагает власть, поколениями уничтожаются именно те люди, которые полезны обществу и стране или которые могли бы быть ей полезны. В сущности, каждый выдающийся человек является для советской власти потенциальным врагом, так как только бездарности послушны директивам и не в состоянии участвовать в естественном развитии общества, науки и эстетики, ничего не могут создать и, как жвачные животные, согласны идти, куда их ведут.

Лев Никулин хорош, Солженицын плох, Меркуров хорош, Эрнест Неизвестный плох, Лысенко хорош, — Сахаров бесполезен — в примерах недостатка нет. Ленин начал, Сталин подхватил, и с тех пор опустошение все продолжается. Ему конца-края не видно.

Ленин как будто сказал, что в хорошем хозяйстве всякая дрянь пригодится — но нельзя же все время только дрянь и употреблять, это означает, что хозяйство совсем не хорошо. Негадочен тот факт, что за границей ценят только тех, кого уничтожают и унижают в СССР. Запад умеет ценить талант и знание, даже если они уклоняются от генеральной линии, а не уклоняться они не могут, потому что линия эта — невежество и обскурантизм.

И СССР все больше превращается в некое голое поле, никак не обеспечивающее ни в каком отношении будущее страны, ее развитие, ее славу.

Правда, имеются в СССР талантливые аппаратчики, всякие там наследники Берии — но аппаратчики не в состоянии дать справедливые законы, изобрести новое в науке, создать художественное произведение, иметь духовное влияние на общество. На все это нужно свободное вдохновение, чувство моральной ответственности и, по русской традиции, любовь к человеку.

Памяти Святослава Малевского-Малевича

(«Русская мысль». 1973. 14 апреля)

Кирилл Дмитриевич Померанцев (1907 – 1991) — журналист, литератор. С 1920 г. в эмиграции. Участник движения Сопrotивления. Сотрудник газеты «Русская мысль».

Снова и снова те же вопросы: неужели со смертью человека все кончается? Неужели его жизнь ограничивается его земным существованием? Для чего тогда он родился, страдал, думал, творил? Для чего тогда существуют люди, существует человечество, если известно, что через какие-то — пусть даже миллионы лет — земля превратится в мертвую, не способную носить ничего живого, планету?

И сразу же из глубины, из каких-то дальних далей, поднимается еще вопрос: но почему, по каким причинам, на каком основании за всю свою много и многовековую историю человечество так и не смогло примириться со смертью? Слава Богу, времени было достаточно! И, тем не менее, проходит время, а человек все продолжает ощущать смерть, как нечто недолжное, как какое-то насилие над его человеческим существом, над его достоинством.

Не потому ли это происходит, что смерть, физическая смерть, отмирание состоящего из материальных субстанций тела не есть смерть всего человека потому, что человек не тождествен одному лишь своему материальному физическому телу? Человек в одинаковой степени и материальное и духовное существо, и его физическое тело — лишь инструмент его духовной сущности, то, через посредство чего он реализует себя в окружающем его материальном мире.

Пусть не воспримут эти мысли, как самоутешение: не хочется человеку умирать, вот он к фантазирует. Никогда не занимался самоутешением и не фантазировал на эти темы. И никогда не понимал, для чего человеку нужно самоутешаться перед лицом

смерти (я говорю не о боязни страданий, а именно о боязни смерти): какая может быть боязнь, раз со смертью умирает и носитель боязни: сознание? Заснул и не проснулся: что может быть (для заснувшего) менее страшно?

Не в страхе дело, а в отгалкивании от смерти, в переживании ее как насилия. Окончательная смерть, одновременно и физическая и духовная, есть абсурд.

Все эти мысли не отступали от меня, когда я стоял на панихиде по Святославу Святославовичу, когда потом шел за его гробом. Он был глубоко верующим христианином, и мы с ним часто разговаривали на все эти темы. Он их не только понимал, он их как бы переживал всем своим существом. Для него было ясно, что иначе и не может быть.

Он был, кроме того, глубоко русским человеком, болел за Россию, мучился ее судьбой. До Второй мировой войны, еще совсем молодым человеком, он принимает активное участие в русских зарубежных организациях, старается осмыслить случившееся, найти пути к настоящей борьбе с захватившим страну безбожным коммунизмом.

Во время войны — уже бельгийским подданным — он участвует в Сопротивлении, сначала во Франции, а после ее занятия немцами — в Лондоне. Но как только война кончается, а с нею и грозившая России опасность быть покоренной и расчлененной страшным врагом, он снова становится в ряды активных борцов с советской властью.

Два года проведенных им (при Хрущеве) в Москве, в качестве первого секретаря бельгийского посольства, дают ему возможность лично ознакомиться со всеми слоями советского общества, от самых высших партийно-правительственных сановников до простых рабочих и крестьян.

Это богатство «советским опытом», которое и после его возвращения из СССР не переставало пополняться его многочисленными контактами с советскими людьми, приезжающими на Запад, дало ему возможность писать — сначала в «Возрождении», а затем в «Русской Мысли» — сразу же обратившие на себя внимание замечательные статьи о Советском Союзе. Это были

по-настоящему конструктивные статьи, т.е. не ограничивавшиеся одной лишь отрицательной критикой СССР.

Учитывая положение страны, положение ее населения, Святослав Святославович всегда старался не только показать отрицательные стороны режима, но и указать — всегда лучше видимый со стороны — способ их исправить. В его статьях и разговорах всегда чувствовалась его врожденная любовь и благожелательство к русскому народу, даже в тех случаях, когда приходилось констатировать, что больше пятидесяти лет советской коммунистической власти исказили некоторые из его замечательных свойств.

Неприязнь и непримиримость чувствовались только по отношению к безбожному и бесчеловечному режиму, пытающемуся отнять у русского человека веру в Бога и в человеческое достоинство.

«Русская Мысль» потеряла в лице Святослава Святославовича своего верного друга и одного из ценнейших сотрудников.

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН

Сахаров и критика «Письма вождям»

(«Континент». 1975. № 2)

Александр Исаевич Солженицын (1918–2008) — прозаик, публицист. В феврале 1974 г. выслан за границу. В тот же году на пресс-конференции в Цюрихе представил сборник «Из-под глыб», в котором были и его три статьи: «На возврате дыхания и сознания», «Раскаяние и самоограничение», «Образованщина». С 1976 г. жил в США. В 1994-м вернулся в Россию. Вскоре в Ярославле выходит трехтомник его публицистики (1995–1997), показывающий ее жанровое многообразие, а также то, что более всего он выступал на страницах изданий западных стран.

Ожидая выхода в свет сборника «Из-под глыб», я весь 1974 год воздерживался от ответов на изобильную критику моего «Письма вождям»: сам адрес «Письма» не допускал достаточно глубокого обоснования моих предложений, оно более обнаружится теперь в моих статьях Сборника. Критика, пришедшая от московской интеллигенции, больше всего, пожалуй, поражала не сама собою, а — холодным игнорированием другого, одновременно опубликованного документа и обращенного прямо к советской интеллигенции: «Жить не по лжи». Следовало или не следовало обращаться к советским правителям, «так» или «не так» было им предложено, откажутся или не откажутся они от идеологии, — это не имело решающего и единственного значения: был предложен второй и более верный путь с нашей стороны: отшатнуться от идеологии нам, перестать нам поддерживать это злобное чучело — и оно рухнет помимо воли «вождей». Странно: этого призыва, обращенного прямо к нам, многословные московские критики моего «Письма» не заметили. По пословице: где просто, тут ангелов со-сто, а где хитро, там ни одного.

Западная критика удивила другим: не прочтением «Письма». Начиная с поспешных и безответственных газетных заголовков, отзывались так, будто речь шла о каком-то другом документе, где предлагалось не самоограничение, но агрессия.

И не пришлось бы мне вовсе отвечать, если бы среди первых же критиков не оказался А.Д. Сахаров, чье особенное положение в нашей стране и мое к нему глубокое уважение не дают возможность игнорировать его высказывания. Сегодня, уже имея в виду аргументацию сборника «Из-под глыб», я считаю своим долгом и правом дополнительно, кратко ответить Андрею Дмитриевичу.

Я счастлив отметить, что сегодня мы сходимся с ним несравненно по большему числу вопросов, чем это было 6 лет назад, когда мы познакомились в самые месяцы появления его меморандума⁹¹. (Я хочу надеяться, что еще через 6 лет область нашего совпадения удвоится.) Пункты нашего согласия уже отмечались

в прессе, и среди главных тут (используя сахаровские формулировки): неудача социализма в России не вытекает из специфической «русской традиции», но из сути социализма; отказ от «социалистического мессианизма», от явной и тайной поддержки смут во всем мире; «отделение марксизма от государства»; прекращение опеки над Восточной Европой; отказ от насильственного удержания национальных республик; разоружение в широких пределах; освобождение политзаключенных, терпимость в идеологии; укрепление семьи, воспитания, покрытие «потерь во взаимоотношениях людей, в их душах».

Но есть и очень важные пункты расхождений, в которых нельзя оставить неясности. Главная из них — роль Идеологии в СССР. Сахаров считает, что марксистская идеология почти не имеет влияния и значения: для правителей она лишь «удобный фасад», а в основе их — только жажда власти, ни внешняя, ни внутренняя политика страны якобы вообще не определяются ею, общество «идеологически индифферентно», лишь «лицемерная болтовня заменяет присягу на верность».

И этого лицемерия — мало? Да красным электродом прожгло наши души через все 55 лет: через всю оплевательную «самокритику» 20-х и 30-х годов, публичные отречения от родителей и друзей, издевательски-надрывную «добровольность займов» (для нищих колхозников!), ликование народов по поводу того, что они оккупированы (день оккупации — национальный праздник!), ликование населения при известиях об арестах и расстрелах, сверхчеловеческую злодейскую твердость у палачей и сегодняшнюю обязательную мерзкую ложь, вот эту принудительную «присягу» — а ею интеллигенция-образованщина⁹², втайне мечтающая о свободе, послушно и поддерживает свое рабство. Всего несколько лет назад даже редакция «Нового мира», не говоря о множестве «передовых» НИИ, выразила печатный восторг по поводу оккупации Чехословакии, то есть надругалась над собственной многолетней линией — и Идеология не имеет значения? Да завтра произойдет еще одно такое событие — и снова образованщина подтвердит свое высшее одобрение. Идеология выкручивает наши души, как поломойные тряпки, она

растлевают нас, наших детей, опускает нас ниже животного состояния — и она «не имеет значения»? Есть ли что более отвратительное в Советском Союзе? Если все не верят и все подчиняются — это указывает не на слабость Идеологии, но на страшную злую силу ее.

И той же властной хваткой она ведет наших правителей — от дореволюционных ленинских «Уроков Коммуны», что только массовыми расстрелами должна утверждаться пролетарская власть, от одержимо-ненавистного тайного ленинского письма о разгроме Церкви — и через реальное уничтожение целых классов и десятков миллионов разрозненных людей (какие властолюбивцы для утверждения какой власти когда нуждались в таком стократном запасе прочности?), через коллективизацию, экономически бессмысленную, но заглотное приношение в идеологическую пасть (недавно хорошо показал Агурский⁹³: главной целью коллективизации было — сломить душу и древнюю веру народа) — и до избыточного, ненужного нам разлития азиатского коммунизма все дальше на юг, до растоптания союзного чешского народа — не по государственным соображениям, а всего только из-за идеологической трещины. И сегодня правители, отравленные ядом этой Идеологии, неотвратимо шутовски твердят по шпаргалкам, хотя б сами не верили в то (пусть понимая только власть — но и они рабы Идеологии), и безумно стремятся поджечь весь мир и захватить его, хотя это погубит и сокрушит их самих, хотя покойней было б им сидеть на захваченном — но так гонит их Идеология! Вся внутренняя ложь и вся внешняя экспансия, и оправдание войн и убийств («прогрессивные» убийства при классово-оправданных обстоятельствах целесообразны!), оправдание завтрашних войн — все на этой Идеологии. И на ее почти мистическом влиянии — полувековая восхищенная замороженность Запада, его приветствия нашим зверствам: никогда перед кучкой простых властолюбцев так бы не ослеп весь просвещенный мир.

Марксистская Идеология — зловонный корень сегодняшней советской жизни, и только очистившись от него мы можем начать возвращаться к человечеству.

Второе заметное расхождение между Сахаровым и мной: допустимость и реальность какого-нибудь иного пути развития нашей страны, кроме внезапного (и необъяснимо откуда) наступления полной демократии. Теоретические соображения об этом теперь можно найти в моей первой статье (дополнение 1973 г.) сборника «Из-под глыб». Практическое обозрение истории и перспектив демократии в России требует отдельного рассмотрения на историческом материале. Как и во многих местах, мне фальшиво приписано вместо сомнений о внезапном введении демократии в сегодняшнем СССР — полное отвращение к демократии вообще. Я обратил бы внимание читателей снова на М. Агурского, кто в отзыве (Вестник РСХД № 112) на «Письмо вождям» ответственно пишет о величайшей опасности межнациональных войн, которые затопят кровью рождение у нас демократии, если оно произойдет в отсутствие сильной власти. Межнациональные противоречия в итоге советской системы — десятикратно накаленные, чем были в прежней России. Этому вопросу в нашем Сборнике посвящена одна из статей И. Шафаревича. А происхождение тоталитаризма отнюдь не из авторитарных систем, существовавших веками и никогда не дававших тоталитаризма, но — из кризиса демократии, из краха безрелигиозного гуманизма, прослежено еще в одной статье нашего Сборника. Наконец, существенное непонимание возникает между нами тогда, когда Сахаров, к моему удивлению, обвиняет меня в «великорусском национализме», и даже слово «патриотизм» относит к «арсеналу официозной пропаганды» (как и «православие» «настораживает его» — оттого, что «Сталин допускал прирученное православие» — то есть угнетал его по своей программе). Меня, когда я предлагаю никого не угнетать, всех освободить, сосредоточиться на внутреннем лечении народных ран — назвать националистом? Какое ж слово тогда для завоевателя? Можно было бы искать разгадку во всеобщей путанице терминов: империализм, нетерпимый шовинизм, надменный национализм и скромный патриотизм (любовь — служение своей нации и стране с откровенным раскаянием в ее грехах, под это определение подходит и сам Сахаров). Но кто хорошо знает ны-

нешнюю обстановку в советской общественной среде, тот согласится, что дело — не в путанице терминов, а в исключительной накаленности чувств. Когда в Нобелевской лекции я сказал в самом общем виде:

«Нации — это богатство человечества, это — обобщенные личности его, самая малая из них несет свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла» — это было воспринято всеобще-одобрительно: всем приятный общий реверанс. Но едва я сделал вывод, что это относится также и к русскому народу, что также и он имеет право на национальное самосознание, на национальное возрождение после жесточайшей духовной болезни, — это было с яростью объявлено великодержавным национализмом. Такова горячность — не лично Сахарова, но широкого слоя в образованном классе, чьим выразителем он невольно стал. За русскими не предполагается возможности любить свой народ, не ненавидя других. Нам, русским, запрещено заикаться не только о национальном возрождении, но даже — о «национальном самосознании», даже оно объявляется опасной гидрой.

Теперь, когда вышел Сборник, я могу сослаться на высокую нравственную аргументацию В. Борисова, напоминающего нам о нации-личности в личностной иерархии христианского космоса, о том, что не историей создаются нации, но нации создают историю, на долгой жизни своей, то в свете, то во тьме, ища, как предельно-полно выразить свою личность. И подавление этой личности — величайший грех. (Для меня, как для писателя, тут еще трепещет судьба языка: если подавлять национальное самосознание, то ведь надо и язык убивать, как свидетеля национальной души? Да такое убийство русского языка и происходит уже десятилетиями в СССР.) Другой мой соавтор, М. Агурский⁸⁰, которого никак не обвинишь в пристрастии, указал недавно, что нынешний «национализм» большой нации есть ее самозащита от собственной экспансии, которая истощает и приводит к вырождению прежде всего ее самую. Да, сегодня русский порыв к национальному самосознанию — есть оборонительный вопль тонущего народа. Не смотрите на внешние успехи государственной силы: как нация мы, русские, находим-

ся в пучине гибели и ищем — есть ли еще за что уцепиться и выбраться.

Особенно задело Сахарова и оскорбило единомыслящих с ним читателей мое выражение в «Письме»: «несравненные страдания, перенесенные русским и украинским народами». Я рад был бы, чтоб это выражение не имело оснований. Однако я хочу напомнить А.Д., что «ужасы Гражданской войны» далеко не «в равной степени» ударили по всем нациям, а именно по русской и украинской главным образом, это в их теле бушевала революция и сознательно-направленный большевистский террор: большинство нынешних республик были в отпавшем состоянии, а остальные малые народы до поры щадились и поддерживались по тактике коммунизма, использовались против главного массива. Под видом уничтожения дворянства, духовенства и купечества уничтожались более всего русские и украинцы. Это их деревни более всего испытали разорение и террор от продотрядов (большой частью инородных по составу). Это на их территории было подавлено более 100 крестьянских восстаний, в том числе обширные Тамбовское и Сибирское. Это они умирали в великие искусственные большевистские голоды 1921 на Волге и 1931–1932 на Украине. Это в основном их загнали толпою в 10–15 миллионов умирать в тайгу под видом «раскулачивания». (Как и сейчас нет деревни, беднее русской.) А уж русская культура была подавлена прежде и вернее всех: вся старая интеллигенция перестала существовать, эпидемия переименований катилась как при оккупации, в печати позволено было глумиться и над русским фольклором, и над искусством Палеха, и от ленинской «шовинистической великорусской швали» родилась дальше волна беспрепятственных издевательств: «русопяцтво» считалось литературно-изысканным термином, Россия печатно объявлялась призраком, трупом, и ликовали поэты:

«Мы расстреляли толстозадую бабу Россию.
Чтобы по телу ее прошел Коммунизм-мессия».

(Если нужны библиографические уточнения, я их представлю публично.) И так выюжило лет 15 — и никто нигде ни у нас, ни за границей не предположил и не обмолвился, что в Советском Союзе существует какое-либо «национальное угнетение». И лишь с конца 30-х годов, когда два наибольших народа были уже убиты и по социалистической переменчивой тактике (прекрасно вскрытой теперь И. Шафаревичем) пришло время перенести давление на малые народы, — только с этих пор услышали мы о национальном угнетении в СССР, что тоже совершенно верно.

Я не буду входить во второстепенные наши расхождения с А.Д. Сахаровым: о том, можно ли так верить в «научное и демократическое регулирование экономики», как верит он, но какое не осуществилось еще даже в Европейском сообществе; в конвергенцию; в предпочтительную важность эмиграции перед всеми видами других прав остающегося населения; в расцвет России через приток иностранных капиталов (будто они будут искать нашего расцвета, а не своей короткой быстрой выгоды с пренебрежением к нашей природе). Я не буду возвращать ему упреков в утопичности: в нашем беспомощном положении как не попытаться порой и утопию?

Но нельзя не удивиться, что А.Д. Сахаров, севши мне отвечать, допустил большую небрежность в истолковании моей точки зрения. Он приписывает моему проекту: «замедление международных научных связей», «идеологический изоляционизм», «стремление отгородить нашу страну от торговли... от обмена людьми и идеями», «общинную организацию производства», «отдать ресурсы государства и результаты научных исследований... энтузиастам национально-религиозной идеи и создать им высокие доходы...» и т.д. Всякий, кто потрудится еще раз перечитать мое «Письмо», убедится, что ничего подобного там нет.

Эта горячность и опрометчивость пера, не свойственная Сахарову, выразила горячность и поспешность того слоя, который без гнева не может слышать слов «русское национальное возрождение».

В нынешнем Сборнике разъяснено, как мы это возрождение понимаем: пройти свой путь раскаяния, самоограничения и внутреннего развития, внести свой вклад в добрые отношения между народами, без которых никакая «прагматическая дипломатия» и никакие ООНовские голосования не спасут человечество от гибели.

С.А. ЛЕВИЦКИЙ

Трагедия свободы — современный вариант (О подрыве свободы изнутри)

(«Континент». 1975. № 5)

«Континент» (Париж, 1974 — 1992; с 1993 г. издание продолжается в Москве) — ежеквартальный литературный журнал. Название предложил А.И. Солженицын. Со времени основания и до № 71 включительно журнал редактировал В.Е. Максимов (см. ниже его интервью о журнале).

Сергей Александрович Левицкий (1908 — 1983) — философ, публицист. Ученик Н.О. Лосского. В годы Второй мировой войны жил в Берлине, потом в беженском лагере Менхенгоф. Во время войны вступил в члены НТС. Много писал для журнала «Посев». Его критика «отрицательной свободы» была адресована Западу, но, безусловно, она имеет и универсальное значение. Публикацией подобных статей журнал «Континент» подтверждал свою принадлежность той традиции русской журналистики, которая уходит корнями в предреволюционное время, в практику таких толстых журналов, как «Русская мысль».

«Один из парадоксов современного мира — в том, что обладающие свободой не ценят ее и, стремясь сохранить ее механическими путями, теряют пафос свободы, в то время как лишённые свободы стихийно тянутся к ней, но еще не находят в себе доста-

точного мужества, чтобы активно бороться за ее достижение». Это — выписка из моей книги «Трагедия свободы», опубликованной в 1958 году издательством «Посев».

С тех пор положение изменилось — и к лучшему, и к худшему. Произошла своего рода поляризация. С одной стороны, полус исчезнувшие было страхи в Советском Союзе несколько усилились по сравнению с хрущевским временем, и власть приняла ряд новых мер по борьбе с инакомыслием, вплоть до высылки за границу и помещения своих противников в психушки. С другой стороны, наиболее активное оппозиционное меньшинство отличается большим бесстрашием, чем прежде. В самый разгар хрущевской полутеплоты не появлялось Буковских, Красновых-Левитиных и им подобных в таком, уже ощутимом, количестве. А уж о Солженицыне, Сахарове, Максимове и Галиче и говорить нечего. Самиздат расцвел таким пышным цветом именно в период «брежневщины», а не при сравнительно более либеральном Хрущеве. Недавний разгром «Хроники текущих событий» и подобных изданий только механически сократил тираж и формы Самиздата, но не смог удушить оппозицию на корню. Возвращение к Церкви стало почти стихийным явлением. Всего не перечтешь, и теперь это всем известно. В России открыт фронт свободы. Процессы внутреннего освобождения от прежде всеподавляющего страха, по-видимому, необратимы.

Но моя статья посвящена, главным образом, критике Запада, и тут нужно сказать, что положение свободы в западном мире явно ухудшилось, как во внутреннем, так и во внешнем смысле. Начать с внешнего — в момент, когда пишется эта статья, происходит агония Камбоджи и Южного Вьетнама, поражение которых означает моральное поражение Америки. А переход власти в Португалии к прокоммунистическому блоку подрывает и без того слабые позиции НАТО. Когда статья появится в печати, положение, вероятно, снова изменится — к худшему.

Но я хотел говорить не о внешних событиях, а о внутреннем положении свободы на Западе, начиная с отсутствия или малоприсутствия воли ее защищать. Самое худшее здесь то, что на Западе ведущие политики стараются убедить себя и других, что

серьезной опасности никакой нет, что с силами воинствующей несвободы всегда можно договориться на основах взаимной выгоды — пресловутый «детант». В «детанте» нужно различать два его аспекта — один, даже положительный (достижение договоренности о неприменении ядерного оружия), и другой, отрицательный, — готовность Запада к компромиссу с бескомпромиссным по своей природе воинствующим злом (причем закрывают глаза на тот факт, что идеологическая война с той стороны несколько не ослабевает). Кроме того, на Западе распространено мнение, что полуварварская Россия — это одно, а культурный Запад — совсем другое.

Однако не стала ли культурнейшая Германия при Гитлере добровольной жертвой варварского и фанатического нацизма? И не стала ли не менее культурная Франция в 1940 году жертвой противоположной опасности — размагничивания самой воли к борьбе за свободу? И не был ли встречен в свое время печальной памяти Чемберлен цветами и криками одобрения как спаситель мира после позорного Мюнхенского соглашения? Это ведь тоже был «детант» своего рода, хоть и кратковременный.

У свободы есть два основных врага: нетерпимый фанатизм и всетерпимая моральная апатия. И беда в том, что терпимость относится терпимо к нетерпимости, в то время как нетерпимость относится нетерпимо и к терпимости.

На первый взгляд, тезис о моральной апатии Запада может показаться несостоятельным. Чем, как не моральным негодованием большинства населения США был изгнан из Белого Дома Никсон, когда он запутался в своих попытках отрицать свою причастность делу «Уотергейт»? И сколь щепетильны стали теперь американские избиратели, требуя от возможных кандидатов на руководящие посты чуть ли не ангельски-пуританской чистоты! Нельзя не признать, что это так.

Но тут должно сделать одно существенное замечание: в вышеприведенных случаях дело шло, так сказать, о вторичном зле — о недостатке личной честности у тех или иных политических деятелей, о случаях мошенничества и так далее. Но неизмеримо важнее и страшнее принципиальное зло — одержимость

идеологией, призывающей к политическому и духовному рабству. Ведь Гитлер и Ленин не были в личной жизни мошенниками, каждый из них был предан своей античеловечной идее. Они стали одержимыми манией тотальной власти не только в чисто личном плане, — иначе у них не было бы стольких по следователей. Ленин и Гитлер, сколько известно, лично никого не убивали. Зато они обрекли на смерть и мучения десятки миллионов людей. Как было сказано: «гангстер с идеологией страшнее гангстера без идеологии». И теперешние их наследники идут по их стопам, ставя себе конечной целью распространение коммунизма на всем земном шаре.

И вот к этому, первичному злу Запад относился и относится с преступной терпимостью. Да, когда Гитлер, проглотив Австрию и Чехословакию, напал на Польшу и Запад понял, что вскоре Гитлер схватит его за горло, — он объявил войну нацистской Германии. А Советский Союз пока никого не хватает за горло (в ожидании благоприятного момента), он пользуется гораздо более тонкими и изощренными методами. Помогая «братским компартиям» во всем мире, он постепенно создает такую атмосферу, при которой намеченная жертва начинает задыхаться и оказывается изолированной и незащитной. Коммунизм проводит политику дальнего прицела, в то время как большинство западных политиков думает только о сегодняшнем-завтрашнем дне. Для той западной страны, которая в данный момент истории не находится под прямым ударом (как, например, Соединенные Штаты и Великобритания), это создает иллюзию «безопасности» от коммунизма. Но — увы! — антикоммунистам это давно известно, а до только «не-коммунистов» все равно не доходит... Я напоминаю о политических реальностях лишь для того, чтобы поставить вопрос о «кризисе свободы» на Западе, так беспечно почивающем на лаврах своих давно завоеванных свобод. Итак, попробуем приступить собственно к теме.

В философии принято различать два первичных аспекта свободы: свободу отрицательную (свободу «от») и свободу положительную (свободу «для»). Первоначально мы все имеем в виду именно свободу «от» (от рабства, от насилия, от нужды,

от всякой гнетущей зависимости). И в деле достижения свободы нужно начинать именно с этой, отрицательной свободы, как задыхающемуся прежде всего нужен воздух, алчущему и жаждущему — еда и питье, заключенному — свобода от тюрьмы или концлагеря, — а там уж видно будет, как они воспользуются этой свободой.

Но на Западе положение иное, и свободе грозят здесь иные опасности. Здесь речь должна идти не о приобретении, а о сохранении свободы. А для этого нужен пафос свободы, которого уже нет хотя бы потому, что все на Западе так привыкли к свободе, что ее не замечают. И тут на сцену выступают соблазны свободы, имя которым — легион, но из которых главный — абсолютизация отрицательной свободы. В самом деле, будучи перенесенной в морально-религиозную плоскость, отрицательная свобода означает свободу и от морально-религиозных императивов (которые объявляются «предрассудками»). Свое собственное «я» или групповое «мы» становится тогда моральным центром вселенной. Отсюда и рост преступности...

Лидеры коммунистических стран похваляются тем, что случаев индивидуальной преступности у них гораздо меньше, чем на Западе, что ходить ночью по улицам Москвы или Ленинграда гораздо безопаснее, чем совершать подобную же ночную прогулку в Нью-Йорке или Вашингтоне. Но это потому, что зло, которое на Западе поневоле должно скрываться в подполье и убивать или калечить людей тайком, — это зло на Востоке открыто стоит у кормила власти, деспотически притесняя десятки миллионов. В подполье же должны укрываться в Советском Союзе деятели добра. Если зло Запада — в крайнем индивидуализме (сильно, однако, сдавшем свои позиции), то зло Востока — в не менее крайнем коллективизме (с его высшей целью — коллективизацией душ). И наиболее характерная черта социального строя коммунистических стран — не только в жестоком подавлении свободы извне, но — более того — в уничтожении свободы изнутри, посредством тотального страха, который часто (но, слава Богу, далеко не всегда) парализует какое-либо, даже моральное,

сопротивление властвующему злу. В этом главная трагедия свободы нашего времени.

Трагедия свободы, однако, может иметь место и там, где, несмотря на наличие формальных и фактических свобод, теряется сознание огромной ответственности, налагаемой свободой, — там, где иссякает дух творчества и служения, равно как и там, где свобода поживает на давно завоеванных лаврах. Как крайние злоупотребления свободой, так и «летаргия свободы» — подрывают изнутри пафос свободы, делают крепость свободы уязвимой изнутри для сил рабства.

В своем наиболее голом, и грубом виде отрицательная свобода произвола выражается на Западе в слепой погоне за наживой, настолько слепой, что она подрывает, с точки зрения дальнего прицела, ту же наживу. Сюда относится, например, спекулирование нефтяных компаний и прочих филиалов «биг бизнеса» на экономическом кризисе, ими же в значительной степени и вызванном (это не исключает факта внешнего шантажа со стороны арабов). Скажут — так всегда было, и погоня за наживой составляет конституционный признак капитализма, даже современного. Однако в прежние, относительно спокойные, времена в мире было больше экономического пространства и мест хватало для всех капиталистических акул. Теперь же мир настолько переполнен, и все стало так тесно связанным друг с другом, что экономические эксцессы и провалы в одной области неизбежно и быстро отражаются на другой. Теперь императивом дня становится более не классовая или иная борьба, а сотрудничество, координация, солидарность, которых, однако, еще нет.

Другое следствие культа произвола — небывалый прежде рост преступности на Западе. Такого жестокого цинизма и полного презрения к человеческой жизни, какое проявляется, скажем, террористами всех мастей, при захватах самолетов с заложниками, не проявлялось в мирное время никогда. А если дело доходит до суда, откуда-то взявшиеся адвокаты стремятся всячески смягчить приговор, думая лишь об интересах преступника, а ни в коем случае не жертвы. Впрочем, эти и иные примеры всем известны и нечего их расписывать. На наших глазах все в большей

степени происходит какая-то жуткая атрофия совести. Впрочем, удивляться особенно нечего, если принять во внимание почти совершенное искоренение морального воспитания в современных школах, по крайней мере, в народных школах Америки. Глубоко симптоматична и даже символична в этом отношении отмена общей молитвы в школах: дескать, мы вполне обойдемся без Бога, который, видите ли, недостаточно демократичен.

Симптоматическое значение, в свете этого, приобретает и тот «бунт без причины», который не так давно был поднят значительной частью западной, особенно американской, молодежи. Правда, волна беспорядков и демонстраций, прокатившаяся по Америке в конце шестидесятых и начале семидесятых годов, сейчас как будто пошла на убыль. Но то бунтарское умонастроение, которое породило эти эксцессы, все еще гнездится в душах их инициаторов и носителей. Этот бунт, в котором свобода понимается как произвол, разумеется, не имеет ничего общего с подлинной свободой и представляет собой пародию на нее.

Нормально, свобода должна была бы быть использована, сверх неизбежных и отчасти законных эгоистических интересов и эгоцентрических самоутверждений, — для реализации положительных, высших ценностей, делающих жизнь человека осмысленной и вдохновляющей. Эти высшие ценности — познавательные, моральные и эстетические, в духе бессмертной платоновской триады — истина, добро, красота, для религиозных людей — служение Богу и Царству Его. Иначе говоря, положительная свобода реализуема лишь на основании примата религиозно-моральных ценностей. Но вся система воспитания в Америке, отчасти под влиянием злого гения прагматизма Джона Дьюи, основана на делячестве, панутилитаризме и панэвдемонизме, согласно которым пользование технизированными благами современной индустриальной культуры и щекотание сексуальных и садистических нервов — это главные цели жизни.

Но подчеркнем, что эти эксцессы отрицательной свободы, столь явно обнаружившиеся за последние десятилетия в Америке (отчасти и в других западных странах), — представляют собой не только новейшие феномены, но коренятся глубоко в

самой традиции «американского образа жизни» (огромных преимуществ которого мы не отрицаем, но мы сейчас говорим об обратной стороне медали). Это — дух динамического панутилитаризма, где польза (преимущественно материальная), будучи отнюдь не основной жизненной ценностью, превращается в самоцель, в своего рода нового идола. И дух безудержного панэвдемонизма, где личное удовлетворение (большей частью в форме обостренных чувственных возбуждений) вместо того, чтобы служить субъективным симптомом реализации положительных ценностей, в свою очередь возводится в степень главной цели жизни. Повторяем, польза и наслаждение играют, естественно, в нашей жизни огромную роль, и без них наша жизнь обесцветилась бы. Но то неестественное ударение, которое ставится теперь на этих материальных ценностях, а также на проповеди разврата и отравления себя наркотиками, — легко превращается в игру низших инстинктов, к тому же принявших патологические формы. А отсюда недалеко и от преступлений на этой отравленной почве — ведь «все позволено» и главное в жизни — жить в свое удовольствие («to have a fun»).

Если бы подобный утилитарно-эвдемонистический стиль жизни создался на Западе при отсутствии угрозы со стороны воинствующего коммунизма, можно было бы только сетовать на материализацию и механизацию жизни, успокаивая себя тем, что каждая эпоха имеет свои пороки и что это — плата за технический и социальный прогресс. Но в настоящее время погрузиться всецело в материальное самоуслаждение и предаваться дикой погоне за материальными благами — означает не только моральное падение, но — как следствие — и подрыв воли к сопротивлению угрозе красного Молоха, который неизбежно отнимет не только свободу, но и эти блага. Поэтому необходима выработка иной, более суровой и более ответственной философии жизни, которая не уподоблялась бы страусу, не прятала бы голову под крыло, а имела бы смелость смотреть в глаза страшным реальностям, господствующим на Востоке и грозящим обрушиться смертоносным смерчем и на Запад.

Необходимо понять, что главная проблема современности заключена не в обсуждении формальной свободы, но прежде всего в положительном содержании свободы. А это предполагает существенную переоценку тех слепо-утилитарных и слепо-эвдемонистических псевдоценностей, которыми живет большинство молодежи Запада. Пользуясь благами свободы, нельзя быть слепым в вопросах о корнях и о высшем смысле свободы... Для успешной борьбы с силами рабства необходим переход свободы в контрнаступление. Но этот переход предполагает переосмысление ценности отрицательной свободы в духе свободы положительной, что требует внутренней перестройки психики. Оставаясь на позициях одной отрицательной свободы, невозможно сохранить эту отрицательную свободу. Ибо то ценное, что есть в отрицательной свободе, получает свою санкцию и свой конечный смысл лишь в свете свободы положительной.

Отрицательная свобода, не сублимированная в свободу положительную, выражается в двух основных формах — в голом самоутверждении и самоуслаждении. Самоутверждающаяся отрицательная свобода приводит к нарушению моральных законов, к заявлению своеволия, она вносит порчу в моральный состав личности. Эта свобода не достигает своей цели — она делает личность рабой темных сил подсознания, рабой сил зла. Эта истина по-разному провозглашалась пророками и сердцеведами, и Достоевский дал в своих произведениях гениальные примеры этой злой «диалектики свободы».

Что же касается самоуслаждающейся свободы, то на дне ее самоуслаждения обнаруживается пустота, делающая само самоуслаждение, в конечном итоге, фиктивным. Самопресыщение отрицательной свободой сводит на нет эту самую свободу.

В самоутверждающейся свободе свобода пожирает самое себя в адском пламени греха. В самоуслаждающейся свободе огонь свободы затухает и окружающая такую свободу фантазмагория фикций рассеивается, обнаруживая на своем дне пустоту. Эта пустота становится бременем и неизбежно ищет заполнения. Если она не заполняется положительным содержанием, она неизбежно заполняется содержанием отрицательным. И, ради за-

полнения разъедающей внутренней пустоты, свобода становится готовой пожертвовать собой.

Однако духовная природа человека такова, что он не удовлетворяется только пользой, наслаждением и даже самоутверждением, пресыщение которыми приводит к духовной пустоте, один из симптомов которой — скука. Духовная природа человека требует признания высших, надличных ценностей, причастие которым только и способно заполнить эту пустоту, — и хотя бы частичного служения им. Иначе на место сверженного или «умершего» Бога устанавливаются идолы, которые, по слову Бердяева, духовно не питают, и следование которым калечит или убивает моральную сферу в человеке. Тогда неизбежно и происходит самопресыщение только отрицательной свободой, выражающееся в злоупотреблениях этой свободой.

Имея в виду эти и иные, бьющие в глаза злоупотребления свободой, Солженицын и написал в сборнике «Из-под глыб», ставшие теперь известными, слова:

«Уж Запад-то захлебнулся от всех видов свободы, в том числе и от свободы интеллектуальной. И что же, спасло его это? Вот мы видим его сегодня в оползнях, в немощи воли, в темноте о будущем, с раздерганной и сниженной душой» (см. «Из-под глыб», ИМКА-ПРЕСС, Париж, 1974, стр. 21). Имея в виду те же, в основном, злоупотребления свободой на Западе, но с упором на оргии произвола всяческих «хиппи», и я написал, конечно, гораздо менее красочно, в одной из своих статей, посвященных развитию темы о «Трагедии свободы», следующее: «Отсюда и происходит тот разврат самопресыщенной свободы, те судороги неприкаянной свободы, к которым сводятся активные проявления бессознательного недовольства одной этой, чисто отрицательной свободой» (см. «Зарубежье», март 1971, Мюнхен, стр. 11–19).

Известное русское выражение «с жиру бесятся» отражает ту же идею, но, конечно, в ее сниженном и упрощенном варианте, без психоаналитических и экзистенциалистических углублений, неизбежных в нашу интеллектуализованную эпоху.

Пресыщенные свободой индивиды и группы становятся первыми кандидатами в духовные рабы, каковыми хотят видеть все человечество коммунистические вожди. Это пресыщение свободой и есть тот «подрыв свободы изнутри», о котором я говорю в подзаголовке этой статьи.

Но есть еще одна влиятельная группа подрывателей свободы. Это — современные псевдолибералы, которые искренне считают существующее в Америке обилие свобод — недостаточным и поднимают кампанию против органов американской разведки, которые, естественно, по сути своего существования, стремятся оградить государство от шпионажа и других демаршей со стороны врагов свободы. Эти псевдолибералы остро реагируют на малейшее ущемление свободы, если это делается справа, и благодушным молчанием встречают вопиющие подавления свободы слева.

Логика их приблизительно такова: да, советские вожди, допустим, притесняют народ. Но в России к этому привыкли, там не понимают иных методов. А цели у них все-таки высокие: установление социальной справедливости. Мы не должны допускать у себя таких методов и, разумеется, мы дадим им отпор, если они покусятся на наши свободы. Но они и не собираются на них покушаться, а что делается в других углах земли — нам какое дело! Прямой угрозы нам нет (и — отсюда вытекает — после нас хоть потоп). Невольно вспоминаются здесь слова Блока из его поэмы «Возмездие»: «...то роковое “все равно”, которое подготавливает/чреду событий роковых/ уж тем одним, что не мешает...»

В этом образе мышления (псевдолибералов) поражает его механичность и близорукость. Механичность — ибо псевдолибералы не понимают, что идеи не знают границ и что ложным идеям нужно давать отпор истинными идеями, а не безыдейностью и американским «I do not care»⁹⁴. Близорукость — потому что данное состояние мира, при котором твердыни свободы сохраняются, кроме Америки и Великобритании, в Западной Германии, Франции, Японии и некоторых других странах (не столь многих), может поэтапно измениться, если от НАТО отпадет сначала Италия с ее сорока процентами коммунистов, а затем,

может быть, и Франция с ее тридцатью процентами, — отпадут потому, что станут нейтральными. Но нейтральным, в собственном смысле этого слова, в наше время не может оставаться никто; можно в лучшем случае стать «нейтралистским», как почти все, с позволения сказать, «неприсоединившиеся» страны, объективно способствующие делу коммунизма. И что останется Америке делать, если произойдет «финляндизация», сначала Западной Германии, а затем и всей Европы? Все это потребует, конечно, времени, но времени у коммунистов достаточно, а западные политики строят свои расчеты, опять-таки, с позиций сегодняшнего-завтрашнего дня.

Мы опять дали сильный крен в сторону политики, но что поделать, раз политика в нашу эпоху — везде-присутственна? Однако и политика — это, с углубленной точки зрения, результат духовных устремлений, а здесь то или иное понимание свободы играет первичную роль. И абсолютизация отрицательной свободы представляет собой в настоящее время величайшую духовную опасность для современного мира. Ибо, стоя на позициях одной отрицательной свободы, повторяем, нельзя сохранить и этой самой отрицательной свободы. Только органическое преобразование отрицательной, безответственной свободы в свободу положительную, в ответственную свободу, — может спасти дело свободы в мире.

Это — не только тонкое диалектическое различие, но различие по существу, от которого зависит весь стиль жизни и эпохи. Но это осознано пока — увы — лишь немногими умами, к числу которых принадлежит американский католический философ, епископ Фультон Шин. В высшей степени показательно сравнительно недавнее заявление этого епископа о различии между отрицательной и положительной свободами. В этом заявлении епископ Шин сказал, что в Америке надо поставить вторую Статую Свободы — статую положительной свободы. Выступая в Лос-Анджелесе по случаю американского Дня Независимости 4 июля 1970 года, епископ Шин сказал, что та идея почти безграничной свободы, на которой воспитывалось много поколений американцев и статуя которой приветствует приезжающих

у входа в нью-йоркскую гавань, в основе своей благородна, но таит в себе зародыш зла, ибо ничего не говорит о нравственной ответственности, налагаемой свободой. Он предложил воздвигнуть на западном побережье Америки статую ответственности свободы, так, чтобы обе статуи дополняли одна другую. Это выступление епископа Шина глубоко знаменательно и своевременно.

И если общественные и государственные деятели Америки проникнутся идеей ответственной свободы, — то не будет того компромисса со злом и рабством, которым, в сущности, является политика «детанта». Тогда Америка снова станет светочем свободы во всем мире и тем продолжит свою великую миссию, которую она в течение многих десятилетий успешно выполняла и от которой она теперь склоняется отказаться под влиянием соображений оппортунистического и изоляционистского характера, с их неписанным девизом: после нас хоть потоп. Какие именно контуры примет эта новая, чаемая политика Америки, — не стоит гадать, так как в наше время чуть ли не каждый день приносит с собой изменения конъюнктуры, да и не в этом дело.

Ближайшее же дело заключается в реабилитации религиозно-нравственных ценностей, которым враждебен тоталитаризм и к которым с равнодушием относится современная западная демократия. Равнодушие к истине — вот один из потенциально злых плодов свободы, понятой в чисто отрицательном смысле. Ибо равнодушие к истине подготавливает почву для победы воинствующей лжи, искусно маскирующейся под истину.

Во всяком случае, поднимая актуальные проблемы современности на принципиальную высоту, можно прийти к следующим выводам:

Свобода понимается большею частью на Западе чересчур внешне. Свобода слишком часто смешивается с произволом, ограниченным лишь рамками формальной законности. Плоды свободы слишком часто смешиваются с ее корнями, и слишком многие на Западе хотели бы вкушать плоды свободы, подрывая в то же время ее корни. Искаженное же понимание свободы подготавливает почву для бегства свободы в материальное самоуслаждение, в социальные стандарты или в оргии безответственного произвола,

с утерей пафоса свободы. В современных условиях, когда свобода находится под смертельной угрозой со стороны сил воинствующего всерабства, внутренняя потеря свободы может оказаться роковой: свобода может не выдержать натиска организованных сил зла и рабства, инфильтрирующих свободу изнутри.

Отрицательная свобода, если дать ей плыть по течению, неизбежно вырождается либо в массовую апатию, либо в индивидуальный или в групповой произвол. В обоих вариантах отрицательная свобода подготавливает почву для укоренения духовного и политического рабства.

Только положительная свобода («для» и «ради», а не только «от») — свобода, преодолевшая гипноз тотального страха и проникнутая духом служения, — может привести к сохранению свободы у обладающих ею и к обретению свободы ее лишеными. Только такой путь может спасти мир от тирании квадратно-головых тупиц и духовно слепых и, к тому же, посредственных фанатиков выродившейся коммунистической идеи.

В.Е. МАКСИМОВ

Интервью о журнале «Континент»

(«Русская мысль». 1981. 21 мая)

Владимир Емельянович Максимов (1930 — 1995) — прозаик, публицист, редактор. Публиковаться начал в 1950-е годы. В 1967 — 1968 гг. входил в редакционную коллегию журнала «Октябрь». В то же время его оппозиционные статьи и открытые письма распространялись в самиздате и печатались в изданиях Русского зарубежья. В феврале 1974 г. уехал за границу и основал журнал «Континент», которым руководил до 1992 г. Его редакторский опыт, как и размышления о культуре, не обремененные публицистической односторонностью своего времени, представляют интерес и для современной журналистики.

«Если журнал потеряет ориентир, который я называю Россией, он потеряет смысл своего существования».

— Владимир Емельянович, «Континент» существует уже 6,5 лет, вышло 27 номеров. У журнала есть своя позиция, свое место. Как Вы считаете, по отношению к тому, что задумывалось, менялось ли это лицо, были ли какие-то воздействующие факторы или журнал сохранил ту позицию, о которой мечталось когда-то?

В общем и целом позиция сохранилась, хотя, конечно, в частностях многое претерпело изменения. Нам, например, не удалось религиозный раздел. Вы знаете, что журнал называется литературный, общественно-политический и религиозный. Вот в этой последней его части мы не сумели достичь не только высокого качества, но и просто элементарной регулярности. Но, я думаю, здесь нашу неудачу вполне компенсирует «Вестник РСХД» и выходящий сейчас внутри России и публикуемый на Западе сборник «Надежда». Конечно, хотелось бы, чтобы рубрика эта и в «Континенте» имела свое постоянное место. Материалов, правда, у нас много, но нужно, чтобы эти материалы были не ниже того, что печатается в тех журналах, которые я называл.

Не в полной мере состоялся у нас и диалог с западной интеллигенцией. Только к концу шестого — началу седьмого года существования этот диалог начинает более или менее завязываться. Видимо, здесь сказалась разница опыта. Но постепенно мы нащупываем какие-то общие точки соприкосновения с западной интеллигенцией и, в частности, с так называемой либерально-левой интеллигенцией, с которой договариваться особенно трудно, потому что все их априорные точки зрения неприемлемы для нас в принципе, а поступаться своими предубеждениями они не хотят. Мы же, со своей стороны, не можем пойти с ними на беспринципный компромисс, ибо это было бы для нас в конечном счете изменой тем идеалам, которые мы отстаиваем у себя на родине, своему собственному человеческому опыту и тем людям, которые живут там и на нас в чем-то надеются.

— Сейчас в Западной Европе не проходит практически ни одного крупного общественного мероприятия, которое как-то бы касалось России или русского вопроса, где участники «Континента», его авторы и его редколлегия не принимали бы участия. Вот чем Вы это объясняете?

— Вы знаете, журнал и задумывался не только как журнал, но и как один из центров современной русской общественной мысли. Надо сказать, что организационная работа в связи с этой проблемой и отнимает наибольшее количество времени, труда и, если хотите, здоровья и нервов. Объединить людей в эмиграции — задача, почти никому еще не удававшаяся. Но в какой-то степени нам это удается, говорю в какой-то степени потому, что само дело находится в процессе становления. Нам казалось, что наш журнал должен стать не только печатным органом, но и в какой-то степени организмом, вырабатывающим альтернативную позицию или, если так можно выразиться, альтернативную философию. Наши основные трудности связаны именно с этим. Человек в эмиграции обнажает в себе, к сожалению, не всегда самые лучшие качества. В таких условиях найти какую-то общеприемлемую платформу довольно трудно. Мы, разумеется, ищем и, чаще всего, находим, но не без трудностей. В процессе становления и работы журнала были разногласия и расхождения, порою принципиальные, но в целом тот костяк, с которым мы начинали журнал, остался и продолжает работать. Журнал постепенно начинает проникать в самые разные круги, а это как раз то, к чему мы стремились.

— Чем Вы объясняете то влияние, которое появилось у журнала среди западной интеллигенции и западных политических деятелей?

Мне кажется, что наша заслуга здесь частичная. Вообще феномен восточноевропейского сопротивления — литературного, демократического, политического сейчас стал привлекательным для западной интеллигенции. Она увидела в этом феномене возможность выхода из тупика клишированных штампов, которые давно обветшали, возможность возникновения новой терминологии, которая будет способна объяснить возникающие в мире явления.

Об этом хорошо сказал Жан-Франсуа Ревель в «Экспрессе»: «В наше время все, сколько-нибудь значительное в духовной области приходит с Востока». Недаром ведь бывшие маоисты, радикалы, участники так называемой революции 68 года во Франции и представители сопутствующих этой революции течений в других странах Европы — принципиальные атеисты и принципиальные космополиты вдруг назвали себя детьми Солженицына, т.е. духовными детьми человека, национально мыслящего и глубоко верующего. И в этом парадоксе перед всеми нами открывается, на мой взгляд, выход в новое духовное качество. Очень емкую формулу выдвинул в этой области и Владимир Буковский: «Мы не из правого лагеря, мы не из левого лагеря — мы из концлагеря». Этот принцип стал девизом для современного левого движения на Западе. Мне кажется, что успех «Континента», если он есть, в том, что журнал генерировал самые разные идеи и предложил их на своих страницах для обсуждения, диалога, разговора. Это и привлекло к нам людей, которые сначала считали для себя «Континент» чуть ли не идеологическим пугалом. Теперь же многие из них стали нашими активными авторами. Я могу здесь назвать Андре Глюксмана, Бернара-Анри Леви, Марека Хальтера и целый ряд других.

— **Все-таки корнями своими журнал уходит в Россию?**

— Прежде всего, я решил, что «Континент» не должен подменять уже существующие журналы — журналы устоявшиеся. Такие, как, предположим, лучший и пользующийся наибольшим спросом в России — «Вестник РСХД». Надо было создать синтез, который бы позволил привлечь к журналу наибольшее количество читателей. Часто люди, которых я очень уважаю, советуют мне сделать журнал вот таким, или вот таким, но если бы я последовал этим советам, то я опять-таки начал бы дублировать какой-то из уже существующих журналов.

— **Не кажется ли Вам, что негативное отношение к «Континенту», принятое у некоторых в последние несколько лет, есть тоже показатель интереса к журналу?**

— О качестве журнала прежде всего говорит спрос, а спрос на «Континент» пока что наибольший из всех существующих ныне русских периодических изданий. Недавно один из моих коллег по редакторству упрекал нас в том, что мы иногда печатаем для того, чтобы только поддержать человека, не учитывая качества, или из каких-то других соображений. Но я считаю, что в периодическом издании это никак не исключается и бывает необходимо. К тому же должен здесь откровенно сказать, что большинство материалов, которые редактора, так пекущиеся о «качестве», печатают, я не стал бы печатать даже из жалости, а не только из тактических соображений. Если бы мы ставили перед собой задачу издавать элитарный журнал, можно было бы. Вот у меня в портфеле на три номера материалов, которые можно печатать, и из этих материалов легко собрать один элитарный номер. Уверю Вас, как только я издам один такой элитарный номер, тираж упадет, мягко говоря, в два раза.

— То есть Вы считаете, что помещением самого разнохарактерного материала в номер Вы привлекаете различные слои, различные среды аудитории?

— Вот в этом-то вся и задача, мне кажется, периодического издания. Хотя я не отрицаю полезность и необходимость изданий специальных направлений. В этом смысле я очень высоко ценю, например, такое издание, как «Эхо». «Эхо» представляет, не декларируя этого, поиск, авангард. В этом смысле это журнал очень высокого качества.

Я же издаю журнал популярный, журнал, так он и называется, литературный, общественно-политический и религиозный. И вот этой длинной рубрикой я определяю круг интересов журнала и круг его читателей, на которых он рассчитывает. И это не всеядность. Вы знаете, что нас иногда упрекают в тенденциозности, но я считаю, что позиция у журнала всегда должна быть. Свобода печати — это в первую очередь разнообразие органов печати, а не политическая и литературная каша в каждом из них. Все сколько ни будь значительные журналы на Западе имеют строго выдержанную позицию. Они могут давать своему читателю са-

мую разнообразную информацию; чем богаче информация, тем больше у них читательский круг. Но при этом основная тема, выражающая позицию журнала, ведется из номера в номер. Взять хотя бы журналы «Энкаунтер», «Комментарии», «Индекс» или «Эспри», «Контрпуан» или такие газеты, как «Ле Монд», «Нью-Йорк Таймс», «Чикаго Трибюн». При всем разнообразии их информации, собственная позиция у них всегда четко проглядывается. Всеядность — это и есть... — непривычка к свободе, потому что свобода — это прежде всего ответственность. Если какая-то газета, скажем, «Нью-Йорк Таймс», называет себя либеральной, то это уже позиция, потому что либерализм — определенное направление политической мысли на Западе со своей философией, идеологией и со своей теорией.

Недаром ведь демократическая система Запада называется не многоГОВОРИВОЙ, а многоПАРТИЙНОЙ системой, где каждая партия публично и через свои печатные органы пропагандирует и отстаивает именно свою точку зрения, не забывая, конечно, при этом о разнообразии предлагаемой ею общей информации. В этом принципиальное отличие двух противостоящих систем: в первой — одно направление, во второй — множество. Повторяю, направления нет только у желтой печати, которая действительно оставляет «самому читателю» разбираться в той информации, какую она ему дает. Истина эта, что называется, прописная, но, думаю, о ней иногда невредно вспоминать, в особенности тем из нас, кто берется учить других, как надо делать демократические журналы.

Кстати сказать, очень часто возникающие в эмиграции печатные органы сразу спешат объявить себя свободными, плюралистическими, либеральными, как бы подчеркивая этим свое отличие от уже существующих. Есть какая-то закономерность в том, что как только журнал или газета объявляют себя таковыми заранее, можно быть уверенным, что они будут отличаться именно нетерпимостью, ибо печатный орган, который действительно плюралистичен, терпим, либерален, этого не замечает, это свойство его сущности и психологии. Но при всех погрешностях вновь возникающих печатных органов я все-таки считаю,

что, чем их больше, тем лучше. Хочу подчеркнуть, что журнал «Континент» никогда ни на кого не нападал, он только защищался, не всегда лучшим образом — это я должен прямо сказать, но еще раз подчеркиваю — только защищался.

— Скажите, Владимир Емельянович, а как журнал делается, кто перемальвает всю эту гору материала, которая к Вам приходит, кто делает из него номер?

— Нас тридцать человек в редколлегии; в этом, кстати сказать, ничего оригинального нет. Вы можете полистать любой западный журнал такого типа, может быть, там будет не тридцать, а двадцать или десять, но обязательно будет несколько авторитетных фамилий, которые не принимают прямого участия в работе над журналом. Мы время от времени проводили общие или частичные редколлегии. На этих редколлегиях выясняются мнения, претензии и пожелания ее членов. С двадцать девятого номера мы начнем публиковать материалы заочной редколлегии, в которых члены редколлегии определяют свое сегодняшнее отношение к журналу. Подавляющее число ответов, которые мы до сих пор получили, остается самым положительным и так же горячо, как и в самом начале, поддерживает работу журнала и его позицию.

— А на каких языках выходит «Континент»?

— Журнал в целом выходит на одиннадцати языках, но некоторые издания временно прекращаются, не оправдав себя финансово или политически, но тут же возникают снова. Прекратилось итальянское издание — в апреле вышел первый номер его нового варианта в Италии и до конца года выйдет еще три номера.

— «Континент» самим своим названием выражал некую попытку диалога не только России, но и Восточной Европы с Западом. Как обстоит дело в этом плане, удалось ли за шесть лет наладить это и возникают ли какие-нибудь трудности?

— Не всегда и не во всем. В полной мере удалось это только в Польше. Здесь у нас наладилось очень тесное сотрудничество

с журналом «Культура», который связал нас с польским кругом авторов и, если хотите, читателей. Люди, которые бывают в Польше, рассказывают, что слово «Континент» открывает практически в Польше все двери. Свои неудачи в этой области я не отношу за счет нетолерантности своих восточноевропейских собеседников, а за счет того, что каждая страна, видимо, требует своего подхода и своего тона. Но все же «Континент» начинает по-настоящему проникать не просто как журнал, как периодическое издание, а именно как понятие и идея.

— И все-таки журнал продолжает ориентироваться прежде всего на Россию?

— Именно — на Россию. Даже то, что мы, предположим, делаем, сотрудничая с Восточной Европой и пытаясь установить диалог с западной интеллигенцией, это все равно делается для России. Если бы журнал потерял этот ориентир, он потерял бы смысл своего существования вообще. Для нас ориентир прежде всего Россия и в первую очередь российский читатель. Мы печатаем польские, болгарские, румынские материалы для того, чтобы в России знали, что творится в сопредельных с нами странах, и делали из этого выводы. Это в какой-то мере тоже передача опыта, конвергенция опыта России и Восточной Европы. Очень жаль, что нам с каждым днем все труднее его доставлять туда, к русскому читателю, на которого он рассчитан, но мы делаем все от нас зависящее, чтобы поддержать это проникновение журнала хотя бы на том уровне, на каком это держалось до сих пор.

— Но ведь проникновение журнала в Россию это процесс двусторонний?

— Да, разумеется, и кстати сказать, это тоже один из принципов журнала: получить информацию литературную, политическую, религиозную, общую информацию из России, спрессовать ее в книжку журнала и вернуть туда же в Россию, т.е. сделать эту информацию общим достоянием. Проникновению «Континента» в СССР интенсивно помогают западные радиостанции.

Нас очень много, во всяком случае, до недавнего времени, передавала «Свобода». «Немецкая волна» передавала и передает до сих пор. Часто о «Континенте» и его содержании говорят «Голос Америки» и «Би-Би-Си». Это помогает массовому распространению понятия «Континент». Но еще раз хочу повторить: если журнал потеряет ориентир, который я называю Россией, он потеряет смысл своего существования.

— **Сейчас в России происходят очень сложные процессы. Как реагирует на это журнал и какова его позиция в этом сложном разнородном потоке?**

— Мы стараемся отражать все позиции, но, разумеется, выражая и свое отношение к этим позициям. Насколько нам удастся уловить то, что там происходит, — мне трудно судить. Но все-таки посильно мы стараемся идти следом за тем процессом, который развивается там, в метрополии.

— **Но журнал, тем не менее, не просто микрофон, — это, скорее, резонатор, он усиливает какие-то вещи, которые более близки его принципиальным позициям, иногда меньше отражая явления, которые не совпадают с этими позициями. Как редактор журнала, в чем Вы видите желательное?**

— Желательное развитие я вижу в возникающих и развивающихся демократических тенденциях. Я не могу ориентироваться на какое-то определенное течение в нашем, как теперь это принято называть, духовном, гражданском и политическом возрождении. Большинство наших членов редколлегии представляют демократическое движение. Поэтому предпочтение отдается этому направлению, но я считаю, что мы в достаточной степени уделяем внимание всему спектру восточноевропейского возрождения. Возможности толстого журнала, к сожалению, ограничены, само понятие «толстый журнал» уже определяет круг его читателей. Это прежде всего круг современных интеллектуалов России и Восточной Европы, куда мы включаем Прибалтику и все сопредельные страны: Украину, Белоруссию и т.д. и т.д. Конечно, желательно было бы, чтобы круг этот все более расширялся. Но

по нашим сведениям, влияние журнала и его распространение вышло уже за этот круг. Вы полистайте-ка «Хронику текущих событий»⁹⁵, которая выходит в Нью-Йорке, ее издает Чалидзе, или новое издание Кронида Любарского — «Континент» отбирается при обысках уже чуть ли не на Камчатке. Значит, его распространение давно перешагнуло границы того сравнительно небольшого круга интеллектуалов, который существует в Москве и в Ленинграде.

— Скажите, Владимир Емельянович, а как Вы смотрите в целом на будущее журнала?

Мне кажется, что в этом, если можно так выразиться, соревновании все возникающих и возникающих печатных органов победит сильнейший. К сожалению, возможности читательского рынка (если журнал или газета не переводится на другие языки) на Западе очень ограничены, все мы зависим от интенсивности той эмиграции, которая сейчас происходит из Советского Союза. Но у этой эмиграции, Вы сами знаете, есть определенные особенности, которые в общем-то и определяют спрос на эмигрантскую литературу. Что же касается России, на которую в основном и рассчитывают русские зарубежные издания, то, мне кажется, количество уже имеющихся печатных органов, в общем уже удовлетворяет спрос.

— Тем не менее возникают постоянно самиздатовские журналы в России...

— Замечательно. А самиздатовские журналы заполняют те пустоты, которые в силу тех или иных причин образуются в наших изданиях. Самиздатовские журналы — это для нас очень важное и необходимое дополнение. Сегодня они удовлетворяют непосредственный спрос, но завтра Вы увидите, как эти журналы будут быстро умирать и на их месте станут возникать новые, потому что они отвечают лишь на сегодняшние потребности. А вот устоявшиеся органы отвечают постоянной потребности русского читателя. Я имею в виду «Грани», «Двадцать

два», «Континент», «Русское возрождение», «Время и мы», «Посев», «Русскую Мысль», «Новое Русское Слово» и целый ряд других.

— **Владимир Емельянович, как Вы смотрите на будущее русской эмигрантской прессы?**

— Основные издания останутся, но многие журналы прекратят свое существование здесь на Западе (в том числе, может быть, и «Континент»), потому что нужда в них отпадет, они перестанут отвечать все развивающейся аудитории в России.

— **То есть Вы считаете, что журналы на Западе, русские журналы на Западе не могут существовать?**

— Вот посмотрите «Новый журнал», к примеру, практически ориентирован именно на эмиграцию, и Вы видите, как все сужается и сужается его читательская аудитория. В западном, в свободном мире не менее двух миллионов русских, а максимальный тираж, который может позволить себе журнал, например, «Континент» — это четыре тысячи экземпляров. Три тысячи экземпляров книги считается бестселлером. Значит и с той эмиграцией, которая сейчас сюда прибывает, и с той эмиграцией, которая здесь давно, происходят какие-то метаморфозы. Молодежь очень стремительно ассимилируется, а то и не интересуется литературой вообще. Многие из старшего поколения тоже не интересуются литературой. Поэтому я смотрю пессимистически на журнал, который думает ориентироваться только на эмиграцию. Во всяком случае, до сих пор все журналы, которые пытались и пытаются до сих пор ориентироваться только на здешнего читателя, экономически себя не оправдывают. Они, как и все мы, пользуются определенной поддержкой тех или иных западных издателей, тех или иных западных политических кругов, а без такой поддержки мы вообще не могли бы существовать.

— **И все же?**

— Что ж, могу пожелать смельчакам только удачи. Как говорится, безумству храбрых!

Вечная ткань культуры

(«Русская мысль». 1981. 16 июля)

Прежде всего я позволю себе обратиться к опыту собственной судьбы, чтобы на личном примере проиллюстрировать механизм самовоспроизводства, самовозрождения, самовосстановления культуры, а также ее значения в жизни человека и общества, ее необратимой непрерывности.

Моя судьба типична для нескольких поколений, рожденных и выросших в нашей стране в условиях тоталитарной системы: сын и внук рабочих-коммунистов, абсолютно равнодушных к культуре, религии и ко всему, что лежит вне социальной сферы вообще, я в начале жизни являл собою почти растительное существо, которому можно было привить любые свойства и наклонности, что и пыталась проделать со мною, как и с миллионами мне подобных, политическая пропаганда в своем стремлении вывести лабораторно чистый вид «гомо советикус» — человека-робота, человека-монстра, человека-материала для самых фантастических социальных экспериментов.

С утра до вечера, дома, в школе, в общественных учреждениях, через печать, кино, радио, наглядную агитацию на улицах, нам внушалось, что ради победы коммунизма во всем мире допустимо любое преступление и любая ложь. Во имя светлых идеалов неясного будущего мы не только имели право, но и были обязаны, если потребуется, предать отца, обмануть мать, убить сестру или брата, лгать, красть.

На эту тему писалось и размножалось в миллионных тиражах множество книг, пьес, песен и другой культурной макулатуры. С этим мы утром вставали, с этим на ночь ложились спать. По этим образцам мы учились жить и действовать. Казалось бы ничто уже не могло вдохнуть в наши дырявые души животворящее тепло подлинных идеалов, жар свободного познания или жажду веры.

В своем новом романе «Чаша ярости»⁹⁶ я передал наше тогдашнее состояние в следующих словах:

«Так мы и жили в замкнутом мире этого странного забвения, где в одном лице совмещались жертва и палач, заключенный и надзиратель, обвинитель и обвиняемый, не в силах вырваться за его пределы, ибо там — в разреженном пространстве свободы любого из нас подстерегали гибель или одиночество, которого наши слабые дырявые души страшились еще более гибели. Смелчаки же, которые шли на этот риск, мгновенно исчезали, растворялись в запредельном пространстве, не оставляя после себя ни следа, ни памяти.

Исключение создавали те редкостные одиночки, чья высокая судьба брала свое начало еще в том золотом веке, когда литературу не так уж сильно уважали, чтобы за нее расстреливать. В известном смысле они, эти одиночки, были счастливее нас. То, к чему мы пробивались сквозь **свинцовые пласты лжи и беспамятства**, сдирая с души коросту полых слов и фальшивых понятий, огороженные стеной грозных табу и лукавых соблазнов, им дарилось свыше вместе с самой жизнью. Знание меры подлинных ценностей облегчало для них их молчаливое сопротивление, но платили они за это знание куда дороже, чем впоследствии пришлось заплатить нам».

Но большевики, утвердившись у власти, совершили историческую ошибку: они оставили нам классику, то есть основу основ человеческой культуры. На мой взгляд, это произошло прежде всего по двум причинам, хотя имелся тому и целый ряд причин сопутствующих. Первая из них — психологическая: будучи абсолютными нигилистами по убеждениям, вожди этого движения оставались, если так можно выразиться, дореволюционным продуктом, сохранявшим в себе подсознательную ностальгию по минувшей эпохе и ее ценностям. Вторая — политическая: большевики решили использовать в пропагандистских целях свойственный всем великим творцам в истории пафос недовольства средой и временем, в котором они существовали, канализировав это недовольство в сугубо социальное русло.

Но войдя в прикосновение с великими творениями человеческой культуры, каждый из нас, сам того не подозревая, словно ссохшаяся губка впитывал в себя не их социальную критику, а целительную влагу и воздух этой культуры, постепенно восста-

навливая в душе и сердце утерянную было духовную память, забытые принципы бытия, образ и подобие Божие. Так вечная ткань культуры, возвращая нам свои дары, преодолевала и, в конце концов, преодолела в нас разрушительный яд самоцензуры и пропаганды.

Если же вспомнить, что русская культура, в отличие от многих других, даже в богоборческой своей части всегда питалась христианскими истоками, то станет понятно, почему сегодняшнее возвращение к ней лучших ее представителей логически повлекло за собою и их возвращение к личному христианству, возвращение, обогатившее в наши дни своим качеством и опытом современную мысль вообще.

Примерно то же самое происходило с нами и в сфере социального существования и быта. Воспитанные в духе коллективного эгоизма и крайнего неуважения к отдельной личности, мы в повседневной жизни бессознательно преступали все нравственные и Божеские законы, на которых строится цельное тело жизни, полагая, что любой грех оправдывается социальной задачей, поставленной перед нами обществом.

Но и в этой сфере мы постоянно наталкивались на поучительные препятствия, напоминавшие нам о первоосновах человеческого общежития. Можно было истребить миллионы людей, сжечь тысячи книг, скрыть множество фактов истории и культуры, но всеподавляющая система оказалась не в состоянии искоренить вневременные явления, не поддающиеся никакому контролю или цензуре: верования, фольклор, обычаи. А они-то — эти явления, прорастая сквозь толщу идеологических наслоений, словно трава сквозь асфальт или планктон в затхлой воде, и сохраняют в человеке непрерывную связь времен, культурную преемственность и историческую память. В эпоху духовного распада и социального декаданса личность может сохраниться, только охраняя эти ценности для себя и своих потомков. Другого спасения от губительного забвения у нас нет.

Наверное, о том же самом опыте, разве что в иных вариациях, могли бы поведать вам многие и многие представители современной русской культуры от Александра Солженицына и Андрея

Сахарова до рядового учителя или врача. Именно он — этот опыт нашего внутреннего самовосстановления или, перефразируя Чехова, «выдавливания из себя раба» — способствовал мучительному, но уже необратимому преображению общественного лица современной России — и не только России. Современная Польша, где, по моему глубокому убеждению, решается сегодня судьба христианской цивилизации, лучшее тому свидетельство.

К сожалению, нынешние социальные экспериментаторы учли ошибки и промахи своих учителей и предшественников. Выпускники Сорбонны, захватившие сегодня, с помощью своих советских хозяев, власть в странах Юго-Восточной Азии, беспощадно искореняют не только малейшие признаки прошлого, но и людей, соприкасавшихся когда-либо с этим прошлым, как носителей культурной заразы. Преступлением там считается теперь даже скорбь по умершим или погибшим близким — матери, отцу, собственному ребенку. Орвелловские фантастические максимы сделались минимумом для физической самозащиты от вполне реальной диктатуры.

Но даже в таких, казалось бы, невероятных обстоятельствах культура остается для людей единственным островом среди тоталитарного моря, на котором они сохраняют и поддерживают для будущего спасительный огонь своей истории. Вот что пишет по этому поводу недавний беженец из Вьетнама, чудом преодолевший расстояние от Ханоя до Парижа:

«Мне было 23 года, когда в 1966 году я был исключен из ханойской педагогической школы. Тогда среди интеллигенции появилась тенденция — собираться, обсуждать сложившееся положение. Мы не могли поверить, что мир и жизнь ограничиваются тем закрытым пространством, в котором нас заставляют жить. Зная иностранные языки стали слушать зарубежное радио. Мы встречались в узком кругу, всегда тайно, говорили о литературе, театре, поэзии, читали стихи и неподцензурную прозу».

Мне кажется, что это лучшая иллюстрация к моему тезису о неистребимости культуры в нашей общей истории. Поэтому, на мой взгляд, самое страшное даже не в том, что там сегодня происходит, а в том, как реагирует свободный мир на происходящее: два-

три десятка сочувственных статей в газетах и передач по радио и телевидению, прекраснородушная кампания «Корабль для Вьетнама», которая захлебнулась, не успев по-настоящему начаться, несколько робких протестов со стороны некоторых правительств, кстати сказать, продолжающих спокойненько заседать в Организации Объединенных Наций бок о бок с кровавыми палачами целых народов. Стоит только сравнить эту бессильную реакцию с многотысячными когда-то демонстрациями протеста против Вьетнамской войны, в конце концов и приведшими к власти нынешнюю тоталитарную клику, чтобы на вас повеяло с Запада ветром смертельного самообмана и духовного запустения. Видимо, как это ни парадоксально, тоталитарный ад ГУЛага человек преодолевает легче, чем потребительский ад супермаркета.

Нам — людям, осознавшим самих себя и оказавшимся, волею судеб, на демократическом Западе, к примеру, становится не по себе, когда в католической семинарии в Германии мы наталкиваемся на лозунг «Революция или смерть!», когда зачастую слова «Бог» «грех», «судьба» стыдятся произносить даже священники, когда величайшие памятники человеческой культуры, которыми мы восхищаемся, сплошь и рядом именуется здесь в печати «продуктами эксплуатации и угнетения». Политизация, социализация, вульгаризация культуры грозит сегодня подменить здесь подлинные ценности потребительскими эрзацами и ведет общество к неминуемой гулагизации.

Тоталитарная диктатура не появляется из ничего, на пустом месте, она исподволь возрастает внутри нас и общества, унавоженная нигилизмом, алчностью, равнодушием, и является, как правило, результатом религиозного, нравственного и политического декаданса. Современный человек Запада, сам того не замечая, становится рабом еще задолго до того как на него наденут коллективные наручники и заткнут глотку цензурным кляпом.

Чтобы попытаться изменить ход вещей, а следовательно и самой истории, необходимо, на мой взгляд, отказаться от старых понятий и обветшалой терминологии, вспомнить, что слово — не просто инструмент взаимоотношений между людьми, которым можно безнаказанно манипулировать, но прежде всего

та основа, с которой началась жизнь, и что оно может сделаться, в зависимости от нашей воли как гарантией человеческого существования, так и причиной его гибели. В противном случае плен социальных и политических стереотипов обернется для нас всех пленом мирового ГУЛага.

Недавно один беженец из Аргентины в ответ на вопрос своего французского коллеги, к какому крылу аргентинского Сопротивления он принадлежит, сказал ясно и коротко: «Ни к какому, я — птица».

Мне кажется, что это исчерпывающая формулировка для всякого думающего человека, который решается противостоять саморазрушению в современном мире, ибо только в независимом от предубеждений полете мысли мы обретем Свободу, основанную на культуре. И только на ней. Если же каждый из нас не найдет в себе силы и мужества преодолеть в себе смертельное забвение духовного опыта истории и культуры, то я, следом за Артуром Кестлером, могу спросить себя и своих современников: — Какого черта мы называем себя интеллигенцией? Нам нет прощения, потому что наш долг знать, а главное — хотеть знать!

В своей речи на сессии ЮНЕСКО папа Иоанн-Павел II напомнил всем нам⁹⁷:

«Мир не может продолжать идти дальше тем же путем. Человек, осознающий всю серьезность современной ситуации, обладающий элементарным здравым смыслом, не может не принять нравственного императива, необходимо мобилизовать человеческую совесть и сознание! Нужно умножить усилия, направленные на то, чтобы убедить самого себя в приоритете этического над техническим, личности над вещью, духа над материей».

В связи с этим мне вспоминается бытующий сегодня в современной России короткий, но поучительный анекдот.

«Является однажды к мужику ангел и говорит:

— Бог хочет послать тебе счастье.

— Спасибо за хорошую новость.

— Хотел бы ты взглянуть на свое счастье, а то вдруг не понравится?»

— Это я еще успею, ты лучше дай-ка мне на Бога поглядеть».

Будем же надеяться, что в наступающие теперь роковые часы истории, перед выбором между социальным соблазном и верой, Человек выберет Бога, ибо только в этом спасение Человека.

С.Д. ДОВЛАТОВ

Лев Тимофеев — в тюрьме

(«Посев». 1985. № 6)

Сергей Донатович Довлатов (1941 — 1990) — прозаик, журналист. Учился на факультете журналистики Ленинградского университета, но не окончил его. В 1960-е годы работал в многотиражных газетах, например, Ленинградского кораблестроительного института «За кадры верфям»; в первой половине 1970-х — в газетах советской Эстонии. Как журналист печатался в различных московских и ленинградских изданиях. В 1978 г. стал жителем Нью-Йорка, выступил одним из создателей и главным редактором газеты «Новый американец» (1980 — 1983), где вел «Колонку редактора». О журналистской работе советского периода рассказал в автобиографической книге «Компромисс», а «колонки редактора» собрал в книге «Марш одиноких».

Публикуемый текст характерен для Довлатова, всегда искавшего общее между политическими противоположностями. В то же время это пример постоянного освещения в прессе Русского зарубежья репрессий против инакомыслящих в Советской России. В годы «перестройки» вернулся к сотрудничеству с советскими журналами. Статья печатается с сокращениями.

В Москве 25 марта 1985 г. был арестован органами госбезопасности журналист и писатель Лев Михайлович Тимофеев, произведения которого несколько лет циркулировали в самиздате, а

позднее были опубликованы на Западе*. Как удалось выяснить из телефонного разговора с женой арестованного — Натальей, Лев Тимофеев находится в Лефортове, где ему, по-видимому, предъявлено обвинение по статье 70-й («Антисоветская агитация и пропаганда»). Параллельно органы КГБ ведут «беседы» с друзьями Льва Тимофеева, назойливо задавая им один и тот же вопрос — не было ли у арестованного каких-либо психических отклонений? В случае если Тимофеева будут судить по 70-й статье уголовного кодекса, ему грозит максимальное наказание — 7 лет лагерей строгого режима и 5 лет поражения в правах, то есть — ссылки. Если же власти решат использовать против Тимофеева карательную медицину, его ожидает бессрочное заключение в психбольницу...

Лев Михайлович Тимофеев родился в 1936 г. в семье генерала инженерных войск. С юных лет ему были доступны все стандарты отечественного благополучия. Тимофеев закончил престижный Институт внешней торговли и получил работу в «Совфрахте», учреждении, занимающемся международными торговыми перевозками. Он становится кандидатом в члены КПСС. Перед молодым, эрудированным и трудолюбивым специалистом открываются перспективы блестящей карьеры.

Неожиданно и резко Тимофеев меняет образ жизни, увольняется из «Совфрахта» и несколько месяцев плавает простым матросом на рыболовном сейнере.

Его призывают в советскую армию, откуда он вскоре был комиссован по состоянию здоровья как инвалид II группы.

Тимофеев покупает лачугу в деревне Желанное под Рязанью, где он впервые сталкивается с жизнью и бытом современного

* Тимофеев Л. Технология черного рынка, или Крестьянское искусство голодать. Грани. № 120. 1981 г., изд. Посев, а также «Русское возрождение». № 11 и 12, 1980 г., Нью-Йорк; в 1983 г. вышла отдельным изданием по-итальянски «L'Arte del contadino di far la fame», изд. Il Mulino, Bologna.

Тимофеев Л. Последняя надежда выжить. Время и мы. № 75–77, Нью-Йорк.

Тимофеев Л. Моление о чаше. Время и мы. № 79, Нью-Йорк.

российского крестьянства, с горечью и болью наблюдает все то, что газетные пропагандисты цинично называют «социалистическим преобразованием деревни».

Потрясенный увиденным, Лев Тимофеев пишет большую статью, которая через несколько лет попала в самиздат, а в 1981 году была издана в русских журналах за рубежом под заглавием «Технология черного рынка, или Крестьянское искусство голодать». Тимофеев пишет:

«...Случайно я увидел жизнь крестьянской семьи и вдруг с удивлением понял, что вся советская система, начиная с нашего высокомерного правительства и кончая учеными-атомщиками и поэтами-песенниками, живет за счет сельской семьи, как пиявка присосавшись к крестьянскому хозяйству...»

В своей книге Лев Тимофеев пытается решить

«...Как это может быть, чтобы и дорогостоящая космическая программа, и грандиозные, но малополезные хозяйственные начинания у нас в стране, и успешные военные действия в Эфиопии — все бы оплачивалось из скромного бюджета крестьянской семьи? Только ли крестьянская семья оплачивает политику партии и правительства? Каков вообще механизм эксплуатации трудящегося человека в условиях развитого социализма?»

Закончив эту работу, Лев Тимофеев возвращается в Москву, где ему как журналисту удастся сотрудничать в популярных журналах «Новый мир», «Молодая гвардия», «Советская женщина». Опубликованный в «Новом мире» при Твардовском очерк Тимофеева «Антоновские яблоки» привлек внимание читателей живыми и не приукрашенными картинами деревенской жизни.

Это было в пору так называемой «хрущевской оттепели», когда на смену сталинскому омертвлению пришла живая мысль и вольное слово, когда бесплодное серое единодушие уступило место богатой и яркой разноголосице, когда в журналах запестрели имена Овечкина, Дороша, Абрамова, Яшина, Распутина, Лихоносова, Шукшина, Белова. По-разному, с разной мерой глубины, понимания и смелости внесли они в литературу то, что вытрав-

лялось из нее на протяжении десятилетий — правду о колхозной деревне.

Среди этих достойных имен имя Льва Тимофеева не осталось незамеченным, хотя его главные, заветные произведения и не предназначались для советской печати, точнее — не могли быть опубликованы в ней даже в сравнительно либеральную эпоху хрущевских реформ.

[Далее автор повторил информацию о публикации в США произведений Л. Тимофеева, его аресте, инвалидности и возможном психическом лечении.]

Лев Тимофеев — один из первых диссидентов, арестованных уже при новом генеральном секретаре Горбачеве. Кстати, в судьбах этих людей, Льва Тимофеева и Михаила Горбачева, прослеживается нечто общее: оба принадлежат к одному поколению, оба закончили московские вузы в эпоху после-сталинской оттепели, и, наконец, оба много занимались сельским хозяйством, Горбачев курировал его по линии ЦК, а Тимофеев с гневом и болью писал о том, до чего довело деревню партийное руководство...

Г.Н. ВЛАДИМОВ

Необходимое объяснение

(«Континент». 1986. № 48)

Георгий Николаевич Владимов (наст. фам. Волосевич; 1931 — 2003) — прозаик, литературный критик, публицист. В 1954 — 1959 гг. был редактором отдела прозы в журнале «Новый мир». В 1967 г. послал письмо съезду писателей СССР с требованием открытого обсуждения письма А.И. Солженицына о цензуре. В 1983 г. выехал в Западную Германию. В 1984 — 1986 гг. был главным

редактором журнала «Грани» (№ 131 – 140). С этой работой расстался из-за несогласия с политикой руководителей НТС. Об этом конфликте в среде журналистов Русского зарубежья он рассказал в статье «Необходимое объяснение». В годы «перестройки» вернулся на страницы советской периодики. Статья печатается с сокращениями.

Майским вечером 1983 года, едва приземляясь на Франкфуртском аэродроме, я попал в их круг — такой плотный, что Анатолий Гладилин, примчавшийся из Парижа для первого интервью, минут сорок не мог ко мне пробиться. Позднее он заметил: «Они окружили тебя, как ксендзы Козлевича. Видно, ты им очень нужен». Может, и впрямь ситуация напоминала «Теленка» — не того, который бодался⁹⁸, а «Золотого», ильф-и-петровского. Но, измученный предотъездными неделями, нескончаемым расставанием, зверским таможенным досмотром, каким заботливая родина дает нам напоследок доброго материнского пинка, я был тронут встречей. Дружеский ужин у председателя НТС Артёмова, приготовлены комнаты в тихом отельчике, телефона нет, адрес никому не сообщается, письма с приветствиями новому эмигранту приходят в «Посев», там же и встречи с корреспондентами — и не со всякими, а кто *нужнее*; свои переводчики, свои поводыри на первых шагах в неведомом мире.

На другое утро — первое утро на чужбине — они предложили мне журнал: «Это наша мечта, чтобы вы приняли и повели “Грани”». Я еще не знал, что они его не первому предлагали, помнил, как они мне писали в Москву: «Это Ваш журнал», просили консультировать тогдашнего редактора Н.Б. Тарасову — *что нужно для России*, и курьеры привозили оттиски — на мое одобрение, и что я ни посылал своего или своих друзей — печатали без возражений.

И все же было о чем задуматься. «Ваш журнал» — это очень украшает речь и льстит и вселяет надежды, но он же еще — и партии. Легко ли оно — редактировать партийный журнал? С другой стороны, разве у Твардовского был он свой? И партия нависала над редакторским столом, и собственный партбилет — слева, где

сердце, — удерживал от слишком резких телодвижений, но как много он смог, успел. Ну, наконец, и партия все-таки другая, совсем противоположная. И хотя известен закон, что любая оппозиция зеркально копирует своего противника, однако и законы имеют же исключения...

Ни все те ругательства, какими обкладывает «солидаристов» бесталанный советский агитпроп, ни их брошюрки и листовки, которых там, «за бугром», никто и читать не трудится, — облика НТС, конечно, не создают. Но когда из-под пресса ГБ — с непрестанной слежкой, подслушками и глушилками, обысками и допросами — видишь сами лица их курьеров, молодых идеалистов из Англии, Дании, Италии, Нидерландов, прекрасные лица *свободнорожденных*, — таким и представляется лицо этой партии, единственного политического объединения в российском Зарубежье. Любопытно, однако, что курьеры непрестанно меняются; за двенадцать лет редкие приезжали ко мне дважды: должно быть, со временем они составляют себе представление о Народно-Трудовом Союзе — и порывают с ним. Мне же теперь — все больше кажется, что его вообще не существует — ни «Народного», ни «Трудового», ни «Союза».

[Далее автор характеризовал руководителей издательства журнала, а также сообщал о контроле за его редакторской деятельностью со стороны ответственного секретаря, что напоминало автору наблюдение «советской цензуры» за журналом «Новый мир» в 1960-е годы.]

Третьего июня, с наивностью «небитого фрея» я предложил им: «До НТС мне дела нет, прошу только об одном — *не мешайте мне делать журнал “Грани”*. Вот единственный приемлемый компромисс с вами». Но встречно, датированное тем же днем, уже шло их письмо, объявляющее мне отставку: «Остается лишь искренне пожалеть, что Вы сочли возможным занять в отношении НТС столь нелояльную позицию».

Время подвести итоги. Из тех, кто дал себе труд вчитаться в программу «солидаристов», одни в ней находят непереверенный марксизм, другие — считают ее устаревшей. Это не так, она все-таки обновляется, вот уже поставлен крест на правозащитном движении, которому так недавно присягали в верности; оно

«исчерпало себя бесперспективностью... не сумели перейти к иным методам борьбы», как пишет В. Рыбаков в № 6 «Посева», с той суровой решимостью, с какой он, вероятно, кидался, обвешанный гранатами, под машину тирана Брежнева⁹⁹; ищут теперь опоры «в конструктивных силах правящего слоя», то есть номенклатуры, не мучая себя вопросом — хочет ли она опоры на НТС. Но, по мне, программа любой партии, покуда она не у власти, гроша не стоит. Большевики нам не обещали ГУЛАГа и 66-ти миллионов жертв. И какая же партия не напишет на своем знамени что-нибудь приятное и возвышенное? Это ведь только морские пираты честно предупреждали о последствиях, поднимая черный флаг с черепом и костями. Нужно не в программу смотреть, а на то, каковы они сами.

<...>

Называют себя «духовными наследниками власовцев», «третьей силы», сражавшейся «против Сталина и Гитлера». Против Сталина — да, против Гитлера — тоже бесспорно, помогли восставшей Праге. Но не примут поздравлений с 9 мая — «это не наш праздник». Это как прийти на похороны и поздравить покойника с днем рождения. Почему ж так? Ведь все же — кончилась кровавейшая война, и одним вселенским злодеем, одним тоталитаризмом стало меньше на земле. А что другой укрепился при этом, расширил свои владения — да, печально, горестно, и, тем не менее, сознавая это, миллионы моих соотечественников отмечают в этот день *свою* победу, даже и те многие, кого не вытацишь на демонстрацию 7 ноября, действительно черный праздник России. Для «солидаристов», стремящихся задним числом «перевоевать» войну (в СССР тоже немало таких охотников, только с обратным знаком), это не довод. Их концепция войны проста, как помидор: весь народ встречал оккупантов хлебом-солью, и только немецкие зверства подогрели сопротивление, организованное чекистами. Отстаивали Москву и Сталинград, взламывали Курскую дугу и брали Берлин — «обманутые пропагандой». Толстовская «теплота патриотизма» — не из этого лексикона...

Вот странно: мое поколение, в большинстве с тяжелым военным детством, готово понять трагедию власовцев — стрелявших, между прочим, не в Сталина, а в наших отцов и братьев! — го-

тово и к Белому движению отнести непредвзято, даже сочувственно, но тщетно нам ждать ответной готовности — понять и другую сторону выбора. Трагедия генерала Свечина или командарма 2-й Конной Миронова, пусть и того же Тухачевского, трагедия 30-ти тысяч царских офицеров и генералов, пошедших служить в Красную Армию, — это не тема для размышлений, это закрыто, другие персонажи истории волнуют воображение «солидаристов». Вот читаю в № 2 «Посева» рецензию В. Ламздорфа, замечательную в своем роде, восстанавливающую добрую память — кого же? — генерала Охранного отделения Герасимова и провокатора Евно Азефа. Этот совсем душка был, выданных им — жалел, просил не вешать. «И постепенно читатель, — уверен наш рецензент, — проникается уважением к этому умному и храброму человеку, рисковавшему жизнью в течение долгих лет, чтобы удержать Россию от крайностей...» Ладно, это положительный герой, кто же — отрицательный? По В. Рыбакову (тот же «Посев» № 6), «сталинский кинематографический сатрап» (!) Михаил Ромм, автор «Обыкновенного фашизма», любимый учитель Андрея Тарковского, Василия Шукшина, человек, показавший нам пока что самый высокий пример самораскаiania. Отчего предпочтительней для «Посева» облик двойного агента, не берусь сказать, но нужно же было — дойти до апологии стукачества и виселицы для революционеров, о которой не могли молчать Толстой, Короленко, Куприн, Леонид Андреев! К 1000-летию Крещения Руси следует, видимо, ждать реабилитации попа Гапона. Да, наконец, и Павлика Морозова почему опять не восславить, ведь цель великую имел паренек, а к средствам, как нас убедил г-н Ламздорф, постепенно проникнутся уважением. Не вспомним ли знаменитое: все нравственно, что ведет к нашей победе. И начинай все сначала...

К счастью, ничего этого не случится. Не ждут их в России, и не так уж тянет их туда. Это попросту «участок работы», а могла быть Ангола или Камбоджа. А по склонности большинства людей преувеличивать значение своей деятельности, они тешат себя, что нынче НТС и популярнее в России, и многочисленнее, и лучше вооружен теоретически, чем были большевики в 1907–1908 годах, в «период шатания и разброда» (а что нет пока Льва

Давидовича Бронштейна-Троцкого и Владимира Ильича Ульянова-Ленина, так выдвинутся еще, возрастим в своем коллективе!). Их послушать, так вся Совдепия пронизана «молекулярной сетью», в тайном членстве состоят и рабочие, перекидывающие брошюрку «солидаристов» от станка к станку (живо представим себе: от сверлильного к токарному, а от него к фрезерному), и колхозники, ловящие листовку с неба и тут же вступающие «самоприемом» в НТС (понадеемся, что без помехи для посевной); есть даже целый город, так густо населенный энтээсовцами, что хоть завтра восстание поднимай (и не спросишь — какой же город? какой хотя бы области? это же дураку ясно — конспирация!). Многого тут хвачено через край, но для иных мозгов — хорошая пудра. И сами они, наверное, не врут, похваляясь, что деньги на их борьбу поступают из 19-ти стран. Потому-то, когда какой-нибудь Валентинов или Татьянин (публицисты из КГБ любят брать в псевдонимы имена своих жен) громит их в «Неделе» «Известий»¹⁰⁰, под рубрикой «За кулисами диверсии»¹⁰¹, это — именины сердца, в такие дни копировальный аппарат дымится от перегрева, ксерокопии перепархивают из комнаты в комнату, и виновники торжества, раскрасневшиеся от гордости, размахивают ими, как еще не привинченными орденами. Ведь это — сертификат, оправдание их работы, да и жизни самой. Все те же Ильф и Петров, «Союз Меча и Орала», бессмертные «Рога и копыта»!..

Говорят об инфильтрации НТС гебистами. Вероятно, не без этого; был случай, когда за моим другом в Москве, которого благополучно посетил курьер, тотчас после этого установили слежку. А он человек стрелянный, ошибиться не мог. Я попросил более никого к моим друзьям не посылать — и это мне тоже зачислили в «нелояльность». Но, сдается мне, и самый вопрос об инфильтрации становится как бы излишним: своя же новейшая установка «солидаристов» — пристроиться в ногу советской номенклатуре («конструктивные, нравственно положительные силы, действующие почти на всех уровнях власти») — набрасывает на них такую смирительную рубашку, какую не могло бы изобрести самое хитроумное управление Лубянки.

Я полагаю, единственная и бесспорная заслуга НТС, да и того же Е.Р. Романова, что в труднейших условиях они основали издательство и журналы, печатали наш художественный и публицистический Самиздат, многих из нас — и самых разных — в пору «похолодания» поддержали, не дали нам заглохнуть. Никогда не забывая об этом, я и пытался сделать «Грани» — и надеюсь, 10 выпущенных мною номеров доказывают мои усилия — центром, объединяющим российских авторов по цензу таланта и мысли, всех, имеющих что сказать, независимо от партийных влечений и установок. Этого хозяева НТС не потеряли. Своей кастовой природы наши «солидаристы» преодолеть не смогли. «В области духа и идей...— помните? — интересов нет». И поскольку это так, политически они — битая карта. Никаких надежд Россия с ними связывать не может.

К счастью, и «Грани» и «Посев» — давно не единственное, и даже не основное, прибежище свободной литературы. Поэтому вынужденный мой уход — ни для меня не трагедия, ни для моих авторов. Но надвигающуюся трагедию самого НТС вскоре придется ему осознать.

12 июня 1986 г. Нидернхаузен, Зап. Германия

И.Н. АНДРУШКЕВИЧ

Политические зигзаги в исторической перспективе

(«Наша страна». 1987. 5 сентября)

«Наша страна» (Буэнос-Айрес, 1948 — издание продолжается). В 1984 г. имела подзаголовок: «Русская монархическая еженедельная газета. Основана И.Л. Солоневичем». Девиз газеты: «После падения большевизма только царь спасет Россию от нового партийного рабства».

Игорь Николаевич Андрушкевич (р. 1927) — журналист, политолог, редактор. Сын полковника царской армии, издававшего в начале 1920-х годов во Владивостоке сатирическую газету «Блоха». В 1950-е годы учился на журналистском и философском факультетах в Буэнос-Айресе, начиная с 1970 г. — сотрудник газеты «Наша страна». Писал политические обзоры, вел колонки «Быль и суть», «Мысли вслух», «Политический калейдоскоп». С 1982 г. — член редакционной коллегии, автор более 200 передовых статей, подписанных как его именем, так и псевдонимами. С конца июля 1995 г. прекратил сотрудничество с этой газетой. Передовая статья «Политические зигзаги...», напечатанная под псевдонимом Н. Александров, образец стиля и политического мышления И.Н. Андрушкевича.

Объективный анализ происходящих в настоящее время в Советском Союзе процессов никак не может быть ограничен разбором настоящего, с ссылками на прошлое. Перспективы на будущее играют тоже немаловажную — а может быть и важнейшую — роль в определении настоящего смысла сегодняшних процессов.

Вся так называемая «горбачевская политика» может получить совершенно разные окраски, в зависимости от того, частью какой проекции на будущее она является. В этом отношении, в основном, могут быть две альтернативы:

1. Проводимые реформы являются осторожным и постепенным демонтажем социалистической системы, своего рода «спуском на тормозах». Суперноменклатура, или какая-то ее ведущая часть, убедилась в невозможности спасения социализма, и пришла к решению, что нет выхода из положения без отказа от него. Однако, из боязни перед неконтролируемыми процессами, в своем ускорении могущими привести к опасным катаклизмам, этот отказ должен происходить постепенно, и, самое главное, с засекреченными конечными целями. Лишь достигнув на каком-то определенном этапе этих реформ их необратимости, и одновременно нового «статус-кво», можно будет открыто объявить

об отказе от системы, без риска опасных реакций со стороны тех или иных приверженцев прежнего «статус-кво». Конечно, и в этом случае такой отказ от системы можно будет — в согласии с давно репетируемой техникой — диалектически объяснить как раз достижением целей, когда-то поставленных социализмом (например, достижением нового бесклассового общества), и, в соответствии с этим, объявить «переход на качественно новый исторический этап».

2. Проводимые реформы являются всего лишь вынужденными мероприятиями по необходимому ремонту системы, как раз для ее спасения. Если эти реформы и являются «спуском на тормозах», то это лишь временный и чисто тактический спуск, без отказа от стратегической цели сохранения во что бы то ни стало социалистической системы. Вернее, это не спуск, а всего лишь «шаг назад», для того, чтобы можно было когда-то в будущем снова сделать необходимые «шаги вперед», в сторону утверждения системы. Однако, при этом нельзя упускать из виду медузообразную бесхребетность социалистической системы: не имея окончательно оформленного определения, эта система способна постоянно меняться, как по форме, так и частично по содержанию, сохраняя лишь неизменными свои последствия. Так что, в процессе движения «шаг назад, два шага вперед», даже могут быть выброшены за борт те или иные временные проявления системы, как это уже делалось не раз. Именно в этом состоит затруднение правильно определить частичные самоликвидации системы: отрешаясь от своего хвоста, ящерица еще не занимается «демонтажем».

Эти две выше намеченные, теоретически возможные проекции «горбачевской политики» зависят от трех групп обуславливающих обстоятельств: от природы и внутренней сути самой системы, от субъективных качеств и положения ее носителей и от объективной «окружающей среды» на этом историческом этапе.

Что касается самой системы, на основании всей ее предыдущей траектории, логично предполагать ее неперерождаемость (то есть ее «неэволюционность»). С этой стороны, значит, первая

проекция отпадает. Однако, абсолютная «неэволюционность» неизбежно ведет к окончательному краху. В этом заключается диалектическое противоречие, присущее социалистической системе, которое так или иначе приведет к гибели.

В тенетах этого диалектического противоречия и бьются суперноменклатура и вероятно сам Горбачев (простая номенклатура — вряд ли: она занята более непосредственными проблемами). Никто не знает, может ли или не может Горбачев перешагнуть в глубине своего сознания (или подсознания) рубикон в сторону первой альтернативы, то есть в сторону демонтажа, а не ремонта, системы. Теоретически допустима возможность соскальзывания из второй альтернативы (ремонта) в первую (демонтажа), как самого Горбачева, так и суперноменклатуры, или какой-то ее части. Таким образом, даже сегодняшний опцион в пользу ремонта, может — при некоторых обстоятельствах — превратиться в опцион в пользу демонтажа, если такое превращение окажется по ходу исторических процессов опционом для избежания гибели самой власти.

Тут мы подходим к третьей группе обуславливающих обстоятельств: объективное положение на данном историческом этапе. Это объективное положение можно свести к двум основным тенденциям: дальнейшая невыносимость для нашей страны и для ее населения экономического застоя и даже развала, и достижение критической точки сопротивления самого населения и его просвещенной части в защиту основных ценностей нашей исторической культуры.

Причем, эти две тенденции на самом деле являются лишь двумя выражениями одной и той же действительности. Даже чисто экономическая и материальная часть каждой культуры тесно связана с ее мировоззренческими ценностями. Нарушение последних неизбежно ведет к ущербу и в области материальной жизни.

В конечном итоге, все возможные проекции дальнейшей политической линии современной советской власти неизбежно вписываются в уходящие вдаль перспективы дальнейших исторических судеб нашей страны. С этой точки зрения, дальнейшее

будущее определяется не только субъективно самой властью, на данном этапе еще могущей выбирать те или иные варианты политической проекции на ближайшее будущее, но и дальнейшим развитием объективных исторических процессов.

Дальнейшее будущее зависит не только от проекции на ближайшее будущее, но и от наличия возможных альтернативных моделей для выхода из этих предварительных проекций. Потому что ни одна из двух вышеупомянутых проекций (демонтажа и ремонта) не является сама по себе ответом на будущее. Это всего лишь разные пути подхода к этому дальнейшему будущему. Причем, один из этих путей в действительности является тупиком, так как все попытки ремонта системы являются лишь блужданием в порочном круге, блужданием, которое когда-то закончится крахом. Так что, путем «демонтажа», или путем «краха», все равно когда-то наступит момент начала «послесоциалистической» эпохи. Это и будет моментом, когда неукоснительно придется выбирать какую-то новую историческую модель, на смену ушедшей в прошлое модели социалистической.

Между прочим, этот момент потенциально уже наступил. Исторические узловые моменты нельзя свести к хронологическим моментам. Хронологические моменты являются лишь внешним проявлением этих исторических узловых моментов и в действительности отбрасывают свою тень не только вперед, но и назад. Задолго до исторических переломов их контуры уже вырисовываются на горизонте, как бы маня к себе. Так что, те выборы, которые приходится неукоснительно делать в такие переломные моменты, по существу начинают делаться задолго до этого. Больше того, в самом процессе такого развивающегося выбора, частично предрешаются не только окончательный выбор, но и хронологический момент его исторической кристаллизации.

В конкретном случае нашей страны, такой процесс развивающегося выбора на первый взгляд представляется не только чрезвычайно трудным, но и опасным. Действительно, налицо нет под рукой готовой (хотя бы в общих контурах) модели на будущее. Если сделать беглый инвентарь имеющихся готовых моделей, то окажется, что налицо всего четыре такие модели:

1. Современная социалистическая модель навязанная нашей стране; 2. Современная западная капиталистическая модель так называемого «первого мира»; 3. Современные гибридные модели «третьего мира»; 4. Непосредственная предыдущая дореволюционная модель нашей страны. Конечно, это лишь весьма упрощенный перечень этих моделей, так как можно указать, например, что социалистическая модель является в свою очередь лишь ответвлением западной модели. Также можно было бы вспомнить и другие западные модели, корпоративного типа, которые в действительности являются в свою очередь ответвлениями социалистической модели. Да и гибридные модели «третьего мира», как и некоторые попытки создания таких гибридных моделей в русской эмиграции, тоже можно отнести к вариациям механических смесей западных моделей капитализма и социализма, с добавлением некоторых «фольклорных» элементов.

Определяющим моментом в процессе развивающегося выбора будущей после социалистической модели для нашей страны является соборное сознание, еще не выявленное достаточно ясно, что после отметания первой (социалистической) модели, следующие две модели тоже органически не подходят для нас. (Что отнюдь не должно помешать возможности применения тех или иных их составных элементов.) Последняя из перечисленных моделей, наша дореволюционная модель, тоже невозможна. Не только потому, что прошлое невозможно реставрировать, но и потому что в последнем этапе этого прошлого были вкраплены такие элементы, которые и привели к нашей катастрофе и которые на будущее необходимо полностью избегать.

Таким образом, остается лишь одна возможность: творческого создания собственной модели на будущее. Конечно, это труднее и сложнее, чем выбрать уже готовую модель, но, одновременно, это по существу гораздо лучше. Такое положение сильно напоминает аналогичные проблемы при преодолении Смутного Времени в 1613 году. На «Совете всея земли» тогда тоже пришлось: 1. Сперва полностью отместить иностранные альтернативы, которые до этого долго муссировались; 2. Творчески создать новые альтернативы, при соблюдении мудрейшего правила: мак-

симального возврата на нашу исконную историческую почву, с максимально возможным сохранением наших преемственных, исторических корней. Таким образом, будущая модель для нашей страны должна явиться органическим развитием всех ее предыдущих моделей, начиная с Киевско-Новгородской Руси, и быть одновременно преодолением всех других сегодня существующих моделей. Преодолением, в смысле исторического прогресса и усовершенствования. Для этого у нас имеется существенное преимущество: наша еще живая великая духовная культура, исходя из коренных начал которой легко будет найти правильную ориентацию для нашего будущего.

Ю.М. КУБЛАНОВСКИЙ

Юбилейный «Вестник РХД»

(«Русская мысль». 1988. 5 августа)

Юрий Михайлович Кублановский (р. 1947) — поэт, публицист. В 1975 г. самиздат опубликовал его письмо «Ко всем нам» в связи с двухлетием высылки А.И. Солженицына. После этого печатался как поэт в изданиях Русского зарубежья. В 1982 г. вынужден был уехать из России. В Париже работал в газете «Русская мысль». Полемические материалы печатал и в журнале «Посев». На радио «Свобода» вел передачу о русской литературе «Вера и слово». В 1989 г. его имя вернулось в московскую периодику.

В обзоре юбилейного номера «Вестника РХД» он достойно продолжил ценную традицию медиакритики в журналистике Русского зарубежья, впрочем, известную еще по дореволюционной периодике и изданиям Москвы и Петрограда—Ленинграда 1920-х годов.

Первый в этом году, 152-й номер «Вестника РХД», естественно, юбилейный, — посвящен Тысячелетию Крещения Руси.

Тысячу лет назад — с принятием от Византии православия (напомним, однако, что христианский мир формально еще разделен не был, Владимир принимал и латинян «с любовью и честью») зародилось новое православное царство — одно из наиболее значительных и колоритных духовных и социальных образований в истории человечества. «Россия, — пишет в редакторском предисловии к “Вестнику” Н. Струве, — с православием сроднилась и без него немислима. Нельзя не изумляться, сквозь века, сиянию русской святости /.../ но не менее — и сиянию русской православной культуры от митр. Илариона Киевского и Владимира Мономаха — до о. Павла Флоренского, Ахматовой и Солженицына».

Дошедшие до наших времен вещественные свидетельства говорят, что в первые века христианства на Руси люди жили в ощущении откровения свыше. Возник новый духовный тип, каких до этого не бывало: православный христианин, чье мироощущение оказалось пропитанным специфическим религиозным лиризмом, мужеством — но некоего архангельского порядка. Это и поныне зримо являет архитектура до татарского ига: через века к нам явственно дошла ее светоносность. Вышеупомянутое мироощущение вошло во все сословия, пронизало толщу народную — отсюда и феномен не только русской святости, но и мученичества XX века — залога победы христианства в будущей выздоровевшей России.

Статья московского религиозного культуролога Виктора Аксючица «70 лет вавилонского пленения. К судьбам Русской Церкви» кардинально ставит вопрос о трагедии Церкви (и всего православия) после установления у нас в отечестве тоталитарной атеистической диктатуры. По Аксючицу, случившееся с Россией есть не просто «очередная» в истории социальная катастрофа. По его мнению, «коммунистический атеизм» носит отрицательно метафизический и, в общем, inferнальный характер. Но понято это было не сразу. Верно, замечает Аксючиц, что «в посланиях патриарха Тихона 1918 г. анафематствуются совершающие насилия и убийства, оскверняющие святыни, посягающие на церковное имущество. Но в них нет разоблачения

природы атеистической идеологии как таковой, нет и квалификации сущности коммунистической власти /.../ Это всеобщее недопонимание природы коммунизма и было решающей причиной того, что духовные силы России оказались ослабленными, раздробленными и разгромленными поочередно». Аксючиц трезво смотрит на коллаборацию московских иерархов с режимом, он не ищет им умозрительных оправданий. И тем не менее: «Духовное преображение России может начаться только в духовном центре национальной души — русском Православии, русской Церкви». Но — «истина Православия хранится не в Московской Патриархии или Катакомбах, не в Американской, Европейской или Карловацкой Церквях. Полнота истины Русской Церкви — в соборном единстве всех ее членов».

В вышеприведенных словах есть еще и подспудный (и не впервой прозвучавший) упрек и нашему эмигрантскому церковному бытию — из России. Длительное разделение русских Церквей в Зарубежье — прискорбно и непростительно. А ведь оно не только «формально»; уже и на уровне едва ль не подсознательном существуют неприязнь и отчуждение. Так мы обкрадываем не только Мать-Церковь, обкрадываем — себя, свою «христианку-душу».

Вот почему столь отрадно, что на анкету «Вестника» по поводу Тысячелетия Крещения Руси отвечают на страницах журнала священники и миряне разных юрисдикций, уже в этом есть как бы чаемое преодоление разделения. И на вопрос: «Какой период русской Церкви Вам наиболее близок?» — о. Николай Артемов (Мюнхен) отвечает: «Вот теперешний, который ощущается как какое-то умирание и вместе с тем зарождение. А при взгляде назад — вся Святая Русь /.../. Надо вращаться церковно в подвиг мучеников и исповедников /.../ А из писателей чувствую в свете Православия, в творческой ответственности: Достоевского и Солженицына. И у обоих рост. Дай Господи второму из них довести дело до намеченного конца».

Михаил Назаров не напрасно вспоминает в анкете недооцененную и чуть ли не освистанную в свое время книгу И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою», — духовная расслабленность противоречит духу Евангелия.

Одним из центральных и даже сенсационных материалов «Вестника» № 152 представляется сплетка впервые публикуемых писем отца Павла Флоренского из тюрем и лагерей — начиная с 23 мая 1933 года (из внутренней тюрьмы на Лубянке), а последнее — от 4 июня 37-го с Соловков, за полгода до смерти. Ибо официальная советская дата его гибели (за которую в СССР с упорством держатся) — 1943 года — очевидно, лживая. Внук о. Павла — московский геолог П.В. Флоренский на симпозиуме памяти его деда в Бергамо (январь 1988) объявил, что «о. Павел Флоренский был, по-видимому, расстрелян или потоплен на барже в начале 1938 года, когда Соловецкий лагерь был расформирован». (Соловецкие острова отдали тогда под военную базу и так наз. «Школу юнг» — морское училище для несовершеннолетних.)

Осужденный на 10 лет лагерей, Флоренский сначала попадает в Бамлаг. Чувствуется, что следствие его не сломило. «Предомно вырисовываются большие задачи по экономике местного края», «Начинаю большие работы по изучению физики мерзлоты», «На днях начну преподавание латинского языка», «Думаю написать книгу о мерзлоте» (зима 33/34 гг.). О том, что среди эков были у Флоренского тогда достойные собеседники, свидетельствует фраза из письма от 3.3.1934, когда до концлагеря дошла весть о кончине Андрея Белого: «Все это время мы, т.е. несколько человек, знающих и ценящих поэзию, много вспоминали Андрея Белого /.../ Я даже доволен, что не встречался с ним в последние годы, бывшие для него годами упадка, болезни и старения /.../ Вот, значит, порвалась еще одна нить, связывающая меня с годами юности».

Но ГУЛаг добивал великого человека с характерным, безжалостным постоянством. В Кеми (13.10.1934), — пишет Флоренский, — «был ограблен в лагере при вооруженном нападении и сидел под тремя топорами, но спасся, хотя лишился вещей и денег». И в марте 36-го: «Дело моей жизни разрушено /.../ Достаточно знаю историю и исторический ход развития мысли, чтобы предвидеть то время, когда станут искать отдельные обломки разрушенного. Однако меня это отнюдь не радует, а скорее до-

садует: ненавистна человеческая глупость, длаящаяся от начала истории и вероятно намеревающаяся идти до конца ее...»

Сбылось пророчество: и вот мы с жадностью ищем «обломки» наследия гениального о. Павла, а глупость человеческая идет своим чередом.

Юбилейный «Вестник» отказался на этот раз от литературного раздела, зато вдвойне богат отдел «Материалы к истории русской культуры», где публикации С.И. Фуделя, кн. Е. Трубецкого, В.В. Розанова, С.А. Аскольдова. Судя по «Вестнику», можно подумать, что духовное наследие наше и впрямь неисчерпаемо: в каждом номере — новые интересные публикации. Споры Трубецкого с Соловьевым о католичестве и православии, реплика С.А. Аскольдова на «Темный лик» Розанова — казалось бы, далекая история нашей погребенной за столько десятилетий культуры. Но и теперь все это злободневно, притягательно и свежо. Может быть, потому, что диктовавшие эти тексты творческие энергии не погасли, они живы и посегодняя, и русской культуре будущего обойтись без них невозможно. Каждый такой духовный «обломок» — кремень, дающий при соприкосновении искру.

Наследие С.И. Фуделя, например, еще практически не известно. Много лет назад в Москве читал я ветхие пожелтые самиздатовские страницы его книги о Достоевском. Публикуемая «Вестником» глава «Явление Христа в современности» — из этой книги, которая скоро выходит в ИМКА-Пресс. Фудель отвергает шестовское прочтение Достоевского как писателя, чьи положительные образы бесплотны и нарочиты, доказывает христианскую мощь именно его положительных персонажей. Понимание Шестова (впрочем, как и Мережковского) привязано к девятисотым и десятым годам, понимание Фуделя же откорректировано позднейшей духовностью.

Одно из последних эссе номера — статья Вл. Зелинского (Москва) «Покаяние — на улице Варлама». Оно из московского самиздатовского религиозного альманаха «Выбор» (к июлю этого года вышло четыре номера. Отдавая должное мастерству нашумевшего фильма, Зелинский глядит более глубоко: «Искусство покаяния, достигнутое здесь, в целом отвечает тому его

уровню, который требуется от покаяния на сегодняшний день. Оно — часть перестройки. Оно входит в ее истэблишмент /.../ Литература и кино, соревнуясь друг с другом, пускаются на розыски горькой исторической правды. И потерпят, боюсь, неудачу. Как она разыскивается, эта правда, можем мы судить хотя бы по “Детям Арбата” А. Рыбакова». Зелинский уверен в, так сказать, «онтологических» корнях зла, которое теперь повсеместно инфантильно списывают, например, на «злого дядю» Сталина. О том, что это так, свидетельствует и недавняя полемика со статьей Кожинова «Правда и истина» («Наш современник». № 4), за которую вступился Шафаревич¹⁰², но на робкую попытку взглянуть глубинные корни сталинизма набросились рыцари перестройки — Лакшин, Рассадин, Рой Медведев и проч.

И прав Зелинский, отвергая флер поверхностной религиозности, ставшей едва ль не хорошим тоном: «Оставаясь всецело в рамках прежней, т.е. варламовой идеологической системы¹⁰³ с ее ценностями, функциями и худсоветом, которых пока никто не отменял, искусство в наши дни все чаще ищет не там, “где лучше”, а там, “где глубже”, а из страны прекрасного открывается выход в страну религиозного. Можно было бы только приветствовать эту открытость, если бы художник в своем поиске не принимал его за нечто самодовлеющее и ценное само по себе, если бы, прибегая время от времени к языку веры, он бы дорожил прежде всего ее истиной, а не эстетической привлекательностью. Поначалу это по-своему завораживает, но потом постепенно возникает ощущение, что здесь нас то ли пугают, то ли развлекают, то ли водят за нос».

И для того, чтобы у потомков наших не сложилось от культуры этой оттепели именно ощущения, что водят за нос (самого унижительного для искусства), — необходимо не только бескомпромиссно искать правду на ее глубинном, а не поверхностном уровне, но и методично углублять собственное мироощущение: это никогда не поздно, и в 40, и в 50. А то читаешь даже и самые прогрессивные статьи и эссе нынешней оттепельной поры, вглядываешься в ее достижения и поражаешься повсеместной наивности — мировоззренческой, исторической и духовной.

Вот почему столь необходим «Вестник». Он не только напоминает нам о прежнем уровне русской культуры, но и способствует повышению нашей.

И.А. ИЛОВАЙСКАЯ

К 20-летию «нормализации» Чехословакии

(«Русская мысль». 1988. 19 августа)

Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти (1924 — 2000) — общественная деятельница, журналистка, редактор. Жена итальянского дипломата Э. Джорджи-Альберти. После кончины мужа, с 1976 г. стала одной из сотрудниц А.И. Солженицына. С конца 1979 г. — главный редактор газеты «Русская мысль». В июне 1999 г. на Международном конгрессе русской прессы получила благодарность президента Б.Н. Ельцина за «большой вклад в развитие русской прессы за рубежом».

В 1980-е годы «Русская мысль» публикует, как и в предыдущий период, много материалов о положении инакомыслящих в СССР, о правозащитном движении, выступает за освобождение политических заключенных, протестует против войны в Афганистане. Обращение к истории, в том числе и недавней, служило той же цели — критике советской внешней и внутренней политики. При этом, как ясно из публикуемого текста, редактор не теряла надежды на эволюцию политических взглядов новых советских руководителей.

20 лет тому назад свободный мир был потрясен известием о вступлении в Чехословакию советских вооруженных сил, ради коммунистического приличия — совместно с небольшими отрядами государств, входящих в состав Варшавского договора, всех, кроме Румынии. В течение нескольких месяцев до этого тот же свободный мир с затаенным дыханием и искренней радостью следил за развитием того, что принято было называть «пражской

весной»: за попыткой возврата высокоцивилизованной и глубоко демократической страны, какой была Чехословакия до ее порабощения коммунистической тиранией, к своей собственной, не фальсифицированной и не навязанной извне исторической и культурной традиции. А также за попытками спасти экономику когда-то богатой страны, пользовавшейся всеобщим уважением за прекрасную культуру труда. Двадцать лет коммунистического тоталитаризма — с 1948 года, когда организован был переворот, положивший конец полусвободе, которую Чехословакия сохраняла после Второй мировой войны, — разрушили экономическое благополучие и подорвали работоспособность страны. Сознание, что дело обстоит именно так, изначально толкнуло и партийных руководителей Чехословакии на поиски выхода из тупика.

Ожидание тогда было трепетным и страстным, потому что мирная эмансипация Чехословакии могла означать начало преобразования коммунизма в нечто не обязательно агрессивное, не обязательно подрывное и вражеское, а следовательно — освободить мир от страха, с которым он жил много лет и от которого очень хотел избавиться, да притом так, чтобы это произошло само собой. А тем, кто жаждал сохранить мечту о рае на земле и о возможности его реализации через введение коммунизма, открывавшаяся перспектива казалась особенно заманчивой. Неудивительно, что компартий, строивших тогда свою политическую акцию на взращивании и пестовании этой мечты у народных масс, — как, например, у итальянской компартии, — советское вторжение в Чехословакию вызвало сильное раздражение.

Действительно, это было очень глупым решением с точки зрения политических интересов советского руководства и мирового коммунистического движения. По-человечески же оно было преступным; оно нарушало все законы и соглашения, на которых было основано мирное существование человеческого общества. Как таковое, оно вписывалось в длинный ряд подобных преступлений, которыми унижена советская история с 1917 года. Сейчас совершается отчаянная попытка свалить всю ответственность на Сталина и только его время признать запятанным преступле-

ниями; это тоже необходимо в целях спасения коммунизма, но не соответствует исторической правде.

В наши дни советские руководители поняли беспросветную глупость прошлого (поняли ли они его преступность, и если да, то какую заняли по отношению к ней позицию, — пока не ясно); инстинкт самосохранения толкает их на то, чтобы от нее избавиться. Потому, вероятно, прав Вацлав Гавел, считающий что Горбачев и его сотрудники приветствовали бы какую-то долю «перестройки» в Чехословакии. Если они надеются, что ее плодом может стать возобновление традиционной чехословацкой продуктивности, то это вполне логично.

Пример Югославии и Венгрии должен был показать, что немножко свободы, *гласность* в «законных» пределах нисколько не умаляет полноты власти единой партии. Те же примеры показывают, однако, что выход из экономического кризиса не так просто найти, если не изменить сами основы экономического устройства страны, что неизбежно повлечет за собой хотя бы некоторые политические изменения. А это уже гораздо более трудно допустимая и приемлемая гипотеза для людей, посадивших себя в идеологическую клетку.

Любое, даже ограниченное и строго целенаправленное расширение пространства свободы можно только приветствовать, в расчете на то, что ему присуща сила саморазмножения — особенно в тех странах, где уже существует традиция свободы и демократии, и память о них в генах народа еще не исчезла. На это надеется Вацлав Гавел в статье, которую мы публикуем¹⁰⁴; мы знаем, что такие надежды живут во многих из поработанных Советским Союзом стран, — и не можем не понимать их, хотя подчас они представляются нам несколько наивными и чересчур оптимистическими: советское руководство все еще не любит, чтобы ставилась под вопрос неприкосновенность и мощь империи. А до какой степени оно способно умнеть под влиянием экономического кризиса, с которым не справляется, — знать не дано и угадать трудно.

Бесспорными остаются мысли, оценки, воспоминания в человеческом масштабе и измерении. Неиссякаемое и нерушимое

стремление к свободе человека и наций, которое проявилось в Чехословакии в тот 1968 год и остается живым по наши дни, несмотря на вторжение, на преследования, репрессии и постоянную угрозу, — то, что заставляет вспоминать «пражскую весну» с благодарностью и благоговением. С теми же чувствами вспоминаем мы ту — нелепую, смешную с точки зрения политики и государственной мощи — демонстрацию по Красной площади, 25 августа 1968 года, во время которой семь абсолютно беспомощных людей¹⁰⁵ с живой совестью во всеуслышание сказали, что вторжение в Чехословакию — позор, преступление, грех.

Надежда, на самом деле, возможна ведь не из-за поумнения советских руководителей, которых схватила за горло страшная разруха страны, а из-за того, что бывали такие всплески и не вымирала способность на них даже после самого жестокого поражения. Вацлав Гавел говорит о пассивности, о чувстве обреченности народа после подавления «пражской весны». «Хартия-77» существует, и десятки тысяч людей в Чехословакии борются за религиозную свободу. Казалось бы, после того, что выпало на долю народам, живущим на территории Советского Союза, — первому по времени и, вероятно, по жестокости преследования народу русскому — там вообще не должно было бы оставаться и помысла о свободе, тем более — о свободе других; понимания, что свобода неделима. Но история советского периода богата этими удивительными проявлениями духа. В наши дни думается, что «сумасшедшие диссиденты, лезшие на рожон», вообще-то сохранили для людей Советского Союза и для очень многих других само понятие свободы. Поумневшее советское руководство не знало бы, пожалуй, какую милость «бросать» народу, чтобы разбудить его и задобрить, если бы долгими годами, ценой потери свободы и даже жизни, не подсказывали ему это люди доброй воли и большого мужества.

Беда в том, что советские руководители во многом поняли букву, но пока не могут понять духа, а с буквой думают играть. Предстоит еще долгий и трудный путь борьбы за свободу. Чехословакия 1968 года была на нем вехой.

Год скорбного торжества

(«Континент». 1988. № 58)

Николай Александрович Тюльпинов (р. 1940) — журналист, литературный критик. Работал в районных газетах Урала и Горьковской (ныне Нижегородской) области. После окончания Литературного института им. М. Горького — сотрудник «Литературной газеты» и журнала «Советская литература» на иностранных языках. В 1980-е годы жил в Париже.

Год на излете. Год с такой магической цифрой в своем числе («88») — необычный в российской истории.

Кому как (утверждать не берусь), но мне кажется, что не только в России, а и во всех уголках земного шара чувствовалась необычность этого года. Событие, которое произошло, известно всем. Оно отмечалось всем мировым обществом, хотя оно вроде бы не вселенского масштаба. Вроде бы и серьезных последствий оно не несет не только для всего человечества, но и в масштабах страны, однако его отголоски разносились по всему свету.

При всей значимости этого события, оно на самом деле находилось как бы в тени других событий, более ярких, более броских, более плакатных.

Перечислим хотя бы некоторые из них.

Начало вывода советских войск из Афганистана; освобождение Матиуса Руста; волнения в Армении и в Нагорном Карабахе; сенсационные выступления советской прессы за издание книг и возвращение Солженицына на родину и т.д., и т.п. Вести о них подхватывались средствами массовой информации и находили во всем мире отзвук. Одним из тех событий было и то, о котором мы говорим: 1000-летие Крещения Руси.

Надо сказать, что его приближения советское руководство ожидало с нервозностью, иногда с раздражением. И это понятно: обойти юбилей молчанием было невозможно. Но и отмечать с

размахом, с пышностью, с помпой, привычной для других, гораздо, конечно, более скромных юбилеев, нельзя: против убеждений, против идеологических установок. Вот тогда-то, еще за несколько лет до юбилея, выполз из недр идеологических лабораторий новый термин: принятие христианства.

Вроде бы и то же самое, что Крещение, а вместе с тем не то же самое. Принятие — что-то, как будто если и не насильственное, то и не совсем добровольное. Это во-первых. А во-вторых, принятие — это что-то вроде политического акта ничего общего с духовной жизнью не имеющего. Вроде как ратификация какого-нибудь договора.

Но и еще и другое слово было пущено в ход: введение христианства.

Это что же такое? Введение войск? Введение военного или чрезвычайного положения? Введение комендантского часа? Новая регламентация жизни?

Как назвать, как будто особого значения не имеет. Но в данном случае совершенно очевидно желание приуменьшить значение исторической даты, умалить ее; налицо попытка извратить самый смысл события и переукрасить, перелицевать. Точнее: лишить его всякого смысла.

Но событие было. Событие произошло. От него никуда не деться, никуда не уйти. Юбилей приближался, и власть предержащие должны были повернуться к нему лицом. Хотелось это им или не хотелось, но они вынуждены были по крайней мере создать видимость заинтересованности или даже — участия.

Живые нервы теле-, радио- и прочих коммуникаций разносили из Москвы благие вести о подготовке к празднованию и о праздновании — о том, что по советскому телевидению транслировалась Пасхальная заутреня (пусть и глубокой ночью, скрытно от телезрителей, но все же — впервые!); о том, сколько гостей съехалось, кто приехал на торжества и как торжества проходили. По многим странам Европы разъезжал (не сказать же — гастролировал) хор Троице-Сергиевой Лавры. Но что более всего поразительно, так это то, что на страницах советской прессы стали появляться выступления священнослужителей. Почему более

всего поразительно? Да потому, что раньше это было немыслимо. Потому что раньше немыслимым было, чтобы на газетной или журнальной странице появилось изображение церкви с крестами. Если это по недосмотру случилось, виновнику грозили немалые неприятности.

Не в столь стародавние времена верующему в СССР надо было скрывать, что он верующий. Да и вовсе даже не в столь давние, а в совсем свежие и очень хорошо нам известные.

Теперь, как видно, положение резко изменилось.

Пожилая женщина, как пишет в одном из летних номеров американский журнал «Тайм», говорит корреспонденту: «Я больше не боюсь признаваться людям, что я христианка». И, как живописует корреспондент, «слезы хлынули у нее по щекам». «Молодая мать, — умилительно рассказывает корреспондент о своей другой встрече на пути в Загорск, — держит за руки двух своих ребятишек и замечает: — Я надеюсь, что они будут носить крестики с гордостью».

Нет сомнения в том, что празднование Тысячелетия всколыхнуло Россию, однако жизнь, действительность не располагает к сентиментальности, не располагает к романтическим настроениям. При всем стремлении советского правительства дать видимость того, что этому событию придается в СССР подобающее значение, создать видимость заинтересованности, участия, заботы о верующих и нуждах Церкви, создать впечатление терпимости к вере, оно ждало юбилея с приличествующим нетерпением, которое выдавало подлинные настроения: поскорее бы отпраздновать да и забыть!

Мы стали свидетелями рукопожатия в Кремле — рукопожатия богоборческой власти и Церкви. Мы были свидетелями невиданного собрания духовенства в Большом Театре. Государство вернуло Данилов монастырь, вернуло Оптину пустынь, вернуло Валаам, вернуло обитель на Соловках, вернуло Толгскую обитель на Валдае. Можно воскликнуть: какая щедрость! Но задумаемся: по сути, ведь оно, государство, бросило под ноги Церкви поруганные, растерзанные и оскверненные святыни. Да притом лишь малую толику того, что Церкви принадлежало и

было отнято. Главное же — веру, поруганную, оскверненную, растерзанную и разрушенную, отнятую у народа, оно вернуть не в состоянии. Да даже если бы это было и в его власти, оно легло бы костями, все сделало для того, чтобы вера на русскую землю не возвращалась.

Наступила видимость мира. По крайней мере — перемирия.

Хорошо это или плохо? Разумеется, хорошо, и любой в подтверждение, что это хорошо, приведет известную поговорку о том, что худой мир лучше доброй ссоры. Но скажите, отчего это в самый разгар торжеств врываются тревожные чувства и настроения? Не оттого ли, что «братание братанием», но мы-то знаем, что за тем «братанием»? Мы-то знаем, чего стоит заигрывание власть предержащих с Церковью. Мы-то знаем, что ни на одну минуту власть предержащие не забывают о своих целях — уничтожении Церкви, искоренении веры. Мы-то знаем, что видимые послабления сопровождаются прежним упорством и натиском на религию и веру — только способами более скрытыми, а потому и более коварными. Мы-то знаем, что главной задачей власти последних десятилетий было загнать деятельность Церкви за церковную ограду, уж если веру и религию не удалось до конца искоренить. Мы-то знаем, что видимость послаблений ничего не стоит. Мы знаем, наконец, и то, что кровью мучеников за Христа отстояла Церковь свою жизнь и свое бытование на русской земле. Не благодаря благосклонности и терпимости власти, а как раз наоборот, вопреки ее ожесточению, злобе, вероломству и насилию.

Но каков спрос с власти, по природе своей атеистической, богоборческой? Ее политика в отношении к Церкви понятна. Если не оправдана, то, во всяком случае, объяснима. А политика самой Церкви? Духовенства? Религиозных деятелей?

Начать с главного: где, скажите, есть такая армия, которая в час торжества не почтила бы память своих павших воинов, чьей кровью и жизнью удалось одержать победу? Где найдете вы таких полководцев, которые в победных торжественных речах не нашли бы слова благодарности к своим героям, павшим и живым? Духовенство Русской Православной Церкви посещает могилы и

неизвестных и известных солдат, погибших в годы войны, возлагает венки, почтительно склоняет головы перед их памятью. И это, конечно, возвышенно и прекрасно: никто не собирается этого отрицать. Но известен ли вам хотя бы один случай, чтобы духовенство почтило память своих воинов — страдальцев за Христа, исповедников веры, того сонма новомучеников российских, чьей кровью утвердилась и выстояла Церковь? Известно ли вам, чтобы с амвона были вознесены молитвы за них, этих воинов, и к ним? Известно ли вам выступление Церкви в защиту гонимых? Скорее, наоборот: известны выступления в защиту и в оправдание гонителей и против гонимых. Известно, что архиереи приносили клятвенные заверения в том, что в Советском Союзе нет гонений на веру и проч.

Смысл евангельской заповеди о необходимости повиновения земным властям обратился в прямую противоположность: повиновения богоборческой власти. Божественная заповедь обернулась против Бога? Возможно ли это? Согласимся: невозможно. И, тем не менее, в практической повседневной жизни сплошь да рядом мы сталкиваемся с тем, что церковная иерархия охотнее всего стремится угодить земным властям, нежели Богу.

Вам со стороны, конечно, легко судить! — Таким возражением можно ответить на обвинения церковной иерархии за ее сотрудничество с богоборческой властью. Но мы подчеркнем: так это выглядит внешне, без учета скорбей и борений, глубоко внутренних, скрытых за блеском торжества богоборческой власти над Церковью. Церковь — пленница. Внешне она унижена и угнетена, однако это вовсе не означает, что в узах пленения и внешнего рабства она побеждена. Не побеждена, уж если на земле, где должна была бы выветриться даже память о Церкви, каждый день люд православный поет перед иконами: «Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды...» Надежды не «на князи, на сыны человеческие», не на власть.

Да, судить не нам церковных иерархов. И уж не мне, тем более, чья жизнь (не считите за лицемерие) — завещание и пример того, как не надо жить. Но и о власти можно сказать: сколько плоть со всеми ее болезнями, страстями и страданиями причи-

няет «неудобств» душе всякого человека, как и гордыня души и ума — плоти, столько правительство, физическое воплощение народной души, причиняет страданий, страстей и болезней народу.

Но давайте посмотрим на тот более широкий фон, на котором проходил юбилей Тысячелетия Крещения Руси. Ведь подавляющее же большинство населения Советского Союза — неверующие, атеисты, если не активные, то пассивные, уж, во всяком случае, многие из которых не переступали порог церкви и не держали в руках Евангелия. Их ни в коей мере не интересовали ни юбилейные торжества, ни положение верующих. Заметим попутно, что разве в Москве, в Ленинграде, в Киеве, в столицах союзных республик, да еще в некоторых крупных городах, пожалуй, — хотя, конечно, гораздо в меньшей степени, — наблюдались признаки некоего духовного возрождения.

События иного рода, не связанные внешне с тысячелетним юбилеем, охватили страну. Пропать жизни разверзлась под ногами; процесс, который называют «перестройкой» и «гласностью», обнажил то, чем жила страна, начиная с октября 1917 года. Впервые народ получил возможность заглянуть в свою историю, в свою собственную биографию — увидеть, какой жизнью он жил, какой трагический, кровавый путь он прошел.

В Советском Союзе боятся прямых определений, прямых признаний. Отсюда — лукавое желание, лукавое стремление подменить одно понятие другим. Вернейшее тому свидетельство — страх перед такими понятиями, как «свобода», «демократия». Их-то в первую очередь стараются смягчить советские идеологи: так, свободу слова называют гласностью, демократию — демократизацией, попытки реформ, пока еще, как мы знаем, слабые, — перестройкой. А то время, когда стрелка общественных нравов упорно держалась на нуле, принято теперь называть временем застоя. Подумать только, какое безобидное, почти ласкающее слух слово подогнано под то, что надо бы назвать эпохой общественного разврата.

Но прессе свойственно проговариваться. В одном из сентябрьских номеров еженедельника «Московские новости» в

статье «Терпимость к инакомыслию» отмечается главная черта времени: в атмосфере стало «больше молекул свободы». Точнее сказать нельзя, точнее нельзя выразить состояние общества: оно живет в атмосфере «молекулярной» свободы.

Год на излете. Событий произошло множество. Таких, которых долго ждали (а некоторых не ждали вовсе).

Если, однако, окинуть хотя бы лишь беглым взглядом наиболее из них важные или, лучше всего, те, по которым как раз и можно вычислить питательный состав атмосферы на наличие в ней «молекул свободы», то подойдем мы к выводу весьма неутешительному.

В самом деле: вывод войск из Афганистана. Он далеко еще не завершен, а война ведется там четвертый год при новом советском руководстве, то есть почти столько же, сколько велась при руководстве прежнем.

Возвращение академика Андрея Дмитриевича Сахарова из ссылки накануне этого года и первые его публичные выступления. Это произошло как будто с наибольшей легкостью, напоминающей, впрочем, ту легкость, с какой при прежнем руководстве он был схвачен на улице и сослан в Горький. Но и теперь, когда Нобелевский лауреат, выдающийся ученый снова в Москве, а его имя время от времени появляется на страницах прессы, — по меньшей мере было бы легкомыслием утверждать, что ему предоставлена свобода выступлений и действий.

Неожиданностью были выступления советской прессы за издание произведений другого Нобелевского лауреата, Александра Солженицына, за возвращение ему гражданства, а также и за возвращение его на родину. Но и в этой кампании легко просматривается злая ирония, насмешка повторяемости событий, тех методов, какими велась кампания, предшествовавшая травле, аресту, изгнанию.

Конечно, к событиям надо отнести реабилитацию Бухарина, Рыкова и прочих, массированные разоблачения преступлений Сталина, войны с крестьянством, сбор средств на памятник жертвам сталинизма, публикации «Доктора Живаго», «Чевенгура», других произведений, находившихся за семью печатями запре-

тов. Среди этих событий, отметим мы, не было в минувшем году события значительнее 1000-летнего юбилея, но и более скромного, чем самое скромное событие в стране.

Так что же в итоге? А то, что так называемые «гласность» и «перестройка» едва лишь достигают исходных рубежей: тех, когда еще не было Афганистана, ссылки Сахарова, изгнания Солженицына. Но «гласность» и «перестройка» пока еще даже не приблизились к тому рубежу, когда не было оккупации Чехословакии, когда на позорном счету добрежневских руководителей было несколько крупных акций — кровавое подавление венгерского восстания, Берлинская стена, массовое закрытие церквей.

Итог, как мы видим, неутешительный. Прямо сказать — скорбный. Сейчас, в эту пору «реформ», страна едва достигла того рубежа, от которого началась пора восемнадцатилетнего (почти двух десятилетий!) правления бесцветнейшей из бесцветных личностей — этот пир на костях, это пиршество на крови предшествовавших лет. Новая модель обуви демократии, таким образом, мало чем отличается (если отличается!) от той, наскоро сколоченной из досок сталинских лагерей и «осоюзенной» стежками колючей проволоки.

Мы, однако, не вправе не замечать перемен, даже и незначительных, на уровне «молекул свободы». И не вправе не радоваться им. Но вот именно на этот год показательной благосклонности к Церкви выпали торжества. Но подумаем: ведь символ немоты нашего сердца в самом сердце Отчизны, молчат колокола Кремлевских соборов, безмолвствуют алтари, как символ будущего падения «Третьего Рима» (нашей гордыни), как символ будущего когда-то и настоящего теперь нашего раскола и разброда, который век стоит расколотый Царь-Колокол. Какая буря «великой культурной революции» пронеслась над просторами России, срывая кресты и сваливая колокольни, опустошая и разоряя церкви! «Вот моя душа». — Не так ли может сказать каждый из нас, остановившись перед Храмом, превращенным в руины или в хлев.

Но в гонениях на Церковь нового нет ничего: наше Тысячелетие извело это не единожды — во времена разинских, пуга-

чевских и прочих бунтов «за землю, за волю да за счастливую долю». И не наследники ли Разина и Пугачева засели в Кремле? А мы, с чьего попустительства — «молчаливого трусливого благоразумия» — реки пролились крови, не их, Разинных и Пугачевых, пособники?

На этот год и выпал юбилей — 1000-летие Крещения.

Случайность ли, — задумаемся над иным вопросом, — случайность ли то как будто совпадение, что все более и более ощутимые признаки пробуждения появились в стране на пороге, а главное же — именно на год Тысячелетия? Как будто случайность. Как будто тут никакой связи нет, а пытаться заглянуть в тайну Промысла было бы опасной и непростительной дерзостью. И, тем не менее, сам по себе Промысел как будто дает нам возможность заглянуть в его тайну.

Неспроста же власть, не знавшая колебаний и сомнений, позволила (да-да, позволила!) замахнуться на некоторые свои «святыни». Неспроста же она обращается к тем, кого гнала, кого преследовала, кого уничтожала. Понадобились иные гимны, иные идеи. Неспроста же она пытается соединить несоединимое, совместить несовместимое. Пытается породнить ложь и правду, любовь и ненависть, жизнь со смертью. Отчего же вдруг — и к Солженицыну и к Сахарову? За поддержкой, что ли, хотя мы знаем, что у советской власти панический страх перед свободой?!

Как раньше, так и ныне дети верующих родителей часто стыдятся, что их родители верующие, как раньше, так и теперь родители верующих детей стыдятся часто признаваться, что дети их верующие. Иным студентам семинарий приходилось получать от родителей письма-проклятия: «Нам стыдно за тебя. Ты опозорил наш род. Нам стыдно перед соседями. Уж лучше бы стал вором, бандитом, сидел в тюрьме, чем учился на попа». А знаю я случай, когда молодой ученый, кандидат наук, оставивший науку, принявший рукоположение, получил от родного брата телеграмму: «Стыд и позор. Не появляйся в наших краях, если не хочешь, чтобы одним человеком стало меньше на земле».

Конечно, не всякому, кто избирает путь служения Богу и людям, летят вслед подобные проклятья, но вряд ли некоторые,

едва, впрочем, приметные, послабления и перемены в равноправных взаимоотношениях государства и Церкви, часто, как знаем мы, драматических для последней, ослабили сильнейшие ожесточение и злобу против веры и верующих, против иного понимания миропорядка и жизни.

Будто опомнившись, будто спохватившись, советское руководство словно бы поняло, осознало, что надо бы дать возможность вздохнуть свободнее — если не всему народу, то хотя бы интеллигенции. Страна еще не вздохнула. Она лишь перевела дыхание, но даже в атмосфере той «молекулярной свободы», по замечанию тех же «Московских новостей», «легче дышится, разнообразнее стала интеллектуальная, духовная жизнь». А вместе с этим стало ясно, стало совершенно очевидным, что не государство отделило Церковь, а оно само, государство, отделило себя от Церкви. Совершенно иным, очевидным стало и то, что, отделив себя от Церкви, государство обрекло себя на гибель, что, по сути, любое сообщество, равно как и любой человек, отделившие себя от Церкви, обречены.

Обреченная власть насилия и тьмы, как видно, не в состоянии противиться более непреложности этого закона. Недаром же из самых глубочайших недр все чаще прорываются чувство вины перед содеянным, мысль об общественном, гражданском покаянии и об очищении. «Тут, — как пишет на страницах сборника “Иного не дано”¹⁰⁸ критик Игорь Виноградов, — одного сбора средств на сооружение памятника жертвам репрессий мало, — как ни важно и ни благотворно само по себе и это общественное движение совести тоже. Тут нужно, как минимум, чтобы в назначенный по воле самого народа его Верховной Властью день и час вся страна встала хотя бы в минутном общем скорбном молчании под соборный поминальный зов заводов, фабрик, поездов и кораблей перед незримыми ликами наших истребленных собратьев, клятвенной символикой этого всенародного духовного порыва и акта признавая и подтверждая свою трагическую вину перед ними и очищая свою общую душу бесповоротным и полным в ней покаянием». Тут нужно, добавим мы, чтобы вся страна встала в минутном скорбном молчании и под соборный,

поминальный звон колоколов всех церквей — и кремлевских в том числе, и тех, что еще устояли на просторах России. Вот тогда и наступит день торжества — скорбного, а вместе с тем и радостного: торжества Правды.

Невозможно? Но Бог разделил все языки и народы по плодам веры и неверия. Дал всякому народу, как и всякому человеку, наикратчайший путь к спасению: одному — через сорокалетнее блуждание в пустыне; другому — через мрак слепоты к прозрению; третьему — через разбои, грабежи и насилия — к внешнеозарению покаяния на Кресте Жизни.

В.Д. ПОРЕМСКИЙ

Надеяться и действовать

(«Посев». 1989. № 2)

В этой статье нет критики коммунистической системы советской страны, напротив, В.Д. Поремский размышлял о путях выхода из кризиса, в котором она оказалась в 1980-е годы. Составитель сборника его статей объяснил такую «скромность» тем, что тогда появились «активные оппозиционные силы в самой России», «физическим старением эмиграции», а еще «личными интересами самого 80-летнего В.Д.П., который в эти годы отошел от активной политической деятельности в НТС, избрав путь личных контактов с советской общественно-политической и научной элитой» (*Поремский В.Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции: избранные статьи. 1934 — 1997. М., 1998. С. 275*). Но, возможно, эти «контакты» позволили ему узнать, что в июне 1990 г. будет принят закон «О печати и других средствах массовой информации», а в июле — закон об общественных организациях, после которого станут возможны политические партии и их печатные органы. И своей «скромностью» он готовил легализацию прессы НТС в советской России. А тогда, понятно, была бы

нужна не антикоммунистическая риторика, а прежде всего «совесть и любовь к стране и народу».

С тридцатых годов я был решительным сторонником революционной перестройки на основе нового мышления и гласности, что открыло бы возможности для ведения открытой идеологической борьбы. За это я и получил в свое время звание «врага народа». Сейчас эти радикальные и значительные слова прорвались на страницы советской прессы. Как можно не радоваться этому явлению?

Солидаристы, в отличие от марксистов, считают, что не бытие определяет сознание, а скорее наоборот, сознание определяет бытие. В социальной жизни сознание первично, действие же производно, вторично, так как оно предваряется сознанием. Сначала рождается мысль, затем она облекается в произнесенное или написанное слово, которое, в свою очередь, определяет действия и поступки человека.

Поэтому пущенные сейчас в обращение слова я употребляю без кавычек, без насмешки, а с надеждой, что эти слова окажут свое подлинное, глубинное влияние на умы и души людей. Конечно, слова можно извратить и даже придать им противоположное значение, но это опасный путь — он может обратиться бумерангом и нанести вред тому, кто пошел по этому пути. Человек, как правило, мыслит на том языке, на котором он говорит. Магия же слова и языка неумолима, она исподволь поработает человека и делает его слугой, порой даже чуждого ему замысла.

Слова, о которых сейчас идет речь, не только чужды марксистскому мышлению, они ему враждебны, особенно когда они сопровождаются призывом к новому мышлению. Этот призыв равносителен отказу от того старого мышления, на основе которого создана советская административно-командная система, то есть от марксизма-ленинизма.

Гласность, допускающая разномыслие, позволяет под стыдливым покровом зачастую лишь очень прозрачных намеков «протаскивать мыслишки» и в первом приближении формулировать положения *нового* мышления. Оно враждебно как приро-

де, так и замыслам власти. Даже зачатки этого мышления разрушают систему. Правда, этот процесс идет ощупью и далеко еще не определяет поведение и действия людей. То, что уже сказано и сделано, еще отнюдь не революция, а все убыстряющиеся шаги в эту сторону. Я вижу участие в этом процессе и российских солидаристов, вне *зависимости* от того, называют ли они себя таковыми или нет.

Пренебрежительное отношение к словам, о которых идет речь, я считаю как минимум, неуместным. Меня не повергает в дрожь, что их произносят и довольно видные партийцы. Тревогу у меня вызывает не то, что они эти слова произносят, а то, что *заставило* их произносить. Причина же в том, что наша страна стоит на грани катастрофы: экономической, экологической, биологической и морально-политической, поэтому не исключены ни рецидив сталинщины, ни гражданская, ни ядерная война! Главная функция гласности в том-то и заключается, чтобы показать, что опасность развала не очередная партийная выдумка для принуждения людей работать, а нечто вполне реальное и грозное. Здесь не до смеха и не до злорадства.

Дальнейшее изложение хочу предварить любопытной информацией. Недавно я познакомился с рядом статей из американской прессы. Это все статьи и работы крупнейших западных специалистов по Советскому Союзу. Так, это рецензия компетентного в этих вопросах журналиста Т. Густафсона на книги двух советологов — Джерри Хафа и Мишеля Татю; это статьи английского политолога Брайана Крозье и бывшего американского корреспондента в Москве Дэвида Сэттера и отклик на эту статью Сергея Шмемана. Наконец, пространная статья замдиректора ЦРУ Роберта Гейтса. Никого из авторов нельзя обвинить в отсутствии компетентности или в сознательном извращении фактов. Все факты верны, но представленные авторами картины происходящего в СССР различны. Все эти семь картин не похожи друг на друга, а выводы порой прямо противоположны. Мы имеем перед собой как бы семь различных фотографических снимков, сделанных опытными фотографами различными фотокамерами, на разных пленках и с различных позиций. Поэтому можно сказать: ты прав, и ты прав, и ты прав!

Я полагаю, что этот разброс мнений, существующий и в нашей среде, законномерен, так как он отражает сложность происходящих в стране процессов и многообразие действующих в ней факторов и сил. Это, может быть, самое характерное явление, отличающее нынешний период от всех предыдущих. Система потеряла устойчивость, стала метастабильной, что чревато серьезными последствиями, предвидеть характер которых становится все более и более затруднительным.

Это позволяет и мне изложить свое мнение о происходящем в России без риска быть обвиненным в крайнем субъективизме. Основные положения, из которых я исхожу, таковы: во-первых, советская система уникальна и исторически беспрецедентна, поэтому происходящие в ней процессы крайне своеобразны и специфичны; во-вторых, эта система неоднородна, она состоит из двух взаимодействующих, но и противостоящих подсистем: «власти» и «общества». Каждая из этих подсистем имеет свои особенности и свою судьбу, поэтому для понимания протекающих в системе процессов предпочтительно методологически обе части системы рассматривать отдельно.

Власть

До недавнего времени власть в СССР осуществлялась КПСС и КГБ (граница между этими двумя органами давно уже сильно размыта) через густую сеть послушных «приводных ремней». Сейчас на наших глазах произошли крупные изменения: власть на самом верху раздвоилась, распалась на два враждующих лагеря: революционных реформистов, с одной стороны, и блока сталинистов с «брежневистами», с другой. Сталинисты хотят восстановить в стране старые порядки, а «брежневисты» стремятся предотвратить любые нарушения привычного беспорядка!

Между ними идет ожесточенная борьба — не между отдельными лицами или группами как раньше, а между двумя разными концепциями.

Сторонники этих концепций называют друг друга «ОНИ». Для меня «ОНИ» всегда были и остались те, кто пытаются сохранить сущность и практику системы. Те же, кто выступает

против этой сущности и практики, стоят, по существу, уже по эту сторону баррикады, вне зависимости от того, как они маскируют свои позиции или насколько туманно их декларируют. Без этих приемов противники сталинско-брежневской группы, опирающиеся на широкие массы, не могли бы сделать ни шага в нужном направлении.

Что же касается «приводных ремней» — от министерств до местных парткомов и исполкомов, то они, опираясь кто на «Горбачева», а кто на «Лигачева»¹⁰⁷ (оба эти имени, как временные и заменимые, я называю условно), автономизируются, то есть ускользают от контроля вышестоящих инстанций и начинают действовать по собственному усмотрению. Произвол, на котором строилась вся система, стал локализоваться, а на центральном пульте управления стали, одна за другой, выходить из строя кнопки, приводящие в движение рычаги государственного механизма. На наших глазах система становится жертвой ею же установленных порядков.

Общество

Раньше можно было с достаточным основанием считать, что общество, то есть та часть населения, которая не работала в аппарате власти и не служила ей «верой и правдой», относилась к власти отрицательно; понятие «ОНИ» было однозначно. В широких народных массах, соприкасающихся каждодневно в бытовом плане лишь с теневой стороной советской действительности, это отношение и по сей день осталось прежним. Изменения произошли не в этой социологически инертной среде, а среди интеллигенции, в том понимании этого термина, которое сложилось у нас в XIX веке, то есть включая рабочих, крестьян и разночинцев соответствующего интеллектуального и духовного уровня.

В среде этой интеллигенции и увлекаемой ею частью более широких кругов произошло расслоение на несколько лагерей. Одни решительно стали на сторону революционных реформистов, для них понятие «ОНИ» эквивалентно понятию «противники перестройки». Другие столь же решительно стали на сторону сталинистов с их идеалом «Хозяина».

Страна покрылась сетью неформальных объединений двух типов. Объединения первого типа сформировались в недрах партийных, государственных и прочих институтов и организаций, в профессиональных и творческих союзах, в научных учреждениях, в редакциях журналов и т.п. Формы этих объединений крайне разнообразны, их рамки расплывчаты, они возникают спонтанно и порой по тем или иным причинам распадаются. На самом вер-ху партийно-государственной номенклатуры они подчас очень влиятельны, например, недавно разоблаченные мафиози.

Другой тип — это те неформальные объединения, за которыми это название и закрепилось. По своей социальной функции они мало чем отличаются от первых, но они имеют более четкие организационные формы, названия, порой свой печатный орган и т.п. Свои автономные функции они выполняют в самых разных сферах социального быта (религии, культуры, экономики, экологии и т.д.). Зарубежные обозреватели особенное внимание обращают на объединения с политическим уклоном, назовем их «политнеформалами».

Сугубо политизированные «неформалы» довольно сильно отличаются от остальных. Если остальные, чуждаясь политики, используют открывающиеся возможности по принципу «куй железо, пока Горбачев», то «политнеформалы» отбрасывают с порога как реформаторов, так и сталинистов. Витая в облаках будущего и протестуя против всего происходящего, они пускают в обращение целый поток заявлений, деклараций, программ*, порой сочиненных одним человеком или небольшой группкой.

Такое обилие «документов» ведет к их девальвации. Из-за нормальной в политической сфере конкуренции экстремальный плюрализм затрудняет консолидацию конструктивных сил общества и отвлекает творческую энергию от идейных проблем, от утверждения в сознании людей духовных и моральных ценностей, без чего нельзя решить ни политические, ни экономические задачи.

* См.: Пермский В. Кому и зачем нужны политические программы?// Посев. 1988. № 4.

В этой среде, за исключением крайних течений — от марксистов (ранний Маркс) и ленинцев (поздний Ленин) до нацистов — ведущее положение, пожалуй, занимают те, которые называют себя демократами. Их преимущество заключается в том, что они ориентируются на соблазнительный пример «осуществленных демократий». Солидаристам в этом плане состязаться с ними трудно, так как солидаризм (кстати, ровесник социализма) нигде еще не был осуществлен.

С другой стороны, солидаристические идеи, не завоевав государственных высот, заняли свое место под солнцем как в России, так и на Западе. Этому посвящена книга, вышедшая в 1980 году во Франции под любопытным названием «Гидра, несущая золотые яйца»*. Но еще важнее то, что солидаристические идеи играют сейчас растущую роль не только во внутренней, но и во внешней политике западных демократий.

Солидаризм не заменяет демократию, но заполняет ее духовным содержанием, прежде всего моральным и религиозным. Поиски «социальной проекции христианства» выходят за рамки политики. Поэтому, я полагаю, что солидаристам надо искать союзников в среде всех тех, кто откликается именно на эту сторону солидаристического учения, то есть не только на тех, кто за являю т себя солидаристами, но и на тех, кто себя в этом качестве проявляют.

Какие выводы можно сделать из этого очень схематического анализа происходящего в СССР? Это очень трудная и неблагоприятная задача — любой вывод будет субъективным и спорным. Но, может быть, истина рождается в спорах, поэтому попробуем.

Советская система с ее двумя ипостасями «власти» и «общества» пришла в движение. В лагере «власти» столкнулись две, выше описанные, концепции. В лагере «общества» тоже можно обнаружить две установки: некоторые считают, что для построения «нового мира» нужно старый мир до основания разрушить. Другие полагают, что «новый мир» может быть создан

* Gaudubert J.C. «L'hydre aux ceufs d'or». Les choix solidaristes en France et dans le monde. Ed. Serge Godin. Paris, 1980.

путем радикальных реформ. Обе установки могут быть подкреплены фактами и аргументами. Одни указывают на огромный потенциал накопившейся у народов СССР ненависти, а также жажды мести, которая может быть утолена только революцией снизу. Другие же опасаются, что такая революция в ядерный век была бы катастрофой не только для России, но и для всего мира. В этой связи вспомним слова П.А. Столыпина: «Им нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия».

Какая из этих возможностей осуществится, будет зависеть от раскладки как наличных, так и зарождающихся сил, прежде всего в СССР. Сейчас мы наблюдаем, в частности, две антагонистические силы: центробежные и центростремительные. Они движимы разными мировоззренческими позициями, а еще больше — эмоциями.

Умозрительно оба варианта событий равновозможны, так как нет инструмента познания, который позволил бы взвесить обстоятельства, способствующие тому или другому из них. Привести аргументы, подтверждающие не только неизбежность, но и желательность варианта, ведущего к октябрьскому типу революции снизу, которая каким-то чудом не сопровождалась бы гражданской войной, я предоставляю сторонникам этой установки. Ограничусь лишь соображениями, которые могли бы быть приняты во внимание при рассмотрении варианта радикальных реформ. Это рассмотрение наталкивается на очень большие трудности. Приведем примеры.

А. Власти нельзя отказать в намерении сохранить сущность режима. Как же при этом допускать реформы, которые лишают власть ее основных прерогатив? Или они предпринимаются для того, чтобы спастись? В таком случае это очень походит на попытку вытащить себя из воды за волосы. Для этого, очевидно, нужен заинтересованный в спасении утопающего человек на берегу. Но такого человека на берегу не видно.

Б. Любая система, идущая на смену, должна опираться на людей, находящихся в нынешней системе, и зиждиться на законах, которые должны прийти на смену произволу. Для демократии нужны демократы и демократические законы. Но ведь

демократы не разводятся в теплицах, а создаются в результате напряженной борьбы за свои идеалы. Что же касается законов, то не они создают демократию, а демократия творит свои законы. Здесь, как в случае курицы и яйца — что было сначала?

В. Те, кто сейчас искренне выступают как поборники демократии, не могут не понимать, что они идут на большой риск, так как власть способна не только затормозить начавшийся процесс, но и обратить его вспять. Тогда демократам не сдобровать. Где границы осмысленного риска?

Г. Принимаемые ныне законы, во-первых, куцые, а, во-вторых, они соседствуют с неустраненным произволом. Для чего же тогда делаются шаги в сторону законности? Тут одно из двух: или они делаются дураками, или они предназначены для дураков. Если это так, то приходится признать, что в России никого, кроме дураков, нет.

Постановку таких вопросов можно продолжать. Ответы на них надо упорно искать, но при этом надо учитывать очень важное обстоятельство — жизнь сильнее логики и богаче вымысла, она не останавливается перед невозможным, не смущается противоречиями, скорее, движется ими. Но признает она только одно — «законы истории», которые марксисты пытались оседлать.

В этих крайне сложных и непривычных условиях, открывающих обнадеживающие перспективы *у края пропасти*, каждому надо искать свое место, руководствуясь совестью и любовью к стране и народу. Будем верить и надеяться, будем работать в нашей «кузнице идей», а *конкретно* действовать предоставим людям в России, прежде всего нашим друзьям и единомышленникам.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

В начале 1990-х годов

В 1991 г. вместо СССР появились пятнадцать государств, в том числе «Российская Федерация — Россия». В декабре 1991 г. был принят Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» со статьями «Свобода массовой информации» и «Недопустимость цензуры», он был преемственно связан с Законом СССР о печати от 12 июня 1990 г. В России укреплялась многопартийная пресса. Стала реальной возможность «переселения» редакций из Русского зарубежья на Родину. В Москву переместилось издание журналов «Континент», «Посев», «Грани». «Новый журнал» остался в Нью-Йорке, чтобы быть «связующим звеном между литературным зарубежьем и демократической интеллигенцией» (Двухсотый номер // Новый журнал: 1995. № 200. С. 7). Сказано точно: журнал практически перестал быть «политическим изданием» и теперь его номера больше похожи на литературные сборники; только в отделе библиографии можно встретиться с политическими оценками. Газета «Русская мысль» сохранила многообразие жанров политической журналистики, но ее редакция предпочла остаться в Париже с той же целью что и редакция «Нового журнала». В 1990-е годы «Русская мысль» продавалась в киосках и даже в больших библиотеках, ее авторами становились московские литераторы, как это бывало в изданиях Русского зарубежья в первой половине 1920-х годов. Продолжали выходить и другие газеты («Новое русское слово», «Наша страна»). Некоторые, исчерпав программу, закрывались (например, «Согласие» в 1994 г.).

Главный массив изданий оказался в новых центрах Русского зарубежья, каковыми стали столицы независимых государств, прежде всего Киев и Минск. Вильнюс, Рига и Таллин были уже такими центрами в 1920–1930-е годы. Но на те десятилетия Русское зарубежье и его журналистика 1990-х годов мало походят; они стали почти совсем другими.

В преддверии нашего завтра

(«Континент». 1992. № 71)

В.Е. Максимов умер в 1995 г. в Париже. После перемещения «Континента» в Москву. В новой исторической ситуации, после распада Советского Союза и ликвидации коммунистической системы пришло понимание, что некоторые издания боролись с коммунизмом, а вместе с ним хотели сокрушить и Россию как государство. В начале 1990-х годов у В.Е. Максимова не оказалось площадки для защиты достоинства своей страны — не только в Русском зарубежье, но и в России. И он постучался в коммунистическую «Правду». Там были напечатаны многие статьи последних лет его жизни (они собраны в кн.: *Максимов В.Е.* Самоистребление. М., 1993). Но основные темы и подходы намечены уже в статье «В преддверии нашего завтра».

Мне — человеку, сделавшему все от себя зависящее, чтобы Россия в конце концов освободилась от непосильного для нее имперского груза и занялась нравственным, экономическим и культурным самоизлечением, казалось бы, надо только радоваться тому, что происходит сегодня в нашей стране. И я вместе со всеми искренне радовался обретению независимости бывшими республиками, входившими в состав так называемого Советского Союза. Но, увы, радость эта продержалась во мне ненадолго.

Неожиданно для себя я вдруг обнаружил, что многие из тех на Западе и Востоке, кого я считал своими союзниками и единомышленниками в борьбе против тоталитарной системы, жаждут не столько суверенитета, свободы и демократии, сколько, и прежде всего, крушения России как таковой. К моему ужасу, их ничем не мотивированная, почти патологическая ненависть к этой стране, к ее народу, к ее культуре и истории постепенно

становится повседневной нормой в самых влиятельных интеллектуальных и политических кругах и в самых что ни на есть либеральных средствах массовой информации.

С недавних пор я начал коллекционировать публикации и высказывания подобного рода. Предлагаю вам из своей коллекции цитаты наугад:

«Я желаю России краха». Это откровенничает известный грузинский правозащитник Тенгиз Гудава на страницах американской русскоязычной газеты «Новое русское слово». По иронии судьбы «крах» во всех отношениях потерпела сегодня именно Грузия. Вот уж, воистину, не рой другому яму!

«Россия должна быть уничтожена... Россия — утопия, страна, населенная призраками и мифами». Вторит ему другая правозащитница в сверхпрогрессивном литературном журнале «Даугава», выходящем в Риге.

Как видите, не стесняются наши нынешние поборники прав человека почти буквально повторять фашистский бред Геббельса и Розенберга.

А вот два пассажа из рецензии на роман, опубликованный в высшей степени демократическом еженедельнике «Панорама», выпускаемом в Лос-Анджелесе:

«Вселенная (то есть Россия. — *В.М.*), в которой обитают герои... нравственно индифферентна. В ней нет никакой этической структуры. Жертва здесь так же гадка, как и палач».

Хотелось бы поинтересоваться у автора, о ком это? О Сахарове, Мандельштаме, Пастернаке, Марченко¹⁰⁸, бастующих шахтерах или погибших защитниках «Белого дома» на Москвереке?

Но дальше еще гаже:

«Автор соскребаёт хрестоматийный глянец с портретов классиков. Гоголь и Достоевский у нее — такие же негодяи и антисемиты, как и все окружающие».

Предлагаю вам поаплодировать автору!

А вот из «Независимой газеты»:

«Кто по национальности члены восьмерки?¹⁰⁹ — Спрашивается в ней некто Владимир Коваленко. — Семь русских и будущий

самоубийца Пуго — родившийся в Калининне сын латышского эмигранта, с презрением отвергнутый собственным народом и даже ставший его палачом... Так что скорее это был заговор русских националистов...» Хотите верить, хотите — нет.

Жаль только, что расплачиваться за этот фашистский бред придется многим народам.

В заключение не могу отказать себе в печальном удовольствии процитировать здесь ответ Збигнева Бжежинского на вопрос одного российского журналиста: «Я не хочу, чтобы ваша страна вообще существовала»¹¹⁰. Ничего не скажешь, просто и ясно.

Хватит? Или еще?

Впрочем, кому мало, советую послушать радиостанцию «Свобода». К примеру, специальную программу, посвященную Сибири, передачи о Татарстане или серию «Русская идея». Весьма занимательно.

Я уже не говорю о большевистских клише, вдруг замелькавших в последнее время на страницах печати Востока и Запада о «России — тюрьме народов» и «русском империализме».

Если принять эти утверждения на веру, то в таком случае я вправе назвать Америку суперимпериалистическим государством, железом, кровью и подкупом утвердившим себя на никогда не принадлежащей ей земле всего лишь чуть более двухсот лет назад.

Тогда, спрашивается, почему, с какой стати американцы считают себя коренными жителями своей страны, а русских, осевших на берегах Волги или Байкала почти полтысячелетия тому, империалистами.

К сожалению, теперь уже не Советский Союз, а собственно Россию начинают открыто рассматривать, как ничейную землю, предназначенную для глобального распределения. Дошло уже до того, что германское правительство всерьез обсуждает с нашими демократическими лидерами проблему государственности для немцев-колонистов, радушно принятых когда-то на российской земле.

Я всячески приветствовал бы возвращение этих трудолюбивых и достойных людей на берега Волги. Мало того, я считаю, что Россия, как это сделала недавно Америка с этническими японцами, должна компенсировать им все потери, связанные у них с выселением. Но если они вправе сегодня требовать для себя суверенитета, то, следуя международному принципу взаимности, следует признать и право этнических русских в ФРГ на свое собственное государство. К примеру, со столицей во Франкфурте-на-Майне, где расположена штаб-квартира Национально-трудового союза России. Тем более, что современная Германия тоже называется Федеративной. Но если говорить всерьез, то было бы не только крайне наивным, но и опасным полагать, что какой-либо народ согласится принять по отношению к себе стандарты. Согласитесь, что если одна цивилизованная страна может позволить себе начать настоящую войну за острова, находящиеся за тысячи миль от нее (как это было с Фолклендами)¹¹¹, во имя защиты интересов своих соотечественников, а другая по тем же мотивам высаживает десанты в суверенных государствах (как это было в Гренаде и Панаме), а третья — отстаивать Карабах с оружием в руках, то почему же мы не имеем права вслух беспокоиться о судьбе своих соотечественников, оказавшихся по милости сталинских картографов за пределами родной земли?

Неужели только из-за того, чтобы не прослыть империалистами и шовинистами?

Прошу понять меня правильно, я категорически против каких-либо преимуществ для русского народа на территории Российской Федерации. Россия традиционно сочетает в себе национальную, культурную и религиозную многоукладность. Мы можем и должны найти форму общественного и государственного устройства, где каждый народ и каждая отдельная личность будут пользоваться всеми правами и возможностями для своего гармоничного развития, но я столь же категорически против любого национального эгоизма внутри федерации, ставящего собственные прагматические интересы выше интересов российского общества и государства вообще.

Вольным или невольным режиссерам разрушительного сепаратизма в современном мире следовало бы извлечь урок хотя бы из югославской трагедии, если они не хотят, чтобы уже в ближайшее время весь Евро-азиатский континент превратился в одни сплошные Балканы. Им также следовало бы не забывать, какую цену уплатил мир за унижение немецкого народа в эпоху Веймара: народ, загнанный в угол, становится смертельно опасным. В России плохо с продуктами питания, но в ней, уверяю вас, очень хорошо с ядерным оружием. Да и без этого оружия народ в сто пятьдесят миллионов человек не позволит поставить себя на колени.

И если человечество действительно озабочено завтрашним днем России, то ему следовало бы наконец ответственно осознать, что от этого завтрашнего дня зависит и его собственная судьба.

К.Ф. СИНЬКЕВИЧ

Почти обзор

(«Согласие». 1993. Февраль)

«Согласие» (Лос-Анджелес, 1950 – 1994) — «Национально-патриотический ежемесячный журнал». Девиз журнала: «За Веру, Царя и Отечество».

Константин Федорович Синькевич (1912 – 2005) — журналист, редактор. В 1984 – 1994 гг. руководил журналом «Согласие». С 1984 г. возглавляет «Бюллетень Объединения Российских кадет Сан-Франциско», в котором он еще и автор, корректор, наборщик и дизайнер. Как публицист печатался в нью-йоркском журнале «Кадетская переключка» (1971 – 1995) и калифорнийской газете «Русская жизнь».

Как-то странно предлагать читателям отчет событий за прошедший год в феврале месяце, когда это надо было делать, как

принято во всем мире, в декабре, или уж, во всяком случае, в январе. Но наш журнал не подчиняется общепринятым нормам уже хотя бы по одному тому, что, во-первых, мы и не собирались делать какой-то «отчет событий» — уж очень дело это громоздкое, а во-вторых, заканчивая верстку журнала к 18-му или 20-му числу предыдущего месяца, несколько затруднительно предвидеть события, которые могут произойти в оставшиеся десяток дней. Так вот и случилось: президенты Буш и Ельцин подписали в Москве договор о сокращении ядерного вооружения на 2/3, как раз 31-го декабря 1992-го года! Ну, никак не утонишься за таким прытким руководством!

Все же это событие немаловажное, но мы пока не станем разбирать всю подноготную, ибо она сама начнет выползать на поверхность по прошествии некоторого времени; сейчас вся прелесть этого события еще не запечатлелась в сердцах счастливых обитателей нашей планеты, а начнешь разбирать — обязательно напорешься на какую-нибудь гадость. Вот взять хотя бы это самое атомное вооружение. Ельцин знал, что подписывал. Он тут одним росчерком пера ухлопал двух зайцев: и договор подписал, и вооружение сократил. Вы спросите, как это так, вооружение сразу сократил? А очень просто: известно, что хищения в бывшей Совдепии приняли сегодня массовый характер. Не избежали этой судьбы и атомные запасы. Вот еще в декабре полиция (милиция, то есть) изловила одиннадцать граждан, стянувших 200 фунтов урана из Чеповецкого завода: эти 200 фунтов, видимо, лишь небольшая часть того, что милиционерам удалось захватить; сколько урана уплыло за границу, вряд ли станет известно.

На мировом рынке также появился так называемый «желтый пирог» — продукт атомного распада низкого качества, по 8.25 долларов за фунт. Желающих купить не имеется? Германская таможенная разведка утверждает, что ей также известны по меньшей мере 100 случаев нелегальной доставки ядерных продуктов. Это помимо «пирогов»...

Не знаем, рассчитывал ли Ельцин при подписании договора на такой способ сокращения ядерного вооружения, и если нет —

советуем ему призадуматься. Это же прямая выгода: и валюту в страну заполучить, и договор выполнить! Вот только как быть с учетом краденого добра. Тут мы отступаем, совета дать не можем; крадным не торговали и опыта не имеем.

Несколько грустной ноткой звучит сообщение о том, что дошлые отечественные воры крали из Челябинской и Томской лабораторий радиоактивный плутоний, снабжая им местных зубных врачей, мастеровивших из него пломбы ничего не подозревающим пациентам. Серебристый металл оказался чрезвычайно подходящей заменой трудно добываемого настоящего пломбировочного материала...

По мнению американских атомных специалистов, в Союзе охрана опасных материалов стоит на весьма высоком уровне, а контроль и инвентаризация, на весьма низком, что и дает возможность служащим тащить все что возможно и как возможно. Помните рассказ про рабочего, который по окончании работы проходил контроль, толкая перед собой пустую тачку? Так продолжалось много дней. Наконец на контрольном пункте не выдержали и говорят ему: мы знаем, что ты что-то выносишь, но не можем тебя поймать. Скажи нам, что же это? Мы тебе ничего не сделаем, только скажи. Рабочий на минуту задумался, потом сказал: пустые тачки.

«В конце века обещали
Обеспечить нас жильем.
Обещание сдержали —
Обеспечили жульем!»

«Советская Россия». Чита, 1992 г.

Жаждой наживы заражены не только наши соотечественники, которых, в конце концов, можно как-то понять: годы лишений, особенно последние годы, для наименее устойчивых оказались прямо приглашением к хищению. Какими соображениями руководствуются американские мошенники, менее понятно. Особенно те, у которых денег казалось бы и без того достаточно: сенаторы, народные представители, пасторы, проповедники, врачи, адвокаты... список очень длинный. Последним в этом

списке стоит 85-летний бывший министр обороны США и советник нескольких президентов Кларк Клиффорд. Прокуратура обвиняет его в получении взяток, замаскированных как займы, от известного «Международного банка Коммерции и Кредита», чьи руководящие лица ограбили вкладчиков на десятки миллионов долларов. Многие из этих «лиц» преданы суду.

В Америке вообще, а в Калифорнии, в частности, невероятно участились случаи грабежа банков. Ну, грабеж так грабеж. Грабить банки было принято с тех пор, как появились банки. Но сейчас их грабят с «изюминкой». Бандиты не удовлетворяются одними деньгами, им нужны более глубокие переживания. Для удовлетворения этих своих «духовных нужд» бандиты избивают клиентов, имевших несчастье оказаться тут во время ограбления, запирают служащих в сейфы или холодильники, если таковые имеются, стреляют по верх голов обезумевших от ужаса женщин и вообще развлекаются в таком духе некоторое время... А кое-кого могут и пристрелить, если тот показался им непослушным или дерзким...

У нас в Зарубежье, а теперь уже и в России не раз писали о том, что частушки это то, что помогает подневольным советским гражданам переживать тяжелые времена. Частушки, сообщают те, которые знают, о чем говорят, являются своего рода барометром народного настроения: пока есть частушки, жить еще кое-как можно; беда, если частушки исчезают. Это значит, что жизнь стала действительно невмоготу.

Газета «Советская Россия», сохранившая свое вызывающее название, вероятно больше для своеобразной рекламы, чем по убеждению, недавно объявила конкурс на частушки под названием: «Конкурс частушек в народной газете», под лозунгом: «Нынче времечко такое». По сообщению газеты, редакцию буквально захлестнула волна присланных частушек. Отдельным изданием газета опубликовала «самую малость» из поступивших частушек — около 120.

На следующей странице мы приводим некоторые из них. Сначала идут частушки, касающиеся перестройки. Некоторые

«переходят на личности». Другие тонко подмечают бытовые проблемы. А впрочем — судите сами.

Частушки, относящиеся к периоду перестройки открывают парад:

Семилетку у Хрущева
Нарекли решающей.
А у Миши Горбачева
Стала завершающей.
Мне не надо шоколада,
Только б Миша рядом был,
Только б мне про перестройку
Умны речи говорил.
Архитектор перестройки
На язык был парень бойкий.
Шесть годочков говорил —
И страну всю развалил.
Горбачев сидит на шпалах,
Слезы горько катятся.
Потерялся на дороге —
И никто не хватится.

Далее идут частушки на разные темы, но все они сходятся на одном: ни коммунизм, ни его вожди ничего народу не дали.

Все, о ком поем частушки,
Много знали-ведали.
Повели нас в коммунизм,
По дороге — предали.
Как у наших у ворот
Совершен переворот.
Власть украли плутократы,
Мы ж сидим разинув рот.
За Америкой бежали,
Спотыкаясь, долго мы.
Наконец-таки догнали
И сказали: «Дай займы!»

Ничуть не лучше отзывается народ своими частушками и о сегодняшних власть предержавших.

Нынче времечко такое –
Только слушай да гляди.
Нипочем не догадаться,
Что придумают «водители».
Не вините Горбачева,
Не ругайте за развал.
Ему с самого начала
Дядя Боря помогал.

Нам, однако, хоть и интересно почитать частушки и увидеть, что на самом деле думает народ о делах-временах, другие события тоже не терпят и требуют нашего пристального внимания. Если минувший месяц январь задает тон всему году, как это говорят иные предсказатели будущего, то от такого будущего хорошо бы скрыться вглубь веков... Но поскольку такое неосуществимо, приходится смириться.

В Соединенных Штатах Америки (которые по-настоящему следует величать «Северо-американские Соединенные Штаты», но кто же станет с этим возиться?) произошла смена караула: 20-го января новый президент Клинтон вступил в свои обязанности. Почему Буша не выбрали на второй срок? Это вопрос хотя и не очень сложный, но требующий разъяснений, в которые мы сейчас не будем вдаваться. По мнению самих республиканцев, главной его ошибкой оказалось недостаточное внимание к экономике и допущение безудержного роста государственного долга, выражающегося нынче уже не в миллиардах, а в триллионе с хвостиком. Говоря об этих космических цифрах следует отметить, что в печати иногда путают миллиарды с биллионами. По-русски миллиард, слово, взятое из французского языка, означает тысячу миллионов. Та же сумма по-американски обозначается словом «биллион», которого до недавнего времени в русском языке даже не существовало! В словаре Вл. Даля, например, оно отсутствует, хотя имеется слово «миллион», причем написано через одно «л». Видимо, в те времена «миллион» — это было так много, что миллиарды применяли только в космографии... В жизни они были не нужны.

(Для сведения: в Англии «биллион» — это единица с 18-ю нолями, тогда как американский биллион имеет всего 12 нолей.)

В печати, к слову, путают и другие понятия. Так, нам придется встречать слово «графство», когда речь идет об американских областных районах. Исторически это действительно были графства, лет 250 тому назад. С тех пор как американцы обрели независимость и изгнали королей, принцев, графов и других владельцев из своих пределов (заменяв их «жадными акулами Уолл Стрита»...), они сохранили исторические названия (вот бы коммунистам у них поучиться!), но придали им свой, демократический смысл: когда американец говорит «county» («каунти») он имеет в виду никак не графство, а область. В Англии же это название, хоть и не всегда обозначает «графство», все же сохраняет именно такой смысл.

Другое странное выражение — «полицейский офицер». Когда читаешь такое, создается впечатление, будто в полиции одни офицеры, а рядовых полицейских нет. Дело оказывается в том, что английское слово «офицер» означает совсем не то, что в русском: офицер, это тот, кто имеет отношение к какому-то офису, учреждению, предприятию. Чаще всего это — штатское лицо. Офицерами называют служащих банка, некоторых предприятий и даже, если угодно, членов правления колбасной фабрики! Поэтому и простых полицейских формально называют «полицейскими офицерами» или «пожарными офицерами» и т.д. Надо было бы этим «русскоязычным офицерам» немножко подучить американский языковой фольклор. (Но в армии слово «офицер» означает именно офицера, как и в русском языке. Почему? Да потому, что там имеются и другие чины: капралы, сержанты и т.д.)

Очень хочется наброситься еще на другие «русскоязычные» обороты, как, например, «*похоже, я не поеду в город*», или «*он вроде устал*», или «США» вместо «ЭсШаА», или «ФЭЭрГЭ» вместо «ЭфЭрГэ» и множество других. Не говоря про похабщину. Русское неприличное словечко, обозначающее публичный дом, сегодня можно услышать в парламенте, в салонном разговоре от «великосветской дамы». Впрочем, не каждой. Это, и ряд других.

Однако мы увлеклись. Еще немного, и вы будете читать лекцию о вреде табака вместо новостей.

Бедному Билли Клинтону достался такой длинный список проблем, что он наверно порой думает: и зачем это меня понесло на президентские выборы?! Во время предвыборной кампании он много наобещал народу, но уже сегодня ведет отступление на нескольких фронтах. Ясно, что со стороны всегда все виднее, а когда человек сам берется за работу, то оказывается, что не все так просто, как он воображал.

А тут еще бунтует этот самый Саддам Хусейн, которому мало одной бомбежки, напрашивается на новую. И получил. Понятно. Чтобы удержаться у власти, тирану нужны кризисы и тогда ему нетрудно свалить все на кого угодно, лишь бы отвлечь внимание людей от внутренних проблем. Не следует винить и Америку за ее мнимую кровожадность. Дело ведь в том, что нефть Ближнего Востока является нервным узлом США. Хорошо это или плохо, вопрос другой. Ведь американцы ввозят почти половину всей необходимой им нефти. От малейшей неполадки в доставке этого драгоценного «черного золота» их начинает трясти как в лихорадке. Да и не одних американцев, а ряд европейских государств также: Германию, Францию и др. Хусейн видимо этого не может понять, отсюда все и происходит. Ему тоже хочется урвать немножко лишней нефти от Кувейта, на территорию которого он якобы имеет исторические права. В этом пусть его рассудит та же история, но пока нефть продолжает быть двигающим стимулом мировой экономики, не видать ему Кувейта как своих ушей. Не надо и трудиться, опускайся, кум, на дно. Казалось бы, просто, но вот, оказывается, нет.

Пока Ирак воюет с целым светом, Иран втихомолку вооружается. В данное время ведутся переговоры с Россией, Китаем и... Украиной о покупке танков, ракет, реактивных самолетов и прочего. На Западе опасаются, что Иран стремится получать от Китая необходимую технологию для создания атомной бомбы. Подобно Ираку, Иран тратит свои нефтяные доллары, из которых лишь на одно вооружение выделено 20 миллиардов. А кто покупает нефть у Ирана? Конечно, та же Европа, частично Аме-

рика, словом, Запад помогает ему вооружаться. А потом будут бомбить... Сказка про белого бычка. А Америке надо бы поменьше скандалить с Хусейном, как-никак, он — гарантия против персидской экспансии, которая неизбежна...

Главный восточногерманский коммунист Хонекер, побывавший в гостях у Горбачева и Ельцина, был все же ими предан и отправлен в Германию на суд. Немцы долго судили-рядили как с ним поступить: уж больно стар и болен 80-летний (ничуть, кстати, не раскаявшийся) коммунист, надо сжалиться. И сжалились. Подержав в тюремной больнице какой-то срок, отпустили на все четыре стороны по гуманитарным соображениям. Мы не кровожадны, но позвольте спросить: можно ли назвать меры, предпринятые Хонекером в отношении своих граждан, пытавшихся избрать свободу, гуманитарными? Это он, стремясь угодить своим хозяевам в Москве, а заодно вероятно удовлетворить и личное властолюбие, распорядился стрелять без предупреждения по бегущим через границу. Немцы считают, что таким путем было убито не менее 200 человек, а, вероятно, гораздо больше.

Хонекер отправился в Чили, осчастливив чилийцев своим присутствием, вместе со своей раковой опухолью печени. Там его встретила дочка Соня, замужем за чилийцем, живущая в Сантьяго. Там же его с восторгом ожидала группа его левых поклонников. Последние месяцы своей жизни он проведет в привилегированной клинике в Сантьяго и умрет в семейном кругу с сознанием исполненного долга.

Ряд богатых государств, таких как Америка, Германия, Япония и Англия переживают экономический кризис, которого ни одно из них не только не ожидало, но упорно считало, что все экономические кризисы в капиталистических странах ликвидированы и можно жить да поживать безбедно и безопасно. Не тут то было!

Все началось, конечно, в Америке, но очень быстро перекинулось в Германию и Японию. В Америке, как известно, несмотря на колоссальное богатство и промышленную мощь страны, одно, мягко говоря, трусливое правительство за другим, не ри-

ская вызвать гнев избирателей, удовлетворяло их требования путем «внутренних займов», приведших страну в почти кризисное состояние.

В Германии стоимость возвращения быв<шей> коммунистической Восточной Германии в лоно капитализма оказалась настолько дорогой, что даже толковые хозяева немцы призадумались: да, стоило ли огород городить? Германия переживает довольно острый финансовый кризис.

Вообще, несмотря на то, что инфляция ни в одной из «богатых» стран не выросла значительно, основной проблемой оказалось снижение производства. Это особенно чувствуется в Германии, а из Германии, от благополучия которой буквально зависит благополучие всей Европы, перебросилось в остальные страны Европейского Содружества.

Больше всех нас удивила Япония. Япония, эта страна трудолюбивых граждан, безраздельно преданных идее коллективного труда и лояльности к работодателям, вдруг стала испытывать затруднения: японские автомобили стали плохо продаваться, американская электроника снова стала пробираться на первое место на мировом рынке, а цены на товары вдруг стали непомерно повышаться.

Японская автомобильная промышленность представляет собой 10% всей экономики страны и равняется 339 миллиардам долл. Поскольку продажа автомобилей на домашнем рынке упала на 13%, такое снижение не могло не отразиться на всей экономике. В то время как в США автомобильная индустрия понемногу выбирается из кризисного состояния, в Европе и Японии положение обратное; дело пахнет если не депрессией, т.е. застоём, то во всяком случае «рецессией» — новое словечко, обозначающее экономический спад.

Однако в данное время Япония несколько оживилась в связи с известием, что наследный принц Нарухито, 32 л., наконец нашел себе невесту, 29-летнюю Масако Овада. В Японии только и разговоров, что об этом событии и предстоящем браке. Временно отложены даже споры об экономике.

Невеста окончила Гарвардский университет, говорит на четырех языках и в данное время служит в министерстве Иностранных Дел. Проблема лишь в том, что некоторые консерваторы заявили, что они против этого брака, ибо невеста «из простой семьи»... На этой печальной ноте мы и закончим наш обзор.

Последняя новость: быв. министр иностр. дел СНГ, а теперь премьер Грузии Эдуард Шеварднадзе сообщил, что он принял христианство и крестился, приняв имя Георгия. Оппортунист, или он это искренно?

Г.Н. ВЛАДИМОВ

**Только что же он сможет один...
К возвращению Солженицына**

(«Русская мысль». 1994. 2 — 8 июня)

Возвращение А.И. Солженицына в Россию произошло в конце мая 1994 г. Это событие породило огромную газетно-журнальную продукцию, но не в Русском зарубежье, а в России (См.: Александр Исаевич Солженицын. Материалы к биобиблиографии / Отв. ред. Н.Г. Захаренко. М., 2007. С. 402 — 447). Откликами на это возвращение по сути завершилась история журналистики Русского зарубежья XX века, которая в лучших своих созданиях действительно «царапала общественную совесть». Статья Г.Н. Владимова — наиболее глубокий по смыслу отклик из замеченных библиографами в русской заграничной периодике. Печатается с сокращениями.

Что бы ни делал этот человек, почти любой его поступок может быть прочтен как жест, имеющий значение символическое.

Почему с Владивостока начинается его возвращение в Россию? Было бы логичнее изгнаннику высадиться на том же Шереметьевском аэродроме, откуда его вывозили под охраной, — при этом торжествовало бы законное чувство реванша. Но дело

в том, что не изгнанник возвращается, который мог бы это сделать три года назад, возвращается отшельник, совершивший между делом кругосветное путешествие, возвращается писатель, прервавший свои труды ради того, что он считает важнее. И над кем, собственно, торжествовать ему? Над обитателями погоста у стен Мавзолея, двадцать лет назад состряпавшими свой позорный указ? Над братьями-писателями из гвардии секретарей, которые не защитили его и даже поспособствовали изгнанию и которым самой судьбой отмщено, чьи книги изъяты из обращения рыночной торговлей, а капиталами распорядилась инфляция? Не победитель возвращается — та Россия, которую мы приобрели в результате общих наших усилий, наших действий или бездействий, не снилась и самым безжалостным преобразователям. И знакомство со своей милой родиной, наверное, лучше начать с ее первых страниц, освещаемых солнцем, с первых часовых поясов.

Полвека назад арестованный на западе, он так же, как и тогда, возвращается в срединную Россию с востока. Об этом очевидном сходстве, но больше — о различии, я писал Александру Исаевичу в декабре, поздравляя с 75-летием. Показалось мне, читая его статью «Как нам обустроить Россию», — он несколько эйфорически видит свое будущее на родине, свою роль и участие в ее обустройстве. Я на это смотрел с надеждой, но и с опаской — нынешнее возвращение из Вермонта будет не легче, а много труднее, чем некогда из лагеря и ссылки. И тогда и теперь это возвращение не в ту страну, которую покинул. Но тогда его приняли дружественные руки, в том числе и наши — людей молодых тогда и по молодости не чересчур завистливых, приняли могучие руки Твардовского, который единственный захотел и смог пробить дорогу в печать «Ивану Денисовичу». А без этого не состоялось бы явление Солженицына или состоялось бы вовсе не празднично, и, может быть, закончил бы он свои дни в старческой психушке, подобно Варламу Шаламову. В России нынешней — вражда поколений небывалая, а командные высоты захвачены вполне бессовестными ситуантами, кото-

рые в трудные времена помалкивали и даже очень убедительно обосновывали свое невмешательство, а теперь, когда можненько, рвутся к почетным званиям, наградам и премиям ничуть не ленивее тех секретарей, что изгоняли его. Дорвавшись до власти материальной, они, естественно, замахиваются и на духовную — и тут Солженицын, никуда не примкнувший, избегший всех мафий, всяческой стадности, которую называл Пастернак «прибежищем неодаренности», будет костью в горле, досадным конкурентом, которого постараются сообща свалить.

Оказалось, он не питает никаких иллюзий и на происходящее в России смотрит много трезвее, чем я мог предположить. В ответном письме, из которого я осмелюсь без согласия автора процитировать совсем немного, он пишет вот что:

«Да, я отдаю себе полный отчет, что возвращаясь в Россию на тяжелый жребий; ничто не дастся легко, все будет встречать сопротивление и злобу с разных сторон. И, может быть, в пределах моего жизненного срока ничто существенное и не удастся. Но надо попробовать...»

Что же такое он попробует? Еще строчка из его письма:

«Сегодняшнее бедственное положение нашей родины — не-обозримо, неисчерпаемо, неперечислимо.»

Понятно, что именно это может заставить человека совестливого прервать свои труды и поспешить на помощь родной стране. Только чем же он ей поможет?

Возраст не позволит выставить себя в президенты. Да и что может в России президент? Я сомневаюсь, что у Александра Исаевича по части рыночных отношений концепции более верные и прогрессивные, чем у Явлинского или Гайдара. Сотрудничество с какой-либо партией, разумеется, придаст ей веса, но за счет потери его у давшего ей свое имя. Так от веку складываются у нас взаимоотношения писателя и партии¹¹².

Все свои книги он уже написал. Их прочли — и ничто не перевернулось. Перевернется ли от того, что автор будет жить рядом со своими читателями? Однако и не пройдет незамеченным. <...>

Всем известно, что брать взятки и лгать нехорошо, но есть люди, в присутствии которых это почему-то особенно неудобно делать. Не то чтобы стыдно, а неудобно как-то, не гладко сходит с рук подличать, занимать не свое место, навязывать себя в лидеры огромной стране с многовековой ее историей, великой культурой. В свое время роли нравственных судей, точнее сказать — нравственных свидетелей, сыграли Твардовский и Сахаров. Теперь я склонен думать, что Россия не останется безразличной к присутствию Солженицына. По крайней мере там, где он находится, уже неинтересно слушать Жириновского, хотя говорит он занятно. Вот что и предстоит Солженицыну попробовать, вот в чем и будет заключаться миссия человека, крещенного войной, восемью годами несвободы, опасной болезнью, изгнанием из отечества и теперь возвращением к ограбленному дому, а все-таки не сдавшегося, не поднявшего рук перед тяжестью испытаний. Только одно следует понять — исполнить эту миссию он не сможет без помощи всех нас.

Не об идеях речь — и, наверное, ничего нового из его уст мы не услышим, но, может быть, тверже усвоим, что без нравственного стержня невозможна не только жизнь духовная, но и прежде всего жизнь хозяйственная, любое достойное существование.

Будет восточный базар, говорят экономисты. Но я думаю, и его не будет. Там, где как будто даже принято плутовать и где это составляет неотъемлемую прелесть купли-продажи, там во все не беспредел, там свой закон и порядок — старинная духовная традиция, много выше наших теперешних.

Итак, быть костью в горле, быть режущей соринкой в глазу, быть песчинкой, царапающей общественную совесть, много это или мало? Бесконечно много, если общество сознает нужду в моральном авторитете. И бесконечно мало, если оно единственного желает — чтобы ему не мешали соскальзывать к пропасти.

Вот почему, сознавая всю чудовищную трудность задачи, выпавшей человеку очень немолодому и усталому, я желаю ему: «Счастливого Вам свидания с Россией, обоюдного с нею согласия. Хлеб да соль!»

ПРИМЕЧАНИЯ

К части первой

¹ ...Винниченко... — В.К. Винниченко (1880–1955) — редактор центрального органа Украинской социал-демократической рабочей партии «Робітнича газета», первоначально сторонник национально-территориальной автономии Украины в составе России, возглавлял первое правительство Украинской народной республики — Генеральный секретариат Украинской рады, вел переговоры с Временным правительством о предоставлении Украине политической самостоятельности. После прихода большевиков к власти в России провозгласил независимость Украины и отказался от концепции федерации в составе России, до 26 января 1918 г. был премьером Центральной рады.

² ...«лига народов»... — В 1919 г. была учреждена международная организация Лига наций.

³ ...Weltstaat... — Мировое государство (нем.).

⁴ ...был Брест... — То есть Брестский мир, заключенный в Брест-Литовске в марте 1918 г. Аннулирован Советским правительством в ноябре того же года.

⁵ Речь идет о берлинских событиях ноября 1918 г., в результате которых монархия была заменена парламентской республикой, а также о заседаниях в Веймаре Германского учредительного национального собрания.

⁶ ...генерал фон дер Гольц... — Немецкий генерал, командовал войсками под Петроградом в Первую мировую войну.

⁷ ...на стороне «Согласия»... — То есть на стороне Антанты — «Тройственного согласия», блока Великобритании, Франции и России, организованного в 1904–1907 гг.; в период Первой мировой войны включал более 20 государств.

К части второй

⁸ ...книги Шпенглеров и Гессе... — Имеется в виду книга О. Шпенглера «Закат Европы. Очерки морфологии мировой культуры» и книга Г. Гессе «Паломничество в страну Востока».

⁹ ...С.С. Лукьянов оказался в белом Париже... — С.С. Лукьянов (ок. 1888–1938?) — историк искусства, публицист. С февраля 1921 г. участник парижской группы «Смена вех», автор одноименного сборника. В журнале «Смена вех» опубликовал 7 статей («Голод и эмиграция», «Революционное творчество культуры», «Голод и политика» и др.).

¹⁰ ...Л.С. — За этим криптонимом, возможно, скрывается С.И. Португейс, в 1917 г. член редколлегии «Рабочей газеты», постоянный сотрудник эмигрантских меньшевистских изданий.

¹¹ ...Ст. Иванович... — Псевдоним С.И. Португейса.

¹² ...объяснений моего сотрудничества в «Накануне». — В отличие от А.Н. Толстого бывший глава белого «Верховного управления Северной области» в Архангельске был уверен, что «орган “Накануне”, заведомо издающийся на большевистские деньги», не может быть пристанищем для деятеля русской эмиграции. Свой ответ Толстой опубликовал как «Открытое письмо» вместе с письмом Чайковского к нему. Эту акцию поддержал К.И. Чуковский: «Ваш ответ Чайковскому прекрасен» (Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. / вст. статья, сост., подгот. текстов и комментарии А.М. Крюковой. М., 1989. Т. 1. С. 310).

¹³ ...на деньги частного лица... — В 1990-е годы было доказано, что «частным лицом» являлось Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным (См.: Козлов В.Н. Провокация (Тайная операция Политбюро ЦК ВКП(б) — издание сменовеховской газеты. 1922–1924 гг.) // Звезда. 1997. № 5. С. 157–160).

¹⁴ ...выкинутых ею за границу. — Материалы по истории высылки см.: Вестник Российской Академии наук. 2001. № 8; Вопросы философии. 2002. № 10; и др.

¹⁵ ...одна русская газета за границей. — Возможно, подразумевается газета «Дни».

¹⁶ ...понял душою и умом. — Л.А. Тихомиров (1852–1923) был членом исполкома и теоретиком партии «Народная воля», но в 1888 г. раскаялся, получил царское прощение и стал журналистом монархического направления.

¹⁷ ...Черевин будто бы сказал... — П.А. Черевин (1837–1896) — начальник охраны Александра II.

¹⁸ ...авторше дневника... — Речь идет о книге: Богданович А.В. Три последних самодержца. М.; Л., 1924.

¹⁹ ...лейб-акушера. — Точнее: детского врача.

²⁰ ...чемберленовскими подручными гг. Павловыми — Рут Фишер... — Министр иностранных дел Великобритании Н. Чемберлен в 1927 г. был одним из инициаторов разрыва дипломатических отношений с СССР. Аркадий Маслов и Рут Фишер — деятели коммунистического движения в Германии. В 1926 г. Маслов был исключен из компартии и Коминтерна.

²¹ ...grosso modo... — Грубым образом (ит.). Здесь в значении: в общих чертах, приблизительно.

²² ...восхваление Шлагетера... — А.Л. Шлагетер устроил диверсию на железной дороге в оккупированном французами Руре, за это был ими казнен в 1923 г.

²³ ...за год перед Руром... — То есть перед оккупацией Рура французскими войсками.

²⁴ ...члены Англо-русского комитета... — Англо-русский комитет (1925–1927) — орган сотрудничества советских профсоюзов и британских тред-юнионов.

²⁵ ...divide et impera. — Разделяй и властвуй! (лат.)

²⁶ ...дело чести, дело славы, дело доблести и геройства. — Эти слова принадлежат Сталину; в 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) он охарактеризовал ими труд в СССР.

²⁷ ...ячейка СВБ... — То есть Союза воинствующих безбожников СССР.

²⁸ ...«Безбожник у станка» — Журнал, орган Центрального и Московского советов Союза воинствующих безбожников СССР.

²⁹ ...спокойствие духа и интересы народа. — Цитата из статьи: Утверждения. 1931. № 2.

³⁰ ...sit venia verbo... — С позволения сказать (лат.).

³¹ ...pièce de résistance... — Самым существенным (фр.).

³² ...Куденгове-Калерджи... — Р.Н. фон Куденхов-Коллерги — один из авторов проекта объединения государств в Европе, создания ПАН-Европы.

³³ ...в ЦЧО... — В Центральной черноземной области.

³⁴ ...«Трудовая партия»... — Речь идет, вероятно, о Трудовой группе в Государственной думе, фракцию которой с 1915 г. возглавлял А.Ф. Керенский. В 4-й Государственной думе она имела 10 мест. В апреле 1917 г. на съезде Трудовая группа провозгласила себя социалистической партией.

³⁵ ...А октябрь – отобрал и ту землю... – Вероятно, подразумевается насильственная коллективизация 1929–1930 гг. Сразу после Октября в 1917–1918 г. большевики исполнили лозунг «Вся земля крестьянам!»: земля была поделена между крестьянами.

³⁶ ...по словам профессора В.В. Чернавина... – В том же номере «Новой России» Солоневич поместил статью В.В. Чернавина «Горестные мысли», автор которой тоже был беглецом из сталинского лагеря.

³⁷ ...on revient toujours à ses premiers amours. – Всегда возвращаются к своей первой любви (фр.).

³⁸ ...митрополитом... – Речь идет об указе московского митрополита Сергия, будущего Патриарха, в котором было осуждено софиологическое учение С.Н. Булгакова.

³⁹ ...лично съезжались с германским вождем... – В сентябре 1938 г. Н. Чемберлен, Э. Даладь и А. Гитлер с Б. Муссолини встретились в Мюнхене и заключили соглашение, в соответствии с которым Судетская область Чехословакии передавалась Германии.

⁴⁰ ...Дранг нах остен... – Натиск на Восток (нем.)

⁴¹ ...quantité négligeable... – Величина, которой можно пренебречь (фр.)

⁴² ...mutatis mutandis... – С известными оговорками.

К части третьей

⁴³ ...в особенности польской интеллигенции. – Характерно, что тогда же на этот нацистский замысел обращал внимание главный редактор московской «Правды» П.Н. Поспелов. В свою рабочую тетрадь он записал мнение газеты «Националь цайтунг»: «Немногие узколюбые интеллигенты, еще сохранившиеся на территориях, которыми мы будем управлять после войны, будут перевоспитаны или медленно искоренены» (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 56). Обратил он внимание и на замыслы гитлеровских политиков в отношении чехов и чешской интеллигенции: «Мы должны уничтожить культурный слой. Пусть они занимаются торговлей и ремеслом» (Там же. Л. 57).

⁴⁴ ...Кох, Кобе и Лозе... – Крупные гитлеровские администраторы на оккупированных территориях Украины и Прибалтики.

⁴⁵ ...Севастопольская кампания... – Речь идет о Севастопольской обороне с 25 сентября 1854 г. по 8 сентября 1855 г. под руководством В.А. Корнилова и П.С. Нахимова. О Севастопольской обороне с 30 октября 1941 г. по 4 июля 1942 г. Авксентьеву еще предстояло узнать.

⁴⁶ ...восстановление георгиевских крестов. — Георгиевские кресты не были восстановлены, но их ношение солдатами Первой мировой в годы Великой Отечественной войны не запрещалось.

⁴⁷ ...института политкомиссаров. — Политические руководители (политруки) занимались в Красной армии политико-воспитательной работой. В 1942 г. эта должность в армии была упразднена.

⁴⁸ коммунист Владимир Орлов... — В.Н. Орлов (1908–1985) — литературовед. Он не был членом ВКПб. В 1941–1942 гг. служил корреспондентом фронтовой печати.

⁴⁹ ...в 1937 году, в Париже, товарищ Потемкин... — Речь идет о дипломате В.П. Потемкине; в 1937–1940 гг. — первый заместитель народного комиссара иностранных дел СССР, позднее — нарком просвещения РСФСР.

⁵⁰ ...изъять из обращения академика Тарле. — Е.В. Тарле, историк, академик, был репрессирован в 1930–1934 гг. В последующие годы занимался научной работой.

⁵¹ ...даже Раф Германии не бомбардировал... — Раф (RAF) — Королевские воздушные силы Великобритании.

⁵² ...говорит Эрскин Колдуэлл... — Э. Колдуэлл (1903–1987) — американский прозаик, публицист, военный корреспондент в Москве в 1941 г.

⁵³ ...в угоду национальному чувству... в коем явилась потребность. — Это точное наблюдение подтверждает, например, письмо бывшего председателя Центрального Совета Союза воинствующих безбожников СССР Ем. Ярославского автору антирелигиозных инсценировок А.Л. Желябужскому весной 1942 г. Литератор пожаловался, что стали запрещать антирелигиозные постановки. Ярославский ответил: «Сейчас национальное единство — важнейший фактор в войне. Все, что хоть в малой степени ослабляет это единство, надо отодвинуть» (цит. по: Перхин В.В. М.Б. Храпченко и деятели русского искусства (апрель 1939 — январь 1948) // Деятели русского искусства и М.Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусства: апрель 1939 — январь 1948. Свод писем. М., 2007. С. 63–64.

⁵⁴ Тезисы профессора Рановича — А.Б. Ранович (1886–1948) — историк Древнего Востока и Рима.

⁵⁵ ...о каноническом положении этой митрополии (в Вильно. — В.П.) ничего не известно... — 22 сентября 1942 г. глава Русской церкви митрополит Сергей запретил священнослужение митрополиту Литов-

скому Сергию (Воскресенскому), который поздравил Гитлера с военными успехами. Историки считают, что он это сделал, руководствуясь только «политическим расчетом, стремлением сохранить легальную церковную организацию» (Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской православной Церкви. 1917–1990. М., 1994. С. 120).

⁵⁶ ...минский митрополит также стоит особняком. — Митрополит Минский и Белорусский Пантелеимон не пошел на разрыв с Предстоятелем Русской православной церкви и в условиях оккупации «вынужден был практически отойти от дел» (Там же. С. 117).

⁵⁷ ...не обращает на нее внимание. — В 1923 г. Александр Введенский говорил: «И здесь в Москве на первом соборе большевиков назвали “сатанистами”. Не все разделяли эту точку зрения. Вспыхнуло освободительное, обновленческое движение церкви» (Р.М. Второй поместный собор // Известия. 1923. 4 мая. С. 7). Осенью 1941 г. Святейший и Блаженнейший Первоиерарх Русской обновленческой церкви (Александр Введенский) был эвакуирован в Ульяновск, где «служил в одной из ульяновских церквей» (Лентулова М. Художник Аристарх Лентулов. Воспоминания. М., 1970. С. 116).

⁵⁸ ...запрещена к распространению... — Ср.: *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001. С. 139–140.

⁵⁹ ...18 лет как без Патриарха... — Патриарх Московский и Всея Руси будет избран на Архиерейском Соборе в сентябре 1943 г.

⁶⁰ ...генерал Суворов, граф Кутузов... — А.В. Суворов имел звание генералиссимуса, М.И. Кутузов был князем.

⁶¹ Реакция «Красной звезды» на роспуск Коминтерна... — В мае 1943 г. Президиум Исполнительного комитета Коммунистического интернационала принял решение о роспуске.

⁶² ...отвечает Вишняку и Тимашеву... — Милоков полемизировал со статьями: Вишняк М. Правда антибольшевизма // Новый журнал. 1942. № 2. С. 206–223; Тимашев Н. Сила и слабость России // Там же. С. 192–205.

⁶³ Du passé faisons la table rase! — Сделаем из прошлого чистую доску! (фр.).

К части четвертой

⁶⁴ Оружье свободных людей... — Из стихотворения «Свободное слово» (Аксаков К. С. Стихотворения. М., 1909. С. 43).

⁶⁵ ...популярные стихи по естествознанию. — Д.И. Писарев утверждал, что «естествознание составляет в настоящее время самую животрепещущую потребность нашего общества» и советовал Щедрина: «пусть читает, размышляет, переводит, компилирует, и тогда он будет действительно полезным писателем. При его умении владеть русским языком и писать живо и весело он может быть очень хорошим популяризатором» (Писарев Д.И. Цветы невинного юмора // Д.И. Писарев. Литературная критика: В 3 т. / Сост., подгот. текста, вст. статья и примеч. Ю. Сорокина. Л., 1981. С. 322).

⁶⁶ ...томисты и скотисты... — Последователи Фомы Аквинского — томизма и последователи И.Д. Скота.

⁶⁷ Таковы многие русские в Америке. — Здесь намек на некоторых авторов статей в нью-йоркских журналах «Социалистический вестник», «За свободу». Г.П. Федотов писал, что режим Сталина «шел по линии удушения всякой свободы: политической, культурной, духовной. <...> Было бы чудом, если бы в этом аду народ сохранил свое человеческое достоинство, ту русскую, в основе христианскую, доброту и совестливость, которые для нас казались неотъемлемыми чертами его национального характера» (Федотов Г. Просветы во тьму // За свободу. 1947. № 18. С. 53). Между тем Б.Л. Пастернак в стихотворении «На ранних поездах» (1941) свидетельствовал, что и в тех условиях «народ сохранил свое человеческое достоинство»:

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.
Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.
В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли, как господа.

(Пастернак Б. Стихи. М., 1967. С. 214–215)

В этих строчках запечатлена не просто «вера в русский народ», к которой призывал Бердяев, в них сконцентрировано точное знание народа.

⁶⁸ Всякая власть всегда частична, а не тоталитарна... — Понятие «тоталитаризм» применительно к властвованию в Советском Союзе стало широко употребляться в прессе Русского зарубежья в послевоенный период, хотя изредка встречалось и в 1930-е годы. Однако не все журналисты считали, что это понятие адекватно отражает сущность политической системы СССР. В.В. Сухомлин, например, писал: «Я не знаю, кто первый объявил Советский Союз “тоталитарным государством”. Но судьба этого термина показывает, как создаются политические мифы невежественными журналистами и учеными шулерами. Слово “тоталитарный” было придумано Муссолини для определения политико-философской сущности фашизма. Это — типичный “итальянизм”, перешедший в другие языки почти без изменений. По своему происхождению и по смыслу, этот термин может относиться только к фашистскому государству. Те, кто применяет его к Советскому Союзу, хотят создать впечатление, что он так же опасен, как гитлеровская Германия» (Сухомлин В. Свое и чужое // Новоселье. 1945. № 17–18. С. 105). Противники Бердяева резко его осуждали: «...“Русские новости” сочли нужным выступить, при посредстве эмигрантского философа “советской ориентации” (собственное признание г. Бердяева) против формирования в стране советов “рабьих душ”: “советы сбиваются с пути” — мягко указал Бердяев — когда, желая создать “не только новое общество, но и нового человека”, забывают, что приходится иметь дело с живыми душами, а не математическими линиями.

Робкие замечания Бердяева нас не удовлетворяют, более чем кощунственно говорить о “правде Божией”, осуществляемой в стране инквизиторов и садистов» (М. Казенное тавро // Независимое слово. 1946. № 5. С. 32). В следующем «сборнике» С.П. Мельгунов и его единомышленники продолжили полемику с Бердяевым: «А мы выстрадали себе право быть единственно компетентными судьями собственного своего опыта. Нас, а не Вас, должен спрашивать Запад, желающий понять Советскую Россию. И он начинает это делать, и потому начинает кое-что понимать лучше Вас» (Советский интеллигент. Лукавая двусмысленность (Открытое письмо Бердяеву) // Свободная мысль. 1946. № 6. С. 10–11).

⁶⁹ ...«унтерменши»... — «Унтерменши» — «недочеловеки». Термин вошел в оборот после появления в 1942 г. эсэсовской брошюры «Der Untermensch». Она рисовала народы Советского Союза как «гуннов», угрожающих всему «доброму и человеческому» в Европе и мире.

⁷⁰ ...Константина Оленина, поэта... — Поэт К. Оленин (1881–?) посвятил эту песню памяти павших в русско-японской войне 1904–1905 гг. В Интернете его смерть датируется неопределенно: после 1939 г. Указание Корякова о встрече с Олениным в Сарнах в 1944 г. позволяет существенно уточнить эту дату.

⁷¹ О его смерти (Булнина. — *В.П.*)... — В годы войны и позднее нередко использовали непроверенные данные, часто в пропагандистских целях. К ним мог обратиться и Н.Д. Телешов. Чрезмерно много недостоверной информации можно встретить, например, в журнале «Независимое слово»: «сын Ахматовой погиб в застенках ГПУ»; «после напечатания в “Звезде” разоблачили Марину Цветаеву, которая затем повесилась» и т.д. (*Б.п.* Свобода творчества в СССР // Независимое слово. 1946. № 5. С. 30, 34).

⁷² ...в 14-й книжке «Нового журнала». — Публикация глав из книги началась с 15-го номера (См.: Коряков М. Панихида // Новый журнал. 1947. № 15. С. 213–233).

⁷³ ...в виде аиста... — Тот был богом мудрости, счета и письма; изображался человеком с головой ибиса — птицы длинноногой, как и аист.

⁷⁴ Дикая эта выдумка... — Действительно, цели И.И. Бунакова-Фондаминского были совсем другие: он занимался изданием журнала «Современные записки», в 1930 г. был одним из организаторов «Лиги православной культуры», а в 1931 г. вместе с Г.П. Федотовым и Ф.А. Степуном стал издавать журнал «Новый град».

⁷⁵ ...чтобы понять явления советской жизни. — Коряков спорит со статьей: Херасков Ив. Общество благородных: Письмо о социализме // Новый журнал. 1946. № 14. С. 170–185.

⁷⁶ ...Молотов ... провозгласил: «Мы, русские, должны быть всегда вместе». — В.М. Молотов, вероятно, всерьез хотел упрочить отношения с эмигрантами. 14 мая 1946 г. появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции». Но всего лишь через несколько месяцев этот вектор политики перестал быть главным, так как И.В. Сталин и А.А. Жданов продолжали относиться к эмигрантам весьма недоверчиво. Такие настроения были сильны и в обществе. Подробнее см.: Перхин В.В. М.Б. Храпченко и деятели русского искусства (апрель 1939 — январь 1948). С. 100–103.

⁷⁷ ...Г.П. Федотов переменял бы мнение. — После переезда в США публицистика Г.П. Федотова стала резко антикоммунистической. Теоретическое основание он нашел в тезисе о том, что в Италии, Германии и России «фашизм получил свое классическое развитие» (Федотов Г. Между двух войн // Новый журнал. 1946. № 14. С. 160). «Концепции Г.П. Федотова», с которыми не соглашался Коряков, изложены в статьях: 1) Рождение свободы // Новый журнал. 1944. № 8. С. 198–218; 2) Загадки России // Там же. 1943. № 5. С. 142–160. В уже цитированной статье «Просветы во тьму» он утверждал: «Русский человек в массе сохранил остаток природного добродушия, но почти потерял сознание добра и зла. Та опасная “широта” русской природы, о которой говорил еще Достоевский, не оказывает достаточного сопротивления тоталитарной силе зла» (За свободу. 1947. № 18. С. 54).

⁷⁸ ...капитана Красной армии. — Речь идет о М.М. Корякове.

⁷⁹ ...молодые писатели (Максимов, Елагин). — С.С. Максимов (1916–1967) — прозаик, в 1934 г. поступил в Литературный институт им. М. Горького, в 1936 г. арестован, до 1941 г. находился в заключении. С осени 1941 г. жил в оккупированном Смоленске, был арестован гестапо, в 1943 г. уехал в Германию, был сотрудником министерства пропаганды, печатался в газете «Новое слово». В 1945 г. поселился в Гамбурге, был сотрудником журнала «Грани». И.В. Елагин (наст. фам. Матвеев; 1918–1987) — поэт, учился в Киевском медицинском институте. Осенью 1943 г. эмигрировал в Прагу — Берлин. С 1946 г. жил около Мюнхена. В 1950 г., как и Максимов, переехал в США.

⁸⁰ ...tour d'ivoire... — Башня из слоновой кости (фр.).

⁸¹ ...публицистом марксистского направления Д. Далиным. — Д. Далин (наст. имя и фам. Давид Юльевич Левин; 1889–1962) — в 1921 г. был выслан из России, член ЦК меньшевистской партии, один из основателей и член редколлегии журнала «Социалистический вестник». Печатался в немецкой социал-демократической периодике. С 1940 г. жил в Нью-Йорке.

⁸² ...«Coup d'Etat». — Переворот (фр.).

⁸³ ...et libre langue russe! — Французский перевод тургеневских строк о русском языке из второго абзаца этого текста.

⁸⁴ ...Чеховского издательства... — Издательство им. Чехова. О нем см.: Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга Русского зарубежья. Из истории книжной культуры XX века. СПб., 2001. С. 76–78.

⁸⁵ ...Коряковым... — См. в наст. издании его очерк «Встреча на чердаке».

⁸⁶ ...«non possumus». — Не можем! (лат.)

⁸⁷ ...arbitrator elegantiarum... — Законодатель в области изящного (лат.).

⁸⁸ ...«и наживаться на жалости». — Цитата из романа «Доктор Живаго».

⁸⁹ ...Померанца... — Г.С. Померанц (р. 1918) — публицист.

⁹⁰ ...Печерины... — В.С. Печерин (1807–1885) — поэт, переводчик, мыслитель.

К части пятой

⁹¹ ...появления его меморандума. — Речь идет, вероятно, о «Памятной записке Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Л.И. Брежневу» от 5 марта 1971 г. Но был и другой документ, включенный в книгу: «Меморандум академика Сахарова. Текст, отклики, дискуссия. “Посев”, 1970».

⁹² ...интеллигенция — образованщина — См. статью «Образованщина» на сайте: Lib.ru: Александр Солженицын.

⁹³ ...Агурский... — М.С. Агурский в 1970-е годы неоднократно поддерживал Солженицына (См.: Вестник РСХД. 1973. № 108; Посев. 1974. № 3).

⁹⁴ ...«I do not care». — Я не беспокоюсь (англ.).

⁹⁵ ...«Хронику текущих событий»... — неперIODический информационный бюллетень. Основан в Москве в 1968 г. Н.Е. Горбаневской. Выходил в самиздате. В нем сообщались сведения о преследовании инакомыслящих в СССР и выступлениях правозащитников. В декабре 1969 г. Горбаневская была арестована.

⁹⁶ ...в романе «Чаша ярости»... — Название второй книги автобиографического романа «Прощание из ниоткуда».

⁹⁷ ...папа Иоанн-Павел II напомнил всем нам... — Цитирование главы Римской католической церкви объясняется тем, что этот текст — выступление Максимова на заседании международного colloquium «Культура: орудие возрождения жизни (по мотивам речи папы Иоанна-Павла II в ЮНЕСКО)» (Милан, 20–21 июня 1981 г.).

⁹⁸ ...не того, который бодался... — Намек на публицистическую книгу А.И. Солженицына «Бодался теленок с дубом». Первая публикация — Париж, 1975 г.

⁹⁹ ...под машину... Брежнева... — Возможно, автор ошибался с фамилией, а подразумевал младшего лейтенанта милиции В. Ильина, который 21 января 1969 г. у ворот Кремля стрелял в машину Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева (1906–1982). Она двигалась в кортеже машин с космонавтами (См.: Сафонова Марина. Брежнев спасал от смерти черный кот // Комсомольская правда. 2002. 23 августа).

¹⁰⁰ ...«Неделе» «Известий»... — «Неделя» — воскресное приложение к «Известиям Советов народных депутатов СССР». Выходило с 1960 г.

¹⁰¹ ...«За кулисами диверсии»... — «За кулисами диверсий» — рубрика Международного отдела газеты «Известия». Она соответствовала установке правящей партии, отвергавшей концепции мирного сосуществования идеологий.

¹⁰² ...за которую вступился Шафаревич... — В.В. Кожин (1930–2001) — историк литературы, литературный критик, публицист. И.Р. Шафаревич (р. 1923) — математик, публицист. Он писал: «Грустно и страшно видеть, как мало за последнее время появилось попыток осмысления (а не только описания) сталинского периода нашей истории, как узка та сфера, из которой черпаются публикуемые факты и как мало было попыток ее расширить. <...> Из них наиболее глубокой представляется мне статья В. Кожина “Правда и истина” (“Наш современник” № 4 за 1988 г.). В ней автор, в частности, делает очень интересную попытку рассмотреть весь феномен сталинизма как явление всемирно-исторического масштаба» (Шафаревич И. Логика истории // Московские новости. 1988. 12 июня).

¹⁰³ ...варламовой идеологической системы... — Речь идет о Варламе, герое грузинского кинофильма «Покаяние». Ср.: Лакшин В. Непрощающая память // Московские новости. 1986. 30 ноября; Рождественский Р. Совсем не рецензия. О фильме «Покаяние» // Литературная газета. 1987. 21 января; Евтушенко Е. Право на неоднозначность // Советская культура. 1987. 3 января; Кардин В. Дорога не ведет к храму // Искусство кино. 1987. № 3.

¹⁰⁴ ...Гавел в статье, которую мы публикуем... — См.: Гавел В. Там, где Брежнев еще у власти // Русская мысль. 1988. 19 августа. С. 5.

¹⁰⁵ ...семь абсолютно беспомощных людей... — Участниками акции на Красной площади («сидячей забастовки») были: критик К. Бабицкий, его жена филолог Л. Богораз-Даниэль, поэтесса Н. Горбаневская, поэт В. Делонэ, рабочий В. Дремлюга, преподаватель физики П. Литвинов, музыковед В. Файнберг.

¹⁰⁶ ...сборника «Иного не дано»... — См.: Иного не дано: Перестройка: гласность, демократия, социализм / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1988.

¹⁰⁷ ...кто на «Горбачева», а кто на «Лигачева»... — М.С. Горбачев — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Е.К. Лигачев — член Политбюро ЦК КПСС, один олицетворял «новое мышление», другой воспринимался как его антипод.

К части шестой

¹⁰⁸ ...Марченко... — А.Т. Марченко (1938–1986) — писатель, автор книги «Мои показания», автор открытого письма в иностранные средства массовой информации о чехословацких событиях 1968 г., был пять раз осужден за политические преступления, почти 19 лет провел в тюрьме, где и умер.

¹⁰⁹ ...члены восьмерки?... — В данном случае «восьмерка» — Государственный комитет по чрезвычайному положению, созданный в августе 1991 г., в составе: вице-президент СССР Г.И. Янаев, председатель Совета министров СССР В.С. Павлов, первый заместитель председателя Совета обороны О.Д. Бакланов, министр внутренних дел Б.К. Пуго, министр обороны Д.Т. Язов, председатель Комитета государственной безопасности В.А. Крючков, председатель Крестьянского союза В.А. Стародубцев, президент Ассоциации государственных предприятий А.И. Тизяков.

¹¹⁰ ...ваша страна вообще существовала. — Подобные настроения имеют давнюю традицию. Например, в марте 1917 г. поэт И.М. Зданевич был переполнен такими же эмоциями: «Революция ненависть к России вообще обратила против Российской империи. Вчерашние пораженцы, мы мечтали теперь о распаде ее на сотню республик и думали, что превращение России в скромное государство с выходом в Ледовитый океан сможет нас наконец примирить с нею» (Ильязд [И.М. Зданевич] Из писем Филиппу Прайсу // Новый журнал. 1989. № 174. С. 110).

¹¹¹ ...как это было с Фолклендами... — Намек на экспедицию военно-морского флота Великобритании к берегам Аргентины с целью

подтверждения своего суверенитета над спорными Фолклендскими (Мальвинскими) островами.

¹¹² ...взаимоотношения писателя и партии. — Вариант мысли А.А. Блока: писатели «политики не сделают, а свой голос потеряют» (статья «Интеллигенция и революция»). В том же номере «Русской мысли» были помещены ответы В. Буковского, Ю. Афанасьева, А. Собчака, Г. Попова, Ю. Болдырева на вопрос «Что значит возвращение Солженицына для страны и для Вас лично?» и статья И. Иловойской «По страницам западной прессы. По поводу возвращения А. Солженицына в Россию».

ЛИТЕРАТУРА

К первой части

Тексты

Аверченко А.Т. Записки простодушного / сост., примеч. О.В. Сергеева. М., 1992.

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под ред. О.Н. Михайлова. М., 1998.

Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. М., 1990.

Куприн А.И. Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста. М., 2006.

Исследования

Бережной А.Ф. Белое движение и его печать на территории России в годы гражданской войны // А.Ф. Бережной. Углубляясь в историю печати: статьи. СПб., 1996. С. 73–98.

Жирков Г.В. Журналистика двух России: 1917–1920 гг.: учеб. пособие. СПб., 1999.

Русский исход [сб. статей] / отв. ред. Е.М. Миронова. СПб., 2004.

Молчанова Л.А. «Общественная и государственная жизнь с ее бесчисленными разветвлениями... без газет совершенно невысказана» (Газеты антибольшевистской России в 1919 г.) // Белое дело. М., 2005. С. 33–46.

Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой. Американское бюро печати в Советской России (1917–1920 годы). М., 1990.

Спиридонова Л.А. Смех негодующей ненависти. А. Аверченко // Л.А. Спиридонова. Бессмертие смеха. Комическое в литературе Русского зарубежья. М., 1990. С. 76–120.

Ко второй части

Тексты

Адамович Г.В. Литературные беседы. Кн. 1. «Звено». 1923–1925 / вст. ст., сост. и примеч. О.А. Коростелёва. СПб., 1998.

Адамович Г.В. Литературные беседы. Кн. 2. «Звено». 1926–1928. СПб., 1998.

Адамович Г.В. Литературные заметки. «Последние новости». 1932–1933 / сост. и примеч. О.А. Коростелёва. СПб., 2007.

Адамович Г.В. Одиночество и свобода / сост., послесл., примеч. О.А. Коростелёва. СПб., 2002.

Амфитеатров А.В. Литература в изгнании. Париж. 1929 / предисл. и публ. А.Н. Николюкина // Реферативный журнал. Литературоведение. Сер. 7. 1994. № 3. С. 93–118.

Бем А.Л. Письма о литературе. Прага, 1996.

Бенуа А.Н. Художественные письма. М., 2003.

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под ред. О.Н. Михайлова. М., 1998.

Голенищев-Кутузов И.Н. Лики времени. Парижские эссе / изд. подг. И.В. Голенищевой-Кутузовой. М., 2004.

Голенищев-Кутузов И.Н. От Рильке до Волошина. Журналистика и литературная критика эмигрантских лет / сост., подгот. текста, предисл., примеч. И.В. Голенищевой-Кутузовой. М., 2005.

Зеньковский В.В. Собр. соч.: в 2 т. М., 2008.

Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте; Рерих — художник-мыслитель [Очерки] / сост. Ю.В. Коноплянников. М., 1991.

Ильин И.А. О грядущей России: избр. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. М., 1993.

Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Статьи. Письма. Выступления. О сопротивлении злу силою: pro et contra: Полемика вокруг идей И.А. Ильина // И.А. Ильин. Собр. соч.: в 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 31–556.

Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи, речи, лекции / сост. предисл., примеч. В.И. Белова. М., 1993.

Керенский А.Ф. Народ и власть // Искусство кино. 1990. № 10. С. 30–37.

Керенский А.Ф. Февраль и Октябрь [Мемуарный очерк] // Литература Русского зарубежья: в 6 т. М., 1990. Т. 1. Кн. 2. С. 75–87.

Краснов П.Н. Армия [Статья из «Русского колокола». 1928. № 3] // Наш современник. 1991. № 5. С. 180–182.

Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. М., 1990.

Куприн А.И. Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста. М., 2006.

О России и русской философской культуре. Философия русского послеоктябрьского зарубежья. Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, П.А. Сорокин, Г.П. Федотов, Г.В. Флоровский / сост. М.А. Маслин. М., 1990.

Осоргин М.А. Как нас уехали; Андрей Белый; Трагедия писателя // М.А. Осоргин. Воспоминания. Повесть о сестре. М., 1992.

Откровения Бориса Поплавского. Дневники. Стихи. Статьи / публ. и примеч. А.Н. Богословского // Наше наследие. 1996. № 37. С. 44–64.

Полемика Г.В. Адамовича и В.Ф. Ходасевича (1927–1937) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 204–250.

Поплавский Б. Неизданное. Дневники. Статьи. Стихи. Письма. М., 1996.

Поплавский Б. О православии. Человек и знакомые. Личность и общество // Новый журнал (С.-Петербург). 1993. № 2.

Публицистика Русского зарубежья (1920–1945): сб. ст. [Н.А. Бердяева, И.А. Бунина, М.В. Вишняка, Е.Д. Кусковой, Ю.О. Мартова, П.Н. Милокова, П.Б. Струве, Л.Д. Троцкого, Н.А. Тэффи, Н.В. Устрялова, В.М. Чернова, В.В. Шульгина] / сост. И.В. Кузнецов, Е.В. Зеленина. М., 1999.

Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / сост., вст. ст., коммент. И.А. Исаева. М., 1992.

Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / ред.-сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1993.

Русская идея. В кругу писателей и мыслителей Русского зарубежья: в 2 т. / сост. В.М. Пискунов. М., 1994.

Русские эмигранты о Достоевском / сост. С.В. Белов. СПб., 1994.

Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: сб. трудов евразийцев / сост. примеч. и вст. ст. С. Ключникова. М., 1997.

Русское зарубежье о Есенине / Сост. Н.И. Шубникова-Гусева. М., 1993. Т. 1–2.

Савицкий П.Н. Континент Евразия / сост. А.Г. Дугин. М., 1997.

Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия. Рецензии. Портреты. Некрологи / сост., примеч. и вст. ст. В.В. Перхина. СПб., 2002.

[Святополк-]Мирский Д. Стихотворения. Статьи о русской поэзии / Compiled and edited by G.K.Perkins, G.S.Smith. Berkeley, 1997.

Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.

Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935) / вст. ст. Н.А. Струве; подгот. текста, коммент., указатели А.Н. Шаханова. М., 2004.

Тайна Пушкина. Из критики и публицистики первой эмиграции / сост., коммент. М.Д. Филина. М., 1998.

Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык / сост., подгот. текста и коммент. В.М. Живова. М., 1995.

Тэффи. Проза. Стихи. Пьесы. Воспоминания. Статьи. СПб., 1999.

Устрялов Н. В. Гений веков / Предисл., примеч. и републ. [статьи 1937 г.] В.В. Перхина // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. 1999. Вып. 2. С. 77–82.

Устрялов Н.В. Национал-большевизм [Публицистика 1920–1926 гг.] / сост., примеч., коммент. С.М. Сергеева. М., 2003.

Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / сост., вст. ст., примеч. В.Ф. Бойкова. М., 1992.

Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.

Цветаева М.И. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе // М.И. Цветаева. Собр. соч.: в 7 т. М., 1994. Т. 5.

Шмелёв И.С. Душа России: сб. статей. 1924–1950 гг. СПб., 1998.

Шульгин В.В. Последний очевидец. Воспоминания. Очерки / вст. ст. Н.И. Лисовского. М., 2002.

Исследования

Абызов Ю. А издавалось это в Риге. 1918–1944: историко-библиографические очерки. М., 2006.

Абызов Ю., Ревдин Б., Флейшман Л. Русская печать в Риге. Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов: в 5 т. Stanford, 1997.

Азаров Ю.А. Газета «Новое время» в эмиграции // Вестник Московского университета. Сер. 9. 2002. № 1. С. 119–132.

Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров. Русское литературное зарубежье: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918–1940). М., 2005.

Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Милоков в эмиграции. М., 1996.

Бейсак М. Культурная жизнь эмиграции во Франции. 1920–1930-е годы. Париж, 1971.

Блюм А. Литература и печать русского зарубежья // А. Блюм. За кулисами «министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994.

Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Китае. М., 2008.

Вандалковская М.Г. П.Н. Милоков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992.

Васецкий Н.А. Троцкий. Опыт политической биографии. М., 1992.

Владева Л. Журналистика и литературная деятельность белой эмиграции [в Болгарии] // Новый журнал. 2007. Кн. 247. С. 229–236.

Вокруг «Чисел» // Литературное обозрение. 1996. № 2. С. 4–90.

Говендовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае 1917–1931 гг. М., 2004.

Голостёнов М.Е. Изгоев А.С. // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 122–123.

Горин М.М. Керенский А.Ф. // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 143–149.

Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991.

Дэвис Д. Переписка редакторов журнала «Современные записки» // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940: в 2 кн. / под общ. ред. Е.П. Чельшева, Д.М. Шаховского. М., 1994. Кн. 2. С. 34–42.

Елфимов Е.А. Меншевицкий журнал «Социалистический вестник» в первые годы эмигрантского существования // Культура российского зарубежья. М., 1995. С. 189–196.

Жирков Г.В. Между двух войн: Журналистика русского зарубежья (1920–1940 годы): учеб. пособие. СПб., 1998.

Жирков Г.В. Сопротивление сталинскому режиму и журналистика // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. 1993. Вып. 2. С. 60–67.

Журнал «Воля России» в письмах В.Б. Сосинского Б.А. Слуцкому / публ. Л.А. Кручининой // Встречи с прошлым. М., 2004. Вып. 10. С. 363–396.

Зверев А.М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920–1940. М., 2003.

Иоффе Г.З. Ю.О. Мартов // Россия на рубеже веков: Исторические портреты. М., 1991. С. 281–295.

Исаев Е.Г. Журнал «Русская мысль» (1921–1927). О прошлом, настоящем и будущем России: автореф. диссертации ... канд. филол. наук. М., 2005.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005.

Казьнина О. А. Русские в Англии. Русская литературная эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997.

Кодзис Б. Литературные центры Русского зарубежья. 1918–1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. München, 2002.

Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009.

Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1994.

Корицкий Э.О сбывшемся прогнозе и несбывшихся надеждах Ст. Ивановича // Мосты. 2008. № 8. С. 351–361.

Красовский В.Е. А. Амфитеатров — журналист и писатель // А. Амфитеатров. Закат старого века. Романы, фельетоны, литературные заметки. Кишинев, 1989.

Кубанова М. Журналы «Русская книга» и «Новая русская книга» в диалоге метрополии и эмиграции: автореф. диссертации ... канд. филол. наук. М., 1996.

Кузнецов И.В. Довоенная журналистика русской эмиграции // И.В. Кузнецов. История отечественной журналистики (1917–2000). М., 2006. С. 237–243.

Куликова О.Ю. Газета «Дни»: Парижский период, 1925–1933 // Русская эмиграция во Франции. Вторая половина XIX — середина XX вв. Тезисы докладов и сообщений республиканской научной конференции. СПб., 1995. С. 65–66.

Лапина Л. «Возрождение». Россия вне России // Духовность русской культуры. Омск, 1994. С. 99–105.

Лебедева Т.В. «Жар-Птица»; Трудный хлеб журналиста [в газете «Возрождение»] // Т.В. Лебедева, Сергей Маковский. Страницы жизни и творчества. Воронеж, 2004. С. 186–212, 239–255.

Литература русской эмиграции. 1920–1940. Вып. 3. [журналы и газеты] / отв. ред. О.Н. Михайлов. М., 2004.

Литературная энциклопедия Русского зарубежья. Периодика и литературные центры / гл. ред. и сост. А.Н. Николокин. М., 2000.

Лысенко А.В. Голос изгнания. Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919–1922 гг. М., 2000.

Люксембург А.М. Отражения отражений. Творчество Владимира Набокова в зеркале литературной критики. Ростов на/Д, 2004.

Лютова Н.К. Дальневосточный журнал «Рубеж» // Журналы Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2007.

Макаров Н.А. Николай Васильевич Чайковский. Исторический портрет. Архангельск, 2002.

Маслова М.Б. Эмигрантская либеральная печать о новой экономической политике 1921–1928 годов (по материалам Пражской колонии): автореф. диссертации ... канд. филолог. наук. М., 1995.

Меймре А. Русские литераторы-эмигранты в Эстонии. 1918–1940. Таллин, 2001.

Мелихов Г.В. Белый Харбин середины 1920-х годов. М., 2003.

Михаил Осоргин: Художник и журналист. [Сб. статей] / сост. В.В. Абашев. Пермь, 2006.

Млечко А.В. От текста к тексту: Символы и мифы «Современных записок» (1920–1940). Воронеж, 2008.

Николюкин А.Н. Зинаида Гиппиус в «Современных записках» // Реферативный журнал. Литературоведение. Сер. 9. 1995. № 4. С. 63–73.

Омельченко Н.А. «Веховская» традиция в духовной жизни русской эмиграции // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 40–58.

Перхин В.В. «Гений веков». Статья Н.В. Устрялова в газете «Известия» // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. 1999. Вып. 1. С. 67–71.

Перхин В.В. А.Н. Толстой в Русском Берлине (По материалам допроса Г.Д. Венуса в 1938 году) // Русская литература. 2000. № 1. С. 179–190.

Перхин В.В. О рецензиях Д.П. Святополк-Мирского в газете «Евразия» // Русский литературный портрет и рецензия. Концепции и поэтика: сб. ст. / ред.-сост. В.В. Перхин. СПб., 2000. С. 100–105.

Перхин В.В. Сменовеховская журналистика в русском зарубежье: методические указания к лекционному курсу «История русской журналистики и публицистики XX века». СПб., 1999.

Петрова Т.Г. Газета «За свободу!» и литературная жизнь русской эмиграции // Реферативный журнал. Литературоведение. Сер. 7. 1996. № 2. С. 53–60.

Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003.

Пудовкина Ю.Н. Сменовеховская журналистика. К истории возникновения // Вестник Московского университета. Сер. 10. 1992. № 5. С. 44–52.

Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / предисл. О. Казниной. М., 1994.

Русская литература в эмиграции: сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972.

Русская эмиграция в Югославии: сб. ст. / под ред. А. Арсеньева. М., 1996.

Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя войнами. Прага, 1995. Ч. 1 и 2.

Русский Берлин / изд. подг. Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. 2-е изд. М., 2003.

Русское зарубежье против фашизма. Т. 2 / отв. ред. А.А. Безбородов. М., 2005.

Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века / под ред. В.В. Шелохаева. М., 1997.

Сафронов Р.Ю. «Новый град» и идеи преобразования России // Культура российского зарубежья. М., 1995. С. 79–90.

Ской Гохун. Литературная жизнь русской эмиграции в Китае (1920–1940-е годы): автореф. диссертации ... канд. филол. наук. М., 1996.

Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М., 1991.

Степанова Т.М. Художественный мир публицистики Русского зарубежья. Борис Зайцев. М., 2004.

Степанова Т.М. Поэзия и правда. Структура и поэтика публицистической прозы Бориса Зайцева. 2-е изд. М., 2003.

Струве Г.П. О парижском журнале «Встречи» с приложением переписки двух редакторов // Новый журнал. 1973. Кн. 110.

Струве Г. Русская литература в изгнании. 3-е изд. Вильданова Р.И.; Кудрявцев В.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю. // Краткий биографический словарь русского зарубежья. Париж; М., 1996.

Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русских эмигрантов на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. СПб., 2004.

Толстая Е.Д. «Деготь или мед». Алексей Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М., 2006.

Толстой Иван. Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб., 1993.

Трущенко Е.Ф. В.П. Крымов как редактор газеты «Голос России» (1921) // Реферативный журнал. Литературоведение. Сер. 9. 1995. № 4. С. 19–23.

Федоров М.В. Эсеровские газеты Ревеля в 1920–1921 гг. // История журналистики Русского зарубежья XIX–XX веков. Материалы 2-й науч. конф. [на ф-те журн-ки СПбГУ] / отв. ред. Г.В. Жирков. СПб., 1999. С. 45–49.

Флейшман Л. Из истории журналистики Русского зарубежья. Т. 1. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003.

Флейшман Л. Материалы по истории русской и советской культуры. Из архива Гуверовского института. Stanford, 1992.

Харина Н.А. Общественная позиция газеты «Руть» (1920–1923) // Русская и зарубежная журналистика. Аспирантский сборник / ред.-сост. В.В. Перхин. СПб., 1996. С. 19–30.

Харина Н.А. Эмигрантская журналистика в формировании политического и социального пространства русского зарубежья (Берлин, 1921–1923 гг.): автореферат ... канд. филол. наук. СПб., 1999.

Хеллман Б. Александр Куприн против советской власти (Хельсинкские статьи 1919–1921 гг.) // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940: в 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 194–200.

Хенце Ш. «Русская эмиграция в Германии. 1918–1941». Конференция в Констанцком университете // Отечественная история. 1995. № 6. С. 209–211.

Хисамутдинов А. А. По странам рассеяния. Ч. 1. Русские в Китае. Владивосток, 2000.

Чебыкин И.В. Русские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е гг.): автореф. диссертации ... канд. ист. наук. М., 1996.

Шиляев Е. Общественно-культурная и политическая жизнь Харбина // Записки Русской академической группы в США. 1994. Т. 26. С. 211–240.

Якимова С.И. Жизнь и творчество Вс.Н. Иванова. Хабаровск, 2001.

Яковлева Т.А. Пути возрождения. Идеи и судьбы эмигрантской печати П.Б. Струве, П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского. Иркутск, 1996.

Белоэмиграција у Југославији. 1918–1941: в 2 т. Београд, 2006.

Die russische Diaspora in Europa im 20. Jahrhundert. Herausgegeben von A. S. M. Davids und Fedor Poljakov. Frankfurt am Main, 2008.

Goldt R. Exil ohne Zuflucht (1931–1937) // Goldt R. Thermodynamik als Textem. Der Entropiesatz als poetologische Chiffre bei E. I. Zamjatin. Mainz, 1995. S. 272–286.

Der große Exodus: Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. von K. Schlögel. München, 1994.

Džurič O. Ruska literarna Srbija. 1920–1941. Beograd, 1990.

Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–31 // Birmingham Slavonic Monographs. 1995. N 26. S. 1–227.

Smith G.S. D.S. Mirsky. A Russian-English Life. 1890–1939. Oxford, 2000.

Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany. 1881–1941. London, 1972.

К третьей части

Тексты

«Другой газеты сегодня в Германии быть не может...» Письма Владимира Деспотули к Александру Бурову (1934–1938) / Публикация С.В. Шумихина // Диаспора. Новые материалы. VIII. Париж, СПб., 2007. С. 301–340.

Иванов-Разумник Р.В. Очерки в газете «Новое слово» // Встречи с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / публ., вст. ст., подгот. текста и коммент. О. Раевской-Хьюз. М., 2001. С. 307–377.

Осоргин М.А. В тихом местечке Франции. Письма о незначительном. М., 2005.

Исследования

Кисилёв А.Ф. Страна грёз Георгия Федотова. М., 2004.

Котенко Н. Иван Солоневич ищет Россию // Москва. 1993. № 5. С. 115–125.

Литература «первой волны» в журналах после 1940 г. // Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940. Периодика и литературные центры / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М., 2000. С. 515–571.

Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2006.

К четвертой части

Тексты

«Советская хроника» Ивана Бунина / Публикация Дм. Черниговского // М. Рощин. Иван Бунин. М., 2000. С. 291–328.

Бердяев Н.А. Истина и Откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб., 1996.

Вторая мировая война. Иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев» / сост. Д.С. Цурганов. М., 2008.

С двух берегов. Русская литература XX века. В России и за рубежом / ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М., 2002.

Солоневич И.Л. XX век. Так что же было? Статьи 1940-х – 1950-х годов / сост. М.Б. Смолин. М., 2009.

Тэффи. Проза. Стихи. Пьесы. Воспоминания. Статьи. СПб., 1999.

Исследования

Бабичева М.Е. Писатели второй волны русской эмиграции: библиографические очерки. М., 2005.

Базанов П.Н. Периодические издания политических партий второй русской эмиграции // История журналистики Русского зарубежья XIX–XX веков. Материалы 2-й научной конф. [на ф-те журн. СПбГУ] / отв. ред. Г.В. Жирков. СПб., 1999. С. 7–11.

Волковский А.Л. Журналистика Русского зарубежья. 1950–2000 // А.Л. Волковский. Отечественная журналистика. 1950–2000: учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 1. М., 2006. С. 359–413.

Воронин И.П. И.Л. Солоневич — журналист, редактор, издатель // И.Л. Солоневич — идеолог народной монархии. СПб., 2004. С. 5–23.

Гавлин М., Нарский И. Тыркова (Тыркова-Вильямс) Ариадна Владимировна // Политические партии в России. Конец XIX — пер-

вая треть XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1996. С. 630–631.

Журнал «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958). Исследования и материалы. München, 2003.

Перхин В.В. И.А. Бунин в письмах корреспондентов Н.П. Смирнова (1959–1975) // В.В. Перхин. Русские литераторы в письмах (1905–1985). Исследования и материалы. СПб., 2004. С. 262–285.

Петрова Т.Г. Ренников Андрей Митрофанович // Литературная энциклопедия Русского зарубежья. Писатели Русского зарубежья / гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 1996. С. 336–337.

Рар Л., Оболенский В. Ранние годы. 1944–1948. Очерк истории НТС. М., 2003.

Российская эмиграция во Франции. Полицейский отчет 1948 года. «La colonie Russe de Paris» (Русская колония в Париже) // Диаспора. Новые материалы. VIII. Париж; СПб., 2007. С. 341–658.

Степанова Т.М. Поэзия и правда. Структура и поэтика публицистической прозы Б.К. Зайцева. М., 2003.

Тэффи в газете «Русские новости» // Тэффи и русский литературный процесс. М., 1999.

Шлычков Л.А. Газета «Русские новости» и ее авторы // Певец Золотого Плёса. Николай Павлович Смирнов. 1898–1978: сб. науч. ст., материалов и публикаций / сост. Л.А. Шлычков. Иваново. 1998. С. 43–51.

Biblioteken, Bücher und andere Medien in der Zeit des Kalten Krieges. Wiesbaden, 2005.

К пятой и шестой частям

Тексты

Из архива журнала «Континент» / Вст. заметки, публ. и коммент. Е. Скарлыгиной // Вопросы литературы. 2007. Март–апрель. С. 307–336.

Владимов Г.Н. Бремя свободы. Литературная критика и публицистика. М., 2005.

Довлатов С.Д. Марш одиноких. Holyoke, 1983.

Довлатов С.Д. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 1999, 2000.

Из архива журнала «Континент» / Вст. заметка, публ. и коммент. Е. Скарлыгиной // Вопросы литературы. 2007. Март–апрель. С. 307–336.

Максимов В.Е. Культура Русского зарубежья / Интервью с Т. Земсковой // Телевидение и радиовещание. 1990. № 5. С. 29–33.

Малоизвестный Довлатов. СПб., 1995.

Некрасов В.П. Записки зеваки. Эссе / авт. предисл. Е. Эткинд. М., 2003.

Писатель, диссидент, эмигрант, патриот [Беседа с В.Е. Максимовым] // Международная жизнь. 1992. № 1. С. 150–158.

Поремский В.Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции: избр. ст. 1934–1997. М., 1998.

Скарлыгина Е.Ю. Неподцензурная культура 1960–1980-х годов: учеб. пособие. М., 2002.

Солженицын А.И. Жить не по лжи. Рассказы. Публицистика. СПб., 2006.

Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль, 1995–1997.

Страницы русской зарубежной печати. Мюнхен; М., 1990.

Третья волна. Антология Русского зарубежья. М., 1991.

Шаховская З.А. О Русь, я связана с тобой... [Беседа] // Литературная Россия. 1989. 26 мая. С. 18–19.

Шаховская З.А. В поисках Набокова. Собачья смерть. Из Воспоминаний. Отражения. М., 1991.

Шаховская З.А. Мы — дети России // Книжное обозрение. 1990. 9 марта. С. 8–9.

Шаховская З.А. На мраморе руки...; По поводу двух писем [Статьи] // Наш современник. 1991. № 9. С. 183–186.

Шаховская З.А. О правде и свободе Солженицына; Новые русисты // Слово. 1990. № 3. С. 81–84.

Исследования

Аннинский Л.А. Крепости и цитадели Г. Владимова. М., 2001.

Бережной А.Ф. К истории современного русского зарубежья // А.Ф. Бережной. По страницам неисследованных изданий русской периодики. СПб., 1999.

Вне России: сб. науч. тр. о русских и русской культуре Молдовы. Кишинёв, 1997.

Волковский Н.Л. Журналистика Русского зарубежья. 1950–2000 // Н.Л. Волковский. Отечественная журналистика. 1950–2000: учеб. пособие: в 2 ч. СПб., 2006. Ч. 1. С. 359–413.

Вронская Д., Чугуев В. Кто есть кто в России и бывшем СССР: выдающиеся личности Советского Союза, России и эмиграции. М., 1994.

Глэд Дж. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М., 1991.

Горбаневская Наталья. «Показать, каким был журнал на самом деле...» / Беседу вела Е. Скарлыгина // Вопросы литературы. 2007. Март–апрель. С. 298–307.

Княгиня и «желтая пресса». Ответ газеты на письмо З. Шаховской // Книжное обозрение 1991. 16 августа. № 33. С. 5.

Крумлинг-Сухарев Б.А. Русские в Прибалтике: рубеж XXI века. СПб., 2001.

Кузнецов И.В. Возвращение на родину свершилось // И.В. Кузнецов. История отечественной журналистики (1917–2000). М., 2006. С. 593–602.

Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. Соц.-псих. анализ. М., 1997.

Литература «первой волны» в журналах после 1940 г. // Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940. Периодика и литературные центры / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М., 2000. С. 515–571.

Максимычева М.И. А.Ф. Лосев в «Новом журнале» (Нью-Йорк). Аннотированная библиография // Русская и зарубежная журналистика: аспирантский сб. / ред.-сост. В.В. Перхин. СПб., 1996. С. 31–34.

Перхин В.В. Коряков Михаил Михайлович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Н.Н. Скатова. М., 2005. Т. 2. С. 275–277.

Пугач А. В гостях у «Континента» // Юность. 1989. № 12. С. 80–84. Русский Нью-Йорк / сост. А.Н. Николюкин. М., 2002.

Скарлыгина Е. Журнал «спецхрана» [О «Континенте»] // Журналист. 2006. № 4. С. 62–63.

Скарлыгина Е.Ю. Газета «Русская мысль» и третья русская эмиграция // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2008. № 1. С. 121–18; № 2. С. 63–71.

Сухих И.Н. Сергей Довлатов. Время, место, судьба. СПб., 1996.

Фритнаман-Хрусталёва Н., Новиков А. Эмиграция и эмигранты. СПб., 1995.

Шнеерсон М. Блеск и нищета «Нового американца» // Вестник Online. 2002. № 10.

СПРАВОЧНИКИ

Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии, 1917–1944 гг.: библиографический справочник. Станфорд, 1990–1991. Ч. 1–4.

Абызов Ю., Равдин Б., Флейшман Л. Русская печать в Риге. Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford, 1997.

Александров Е.А. Русские в Северной Америке: биографический словарь. Хэмден, Сан-Франциско. СПб., 2005.

Алексеев А.Д. Литература русского Зарубежья. Книги 1917–1940: мат-лы к библиографии / отв. ред. К.Д. Муратова. СПб., 1993.

Батшев В.А. Писатели русской эмиграции: материалы к библиографии. Франкфурт-на-Майне, 2008.

Булгаков В.Ф. Словарь русских зарубежных писателей / ред. Г.В. Ванечкова. New York, 1993.

Бургина А. Социал-демократическая меньшевистская литература: библиогр. указ. Stanford, 1968.

Газеты русской эмиграции в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: библиогр. каталог / сост. Е.В. Макаревич. М., 1994.

Геринг А.А. Материалы для библиографии русской военной печати за рубежом. Париж, 1968.

Зернов Н.М. Русские писатели эмиграции: биогр. сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре, 1921–1972. Boston, 1973.

Журнал «Современные записки». Париж. 1920–1940. Указатели содержания / сост. А.Я. Лapidус. СПб., 2004.

Качаки И.Н. Библиография русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов, словенцев (Югославия), 1920–1945 гг. Арнхем, 1991.

Кодзис Б. Литературные центры русского зарубежья. 1918–1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. München, 2002.

Краткий путеводитель по бывшему спецхрану РГАЛИ (По состоянию на 1 окт. 1993) / ред.-сост. С.В. Шумихин. М.; Париж, 1994.

Литературы русского зарубежья возвращается на родину: Выборочный указ. публикаций 1986–1990 гг. М., 1993. Вып. 1. Ч. 1–2.

Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи. 1917–2001: в 6 т. М., 2003–2006.

«Новый журнал». Систематический указатель содержания. 1942–2000. № 1–219 / сост. Е. Коган. Ann Arbor, 2004.

Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918–1945: Библиография из каталога библиотеки Русского Зарубежного Исторического Архива / сост. С.П. Постников; под ред. С.Г. Блинова; introd. by E. Kasinec, R. Y. Davis. Т. 1–2. New York, 1993.

Политические деятели России. 1917: биографический словарь / гл. ред. П.В. Волобуев. М., 1993.

Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: в 4 т. / сост. Т.Г. Анохина и др. М., 2003–2004.

Русская эмиграция в Великобритании между двумя войнами: Наука и культура: библиографический указатель / отв. ред. Е.П. Сударинова. СПб., 2000.

Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1981–1995: сводный указатель статей. М., 2005.

Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке, 1920–1980 / сост. Т.Л. Гладкова и др. Париж, 1988.

Русское зарубежье. 1917–1991: каталог изданий из фонда библиотеки-архива / сост. Г.А. Толстых. М., 1992.

Русское зарубежье: каталог изданий, поступивших в Рос. нац. б-ку в 1991–1993 гг. / сост. Т.И. Андрианова и др. СПб., 1997.

Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция: в 4 т. / ред. Л.А. Мнухин. М.; Париж, 1995–1996. Т. 1–3; 2000. Т. 4.

Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 1993.

Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Ме-
жархивный путеводитель. М., 1997.

Штейн Э. Русская печать лагерей «ди-пи». [Orange]: Antiquary,
1993.

Bibliotheken, Bücher und andere Medien in der Zeit des kalten Krieg-
es. Wiesbaden, 2005.

Zinovijv A.A. Ich bin für mich selbst ein Staat. [Библиография].
1960–1986. Zürich, 1987.

Ossorguine-Bakounine T. L'émigration russe en Europe: Catalogue
collectif des periodiques en langue russe. 1855–1940. 2 ed. P., 1990.

Volkoff A.-M. L'emigration russe en Europe. Catalogue collectif des
periodoques en lang. russe. 1940–1979. Paris, 1981.

ВОСПОМИНАНИЯ

Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях. М., 1969.

Балтийский архив. Русские в Прибалтике. Т. 4. Материалы к истории. Материалы к общественной жизни. Литература и искусство. Мемуары / сост. Ю. Абызов. Рига, 1999.

Балтийский архив. Русские в Прибалтике. Т. 7. Печать и литература. Искусство и театр. Мемуары. Вильнюс, 2005.

Борман А.А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн. Вашингтон, 1964.

Вишняк М.В. «Современные записки». Воспоминания / предисл. Л. Аллена. СПб., 1993.

Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979.

Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология эмиграции: в 3 т. М., 2001.

Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991.

Зензинов В.М. Пережитое: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953.

Куликов Н.Г. Честь и достоинство русского имени. М., 1973.

Любимов Л. На чужбине. М., 1963.

Мейснер Д.И. Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966.

О чем не говорилось в сводках: Воспоминания участников Сопротивления. М., 1962.

Равич Н. Война без фронта. М., 1962.

Рачинская Е. Перелетные птицы. Воспоминания, посвященные Харбину и харбинцам. Сан-Франциско, 1982.

Русский Берлин. [Фрагменты воспоминаний русских беженцев и советских подданных] / сост. В.В. Сорокина. М., 2003.

Русский Париж. Мемуары, очерки, статьи, заметки / сост. Т.П. Буслакова. М., 1998.

Седых А. Далекое, близкие. М., 1995.

Синькевич К.Ф. Вне Родины. Мемуары. М.; Рыбинск, 2004.

Степанченко Д.И. Кубанец в Калифорнии. Записки журналиста. Краснодар, 1998.

Тыркова А.В. На путях к свободе. London, 1990.

Шаховская З.А. Таков мой век. М., 2006.

Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти. М., 1993.

Учебное издание

**ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ XX ВЕКА
Конец 1910-х — начало 1990-х годов**

Хрестоматия

Автор-составитель
Перхин Владимир Васильевич

Подписано в печать 18.05.2011. Формат 60×88/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 33,8. Уч.-изд. л. 16,9.

Тираж 2000 экз. Заказ . Изд. № 2336.

ООО «ФЛИНТА», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485, ул. Профсоюзная, д. 90.